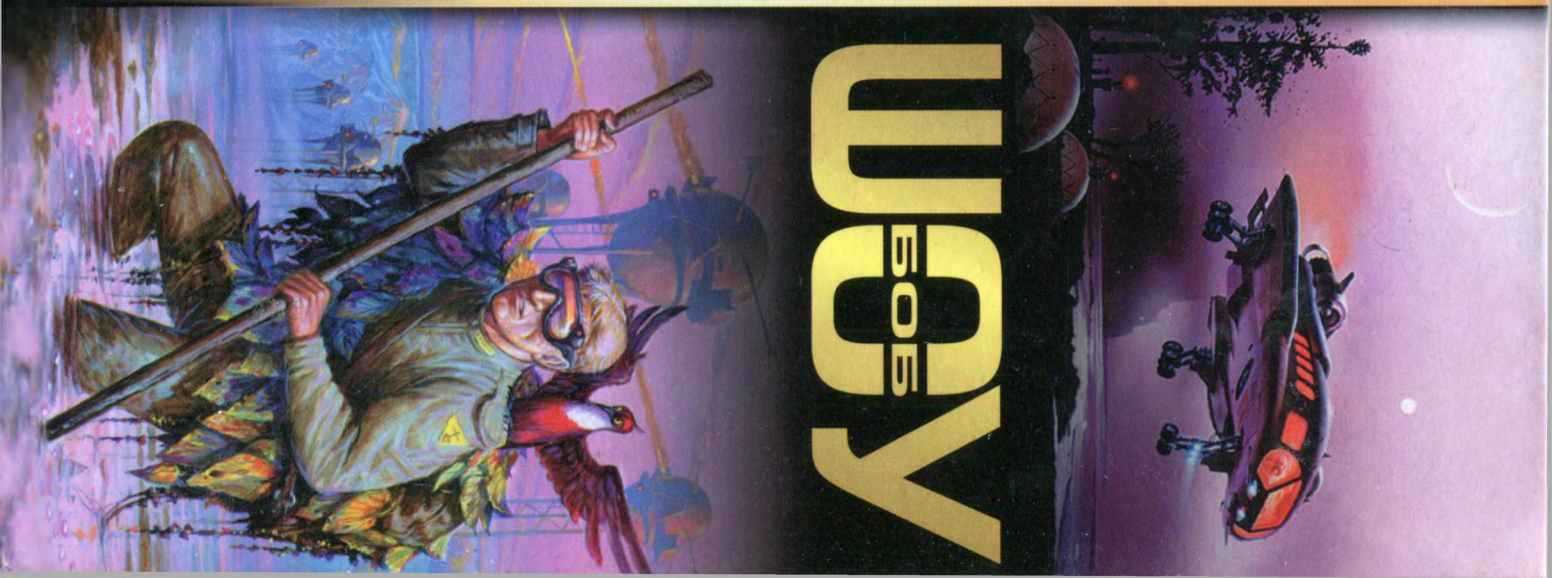
НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ



ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

BOB

SHAW

NIGHT WALK

THE TWO-TIMERS

GROUND-ZERO MAN

OTHER DAYS,
OTHER EYES

БОБ

ШОУ

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА В ДВУХ ЛИЦАХ...

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭПИЦЕНТР

СВЕТ БЫЛОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84.4 Вл
Ш81

Серия основана в 1999 году

Bob Shaw

NIGHT WALK
THE TWO-TIMERS
GROUND-ZERO MAN
OTHER DAYS, OTHER EYES

Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Художник А.Е. Дубовик

Шоу Б.
Ш81 Ночная прогулка. В двух лицах... Путешествие в эпицентр. Свет былого / Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 608 с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-005629-X

Боб Шоу (1931—1996) сказал о себе так: «Я... стараюсь сделать любую фантастику понятной и привычной. Главное — человек. Космос прекрасен, но только тогда, когда там, среди звезд и галактик, есть кто-то, способный им восхищаться».

Не потому ли Боб Шоу — яркий представитель «твердой» научной фантастики последних десятилетий, однако отнюдь не «суперзвезда» и не «основоположник жанра» — суть писатель, которого приятно читать не только любителям фантастики, но и любителям просто ХОРОШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Книги Боба Шоу — это фантастика умная, интересная и — обаятельная. А еще это — фантастика КЛАССИЧЕСКАЯ. Не зря же в популярной «Энциклопедии научной фантастики» о нем сказано так: «...Мало кто способен сравниться с ним в знании техники и понимании человеческого характера. Возможно, он не самый амбициозный писатель, но, безусловно, один из тех, кто способен доставить наибольшее удовольствие при чтении».

Не верите? Прочитайте — и убедитесь сами.

© ООО «Издательство АСТ», 2001

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

© 1967 Bob Shaw
Перевод на русский язык © 1993 А. Коротков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зимняя ночь, холодная и ветреная, накрыла Нью-Виттенбург, тяжело придавила к земле промерзшие улицы, покрыла неровными полосами инея бетонную пустыню космопорта.

Опершись о подоконник, Теллон выглянул из окна своего гостиничного номера. Чем же заполнить долгие ночные часы? Он стал думать о Земле, летящей за восьмьюдесятью тысячами ворот, но тоска не проходила. Несколько часов он продремал на скомканной неразобранной постели, и за это время мир, казалось, вымер. Отель словно обезлюдел.

Он закурил сигарету; легкая струйка дыма побежала по оконному стеклу. На внутренней поверхности стекла появились маленькие кружочки — пар сконденсировался напротив капелек, покрывавших окно снаружи. «Придут за мной или нет?» Этот вопрос мучил его уже неделю с той непредвиденной встречи.

В нормальных условиях у него были бы неплохие шансы на успех, но на сей раз Теллону многое не нравилось. Он глубоко затянулся едким дымом; сигарета слегка затрещала. То, что у Мак-Налти как раз сейчас случился сердечный приступ, — самое форменное невезение; но это и недочет кого-то из Блока. Что же они такое делают, черт бы их побрал, — посылают человека на задание, не удос-

товерившись, что с его здоровьем все в порядке. После приступа Мак-Налти запаниковал и в нарушение правил связался с Теллоном, да так неуклюже, что Теллон не мог без дрожи вспоминать об этом. Он раздавил окурок каблуком и поклялся, что, когда он вернется в Блок, кое-кто заплатит за эту ошибку. Если, конечно, он вернется в Блок.

Усилием воли он заставил себя отказаться от второй сигареты. Номер, в котором он жил, за неделю, казалось, съежился. Гостиницы на Эмм-Лютере — хуже некуда. Ни уюта, ни комфорта. В номере стояла только кровать с грязной спинкой и еще кое-какая порядком обшарпанная мебель, но стоил он недешево. Струя теплого воздуха из вентиляционного отверстия уныло колыхала паутину. Стены были какого-то канцелярского зеленого цвета — цвета отчаяния.

Зашипев от охватившего его приступа брезгливости, Теллон вернулся к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Глядя на мигающие огни чужого города, он подумал, что здешняя повышенная гравитация заметно повлияла на архитектуру башен и шпилей — лишнее напоминание, что он далеко от дома.

Восемьдесят тысяч ворот отделяют эту планету от Земли — бесчисленные миллионы световых лет; сквозь многослойный занавес созвездий нельзя даже разглядеть в небе то рассеянное звездное скопление, в котором находится Солнце. Слишком далеко. Слишком. На таких расстояниях узы верности присяге превращаются в тонюсенькие нити. Земля, потребность в новых воротах, Блок — что все это значит здесь?

Неожиданно Теллон понял, что голоден. Он включил свет и оглядел себя в единственном на весь номер зеркале. Его прямые черные волосы слегка растрепались. Длинное, серьезное лицо — такое лицо может быть у бухгалтера или у джазмена с уклоном в теорию — уже слегка заросло щетиной, но Теллон решил, что это вряд ли привлечет внимание. При мысли о еде он по-детски обрадовался. Причесавшись и выключив свет, он распахнул дверь.

Теллон уже выходил из комнаты, когда впервые ощутил опасность. В отеле было тихо. И тут он сообразил,

что за все время, пока он стоял у окна, внизу по обычно шумной улице не проехала ни одна машина.

Засопев от испуга, Теллон потер верхнюю губу тыльной стороной ладони, вернулся в комнату и приоткрыл окно. Вместе с холодным воздухом в комнату ворвался неровный гул городского транспорта; но здесь улица была совершенно пуста. «Интересно, могут они пойти на такие хлопоты?» Он задумчиво нахмурился, скривив рот, а потом понял, что, разыгрывая сомнения, сам себя обманывает. Насколько он помнил, они способны изолировать весь город, весь континент, всю свою планету Эмм-Лютер.

«И это все происходит со мной, — подумал он, но тут страх отступил, и его захлестнуло раздражение. — Почему все так старательно придерживаются правил? Почему, если кто-то из твоих соратников совершает ошибку, кто-то из твоих противников крошит тебя за это на мелкие кусочки? Вот он — Сэм Теллон — центр мироздания... Неужели нельзя сделать исключение хотя бы для него?»

Действуя с лихорадочной быстротой, он запер дверь и выволок из шкафа чемодан. Оставалось еще одно дело, и сделать его надо было в первую очередь. При мысли о том, чем грозит малейшая заминка, у него закололо во лбу. Он достал из чемодана свой старомодный радиоприемник, вынул батарейку и подошел к зеркалу. Слегка наклонив голову, Теллон принялся зачесывать на пробор волосы с левого виска, пока не обнажились две серебряные пряди.

Он поднес батарейку ко лбу и после минутного колебания прижал блестящие пряди к клеммам.

С затуманившимся от боли взглядом, слегка пошатываясь, Теллон медленно и отчетливо повторил вслух информацию. Чтобы произнести четыре группы цифр, ему понадобилось лишь несколько секунд. Закончив, он перевернул батарейку и, помешкав несколько дольше, чем в первый раз, снова подключил ее к прядям. На этот раз было по-настоящему больно — вживленная в его мозг капсула размером с горошину захлопнулась, спрятав в себе кусочек живой ткани.

Он вставил батарейку в приемник, потом нащупал металлические волоски и вырвал их с корнем. Теллон криво

усмехнулся — все оказалось легче, чем он предполагал. Лютеране обычно старались не убивать людей — отчасти потому, что такова была официальная идеология правительства, но в основном из-за того, что их познания в области гипноза делали казнь ненужной. Если его схватят, то первым делом промоют ему мозги, чтобы стереть все, что он узнал. Но сейчас номер не пройдет. Даже если его убьют, Блок отыщет какого-нибудь опечаленного родственника, который попросит вернуть его тело на Землю. Кусочек мозга размером с горошину, покоящийся в искусно изготовленной капсуле, будет еще жив. Блок сможет извлечь из него все, что нужно.

«А не случится ли так, — безучастно подумал Теллон, — что, несмотря на все их заверения, какая-то часть моей личности — крохотный испуганный призрак — останется в той темной каморке и завопит от боли, когда в меня начнут вслепую тыкать электродами? Я становлюсь законченным пессимистом, — решил он. Это, видимо, профессиональная болезнь. С чего я взял, что меня убьют?»

Он вынул из кармана плоский скорострельный пистолет и взвесил его на ладони. Блок рассчитывает, что он воспользуется этим оружием, хотя Земля и Эмм-Лютер официально не находятся в состоянии войны. Когда ему в голову вживили капсулу, к его обязанностям прибавился еще один, нигде не записанный и никем не оговоренный пункт. Поскольку, независимо от того, жив он или мертв, информация крепко-накрепко заперта в его мозгу, Блок предпочтет, чтобы Сэм Теллон был убит и отправлен на родину. Только бы его не упрятали в тюрьму, откуда его уже не вытащишь. На существование этого пункта никто даже не намекал. После таких намеков он немедленно отказался бы от задания; но все же этот пункт был. А лучший способ спровоцировать собственное убийство — начать стрелять в агентов ЭЛСБ. Теллон разрядил пистолет, швырнул его в ящик стола, а обойму — в мусорную корзину.

Записанные в его памяти цепочки цифр представляли собой координаты новых ворот, азимут и дифференциал прыжка. Слепой галактический случай подарил эти дан-

ные планете Эмм-Лютер, обойдя удачей Землю. А за ними скрывалась новая планета земного типа, ни больше ни меньше. Он, Сэм Теллон, обладал, возможно, самой важной тайной Вселенной. Но он не собирался умирать за эту тайну; он вообще ни за кого и ни за что не собирался умирать. Его долг перед Блоком сводился к тому, чтобы, если получится, попытаться бежать. Он закурил новую сигарету и присел на край кровати.

Где-то в Нью-Виттенбурге живет специалист, чьи имя и адрес Теллону неизвестны. Специалист свяжется с ним, когда минует опасность. Его задача — прописать Теллону курс лекарств, физических и психосоматических воздействий, благодаря которым внешность его изменится настолько, что он сможет пройти контроль в космопорте. Станет другим цвет его кожи, волос, глаз, исказится рисунок на кончиках пальцев; даже форма черепа изменится благодаря химическим препаратам, заставляющим мускулы и соединительные ткани сокращаться.

Теллон никогда раньше не подвергался такому воздействию и ждал его без особого энтузиазма, но это все же лучше, чем гнить в лютеранской тюрьме. Если он сумеет выбраться из отеля, тот специалист найдет его. Проблема, стало быть, в том, как выбраться.

Он глубоко затянулся сигаретой, слегка поперхнулся и снова вдохнул табачный дым. От избытка никотина закружилась голова. Он откинулся назад, опершись локтями о постель, и попытался объективно оценить положение.

Будь он полностью экипирован, комнату можно было бы покинуть шестью разными способами: через дверь, через окно, через обе боковые стены, через пол или потолок, — но из-за Мак-Налти ему пришлось уехать без багажа. Однако в ЭЛСБ об этом не знали и потому не пожалели сил, чтобы обложить его со всех сторон. Он догадывался, что в эту минуту они держат под контролем улицу, коридор, соседние комнаты и комнату над ним.

Если не считать бесполезного сейчас пистолета, у него есть только пара толчковых ботинок, находящихся в весьма сомнительном состоянии. И если его действительно ок-

ружили враги, если все это — не плод его воспаленного воображения, ситуация безвыходная. Единственное, что сулило хоть какую-то надежду, — просто как можно спокойнее выйти и двинуться к ресторану, как он сперва и собирался сделать. Окно в конце коридора выходило на другую улицу. Если он туда доберется, это будет хоть маленький, но шанс.

Но на этот раз дверь в коридор не открылась. Теллон яростно крутанул ручку и изо всех сил дернул дверь на себя, но потом вспомнил, о чем его предупреждали в Блоке: несколько часов после инициирования мозговой капсулы нельзя напрягаться. Он расслабился и попятился от двери, словно опасаясь в глубине души, что его тело вот-вот разлетится на куски. Он был в ловушке. Оставался только один вопрос: кто именно из троих руководителей ЭЛСБ возглавляет операцию. Суровый теократический режим Эмм-Лютера запрещал прямое уничтожение противников режима, что заставило каждого из шефов ЭЛСБ выработать свою особую манеру обращения с задержанными. В мозгу Теллона словно заработал магнитофон. В памяти сами собой всплывали сведения о том, что наверняка произойдет с ним «случайно, при сопротивлении аресту».

Крюгер обычно обездвиживал своих пленников, перерезая им ахилловы сухожилия; Черкасский так накачивал их психотропными средствами, что они навеки забывали, что такое спокойный сон. Третьим был Зепперитц. Рядом с ним те двое выглядели просто гуманистами.

Внезапно потрясенный глубиной собственного идиотизма, благодаря которому он позволил втянуть себя в эти шпионские затеи, Теллон вытащил на середину комнаты кресло, уселся, сцепив руки за спиной — этакий аккуратный, неподвижный узелок, — и стал ждать. Как участник политической игры он уничтожен. Уничтожение его началось давно, когда он впервые смотрел в ночное небо Эмм-Лютера, не находя там ни одного знакомого созвездия. И вот оно завершилось.

Он озяб и чувствовал себя разбитым. Его мучили предчувствия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Между Эмм-Лютером и Землей примерно восемьдесят тысяч ворот. Чтобы вернуться домой, нужно миновать их все, как бы вам ни было страшно, как бы остро вы ни чувствовали, что душа отделяется от тела во время этих погружений в космические глубины.

Достигнув первых ворот, ваш корабль дней пять лавирует, чтобы скомпенсировать инерцию вращения Галактики. Сейчас ворота относительно недалеко от Эмм-Лютера, но они удаляются от планеты со скоростью около четырех миль в секунду. Это происходит потому, что Эмм-Лютер и его солнце плывут по галактическому течению, а воображаемая сфера ворот привязана к определенной точке неподвижного нуль-пространства.

Если на вашем корабле хорошее астронавигационное оборудование, он может войти в ворота, не сбрасывая скорости; но если компьютер, управляющий кораблем, «засомневается», точно ли определены координаты, он может маневрировать несколько дней подряд, чтобы сбросить скорость и занять нужное положение. Компьютер знает — и вы, обливаясь потом в своей противоперегрузочной камере, тоже знаете, — что если корабль в момент прыжка не сориентирован должным образом, вам никогда больше не придется дышать густым и нежным воздухом Земли. Об этом позаботится непостижимая геометрия нуль-пространства.

И вот с ледяной испариной на лбу, с пересохшим горлом вы ждете, когда щелкнет реле, и молитесь, чтобы какой-нибудь безумный случай не отбросил вас от дома на бессчетные, безнадежные световые годы. Ничего не поделаешь, так уж устроен человек.

Нуль-пространство непостижимо, но это не значит, что оно иррационально. Если все приборы — все эти стеклянные и железные штучки в чреве вашего корабля — работают безукоризненно, вы можете совершить хоть миллион прыжков через нуль-пространство из точки А в точку Б, не промахнувшись ни на миллиметр. Трудности возникают из-за того, что нуль-пространство анизотропно. Когда

вы достигли Б, такой же прыжок в противоположном направлении не вернет вас в А; строго говоря, он приведет вас в любую случайную точку Вселенной, за исключением А. Если такое однажды случится, все, что вам останется, — это совершать вслепую прыжок за прыжком. Если вы будете заниматься этим достаточно долго и вам повезет, вы можете вынырнуть рядом с какой-нибудь подходящей для жизни планетой. Впрочем, вероятность этого крайне невелика.

За первые сто лет межзвездных исследований только Земля выслала в космос около сорока миллионов автоматических зондов. Вернуться смогли неполных две сотни, из которых ровно восемь нашли пригодные для освоения планетные системы. Из десятков пилотируемых кораблей, случайно совершивших «слепой» прыжок, не вернулось ни одного — во всяком случае, на Землю. Возможно, некоторые из них еще летят, а потомки первых экипажей все еще живы. И только равнодушные звезды видят, как судьба гонит этих космических Летучих Голландцев все дальше и дальше, за границы известного. Те восемь зондов-счастливчиков проложили извилистые торговые пути, и все последующие годы корабли с людьми на борту старались не отклоняться от них ни на йоту. Это еще одна особенность путешествий в нуль-пространстве, которая не дает вам покоя, пока вы ждете, когда сработает реле. Хотя она логически вытекает из анизотропии нуль-пространства, несколько пионеров космоса узнали на собственной шкуре, что прыжок из точки вблизи от А не приведет вас в соответствующую точку около Б. Если вы отклонитесь от установленного отправного пункта прыжка — так называемых ворот — больше, чем на две световые секунды, то отправитесь в слепое странствие по обратной стороне вечности.

Вот почему в эти бесконечные последние секунды, плавая в противоперегрузочной камере и дыша провонявшим резиной воздухом, вы обливаетесь потом и молитесь Богу.

И вот почему планета Эмм-Лютер, бывшая колония Земли, добившаяся независимости, так ревностно оберегала несколько цепочек цифр, которые сейчас были заперты в

мозгу Сэма Теллона. На Эмм-Лютере был только один континент, поэтому планета нуждалась в жизненном пространстве и стремилась расширить его не менее жадно, чем Земля. И вот Эмм-Лютеру неслыханно повезло — зонд обнаружил зеленую планету на расстоянии всего лишь около четырехсот ворот в одну сторону и меньше двух тысяч — в другую.

Эмм-Лютеру нужно было время, чтобы закрепиться там прежде, чем огромные корабли — всепобеждающее семя бесконечной земной экспансии — устремятся в это новое плодородное лоно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ждать Теллону пришлось недолго. Он понял, что атака началась, когда вдруг осознал, что танцует с Майрой, девушкой, умершей на Земле двадцать лет назад.

«Нет, — прошептал он. — Я не хочу этого». Но она была здесь, в его объятиях, и они медленно кружились в многоцветном сумраке дансинга «Звездная пыль». Он попытался вновь ощутить себя здесь, в обшарпанном гостиничном номере на Эмм-Лютере, почувствовать под собой жесткое сиденье кресла. Впрочем, что толку в таких попытках? Ведь это все равно ждет его где-то в далеком будущем.

Внезапно он стал гораздо моложе. Он еще писал свой диплом по электронике. И сейчас он обнимал Майру. ВСЕ ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ. Он упоенно впитывал ее облик, любовался густой копной каштановых волос, ее глазами цвета виски. Они медленно, с наслаждением двигались под звуки музыки, и Майра, как всегда, чуть-чуть отставала от такта. «Ну, танцевать она никогда толком не умела, — с нежностью подумал он, — но ведь впереди уйма времени, чтобы научиться, после того, как они поженятся». А сейчас достаточно просто скользить сквозь

облака серого дыма и переливающийся звездными огоньками сумрак.

Дансинг медленно растворился в воздухе. Он уже в другом месте и в другом времени. Он сидит в уютном старом баре в Беркли и ждет ее. Оранжевые блики играют на роскошных панелях темного дерева, которыми облицованы стены. Она что-то уж слишком запаздывает. Он злится. Она ведь знает, где он ждет ее, так что если уж не захотела прийти на свидание, могла бы и позвонить. Похоже, она чересчур разбаловалась, слишком многое стала принимать как должное и теперь думает, что он попрется за тридевять земель к ней домой выяснить, что случилось. Ну что ж, он ее проучит. И он начал пить — решительно, мстительно, а страх все разрастался, как темное пятно, хоть он и отчаянно пытался остановить его.

Следующее утро. Дремотная тишина метрологической лаборатории. Разостланная на прожженном сигаретами столе газета, и — невероятно! — на матовой пластиковой странице лицо Майры. Ее отец — печальный, вечно бормочущий что-то под нос великан (много лет назад мать Майры бросила его) — задушил Майру подушкой, а потом вскрыл себе вены портативной циркулярной пилой.

Цвета расплываются в глазах, горе, как морской прилив, заливает душу. И снова музыка, они танцуют; но на этот раз Майра куда сильнее отстает от медленного ритма. И вся она обмякшая, тяжелая. Он поддерживает ее, не дает упасть; ее дыхание клокочет у самого его уха...

Теллон, вскрикнув, сжал засаленные подлокотники кресла.

— Ну что, очнулся? — произнес чей-то голос.

— Надо же, какой романтичный мальчик! А по виду не скажешь, — тихо рассмеялся кто-то другой.

Теллон открыл глаза. В комнате было полно людей в серых габардиновых мундирах гражданской службы безопасности ЭЛСБ. Вооружены они были легко: преимущественно многоствольными, похожими на веера «шершнями», хотя он заметил и обычные пистолеты. Лица веселые и довольные, у некоторых на щеках еще виднелись тонкие

розовые полоски — следы масок, защищавших их от психотропного газа.

При каждом вдохе его начинало тошнить, и желудок выворачивало наизнанку. Но физическая дурнота была пустяком в сравнении с эмоциональным потрясением. Его все еще колотило; это был нервный шок и одновременно нестерпимое чувство, что над ним надругались — схватили, вскрыли и распяли на анатомическом столе, как подопытное животное. Майра, любимая... Прости меня. А вы, выродки, вы — ухмыляющиеся, омерзительные...

На миг он напрягся, уже готовый броситься вперед, но тут же понял — как раз на это они и рассчитывают. Вот почему они использовали вместо обычного паралитического газа аналог ЛСД. Теллон заставил себя расслабиться; он способен выдержать все, что готовят ему Крюгер, Черкасский, Зепперитц, и он это докажет. Он будет жить. Он сумеет уцелеть и сохранить рассудок — хотя бы для того, чтобы прочесть все книги в их тюремной библиотеке.

— Очень хорошо, Теллон, — произнес кто-то. — В вашем деле всегда так важно сохранять самообладание. — Говорящий вышел вперед, и теперь Теллон мог видеть его. Это был высохший, узколицый человек в черном кителе с высоким жестким воротником — такую форму на Эмм-Лютере носили государственные чиновники. Теллон узнал это худое лицо, эту шею с вертикальными складками и нелепо-пышные волнистые волосы: Лорин Черкасский — второй человек в службе безопасности. Теллон невозмутимо кивнул:

— Добрый вечер. Я как раз думал...

— Молчать! — прервал его плечистый блондин с сержантскими нашивками.

— Все в порядке, сержант. — Черкасский сделал молодому человеку знак отойти в сторону. — Раз у мистера Теллона появилась охота с нами пооткровенничать — не следует ее отбивать. Полагаю, в самое ближайшее время он поведает нам немало интересного.

— Разумеется, я буду рад рассказать вам все, что знаю, — быстро отозвался Теллон. — Какой мне смысл молчать?

— Совершенно верно, никакого. — Голос Черкасского сорвался на истерический визг, и Теллон вспомнил, что этот коротышка пользовался печальной славой человека не вполне вменяемого. — Я рад, что вы так на это смотрите. Ну что ж, мистер Теллон, может быть, на один вопрос вы ответите прямо сейчас?

— Что? А... да-да, конечно.

Черкасский прошествовал к комоду — при каждом шаге его голова на длинной шее дергалась — и вытащил разряженный автоматический пистолет.

— Где патроны к этому оружию?

— Вон там. Я выбросил их в мусорную корзину.

— Понятно, — сказал Черкасский, нагнувшись за обоймой. — Вы их спрятали в мусорной корзине.

Теллон беспокойно заерзал в кресле. Они вели себя настолько по-детски, что это казалось неправдоподобным.

— Я выбросил их в мусорную корзину. Я не хотел держать их при себе. Я не хотел никаких неприятностей. — Он старался, чтобы его голос звучал тихо и ровно.

Черкасский сочувственно кивнул:

— На вашем месте я сказал бы то же самое. Да, лучше, пожалуй, не придумаешь. — Он вставил обойму в пистолет и передал его сержанту: — Смотрите, сержант, не потеряйте эту штуку. Это вещественное доказательство.

Теллон хотел было возразить, но тут же осекся. Сама манера наивно, по-детски допрашивать была важным элементом тактики. Ничто так не уязвляет и не сбивает с толку, как необходимость вести себя по-взрослому, когда все вокруг строят из себя злобных детей. Но он решил держаться до конца.

Последовала долгая пауза, в продолжение которой Черкасский не сводил с него глаз. Теллон сидел почти неподвижно, пытаясь обуздать случайные вспышки воспоминаний. Вот Майра — она еще жива. Бледная кожа, глаза цвета виски... Край кресла больно врезался ему в ноги. Интересно, если он шевельнется, что за этим последует — залп «шершня»? На большинстве планет власти считали это оружие гуманным, но Теллон однажды получил заряд

крошечных, заряженных наркотиками иголок. В результате — паралич и полчаса мучительной боли.

А молчание все тянулось, тянулось, и никто, похоже, не собирался уводить его из отеля. Теллон начал волноваться. Он обвел взглядом комнату, пытаясь понять, в чем дело, но лица агентов оставались профессионально бесстрастными. Черкасский, блаженно улыбаясь, разгуливал по комнате, но вздрагивал и отшатывался назад, когда встречался глазами с Теллоном.

Теллон поймал себя на необычном ощущении — кожа на лбу и щеках стала ледяной, а временами во все поры точно вонзались маленькие булавочки. «Мое образование завершено, — подумал он. — Меня впервые прошиб холодный пот».

Через несколько секунд дверь распахнулась и вошел человек в форме с тяжелой коробкой из серого металла в руках. Он поставил ее на стул, мельком покосился на Теллона и вышел. Черкасский щелкнул пальцами, и блондин-сержант открыл коробку, где обнаружился пульт управления и провода, намотанные на пластиковые катушки. В неглубоком желобе, как дешевые побрякушки, блестели десять круглых электродов мозгомойки.

— Ну-с, Теллон, пора кое-что и забыть, — напудренное лицо Черкасского приняло деловое выражение.

— Прямо здесь? В отеле?

— Почему бы и нет? Чем дольше вы держите информацию в голове, тем больше у вас шансов передать ее кому-то еще.

— Но для того чтобы изолировать какой-то определенный мыслеблок, нужен опытный психолог, — запротестовал Теллон. — Вы можете стереть целые области моей памяти, ничего общего не имеющие с... — Он умолк, увидев, что голова Черкасского самодовольно закачалась на индюшачьей шее. Теллон мысленно обругал себя. Он собирался вытерпеть все, что им заблагорассудится над ним сделать, а сам уже разнылся, хотя к нему пока даже не прикоснулись. Вот и конец короткой и блистательной карьеры несгибаемого Сэма Теллона. Он поджал губы и уставился прямо перед собой. Тем временем Черкасский раз-

мещал на его голове электроды, соединенные проводами с коробкой. Сержант сделал знак, и глухая стена серых мундиров отступила в коридор — комната внезапно стала больше и холоднее. В тусклом свете на вентиляционной решетке по-прежнему бессмысленно колыхалась одинокая паутина.

Черкасский стоял позади стула, на котором покоилась серая коробка, немного пригнувшись, чтобы удобнее было крутить верньеры. Скользнув взглядом по циферблатам, он распрямился и посмотрел Теллону в лицо.

— Кстати, Теллон, у вас ненормально низкое сопротивление. Возможно, вы легко потеете — это всегда понижает сопротивление кожи. Вы что, всегда такой мокрый? — Черкасский брезгливо сморщил нос, а сержант тихо хихикнул.

Теллон хмуро взглянул в окно за его спиной. Пока в комнате было полно народу, оно запотело, и немногочисленные городские огни теперь походили на шары из раскрашенного хлопка. Ему вдруг страшно захотелось выйти на улицу, вдохнуть воздух холодной звездной ночи. Майра тоже любила гулять морозными вечерами.

— Мистер Теллон настаивает, чтобы мы не тратили время зря, — строго произнес Черкасский. — Разумеется, он прав. За работу. Теперь, Теллон, чтобы избежать каких-либо недоразумений с вашей или же с нашей стороны, давайте уточним. Итак, вы находитесь в вашем нынешнем тягостном положении потому, что, будучи агентом разведки, случайно получили данные о координатах ворот, дифференциале и азимуте прыжка на планету Эйч-Мюленбург, которая является суверенной территорией правительства Эмм-Лютера. Информация была передана вам, а вы ее запомнили. Верно?

Теллон послушно кивнул. «Интересно, мозгомойка — такая же гадость, как капсула?»

Черкасский взял в руки пульт дистанционного управления и положил большой палец на красную кнопку. Теллон вдруг сообразил, что инструмент, которым его собирались обработать, — это стандартная модель, которой пользуются не слишком уважаемые психиатры. Он задумался над тем, разрешено ли им, собственно, подвергать

его такой обработке? На Эмм-Лютере, с его единственным континентом, управляемым единым всемирным правительством, никогда не было необходимости создавать огромные, сложные системы разведки и контрразведки наподобие тех, что пока еще процветали на Земле. По этой причине трое руководителей лютеранской службы безопасности имели почти полную свободу действий, по крайней мере не меньшую, чем человек, нанятый по контракту на государственную службу. Правда, они были подотчетны Гражданскому Арбитру — так именовался президент планеты. Вопрос состоял в том, насколько далеко может зайти самоуправство таких людей, как Черкасский.

— Итак, — сказал Черкасский, — теперь вам следует сосредоточиться на нужной информации. Постарайтесь сделать это чисто и аккуратно. И не пытайтесь нас одурачить, подумав о чем-то другом, — мы все проверим. Когда начнем стирать — подниму руку. Это будет секунд через пять.

Теллон постарался выстроить в памяти цепочки цифр и вдруг отчаянно испугался забыть собственное имя. Рука Черкасского сделала предупреждающий жест. Теллон пытался побороть ужас, ибо, хотя в Блоке он специально тренировал память, цифры отказывались следовать друг за другом в должном порядке. А потом... потом ничего. Числа, которые подарили бы Земле целый новый мир, исчезли. Без боли, без звука, безо всякого ощущения того, что жизненно важный кусочек знания больше не принадлежит ему. Предчувствие боли поблекло, и Теллон немного расслабился.

— Не так уж страшно это, правда? — Черкасский пригладил свою густую шевелюру, которая, казалось, росла столь буйно, потому что паразитировала на тщедушном, высохшем теле своего хозяина. — Говорят, это совершенно безболезненно.

— Я ничего не почувствовал, — признался Теллон.

— Но информация стерта?

— Да. Ее больше нет.

— Поразительно! — Черкасский заговорил обычным тоном. — Я никогда не устаю поражаться возможностям этой

чудо-коробочки. Знаете, она делает библиотеки совершенно ненужными. Все, что надо, — это найти одну-единственную книгу, которая тебе действительно нравится, а потом до конца дней своих читать ее и стирать, читать и стирать.

— Превосходная идея, — подозрительно сказал Теллон. — А теперь можно я сниму эту штуку?

— Пока господин Черкасский не позволит — не вздумайте даже пальцем шевельнуть. — Белокурый сержант ткнул Теллона в плечо своим «шершнем».

— К чему такие строгости. В конце концов, он же пошел нам навстречу. И был весьма откровенен. Вы только поглядите, сколько он нам всего порассказал о той девушке, с которой был знаком на Земле. Мужчины о таких вещах обычно не распространяются. Так как ее звали, Теллон? А, да-да, припоминаю, Мэри.

— Майра, — машинально поправил Теллон и увидел, как лицо сержанта расплылось в ухмылке.

Палец Черкасского надавил на красную кнопку.

Теллон уставился в его худое, странно торжествующее лицо, и его охватило непреодолимое чувство, что его обокрали. Что-то, какая-то частичка Теллона исчезла. Но что это было? Он попытался пошарить в своей голове, заглянуть в самые темные уголки памяти. Ничего, только медленно угасающее чувство потери.

И тогда его захлестнул гнев, чистый и праведный. Он выжег страх и здравый смысл, и Теллон был благодарен ему за это.

— Вы дерьмо, Черкасский, — сказал он спокойно. — Вы подонок.

Рыло «шершня» злобно уперлось ему в плечо, и одновременно он увидел, что Черкасский снова потянулся к кнопке. Пока не замкнулся контакт, Теллон попытался выбросить на передний край сознания что-нибудь ненужное. «Морская звезда принадлежит к отряду...» Пустота!

Черкасский попятился от Теллона, скривив губы и держа палец на кнопке. «Это может продолжаться всю ночь, — подумал Теллон. — До утра я не доживу, потому что Сэм

Теллон — это все, что он пережил и запечатлел в памяти, а Черкасский собирается вычистить ее до донышка».

— Давай, Лори, — сказал сержант. — Врежь ему еще раз. Жми.

— Конечно, сержант, конечно, но все надо делать по системе. — Черкасский приблизился к окну, до предела натянув кабель управления. «От окна до мостовой — семь этажей, — вспомнил Теллон. — Не очень высоко, но сойдет».

Он рванулся вперед. Внезапно обострившийся слух четко различил стук упавшего кресла, хруст костей, когда его голова врезалась Черкасскому в лицо, злобный вой «шершня», звон разбитого стекла... а затем они полетели сквозь холодный черный воздух, а внизу расцветали уличные фонари.

Черкасский завопил, и Теллон почувствовал, как его тело напряглось. Он попытался принять вертикальное положение, но здешняя высокая гравитация оставляла на это слишком мало времени. Он выпустил Черкасского, но тот клещом вцепился в Теллона. Застонав от страха, Теллон изогнулся, чтобы падать ногами вниз. Толчковые ботинки, автоматически включившиеся вблизи земли, заработали в полную силу. Когда колени Теллона согнулись от торможения, он почувствовал, что хватка Черкасского ослабевает, и коротышка полетел вниз, извиваясь, как рыба на крючке. Теллон услышал, как его тело с шумом ударилось о тротуар.

Он приземлился на бетон рядом со съежившимся телом Черкасского — вплоть до самого приземления тормозящая сила антигравитационных подметок увеличивалась обратно пропорционально квадрату высоты. Черкасский был еще жив; эта часть плана не удалась. Теллон повернулся, собираясь бежать, но тут обнаружил, что с головы у него все еще свисают провода мозгомойки.

Срывая электроды, он заметил, что в дверях торгового центра на той стороне пустынной улицы мелькнули серые мундиры. На обоих концах квартала заверещали свистки. Секунду спустя он услышал, как завыли «шершни», выпустив облако стрел-иголок, а потом раздалось отчетливое «тик-ток-ток»: стрелы пришпиливали одежду к телу.

Теллон пошатнулся и беспомощно осел на землю.

Он лежал на спине — парализованный и странно спокойный. Элэсбэшники все еще рьяно палили из своих «шершней», но попасть в него, лежащего, было уже трудно. Стрелы, пущенные горизонтально, пролетали мимо. Рисунок созвездий был незнаком, но все равно, глядя на звезды, Теллон испытывал облегчение. Там, наверху, были другие люди, которые могли отправиться куда угодно, если у них хватало духу вынести путешествие сквозь цепочку ворот — страшное путешествие, когда душа твоя вытягивается в тонкую ниточку, оплетающую всю Вселенную. Сэм Теллон больше не сможет участвовать в этих жутких полетах, но до тех пор, пока он еще смотрит в ночное небо, он никогда до конца не станет пленником.

«Шершни» замолчали как-то сразу. Теллон ожидал, что вот-вот раздастся топот бегущих ног, но вместо этого неожиданно услышал близкие шаги. И перед ним появился человек. Как ни странно, это был Черкасский. Его лицо напоминало сейчас маску африканского колдуна: кожа ободрана, всюду запекшаяся кровь, одна рука безвольно свисает вдоль тела. Преодолевая боль, он вытянул вперед здоровую руку, и Теллон увидел в ней «шершень».

— Никто, — шептал Черкасский, — ни один человек...

Он выстрелил в упор.

«Шершень» считался гуманным оружием и обычно не причинял серьезных увечий, но Черкасский был профессионалом. Теллон, совершенно парализованный наркотиками, был не в силах даже моргнуть, когда стрелы злобно вонзились в его глаза, навсегда украв у него свет, красоту и звезды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Теллон не чувствовал боли: она приходит потом, когда организм начинает перерабатывать парализующее вещество.

Поначалу он даже не понял, что произошло, ибо темнота наступила не сразу. Сперва все перекосилось — и дрожащее дуло пистолета, и сам Черкасский. А потом мир наполнился бесформенной массой света: вспышки, плывущие цветные узоры, аметистовые и розовые контуры сосен.

Но от фактов никуда не денешься. Полный заряд с расстояния в двенадцать дюймов...

Должно быть, я ослеп!

На мгновение у Теллона защемило сердце, но потом все его мысли, как в конусе, сошлись в другой точке: он не мог вздохнуть. Все чувства были заглушены наркотиком, и он никак не мог понять, почему отключилось его дыхание; но догадаться было нетрудно. Лишить его зрения — то был лишь первый номер программы. Теперь Черкасский собирался довести дело до конца. Теллон поймал себя на том, что не слишком-то боится, хотя и понимает, что именно с ним происходит. Видимо, потому, что древняя реакция страха — опускание диафрагмы для наполнения легких воздухом — была блокирована параличом. Жаль, он не врезал Черкасскому ногой по голове, пока был в силах.

Топот бегущих ног приближался, затем послышались голоса:

— Капрал! Поднимите господина Черкасского и отнесите в машину. Кажется, он серьезно ранен.

— Есть, сержант.

Затем последовало шарканье ботинок по бетону, и неожиданно Теллон смог дышать. Должно быть, Черкасский, потеряв сознание, упал прямо на него. Теллон с наслаждением вбирал в себя воздух; потом он снова услышал голоса:

— Сержант! Посмотрите-ка на его глаза. Неужели это из «шершня»?

— Тебе что, показать, как это делают? Отнеси господина Черкасского в машину. Землянина — в фургон.

Неуловимый сигнал вестибулярного аппарата подсказал Теллону, что его действительно куда-то несут. Раздались свистки; с шумом включился двигатель машины. Тянулось время — Теллон не знал, сколько его прошло. Потом он почувствовал боль...

С тех пор минуло меньше суток, но Теллону уже казалось, что все его чувства начали обостряться — обычный эффект при потере зрения.

В главном полицейском управлении Нью-Виттенбурга ему сделали укол в шею, и он пришел в себя. Все лицо его было забинтовано, и это Теллона успокоило. Ему дали выпить горячего, а охранник отвел его в постель. Пока он спал, кто-то забрал его ботинки, заменив их сапогами на тонкой подошве, которые были велики ему на несколько размеров.

Потом его снова куда-то отвезли, но уже в другой машине, в сопровождении трех или четырех офицеров ЭЛСБ. Как их звали, он так и не узнал, ибо те обращались с ним преимущественно посредством толчков и ударов, а Теллон был слишком беспомощен, чтобы вызвать их на разговор. В его голове крутилась только одна мысль — что он ослеп.

Машина замедлила ход, дважды накренилась на поворотах и встала. Когда Теллона вывели, он сразу понял, что находится на аэродроме. Он почувствовал, как ветер хлещет его по щекам — это означало, что он стоит на открытом пространстве. Теллон ощутил запах авиационного горючего, потом — еще одно подтверждение — услышал совсем рядом звук раскручивающихся турбин.

На миг Теллон испытал даже какой-то интерес к происходящему. Ведь он никогда не летал на Эмм-Лютере, потому что это было дорого, к тому же, путешествуя таким образом, он привлек бы к себе внимание. Гражданские самолеты были велики, но пассажиров могли взять немного, поскольку их конституция строго регламентировалась распоряжениями правительства, фюзеляжи покрывали толстой броней, а профиль крыла по земным стандартам был широковат (в крыльях помещались двигатели, топливные баки и система управления) и потому не обеспечивал максимальный подъем силы. В случае аварийной посадки крылья, с их смертоносной начинкой из горючего, отстреливались. Наплевав на экономию, правительство Эмм-Лютера заботилось о безопасности полетов, и Теллон отчасти одобрял его за это. Жаль только, Граж-

данский Арбитр не проявлял такой же осмотрительности при подборе людей на государственную службу.

Невидимые руки помогли ему подняться по ступенькам в теплый, пахнущий пластмассой салон самолета и сесть в кресло. Другие руки застегнули ремни безопасности, и внезапно его оставили в покое. Теллон внимательно прислушивался, пользуясь новоприобретенным умением сознательно настраиваться на различные звуковые частоты, но смог расслышать лишь голоса двух элэсбэшников, беседующих шепотом. Очевидно, он удостоился специального рейса. Чувствуя озноб, Теллон тяжело откинулся на спинку кресла. Если б он мог хотя бы посмотреть в окно!

Глаза больше не болели, но нервы, подвергшиеся тяжелейшему стрессу, все еще порождали нечто вроде галлюцинаций, чаще всего болезненно-яркие цветные вспышки. Теллон стал прикидывать, скоро ли его начнут лечить. И лишь услышав, как лязгнула закрывающаяся дверь и шум двигателей стал нарастать, он задумался, куда его везут. «Реальная возможность только одна, — решил он. — Павильон».

Тюрьма, предназначенная для политических противников Эмм-Лютера, находилась на самой южной оконечности единственного континента. Первоначально это была зимняя резиденция первого Гражданского Арбитра, который намеревался затопить болото, лежавшее между скалистым мысом и континентом. Потом он передумал и перебрался на север. На раннем этапе колонизации, когда строительных материалов не хватало, какой-то неизвестный государственный муж догадался, что Павильон — это почти готовая тюрьма, из которой невозможно убежать. Несколько мин, заложенных в нужных местах, проломили хребет маленького перешейка, и его захлестнули теплые воды Эрфуртского моря. Через несколько лет на месте болота возникло прямо-таки суперболото, которое можно было пересечь только по воздуху.

Теперь в Павильоне было меньше заключенных, чем в те годы, когда нынешние правители только-только пришли к власти. Но предсказание того государственного мужа

оправдалось: никому и никогда еще не удавалось оттуда бежать.

Самолет плавно взлетел и после короткого набора высоты лег на курс; двигатели работали почти бесшумно, и лишь легкое покачивание напоминало Теллону, что он летит. Какое-то время он прислушивался к свисту воздуха и редким гудкам системы управления, а потом погрузился в тревожный сон.

Проснулся он от оглушительного рева двигателей; то и дело самолет начинал неистово вибрировать. Теллон ухватился за подлокотники кресла. Прошло несколько мучительных секунд в том ночном мире, где он теперь жил, пока наконец он понял, что происходит: гигантский самолет совершал вертикальную посадку. При здешней гравитации на этот маневр уходило чудовищно много топлива, и поэтому им пользовались или в случае аварии, или там, где нельзя было соорудить самый простенький аэродром. Теллон решил, что они прибыли в Павильон.

Первое, что ощутил Теллон, спускаясь по трапу, — это тепло. Да, это не Нью-Виттенбург, продуваемый зимними ветрами. Он и забыл, что пролетел тысячу миль и находится сейчас у самых тропиков этой планеты. Пока его вели по неровному бетону — сквозь тонкие подошвы сапог чувствовалось, какой он горячий, — Теллон почувствовал близость моря, и его пронзила острая боль. Ему всегда нравилось смотреть на море...

Теллону помогли перешагнуть через порог и повели куда-то по гулким коридорам; путешествие закончилось в тихой комнате, где его усадили в кресло. Затем он услышал удаляющийся топот сапог. Пытаясь понять, один ли он здесь, Теллон крутил головой из стороны в сторону и чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Ну что ж, Теллон, считайте, что вы прибыли на конечную станцию. Думаю, вы будете рады немного передохнуть.

Голос был глубокий и сильный. Теллон мысленно представил себе его обладателя: крупного мужчину лет пятидесяти. Важно, что к нему обратились по имени и без неприязни. Сквозь тьму он соприкоснулся с другим сознанием.

Теллон хотел было ответить, но в горле застрял комок, и он лишь кивнул, ощущая себя школьником.

— Не волнуйтесь, Теллон. Просто у вас наступила реакция. Я прослежу, чтобы вы получили кое-какие лекарства. В ближайшие несколько дней вам станет лучше. Я доктор Мюллер, начальник психологической службы тюрьмы. Сейчас вы пройдете обычный осмотр; я должен удостовериться, что нечто — вы сами знаете что — стерто из вашей памяти; затем я передам вас моему коллеге, доктору Хеку, который посмотрит, что можно сделать с вашими глазами.

— С моими глазами?! — Теллон ощутил безрассудный прилив надежды. — Вы хотите сказать...

— Это не по моей части, Теллон. Доктор Хек осмотрит вас, как только я закончу, и, я уверен, он сделает все, что возможно.

Охваченный мыслью, что с глазами у него, может быть, не так уж плохо, Теллон вытерпел все контрольные процедуры, которые заняли почти час. Программа включала больше десятка инъекций, сопровождающихся острыми приступами тошноты и головокружения. При этом его непрерывно бомбардировали вопросами; иногда их задавал женский голос, хотя он не слышал, чтобы в комнату кто-нибудь входил, иногда голоса возникали, казалось, прямо у него в голове. Они то убеждали его, то соблазняли, то запугивали, и Теллон не мог им противиться. Он слышал и свой собственный голос, бормочущий что-то бессвязное. Наконец он почувствовал, как с его головы и тела срывают электроды.

— Итак, Теллон, ситуация следующая, — сказал доктор Мюллер. — Насколько я могу судить, вы чисты. По степени благонадежности я отношу вас к обычному третьему разряду — это значит, что вы можете находиться в обществе других заключенных и пользоваться всеми обычными правами. В каком-то смысле вам повезло.

— По-моему, вы употребляете это слово довольно неточно, доктор. — Теллон коснулся бинтов на своих глазах. — Или вы имеете в виду, что другим клиентам Черкасского повезло меньше?

— Я имею в виду вот что: учитывая то, какого рода информацией вы располагали, любое другое правительство, включая земное, немедленно казнило бы вас.

— Черкасский пытался казнить мой разум. Вы знаете, что он делал? Он раз за разом нажимал на красную кнопку, чтобы...

— Довольно! — Голос Мюллера сразу стал недружелюбным. — Это не по моей части.

— Виноват, доктор. Но, по-моему, вы говорили, что руководите психологической службой. Или вы просто не задумываетесь, кому служите?

Последовало долгое молчание. Когда Мюллер заговорил снова, к нему вернулась профессиональная сердечность:

— Теллон, я пропишу вам кое-какие лекарства — они облегчат вашу адаптацию. Уверен, вы вскоре убедитесь, что здесь не так уж плохо. Теперь вас примет доктор Хек.

Должно быть, Мюллер подал какой-то знак, потому что дверь тихо отворилась и Теллон почувствовал, что его взяли за локоть. Его вывели из комнаты и провели еще через несколько коридоров. Теллон не ожидал, что медицинский блок, если это действительно был он, окажется таким большим. Во многих областях исследований Эмм-Лютер отставал от Земли, но вполне возможно, что планета добилась больших успехов в практической хирургии. В конце концов, думал Теллон, это двадцать второй век. Так много всего можно сделать для раненого. Микрохирургия, регенерация клеток, электронная хирургия, сварка тканей...

Когда наконец Теллона ввели в комнату, пахнущую антисептиками, он насквозь промок от пота и то и дело непроизвольно вздрагивал. Его подвели к какой-то штуковине, на ощупь похожей на высокую кушетку, и велели лечь. Ощущение тепла на лбу и на губах подсказало, что в лицо ему светят мощные лампы. Последовала короткая заминка, во время которой он слышал рядом осторожные шаги и шелест одежды. Он пытался, но никак не мог унять дрожь — этот слабый проблеск надежды начисто лишил его самообладания.

— Ну-с, мистер Теллон, — в мужском голосе слышался легкий немецкий акцент, широко распространенный на Эмм-Лютере, — я вижу, вы нервничаете. Доктор Мюл-

лер сказал, что вы нуждаетесь в лечении. Сейчас мы введем вам пару кубиков нашего экстракта спокойствия...

— Не нужно, — решительно сказал Теллон. — Если вы не против, займемся лучше моими... моими...

— Понимаю. Давайте их сразу и осмотрим.

Теллон почувствовал, что с его глаз осторожно срезают бинты, и тут, как ни странно, доктор Хек начал насвистывать:

— Так-так... Ясно. Несчастный случай. Очень жаль, конечно, но могло быть и хуже, мистер Теллон. Я думаю, мы легко с этим справимся. Это займет около недели, но подлатаем мы вас как следует.

— Вы шутите? — У Теллона вырвался восторженный, трепещущий вздох. — Вы хотите сказать, что сможете что-то сделать с моими глазами?

— Разумеется. С утра мы займемся веками — это самое трудное, дальше очистим переносицу, и с бровями тоже что-нибудь придумаем.

— Но глаза? Сами глаза?

— Нет проблем. Какой цвет вы хотите?

— Цвет? — Теллон почувствовал, что его знобит от страха.

— Да, — весело произнес Хек. — Конечно, это не компенсирует потерю зрения, но мы вам можем вставить пару действительно красивых пластмассовых карих глаз. Или хотите голубые? Впрочем, я бы вам не советовал — не пойдет к вашему цвету волос.

Теллон ничего не ответил. Минула ледяная вечность, прежде чем он ощутил, как в его руку вонзается долгожданная игла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ежедневный распорядок в Павильоне, с которым ознакомили Теллона, был прост, а для него даже проще, чем

для других заключенных, так как его освободили от всех мероприятий, кроме трех ежедневных молитвенных собраний. Насколько ему показалось, Павильон был больше похож на учебный армейский лагерь, чем на тюрьму. Семь часов в день заключенные занимались физическим трудом, и дисциплина при этом поддерживалась самая минимальная. Можно было пользоваться библиотекой и заниматься спортом. Вполне приятное место — в каком-то смысле. Если, конечно, отвлечься от того, что у всех тут был один приговор — пожизненное заключение.

Когда на другой день после выписки Теллона отвели на прогулочный плац, он устроился на земле, прислонившись спиной к нагретой солнцем стене. Утро было тихое, почти безветренное; тюремный двор наполняли звуки, которые как бы наслаивались друг на друга: шаги, голоса, какие-то шумы, происхождения, которых он еще не знал, — но все перекрывал отчетливо слышный плеск волн. Теллон прислонился затылком к теплым камням и попытался устроиться поудобнее.

— Теперь, Теллон, ты на месте, — сказал охранник. — Другие покажут тебе, где что находится. Можешь развлекаться.

— Да уж постараюсь.

Охранник сардонически расхохотался и зашагал прочь. Едва его шаги стихли, как Теллон почувствовал, как о его вытянутую ногу что-то легонько стукнулось. Он замер, пытаясь вспомнить, есть ли в южной части континента какие-нибудь особенно неприятные насекомые.

— Извините меня, сэр. Вы мистер Сэм Теллон? — Голос ассоциировался с образом седовласого краснолицего провинциального политика.

— Верно. — Теллон беспокойно обмахнул свою ногу, но ничего необычного не нащупал. — Сэм Теллон.

— Очень рад с вами познакомиться, Сэм. — Незнакомец, кряхтя, уселся рядом с Теллоном. — Я Логан Уинфилд. Знаете, здесь, в Павильоне, вас считают настоящим героем.

— Неужели?

— О да. Мы все тут не питаем особого расположения к мистеру Лорину Черкасскому, — пробасил Уинфилд, — но пока еще никому не удавалось надолго уложить его на больничную койку.

— Я не хотел отправлять его в больницу. Я хотел его убить.

— Похвальное стремление, сынок. Жаль, не вышло. Впрочем, и после того, что ты сделал, все мы тут твои друзья по гроб жизни. Именно столько ты тут и просидишь.

— Догадываюсь.

— Исключительно верная догадка, сынок. Одно из величайших преимуществ комбинации лютеранства, точнее, здешней его разновидности, с политикой заключается в том, что с противниками можно не церемониться. По их теориям выходит вот что. Раз уж мы сами благодаря всему, что делали на этом свете, приговорили себя к вечным мукам за гробом и бодро-весело отправимся в ад, то такой мелочи, как здешняя пожизненная скучища, просто не заметим.

— Изящная теория. За что вы тут? — Этот вопрос Теллон задал из чистой вежливости; единственное, чего ему сейчас хотелось, так это подремать на солнышке. Он обнаружил, что еще способен видеть сны, а во сне его карие пластмассовые глаза были ничуть не хуже настоящих.

— Я доктор медицины. Приехал сюда из Луизианы, еще в те времена, когда планету только-только открыли. Конечно, тогда она называлась иначе — не Эмм-Лютер. Я вложил в этот мир целую жизнь — жизнь, полную тяжкого труда. И я люблю его. Поэтому, когда планета откололась от империи, я пытался вернуть ее на истинный путь.

Теллон горько усмехнулся:

— И, насколько я понимаю, когда дело дошло до практических деталей возвращения этого мира на путь истинный, вы стали избавлять его от слишком упрямых политиков?

— Понимаешь, сынок, у меня на родине есть поговорка: нельзя разубедить человека в том, в чем его предварительно кто-то не убедил. Поэтому...

— Поэтому вы отбываете пожизненное заключение, да и при любом другом режиме получили бы тот же приго-

вор, если не хуже, — сердито произнес Теллон. Когда он договорил, воцарилось молчание. Какое-то насекомое прогудело рядом с его лицом и скрылось в теплом воздухе.

— Я удивлен, что ты так говоришь, сынок. Я думал, у нас общие интересы, но, боюсь, был назойлив. Пожалуй, я пойду.

Теллон кивнул, вслушиваясь, как Уинфилд с усилием поднимается на ноги. Что-то снова легонько чиркнуло его по ноге. На сей раз он сумел схватить эту штуку и обнаружил, что держит в руке кончик трости.

— Прошу прощения, — сказал Уинфилд. — Трость — древнее орудие членов нашего братства, но полезность ее отрицать невозможно. Без трости я налетел бы на вас, что привело бы лишь к обоюдному замешательству.

Прошло несколько секунд, пока до Теллона дошел смысл этих округлых, будто обкатанных фраз.

— Подождите. Вы хотите сказать, что...

— Вот именно, сынок. Я слепой. Через несколько лет ты научишься выговаривать это слово.

— Почему вы раньше не сказали? Я не знал. Пожалуйста, присядьте. — Теллон нащупал руку собеседника и крепко ухватил его за рукав. Уинфилд, похоже, задумался над таким поворотом событий, но потом сел снова, тяжело кряхтя при этом. Теллон догадался, что он — человек тучный и нездоровый. Напыщенность Уинфилда (в особенности его постоянное «сынок») раздражала Теллона, но все же перед ним был человек, уже прошедший ту дорогу, по которой Теллону еще предстояло пройти. Некоторое время они сидели молча, вслушиваясь в ритмичный скрип гравия — остальные заключенные совершали моцион в другой части двора.

— Полагаю, ты размышляешь над тем, не потерял ли я зрение по той же причине, что и ты, — произнес наконец Уинфилд.

— В общем, да.

— Нет, сынок. Ничего особенно драматического. Восемь лет назад я попытался отсюда бежать, намереваясь пробиться обратно на Землю. Но дальше болота я не ушел. Конечно, это самое легкое; до болота кто угодно доберет-

ся. А вот что действительно трудно, так это перебраться через него. Там обитает довольно противная разновидность блох, самки которых норовят отложить яйца прямо тебе в глаза. Когда охранники притащили меня обратно в Павильон, мои глаза представляли собой самые настоящие гнезда этих тварей.

Доктору Хеку пришлось немало повозиться, чтобы они не добрались до мозга. Он почти неделю был вне себя от счастья, все насвистывал Джильберта и Салливэна.

Теллон был потрясен:

— Но что вы собирались делать, если бы вам удалось пересечь болото? Нью-Виттенбургский космопорт в тысяче миль отсюда, да и будь он хоть в тысяче ярдов, вы никогда не прошли бы через контроль.

— Сынок, — Уинфилд, казалось, огорчился, — твой ум слишком занят мелочами. Я ценю людей, которые помнят о мелочах, но только если эти мелочи не отвлекают их от главного.

— От главного? Это вашу безумную идею протопать пешком несколько сот световых лет до Луизианы вы называете главным?!

— Весь наш прогресс, Сэм, — история безумных идей. Космические перелеты со сверхсветовой скоростью тоже считались безумной идеей, пока кто-то не осуществил их на деле. Я не могу поверить, что ты готов гнить тут до конца своих дней.

— Может, я и не готов к этому, но поступить собираюсь именно так.

— Даже если я предложу взять тебя с собой в следующий раз? — Голос Уинфилда перешел в шепот.

Теллон рассмеялся — впервые с того момента, как МакНалти дохромал до его офиса и протянул ему листок бумаги с космическим адресом новой планеты.

— Уходите, старина, — сказал он. — Дайте мне отдохнуть.

Но Уинфилд продолжал говорить:

— Теперь все будет совершенно по-другому. Тогда я не был готов к переходу через болото, но за эти восемь лет я

подготовился. Уверяю тебя, я знаю, как через него перебраться.

— Но вы слепой! Вам трудно будет даже перейти детскую площадку.

— Слепой-то я слепой, да уж, — таинственно сказал Уинфилд, — не такой и слепой.

— Говорить-то вы говорите, — тем же тоном ответил Теллон, — но исключительную чушь.

— Ты вот что послушай, сынок. — Уинфилд придвинулся ближе и задышал Теллону прямо в ухо. От него пахло хлебом с маслом. — Ты изучал электронику и знаешь, что у нас на Земле, да и в большинстве других миров, для слепых изобрели множество всяких приборов.

— Тут все по-другому, док. Электронная промышленность Эмм-Лютера — часть его программы создания космических зондов. Все специалисты по электронике работают либо на эту программу, либо на связанные с ней приоритетные проекты, либо вообще сидят на той новой планете, что они открыли. Кроме того, Гражданский Арбитр объявил, что к человеческому телу, созданному по образу и подобию Божьему, нельзя добавлять никаких рукотворных частей, ибо это противоречит религиозным догмам. Устройств, о которых вы говорите, в этой части Галактики просто не существует.

— Нет, они существуют, — торжествующе произнес Уинфилд. — Или почти существуют. Сейчас я пытаюсь изготовить примитивный сонарный «фонарь», прямо здесь, в тюремном центре перевоспитания. Точнее, Эд Хогарт, начальник мастерской центра, пытается изготовить его под моим руководством. Я, естественно, не могу выполнять ручную работу.

Теллон безропотно вздохнул. Похоже, все, что говорит Уинфилд, слишком абсурдно и фантастично.

— Вы хотите сказать, что за вами совсем не следят? И их не волнует, что нарушаются два самых строгих запрета? Причем нарушаются в государственном учреждении и за государственный счет?

Уинфилд шумно поднялся на ноги.

— Жаль, сынок, что ты смотришь на это так скептически. Но я готов предположить, что в иных, не столь тяжелых обстоятельствах ты способен вести себя как цивилизованный человек. Пойдем-ка со мной.

— Куда?

— В мастерскую. Там тебя ждет пара сюрпризов.

Держась за пухлую руку Уинфилда, Теллон вышел вслед за ним из четырехугольного внутреннего двора. Он и сам не ожидал, что сможет испытывать к чему-нибудь такой интерес.

Уинфилд, постукивая тростью, двигался уверенно и довольно быстро. Пока они шли, множество людей сочувственно приветствовали Теллона, прикасаясь к его плечу, а один сунул ему в свободную руку пачку сигарет. Теллон заставлял себя не опускать голову и идти непринужденной походкой, но это было почти невозможно: он чувствовал, что на его лице застыла извиняющаяся улыбка слепого.

Чтобы попасть в мастерскую, им нужно было пройти мимо главного корпуса тюрьмы и преодолеть двести ярдов до вспомогательного корпуса. По дороге Уинфилд объяснил, что его «фонарь» излучает узкий луч высокочастотного ультразвука и имеет приемник, улавливающий эхо; электронная схема накладывает эхо и исходный сигнал друг на друга. Идея заключалась вот в чем. Частота излучения звукогенератора периодически «сползает» с 80 до 40 килогерц, благодаря чему частота исходного сигнала всегда немного ниже, чем у отраженного. При наложении сигналов друг на друга возникают биения, частота которых пропорциональна расстоянию до предмета, попавшего в луч «фонаря», что позволит слепому постепенно воссоздать для себя картину окружающего мира.

Кое-что Уинфилд разработал сам, кое-что помнил по публикациям в старых медико-технических журналах. Эд Хогарт — по-видимому, заядлый любитель технических новинок — соорудил ему опытный образец. Но когда ему понадобилось понизить частоту, чтобы сделать высокочастотные колебания слышными человеческому уху, у него начались затруднения по части электроники.

Слушая, Теллон ощущал растущее уважение к старому врачу, который, казалось, был просто неспособен признать свое поражение. Они дошли до центра перевоспитания и остановились у входа.

— Прежде чем мы войдем, сынок, еще один момент. Я хочу, чтобы ты пообещал ничего не говорить Эду о том, зачем мне на самом деле сонарный «фонарь». Если он догадается, то моментально бросит над ним работать, чтобы спасти меня от меня самого, как гласит поговорка.

— Хорошо, — сказал Теллон, — но взамен и вы пообещаете мне кое-что. Если у вас действительно есть план побега, не включайте меня в этот план. Если я когда-нибудь надумаю покончить с собой, то выберу способ полегче.

Они поднялись по лестнице на один пролет и вошли в мастерскую. Теллон сразу понял, что это мастерская, по знакомому запаху горячего припоя и застоявшегося сигаретного дыма — запаху, который так и не изменился с его студенческих лет.

— Ты здесь, Эд? — Эхо от голоса Уинфилда подсказало, что мастерская совсем маленькая. — Я привел гостя.

— Я знаю, что ты привел гостя, — произнес рядом тонкий, раздраженный голос. — Я ведь могу его видеть. Ты так давно ослеп, что уже и всех остальных стал считать слепыми. — Голос становился все тише и перешел наконец в едва слышное сварливое бормотание.

Уинфилд раскатисто захохотал и шепнул Теллону:

— Эд родился на этой планете, но одно время очень активно участвовал в старом движении унионистов и не догадался уйти из него, когда власть перешла к лютеранам. Арестовывал его Крюгер. Эд пытался бежать и повредил себе пятки — конечно, совершенно случайно. Здесь довольно много трофеев Крюгера — они скачут по Павильону, как птички.

— Со слухом у меня тоже все в порядке, — предупредил Хогарт.

— Эд, это Сэм Теллон — человек, который чуть не прикончил Черкасского. Здорово разбирается в электронике, так что, возможно, вам теперь удастся заставить мой «фонарь» работать.

— У меня диплом электронщика, — сказал Теллон, — но это еще не значит, что я в ней так уж здорово разбираюсь.

— Но ты сможешь по крайней мере найти дефекты в простенькой схеме понижения частоты, — сказал Уинфилд. — Пощупай-ка вот это.

Он подвел Теллона к верстаку и положил его руки на замысловатое устройство из металла и пластика около трех футов в поперечнике.

— Это он и есть? — Теллон обследовал массивные блоки пальцами. — Зачем вам эта штука? Мне показалось, что вы имели в виду прибор, который можно унести в одной руке.

— Это модель, — нетерпеливо рявкнул Хогарт. — Она в двадцать раз больше настоящего прибора, чтобы доктор мог разобраться в ней на ощупь. А я потом воспроизведу ее в нужном масштабе. Идея хорошая, только она не работает.

— Теперь заработает, — самоуверенно сказал Уинфилд. — Что ты на это скажешь, сынок?

Теллон задумался. Уинфилд казался ему чокнутым старым простаком, а Хогарт, по всей вероятности, был ему под стать, но за то короткое время, что Теллон провел с ними, он почти позабыл о своей слепоте.

— Я помогу вам, — сказал он. — У вас хватит материалов на два опытных образца?

Уинфилд возбужденно стиснул ему руку:

— Не волнуйся об этом, сынок. Хелен проследит, чтобы мы получили все необходимые детали.

— Хелен?

— Да, Хелен Жюст. Она начальница центра перевоспитания.

— И она не возражает против того, что вы делаете эту штуку?

— Не возражает? Скажешь тоже! — заревел Уинфилд. — Да это в основном была ее идея. Она стояла за этот план с самого начала.

Теллон недоверчиво покачал головой:

— Странный поступок для чиновницы ее ранга. Выходит, чтобы помочь вам, она идет на риск предстать перед доктринальным синодом? Зачем?

— Ну ты, сынок, опять завел песню — все думаешь о разных мелочах. А это мешает тебе сосредоточиться на главном. Откуда мне знать, зачем? Может, ей нравятся мои глаза; доктор Хек говорит, что они красивого синего цвета. Конечно, он судит о них предвзято, поскольку сделал их своими руками.

Тут Уинфилд и Хогарт разразились диким хохотом. Теллон положил руки на массивный прямоугольный корпус модели, чувствуя, как солнечные лучи согревают его кожу. Все его предыдущие мысли оказались неверными. Жизнь слепца была не скучной и не простой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Теллон осторожно надел на голову сонарный «фонарь», вставил наушник в правое ухо и включил прибор. Он встал, для проверки потряс головой и пошел. Внезапно он понял, как сильно привык ориентироваться при помощи трости.

Радиус действия «фонаря» был установлен в пять ярдов; это означало, что эхо от любого предмета, находящегося дальше, фиксироваться не будет. Продвигаясь вперед, он поворачивал голову сперва из стороны в сторону, потом качнул ею вверх, вниз. Тон сигнала сразу же повысился, а потом упал. Ультразвуковой луч коснулся земли, приблизился к его ногам и снова поднялся.

Теллон заставил себя шагать спокойно и размеренно, сосредоточив все внимание на перепадах тона. Он преодолел около десяти ярдов, как вдруг, пройдясь лучом по вертикали, различил в самом верху слабое «блип». Продолжая двигаться вперед, но уже медленнее, он сосредоточился на изучении верхней части своего «поля зрения». С каждым разом «блип» все выше карабкалось по тональной шкале, и в конце концов, слегка наклонив голову, Теллон смог превратить его в пронзительную монотонную ноту.

Он протянул руку и коснулся металлической перекладины, висящей чуть ниже уровня его глаз.

— Замечательно! Просто замечательно! — женский голос, звучавший свежо и молодо, застал его врасплох. Теллон застенчиво обернулся, подумав, как нелепо, должно быть, он выглядит в замызганной тюремной одежде и с пластиковой коробкой на лбу. Потом сам удивился своей реакции. Оказывается, мужское начало еще жило в нем, пусть даже вместо глаз у него были пластмассовые пуговицы. В звуке сонара он различил нестройный тон, вызванный человеческим телом.

— Мисс Жюст?

— Да. Доктор Уинфилд и Эд сказали мне, что ваша работа с сонаром идет блестяще. Но я и представить себе не могла, что вы так далеко продвинулись. И очень рада, что мне представилась возможность самой в этом убедиться.

— За работой время идет быстрее. — Теллон неуверенно улыбнулся. Он испытывал странное, тревожное чувство. Будто некая важная мысль вот-вот готова была всплыть в его памяти — и вдруг ускользнула. Возможно, как раз сейчас стоило бы прощупать ее мотивы. Момент вполне подходящий. — Вы очень добры, что позволяете нам заниматься этой работой, несмотря на... на официальное мнение.

Несколько секунд царило молчание, потом Теллон услышал приближающийся стук трости Уинфилда и костылей Хогарта — те испытывали сонар на бетонированной площадке возле мастерской.

— Ну, мисс Жюст, — сказал Уинфилд, — что вы об этом думаете?

— На меня это произвело очень большое впечатление. Я как раз говорила об этом заключенному Теллону. Прибор действует великолепно. Вы уверены, что над ним нужно работать дальше?

Теллон обратил внимание, что, говоря о нем, она употребила слово «заключенный», между тем как к Уинфилду и Хогарту обращалась просто по именам. Он не сводил с нее сонара, проклиная про себя его недостатки — с его

помощью нельзя было даже отличить грузчика от танцовщицы из мюзик-холла. И тут у него забрезжила новая идея.

— Предварительные испытания завершены, — гордо объявил Уинфилд. — С этого момента мы с Сэмом будем постоянно носить сонары, чтобы набраться опыта в обращении с ними. Чтобы выбрать наилучший радиус действия и определить оптимальную ширину луча, понадобится несколько недель.

— Понятно. Ну, держите меня в курсе дела.

— Конечно, мисс Жюст. Спасибо вам за вашу доброту.

Теллон услышал, как она удалилась уверенным легким шагом; потом повернулся к Уинфилду. С помощью сонара различать Уинфилда и Хогарта было легко, потому что доктор был на голову выше своего товарища-калеки. Чтобы показать, как мастерски он научился обращаться с прибором, Теллон с первой попытки дотронулся до плеча Уинфилда.

— Знаешь что, Логан, похоже, ты допускаешь одну ошибку: ты занимаешься своим «главным делом» и даже не задумываешься, что движет мисс Жюст. А она не производит впечатления женщины, которая станет что-нибудь делать без особой на то причины.

— Ну вот, опять он за свое, — проворчал Хогарт. — Знает о мисс Жюст больше, чем мы, хотя сам ее ни разу в глаза не видел. Ты, парень, пока не лишился зрения, наверняка передергивал в карты, а?

Теллон ухмыльнулся. Поначалу его очень задевало, что Хогарт постоянно — и довольно бестактно — напоминал ему о его слепоте; потом он понял, что это делается намеренно, чтобы он не считал ее такой уж трагедией.

Днем Теллон и Уинфилд отправились погулять, прихватив в качестве поводырей сонары. Они решили ограничить прогулку пределами заброшенного теннисного корта, куда запрещено было заходить всем заключенным, кроме инвалидов. Никто из охранников даже не спросил, что это за коробки у них на головах. Теллон догадался, что Хелен Жюст распорядилась оставить их в покое. Кроме того, он заметил, что никто из здешних врачей никогда не заговаривал с ними ни о каких сонарах. Он спросил Уин-

филда, насколько велико влияние этой женщины на администрацию Павильона.

— Точно не знаю, — ответил Уинфилд. — Я слышал, что она — родственница самого Арбитра. Мне говорили, что центр перевоспитания — это, вообще-то, ее собственная идея. Чтобы его открыли, Арбитр вынужден был нажать на все рычаги. Трудотерапия, видишь ли, не соответствует их доктрине. Для самых непримиримых — вроде нас с тобой — синод рекомендует посты и молитвы.

— Но может ли Арбитр в своих отступлениях от закона зайти так далеко?

— Сынок, ты все понимаешь слишком буквально. Тебе было бы очень полезно несколько лет на практике позаниматься политикой. Послушай, если глава правительства рекомендует своим гражданам употреблять поменьше спиртного, потому что пьянство пагубно сказывается на экономике, это вовсе не означает, что сам он собирается меньше пить. И едва ли он ожидает от своих друзей и родственников, что они изменят свои привычки и перестанут выпивать. Так уж устроен человек.

— Слишком просто у тебя все выходит, — раздраженно заметил Теллон. Потом он все-таки решил поделиться идеей, которая пришла ему в голову во время разговора с Хелен Жюст. — А ты что, все еще вынашиваешь свой великий план? Хочешь бежать из Павильона?

— Видишь ли, сынок, если мне не дадут умереть на Земле, я, может быть, вообще не умру. Так что — бежим вместе?

— Я тебе уже говорил, как смотрю на все это. Хотя не исключено, что помочь тебе смогу.

— А как?

— Как ты думаешь, мисс Жюст достанет нам пару телекамер? Знаешь, есть такие штуки размером с орех; их используют для слежки, и здесь, в тюрьме, их наверняка понатыкано на каждом углу.

Уинфилд остановился и сдавил пальцами руку Теллона:

— Постой, может, я тебя не так понял...

— Нет, почему же. Зрительные нервы у нас обоих целы. Вся задача в том, чтобы преобразовать входной сигнал ка-

меры в подходящий выходной сигнал и передать его на нервные окончания. На Земле это обычное дело.

— Но ведь для этого потребуется хирургическая операция? Я сомневаюсь, что...

— Нет, операция нужна, если мы собираемся направлять сигнал прямо в глаз, но ведь у нас на глазах пластиковые оболочки! Если в пластмассу вставить простенький приборчик, измеряющий углы поворота глаз, можно все время удерживать луч направленным на нервное окончание.

Уинфилд затрясся от возбуждения:

— Если я снова смогу видеть, да при этом еще сумею перебраться через болото — и года не пройдет, как я буду гулять по главной улице Нэчинтоша. Уж это точно! — Его обычно столь звучный голос зазвучал неожиданно слабо.

— Грандиозный план, — сказал Теллон, — только его нужно дополнить кое-какими мелочами. Нам понадобятся камеры и довольно много микросхем. И еще — журналы по соответствующей тематике и авторидер. В тебя будем «накачивать» данные по физиологии, а я займусь полупроводниками.

— Но кто будет монтировать сам прибор? Эд ничего не понимает в такой работе.

— Действительно. Это еще одна деталь. Тебе придется попросить мисс Жюст, чтобы она разрешила нам воспользоваться роботом-сборщиком — по меньшей мере второго класса, — запрограммированным на работу с микроэлектроникой. У них в ремонтной мастерской наверняка есть такой.

— Господи, Сэм! Эта штука стоит полмиллиона.

— А ты все-таки попроси, тебе она это устроит. Ей, кажется, понравился цвет твоих глаз.

Теллон замер на миг, подставив лицо горячему белому солнцу Эмм-Лютера. Он переживал редкий момент абсолютной уверенности.

Через неделю два охранника приволокли в мастерскую на антигравитационных санях робот-сборщик.

Большую часть этой недели Теллон провел, практикуясь в обращении с сонаром, а в свободное время размышлял над тем, что произошло с ним в тот первый день,

когда он заговорил с Хелен Жюст. Это было как взрыв. В его подсознании тогда все словно сдвинулось — и совершенно без всякой причины. Всякого рода паранормальные феномены, иногда сопровождающие романтическую влюбленность, он исключил сразу — отчасти из природного скептицизма, отчасти же потому, что ни разу не видел Хелен. Вдобавок Хогарт сказал, что она длинная, худая, рыжая и с оранжевыми глазами, — такая особа вряд ли свела бы его (да и любого другого мужчину) с ума. И будь она даже фантастической красавицей с волосами цвета воронова крыла — как все-таки логически объяснить тот резкий сдвиг в его восприятии, благодаря которому он точно знал, что она даст им все, что они попросят? Каждую ночь, лежа в своей камере в ожидании тусклого света, что приносили с собой сновидения, он снова и снова возвращался к этой непонятной загадке, пытаясь хоть как-то прояснить себе смысл всего происходящего.

Но робот у них появился, и теперь надо было писать для него программу. Тут Теллон понял, что ничего, кроме самых общих идей, у него нет. Они с Уинфилдом целыми неделями просиживали в тюремной библиотеке, за авторидерами, прерываясь лишь для того, чтобы поспать, поесть и отсидеть обязательные молитвенные собрания. Большинство имевшихся в библиотеке журналов устарело: лютеранское правительство никогда не поощряло ввоза земной печатной продукции, а в последние годы его практически прекратила сама Земля. Последний шаг показывал, насколько сильно ухудшились отношения между двумя планетами с тех пор, как на Эмм-Лютер буквально с неба свалилась новая планета Эйч-Мюленбург. Впрочем, тут знали почти все, о чем было известно на Земле.

Изучая журналы, Теллон чувствовал, как его разум погружается все глубже и глубже в прошлое, слой за слоем пробивая прожитые годы. И вновь откуда-то появился молодой Сэм Теллон, тот, что твердо решил делать карьеру в твердотельной электронике, но потом нечто, о чем он уже успел позабыть, сбило его с дороги; он долго скитался по миру и наконец оказался в Блоке. Удовлетворение, испытанное Теллоном от работы, было так глубоко, что он на-

чал подозревать: его подсознательная тяга к эксперименту была в действительности вовсе не желанием помочь Уинфилду и вернуть зрение самому себе, но мощной потребностью возродить себя таким, каким он был... но когда? И почему вдруг та единственная встреча с Хелен Жюст сработала как спусковой крючок? Он не помнил никакой рыжеволосой девушки с необыкновенными глазами, на которую могла бы походить Хелен.

Когда программа обрела некоторую законченность, они заставили робота собирать одновременно два одинаковых образца устройства, которое, по недостатку вдохновения, назвали электроглазом. Дополняя программу за счет обширного пакета стандартных процедур, робот медленно собирал в своем герметически изолированном от внешнего мира, стерильном чреве две пары очков. На вид они казались обычными очками, если не считать шариков на перемычке — это были телекамеры. Оправа служила для того, чтобы направлять сигнал в глаза.

Только одну проблему Теллону и Уинфилду пришлось решать самим — руками Эда Хогарта — проблему фокусировки лучей точно на зрительном нерве. Но они справились и с этим, несколько изменив первоначальный план Теллона — на край каждой пластмассовой радужки прикрепили металлическую пробку. Идея заключалась в следующем: при каждом движении глаза будет меняться и положение пробки, информацию о которой можно получить, создав внутри оправы слабое магнитное поле. Затем эта информация поступает на вход монокристаллического процессора, который, соответственно, переориентирует лучи.

Но вот Теллон перешел к последнему этапу работы. Теперь нужно было разработать устройства, которые переводили бы зрительную информацию на язык клеток сетчатки. Теллон всецело отдался этой захватывающей интеллектуальной задаче. Он почти не притрагивался к еде и сильно похудел.

Но в один прекрасный день месяц мечтательных размышлений закончился; случилось это, когда он лежал под динамиками авторидера.

Он узнал Уинфилда по быстрому, нервному постукиванию трости, которой старик еще пользовался, хотя и ходил с сонарным «фонарем».

— Я должен с тобой поговорить, сынок, и немедленно. Извини, что помешал, но это важно. — От волнения голос Уинфилда звучал хрипловато.

— Ладно, док. А что стряслось? — Теллон спустил ноги на пол и, не слезая с кушетки, отодвинулся подальше от рупора.

— Что стряслось? Черкасский! Ходят слухи, что он вышел из больницы.

— Ну и что? Здесь он меня не тронет.

— В том-то и дело, сынок. Говорят, что он пока еще не может выйти на службу и договорился временно поработать здесь, в Павильоне. Чтобы, как он выразился, «поправить здоровье на боевом посту». Понимаешь, что это значит? Понимаешь, зачем он сюда едет?

Руки Теллона сами потянулись к лицу, пальцы мягко скользнули по изгибам невидящих, пластмассовых глаз.

— Да, док, — сказал он тихо. — Спасибо. Я знаю, зачем он едет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Свет — неистовый и монотонный свет.

Боль — неистовая, монотонная боль!

Теллон сорвал с себя электроглаз и некоторое время, сжавшись, сидел, ожидая, пока утихнет мучительная колющая боль. Если бы «шершень» Черкасского не изувечил ему слезные железы, слезы у него текли бы ручьями. Боль долго не утихала, а временами становилась чуть ли не сильней, чем в начале... Это было похоже на отлив, когда море, как бы нехотя, отступает от берега.

— Ну как, Сэм? Не легче? — Голос Хогарта звучал холодно и равнодушно — это означало, что он встревожен.

— Не получается у нас, — Теллон покачал головой. — Что-то мы недоучли с этим преобразователем. Сигналы, которые мы подаем на нерв, в корне отличаются от тех, к которым он привык, и вызывают такую боль, что я даже не могу настроиться.

— Мы взялись за большое дело, сынок, — грустно сказал Уинфилд. — Возможно, даже слишком большое. В наших-то обстоятельствах!

— Да при чем тут это? Мы все делали правильно, но на последнем этапе сплоховали. Единственное, что действительно трудно, — это синтезировать клеточный код. Хотя и тут все вроде шло нормально. Я ведь прямо упивался работой, пока не услышал, что сюда собирается наш друг Черкасский.

— Это просто слухи. Наш тюремный «телеграф» и раньше давал сбои.

— Возможно. Хотя правда это или нет — все равно. Теперь я не могу сосредоточиться на работе. Я просто не в состоянии понять: то ли мы не учли что-то действительно важное, то ли дело в каких-то мелочах. Давайте-ка сделаем мне местную анестезию, чтобы боль хоть немного утихла, а я тем временем посмотрю, что у нас получается.

— Не стоит. Так можно повредить зрительные нервы. — Тогда чем же мы, черт побери, занимаемся? Мы угробили две недели, пытаясь синтезировать сигнал, который каждая безмозглая тварь, плавает она, летает или бегает, синтезирует безо всякого труда. Где твоя справедливость, Господи?! — И тут Теллон вдруг испустил восторженный крик, ибо некая мысль прожгла его сознание.

— Ну-ну, не надо так переживать, — смущенно остановил его Уинфилд. — Ты знаешь, как на этой планете наказывают за богохульство.

— Я не богохульствовал, док. Я знаю, где мы можем взять всю зрительную систему. Весь набор целиком: палочки, колбочки, биполяры, ганглии, глиальные клетки. Все в готовом виде! В готовом, понимаете? Бери и пользуйся!

— Ну и где?

— Да тут же, у нас в мастерской. У Эда ведь с глазами все в порядке, верно?

— Глаза у меня в порядке, — с тревогой заныл Хогарт. — И я, между прочим, собираюсь и дальше ими пользоваться. Понял ты, упырь? Так что не трогайте вы мои глаза!

— Не тронем, не тронем. Хотя они всегда с нами. Видишь ли, они прямо-таки бомбардируют и вас, и все вокруг информацией. Причем как раз той, что нам с доктором и нужна. Каждый твой зрительный нерв, каждое волоконце в нем поливают нас электронами. Ты, Эд, работаешь как мини-радиостанция. Или, если угодно, дискотека. А твой диск-жокей крутит только одну мелодию — глиальный код.

— Моя мама была права, — задумчиво проговорил Хогарт. — Она всегда говорила, что я далеко пойду.

— Похоже, ты в восторге, Сэм. — Голос Уинфилда звучал отрезвляюще. — Думаешь, на этот раз у нас получится?

— Считай, что уже получилось.

Четыре дня спустя, в тот час, когда заря едва-едва начинала закрашивать тускнеющие звезды, Теллон впервые увидел Уинфилда.

Несколько минут он сидел совершенно неподвижно, смакуя это чудо — возможность видеть — и чувствуя свое ничтожество рядом с громадой человеческих достижений, на которой держался его триумф. Веками люди исследовали сложнейший язык импульсов глиальных клеток, совершенствовали роботов-сборщиков и миниатюрные сервоприводы, благодаря теоретической кибернетике научились объединять в одном кварцевом кристалле миллиарды электрических цепей и задействовать только те из них, что нужны именно сейчас, даже не зная, что это за цепи...

— Ну, сынок? Мы готовы услышать самое худшее.

— Все в порядке, док, он работает. Я могу тебя видеть. Беда только в том, что я точно так же могу видеть себя самого.

Теллон хохотнул. Требовалось известное усилие, чтобы приспособиться к этой противоестественной ситуации, когда тело твое находится в одном месте, а глаза — в дру-

гом. Первое испытание нового электроглаза происходило так: он и Уинфилд уселись рядышком в одном конце мастерской, а Хогарт (которому было велено не спускать с них глаз) — в другом. Теллон даже с места не сдвинулся, однако, если верить его новым глазам, оказался вдруг в противоположной части комнаты. И смотрел при этом и на Уинфилда, и на самого себя.

Доктор удивительно походил на тот мысленный портрет, который раньше нарисовал себе Теллон, — краснолицый седой старый великан. В одной руке он сжимал трость, а голова его с прикрепленной к ней серой коробочкой сонарного «фонаря» была настороженно поднята — так обычно держат ее слепые.

Теллон с любопытством оглядел себя. Его лицо за оправой электроглаза казалось необычно длинным и как никогда задумчивым, а висевший мешком коричневый комбинезон — униформа Павильона — наводил на мысль, что со времени своего прибытия в тюрьму он сбросил фунтов пятнадцать. В остальном же он выглядел как обычно. Это показалось Теллону поразительным (если учесть, что он чувствовал). Затем взгляд его сам собой переместился на Уинфилда; тот сидел с напряженно-сосредоточенным лицом и ждал, что скажет Теллон.

— Не волнуйся, док. Я же тебе сказал — он работает отлично. Просто я никак не могу привыкнуть видеть себя таким, каким меня видят другие.

Уинфилд улыбнулся, но тут Теллон, задыхаясь, ухватился за стул — мастерская, казалось, выскользнула из-под его ног, потом выровнялась и поскакала мимо него.

— Не шевелись, Эд! — отчаянно вскрикнул он. — Не надо так прыгать. Я ведь смотрю твоими глазами.

— Плевать, — сказал Хогарт. — Я хочу пожать тебе руку. Сперва у меня были кое-какие сомнения насчет тебя, Сэм, но сейчас я вижу, что ты — толковый парень. Хоть и учился в колледже.

— Спасибо, Эд. — Теллон зачарованно смотрел, как его собственное изображение становится все больше и ближе, а у нижнего края поля зрения мельтешат костыли Эда. Он протянул руку и заметил, что тот, другой Сэм Теллон

сделал то же самое. Наконец он увидел, как худая рука Хогарта, появившись непонятно откуда, схватила его собственную. И в тот миг, когда два незнакомца проделали все это на сцене, он ощутил прикосновение пальцев к своей руке. Оно подействовало на него как электрический шок.

Теллон свободной рукой снял электроглаз, вернувшись в приветливую темноту, и с трудом подавил тошноту. На секунду он полностью потерял ориентацию.

— Теперь твоя очередь, — сказал он, протянув электроглаз Уинфилду. — Как только станет не по себе — снимай очки. И не слишком нервничай, если начнешь чувствовать что-нибудь не то.

— Спасибо, сынок. Я почувствую то, что надо.

Пока доктор примерял электроглаз, Теллон оставался сидеть, так как все еще испытывал легкое головокружение. Старик Уинфилд уже восемь лет как лишился зрения и наверняка должен был пережить еще большой шок, чем Теллон.

Электроглаз давал отличное качество изображения. Однако один момент Теллон не проработал как следует — прибор видел в точности то же самое, что и человек, чьи нервные импульсы он «похищал». С практической точки зрения было бы разумнее иметь худшее по качеству изображение — но с рецептора, находящегося прямо на оправе очков. С другой стороны, если посадить на плечо какого-нибудь дрессированного зверька, скажем, белку...

— Ради Бога, Эд, — прогремел Уинфилд, — не мотай ты так своим кочаном. А то у меня морская болезнь начнется.

— Что же это такое творится? — вознегодовал Хогарт. — Чья это голова в конце концов? Пользуются моими глазами и даже «спасибо» не скажут. Вы что, ее купили, что ли, мою голову?

— Не волнуйся, Эд, — утешил его Теллон. — Когда мы выжмем из нее все, что можно, мы ее тебе вернем.

Хогарт засопел и, по своему обыкновению, принялся невнятно браниться себе под нос. Уинфилд еще раз показал свое упрямство — хотя электроглаз он носил не дольше, чем Теллон, но сразу же велел Хогарту подойти к окну

и начал указывать, куда смотреть. Теллон благоговейно слушал, как старик шумно вздыхал, выражая тем самым свое одобрение, или грозным голосом командовал: «левей», «правей», меж тем как Хогарт ругался все громче и яростнее. И вдруг все кончилось.

— Электроглаз отказал, — возвестил Уинфилд. — Сломался.

— Нет, не сломался, — торжествующе сказал Хогарт. — Я закрыл глаза руками.

— Во дает, подлец! — с восторгом прошептал Уинфилд, после чего разразился хохотом. Теллон и Хогарт присоединились к нему, словно сбрасывая напряжение, копившееся все последние недели.

Когда они перестали смеяться, Теллон обнаружил, что устал и хочет есть. Он снова надел электроглаз и стал смотреть, как Хогарт кладет другую, еще не переделанную модель на рабочую платформу робота-сборщика. Он наблюдал, как работает этот маленький человечек, как руки его стремительно порхают, нажимая на кнопки. Впечатление у Теллона было такое, будто руки — его собственные. Затем крышка сборочной камеры задвинулась, и раздалось шипение — из чрева робота стал откачиваться воздух. На этом этапе работы нужен был полный вакуум — даже единственная молекула воздуха могла все испортить. Теллон встал и похлопал себя по животу.

— Ну что, пора завтракать?

Однако Хогарт остался сидеть за пультом управления робота.

— Пора-то пора, но я, пожалуй, посижу здесь, доделаю эту машинку. А то ребята уже обижаться начали — я, видите ли, не пускаю их в мастерскую. Не хватало, чтобы они сейчас ввалились сюда всей толпой и все напортили.

— Я тоже останусь, сынок. Это ведь и мой электроглаз. Так что я уж подожду пару часиков, но зато получу его прямо в руки. Если ты не против, я пошлю сказать мисс Жюст, что мы приглашаем ее на демонстрацию прибора — сегодня, после обеда.

Теллон ощутил, что перспектива своими глазами увидеть Хелен Жюст странно тревожит его. Она не заходила в

мастерскую центра с того дня, как посмотрела на работу сонарного «фонаря». Необъяснимое смятение, вызванное в нем той первой встречей, уже стало утихать. Он вовсе не хотел его вновь растревожить, и в то же время...

— Отлично. Я не против, док. А пока я пойду что-нибудь перекушу. Надо наверстывать упущенное. Извини, что я снова тебя беспокою, Эд, но тебя не затруднит понаблюдать за мной, пока я не выйду из двери?

Теллон решил целиком положиться на электроглаз. Он оставил сонар и трость на верстаке и направился к двери, сосредоточившись на изображении своей собственной удаляющейся спины (как ее видел Хогарт).

За дверную ручку он сумел ухватиться сразу, без промаха. Набрав в грудь воздуха, он отворил дверь.

— А теперь, сынок, — крикнул ему вслед Уинфилд, — иди сам.

На лестничной площадке Теллон еще мог ловить зрительные образы, получаемые от Хогарта, но теперь они только мешали. Он передвинул регулятор на правой дужке оправы в положение «выключено» и во тьме стал спускаться по лестнице. Выйдя наружу, он поставил регулятор в позицию «поиск» и выбрал максимальный радиус действия. Группами по два-три человека заключенные шли к столовой. Теллон почти сразу же «подстроился» к глазам какого-то арестанта.

Должно быть, этот человек шел, опустив голову, потому что Теллон не увидел ничего, кроме ног, вышагивающих по белому бетону. Оставив регулятор на «поиске», он нажал на первую кнопку «смена ведущего». Всего таких кнопок было шесть, чтобы электроглаз мог одновременно помнить до шести разных сигналов. Это давало возможность вернуться к одному из ранее отвергнутых «ведущих». Седьмая кнопка служила для того, чтобы стирать информацию, хранящуюся в блоке памяти.

На этот раз Теллону повезло больше. Он подключился к человеку высокого роста, который, подняв голову, шел непринужденной походкой к приземистому зданию на краю большой площади — вероятно, столовой. Площадь окаймляли двух- и трехэтажные корпуса. Теллон понятия не

имел, какой из них был мастерской. Он замахал руками, будто приветствовал знакомого, и сразу увидел себя — крошечную фигурку у дверей второго по счету здания справа от столовой.

Теллон подождал, пока его «ведущий» подойдет поближе, и тогда быстро зашагал к нему. Едва не столкнувшись с прогуливающимся охранником, он встал в строй перед «ведущим». Один-два раза он по привычке пытался оглянуться через плечо, но видел при этом лишь собственное лицо — бледное и отчаянное.

У дверей столовой толпа стала плотнее; там «ведущий» догнал его. Теллон обнаружил, что уставился в собственный затылок с расстояния в несколько дюймов. Хотя такая близость и сбивала с толку, зато легче было пройти через внутреннюю дверь и занять свободное место за одним из длинных столов. «Ведущий» прошел дальше по залу и сел так, что уже не видел Теллона. Постучав пальцами по оправе электроглаза, Теллон очистил блок памяти, переключился на минимальный радиус действия — шесть футов — и снова врубил «поиск». Несколько секунд перед глазами мелькала мешанина световых пятен. Электроглаз уловил несколько сигналов одновременно и только потом выделил один. И снова Теллону повезло: на этот раз он видел глазами человека, сидящего у него за столом напротив.

Когда робот-официант, похожий на маленькую башенку, двинулся наконец вдоль щели в центре стола, раздавая завтраки, у Теллона от напряжения желудок словно скрутило в узел. Однако он съел все до последней крохи. Он чувствовал, что заработал эту пищу.

Теллон и Уинфилд, оба с надетыми элекроглазами, встали, когда Хелен Жюст вошла в мастерскую. Как калека Хогарт не обязан был вставать в знак приветствия — от него требовалось только выразить на лице почтение. Но и он привстал — насколько позволяли костыли.

Хелен Жюст улыбнулась Хогарту и знаком попросила его сесть. Теллон, настроенный на Хогарта, инстинктивно улыбнулся в ответ, и только потом до него дошло, что улыбка предназначалась не ему. Хогарт, помнится, описывал ее так: «длинная, худая, рыжая, с оранжевыми гла-

зами». Теперь он понял, что имелось в виду. И в то же время у него в голове не укладывалось, как мог хоть какой-нибудь мужчина отделаться такой фразой при описании этого удивительного творения природы. Конечно, она была не худая, а стройная. Все в ней было соразмерно — от таких плавных линий зашлось бы сердце у любого, самого изощренного конструктора человекоподобных роботов. Волосы у нее были яркого и насыщенного медно-коричневого оттенка, а глаза — цвета (Теллон поискал точное сравнение) старого виски в хрустальной рюмке, если смотреть сквозь нее на огонь. Он поймал себя на том, что шепотом снова и снова повторяет: да, да, да...

Она пробыла в мастерской около часа, проявила исключительный интерес к электроглазам и подробно расспросила Уинфилда, как они работают и как с ними управляться. Доктор несколько раз протестовал, объясняя, что это не он изобрел электроглаз. Всякий раз после этого она бросала взгляд на Теллона, но лично к нему ни разу не обратилась. Теллон обнаружил, что ему это скорее нравится, ибо тем самым ему оказывали особое внимание.

Уходя, она спросила Уинфилда, нужен ли им еще робот-сборщик.

— Не исключено, что еще понадобится, — ответил Уинфилд. — Понимаю, понимаю: ремонтники хотят поскорее забрать его назад. Но мы ведь почти не испытывали прибор на открытой местности. Возможно, потребуются кое-какие мелкие переделки; собственно говоря, заключенный Теллон считает, что и сам принцип работы нуждается в изменении. По-моему, он хочет вернуться к прежней системе — с телекамерой.

Хелен Жюст, похоже, заколебалась.

— Как вам известно, я пыталась убедить руководство тюрьмы в том, что у них есть особые обязательства перед заключенными инвалидами. Но мои возможности не безграничны. — Она на миг замолчала. — Через три дня я уезжаю в отпуск; к этому времени вы должны вернуть оборудование.

— Благодарим вас от всего сердца, мисс Жюст. — Уинфилд по-военному отдал ей честь.

Она вышла. Теллону показалось, что в один момент она сверкнула глазами в его сторону, но Хогарт уже отводил взгляд, и потому Теллон так и не понял, было это на самом деле или нет? Она невольно напомнила ему о мире за стенами Павильона, о мире, к которому принадлежала, — и мысли эти погрузили его в тоску.

— Я думал, она тут целый день проторчит. Терпеть не могу, когда эта вобла является ко мне в мастерскую.

— У тебя, Эд, глаза пока еще на месте. А вот пользоваться ими ты не умеешь, — фыркнул Теллон.

— Хорошо сказано, сынок, — прогремел Уинфилд. — Ты заметил, что он только раз и посмотрел на ее ноги? Впервые за восемь лет мне представился случай взглянуть на женщину, а этот старый козел, который распоряжается моими глазами, все время пялился в окно.

Теллон улыбнулся, но заметил, что в этот момент он видит только трубку Хогарта крупным планом да еще искривленный палец, утрамбовывающий серый табачный пепел в почерневшей чашечке. Ему показалось, что Хогарт чем-то обеспокоен.

— Что стряслось, Эд?

— Слушайте, вы, ловеласы. Никто не заходил сегодня в корпус отдыха послушать новости?

— Нет.

— А зря. Вы бы узнали, что переговоры между Эмм-Лютером и Землей относительно той новой планеты прерваны. Земные делегаты наконец-то поняли, что Арбитр готов упираться хоть до скончания века, и покинули зал переговоров. Похоже, скоро мы окажемся в гуще первой в истории империи межзвездной войны.

Теллон прижал ладонь к виску; все это время он заставлял себя не помнить про Блок и про капсулу-горошину, где хранился кусочек его мозга. Сама мысль о том, что маленький шарик серого вещества мог стоить целого мира — огромного, полного жизни, зелено-голубого мира, — была невыносима.

— Плохо дело, — тихо сказал он.

— Есть и другая новость. Наш тюремный «телеграф» сообщает, что Черкасский объявится на следующей неделе.

— Док, мы еще по-настоящему не испытали наши новые глаза. — Теллон продолжал говорить спокойно, хотя сердце у него в груди бешено заколотилось. — Тем не менее нам стоило бы предпринять дальнюю прогулку.

— Ты имеешь в виду действительно дальнюю прогулку?

Теллон невозмутимо кивнул. Им и в самом деле предстояла дальняя прогулка. Тысяча миль до Нью-Виттенбурга и восемьдесят тысяч ворот до Земли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Птицелов Кронин посмотрел на них в упор; в глазах его с покрасневшими веками отражалось растущее удивление.

— Нет, — сказал он. — У меня нет ни сов, ни ястребов и вообще ничего в этом роде. Я же вам говорю, здесь у нас, на дальнем юге, почти нет грызунов, которыми они кормятся. А что, вам нужны именно хищные птицы?

— Не обязательно, — быстро ответил Теллон. — Мы возьмем парочку вот этих коричневых, вроде голубей. Нам главное, чтобы птица была приучена к человеку и не улетала.

Он хотел взять именно хищных птиц, потому что глаза у них расположены примерно как у человека — а значит, к их зрительному полю легче привыкнуть. Очень удобно, когда ведущий находится рядом с тобой. С другой стороны, невелика радость — глядеть на мир словно бы через дыры в висках. Но самое главное — поскорее раздобыть хоть какие-нибудь глаза.

— Ну, не знаю. — Птицелов бросил на Теллона проницательный взгляд. — Послушайте, вы не Теллон? Я думал, вы слепой.

— Я и в самом деле слепой. Почти. Вот почему я хочу взять птиц. В каком-то смысле они нам будут вместо собак-поводырей.

— Хм-м, не знаю. Похоже, ребята, вы не очень-то любите птиц. А они, знаете, здорово это чувствуют.

Уинфилд раздраженно кашлянул.

— Мы дадим тебе по четыре пачки сигарет за каждую. Насколько я понимаю, это вдвое дороже, чем ты обычно берешь.

Заключенный Кронин пожал плечами и достал из вольера двух похожих на голубей птиц местной породы. Небольшой вольер, который он соорудил из проволочной сетки, помещался на южной оконечности полуострова. Он привязал к лапкам покорно трепещущих птиц короткие веревочки и вручил их покупателям.

— Если хотите приучить птицу сидеть на плече — посадите ее себе на эполет и привяжите. Пусть попривыкает денька два.

Теллон поблагодарил его, и они торопливо удалились с птицами в руках. Возле полуобвалившейся стены старого сада они остановились и посадили птиц на плечи. Когда Теллон настроился на зрительные сигналы своей птицы, ему почудилось, что с головы его сняли крышку и в нее хлынул свет. Широко расставленные птичьи глаза давали восхитительную 360-градусную панораму суши, моря и неба. Такое зрелище, позволяющее птице замечать охотников и прочих врагов, вызвало у Теллона ощущение, что и за ним охотятся. Трудно, конечно, привыкнуть к тому, что сбоку у тебя перед глазами маячит твое же собственное ухо, но тут были и свои плюсы — по крайней мере никто не застанет тебя врасплох.

Они двинулись к восточной части полуострова. Дорога поднималась все выше и выше и заканчивалась на невысоком утесе, с которого открывался вид на море — вернее, на не знающий приливов и отливов океан, что кольцом охватывал всю планету. Теллон испытывал небывалый восторг от ощущения свободы и простора. Ему казалось, что стоит набрать в грудь воздух — и он взлетит над золотистой полоской горизонта.

Уинфилд указал рукой на север. За зубчатыми крышами Павильона, мерцая на солнце, поднималась стена тумана. У ее основания горели ярко-красные сигнальные

огни, похожие на цветы. Они были видны более чем за милю.

— Это болото. Оно тянется примерно на четыре мили, а дальше начинается уже настоящий материк.

— Разве не легче обойти его вплавь морем?

— Тебе придется уйти в открытое море не меньше чем на милю, чтобы обогнуть заросли, которые окаймляют болото. Воздушные патрули моментально тебя засекут. Нет, единственный путь лежит через трясину. Тут, кстати, есть еще одно большое преимущество: через несколько часов они наверняка решат, что мы погибли, и не будут слишком усердно искать нас на том берегу. Сдается мне, единственное, что они предпримут, это начнут ежедневно проверять магазины «автострелков» — вдруг да они нас и подстрелят.

— А что такое «автострелки»?

— Неужели я тебе о них не рассказывал? — Уинфилд невесело усмехнулся. — Видишь ли, северная кромка болота — это неровная линия протяженностью почти шесть миль. Вероятность того, что какой-нибудь заключенный до нее доберется, очень мала. Поэтому советники службы безопасности Павильона решили не держать там часовых — это, мол, стоит денег и создает лишние проблемы. Вместо этого они соорудили цепь из сорока башен, на которых установили роботы-ружья. Каждое ружье снабжено парой широко расставленных антенн, которые реагируют на тепло — ну, как гремучая змея. Эти антенны позволяют автоматически наводить ружье на любое появляющееся в пределах его досягаемости теплокровное существо. Стреляют они ракетами дюймового калибра с собственной системой наведения по тепловому излучению и миниатюрным импульсным двигателем. С его помощью ракеты развивают скорость в семь тысяч футов в секунду. Стрелять по людям им почти не приходилось, однако об их эффективности можно судить вот по какому факту. Неделю спустя после того, как на болоте установили башни, все обитавшие там теплокровные были уничтожены; кровавое месиво с осколками костей — вот и все, что от них осталось.

— Если эти ружья так здорово бьют, — спросил Теллон, — как же мы мимо них проскочим? Мы и подобраться-то к ним не сумеем.

— Пошли, сейчас увидишь.

Они пересекли полуостров южнее Павильона и двинулись вдоль западного берега. Здания тюрьмы оказались у них за спиной, а прямо перед ними клубилась холодная зеленая мгла. Простой бревенчатый частокол с протянутой поверху колючей проволокой обозначал границу территории Павильона; за ним недвижно висели в воздухе лепные завитки болотного тумана. Теллон никогда прежде не подходил так близко к болоту и даже представить себе не мог, насколько оно отвратительно. Случайные порывы ветра доносили липкое и холодное дыхание его испарений.

Вонь была такая, что его едва не стошнило.

— Забавно, правда? Вряд ли нам будет там слишком жарко, — с гордостью, словно он был хозяином этой трясины, произнес Уинфилд. — А теперь не размахивай руками и вообще не привлекай к себе внимания. За нами могут наблюдать с башни. Посмотри-ка лучше на ограду возле вон той белой скалы. Понял, о чем я говорю?

Теллон кивнул.

— Частокол там совсем трухлявый, его изъели червяки-древоточцы. Два раза в год ремонтная бригада обрабатывает его инсектицидом, чтобы не заводились черви. А перед этим прихожу я и крашу этот кусок забора обычной шпаклевкой, чтобы инсектицид не попал внутрь. Там их, наверное, миллиона два, этих червяков. Должно быть, они считают меня Богом.

— Чистая работа. Но разве не легче было бы перелезть через частокол?

— Тебе, может, и легче. А вот моя комплекция не располагает к подобным упражнениям. Лазать мне приходилось только один раз — восемь лет назад. А с тех пор я изрядно раздался.

— Ты собирался рассказать мне о ружьях.

— Да. Видишь вон те ползучие растения с темно-красными цветами, прямо на краю болота? Они называются дринго. Листья у них толщиной примерно в четверть дюй-

ма и достаточно плотные, чтобы их можно было сшить с помощью нитки и иглы. Мы соорудим экраны и под их прикрытием минуем ружья.

— Ты уверен, что они хорошо изолируют тепло? — с сомнением спросил Теллон.

— Убежден. Под этими листьями живут скорпионы-прыгуны, которые не переносят колебаний температуры. Они здорово на меня сердятся, когда я пытаюсь заглянуть к ним «под крышку». Нет-нет, не волнуйся, от них у нас есть защита.

— Как раз об этом я и собирался тебя спросить.

— Все предусмотрено, сынок. Возле белой скалы есть небольшая расщелина. Я мог отыскать ее без труда даже в те времена, когда был слеп. Там спрятаны ранцы со снаряжением. Все, что нужно для побега.

— Их что, несколько?

— Да. В случае необходимости я был готов идти один. Но я знал, что, если взять с собой товарища, который по крайней мере сможет видеть, куда мы идем, шансов на успех будет больше. Ты еще не раз убедишься, сынок, что я человек весьма предусмотрительный.

— Док, — изумленно сказал Теллон, — я в тебя просто влюблен!

Главное, что входило в «набор беглеца», — два больших квадратных листа тонкого упругого пластика. Уинфилд украл их из грузового порта Павильона, где ими накрывали сыпучие груды. По замыслу Уинфилда, в середине листа нужно было проделать дыру — чтобы только-только голова пролезала, — потом надеть лист на шею и изнутри склеить его по краям. Такие оболочки при всей своей топорности будут иметь достаточно большую поверхность, чтобы не дать человеку провалиться в трясину. Несколько лет Уинфилд прибирал к рукам все, что плохо лежит. Он накопил запас антибиотиков, а также препаратов против всевозможных разновидностей болотной лихорадки и ядовитых насекомых. У него был даже шприц, два комплекта формы охранника и немного денег.

— Единственное, что я тогда не учел, — так это то, что наши глаза будут путешествовать самостоятельно. Не знаю,

как наши пернатые друзья перенесут болотные условия. Боюсь, неважно.

Теллон погладил птицу, сидевшую у него на плече:

— Им тоже потребуются «защитные костюмы». Давайка вернемся в мастерскую и соорудим две небольшие клетки с прозрачным пластиковым покрытием. После этого мы будем готовы бежать по первому твоему слову.

— Тогда уходим сегодня же вечером. Нет смысла тут торчать. Сколько лет растратил впустую. Знаешь, у меня такое ощущение, что нас поджимает время.

Вечерняя трапеза, как обычно, состояла из рыбы. За два года, проведенных на этой планете, Теллон привык постоянно есть рыбу — и на завтрак, и на обед, и на ужин. На Эмм-Лютере море было единственным источником белковой пищи. На воле рыбу хоть обрабатывали, чтобы на вкус она напоминала какое-нибудь другое блюдо. В Павильоне же у рыбы всегда был вкус рыбы.

Теллон несколько минут ковырял сухую белую мякоть и морские овощи, похожие на шпинат, потом встал и медленно вышел из столовой. Он обнаружил, что ему становится все легче передвигаться в замкнутом пространстве. Даже случайно брошенный на него взгляд он мог теперь «похитить» и использовать. Конечно, проще всего было бы посадить на плечо Ариадну — так он назвал свою птицу — и ориентироваться с ее помощью, однако не стоило привлекать к себе внимание.

Они с Уинфилдом решили в эти последние часы в Павильоне держаться по возможности незаметно — и подальше друг от друга. С наступлением сумерек они должны были поодиночке пробраться к белой скале. Два часа спустя жилые корпуса запирали. Доктор должен был явиться первым, прихватив с собой клетки с птицами, и до прихода Теллона достать ранцы.

Выйдя из столовой, Теллон на миг остановился в нерешительности. До встречи оставался почти час. О еде он сейчас и думать не мог; единственное, что он хотел, — это выпить кофе, но Уинфилд предупредил, что ни есть, ни пить ни в коем случае нельзя, так как им по меньшей мере

два дня предстояло проходить в запечатанных пластиковых конвертах. Повертев регулировку расстояния, он «подстроился» к стоявшему у дверей охраннику и зашел к нему со спины. Охранник курил. Теллон тоже достал сигарету и, затягиваясь всякий раз, когда то же самое делал охранник, несколько минут наслаждался этой поразительно реалистической имитацией нормального зрения. Так приятно было воссоздать хоть кусочек теплого, спокойного прошлого, но за корпусами, стоящими вокруг площади, уже сгущались сумерки, напоминая, что на болото спускается ночь и что он сам, Сэм Теллон, проведет эту ночь, пробираясь ползком по вонючей трясине навстречу «автострелкам».

Оставив за спиной обеденные разговоры и грубый смех, Теллон зашагал через площадь к жилым корпусам. Должно быть, охранник проводил его взглядом, ибо Теллон сейчас отлично видел себя — фигурка, движущаяся к корпусам, чернеющим на фоне закатного неба. Он неловко расправил плечи, но его удаляющаяся фигура не стала от этого более внушительной. Или менее одинокой. Он хотел забрать Ариадну (ее поместили в проволочный вольер, который тюремный совет предоставил заключенным, желающим держать птиц), но решил сперва зайти к себе в камеру за вещами. Дойдя до своего жилого блока, Теллон понял, что сильно удалился от «ведущего», для прибора такое расстояние было почти предельным. Сейчас Теллон видел себя крохотным коричневым пятнышком. Оно уже приближалось к дверям, когда Теллону показалось, что он различает еще два пятнышка. Две фигурки, одетые в темно-зеленую форму охранников, отделились от портика. Охранник, «ведущий», который все еще стоял у столовой и курил, был, видимо, несколько близорук. Поэтому Теллон решил подключиться к тому, который был поближе.

Но только он поднял руки к переключателям электроглаза, как почувствовал прикосновение чьих-то тел и его руки оказались прижатыми к бокам. Теллон увидел, что зеленые точки прилепились к коричневой — к нему. Сердце забилось, как бешеное.

— На меня, наверное, стукнули, что я ворую из столовой ножи? — проговорил он. — Неправда все это!

— Не строй из себя дурачка, Теллон, — прокаркал ему в ухо чей-то голос. — Где Уинфилд?

Теллон понял: раз они не смогли найти доктора в корпусах — значит, он уже направился к условленному месту. В этом случае Уинфилду, возможно, удастся выбраться из Павильона. Если, конечно, он не будет слишком долго ждать Теллона. Но кто настучал охранникам? Наверняка не Хогарт. Даже если коротышка догадался, что они задумали, он вряд ли...

— Ты что, оглох? Где Уинфилд, я спрашиваю?

— Я не знаю. — Теллон на ходу пытался выдумать какую-нибудь правдоподобную историю, чтобы помочь доктору выиграть время, но мозг его словно окоченел. Охранники, к его удивлению, не очень-то тревожились.

— Какая разница? — спокойно произнес тот, что держал его справа. — Сперва у этого заберем машинку, а найдем Уинфилда — так и у него тоже.

— Да, больше тут ничего не придумаешь.

Пытаясь сообразить, что все это значит, Теллон вдруг почувствовал, как рука одного из охранников прикоснулась к его виску. И сразу же он ослеп. Они отобрали у него электроглаз!

— Какого черта! — яростно крикнул он, вырываясь из их цепких рук, и едва не упал — охранники сами выпустили его. Он был свободен, но опять слеп.

— Отдайте прибор, бандиты! Это моя собственность. Слышите, вы, сукины дети? Иначе я все расскажу... расскажу мисс Жюст.

Один из охранников рассмеялся:

— Да ты шутник! Вы с Уинфилдом сделали эти чертовы очки из ворованных государственных материалов. Иди, стучи на нас мисс Жюст сколько тебе угодно. Она-то их и конфискует.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тупая игла дважды отказалась войти в тело, на третий раз Теллон почувствовал, как она проколола кожу и глубоко вонзилась в предплечье.

— Извини, сынок, — сказал Уинфилд. — Я давно не практиковался.

— Послушай, док, ты твердо решил? Ты ведь заготовил второй ранец, чтобы взять с собой помощника. Не слепого, а человека, действительно способного тебе помочь. — Теллон спустил закатанный рукав, спрятав под ним дрожащую руку.

— Тверже не бывает. Кроме того, как только мы тронемся, я отдам тебе свой электроглаз.

— Нет уж, док. Электроглаз останется у тебя, с меня и сонара хватит. Слава Богу, хоть его не отобрали.

Путь от корпуса к условному месту встречи был сплошным кошмаром. Несколько раз Теллон падал, но почти не чувствовал боли. Зачем Хелен Жюст конфисковала его электроглаз? Сперва она так воодушевляла их, настраивала на работу, а потом раз — и все прикрыла. Может, она догадалась, что они собираются бежать? И решила таким манером захлопнуть дверь у них перед носом?

— Ну, вот и все, — объявил Уинфилд. — Профилактическая инъекция перед выходом нам не помешает. В этих местах даже укус древоточца может иметь неприятные последствия.

Он сунул Теллону в руки увесистый тюк, и они осторожно спустились вниз по склону к частоколу. Один раз Уинфилд поскользнулся в густой траве, и птица, сидевшая у него на плече, разразилась тревожным клекотом. Теллон направил луч сонара прямо перед собой и вслушивался в равномерно повышающийся звук — луч «бился» о частокол.

— Вот и прибыли, — проворчал доктор. Затем раздался глухой хруст — Уинфилд крушил сапогом гнилое дерево, обиталище колонии червей, которую он столь тщательно выращивал. Теллон полез следом за доктором и случайно

задел за край пролома — на него обрушился целый ливень крошечных извивающихся червяков. Теллон брезгливо поморщился. Выбравшись наружу, Теллон и Уинфилд двинулись в сторону болота. Идти пришлось недолго, вскоре твердая земля кончилась.

— Теперь костюмы, — отрывисто сказал Уинфилд. — Ты не забыл, что есть и пить нельзя?

— Да.

— Хорошо, но лучше тебе все же прихватить вот это.

— Что это?

— Пеленка.

— Не валяй дурака.

— Потом сам же мне спасибо скажешь.

Они задрапировались в пластиковые листы, надев их на шею и склеив края. Делал все в основном Уинфилд. Находясь в пластиковом мешке, было очень трудно действовать руками, но он стянул клейкой лентой и пластик на шее, запястьях и щиколотках. Это позволяло сравнительно свободно ходить и двигать руками. Потом они обмотали пластиком головы, довершив тем самым свой гротескный наряд. Головные повязки тоже залепили клеем и клейкой лентой, а поверх нахлобучили тюремные кепки.

— Я понесу тюк и птицу, — сказал Уинфилд. — А ты держись как можно ближе ко мне.

— Естественно, док.

Пробираясь в темноте к болоту, Теллон содрогался от ужаса при мысли о том, что ему предстоит. Он ничего не видел, однако, ощутив, как вокруг него смыкается холодная и влажная мгла, понял, что достиг края болота. Догадаться об этом можно было и по тяжелому зловонию. Каждый вдох требовал усилия, к нему надо было готовить себя заранее. Сквозь клубы испарений проникали незнакомые ночные звуки. Хотя «автострелки» и перебили всех теплокровных обитателей болота, во тьме, несомненно, скрывалось немало разных тварей. Тем не менее Теллон испытывал нечто вроде внутреннего умиротворения. Он в конце концов устал плыть по течению, устал от вечных компромиссов, устал бояться. Доктор, этот старый толстяк с головой, набитой идиотскими мечтами, вел его, можно ска-

зать, на верную смерть. Но он научил Теллона одной великой истине: «Идти навстречу смерти тяжело, но все же это лучше, чем позволить ей гоняться за тобой».

Болото оказалось намного хуже, чем он предполагал. Теллон понял, что просто не представлял всей сложности стоящей перед ним задачи. Первый час они еще могли идти — то посуху, то вброд, сохраняя вертикальное положение. Так, с относительным комфортом, они преодолели около двухсот ярдов. Но скоро Теллону стали попадаться участки, где ноги, прежде чем нащупать опору, погружались на шесть дюймов в вязкое, как патока, месиво.

Идти было трудно, но все-таки можно — даже по колено в этой каше. Теллон упрямо шел вперед, обливаясь потом в своем пластиковом мешке. Но тут мир словно бы стал проваливаться. Ноги, вместо того чтобы упереться в твердую почву, уходили все глубже и глубже. Планета, казалось, засасывала его сквозь пластиковую шкуру.

— Падай вперед! — закричал Уинфилд. — Ложись ничком и раскинь руки!

Теллон с шумом рухнул вперед. Распластавшись на животе, он словно обнимал пузырящуюся трясину. Вода заливала ему лицо, поднявшийся со дна ил нес с собой, казалось, все запахи смерти и разложения. Не в силах справиться с тошнотой, он дернулся и при этом его лицо погрузилось в медленно ползущую тину.

— С тобой все в порядке, сынок? — встревоженно спросил Уинфилд.

Первым желанием Теллона было закричать: «Спасите!» Но, задыхаясь в своей черной, слепой вселенной, он стиснул зубы и принялся яростно колотить руками по трясине. Постепенно он стал выбираться и, загребая руками, как пловец, пополз вперед.

— Все в порядке, док. Пошли дальше.

— Так держать. Дальше будет полегче.

По громкому плеску, донесшемуся откуда-то спереди, Теллон понял, что доктор двинулся дальше. Отчаянно оскалившись и молотя руками по болотной жиже, Теллон стал продвигаться следом за ним. Иногда попадались маленькие островки, и несколько шагов они проходили пеш-

ком, пробираясь через упругую, словно резиновую, болотную растительность. Временами они натыкались на настоящие заросли ползучих растений, их приходилось огибать, а иной раз даже возвращаться по собственному следу, чтобы обойти заросли. Однажды рука Теллона наткнулась на что-то плоское и ледяное. Это что-то, прежде спокойно лежавшее у самой поверхности воды, судорожно извернулось, вырвалось из-под его тела, на мгновение вызвав в нем парализующий страх.

Ночь тянулась медленно, и Теллон, все чаще и чаще догонявший Уинфилда, понял, что доктор совсем выбился из сил. Уинфилд задыхался, из его горла вырывалось какое-то хриплое, монотонное всхлипывание.

— Слушай, док! — крикнул наконец Теллон. — Нам обоим надо передохнуть. Зачем рисковать? Так и сердечный приступ может случиться.

— Не останавливайся. Сердце у меня в порядке.

Теллон нащупал ногами кусочек твердой земли. Он рванулся вперед, всем телом навалился на Уинфилда и с шумом уложил его плашмя на трясину. Доктор упорно отбивался, стараясь при этом еще и продвинуться вперед.

— Ради Христа, док, — выдохнул Теллон. — Я говорю про мое сердце. Передохнем немного, ладно?

Еще секунду Уинфилд сопротивлялся, потом обмяк.

— Ладно, сынок, — сказал он, пыхтя и борясь с одышкой. — Даю тебе пять минут.

— Ты не представляешь, док, как я тебе благодарен.

— А я должен благодарить самого себя.

Они лежали, прижавшись друг к другу, и тихо посмеивались, пока наконец Уинфилд не стал дышать ровнее. Тогда Теллон рассказал ему о встрече с той подводной тварью.

— Это «скользун». Сейчас он особой опасности не представляет, — сказал Уинфилд. — А вот когда самкам приходит пора откладывать яйца, кожа у них по бокам затвердевает и режет, как нож, все, что движется мимо. Пропорет насквозь да еще и яиц туда накидает.

— Милая привычка.

— Да, тут уж, как говорится, остается только одно: радоваться прибавлению в своем семействе. Кстати, вышли

мы в самое удачное время. Зимой на болоте довольно спокойно. Единственная опасность — тинные пауки.

— Они ядовитые?

— Нет, с их пастью яд им ни к чему. Они лежат на мелководье, задрав ноги. В таком виде они похожи на заросли камыша. А посредине — пасть. Если тебя еще раз занесет в эти места, сынок, остерегайся проходить через аккуратные группы камышей.

Тут Теллону пришла в голову тревожная мысль:

— Слушай, а как птица видит ночью? Я имею в виду — сможешь ли ты заметить тинного паука?

Уинфилд фыркнул.

— Тебе-то что, ведь я иду первым.

Когда рассвело, Уинфилд настоял, чтобы Теллон сменил его и сам надел электроглаз.

Теллон, благодарный за то, что ему не придется идти во тьме, согласился и несколько часов возглавлял поход. Чтобы раздвигать невысокие растения, он пользовался грубым подобием копья, которое Уинфилд вытесал из тонкого деревца. Птица время от времени била крыльями в своей пластиковой клетке, но никаких особых признаков беспокойства не выказывала. Пробираясь сквозь мокрые заросли, Теллон увидел, что вода кишит темно-коричневыми существами, похожими на пиявок. Они корчились, извивались и беспрестанно дрались друг с другом. Порой их темные тела образовывали огромные живые ленты, которые вились у ног Теллона. Воздух то звенел мелкой мошкарой, то рвался под ударами яростно трепещущих крыльев огромных черных, как сажа, насекомых, которые беспорядочно носились над болотом, поглощенные своими никому не ведомыми делами.

Дважды в день прямо над их головами на бреющем полете прошли самолеты, но беглецов скрывал холодный зеленый туман. Теллон двигался как автомат, мысли у него в голове ворочались все медленнее и медленнее, и были они какие-то тягучие, и снились ему коричневые сны. Все чаще они останавливались на отдых. Все длиннее и длиннее становились привалы — беглецов одолевала усталость.

В сумерках они нашли маленькую, сравнительно сухую кочку, улеглись на ней и заснули, как дети.

Роботы вполне могли обстрелять какую-нибудь цель, находящуюся за пределами четырехмильной полосы болота. Чтобы этого не случилось, ракеты снабдили взрывателями с часовым механизмом. Тем самым их радиус действия был ограничен двумя тысячами ярдов. На практике, однако, их зона поражения зависела в основном от плотности болотного тумана. В самые сумрачные дни человек мог подобраться к башням на четыреста ярдов, если не ближе, и только когда тепловое излучение его тела достигало критического значения, робот открывал огонь. Впрочем, внезапный порыв ветра мог пробить в тумане длинную брешь, подобную аллее, уходящей в глубь болота. И тогда блестящие рычаги, похожие на лапки насекомого, придут в движение, и тяжелый снаряд с воем пролетит по этой туманной аллее.

Когда Уинфилд разрабатывал план побега, он много думал об «автострелках».

На второй день поутру доктор открыл свой ранец, достал оттуда маленький ножик и срезал куски пластика, прикрывавшие руки. Потом они набрали полные охапки мясистых твердых листьев дринго, увертываясь от скорпионов-прыгунов, со свистом рассекавших воздух. Листья они сшили вместе, так что получились темно-зеленые накидки.

— Скоро мы снова выйдем на сухое место, — сказал Уинфилд. — Видишь, эта зеленая хреновина уже редеет. Сегодня туман довольно густой, поэтому ближайшие несколько сот ярдов мы в безопасности, а дальше придется идти пригнувшись. И ни в коем случае не высовывайся из-под накидки. Понял?

— Понял. Пригнуться и не высовываться.

Идти, закутавшись в тяжелое одеяло из листьев, было еще труднее. Теллон, изнемогая от жары в своем пластиковом мешке, из последних сил тащился вслед за доктором. Теперь он был лишен даже скромного общества своего сонарного «фонаря». Как только Теллон натянул на голову накидку, его пришлось выключить.

Два часа они дюйм за дюймом продвигались вперед, пока Теллон не заметил, что идти становится легче. Все реже приходилось им возвращаться назад или, барахтаясь в грязи, выбираться из бездонных илистых плавунов. Он уже начал думать о том, что когда-нибудь снова будет ходить в полный рост, дышать свежим воздухом, обсохнет, помоется и даже поест.

Внезапно где-то впереди хрипло вскрикнул Уинфилд.

— Док! Что стряслось? — Теллон слышал только яростный плеск воды и проклинал свою слепоту и беспомощность. — Что случилось, док?

— Паук. Большой...

Доктор снова закричал, и плеск стал громче.

Теллон отбросил в сторону «одеяло» и быстро, как только мог, пополз вперед, все время ожидая, что вот-вот холодная влажная пасть вцепится в его незащищенную руку.

— Где ты, док? Ты меня видишь?

— Сюда, сынок. Дальше не надо. Дай-ка мне... левую руку.

Теллон протянул руку и почувствовал, что на ладонь ему опустилось что-то легкое и хрупкое. Электроглаз. Он надел его, и на него тут же обрушились снопы яркого зеленого света — ударили в глаза. Уинфилд уронил клетку с птицей, и Теллон догадался, что смотрит на диковинный пейзаж сквозь заляпанный илом пластик. Сперва он даже не понял, что эта облепленная тиной морская звезда — он сам, а другое такое же чудовище, корчившееся рядом, — Уинфилд.

Доктор лежал на спине, его правую ногу почти до колена затянуло в бурлящий водоворот. Во вспененной воде расплывались алые пятна, а вокруг ноги бились и трепетали в воздухе восемь членистых ножек. Стон ужаса вырвался у Теллона, однако он сумел сориентироваться, метнулся вбок и схватил копье, которое вывалилось из рук Уинфилда. Он поднял его и вонзил наконечник в грязь — туда, где, как он думал, было туловище тинного паука. Поверхность воды медленно вспучилась, и копье в кулаке Теллона стало гнуться.

— Держись, док. Я его копьем!

— Копьем не получится, сынок. Слишком твердая шкура. Надо... надо ему в глотку. Дай копье мне.

Теллон выдернул копье и вложил его в слепо хватающую воздух руку Уинфилда. Беззвучно раскрыв рот, тот принял оружие и вогнал наконечник в воду возле своей ноги. Зеленые лапы жадно ухватили его за руки, но тут же резко распрямились.

— Сейчас я его, — бормотал Уинфилд. — Сейчас, сейчас.

Он перехватил древко копья повыше и с торжествующим видом стал погружать его все глубже и глубже.

Наконец он смог налечь на дрожащее копье всем телом, и болото около его ног забурлило. Внимание Теллона, припавшего к земле неподалеку, было полностью поглощено битвой, но тут у него в голове раздался беззвучный сигнал тревоги. В этой схватке побеждал Уинфилд, но ведь была и другая опасность, о которой они забыли.

— Док! — крикнул он. — Ты стоишь!

Уинфилд на миг замер — скорее с виноватым, чем с испуганным видом — и стал валиться на землю, но «автострелок» уже взял его на прицел. На Теллона обрушился невероятной силы удар, вслед за которым раздался нарастающий рев — ракета обогнала свой звук. Мельком он увидел, как закувыркалось по воде обезглавленное тело доктора. Несколько секунд спустя донеслось запоздалое раскатистое эхо выстрела. Копье вертикально стояло в тине, слегка подрагивая в такт движениям невидимого паука.

«Ты свалял дурака, док, — тупо думал Теллон. — Кто угодно мог встать — только не ты. Ты предостерег меня, чтобы я не вставал — а потом встал сам». Несколько секунд он стоял на четвереньках, растерянно качая головой, потом к нему вернулся гнев — тот гнев, повинуясь которому он вытолкнул Черкасского из окна гостиницы в Нью-Виттенбурге.

Теллон обтер пластиковый футляр птичьей клетки, чтобы лучше видеть себя, и стал подбираться к копью. Не обращая внимания на колотившие воздух лапы паука, он вытащил копье и снова воткнул его в то же место — и так, раз за разом, он вынимал и снова вонзал свое оружие, пока в воде не забурлили струи кремового цвета. В после-

дний раз выдернув копье, Теллон отправился искать тело Уинфилда. Вскоре он нашел его в неглубокой заводи: пиявки уже покрыли его сплошным копошащимся слоем.

— Прости, док, — громко произнес он. — Земля нуждается в тебе. Ты должен сделать еще кое-что. Я знаю, ты был бы не против.

Теллон зацепил тело доктора копьем за складку пластикового костюма и, застонав от напряжения, поднял его вертикально. На этот раз Теллон был гораздо ближе, разрыв второй ракеты оглушил его. Копье со страшным грузом выбило у него из рук. Теллон подобрал птицу и мешок с припасами, потом закутался в тяжелую накидку из дринго и двинулся дальше. Прошло часа четыре, прежде чем он наконец рискнул проделать в листьях крошечное отверстие и поднести к нему клетку с птицей.

Он уже почти достиг северной кромки болота; далеко впереди над завесой тумана парила стройная башенка робота-стрелка. Солнце играло на ее верхушке. Теллон, конечно же, не мог знать, этот ли стрелок убил Логана Уинфилда, но где-то на линии один из компьютеров занес в регистр, что выпущены две ракеты. Для службы безопасности Павильона это означало, что у двух заключенных закончился срок.

Позади изящной башенки Теллон разглядел серые покатые нагорья Срединного хребта. Не выпуская из рук клетки, он уселся на землю и стал ждать ночи. Тогда и должно было начаться его настоящее путешествие.

Ему оставалось пройти тысячу миль до Нью-Виттенбурга и восемьдесят тысяч ворот до Земли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В сумерках Теллон миновал цепь башен.

Он догадывался, что роботы простреливают только само болото и его границу, но все равно не вылезал из-под на-

кидки и, пока он не прошел между башнями, у него по спине ползали мурашки.

Выбравшись из болота, он прежде всего разрезал и снял пластиковый мешок, завернул его в листья и спрятал этот ком в зарослях колючего кустарника. Потом быстро вытащил Ариадну-вторую из клетки, привязал ее за ножку к эполету на своей тюремной форме и перелез через частокол, возведенный здесь для того, чтобы случайный человек не забрел во владения «автострелков».

Радость свободы, радость от того, что можно ходить, как нормальный человек, по твердой земле, придавала ему дополнительные силы, когда он брел по скалистым предгорьям Срединного хребта, гряда которого тянулась вдоль всего континента. Немного поднявшись в гору, он увидел мерцающие разноцветные огоньки небольшого городка, приютившегося на берегу залива милях в пяти отсюда. На западе зловеще чернел океан. Теллон глубоко вздохнул, словно хотел почувствовать вкус свободы. Сейчас он был свободен от всего — даже от собственной личности, от тех оков, что накладывают на человека имя и положение в обществе. Чувство, доступное лишь тогда, когда никто в целом мире не знает, где ты и существуешь ли ты вообще.

В этот момент предстоящее путешествие казалось до смешного легким. Для Уинфилда это был бы звездный час, останься он в живых. Но доктор был убит и, уже мертвый, убит снова.

Внезапно Теллон ощутил, что устал, голоден и покрыт вонючей грязью. До самого города не было видно ни огонька — наверное, почва здесь была слишком тверда, чтобы ее возделывать, и поэтому он снова спустился к воде. По дороге он пошарил в мешке Уинфилда и обнаружил там, кроме зеленых мундиров тюремной охраны, фонарик, мыло и крем для удаления волос. Еще там лежало несколько коробочек леденцов — напоминание о долгих годах кропотливой подготовки к освобождению, до которого старый доктор так и не дожил.

Теллон спустился на узкую полоску каменистого берега, разделся и вымылся в холодной морской воде. Оставив себе из прежней одежды лишь сапоги, он переоделся в

чистое и с облегчением обнаружил, что мундир из эластичной ткани сидит на нем вполне прилично. Он усадил птицу на плечо (та совсем не протестовала), привязал ее, перекинул мешок через другое плечо и зашагал на север.

Сперва ему казалось, что он был прав, когда решил держаться берега, а не лезть по усыпанному камнями склону. Но чем дальше, тем яснее становилось, что берег — это вовсе не берег, а просто узенькая полоска суши, покрытая острой галькой, где во многих местах заросли жесткой травы доходили почти до самой кромки воды. Проковыляв немного по каменным буеракам, Теллон понял, что ровного пляжа тут вообще быть не может. Ведь луны у Эмм-Лютера нет, а значит, нет ни приливов, ни пляжей, ни морского песка.

«Если бы только здесь была луна, дорогая моя, мы могли бы устроить пикник на пляже при луне... — подумал он. — Если бы только здесь был еще и пляж».

Посасывая леденец, Теллон свернул в сторону от берега. Он собирался идти к городу и где-нибудь в полумиле от него устроить привал, но неожиданное происшествие заставило его изменить планы. Ариадна-вторая заснула. Теллон пару раз легонько щелкнул птицу, и та на несколько секунд открыла глаза, но тут же опять задремала, ввергнув его во тьму. Сперва он разозлился, но потом раздражение прошло — в самом деле, сколько это создание перенесло ради него. Любая земная птица умерла бы от переизбытка адреналина.

Тогда он лег и попытался уснуть. Он находился на крайнем юге Эмм-Лютера, дальше — только море. Но и здесь зима только-только начала превращаться в весну, и ночи стояли холодные.

Заснул он не скоро. Но все-таки он заснул и видел сны — там он говорил с Уинфилдом, танцевал с Хелен Жюст, а потом взлетел и летел все выше и выше навстречу медному свету зари, а под ним падала в бездну земля, укрытая длинными тенями. Этот последний сон был особенно ярким. На траве лежала крошечная фигурка в темно-зеленой форме. Теллон потянулся, отчаянно ища опору. ОН ЛЕТЕЛ! Под ним был только воз-

дух, а вокруг чередовались головокружительные панорамы земли и моря.

Он вцепился пальцами в жесткую траву, ощутил, как земля давит ему на спину... и окончательно проснулся. Море и земля продолжали кувыркаться у него перед глазами, но теперь он понял, в чем дело. Ариадна-вторая воспользовалась удачным случаем и улетела. Когда она покинула рабочую зону электроглаза, картины стали тускнеть, а потом и вовсе исчезли.

Потеря птицы поставила перед ним еще одну проблему — нужно было найти новые глаза, чтобы с их помощью раздобыть какую-нибудь еду. А ему сейчас требовалось что-то питательное, что можно съесть быстро. От леденцов у него в крови подскочило содержание сахара, но ненадолго. Как это обычно и происходит при переизбытке сахара, поджелудочная железа стала вырабатывать инсулин, который понизил его уровень. И в результате содержание сахара стало даже ниже, чем вначале. Колени у него сами собой подгибались, он едва мог стоять. Доктор, к сожалению, не позаботился о питании для незрячего путника — в «набор беглеца» не входило даже сухое молоко, не говоря уж о других белковых продуктах. Вот о чем думал сейчас Теллон. Впрочем, все эти размышления никак не приближали его к конечной цели — космопорту Нью-Виттенбурга.

Теллон перевел электроглаз в режим «поиск ведущего» и вскоре сумел настроиться на морских птиц, шаривших над водой недалеко от берега. Он опять увидел мир с птичьего полета — океан в серой пелене утреннего тумана, кудрявые склоны холмов и свою собственную темно-зеленую фигурку. Этого было достаточно, чтобы двигаться дальше на север. Было еще очень рано, и он дошел до предместий как раз тогда, когда город начал просыпаться. Теперь он подстроится к людям, которые ни свет ни заря ехали на машинах, торопясь на работу. Никто из них не обращал на него никакого внимания.

Некоторое время Теллон просто получал удовольствие от того, что спокойно шагает по тихим улочкам. Удивительно, до чего эти места напоминали Землю. Крупный северный город Новый Завет, в котором он пребывал боль-

шую часть времени, находясь на Эмм-Лютере, имел особый, ни на что не похожий облик. Но маленькие городки по всей Галактике почти не отличаются друг от друга. Чистенькие домики, спящие в утренней тишине, были точь-в-точь такие же, как и на полудюжине других миров, что он успел повидать, а детские трехколесные велосипеды, валявшиеся на газонах, были красного цвета, ибо именно его предпочитают дети по всей Галактике.

Ну почему человек непременно должен выбрать себе одну планету и поставить ее выше других? Если нуль-переходы не вытрясли из вас душу и вы добрались до другого зеленого шарика — что вам еще нужно? Зачем тащить с собою узы политики, идеологических конфликтов, имперских амбиций, верности Блоку? И все же Уинфилда разорвало в куски, а в мозгу Сэма Теллона все еще хранились координаты новой планеты.

Он отыскал столовую и заказал себе огромное блюдо рыбных бифштексов с гарниром из водорослей. Это кушанье (за которое пришлось выложить примерно десятую часть всей наличности) он запил четырьмя чашками кофе.

Пожилая официантка и единственный, кроме него, посетитель (к которому он тут же «подстроился») глянули на него пару раз — и все. Теллон решил, что его можно принять за кого угодно — хоть за мастера-ремонтника с телестудии или за служащего какого-нибудь безвестного отдела здешнего управления коммунального хозяйства.

Выйдя на улицу, он купил пачку сигарет, закурил и непринужденно зашагал дальше. Потеряв себя из виду, он всякий раз останавливался и изображал, что разглядывает витрины. Народу вокруг становилось все больше, и он обнаружил, что может довольно легко «перескакивать» на новые глаза и быстро узнавать себя в новом ракурсе. Кроме того, он выяснил, что почти никто не может похвастаться безупречным зрением. Люди, глазами которых он пользовался, нередко страдали близорукостью, дальнозоркостью, дальтонизмом и астигматизмом, и он с некоторым удивлением воспринял тот факт, что люди с самыми серьезными дефектами зрения часто не носят очков.

В центре города на фасадах многих домов были установлены трехмерные экраны. По ним плыли цветные узоры, меняющиеся в такт легкой музыке. Рекламу не показывали, но примерно каждые пятнадцать минут в эфир выходил видеообзор новостей. У Теллона и так хватало проблем — например, как пробраться через толпу или перейти улицу, и потому он не обращал на новости особого внимания, но внезапно в глаза ему бросилось огромное изображение похожей на голубя птицы, сидящей на пальце у какого-то человека. С одной лапки у нее свисала веревка. Теллон был уверен, что это Ариадна-вторая. Он напрягся, вслушиваясь в речь диктора.

«*...Вернулась в Государственный Изолятор сегодня рано утром. Предполагается, что двое слепых арестантов несли птицу с собой, и ее возвращение — еще одно свидетельство того, что они погибли на болоте. Предыдущие сообщения о том, что двое заключенных имели в своем распоряжении радары, заменяющие им глаза, опровергнуты представителями Центра.*

А теперь от частных происшествий перейдем к событиям на галактической арене. Представители Арбитра, присутствовавшие на завершившейся раньше намеченного срока Аккабской конференции, прибудут в космопорт Нью-Виттенбурга сегодня во второй половине дня. Предполагается...»

Теллон нахмурился и двинулся дальше. Хорошая новость. Его считают мертвым и не будут на него охотиться, но, однако, обзор новостей напомнил ему о загадочном поведении Хелен Жюст. Быть может, она попала в немилость к тюремному совету за то, что отступила от общепринятых правил? Или просто заметила, что над ее головой сгущаются тучи, и, чтобы как-то вывернуться, приказала конфисковать электроглаза? И почему она вообще позволила им с Уинфилдом зайти так далеко?

Вывеска на фасаде главного почтамта подтвердила догадку Теллона, что он находится в городе Сирокко. Туманные воспоминания о лютеранской географии подсказали ему, что через Сирокко проходит так называемая «непрерывная» железная дорога, кольцом охватывающая весь континент. Дорога выполняла здесь те же функции, что на других планетах, — гражданская авиация. Уинфилд

предполагал двигаться пешком по ночам, что было вполне резонно, если учесть ограниченные возможности сонарного «фонаря», но Теллон мог видеть. И если не считать массивных очков, он мало чем отличался от любого жителя Эмм-Лютера. Если он сядет на поезд, через сутки или чуть позже он окажется в Нью-Виттенбурге. Там его ждет еще одна проблема — как связаться с агентом, но чем раньше он займется этой проблемой, тем лучше. Другой вариант — двигаться пешком — чреват всевозможными опасностями.

В самом деле, тогда ему придется воровать еду, спать в сараях и вообще вести подозрительный образ жизни. Он решил поехать на поезде.

Гуляя по городу, он практиковался в чтении по губам. Раньше он не находил никакого практического применения этому искусству, которым овладел еще в Блоке. Однако теперь ему все время приходилось видеть крупным планом говорящих людей, причем он не слышал того, что они говорили. В этом было нечто, вызывающее интерес: хотелось выяснить, о чем у них идет речь.

Теллон часто слышал о «непрерывной» железной дороге. По работе, которой он занимался для конспирации (по «легенде» он был представителем земных фирм, производящих чертежное оборудование), ему даже приходилось отправлять по ней грузы. Но своими глазами он дороги никогда не видел.

Когда он пришел на вокзал, вдоль единственной платформы медленно двигалась вереница вагонов. Теллон решил, что поезд то ли отходит, то ли вот-вот остановится. Система оплаты проезда тут была стандартная, билеты выдавались без всяких формальностей. Автомат снабдил его пластмассовым квадратиком, с которым он мог ехать до любой станции южного сектора в течение одного дня. Сквозь толпу и штабеля грузов он пробрался на платформу и остановился, ожидая, пока тихо скользящие вагоны либо наберут скорость, либо наконец-то остановятся. Прошло пять минут, пока до него дошло, что ни того, ни другого не случится: железная дорога оправдала свое название — она действительно была непрерывной!

Теллон несколько раз нажимал на кнопки электроглаза, пока не поймал наиболее удачный ракурс. Сопоставляя разные картинки, он сумел представить себе станцию в целом. Товарные и пассажирские вагоны бесконечной изогнутой цепью приходили на станцию с востока и исчезали на севере. У вагонов не было ни двигателей, ни каких-то заметных снаружи систем управления, однако, миновав вокзал, они сами собой начинали двигаться быстрее, а подходя к платформе, наоборот, замедляли ход и ползли со скоростью примерно три мили в час. Поначалу это удивило его, но тут он обратил внимание на штуку, которую сперва принял за третий рельс. В действительности это был вращающийся шнек, расположенный строго посередине между рельсами. Теллон не мог не восхититься красотой инженерного решения.

Вагонам и не нужен был двигатель — их приводил в движение шнек, который с постоянной скоростью вращали небольшие электромоторы, расположенные вдоль дороги с интервалом в полмили. Каждый вагон имел устройство, похожее на обычную гайку, которая передвигалась вдоль шнека. Управлять вагонами тоже не требовалось — их скорость регулировало приспособление, так восхитившее Теллона (в котором все еще был жив инженер) своей простотой. На подходе к станции шаг резьбы шнека значительно уменьшался. В результате вагоны автоматически начинали двигаться со скоростью пешехода.

Теллон, ошеломленный на миг собственным восторгом перед техникой Эмм-Лютера, смешался с группой школьников-подростков, которые ждали, когда подойдет следующий пассажирский вагон. Он «подключился» к стоявшему позади железнодорожнику. Когда подъехал очередной вагон, он вместе с оживленно болтавшими школьниками направился к нему. И тут он обнаружил, что проглядел одно очень важное обстоятельство. Край платформы двигался с той же скоростью, что и поезд, чтобы можно было входить и выходить из вагонов, не опасаясь несчастного случая.

И когда Теллон вслед за компанией школьников ринулся в вагон, правую ногу у него вдруг повело в сторону, он

пошатнулся и потерял равновесие. Хватаясь за что попало, чтобы удержаться на ногах, он неуклюже ввалился в вагон, ударившись при этом о дверной косяк.

Не скупясь на извинения, он плюхнулся на свободное место, надеясь, что не настолько уж бросился людям в глаза и специально присматриваться к нему никто не будет. Правое ухо пылало, но боль — дело десятое.

Хуже, что удар пришелся по оправе электроглаза — как раз туда, где был встроен миниатюрный блок питания. В первый момент Теллону показалось, что изображение тускнеет. Правда, он пока еще не отключился от железнодорожника, который остался на платформе. Переключившись на ближний радиус действия, Теллон настроился на школьника, сидевшего напротив, и вскоре успокоился: электроглаз, похоже, остался цел, а другие пассажиры уже явно забыли о его неловком поведении.

Вагон постепенно набрал скорость и теперь делал около сорока миль в час. Двигался он плавно, почти бесшумно. Ветка, ведущая на север, проходила вдоль моря. Порой горы, высившиеся по другую сторону дороги, отступали назад, иногда миль на десять, но чаще теснились у самой дороги, создавая тот самый дефицит жизненного пространства, который эхом откликался даже на Земле. Лента долины была сплошь застроена и напоминала один большой пригород с торговыми центрами через каждые несколько миль. Спустя полчаса стал виден разрыв в хребте континента, и другой поезд, точно такой же, но идущий навстречу, скользнул на соседнюю колею. Теллон обратил внимание, что промежутки между вагонами, которые на станции составляли лишь несколько футов, увеличиваются пропорционально скорости.

Школьники сошли на одной из пересадочных станций, однако входили все новые и новые пассажиры, у которых Теллон «одалживал» глаза. Он заметил, что женщины тут и одеваются красивее, и манеры у них более изысканные. Не то что на холодном севере, где особенно сильно чувствовалось влияние столицы — аскетической Реформации. Некоторые девушки душились новыми видеодухами и были окутаны благоухающими пастельными облачками.

Однажды он воспользовался глазами девушки, которая, судя по тому, что Теллон все время видел себя в центре ее поля зрения, проявляла к нему некоторый интерес. Он подключился к пассажиру, сидевшему чуть дальше, и смог таким образом взглянуть на эту девушку. Теллон сразу оценил ее эффектную внешность: золотые волосы, бронзовый загар. Довольный удавшимся обманом, он вновь подключился к ней, дабы по количеству брошенных на него взглядов понять, в какой мере он ее заинтересовал.

Вагон мерно покачивался, и Теллон, разомлевший от солнца, тепла и присутствия женщин, впервые за долгое время почувствовал, что в нем просыпается мужчина. «Хорошо бы, — сонно думал он, — снова зажить, как все. Плыть себе по теплым волнам жизни. И чтобы рядом была женщина с рыжими волосами и глазами цвета виски...»

Теллон выключил электроглаз и заснул. Разбудил его громкоговоритель, настойчиво повторявший какую-то фразу. Он снова включил электроглаз. Мужской голос объявлял, что вагон вскоре прибудет в город Свитвелл, самый северный пункт сектора, и потом свернет на восток. Пассажиры, желающие ехать дальше на север, должны будут выйти и пересечь пролив Вайда на пароме. На том берегу они смогут сесть на поезд центрального сектора.

Теллон и забыл, что юг континента отделен от остальной его части узкой полоской моря. Он выругался про себя и сам удивился, как изменили его отношение к жизни несколько часов, проведенных в уюте и безопасности. Вчера вечером он был готов, если надо, ползти до Нью-Виттенбурга на четвереньках; сегодня его расстроила необходимость делать пересадку.

Теллон потянулся и, увидев со стороны, как он делает это привычное движение, сообразил, что золотоволосая девушка все еще сидит напротив и не потеряла к нему интереса. Он повернул голову так, чтобы глядеть самому себе прямо в глаза, и улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок. Несколько секунд он видел свое бледное, осунувшееся лицо — быть может, она нашла в нем нечто романтическое, — потом взгляд девушки заскользил по мелькавшим за окном зданиям. Догадавшись, что она от-

ветила ему мимолетной улыбкой, он еще больше воспрянул духом.

Когда за окном поплыла платформа, Теллон встал. Человек, сидевший с краю, распахнул дверь купе. Девушка поднялась одновременно с ним, и он понял, что она ему снова улыбается. Снаружи скользила платформа, и перед Теллоном стояла насущная задача не сверзиться во второй раз при выходе из вагона. Он машинально пропустил девушку вперед, но потом вспомнил, что в этом случае она не сможет его видеть.

— Простите, сударыня, — пробормотал он извиняющимся тоном и, оттеснив девушку в сторону, прошел к дверям. Девушка застыла от изумления, однако его внезапная грубость оказалась даже полезной — теперь девушка не отрываясь глядела ему в спину. Он спустился на движущуюся ленту, а с нее благополучно перебрался на платформу. Сойдя с поезда, незнакомка продолжала метать в его сторону гневные взгляды. И, пока позволял прибор, он использовал эти взгляды, чтобы дойти до парома. Было около полудня, день стоял ослепительно ясный. Теллон снова проголодался и решил, переехав пролив, устроить себе праздник — пообедать по-настоящему, во сколько бы это ни обошлось. Если исходить из темпов его путешествия, денег у него было более чем достаточно.

Паром оказался примитивной, но быстроходной машиной на воздушной подушке. Пролив в милю шириной он преодолел за пару минут. Теллон отметил, что эта краткая поездка подняла его дух. Судно, покачиваясь, скользило на воздушной подушке, ревели турбины, белая пена летела в разные стороны; стоячий пассажирский салон был набит до отказа. Все это вместе создавало какое-то праздничное настроение. Судно, вальсируя, взлетело по пандусу и вошло в док. Теллон не спеша прошел через толпу людей, ожидающих посадки, и стал искать хороший ресторан. Столовая при вокзале выглядела убого, и Теллон не сомневался, что цены там высокие, а кухня — посредственная.

Все еще наслаждаясь ощущением свободы, он направился по крутым улочкам в гору, к центру города. Движе-

ние в Свитвелле было оживленным, а его маленькие магазинчики и летние кафе на тротуарах вызывали в памяти картины французской провинции. Теллон с удовольствием пообедал бы на свежем воздухе, но из осторожности решил этого не делать. Ведь его портрет непременно должен был появиться в выпуске новостей; возможно, кто-нибудь поглядит на него слишком внимательно и задумается. Поэтому он выбрал тихий ресторан; вывеска в готическом стиле свидетельствовала о том, что он называется «Персидский кот».

Кроме него, в ресторане было еще четыре посетителя, женщины средних лет — две за одним столиком, две за другим. Они курили за чашечками кофе, на полу у их ног стояли хозяйственные сумки. Теллон переключил электроглаз, «подстроился» к одной из посетительниц и увидел самого себя, входящего в ресторан и садящегося за свободный столик. Столики из настоящего дерева были покрыты, похоже, настоящими холщовыми скатертями. Две большие серые кошки, мягко ступая, бродили между ножками стульев. Теллон, не особенно любивший кошек, беспокойно переключил электроглаз и взмолился про себя, чтобы кто-нибудь из присутствующих заглянул в меню.

Обед, который ему наконец подали, оказался вполне приличным, бифштекс был так отменно приготовлен, что Теллон вообще не почувствовал вкуса рыбы. Счет, наверное, будет астрономическим, подумал он. Ему вдруг захотелось поскорей снова оказаться в поезде. Покончив с едой, он залпом выпил кофе и полез за деньгами.

Бумажник исчез.

Теллон машинально пошарил в других карманах, хотя с самого начала понял, что бумажник украли. Произошло это скорее всего в толкучке, когда он переезжал через пролив. Теллон проклинал свою беспечность. Ведь паром — идеальное место для карманников. Ситуация была и в самом деле серьезная — теперь он не мог купить билет на поезд, да и в ресторане его ожидали неприятности.

Поболтав в чашке кофейную гущу, Теллон решил, что если уж начинать воровать, то прямо здесь. В конце концов, «Персидский кот» в этом смысле был ничем не хуже

любого другого места. Тут дежурила только одна официантка, да и она то и дело надолго убегала на кухню, оставляя кассовый аппарат у двери без присмотра. Доверчивость, доходящая до идиотизма, подумал он. А находиться в толпе и не держаться за бумажник — не идиотизм?

Две посетительницы еще оставались в ресторане. Выжидая, пока они уйдут, Теллон подманил к себе одного из гулявших по залу серых котов. Он положил тяжелого зверя к себе на колени и попробовал почесать ему за ухом, а сам тем временем переключил электроглаз. Теперь он смотрел на мир огромными желтыми кошачьими глазами.

Теллон боялся, что эти две дамы просидят в ресторане слишком долго, а тем временем появится еще кто-нибудь и сорвет всю его затею. Но вот наконец они собрали свои покупки и позвонили в звонок, чтобы им принесли счет. К удивлению Теллона, из-за ширмы у дальней стены ресторана появилась не официантка, а какая-то высокая брюнетка лет тридцати, в очках с черной оправой, в деловом костюме, явно сшитом у дорогого портного. Теллон решил, что это либо хозяйка, либо управляющая.

Возвращаясь от кассы, брюнетка остановилась возле его столика. Он поднес к губам почти пустую чашку кофе.

— Вам подать что-нибудь еще?

Теллон покачал головой:

— Нет, спасибо. Я наслаждаюсь вашим превосходным кофе.

— Я вижу, вам понравились мои коты.

— Я вообще очень люблю кошек, — соврал Теллон. — Удивительно милые существа. Вот, например, этот кот. Какой красавец! Как его зовут?

— Ее зовут Этель.

Теллон отчаянно ухмыльнулся. Интересно, настоящие кошатники с первого взгляда отличают котов от кошек? Он принялся сосредоточенно гладить Этель по голове, и брюнетка, с подозрением глянув на него, направилась к ширме. Небольшой инцидент вызвал у Теллона острое чувство беспокойства, и он решил больше не тратить времени зря. Он приподнял кошку, повертел ее в разные стороны, чтобы убедиться, что ресторан пуст, и быстро про-

шел к кассе. Аппарат был старомодный и вряд ли работал бесшумно. Поэтому Теллон сперва приоткрыл дверь, чтобы можно было сразу удрать. Потом нажал кнопку аппарата и принялся лихорадочно выгребать из ящика купюры.

— Заключенный Сэмюэль Теллон, — мягко произнес у него за спиной женский голос.

Не выпуская кошку из рук, Теллон обернулся и увидел ту самую шикарно одетую брюнетку. Глаза ее за черной оправой очков горели суровым огнем. Автоматический пистолет с золотой рукояткой смотрел ему прямо в грудь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Теллон лежал в постели в кромешной тьме, прислушиваясь к ночным звукам и ожидая, когда появится Аманда Вайзнер.

Сбоку, на надушенных шелковых простынях, лежал его пес Сеймур. Во сне он сопел и рычал, а иногда слегка ворочался. Теллон погладил жесткую шерсть терьера, ощутив тепло маленького плотного тельца. Слава Богу, он сумел настоять на своем. Аманда, хоть и была против, разрешила ему завести собаку. Он потянулся за сигаретами, потом раздумал. Не то удовольствие от табака, совсем не то. Надо своими глазами видеть дым и маленький красный огонек сигареты. Можно, конечно, разбудить Сеймура и позаимствовать его глаза, но это эгоизм.

Помимо того, что он не хотел тревожить Сеймура, была еще и другая причина не включать электроглаз по ночам. Хотя инициатива исходила от Аманды, он и сам решил, что так будет лучше — меньше нагрузка на блок питания. За первую неделю, что он провел в «Персидском коте», изображение дважды темнело — как в тот раз, в поезде, когда он ударился головой о дверь. Но с тех пор, как он стал давать электроглазу «отдохнуть», ничего подобного не повторялось. И поэтому он решил, что лучше уж ночью

несколько часов побыть слепым. Неудобно, конечно, но, в общем, оправдывает себя.

Он услышал, как внизу открылась и закрылась задняя дверь ресторана. Это означало, что Аманда выпустила на ночь своих кошек и скоро ляжет в постель. В ИХ постель. Теллон сжал кулак и с силой прикусил костяшки пальцев.

В тот первый день, увидев направленный на него пистолет, он подумал, что удача отвернулась от него; а потом, узнав, что Аманда не собирается выдавать его ЭЛСБ, решил, что удача вернулась снова. Но, получше узнав Аманду Вайзнер, он понял, что первая мысль была правильной.

В ее миловидном лице с тяжеловатым подбородком было что-то мужское, это впечатление подчеркивали короткая стрижка и массивная оправа очков. Красивым было и тело — лаконичной красотой змеи. Но больше всего поразил Теллона в Аманде Вайзнер ее ум. Хотя в ту первую неделю им нередко доводилось заниматься любовью, он чувствовал, что для нее это не слишком важно. Ей нужна была его душа.

Сеансы вопросов и ответов длились часами — не упускалась из виду ни одна подробность его предыдущей карьеры, его жизни в Павильоне, побега. У нее была отменная память, по-видимому, способная любой факт подшить в соответствующую папку и пронумеровать, так что даже малейшая ложь или неумышленная ошибка в его ответах рано или поздно выходили на поверхность.

Мотивов ее поведения Теллон не понимал; проговорив с ней ночь напролет, он понял только одно: он снова в тюрьме.

Она никогда прямо не угрожала ему полицией, она вообще не формулировала своих угроз, но и не оставляла сомнений относительно его статуса. За две недели он ни разу не выходил из квартиры Аманды — даже в ресторан не спускался. Единственной уступкой был Сеймур, да и то понадобилось сцепиться по-крупному, выявляя, у кого сильнее характер. Она предложила ему в качестве глаз одну из восьми своих кошек, а когда он сказал, что ненавидит их, ответом ему была невинная улыбка удовлетворения.

— Я это знаю, Сэм, — сказала Аманда ласково. — Как ты думаешь, почему я тебя так быстро заметила, когда ты зашел в ресторан? Не знаю, кто тогда больше нервничал — ты или Этель. Кошки — они всегда настороже, перед их хитростью и чутьем человек — простак...

— Ты хочешь сказать, — пробормотал Теллон, — чтобы осилить кошку, надо как минимум быть котом?

Аманда в ответ наградила его холодным невозмутимым взглядом; а когда она наконец-то принесла ему жесткошерстного терьера, то не преминула намекнуть, что она не в ответе, если пес не поладит с ее кошечками и ему придется туго. Теллон с благодарностью принял терьера и, скаламбурив, окрестил его Сеймуром. С того момента первый диапазон электроглаза почти монопольно был отдан собаке.

Аманду электроглаз очаровал. С помощью Теллона она, как могла, разобралась в принципах его работы и не раз испытывала его на себе, обрекая Теллона на целые часы тьмы и беспомощности, пока она исследовала мир своей кошачьей семьи. Когда она закрывала глаза, прибор работал вполне прилично, за исключением того, что изображение порой пропадало, поскольку в ее роговицах не было металлических пробок, фокусирующих луч в нужном месте. Пока она, надев электроглаз, лежала на полу, Теллон был вынужден беспомощно сидеть и слушать, как елозит по толстому ковру ее извивающееся в экстазе тело; при этом из ее горла вырывались самые настоящие кошачьи вопли. Все, что он мог, — это до боли стискивать свои кулаки и кусать в бессилии костяшки пальцев...

Дверь спальни отворилась, и он услышал, как входит Аманда.

— Ты уже спишь, дорогой?

— Нет пока. Но тружусь над этим.

Теллон вслушивался в легкое потрескивание статического электричества в одежде, которую она стягивала с себя. Если бы не ее еженощные нестерпимые домогательства (которые не имели ничего общего с любовью), жизнь здесь была бы сносной. Но с тех пор, как он начал на ночь возвращаться в слепоту, Аманда стала более пылкой, бо-

лее настойчивой. Он догадывался: происходило это потому, что его беспомощность без электроглаза отвечала какому-то выверту ее психики.

— Дорогой, опять у тебя под боком эта грязная собака?

— Сеймур не грязный.

— Пусть будет по-твоему, дорогой; но, какой бы он ни был, разве место ему на нашей постели?

Теллон со вздохом спустил пса на пол.

— Я люблю, когда Сеймур рядом. Неужели здесь у меня не может быть никаких привилегий?

— А что за привилегии были у тебя в Центре, дорогой?

Один ноль в ее пользу, подумал Теллон. Почему у него все получилось так, а не иначе? Каким образом из миллиона, а может, и полутора миллионов обитателей Свитвелла он безошибочно выбрал Аманду Вайзнер? Впрочем, мрачно подумал он, Сэм Теллон всегда находил таких Аманд, куда бы его ни занесло. Как так вышло, что начал он как физик, а кончил работой в Блоке? Почему изо всех приемлемых вариантов, что предлагала ему судьба, он неизменно выбирал тот, который с роковой точностью засовывал его в самое неподходящее время в самое неподходящее место?

Ночь была очень теплой — на южную оконечность длинного континента весна пришла рано. Шли часы за часами, и Теллон пытался уклониться от физической дуэли, хотя бы мысленно позволил своему сознанию всплыть вверх, сквозь потолок и крышу, туда, где он смог бы увидеть медленный танец чужих созвездий. В закоулке за рестораном рыскали и нападали друг на друга огромные кошки, точно так же, как это всегда делали их предки на Земле. Тысячу веков луна золотила их глаза, а теперь вот ее не было, и они рассказывали друг другу завывающие кошачьи мифы о пропавшей луне.

Иногда раздавались более пронзительные крики, когда самец и самка неистово совокуплялись, подчиняясь инстинкту, который был стар, как луна, и тотален, как материя. Теллон не сразу понял, что тело Аманды всякий раз отзывалось на высшие ноты этих душераздирающих концертов. А поняв, почувствовал, что сильнейшая вол-

на раздражения захлестывает его мозг. Если он от нее улизнет, она пойдет в полицию — в этом он был уверен. Он мог бы ее убить, но и нескольких часов не пройдет, как ежедневно приходящие служащие ее ресторана заметят отсутствие хозяйки. А в то же время не следовало сбрасывать со счетов и такую вероятность: вдруг он ей вскоре наскучит? Тогда она глазом не моргнув выдаст его, что бы он ни делал...

Беспокойно ворочаясь в темноте, Теллон задел рукой лицо Аманды и коснулся гладкой пластмассы, усеянной крошечными выступами. Их тела тут же замерли.

— Что это такое? — Тон вопроса был намеренно спокойным, чтобы скрыть догадку, блеснувшую в его мозгу.

— О чем ты, дорогой? Ты про мои старые дурацкие очки? Я и забыла, что они на мне.

Теллон какое-то время обдумывал ее слова, прикидываясь задремавшим, потом сорвал с ее головы электроглаз и надел на себя. Он мельком увидел ночные джунгли, по которым бродили большие кошки, и тут ослеп снова.

Яростно мяукая, Аманда набросилась на него, применяя ногти и зубы так же естественно и умело, как и любая из ее кошек. Теллону мешала не только слепота, но и боязнь случайно раздавить электроглаз, упавший рядом с ними на постель.

Стоически смирившись с тем, что его кожу рвут, он ощупью нашел электроглаз и засунул его в надежное место — под кровать. Затем он усмирил Аманду, держа ее за горло левой рукой, а правой нанося по ее лицу медленные, ритмичные удары кулаком. Он продолжал бить, даже когда она обмякла, словно пытался взять реванш, сам не зная за что...

Десять минут спустя Теллон открыл переднюю дверь «Персидского кота» и шагнул на улицу. Он шел быстро, его заново наполненный вещмешок сильно колотил его по спине, под мышкой сонно ворочался Сеймур. Оставалось еще пять часов темноты, в течение которых он мог идти на север, но у него было ощущение, что охота начнется задолго до рассвета.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Теллон почти миновал городские предместья, когда услышал тарахтение летевшего вертолета. Его бортовые огни проплыли высоко в небе в предрассветной серой мгле. Для технической мысли, дошедшей до отрицания самой гравитации, вертолеты были топорной поделкой, но они по-прежнему оставались самым эффективным транспортным средством вертикального взлета из всех, когда-либо изобретенных. И вряд ли они выйдут из употребления, пока одним людям приходится убегать, а другим — охотиться за ними, уподобляясь коршунам.

Приподняв голову Сеймура, Теллон смотрел, как одинокий огонек уплывает из виду и скрывается за горизонтом на севере.

Аманда зря времени не теряла, подумал он. Теперь, когда исчезли последние крохи надежды, что на него еще не натравили полицию, нужно было искать надежное укрытие, чтобы переждать наступающий день.

Он шел по автостраде второй категории, с одной стороны окаймленной деревьями местных пород, а с другой — чахлыми пальмами, выращенными при высокой гравитации Эмм-Лютера из импортных семян. В этот утренний час движение ограничивалось немногочисленными частными автомобилями. Они мчались быстро, взметая за собой пыль и сухие листья.

Теллон держался поближе к деревьям, всякий раз стараясь слиться с ними при виде фар, и пристально разглядывал тихие здания в поисках подходящего укрытия для сна. Когда Свитвелл остался у него за спиной, чистенькие сады-заводы постепенно стали сменяться небольшими кварталами многоквартирных домов, а потом — частными домами, где жили люди с более высоким доходом. Педантично ухоженные газоны озарялись огнями автострады. Несколько раз, пока он шел, образы окружающего мира как бы тускнели, и тогда он свирепо шипел на Сеймура, заставляя терьера быть настороже. Но в конце концов ему пришлось признать, что вина лежит на электроглазе. Он

пощупал крошечный ползунок, которым регулировались контрастность и фокус, и ахнул, обнаружив его почти на пределе, на верхнем крае прорези. По-видимому, последствия повреждения, нанесенного блоку питания, прогрессировали, и из этого следовало, что...

Теллон отогнал прочь эту мысль и сосредоточился на том, чтобы найти место для дневки. Когда он открыл дверь сарая, стоявшего за кустарником позади одного из самых больших домов, в окнах уже стали появляться огни. Внутри сарая темнота была наполнена ностальгическим запахом сухой земли, садового инвентаря и машинного масла. Теллон устроился в углу, в компании Сеймура, и рассортировал свое новое имущество. В наличии у него были: пистолет Аманды Вайзнер с золотой рукояткой, запас еды на несколько дней, пачка денег и радиоприемник. Позже, лежа в своей личной черной вселенной — электроглаз был выключен, — он смог поймать первые выпуски новостей.

Разыскиваемый Сэмюэль Теллон, узнал он, еще жив и добрался до города Свитвелла. Будучи приговорен к заключению за шпионаж в пользу империалистической Земли, Теллон на этом не остановился: он ворвался в один из ресторанов Свитвелла, напал на владелицу, изнасиловал ее, а потом исчез с большей частью ее наличных денег. Теперь было подтверждено, что сбежавший поражен слепотой, но владеет радароподобным прибором, позволяющим ему видеть. Сообщалось, что он вооружен и опасен.

Теллон криво усмехнулся. Особенно хорош был писк об изнасиловании, исходивший от Аманды! Он заснул и умудрился продремать большую часть дня, полностью проснувшись лишь тогда, когда низкое рычание Сеймура оповестило его, что вокруг сарая ходят люди. Внутрь, однако, никто не заходил, и через некоторое время Теллон бросил размышлять о том, что он будет делать, если кто-то все же зайдет. Философия Уинфилда, что человек должен извлекать все, что можно, из настоящего момента и предоставить будущему самому решать его проблемы, не особенно восхищала Теллона, но в данных обстоятельствах только она и годилась.

В сумерки он подхватил Сеймура и мешок и осторожно открыл дверь. Когда он уже был готов шагнуть на улицу, лимузин сливового цвета прошелестел по короткой подъездной дорожке и, развернувшись, остановился перед большим домом. Из него вылез крепко сбитый молодой человек с перекинутой через руку курткой и помахал кому-то в доме; кому именно — это было уже за пределами поля зрения Теллона. Молодой человек пошел к главному входу, но по пути остановился у клумбы со светло-голубыми поющими цветами и наклонился, чтобы вырвать сорняк. Цветы отозвались на прикосновение нежным печальным гудением, слышимым даже здесь, в темноте сарая.

Поющие цветы были местным растением, питающимся насекомыми, заунывный гудящий звук служил для того, чтобы привлекать или усыплять добычу. Теллону эти цветы никогда не нравились. Несколько секунд он бесстрастно слушал, держа Сеймура так, чтобы пес смотрел в узкую щель в двери. Мужчина обнаружил еще несколько сорняков и выдрал их с корнем, потом, сердито бормоча, он двинулся к сараю. Теллон вытащил из кармана пистолет, перевернул его в руке и застыл, выжидая, пока хрустящие шаги не приблизились к двери с той стороны.

Это было как раз то, чего он надеялся избежать. Его подготовка позволяла ему одолеть почти любого противника в рукопашном бою; но когда твои глаза торчат у тебя под мышкой, это значительно меняет соотношение сил.

Он весь напрягся, когда дверная защелка повернулась.

— Гилберт! — позвал женский голос из дома. — Если хочешь копаться в саду, то сначала переоденься. Ты же обещал.

Мужчина помешкал две-три секунды, потом повернулся и зашагал к дому. Как только он вошел внутрь, Теллон выскользнул из сарая и снова двинулся в путь.

Он придерживался этой тактики уже четыре дня: ночью преодолевал небольшое расстояние, днем прятался, но ухудшение работы электроглаза становилось все заметнее. К концу четвертой ночи изображение, которое он получал, стало таким тусклым, что ему легче было ориентироваться с помощью сонарного «фонаря». Его имя посте-

пенно исчезло из выпусков новостей, и пока он не видел ни одного элэсбэшника или даже гражданского полицейского. Он решил вновь путешествовать днем.

Теллон шел пешком еще три дня, не решаясь прибегнуть к автостопу. Теперь у него была уйма денег, но обедать в ресторанах или даже в забегаловках в его ситуации слишком рискованно, поэтому он питался хлебом и протеиновыми консервами, взятыми из «Персидского кота», а воду пил из городских фонтанов.

Глядя на Эмм-Лютер глазами пешехода, Теллон с небывалой остротой ощутил, как отчаянно планете не хватает земли. Плотность населения была не особенно высока, но удручала повсеместная монотонность: жилые районы, перемежающиеся торговыми и промышленными центрами, тянулись без конца и края, заполняя каждую квадратную милю ровной земли, которую мог предоставить континент. И лишь наткнувшись на неприветливые горные склоны, волны аккуратных домов-близнецов откатывались назад. Сельскому хозяйству осталась лишь узкая полоска предгорий, где оно развивалось с переменным успехом; подлинной нивой планеты был океан.

Преодолев еще около сотни миль, Теллон понял, что электроглаз протянет дня два, не больше, а потом опять слепота — и семьсот миль впереди.

Единственный лучик надежды заключался вот в чем: Блоку станет известно, что он выбрался из Павильона, и все члены сети будут его высматривать. Но на Эмм-Лютере организация никогда не была сильной — элэсбэшники автоматически устанавливали слежку (главным образом посредством подслушивающих устройств) за каждым землянином, поселяющимся в Нью-Виттенбурге: город был как бы таможней планеты. Вполне возможно, что в этот самый момент ЭЛСБ хватает хороших агентов, которые выдали себя, пытаясь перехватить его. Он решил еще день двигаться по шоссе, а потом снова направиться к железной дороге.

Следующий день прошел без приключений. Теллон обратил внимание, что в перечне его примет ни в одном из выпусков новостей не сообщили правдоподобного описа-

ния электроглаза, хотя Аманда наверняка была в состоянии его представить. Он предположил, что тут действуют какие-то цензурные ограничения, возможно, чтобы избежать громкого скандала на тему: как и почему опасным политзаключенным предоставили возможности для создания сложнейших искусственных глаз? У Хелен Жюст, наверное, неприятности, подумал он, но для него гораздо важнее то, что широкая публика не имеет никакого представления о приборе. Если кто-нибудь и захочет найти субъекта с «радароподобным устройством», то наверняка он станет высматривать человека с черным ящиком и вращающейся антенной на голове. Очки же, так и не вытесненные до конца контактными линзами, можно было видеть на каждом шагу; а сам Теллон в своей пыльной, не вызывающей никаких внятных ассоциаций одежде нигде не выделялся из толпы. Еще в бытность агентом Блока неприметная внешность составляла одно из главных его достоинств.

На следующий день немного похолодало и прошел небольшой дождь — первый дождь, увиденный Теллоном со дня своего ареста. Его маршрут никогда не уводил его далеко от прибрежной железнодорожной магистрали, и теперь он снова зашагал в сторону океана. Слепнущий электроглаз делал день во много раз пасмурнее, и Теллон торопился выжать все что можно из считанных часов света, подаренных ему увечным прибором. Вечерело, когда на горизонте блеснул океан, а чуть позже Теллон увидел блеск железнодорожных рельсов.

Снова повернув на север — туда, где, по его догадкам, должна была находиться железнодорожная станция, — Теллон обнаружил, что приближается к первому действительно крупному промышленному центру, встреченному им с начала путешествия. За высоким забором тянулись почти на милю вглубь зубчатые крыши заводских корпусов, сливавшиеся с наползающими сумерками. Дальше светились окна административного корпуса. Рев могучего воздухоочистительного оборудования доносился до Теллона, пока он шел вдоль забора, озадаченный контрастом между этим заводом-гигантом и преобладающими на Эмм-Лютере се-

мейными предприятиями. Мимо проехало несколько темно-зеленых грузовиков; притормаживая, они въезжали в освещенные и охраняемые часовыми ворота, находящиеся в ста ярдах впереди. На грузовиках Теллон заметил изображение книги и звезды, которыми помечалась государственная собственность.

Теллон начал догадываться. Бескрайний шумный комплекс был одним из факторов, определивших его судьбу. То было звено цепи государственных заводов, сосредоточивших в себе сливки технического потенциала планеты ради массового производства межзвездных зондов.

Здесь собирались узлы сказочно дорогих автоматических кораблей. Из года в год каждые пятьдесят пять секунд с Эмм-Лютера взлетал такой корабль. Более полумиллиона зондов в год — столько же, сколько производила сама Земля — отправлялось в странствие наугад, по маршруту, прочерченному капризами пульсационных переходов. Планета обескровила себя этими усилиями, но авантюра окупилась приобретением нового мира.

Теперь заводы переключались на ударное производство всего, необходимого для освоения Эйч-Мюленбурга, прежде чем до него доберется Земля. Площадь суши нового мира еще оставалась тайной, но если Эмм-Лютер сможет доставить на нее приличное число поселенцев со всем необходимым для жизни, исходя из расчета двух человек на квадратную милю, если это будет проделано раньше, чем туда найдет дорогу какая-либо другая держава, — тогда по межзвездным законам вся планета будет принадлежать Эмм-Лютеру. Забавно, что за принятие этого закона больше всего ратовала Земля; но то было в прежние времена, когда планета-мать не предвидела, что ее дети захотят независимости.

Мимо Теллона медленно, почти сонно проехала полицейская патрульная машина. На передних сиденьях сидели два офицера в форме, позади — два сыщика в штатском. Они с мирной сосредоточенностью курили сигареты, готовясь сдать вахту, и по тому, как неохотно остановилась машина, Теллон понял, что встреча с ним не вызывает у них ни малейшего энтузиазма. Они даже немного поколебались перед тем, как выйти и направиться в его

сторону, — четверо полицейских из маленького городка, думающие только о том, что их ужин остынет, если этот запыленный чужак окажется тем, кого им велено искать.

Теллону тоже было жаль, что так вышло. Он окинул взглядом пустое шоссе, затем пригнулся и побежал к заводским воротам. До них оставалось ярдов двадцать, но несколько секунд ему пришлось бежать навстречу полицейским. Те пошли немного быстрее, переглядываясь друг с другом, а потом удивленно закричали, когда Теллон влетел в ворота и вприпрыжку помчался через асфальтированную площадку к ближайшему зданию. С тяжелым мешком и вырывающейся из рук собакой бежать было нелегко, но, к собственному удивлению, Теллон сумел беспрепятственно добраться до высоких дверей. Проскальзывая между створок, он оглянулся на ворота: запоздало насторожившись, заводские охранники спорили там с полицейскими.

Внутри просторного зала, похожего на ангар, рядами стояли стеллажи с желтыми пластмассовыми барабанами — герметически закупоренной тарой для транспортировки электронных деталей. Теллон побежал по проходу, свернул в узкий поперечный коридор и, вскарабкавшись на полку стеллажа, устроился среди цилиндров. В зале, насколько он мог судить, никого не было. Он достал пистолет и тут внезапно осознал всю бесполезность этого оружия для человека в его положении. Сомнительно, что он сумеет убедить Сеймура смотреть в прицел достаточно долго, чтобы попасть наверняка хотя бы в слона.

Когда бешеный стук сердца унялся, он заново осмотрел свою позицию. В здание еще никто не вошел, но это наверняка потому, что они сейчас окружают его. Чем дольше он прождет, тем меньше будет у него шансов выбраться. Теллон соскользнул с полки и побежал в другой конец зала — дверь, через которую он вошел, оставалась за спиной. Стемнело, но он мог видеть, что стены здания на всем их протяжении представляют собой систему частично перекрывающихся подвижных панелей. В каждой из них была дверь стандартного размера — это означало, что он может выйти в любом месте, если, конечно, угадает выход, за которым его не ждут.

Пробежав почти три четверти пути через зал, он свернул к одной из маленьких дверей, секунду поколебался и медленно стал ее приоткрывать. Раздалось уныло-злобное «крэк», и что-то горячее хлестнуло его по плечам. Теллон отпрянул от двери, в которой зияла круглая, словно облизанная по краям дыра. Сеймур громко скулил от страха и царапал Теллону бок, а снаружи эхо выстрела уже тонуло в хриплых криках вспугнутых морских птиц.

Не та дверь, запоздало подумал Теллон. Он добежал до конца зала и схватился за дверную ручку, но дверь распахивать не стал. Выстреливший по нему невидимый противник наверняка решил, что он попытается выбраться через эту дверь. И теперь враг притаился как раз за ней. Теллон прошмыгнул вдоль торцовой стены к соседней двери, понимая, однако, что полицейские могут предвидеть и этот шаг. Можно вернуться к первой двери, но пока он решал эти головоломки, истекали бесценные секунды; к неприятелю спешило подкрепление, и вообще преимущество было на их стороне. Он даже не мог видеть, чтобы стрелять по ним, потому что ему приходилось пользоваться глазами... НУ КОНЕЧНО ЖЕ!

Пальцы Теллона забегали по кнопкам настройки электроглаза. С пятой попытки он оказался снаружи: он парил в темнеющем воздухе, а внизу под ним еле различимые фигурки двух мужчин двигались вдоль стены фронтона с множеством дверей. Он поднимался по спирали все выше... перед глазами мелькает одна сторона... еще бегущие фигурки... головокружительное, молниеносное снижение... другая сторона того же здания... маленькие грузовики, стоящие вплотную к стене, но людей не видно...

Теллон переключился на Сеймура, сориентировался и бросился к ближайшей стене. Он выскочил из двери, пробежал между грузовиками, пересек проезжую часть и скрылся в здании, похожем на то, которое покинул. Здесь стояли такие же стеллажи, но этот ангар был ярко освещен и по некоторым проходам с завыванием ездили автопогрузчики. Пересекая зал, Теллон заставил себя не спешить. Никто из водителей его вроде бы не заметил, и он без ка-

ких-либо помех прошел на другую сторону и вышел на прохладный вечерний воздух.

В следующем здании было так же пустынно, как и в первом. Выбравшись из него, Теллон решил, что он достаточно далеко от центра событий и теперь можно не скрываться. Он пошел по разделяющей корпуса аллее, удаляясь от передней границы индустриального комплекса. За углом агонизирующий электроглаз выдал ему мутную картину беспорядочно разбросанных небольших зданий, складских дворов, кранов, опор, огней. На северо-западе в небо цвета индиго вонзались трубы двух печей. Выли заводские сирены, с грохотом захлопывались огромные двери, машины с горящими фарами потоками неслись к воротам.

Теллон понял, как ему повезло: этот расползающийся во все стороны индустриальный кошмар был ему на руку. Впрочем, он чувствовал, что по его спине сбегает теплая струйка крови и что ноги под ним подгибаются, а сам он находится на грани слепоты.

Теперь самый очевидный выход, подумал Теллон, — это отказаться от себя. Но ведь накануне я отказался от того, чтобы отказаться от себя?..

Срезав угол, он двинулся по заводской территории — слегка пошатываясь и опираясь о стены, когда идти становилось слишком трудно. Теллон сознавал, какое смехотворное зрелище он представляет, но ему вдвойне повезло: на больших государственных предприятиях работники склонны видеть только то, что имеет отношение к их непосредственным обязанностям, а в конце смены они вообще ничего не замечают.

Прошло около часа; тут он обнаружил, что в двух шагах от него поднимаются трубы гигантских печей. Сознавая, что вот-вот свалится, он осторожно пробрался между штабелями топливных брикетов и наконец в поисках теплого места приблизился к печам. За буйными зарослями сорняков виднелся забор — граница территории завода. Теллон решил, что ушел от преследующих его полицейских и охранников достаточно далеко, и стал искать место для отдыха.

Все пространство между печами и забором заросло травой и кустарником, скрывавшими неопрятные груды ящи-

ков и ржавых металлических каркасов, похожих на списанные сборочные агрегаты. Огромные костры отпылали в своих керамических топках, но исходивший от труб жар согревал все вокруг. Теллон обследовал несколько оплетенных растительностью куч, пока не обнаружил достаточно большую, чтобы служить укрытием, дыру. Он кое-как втиснулся в маленькую пыльную пещеру и снова опустил травяной камуфляж поверх входного отверстия.

Ворочаясь, чтобы устроиться поудобнее, он обнаружил, что может распрямиться в полный рост в этом замкнутом пространстве. Он осторожно протянул руку и обнаружил туннель, ведущий в середину кучи и выложенный неровными кусками стали и обломками ящиков так, что получились настоящие потолок и стены. Теллон еще немного прополз вперед, но это отняло у него последние силы. Он выбрался из лямок мешка, положил на него голову, выключил электроглаз и позволил себе выскользнуть из лап этой вонючей вселенной.

— Брат, — раздался из темноты голос, — ты не представился.

Их было четверо — Айк, Лефти, Фил и Денвер.

Великая прелесть этого места, объяснил Айк, состоит в том, что здесь тепло. Из дальнейших объяснений Теллон понял, что в любом обществе всегда есть те, кто не рожден для успеха, у кого нет ни воли, чтобы работать, ни силы, чтобы брать, и поэтому они довольствуются объедками с барского стола. Этих людей всегда можно отыскать в тех местах, где для удовлетворения жизненных потребностей достаточно протянуть руку и ждать. Вот и здесь идущее от печей тепло долгой зимней ночью означало разницу между сном и смертью.

— Вы хотите сказать, — сонно спросил Теллон, — что вы бродяги?

— Это грубое определение, — ответил Айк слабым гнусавым голоском. — У тебя еще остался этот вкуснейший черствый хлеб? Гренок Природы — так я его называю.

— Не знаю. — Спина у Теллона болела, ему страшно хотелось спать. — Да и как я могу определить это в темноте?

Айк, судя по голосу, был озадачен:

— Но, брат, у нас же включена наша люми-лампа. Ты не можешь заглянуть в собственную сумку? Мы голодны. Твои новые друзья голодны.

— Извини, мой новый друг. Я слишком вымотан, чтобы искать. Но не будь этого, проку от меня было бы немногим больше. — Теллон сделал над собой усилие: — Я слепой.

Он, кажется, впервые сказал о своей слепоте вслух.

— Прости. — В голосе Айка послышалось неподдельное сожаление. Воцарилось молчание, потом он сказал: — Можно спросить у тебя одну вещь, брат?

— Какую?

— Эти толстые серые очки, что на тебе надеты, — почему слепые начали носить толстые серые очки? Какой от них толк, если ничего не видишь?

Теллон приподнял голову на несколько дюймов:

— Что ты имеешь в виду?

— Я сказал, какой смысл носить...

— Нет! — оборвал его Теллон. — Что ты имел в виду, когда сказал, что слепые стали носить толстые серые очки?

— А! Ну, твои очки — вторые, что я видел за эту неделю. Да, брат... потому я и спросил. Где-то в десяти милях к северу отсюда есть поместье, хозяин которого очень богатый и притом слепой. Мы с Денвером часто лазим через стену, потому что мы оба любим фрукты. Фруктовые деревья там просто стонут под тяжестью плодов; прямо-таки помочь им облегчиться — сам Бог велел. Конечно, там собаки, но днем...

— Очки, — прервал его Теллон. — Что ты говоришь об очках?

— В том-то и дело, брат. На этой неделе мы видели слепого. Он гулял в саду, и на нем были очки вроде твоих. А теперь... теперь до меня дошло, что он двигался, как зрячий!

Теллона охватило волнение.

— Как его зовут?

— Не помню, — ответил Айк. — Я только слышал, что он вроде бы в родстве с самим Арбитром и что он математик или наподобие того. Но я не помню, как его зовут.

— Его зовут Карл Жюст, — нетерпеливо сказал Денвер.

— Почему ты об этом спрашиваешь, брат? — хихикнул Айк. — Он тебе друг, что ли?

— Не совсем, — холодно ответил Теллон. — Скорее я друг его семьи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

За то, чтобы поработать у Теллона проводником, Айк запросил сто часов.

Сумма несколько шокировала Теллона. За два года на Эмм-Лютере он успел свыкнуться с радикальной «финансовой демократией», введенной правительством вскоре после своего прихода к власти в 2168 году. В своей первоначальной, наиболее чистой форме она предписывала, что любому человеку за один отработанный час, независимо от рода его занятий, следует платить одну денежную единицу, называемую «один час». Как и лютеранская единица времени, один час делился на сто минут. Наименьшей монетой была четверть — одна четвертая минуты, или двадцать пять секунд.

Когда улеглось возбуждение, вызванное новым, не зависимым от Земли статусом, Гражданский Арбитр счел необходимым значительно преобразовать систему оплаты труда. В закон были добавлены статьи о сложных коэффициентах, позволявшие тем, кто путем самосовершенствования увеличивал свой вклад в экономику, получать за работу больше одного часа в час. Но коэффициент «три» был абсолютным максимумом, и поэтому на Эмм-Лютере было очень немного крупных частных корпораций — стимулирование было ограничено, как и замышлял Арбитр.

Чтобы приблизиться к коэффициенту «три», человек должен был иметь высочайшую профессиональную квалификацию и работать с полной отдачей сил — а тут бездельник и бродяга по имени Айк требовал суммы, которая, по

самым скромным подсчетам Теллона, соответствовала коэффициенту «десять».

— Ты сам знаешь, что это безнравственно, — сказал Теллон, гадая, есть ли у него столько денег. Он забыл пересчитать банкноты в пачке, позаимствованной у «Персидского кота».

— Вот если бы я взял деньги, пока ты спал, и слинял с ними, тогда это было бы и вправду безнравственно.

— Ты наверняка проверил, что деньги у меня есть. Коли на то пошло, сколько там в моем мешке?

Айк попробовал изобразить смущение:

— По-моему, часов девяносто.

— Тогда как же я смогу заплатить тебе сто?

— Ну... там еще радио.

Теллон нервно рассмеялся. Он догадывался, что ему еще повезло. Он был слеп, из-за раны между лопатками при каждом движении его тело немело от мучительной боли. Четверо бродяг играючи могли бы обчистить его ночью, пока он спал; строго говоря, было вообще поразительно, что в обмен на его деньги они намеревались хоть что-то сделать.

— Почему вы так стремитесь мне помочь? Вы знаете, кто я такой?

— Брат, все, что я на самом деле знаю про тебя, следует из твоего акцента, — сказал Айк. — Ты с Земли, а мы тоже оттуда. Здесь было совсем неплохо, пока кучка этих ханжей с Библиями не захватила власть и не лишила человека возможности получать честную зарплату за честную работу.

— Кем ты работал?

— Я? Нет, брат, это не для меня. Здоровье не позволяет. Но разницы-то никакой! Если бы я работал, я все равно не получал бы за это в добрых честных сонарах, верно? А вот Денвер трудился — торговал настоящими кусочками Святого Креста.

— Пока фабрику, где он их делал, не прикрыли, правильно я понимаю? — нетерпеливо прервал его Теллон. — Когда ты сможешь проводить меня в поместье Жюста?

— Ну, нам придется пересидеть здесь до конца дня. Когда стемнеет, мы выведем тебя за забор. После этого

все зависит только от твоих ног. Конечно, идти нам придется не по Бульварам, но к рассвету мы будем на месте.

«Рассвет, — подумал Теллон, — а если не удастся получить обратно от Карла Жюста свой электроглаз, тогда — последний закат. Интересно, этот человек — отец или брат Хелен Жюст?»

— Хорошо, — сказал он. — Можешь взять деньги.

— Спасибо, брат. Я уже взял.

Идти пришлось всю ночь, и благодаря поддержке Айка Теллон обошелся без электроглаза: последние крохи энергии надо было сберечь для всего того, что ему предстояло в поместье. С ним пошли только Айк и Денвер — один взял его за правую руку, другой — за левую.

Двое его спутников помогли ему пролезть сквозь прикрытую бурьяном дыру в заборе и вывели туда, где вновь начинались тихие улицы. Дорогой Теллон задумался над вопросом: как эта порода людей может существовать веками без изменения? Непрерывное развитие человечества, кажется, их не затронуло — они живут и умирают точно так же, как делали это древние бродяги. Если человечество просуществует еще миллион лет, то и тогда, видимо, они сохранятся.

— Кстати, — спросил Теллон, — что вы сделаете со всеми этими деньгами?

— Купим еды, конечно, — ответил Айк.

— А когда еда кончится? Что тогда?

— Там видно будет. Проживем.

— Не работая? — сказал Теллон. — Разве не легче было бы устроиться куда-нибудь?

— Конечно, легче, брат. Работать иногда легче, но я не собираюсь поступаться принципами.

— Принципами! — рассмеялся Теллон.

— Да, принципами. Противно уже то, что не платят добрыми честными сонарами. А при этой чокнутой системе дело обстоит еще паскудней.

— Как так? Мне здешняя идея кажется вполне разумной.

— Не смеши меня, брат. Сами коэффициенты — идея хорошая, но они же их применяют шиворот-навыворот!

— Шиворот-навыворот? — Теллон никак не мог понять, искренне говорит Айк или дурака валяет.

— Да, я так считаю. — Айк не шутил. — Да и на Земле та же история. Возьми кого-нибудь вроде хирурга. Этот человек и вправду хочет быть хирургом — у него талант, видишь ли... призвание! Он ничем другим на свете не стал бы заниматься — и тем не менее он получает в десять или в двадцать раз больше какого-нибудь бедняка, вкалывающего на работе, которую ненавидит. Это справедливо? Справедливо, что кто-то наподобие... как звать теперешнего самого главного на Земле?

— Колдуэлл Дюбуа, — подсказал Теллон.

— Ну, ему нравится быть самым главным — пожалуйста. Но тогда почему же он должен получать в сотни раз больше работяги, которого достала осточертевшая ему машина? Ненавидит ее, а должен с ней нянчиться... Нет, брат, следует каждый год проводить этакую психологическую проверку всех, кто работает. Когда окажется, что кто-то начал находить удовольствие в своей работе, ему надо срезать зарплату. И вот уже у вас есть лишние деньги для другого парня, который, наоборот, за год еще больше озверел от своей постылой работы.

— Я передам твое предложение Колдуэллу Дюбуа, как только увижусь с ним.

— О, рядом с нами настоящая знаменитость, — сказал Денвер.

— Здесь он выпьет шерри с Жюстом, а потом отправится прямо на обед к президенту Земли!

— Если вернуться к твоим принципам, — сказал Теллон Айку, — они случайно не позволяют вернуть мне немножко денег на билет на поезд?

— Извини, брат. Принципы принципами, а деньги — деньгами.

— Я так и думал.

Теллон слепо шел вперед, позволяя бесцеремонно впихивать себя в палисадники или подворотни всякий раз, когда мимо проезжал автомобиль. Два его спутника без вопросов приняли к сведению, что ему необходимо остаться незамеченным, и доставили его к Жюсту без всяких

происшествий. Интересно, думал Теллон, может, они на самом деле знают, кто он такой, несмотря на слова Айка. Это объяснило бы их готовность помочь ему, как и стремление поживиться за его счет.

— Вот мы и пришли, брат, — сказал Айк. — Это главные ворота. Меньше чем через час рассветет, поэтому не пробуй лезть туда в темноте. Собачки здесь не больно-то ласковые.

— Спасибо за предупреждение, Айк.

Теллон оторвал руки от прутьев массивных стальных ворот и соскользнул на землю. В сером полумраке он увидел себя глазами Сеймура, который протиснулся между прутьями и терпеливо ждал, пока Теллон переберется через верх. Электроглаз, которым он совершенно не пользовался полтора дня, при максимальном напряжении выдавал едва различимое изображение. Работать ему оставалось несколько минут, не больше.

— Давай, малыш, — настойчиво зашептал Теллон. Сеймур вскочил к нему на руки, от чего вселенная Теллона закружилась волчком, но он уже свыкся со случайными потерями ориентации, неизбежными, когда у его глаз были четыре ноги, хвост и разум терьера. Прежде Теллон прохладно относился к домашней живности, но к Сеймуру сильно привязался.

С собакой под мышкой и пистолетом в руке Теллон опасливо ступил на посыпанную гравием дорожку, прорезающую беспорядочные заросли густого кустарника. Он тут же потерял из виду ворота и обнаружил, что движется по туннелю из переплетенных ветвей и листвы. Дорожка дважды приводила его обратно, прежде чем он сумел попасть в сумеречный парк. Здесь тоже было множество деревьев, но теперь Теллон смог разглядеть низкое здание, стоящее на вершине невысокого холма, с чередой расположенных ярусами террас.

Только тогда он услышал собак, воем и лаем выражавших свое глубочайшее негодование по поводу его присутствия в саду. Этот устрашающий натиск на его слух дополнился неистовым треском веток — свора была уже близко,

совсем рядом. По мощи их глоток казалось, что они были лошадиных размеров и, похоже, бежали во всю прыть.

Он повернулся на каблуках — движение, эквивалентное повороту головы у нормально видящего человека. Бежать назад в кусты? Он ничего бы не выиграл, а до дома оставалось по крайней мере ярдов четыреста, причем в гору У некоторых здешних деревьев стволы прямо над землей разветвлялись на три-четыре толстых искривленных сука. Теллон добежал до ближайшего такого дерева и влез в узкую расщелину.

Собаки — три серых призрака — появились слева от него, скользя вдоль зарослей кустарника. Они принадлежали к местной бесшерстной разновидности — результат мутации изначальной породы волкодавов. У них были огромные плоские головы, опущенные к земле. Когда они увидели Теллона, их вой стал еще громче.

Он стал было поднимать пистолет, но при виде огромных мчащихся собак Сеймур изогнулся и вырвался из рук Теллона. Не успел он перехватить его, как песик соскочил на траву и, визжа от страха, со всех ног припустил к воротам. Теллон в отчаянии вскрикнул, увидев глазами Сеймура, что один из серых призраков отделился от своры, чтобы перехватить терьера. Но тут ему пришлось подумать и о себе: без глаз Сеймура он превратился в легкую добычу.

Его пальцы забегали по кнопкам электроглаза, изменяя радиус действия, и он переключился на глаза ближайшей собаки. Это было немного похоже на просмотр фильма, снятого с низко летящего самолета — потрясающее ощущение, что летишь, как стрела, внизу быстро скользит земля, заросли высоких трав сперва неясно вырисовываются впереди, как горы, а после сами собой расступаются перед тобой, словно зеленые облака. Впереди, покачиваясь в такт плавным скачкам собаки, виднелась фигурка человека с побелевшим от страха лицом.

Теллон заставил себя поднять пистолет и двигать рукой, пока, с точки зрения несущегося животного, дуло пистолета не стало безукоризненным черным кругом с рисующимся в перспективе таким же барабаном. Вся шутка

в том, мрачно подумал он, чтобы постараться попасть самому себе прямо между глаз. Он нажал на спуск и обрадовался, почувствовав неожиданно сильную отдачу. Но, если не считать легкого содрогания, выстрел никак не повлиял на быстро разрастающееся изображение, получаемое от собаки.

Он сделал вторую попытку. На этот раз звуку выстрела ответил глухой лай, в нем прозвучали боль и удивление. Он получил изображение бешено вращающихся неба и земли, потом крупный план корней в зарослях травы, которые тут же потемнели и превратились в ночь. Оправившись от некоторого потрясения — ведь он как бы пережил собственную смерть, — Теллон переключился на следующего пса. Он увидел себя на том же самом дереве, но на этот раз гораздо ближе — И СО СПИНЫ.

Неловко изогнув тело в тесном пространстве между ветвями, Теллон выстрелил наугад и был вознагражден моментальной слепотой. Это означало, что он попал. Удивляясь эффективности маленького пистолетика, он ощупал пальцами ствол и обнаружил, что дуло пистолета было не простой окружностью, а гроздью из шести крошечных отверстий. По-видимому, при выборе оружия Аманда Вайзнер решила не полагаться на случай. Пистолет стрелял шестью ультраскоростными пулями одновременно — одной из центрального ствола, а пятью — из слегка отклоняющихся от срединной оси стволов. На близком расстоянии пистолетик с золотой рукояткой мог сделать из человека бефстроганов; на средней дистанции он был не хуже карманного полицейского автомата.

Не слыша поблизости никаких звуков, Теллон нажал кнопку номер один — кнопку Сеймура — и не увидел ничего, кроме черноты. Его охватила печаль. Он попробовал режим «поиск» и поймал третьего пса. Тот довольно медленно продвигался сквозь гущу кустарника, а в нижней части картинки вокруг неясных очертаний виднелся край морды, испачканный чем-то красным.

Разозленный, но обретший доверие к своему оружию, Теллон слез с дерева. Перестав соблюдать тишину и осторожность, он подхватил оброненный мешок и зашагал вверх

по холму в сторону дома. Поскольку электроглаз был настроен на оставшегося в живых пса, за своими передвижениями Теллон следить не мог и поэтому шел с расставленными руками, чтобы не натолкнуться на дерево. Можно было бы отыскать в мешке сонарный «фонарь», но он предполагал, что скоро увидит себя глазами третьего пса, а до этого не успеет далеко забрести. Его догадка оправдалась. Пес прорвался сквозь тесно растущие кусты, и Теллон увидел тусклое изображение собственной фигуры, еле-еле бредущей в сторону дома. И вновь земля поплыла под ним длинными парящими скачками.

Он ждал, пока его спина не заполнила кадр, и тогда обернулся: вспышка выстрела, отдача — и все опять погрузилось в темноту. Это за тебя, Сеймур, подумал он. Спасибо за все. Полыхнувший пистолет сотряс его кисть — потушил огни. Это за тебя, Сеймур, подумал он.

Теперь перед Теллоном стояла задача проникнуть в дом без помощи Сеймура. Айк сказал ему, что Карл Жюст живет в своем полудворце один, поэтому Теллон не беспокоился, что придется иметь дело более чем с одним человеком; но он не мог видеть, да еще необработанная рана, которая превратила его плечи в комок боли... Кроме того, грохот выстрелов и лай собак могли встревожить Жюста. Теллону пришло в голову, что Жюст, если у него свой электроглаз, наверняка держит возле себя какое-нибудь животное, а то и сразу нескольких.

Теллон снова переключил электроглаз на «поиск», но не получил изображения. Тогда он вытащил сонарный «фонарь» и с его помощью заспешил к дому. Только четыре или пять минут пролетело с того момента, когда он перебрался через стальные ворота. Приближаясь к дому, он стал ловить темные, быстротечные образы; единственной узнаваемой деталью был сияющий прямоугольник — окно, увиденное изнутри дома.

Он не мог решить, на самом ли деле так темно внутри или это результат агонии электроглаза. Подойдя еще ближе — здесь он ощутил под ногами что-то похожее на мощеный внутренний дворик, — Теллон различил и другие подробности. Его взору предстала шикарно обставленная

спальня, казалось, увиденная с какой-то достаточно высокой точки на одной из стен. Пока он пытался сообразить, что за животное может служить источником такой необычной панорамы, относительно внятно стала видна другая часть комнаты.

Бородатый человек могучего сложения сидел в постели, наклонив голову — словно прислушивался к чему-то. Смутно виднелись массивные очки.

Высокий визг сонара подсказал Теллону, что он чуть не натолкнулся на стену. Он отклонился левее и быстро пошел вдоль стены, ища дверь. Человек в спальне встал и достал из ящика что-то, похожее на пистолет. Руки Теллона нащупали оконную нишу, он швырнул в окно своим мешком, но тот отскочил от прочного стекла обратно ему в руки. Отступив назад на несколько шагов, он поднял пистолет и вышиб выстрелом стекло.

Пока он вслепую лез в комнату, картина спальни резко изменилась тем особенным образом, к которому Теллон уже привык. Животное, чьи глаза здесь использовались, оказалось птицей, вероятно, соколом, который только что перелетел на плечо хозяину. Теллон ощутил, как дверь спальни разрослась; понятно было, что Жюст уже ищет незваного гостя. Теряя голову, он пробежал через комнату, пробуя представить себе, каково же ему придется в надвигающейся странной схватке. Оба противника видели одними и теми же, чуткими глазами, так что каждый мог видеть то же, что и другой. Но у Жюста были два преимущества: он почти не терял ориентации, потому что его глаза сидели у него же на плече, и его электроглаз не дышал на ладан.

Не стоило пренебрегать вероятностью того, что столкновения удастся избежать. Возможно, если он скажет Жюсту, кто он такой и зачем сюда пришел, они смогут найти какое-то решение. Он нашел дверь внутри комнаты и повернул ручку. Изображение, полученное им в тот момент, представляло собой вид с лестничной площадки на лежащий внизу просторный холл с дверями по обеим сторонам — это значило, что Жюст вышел из спальни и ждет следующего шага Теллона.

Теллон приоткрыл дверь и увидел, что у косяка одной из дверей в холле появился темный зазор. Как всегда, он ощутил странное смятение чувств из-за присутствия сразу в двух местах.

— Жюст, — прокричал он в щель, — давайте без глупостей! Я Сэм Теллон — тот тип, который изобрел штуку, что у вас на голове. Я хочу с вами поговорить.

Жюст отозвался лишь после долгой паузы:

— Теллон? Что вы тут делаете?

— Я могу объяснить. Мы поговорим?

— Хорошо. Выйдите из комнаты.

Теллон начал было открывать дверь шире, но потом увидел, что глядит на темный зазор вдоль ствола тяжелого вороненого пистолета.

— Я думал, мы согласились не делать глупостей, Жюст, — закричал он. — На мне такой же электроглаз. Я настроен на вашу птицу и смотрю прямо в прицел той пушки, которую вы сейчас держите в руке.

Теллон только сейчас осознал свое единственное незначительное преимущество — человек, при котором находятся глаза, с неизбежностью должен был передавать тактическую информацию противнику.

— Отлично, Теллон. Я кладу мой пистолет на стол. И отхожу от него в сторону. Вы можете это видеть, я полагаю. Оставьте свой на полу в той комнате и выходите, и мы поговорим.

— Ладно. — Теллон положил пистолет и вышел в холл. Тусклым взглядом своего электроглаза он увидел себя, появляющегося из двери. Ему было не по себе — не из-за подозрения, что Жюст будет играть нечестно, а из-за того, что он знал: ему самому наверняка придется играть нечестно, чтобы получить то, что он хотел. На полдороге к подножию лестницы он задержался, ломая голову, как же разлучить Жюста с электроглазом, не применяя насилия.

Должно быть, Жюст дал птице какой-то сигнал, но Теллон проглядел его. И только знакомое ощущение пикирующего птичьего полета спасло его в момент нападения от ошеломляющей потери ориентации. Когда его собственное изображение раздулось, как воздушный шар, он,

пригнувшись, ринулся к двери и уже достиг ее, когда когтистая фурия опустилась к нему на спину. Сгорбившись, чтобы защитить яремную вену, Теллон протиснулся в дверь, чувствуя, будто какие-то бритвы полосуют одежду и кожу. Он с силой захлопнул дверь, зажав ею птицу. Раздался пронзительный крик, и вновь стемнело.

Он обнаружил, что один коготь вонзился прямо в сухожилие на тыльной стороне его левой ладони. Действуя вслепую, он достал из мешка нож и отрезал коготь от птичьей лапы. Сам коготь по-прежнему торчал в его руке, но с этим пока придется подождать. Он обшарил окрестности электроглазом, картинки не получил, подобрал пистолет и снова открыл дверь.

— Что, Жюст, темновато? — хрипло крикнул он в холл. — Вам надо было держать в доме не одну птицу, а много. Обойдемся без беседы. Я хочу взять у вас назад эти глаза и уйти своей дорогой.

— Только попробуй подойти ко мне, Теллон. — Жюст дважды выстрелил по стенам холла, но ни одна из пуль не пролетела даже близко от Теллона.

— Не тратьте зря патроны. Вы меня не видите, а я к вам подобраться могу. У меня есть одна штука, которую Хелен не забрала, а для нее глаза не нужны.

Пистолет снова грохнул, и вслед за этим зазвенело стекло. Повинуясь электрическим модуляциям сонара, Теллон побежал к лестнице и заковылял вверх по ступеням. Он догнал Жюста на полдороге, и они, сцепившись, тяжело покатились вниз. Теллону, который до тошноты боялся повредить последний работоспособный электроглаз, не потребовалось много времени, чтобы справиться со своим более тяжелым и сильным, но совсем не тренированным противником. Он воспользовался разработанной в Блоке техникой «ответного давления», и, когда они докатились до пола, Жюст превратился в мешок костей.

Теллон, который на этой последней фазе падения бережно поддерживал голову здоровяка, снял с Жюста его электроглаз и надел на него свой. Теперь оставалось только прихватить денег и еды, а затем спешно ретироваться.

Моля, чтобы нашелся какой-нибудь способ убедиться в целости электроглаза, Теллон поставил его на «поиск» и был ошарашен — он получил изображение! Отчетливое, яркое, изумительно недвусмысленное...

Крупный план отполированной до блеска входной двери, она распахивается, а за ней «живая картина» — он сам, склоненный над раскинувшимся на полу телом Карла Жюста. Теллон смог разглядеть выражение потрясения на своем измученном, испачканном кровью лице.

— ТЫ! — вскрикнул женский голос. — Что ты сделал с моим братом?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— С вашим братом все в порядке, — сказал Теллон. — Он упал с лестницы. Мы поспорили.

— Поспорили! Когда я подъезжала к дому, то слышала выстрелы. Я немедленно сообщу об этом. — Хелен Жюст говорила холодным, дрожащим от гнева голосом.

Теллон поднял пистолет:

— Извините. Войдите и закройте за собой дверь.

— Вы отдаете себе отчет, что это дело нешуточное?

— А я и не расположен шутить.

Она закрыла дверь, и Теллон отступил назад, пропуская ее к брату. Ему хотелось бы взглянуть на Хелен Жюст, но поскольку единственные работающие глаза в доме принадлежали ей, он не видел ничего, кроме ее рук с аккуратным маникюром, ощупывающих обмякшее лицо Карла Жюста. Как и раньше, ее присутствие оказывало на него странное будоражащее действие. Ее рука выскользнула из-под затылка Жюста — ладонь была в крови.

— Моему брату нужен врач!

— Я уже вам сказал — с ним все в порядке. Он немного поспит. Если хотите, можете забинтовать этот порез. — Теллон говорил уверенно. Он знал, что своим непочти-

тельным обращением с нервной системой Жюста вывел его из строя примерно на час.

— Я хочу его забинтовать, — сказала она, и Теллон заметил, что страх в ее голосе полностью отсутствует. — У меня в машине есть аптечка первой помощи.

— У вас в машине?

— Да. Я же не уеду и не брошу брата одного с вами.

— Раз так, сходите за ней. — Теллон испытал тревожное ощущение, что теряет инициативу. Он проводил ее до двери и подождал, пока она ходила к машине и вынимала из ящика аптечку. Вместо колес у этого роскошного экипажа были антигравитационные полозья — вот почему он не слышал, как она подъехала. Он глядел, как ее руки управляются с марлевыми подушечками и пластырем, и на миг позавидовал Карлу Жюсту. Голова у Теллона болела, лопатки жгло, утомление превысило все мыслимые пределы. Лечь и заснуть, когда ты устал, думал он, — вот наслаждение утонченнее, чем вкушать пищу, когда ты голоден, или пить, когда чувствуешь жажду...

— Зачем вы это сделали, заключенный Теллон? Вы должны были понять, что мой брат слепой, — рассеянно спросила она, не прерывая работы.

— А вы-то зачем это сделали? Мы могли бы изготовить три электроглаза, шесть, дюжину. Вы разрешили доку и мне иметь по одному, но сами планировали их у нас отобрать, так?

— Я была готова обойти закон ради моего гениального брата, но не ради осужденных врагов государства, — сказала она непоколебимо. — Кроме того, вы еще не объяснили причины этого бессмысленного нападения.

— Мой электроглаз поврежден, поэтому пришлось взять этот. — Теллон почувствовал волну раздражения и повысил голос: — Что до бессмысленного нападения, то оглянитесь, и вы увидите в стенах несколько пулевых отверстий. И ни одно из них не было сделано мной.

— Как бы то ни было, мой брат — безобидный отшельник, а вы — тренированный убийца.

— Слушайте, вы! — закричал Теллон, переставая понимать, о чем она говорит. — У меня тоже есть голова на

плечах, и я не... — Он умолк, обнаружив, что ее взгляд не направлен уже на брата, а предоставляет ему возможность любоваться его собственной левой рукой.

— Что у вас с рукой? — Наконец-то она заговорила, как положено женщине.

Теллон уже забыл о торчащем из его руки когте.

— У вашего безобидного брата был безобидный пернатый друг. Это часть его шасси.

— Он же мне обещал, — прошептала она. — Он мне обещал не...

— Громче, пожалуйста.

После паузы она ответила обычным голосом:

— Это отвратительно. Я сейчас его удалю.

— Буду благодарен. — Теллон, внезапно ослабев, встал в стороне, пока она накрывала брата одеялом. Они вошли в дверь в задней стене холла и оказались в желто-белой кухне, на которой лежал отпечаток неопрятного холостяцкого жилья. Хелен Жюст несла аптечку. Он сел у захламленного стола и позволил ей обработать его руку. Касания ее пальцев казались лишь чуточку более материальными, чем тепло ее дыхания, пробегавшего по содранной коже. Он поборол соблазн разнежиться от давно позабытого ощущения, что о нем заботятся. Нью-Виттенбург был далеко на севере, а эта женщина стала новой помехой на его пути.

— Скажите мне, — произнесла она, — заключенный Уинфилд действительно...

— Мертв, — подсказал Теллон. — Да. «Автострелки» не промахнулись.

— Мне очень жаль.

— Осужденного врага лютеранского государства? Откуда эти эмоции?

— Не пытайтесь говорить со мной таким образом, заключенный Теллон. Я знаю, к примеру, что вы сделали с господином Черкасским, когда вас арестовывали!

Теллон сердито засопел:

— А вы знаете, что он сделал со мной?

— Глаза? Вы повредили их в результате несчастного случая.

— К черту глаза. Вам известно, что он надел на меня мозгомойку и попытался начисто стереть мою жизнь, как вы только что стерли пятна с этого стола?

— Господин Черкасский — высокопоставленное должностное лицо Эмм-Лютера. В его действиях не могло быть ничего личного, субъективного...

— Забудьте об этом, — отрывисто сказал Теллон. — Последуйте моему примеру. Что бы со мной ни случилось тогда — я об этом забыл.

Когда она обработала его руку и заклеила рану пластырем, он попробовал согнуть пальцы:

— Буду ли я снова играть, доктор?

Ответа не было, и он остро, так, что мурашки побежали по спине, ощутил нереальность происходящего. Хелен Жюст ускользала от него; он был не в состоянии представить себе ее как женщину с конкретной индивидуальностью, вообразить ее место в обществе этой планеты. Физически он мог видеть ее разве что мимолетно, когда она косилась на собственное отражение в кухонном зеркале. Также он заметил, что она все время косится в сторону полки, на которой лежат несколько странных маленьких мешочков, сшитых из мягкой кожи. Их назначение оставалось для него загадкой; потом он вспомнил о птице Жюста и о том, что она была выдрессирована для соколиной охоты.

— Ваш брат — он в самом деле болен, мисс Жюст?

— Вы о чем?

— Как он пользовался электроглазом? Скажем, нравилось ли ему охотиться вместе со своими птицами? Бегать с собаками?

Она отошла к окну и уставилась на дальние деревья, темнеющие на фоне красного зарева рассвета, и только потом ответила:

— Это вас не касается.

— А по-моему, касается, — сказал он. — Сначала я не понимал сути происходящего. Я знал, что скоро придет Черкасский. Некогда было дожидаться телекамер, и я решил смотреть глазами других людей. Вот и все дела. Мне и в голову не приходило, что я дал жизнь новому виду извращения, какого еще не видела империя.

— Вы хотите сказать, что вы...

— Нет, я-то нет. Я удирал, у меня были совсем другие проблемы. Но та женщина из Свитвелла — та самая, которую я якобы изнасиловал, она пользовалась электроглазом, пока я спал. Она занималась любовью с кошками, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Почему вы думаете, что Карл тоже такой?

— Это вы так думаете, хотя я не знаю, почему. Это видно по тому, как вы настойчиво твердите, что он — безобидный отшельник. Конечно, может быть, в его случае секс ни при чем. Я считал, что когда человеку, долгое время пробывшему слепым, возвращается зрение, это далеко не всегда дает то счастье, какое ожидается. Прозревший может быть подавлен, угнетен... Скажем, чувством неполноценности от того, что внезапно вновь оказался на равных с остальным человечеством и теперь, если пасуешь или проигрываешь, уже ничего нельзя списать на увечье. Насколько, должно быть, приятнее чувствовать себя, например, соколом, с острыми глазами, с еще более острыми когтями... И с узеньким таким сознанием, просто не вмещающим слабость, поражение, совесть и все остальное... а знающим только, как охотиться и раздирать когтями...

— ПРЕКРАТИТЕ!

— Простите. — Теллон сам от себя не ожидал такой тирады, но он хотел пробиться к ней и чувствовал, что в каком-то смысле это удалось. — Вы лечите только раны, нанесенные вашим братом? У меня в спине дыра...

Хелен Жюст помогла ему спустить форменную рубашку с плеч и задохнулась, увидев гигантскую кровавую запеканку у него на спине. Теллон тоже чуть не задохнулся, получив изображение. Раньше он никогда по-настоящему не сознавал, какая жуть и мерзость могут описываться в справочниках фразой «опасное поверхностное ранение». Да, это оно и было «опасное — поверхностное — ранение».

— Вы можете что-нибудь с этим сделать — конечно, если не считать ампутации моих плеч?

— Думаю, смогу. Бинтов и тканесварочного вещества из моей аптечки на эту рану не хватит, но Карл держит такие вещи здесь, в буфете. — Она открыла буфет, нашла

санитарные материалы и принялась обрабатывать его плечо влажной тряпкой, осторожно удаляя с поверхности грязь.

— Это огнестрельная рана?

— Да.

Теллон рассказал ей, как это случилось. Он почти убедил себя, что она — сочувственная слушательница, но тут ему в голову внезапно пришла одна мысль.

— Если вы знали, что ваш брат держит здесь аптечку, — проговорил он медленно, — зачем вы ходили к машине за своей?

— Не знаю. Инерция, автоматизм... С такой раной ваше место в постели. Почему бы вам не сдаться? Тогда вы получите надлежащую помощь.

— Пардон. Сейчас я что-нибудь съем, потом я вас свяжу — вашего брата тоже — и уйду своей дорогой.

— Далеко не уйдете.

— А может, и уйду. Разве вам так уж это важно? У меня сложилось впечатление, что после той историйки вы и Павильон разошлись, как в море корабли. И сейчас вы здесь в силу чего-то подобного, а? Угадал? Вас выгнали?

— Заключенный Теллон, — сказала она ровным голосом, — беглые каторжники не допрашивают служащих тюрьмы. Сейчас я приготовлю завтрак. Я и сама хочу есть.

Теллона приятно обрадовала ее реакция. Он снова влез в свою униформу, потом нашел медицинский жгут и связал Карлу Жюсту запястья и лодыжки. От этого здоровяка пахло бренди. Теллон вернулся на кухню и сел на стул, чувствуя, как спину покалывает тканесварочный состав. Пока Хелен Жюст готовила что-то похожее на яичницу с ветчиной, он почти уверился, что это как раз и есть яичница с ветчиной. За время завтрака Карл Жюст дважды начинал стонать и слегка шевелиться. Каждый раз Теллон разрешал Хелен Жюст сходить и посмотреть на брата.

— Я же вам говорил, что он в порядке, — сказал он. — Он большой, сильный мальчик.

Пока они ели, он не предпринимал дальнейших попыток заговорить с ней, но наслаждался слабой тенью семейного уюта, созданной самим фактом, что вот он завтракает в обществе молодой женщины, в утреннем покое теплой

кухни... Хотя на самом деле они были совершенно чужими друг другу.

Теллон маленькими глотками пил четвертую чашку крепкого кофе, когда услышал, что во входную дверь на том конце холла кто-то царапается. Вслед за царапаньем раздался знакомый звонкий лай.

— СЕЙМУР! — вскрикнул он. — Входи, маленький пройдоха. Я уже думал, что тебя нет в живых.

Он подбежал к двери раньше Хелен Жюст и почти растерялся от радости, когда знакомый коричневый комочек прыгнул ему на руки. Насколько он мог заметить с того расстояния, на котором стояла Хелен, пес был невредим. Возможно, Сеймур успел добежать до ворот и протиснуться между прутьев в нескольких дюймах впереди огромной гончей. Если у последней неважно работали тормоза, это могло служить объяснением красного пятна на ее морде. Скорее всего Сеймур, когда Теллон пытался его нащупать, унесся ракетой из поля действия электроглаза.

Крепко прижав восторженную собаку к груди, Теллон отрегулировал радиус действия электроглаза и снова связал Сеймура с кнопкой номер один. Вооруженный тем, что практически стало его собственными глазами, он обернулся к Хелен Жюст. Да, она была таким же совершенством, каким он ее и запомнил. Одета по-прежнему в зеленую форму Павильона, которая подчеркивала ее красоту. Волосы уложены этаким медно-красным шлемом, который сейчас сверкал, как лазерный луч. Глаза, как им и полагалось, сохраняли свой цвет виски, но смотрели они мимо него, на светло-голубой автомобиль.

Теллона кольнуло острое подозрение, что с машиной нечисто. Он вышел наружу и открыл дверцу. Маленький оранжевый огонек терпеливо мигал в нижней части щитка — если быть точным, то на панели радиотелефона. Рычажок «ПЕРЕДАЧА» находился в положении «вкл.», а микрофона на предназначенном ему месте не было.

Тяжело дыша, Теллон выключил радиоловушку и вернулся в дом. Хелен Жюст смотрела на него в упор, бледная и прямая.

— Высший балл за изобретательность, мисс Жюст, — сказал он. — Где микрофон?

Она вынула его из кармана и протянула Теллону. Как он и ожидал, это была модель, снабженная собственным миниатюрным передатчиком, связывающим микрофон с основной частью радиотелефона вместо провода. Значит, он уже довольно долго был в эфире и, несомненно, на полицейской волне! Теллон вспомнил о пистолете, который сжимал в правой руке. Он задумчиво поднял его.

— Давайте, стреляйте в меня, — произнесла она спокойно.

— Если бы вы допустили, что я буду стрелять, вы не рисковали бы так, — рявкнул Теллон. — Обойдемся-ка без кадров, где героиня бестрепетно смотрит в дуло пушки. Возьмите ваше пальто, если оно здесь. Времени у нас в обрез.

— Мое пальто?

— Да. Я не могу доверить себе руль вашей машины. У Сеймура есть плохая привычка смотреть не туда, куда мне надо, а на приличной скорости это может обернуться бедой. Кроме того, полезно будет иметь вас заложницей.

Она покачала головой:

— Я не покину этого дома.

Теллон перевернул пистолет, многозначительно взвесил его на ладони и сделал один шаг вперед:

— Хотите пари?

Когда они выходили из дверей, Карл Жюст, похоже, полностью пришел в себя. Он несколько раз простонал, с каждым разом все громче, пока не перешел почти на крик; потом, когда его сознание прояснилось, снова затих.

— Я не хочу вот так бросать его, — сказала Хелен Жюст.

— Скоро он будет не один. Согласны? Ну и шагайте.

Теллон обернулся и взглянул на Карла. Тот безуспешно силился разорвать свои путы; его лоб блестел от пота, невидящие глаза отчаянно вращались. Теллон заколебался. Он слишком хорошо знал, что чувствуешь после долгого карабканья вверх по ущельям, когда что-то вдруг сбрасывает тебя вниз, в твой личный черный ад безвидения, беспомощности и безнадежности.

— Одну минутку, — сказал он, вернулся и встал на колени рядом с Карлом Жюстом.

— Послушайте меня, Жюст. Я взял электроглаз назад, потому что мне он нужнее, чем вам. Вы меня слышите?

— Слышу... Но вы не можете...

Теллон повысил голос:

— Я оставляю вам другой, совершенно такой же электроглаз, который, чтобы снова заработать, нуждается только в новом блоке питания. Я также оставляю вам сейчас полное описание блока питания. Если вы не позволите полицейским или этим, из ЭЛСБ, забрать его как вещественное доказательство, скоро вы снова сможете видеть. С вашим кошельком проще простого повернуть в свою сторону соответствующие законы.

Он сделал Хелен Жюст знак, и та побежала за бумагой и ручкой. Теллон схватил их и, стоя на коленях на полу, начал писать. Пока он работал, Хелен вытирала брату лоб и тихо разговаривала с ним печальным голосом; прозвучи он отдельно от нее, Теллон едва ли признал бы, что это ее голос. В этих отношениях сестры и брата было что-то глубокое и странное. Дописав, он сунул бумажку в карман пижамы Жюста.

— Вы потеряли уйму времени, — сказала Хелен Жюст, поднявшись. — Я не ждала такого...

— Такого идиотизма, вот как это называется. Не напоминайте мне. Теперь пойдемте.

Машина двигалась плавно, тихо и быстро. Как уже заметил Теллон, это была дорогая импортная модель новейшей конструкции с гравитационным двигателем, который вместо того, чтобы толкать машину, позволял ей падать вперед. Космические корабли использовали подобные силовые установки на начальных стадиях полета, но из-за больших размеров их редко использовали где-то еще, даже на самолетах. Это значило, что автомобиль был действительно очень дорогим. Хелен Жюст управляла им с явным мастерством: она боком выехала из ворот, которые при въезде в поместье оставила открытыми, а потом с рывком, глубоко вдавившим Теллона в кресло, лимузин взлетел над шоссе.

Когда машина, описывая пологую кривую, заскользила над автострадой, Теллон приподнял Сеймура, чтобы взглянуть в заднее окно. Сеймур был немного близорук, и все-таки в южной части неба можно было различить некие объекты, летящие с характерным для вертолетов подрагиванием.

— Включите радио, — сказал Теллон. — Я хочу послушать, какие преступления я совершил на этот раз.

Полчаса они слушали музыку; потом программу прервала сводка новостей.

Теллон присвистнул:

— Быстро работают. Ну, давайте послушаем, насколько я пал с тех пор, как меня в последний раз представляли публике.

Но когда диктор заговорил, Теллон застыдился своего эгоцентризма — его имя упомянуто не было.

Официальные новости состояли в том, что Колдуэлл Дюбуа, от имени Земли, и Гражданский Арбитр, от имени Эмм-Лютера, одновременно отозвали своих дипломатических представителей после краха аккабских переговоров о пропорциональном распределении новых территорий.

Оба мира находились на грани необъявленной войны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Хелен Жюст: двадцать восемь лет, не замужем, красавица, получила в Лютеранском университете диплом с отличием по специальности «общественные науки», член семьи премьера планеты, занимает высокий пост на государственной службе — и неудачница по всем статьям.

Ведя машину на север, она пыталась разобраться в хитросплетении характера и обстоятельств, которое привело ее в теперешнее положение. Конечно, большую роль сыграл старший брат, но сваливать на Карла все значило бы упрощать дело. Он всегда был с ней, его огромная фигура

маячила перед ней как нечто путеводное, на что можно было держать курс в жизненном плавании; но с годами этот утес развалился.

Эрозия началась, когда их родители и Питер, младший брат, утонули: скоростной катер, на котором они плыли, попал в аварию близ Истхеда. Катером управлял Карл, тогда студент последнего курса университета. После этого он крепко запил. Это имело бы серьезные последствия в любом из миров. А на Эмм-Лютере, где трезвость была частью самой общественно-политической структуры, это означало почти самоубийство. Он умудрился продержаться на плаву три года, устроившись на работу математиком в бюро конструирования космических зондов; потом он поплатился зрением за употребление контрабандного суррогата бренди.

Она помогла поселить брата в его личном поместье; это обошлось бы в непомерную сумму, если бы не Арбитр, все уладивший ради Карла — отчасти из родственной привязанности, отчасти желая сплавить его в какое-нибудь надежное место подальше от публики. С тех пор Хелен наблюдала, как нервы Карла все зримее приходят в негодность, как он рассыпается на все более мелкие кусочки.

Сначала ей казалось, что она сумеет помочь, но, заглянув в себя, она не нашла там ничего стоящего, что могла бы дать Карлу. Ничего, что можно было предложить кому бы то ни было. Одно только ужасающее ощущение неполноценности и одиночества. Она пыталась уговорить Карла временно эмигрировать с ней на другую планету (тут не исключалась даже Земля), где операции по возвращению зрения с помощью искусственных приспособлений не запрещались законом. Но он боялся. Боялся пойти против воли Арбитра, боялся столкнуться с разъедающими душу пульсационными переходами, боялся вообще оставить уютное, темное, материнское лоно своего нового дома.

Когда заключенный Уинфилд рассказал ей о задуманном Теллоном зрительном приборе, ей показалось, что это решение всех ее проблем. Теперь же, оглянувшись в прошлое, она поняла, как заблуждалась. Напрасно она наде-

ялась сделать Карла счастливым таким способом и вознаградить себя за ущербность в личных делах. Она нарушила все до единой статьи кодекса, чтобы воплотить в жизнь идею зрительного прибора, злоупотребила даже покровительством Арбитра — и все это только затем, чтобы увидеть, как Карл с помощью своих новых глаз выискивает другие разновидности тьмы...

После нелепого побега Уинфилда и Теллона тюремный совет провел предварительное расследование; в результате она была отстранена от дел и подвергнута домашнему аресту вплоть до окончания следствия. Повинуясь порыву, она ускользнула от своих сторожей и поехала на север, чтобы повидать Карла — возможно, в последний раз, и вот — до чего странная неизбежность — там же оказался и Теллон.

Она покосилась на Теллона, сидящего рядом с ней на переднем сиденье со спящей собакой на коленях. С того первого дня, когда она увидела его, так неуверенно идущего с коробочкой сонарного «фонаря» на лбу, он переменился. Его лицо сильно осунулось, было исхлестано новыми тревогами и усталостью, но, странное дело, обрело и новый, сосредоточенный покой. Она заметила, что этот покой был и в его руках, бережно касавшихся курчавой спины пса.

— Скажите, — произнесла она, — вы действительно верите, что сможете вернуться на Землю?

— Я теперь не загадываю наперед.

— Но вы страшно хотите вернуться. Какая она, Земля?

Теллон слабо улыбнулся:

— Там малыши катаются на красных трехколесных велосипедах...

Хелен уставилась на дорогу. Начинался дождь, и белые полоски дорожной разметки исчезали под машиной, как трассирующие пули, вылетающие из щели темнеющего впереди горизонта.

Немного позже она заметила, что Теллона начинает бить дрожь. А еще спустя несколько минут на его лице выступила испарина.

— Я же вам сказала, чтобы вы сдались, — произнесла она как бы между прочим. — Вы нуждаетесь в уходе.

— Сколько времени займет путь до Нью-Виттенбурга, если мы не будем останавливаться?

— Если при этом вы не потребуете от меня превышения скорости — часов десять-одиннадцать.

— Это если ехать прямо на север? Вдоль полосы?

— Да.

Теллон покачал головой:

— Черкасский наверняка поджидает меня где-то на полосе, и у него непременно есть описание этой машины. Лучше сверните на восток и поднимитесь в горы.

— Но это отнимет гораздо больше времени, а у вас нет сил даже на короткую дорогу до Нью-Виттенбурга! — Хелен рассеянно удивилась, с чего это вдруг ее потянуло спорить, отстаивая интересы этого бледного землянина. «Может быть, так оно и начинается?» — подумала она изумленно.

— Тогда тем более не важно, какой дорогой ехать, — сказал Теллон нетерпеливо. — Поворачивайте на восток.

Хелен свернула на первую попавшуюся боковую дорогу. Машина без всяких усилий проглотила несколько миль аккуратно распланированных и густо заселенных жилых кварталов, ничем не выделяющихся среди прочих на континенте. Пригороды без города. Снова Хелен задумалась над тем, какова была бы ее жизнь, родись она на другой планете, в обычной семье. Если бы не ее изолированность, характерная для тех, кто принадлежит к высшим кругам общества, она, возможно, вышла бы замуж, родила бы ребенка... кому-то... — эта мысль понеслась по своей орбите с неудержимостью астрономического тела, — кому-то... вроде Теллона. Она испугалась этой мысли. В другой жизни она могла бы путешествовать; он тоже путешествовал — больше, чем любой из ее знакомых.

Она снова покосилась на Теллона:

— Очень страшно лететь на звездолете?

Он слегка вздрогнул, и она поняла, что его клонит в сон.

— Не особенно. За час до первого прыжка тебе делают уколы хладнокрова, а перед тем как корабль входит в ворота, дают порцию кое-чего покрепче. И опомниться не успеешь, как уже приехал.

— Но вам когда-нибудь приходилось делать это без транквилизаторов и обезболивающих?

— Я никогда не делал этого с транквилизаторами, — сказал Теллон неожиданно жестко. — Знаете, каким великим изъяном обладает перемещение в нуль-пространстве — в той форме, которую мы практикуем? Это единственная разновидность путешествия из всех когда-либо изобретенных, которая ни на дюйм не расширяет ваших духовных горизонтов. Люди гоняют свои тела по всей Галактике, но внутренне они по-прежнему не высовываются за орбиту Марса. Если бы их заставили попотеть в путешествии без уколов, ощутить, как делаешься все тоньше и тоньше, и шкурой своей познать, что на деле означает термин «пульсационный переход» — тогда, возможно, кое-что изменилось бы.

— Что же, например?

— Например, то, что вы — лютеранка, а я — землянин.

— Как странно, — произнесла она весело, — шпион-идеалист. Но себе она сделала немое признание: «Да, именно так это и начинается». Ей понадобилось двадцать восемь лет, чтобы открыть, что она не сможет стать полноценным человеком, опираясь только на себя. Печально было то, что это произошло с таким, как Теллон, и потому немедленно должно быть пресечено. Она увидела, что его глаза за массивной оправой электроглаза снова закрылись, а Сеймур соскользнул в довольную дремоту — это значило, что Теллон во тьме и засыпает.

Она начала разрабатывать план. Теллон ослаблен напряжением, чрезмерным утомлением и последствиями ранения, но что-то в его длинном задумчивом лице говорило, что все равно в одиночку ей с ним не справиться. Если она и дальше сможет усыплять его подозрения и не давать ему заснуть до ночи, тогда, возможно, что-то удастся, когда он окончательно уснет. Она стала искать тему для разговора, которая могла бы его заинтересовать, но ничего не придумала. Машина въезжала в зеленые предгорья континентального хребта, когда Теллон заговорил сам, силясь отогнать забытье.

— В лютеранской системе оплаты труда меня кое-что озадачивает, — сказал он. — Каждому платят в часах и мину-

тах. Даже с учетом коэффициентов максимум, который может заработать, например, первоклассный хирург, — это три часа в час, верно?

— Правильно. — Хелен повторяла знакомые слова. — В своей мудрости первый Гражданский Арбитр убрал соблазны неограниченного материального обогащения с пути нашего духовного прогресса.

— Оставим катехизис. Просто я хочу знать, как может кто-нибудь вроде вашего брата или вообще вашей родни иметь доходы, абсолютно недоступные всем прочим? К примеру, как вписывается в вашу систему наличие у Карла такого поместья?

— Оно вписывается, как вы изволите выражаться, потому что Арбитр не принимает никакой платы за свои труды на благо Эмм-Лютера. Его нужды покрываются добровольными пожертвованиями его паствы. А все излишки, превосходящие его нужды, распределяются по его усмотрению. Обычно они идут на помощь страдающим или нуждающимся.

— Главный босс делится подношениями со своими друзьями и родственниками, — сказал Теллон. — Жаль, что здесь нет дока Уинфилда.

— Не понимаю.

— А кто вообще хоть что-то понимает? Какой отраслью математики занимался ваш брат?

У Хелен уже готов был саркастический уклончивый ответ, каким можно отбрить, скажем, наглеца-политика, сующего нос в сферы математики, но она вспомнила, что Теллон создал зрительные приборы. И один из пунктов его досье, как ей теперь припоминалось, гласил, что в начале своего жизненного пути он был физиком-исследователем, но неизвестно почему превратился в супербродягу и, наконец, в шпиона.

— Я была не в состоянии понять, чем занимался Карл, — сказала она. — Это имело какое-то отношение к теории, что нуль-пространственная вселенная намного меньше нашей; возможно, ее диаметр — всего несколько сотен ярдов. Однажды он сказал мне, что сферы диаметром в две световые секунды, которые мы называем воротами, соответствуют одиночным атомам нуль-пространственного континуума.

— Я слышал об этой идее, — ответил Теллон. — Добился он чего-нибудь?

— Вы сами знаете, что вся информация по конструированию космических зондов относится к первой категории секретности.

— Знаю. Но вы сказали, что все равно ничего не понимаете. Какую же тайну вы можете выдать?

— Ну... насколько мне известно, Карл входил в группу, которая вычислила ускорение и координаты прыжка для зонда, нашедшего Эйч-Мюленбург. Если лететь нужным путем, по дороге встретится меньше ворот. А это, по словам Карла, означает, что строительство кораблей обойдется дешевле, хотя я не понимаю, за счет чего.

— Корабли для рейсов на Эйч-Мюленбург будут стоить дешевле, потому что не придется предъявлять такие высокие требования к системе контроля координат. Чем меньше прыжков, тем меньше вероятность, что по дороге что-нибудь приключится. Но тот успех был единственным, верно? Они ведь не смогли отловить больше ни одной планеты с помощью своей математики.

— По-моему, нет, — сказала Хелен, сосредоточенно глядя на дорогу, серпантином поднимавшуюся в гору, — но Карл не верил, что тот первый успех был только случайностью.

— Догадываюсь, что он чувствовал. Тяжело, наверно, отказываться от такой замечательной теории просто потому, что она не вяжется с фактами. А сейчас он продолжает над ней работать?

— Сейчас он слеп.

— Ну и что из того? — резко сказал Теллон. — Человек не должен капитулировать только потому, что лишился зрения. Конечно, чтобы научить меня этой истине, потребовался Лорин Черкасский, так что, возможно, я в лучшем положении, чем ваш брат.

— Господин Черкасский, — нервно проговорила Хелен, — высокопоставленный служащий лютеранского правительства и...

— Знаю. Будь на Эмм-Лютере мухи, он не обидел бы ни одной из них. У правительства Земли свои недостатки,

но когда нужно сделать грязную работу, оно эту грязную работу делает. Оно не поручает ее кому-то еще, делая вид, что ничего не происходит. Я вам кое-что расскажу. Знаете, что на самом деле представляет собой господин Черкасский?

Хелен не прерывала Теллона, пока он рассказывал о своем аресте, о мозгомойке, о том, как он напал на Черкасского и лишился глаз. В заключение он сказал, что знает наверняка — Черкасский расправится с ним при первом удобном случае.

Хелен Жюст не мешала Теллону говорить, потому что это не давало ему заснуть, а значит, потом он будет спать крепче. Но в какой-то момент она поняла, что все это — правда. Впрочем, какая разница? Он по-прежнему оставался врагом ее мира. А его арест, как это ни прискорбно, — пропуском обратно, в ту прежнюю жизнь, где она занимала высокое положение.

Она сбавила скорость. Теллон все говорил и говорил, и она обнаружила, что ей легко поддерживать беседу. К тому времени, когда с неба серой пылью спустились сумерки, у них пошел настоящий разговор. Не обычный, пустой — а настоящий. С Хелен никогда такого прежде не было. Она рискнула назвать его Сэмом, постаравшись сделать это по возможности естественно, а он принял перемену в их отношениях без комментариев. Теллон, казалось, стал меньше ростом; от болезни он будто съежился и, похоже, окончательно выбился из сил. Заметив, в каком он состоянии, Хелен сделала следующий ход:

— Сэм, там, впереди, есть мотель. Вам нужно выспаться.

— А пока я буду спать, чем займетесь вы?

— Давайте заключим перемирие. Я тоже долго не спала.

— Перемирие? С чего бы вдруг?

— Я же вам говорю — я устала. Кроме того, вы пошли на риск, чтобы помочь Карлу; а после того, что вы мне рассказали о господине Черкасском, я не хочу вас ему выдавать. — Все это было правдой, и она вдруг поняла: как легко лгать, когда говоришь правду.

Теллон задумчиво кивнул. Глаза его были закрыты, на лбу блестел пот.

Мотель находился в предместье небольшого городка, выросшего на уступе горной цепи. В центре, вдоль главной улицы, сияли в вечерних сумерках витрины магазинов. Разноцветные неоновые трубки, словно яркие нити, выделялись на фоне вздымающегося черного массива горных пиков. Даже в этот ранний час городок был тих. Он как бы свернулся калачиком на дне невидимого потока холодных ветров, стремящихся с нагорий к океану.

Хелен остановила машину у конторы мотеля и сняла домик на двоих. Управляющий, мужчина средних лет с тяжелым взглядом и в расстегнутой рубахе — таким, наверно, и представляют себе типичного управляющего мотелем, — машинально взял у нее деньги. Когда Хелен стала объяснять ему, что ее муж простудился, плохо себя чувствует и должен немедленно лечь в постель, он, похоже, ее просто не слушал. Хелен взяла ключи, они проехали вдоль ряда оплетенных виноградными лозами домиков и остановились у коттеджа номер девять.

Когда она открыла перед Теллоном дверцу машины, он сжимал в правой руке пистолет, но так дрожал, что Хелен едва не поддалась искушению самолично разоружить его. Риск был невелик, однако даже в этом не было никакой необходимости. Она помогла ему выйти из машины и почти втащила его в коттедж. Он все время бормотал что-то невнятное — то извинялся, то благодарил, — ни к кому конкретно не обращаясь. Она поняла, что Теллон почти бредит. Комнаты были холодные и пахли снегом. Она опустила его на постель, он благодарно свернулся калачиком, как ребенок, а она накрыла его одеялами.

— Сэм, — прошептала она, — в двух кварталах отсюда есть аптека. Я пойду раздобуду что-нибудь для вас. Я недолго.

— Да, хорошо... Раздобудьте что-нибудь...

Хелен выпрямилась, держа в руке пистолет. Она победила, и победа досталась ей легко. Когда она выходила из спальни, он позвал ее.

— Хелен, — произнес он слабым голосом, впервые назвав ее по имени, — скажи полицейским... Когда они придут меня брать, пусть захватят еще пару одеял.

Она быстро закрыла за собой дверь, пробежала через маленькую гостиную и выскочила на пронзительный ночной ветер. Да, он знает, куда она идет. Ну и что? Ей-то какое дело? Но она все никак не могла отделаться от этого бесконечного внутреннего диалога: я знаю; я знаю, что ты знаешь; я знаю, что ты знаешь, что я знаю...

Все дело в том, решила она, что ей стыдно выдавать его после того, что она узнала о Черкасском. И о самом Теллоне. Он настолько болен, что едва ли сумеет ей помешать. Но ей было важно обмануть Теллона точно таким же способом, как если бы он был здоров. Он распознал обман? Что ж, придется хлебнуть чуть больше стыда. Она это стерпит.

Хелен открыла дверцу автомобиля и забралась внутрь. Сеймур, лежавший на сиденье, приподнялся и ткнулся носом в ее руку. Оттолкнув собаку, она потянулась к щитку радиотелефона, потом отдернула руку. Ее сердце заколотилось так, что на висках зашевелились волосы. Она вылезла из машины, вернулась в домик и закрыла дверь на замок.

Пока она, склонившись над постелью, снимала с него электроглаз, Теллон беспокойно шевелился и стонал во сне.

Вот так, думала она, расстегивая свою форменную блузку, вот так оно и начинается.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Весеннее утро, принаряженное в пастельную дымку, пришло в Нью-Виттенбург, принеся на окаймленные деревьями улицы ощущение жизни, украсив бетонную пустыню космопорта полосами яркого, чистого солнечного света.

— Дальше не поедем, — сказал Теллон, когда машина выехала на холм и он увидел перед собой раскинувшийся город. — Отсюда я могу дойти пешком.

— Мы действительно должны расстаться? — Хелен направила машину к обочине дороги и позволила ей опуститься на землю. — Я уверена, что могла бы тебе помочь.

— Так нужно, Хелен. Мы уже все обсудили. — Теллон говорил твердо, чтобы скрыть свою печаль от разлуки с ней. Пять дней, которые они вместе провели в мотеле, прошли как пять секунд. Однако по тому влиянию, что они оказали на его жизнь, они стоили десятилетий. В любви к ней он обрел и молодость, и — на новом уровне — зрелость. Но теперь капсула-горошина, похороненная в его мозгу, стала даже важнее, чем та новая планета, которую она олицетворяла. На карту были поставлены два мира — если дело дойдет до войны, ни Земля, ни Эмм-Лютер в их нынешнем виде не выживут.

Ему понадобилось некоторое время, чтобы убедить Хелен, что в Нью-Виттенбург им следует пробираться порознь. Хотя Теллон объяснял ей, что одно дело — сбежать из Павильона, не подчинившись приказу, а другое — быть схваченной вместе с ним, слова не произвели на нее никакого впечатления. Наконец он сказал, что не сможет связаться со своими агентами, находясь в обществе сотрудницы тюремной охраны.

— Ты позвонишь мне в отель, Сэм? Правда позвонишь?

— Конечно. — Теллон торопливо поцеловал ее и вылез из машины. Когда он закрывал дверь, она схватила его за рукав:

— Ты позвонишь, Сэм? Ведь ты не улетишь без меня?

— Конечно, я не улечу без тебя, — солгал Теллон.

Зажав под мышкой Сеймура, он зашагал к городу. Мимо, как призрак, пронеслась светло-голубая машина. Теллон хотел было бросить последний взгляд на Хелен, но Сеймур повернул голову в другую сторону. Он решил, что им нужно расстаться, потому что если ему предстоит снова встретиться с Черкасским, то встретятся они здесь, в Нью-Виттенбурге. Беда была в том, что, как бы все ни обернулось, разлука будет вечной. Если ему суждено ус-

кольнуть с планеты незамеченным, возврата не будет; а учитывая, во что обойдется Эмм-Лютеру его побег, нет никакой надежды, что Хелен позволят последовать за ним.

Теллон шагал быстро. Он был по-прежнему спокоен, но зорко высматривал полицейские машины и пеших людей в форме. Конкретного плана — как выходить на связь с агентом — у него не было. Но Нью-Виттенбург был единственным городом Эмм-Лютера, где Блоку удалось создать сильную организацию. По старой инструкции он должен был просто болтаться в районе космопорта, пока на него не выйдет связной. Именно это он и собирался сделать сейчас, три месяца спустя. Учитывая, как было разрекламировано его бегство из Павильона, организация непременно должна была подготовиться к его прибытию.

Контакт был установлен раньше, чем он ожидал. Теллон шел по тихой улице, направляясь к отелю, где все началось, — и тут неожиданно лишился зрения. Он остановился и, подавив волну страха, обнаружил, что, слегка скосив глаза влево, вновь обретает способность видеть. Очевидно, луч сигнала от электроглаза отклонился от точки пересечения со зрительным нервом. Это наводило на мысль, что он вошел в какое-то мощное силовое поле. Но только он решил, что источник поля находится внутри тяжелого грузовика, стоявшего неподалеку у бровки тротуара, как что-то оглушительно щелкнуло.

Теллон зашатался и стал искать руками опору. Он находился в длинном узком ящике, заставленном силовыми установками и освещенном единственной лампой дневного света. Чьи-то руки помогли ему удержаться на ногах.

— Ловко, — сказал Теллон. — Насколько я понял, вы затащили меня в кузов грузовика.

— Правильно, — произнес чей-то голос. — Добро пожаловать в Нью-Виттенбург, Сэм.

Теллон обернулся и увидел высокого, моложавого, узкоплечего человека со взъерошенными волосами и слегка вздернутым носом. Они оба пошатнулись — грузовик тронулся с места.

— Я Вик Фордайс, — сказал высокий. — Я уж думал, ты никогда сюда не доберешься.

— Я тоже так думал. Почему же кто-нибудь не отправился на юг, чтобы высматривать меня по дороге?

— Почему же, отправились. И большинство из них угодили в Павильон раньше, чем твоя койка успела остыть. Ребята из ЭЛСБ, похоже, обложили всех землян на планете, как волков. Одно подозрительное движение — и поминай как звали.

— Я предполагал, что так случится, — сказал Теллон. — Черкасский — человек дотошный, этого у него не отнимешь. Но зачем понадобилось хватать меня прямо на улице? Разве не легче было открыть дверцу и свистнуть?

Фордайс ухмыльнулся:

— Я тоже так сказал; но это устройство соорудили специально, если понадобится стащить тебя прямо из фургона ЭЛСБ, и мне кажется, они не захотели, чтобы наше гравитационное чудо осталось без дела. Кстати о чудесах техники. Твои очки — это и есть тот самый радар?.. Ну, в общем, тот прибор, о котором мы слышали? Каким же образом тебе удалось смастерить такую штуку?

Теллон подумал о Хелен Жюст. Эта мысль причинила ему боль.

— Это долгая история, Вик. Что мне теперь делать?

— Ну, у меня здесь, в грузовике, целая куча препаратов. Я должен дать их тебе, пока ребята гоняют машину туда-сюда по городу; потом мы отвезем тебя в космопорт. Ты должен быть на борту корабля через час.

— Через час! Но расписание...

— Расписание! — возбужденно оборвал его Фордайс. — Сэм, ты теперь важная шишка; полеты по расписанию для тебя — пройденный этап. Блок специально послал за тобой корабль. Он зарегистрирован на Паране как торговый, а ты поднимешься на борт в качестве сменщика одного из членов экипажа.

— А это не будет выглядеть несколько подозрительно? Что, если какой-нибудь чиновник космопорта заинтересуется кораблем с Параны, который шел на Эмм-Лютер только для того, чтобы забрать нового члена экипажа?

— Для этого понадобится время, а стоит тебе оказаться на борту «Лайл-стар», и считай, что ты уже дома. Это

очень быстроходная машина, хотя с виду — обычный торговый корабль.

Фордайс расхаживал по тихо качавшемуся кузову грузовика и отключал гравитационное оборудование. Теллон сел на ящик и погладил Сеймура, который, лежа у него на коленях, довольно ворчал. После того, что я пережил, думал Теллон, невозможно поверить, что я почти на свободе. Через час — какие-то сто минут я буду на борту корабля, готового вылететь из Нью-Виттенбурга. И все останется позади: Лорин Черкасский, Павильон, болото, Аманда Вайзнер — весь этот мир. И Хелен. Мысль о разлуке с ней была сейчас особенно тяжела.

Фордайс расставил на полу низкую, похожую на носилки раскладушку и открыл черную пластмассовую коробку. Указал Теллону рукой на раскладушку:

— Вот, это она и есть. Ложись на эту штуку, и мы займемся делом. Мне говорили, что может быть немножко больно, но через несколько часов все проходит.

Теллон лег, и Фордайс наклонился над ним.

— Тебе в некотором смысле повезло, — сказал Фордайс, поднеся шприц к свету. — Изменение цвета глаз и рисунка сетчатки — это обычно самый болезненный этап, но тебе тут не о чем беспокоиться, верно?

— Ты мне напоминаешь нашего врача из Павильона, — сказал Теллон с кислой миной. — Тому, похоже, тоже нравилась его работа.

Курс обработки оказался не таким страшным, как ожидал Теллон. Некоторые операции — осветление волос и пигментация кожи — были сравнительно безболезненными; другие причиняли небольшую боль или неприятные ощущения. Фордайс делал инъекции быстро и умело. Несколько игл он ввел прямо под кожу кончиков пальцев Теллона, чтобы изменить папиллярные узоры. Несколько раз он глубоко погружал иглу в мышцы, отчего одни мускулы сокращались, а другие расслаблялись, неуловимо изменяя его осанку, антропометрические параметры и даже походку. То же самое (хотя и в меньших масштабах) было проделано с его лицом.

Пока препараты начинали действовать, Фордайс помог Теллону переодеться. Костюм был серый, небрежный,

какого-то неопределенного вида — так, очевидно, должен был одеваться труженик космоса в перерыве между дежурствами. Теллон наслаждался забытым ощущением соприкосновения кожи с чистой одеждой, а особенно — ботинками и носками, хотя ботинки были особого образца — в них он оказался выше ростом.

— Готово, Сэм, — наконец с видимым удовлетворением произнес Фордайс. — Теперь тебя родная мать не узнает, или как это там говорится. Вот твои документы и новое удостоверение личности. Чтобы пройти контроль в порту, этого более чем достаточно.

— А деньги?

— Они тебе не понадобятся. Мы подбросим тебя прямо к космопорту. Конечно, с собакой тебе придется расстаться.

— Сеймур останется со мной.

— Но если...

— Упоминал ли кто-нибудь хоть раз, что со мной собака? В официальных источниках, в каких-нибудь газетах, в выпусках новостей?

— Нет, но...

— Тогда Сеймур остается. — Теллон объяснил, что его электроглаз работает, ловя зрительные нервные сигналы глаз собаки. И кроме того, он привязался к Сеймуру и в любом случае возьмет его с собой. Фордайс пожал плечами и напустил на себя вид, что ему все равно. Грузовик замедлил ход, и Теллон подхватил собаку.

— Вот мы и на месте, Сэм, — сказал Фордайс. — Здание космопорта. Когда пройдешь через главные ворота, встань на движущуюся дорожку, что ведет в северный сектор. Ты найдешь «Лайл-стар» у причала номер 128. Капитан Твиди будет тебя ждать.

Внезапно Теллону расхотелось улетать. Космос такой огромный, холодный и бесконечный, а он совершенно к этому не готов.

— Послушай, Вик, — замешкался он, — это все так неожиданно. Я рассчитывал поговорить кое с кем здесь, в Нью-Виттенбурге. Разве руководитель здешней ячейки не хочет со мной встретиться?

— Мы все делаем так, как нам приказали в Блоке. Прощай, Сэм.

Грузовик тронулся, как только Теллон шагнул на землю. Подняв Сеймура, он прижал его к груди и принялся обозревать панораму растянувшихся на полмили пассажирских и грузовых ворот, от которых разбегались веером ветки дорог и движущихся дорожек, уходящих к ослепительно белому бетонному горизонту. Между конторами, складами и огромными ремонтными ангарами сновали автокары и машины всевозможных форм и размеров. На утреннем солнце искрились китовые спины стоящих на пусковых столах космических кораблей, а высоко в небесной синеве виднелись пестрые ракушки — корабли, заходящие на посадку.

Теллон глубоко вздохнул и зашагал вперед. Он обнаружил, что препараты изменили не только его внешность; он теперь и чувствовал себя по-другому. Он шел твердым шагом, но в необычном ритме. Пассажиры, выходя из такси и автобусов, становились на движущиеся дорожки. Заметив это, Теллон влился в равномерно текущий людской поток и вскоре отыскал вход, предназначенный для портовых служащих и экипажей кораблей. Скучающий клерк едва взглянул на его документы и тут же протянул их обратно. Тем временем Теллон заметил двух других мужчин, которые сидели, развалясь, за спиной клерка. Казалось, их тоже совершенно не интересовало, кто проходит в космопорт, но Теллон не сомневался — датчики, подключенные к компьютеру, просканировали и измерили его с головы до ног. И если бы его внешность совпала с описаниями, прибор завопил бы об этом во всю свою пластмассовую глотку.

Еще не вполне веря, что ему так легко удалось миновать контроль, Теллон ступил на движущуюся дорожку, ведущую на север, и стал высматривать «Лайл-стар», пока скоростной транспортер нес его между рядами кораблей. Он давно не подходил к космическим кораблям так близко и теперь глазами Сеймура увидел их неожиданно отчетливо — будто впервые. В лучах утреннего солнца они выглядели какими-то нереальными. Огромные металлические эл-

липсоиды беспомощно лежали на пусковых столах, у многих крышки люков были подняты и держались на кронштейнах, как надкрылья насекомых. Погрузочные и ремонтные машины теснились у открытых люков.

В системе Эмм-Лютера не было других планет, поэтому все корабли в порту были межзвездными. Каждый такой корабль имел три совершенно различных типа двигателей.

Антигравы использовались при взлете. С их помощью огромные корабли «падали» вверх, в небо; но они были эффективны лишь в сильном гравитационном поле, которое «выворачивали наизнанку». Если от планеты до ворот далеко (а так чаще и бывает), корабль идет «по старинке» — на ионных реактивных двигателях. Потом включаются нуль-пространственные двигатели, которые — каким-то не очень понятным образом — всасывают огромный корабль в иную вселенную, где масса и энергия ведут свою игру по совершенно другим правилам.

Теллон обратил внимание, что среди разнообразнейших мундиров, то и дело мелькавших вокруг, больше всего было серых вельветок элэсбэшников. Нет сомнения, что сеть раскинута специально ради него, и тем не менее он ленивым шагом прошел прямо сквозь ячейки этой сети. Хотя ресурсы Черкасского по сравнению с ресурсами Блока ограничены, это, в конце концов, его родная территория. Почти что...

Впереди замаячил указатель «№128». Теллон перебрался на соседнюю полосу, более медленную, с нее на третью и, наконец, сошел на бетонную площадку и зашагал вдоль шеренги кораблей, высматривая герб с кентавром, украшающий паранианские суда. В нескольких шагах впереди появился узкоплечий великан в черной форме с золотыми знаками различия. Все это время он стоял в тени подъемного крана, а теперь шагнул вперед.

— Вы Теллон?

— Верно. — Теллон был ошеломлен ростом незнакомца. Пока он носил свои глаза в буквальном смысле слова под мышкой, все люди казались ему высокими. Но этот — что-то из ряда вон выходящее, настоящая пирамида из мышц и костей.

— Я Твиди, капитан «Лайл-стар». Рад, что все кончилось благополучно.

— Я тоже этому рад. Где корабль? — Теллон старался (что требовало немалых усилий), но никак не мог отогнать мысль о восьмидесяти тысячах ворот, отделяющих Эмм-Лютер от Земли. Скоро они разделят его и Хелен. Она будет ждать его в гостинице в Нью-Виттенбурге, а он улетит за восемьдесят тысяч ворот, улетит по небу великаньими прыжками. И никакого шанса вернуться. Рыжие волосы и глаза цвета виски... В темноте цвета уходят... «Хотел бы я, Хелен, быть рядом с тобой...» Красок нет... Есть тепло. И еще общность душ... «Ты плачешь и плачешь весь день напролет, ты плачешь и плачешь по мне...»

Твиди указал на дальний конец шеренги кораблей и быстро зашагал в ту сторону. Теллон прошел вслед за ним несколько ярдов, но тут понял, что не может двигаться дальше.

— Капитан, — сказал он спокойно. — Идите на корабль и подождите меня.

— Что? — Твиди обернулся моментально, как огромный кот. Из-под козырька фуражки сверкнули глаза.

— Я должен на час вернуться в город; я кое-что забыл. — Теллон старался говорить сухо и холодно, а в голове у него гудело:

«Что я делаю? Что я делаю? Что...»

Твиди сухо улыбнулся, выставив на обозрение свои необычно крупные зубы.

— Теллон, — сказал он подчеркнуто терпеливо, — я не знаю, что у вас на уме, и не хочу знать. Я знаю только одно — вы подниметесь на борт моего корабля, и немедленно.

— Я поднимусь на борт вашего корабля, — сказал Теллон, отступив на шаг назад, — через час. С каких это пор шоферы стали отдавать приказы?

— Новая разновидность предателей появилась! Это будет стоить вам жизни, Теллон.

— Что же вы собираетесь предпринять, капитан?

Твиди переступил с ноги на ногу и слегка наклонил свой корпус вперед, как борец, готовый обрушиться сверху на уступающего ростом противника.

— Сформулируем это так, — невозмутимо сказал он. — Блок заинтересован в том, чтобы ваша голова попала на Землю. Будет ли она при этом сидеть у вас на плечах — дело десятое.

— Вы здорово попотеете, гоняясь за мной, — сказал Теллон, отступая, — если только не позовете полицейского. Сейчас их здесь полно.

Твиди согнул свои массивные пальцы так, что хрустнули суставы, потом беспомощно огляделся по сторонам. Парочка элэсбэшников стояла на движущейся дорожке всего в нескольких шагах от них, а его корабль находился в добрых четырех сотнях ярдов на другом конце многолюдной площадки.

— Извините меня, капитан. — Теллон уверенно направился к движущейся ленте. — Вам придется немного потерпеть. А пока приготовьте мне самую удобную Джи-камеру.

— Я вас предупреждаю, Теллон, — голос Твиди был полон досады и гнева, — если вы встанете на транспортер, обратно на Землю полетите в шляпной картонке.

Теллон с наигранным спокойствием пожал плечами и двинулся дальше. Десять минут спустя он опять стоял на шоссе перед входом в космопорт. Выйти оказалось еще проще, чем войти. Он засунул документы во внутренний карман и поудобнее прижал покорного Сеймура к груди, раздумывая, как лучше всего добраться до отеля, где ждала Хелен. Справа у одного из входов началась какая-то суматоха, и он машинально повернул в другую сторону.

Чтобы добраться до Хелен, нужно время. И действовать придется очень осторожно — куда осторожнее, чем раньше. Твиди не шутил. Сэм Теллон не подчинился воле Блока (а это никому не удавалось дважды), и теперь его разыскивают две группы агентов. Теллон хорошо знал, что такое Блок. И потому сердце у него ныло: он понимал, что шансов остаться в живых у него будет больше, если элэсбэшники догонят его первыми.

Теллон пригнулся, закуривая, и зашагал в город.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Теллон с удивлением обнаружил, что обладает одним преимуществом над своими противниками. Это открытие он сделал, глянув мельком на свое отражение в витрине. В первый момент Теллон даже не понял, кто перед ним. Он увидел довольно высокого светловолосого незнакомца, который шел ссутулившись, будто профессор. Приплюснутое, угловатое лицо казалось шире, чем раньше. Теллон узнал себя только по собаке, которую нес под мышкой.

«А ведь по ней, — решил он, — меня могут узнать и агенты Земли». Несколько минут он размышлял над этой проблемой, потом его осенило. Рискнуть стоило.

— Ну-ка, Сеймур, спускайся, — прошептал Теллон. — Не слишком ли долго ты был моим пассажиром?

Он посадил пса на землю и велел ему идти следом. Сеймур взвизгнул и принялся носиться вокруг него, описывая немыслимые виражи. Восстановив равновесие в своем неожиданно закружившемся мире, Теллон снова приказал Сеймуру: «За мной!» И с облегчением обнаружил, что пес (видимо, удовлетворенный тем, что ему дали выразить свои чувства) послушно пошел за ним.

Теллон двинулся дальше. Но теперь Сеймур, глядевший на хозяина влюбленными глазами, мог видеть лишь его вышагивающие по мостовой ботинки. Идти, руководствуясь такой картиной, было слишком трудно, и Теллон, пощелкав регуляторами электроглаза, «подстроился» к какому-то человеку, шедшему следом. Хелен остановилась в отеле «Конэн» на Южной 53-й улице. Там она обычно останавливалась и раньше, когда приезжала в город. Отель находился милях в четырех от космопорта.

То и дело проклиная свой пустой кошелек (денег на такси у него не было), Теллон тащился по жаре. А жарко было не по сезону, и ботинки на толстой подошве терли ноги. Несколько раз он замечал шныряющие по улицам патрульные машины, но, очевидно, они совершали обычный объезд. Теллон еще раз поймал себя на мысли, что все идет слишком гладко. Ему как-то уж чересчур везет. В жизни так не бывает.

«Конэн» оказался первоклассным — по стандартам Эмм-Лютера — отелем. Теллон спрятался в подворотне на противоположной стороне улицы и задумался над новой проблемой. Хелен Жюст наверняка знаменитость местного значения — родственница Гражданского Арбитра, член совета тюрьмы и довольно состоятельная женщина, — а значит, полиция не могла не обратить на нее внимания. Особенно пока она живет в отеле, где ее знают. Если он подойдет к портье и спросит, в каком номере остановилась Хелен Жюст, это может оказаться его последней ошибкой.

Он решил подождать ее здесь, на улице. Быть может, она выйдет из отеля или, наоборот, войдет. Полчаса показались вечностью; Теллон начал ощущать, что пора что-то предпринять. Потом ему пришла в голову еще одна мысль: с чего он взял, что Хелен вообще там? Возможно, ее уже забрали, или она не смогла получить номер, или передумала. Он постоял, переминаясь с ноги на ногу, еще десять минут, потом Сеймур занервничал и начал дергать его за штанину. И тут Теллона озарило: пес, похоже, умный... что, если он сам?..

Глазами какого-то прохожего Теллон увидел, как Сеймур, лавируя, перебежал улицу и, виляя хвостом, скрылся в вестибюле отеля. Он вновь переключился на зрительные сигналы Сеймура... и вот он уже носится по вестибюлю гостиницы, описывая замысловатые петли. Прямо перед глазами — всего в нескольких дюймах — мелькает ковер, потом — крупным планом — ступеньки, плинтусы, дверные косяки. Зачарованный этим бегом, Теллон, казалось, слышал, как сопит Сеймур, отыскивая знакомый запах Хелен. И вот наконец перед ним появилась нижняя часть белой двери, он увидел, как пес скребется в нее передними лапами, и тут появилось лицо Хелен — любопытное, удивленное, смеющееся.

Когда она вынесла Сеймура на улицу, Теллон заметил в подворотне напротив свою собственную облаченную в серое фигуру. Он махнул рукой, она перебежала улицу и подошла к нему.

— Сэм! Что с тобой? У тебя такой вид...

— Хелен, у нас мало времени. Ты еще не раздумала?

— Ты же сам знаешь, нет. Но надо хоть собрать вещи.

— Вещи собирать некогда. — Теллон зашел слишком далеко, и сейчас от мысли, что удача вот-вот отвернется от него, ему стало почти физически плохо. — Если у тебя есть деньги на такси, едем прямо сейчас.

— Хорошо, Сэм. Деньги на такси у меня есть.

Теллон сунул Сеймура под мышку, взял Хелен за руку, и они пошли, высматривая такси. По дороге он в общих чертах обрисовал ей ситуацию. Через несколько минут они поймали свободное такси-автомат. Теллон плюхнулся на сиденье, Хелен набрала на клавиатуре адрес и просунула между валиками автомата купюру. Нервы Теллона были напряжены до предела. Казалось, они вызванивали неистовую пронзительную мелодию, как высоковольтные провода в бурю. Ему хотелось выть. Даже то, что он мог прикоснуться к Хелен, глядеть на нее, ничего не меняло. Вселенная рушилась, грозя завалить их, и надо было бежать со всех ног...

Когда они въехали в последний перед космопортом квартал, Теллон наклонился вперед и нажал кнопку «стоп». Они вышли из машины и остаток пути преодолели пешком. Шагая по земле, Теллон инстинктивно чувствовал себя в большей безопасности.

— Когда подойдем к входу, — сказал Теллон, — нам с тобой придется на несколько минут расстаться. Я играю роль матроса-паранианина, поэтому я пойду через служебную проходную справа. А ты купишь билет и войдешь через какую-нибудь другую дверь. Встретимся у ближнего конца главного транспортера, ведущего в северный сектор.

— А нам удастся проскочить, Сэм? Я уверена, нельзя просто так, без всяких формальностей, подняться на корабль и улететь.

— Не волнуйся. В больших космопортах вроде этого нет централизованных пунктов таможенного и эмиграционного контроля. Каждый пусковой стол снабжен нейтрализатором полей, который не дает кораблю взлететь, пока его не осмотрят бригады таможенников и эмиграционных чиновников.

— Разве это лучше?

— Наш корабль необычный. У него на борту найдется чем заглушить нейтрализатор. Нам не придется ждать проверок.

— Но твои друзья не ждут, что ты возьмешь меня с собой на корабль.

— Доверься мне, Хелен. Все будет отлично. — Теллон растянул губы в улыбку. Он надеялся, что со стороны эта улыбка покажется более искренней, чем ему самому.

Приближаясь к черному туннелю служебной проходной, Теллон почувствовал, как на лбу у него выступает ледяной пот. Когда глаза Сеймура привыкли к тусклому свету, Теллон обнаружил, что ничего не изменилось. Тот же самый клерк со скучающим лицом взглянул для проформы на его документы, те же самые типы в штатском сидели, развалясь, в тесной конторе. Теллон забрал свои документы, вышел на освещенный солнцем край поля и увидел ожидающую его Хелен. Она была невероятно прекрасна и улыбалась. «Будто собралась на танцы», — подумал Теллон и инстинктивно почувствовал, что танцует она не очень хорошо.

Уныние Теллона становилось все глубже, хотя он никак не мог понять его причину. Потом, когда они ступили на движущуюся дорожку, мысль, бороздившая глубины его подсознания, вынырнула на поверхность.

— Хелен, — спросил он, — далеко отсюда до Павильона?

— Около тысячи миль — чуть больше. Точно не знаю.

— Далековато для слепого. И все-таки меня не схватили, хотя за мной по пятам идет такой человек, как Черкасский.

— Ну ты же говорил, что тебе везет.

— Это-то меня и смущает — раньше никогда так не везло. У меня ощущение, что это штучки Черкасского. Перехватить меня на шоссе — невелика заслуга; но представим себе, что он решил сперва позволить мне дойти туда, куда я шел. Тогда бы он поймал не меня одного, а целый земной корабль со всей командой.

У Хелен был подавленный вид:

— Тогда бы он взял на себя слишком большую ответственность.

— А может быть, и нет. Аккабские переговоры по территориальной проблеме прерваны, но множество людей в империи думают, что лютеране слишком упрямятся, строят из себя собаку на сене. И если произойдет яркий, выигрышный инцидент, Эмм-Лютеру это будет только на руку. Скажем, корабль, принадлежащий Блоку и закамуфлиро-

ванный под паранианское торговое судно, ловят с поличным при попытке тайно вывезти шпиона.

Они перешли на более быструю полосу дорожки; ветер ерошил ее волосы, и она, запустив пальцы в медные пряди, отбрасывала их со лба.

— И что ты собираешься делать, Сэм? Вернешься?

Теллон покачал головой:

— Мне надоело возвращаться. Кроме того, я, возможно, переоцениваю Черкасского. Быть может, я сам все это выдумал. Забавно, однако, что я пешком дошел до твоего отеля и ни наши, ни ваши мне не помешали. Мне опять повезло.

— Похоже, что так.

— Мы сойдем с этой штуковины немного раньше, просто на всякий случай.

Они сошли с транспортера у причала номер 125, не доезжая трех рядов до места, где Теллон встретился с Твиди. Теллон заметил, что здесь, среди занятых работой людей, Хелен, одетая, как и раньше, в зеленую униформу, выглядит вполне естественно. Все — от кораблей до погрузочных машин и поддонов — было тут такое огромное, что две крохотные человеческие фигурки казались почти незаметными. Чтобы дойти до конца ряда и повернуть на север, потребовалось двадцать минут. Завидев впереди вместительный серебристо-серый корабль с зеленым паранианским кентавром на корме, Теллон остановился.

— Ты можешь разобрать название вон того корабля? Сеймур немного близорук.

Хелен заслонила глаза от заходящего солнца:

— «Лайл-стар».

— Это он. Он взял ее за руку и увлек в сторону. Теперь их заслоняли грузовые поддоны с высокими штабелями ящиков. Потом они вновь двинулись вперед, но так, чтобы их не было видно с корабля. Подойдя поближе, Теллон обратил внимание, что ни один из соседних пусковых столов не занят. Быть может, это просто совпадение или кто-то специально расчистил место для схватки? У самого корабля все люки были задраены, как в полете, за исключением расположенной в носовой части дверцы, предназна-

ченной для экипажа. Она была открыта. Ни на корабле, ни возле него никаких признаков жизни.

— Нельзя сказать, что это выглядит хорошо, — сказал Теллон, — но и не так, чтобы плохо. По-моему, надо спрятаться где-нибудь поблизости и посмотреть, что будет дальше.

Они двинулись к кораблю, выходя на открытое пространство лишь тогда, когда их заслоняли неуклюжие передвижные краны, и остановились примерно в ста ярдах от «Лайл-стар». Смеркалось. Толпа рабочих дневной смены начинала редеть. Скоро присутствие двух посторонних станет вызывать подозрения. Теллон оглянулся вокруг в поисках укрытия и выбрал припаркованный неподалеку кран. Массивный, выкрашенный желтой краской агрегат возвышался у них над головами, как башня. Теллон подвел Хелен к этой громадине, открыл смотровой люк двигательного отсека и вытащил свои документы. Заглядывая то в люк, то к себе в бумаги, он надеялся сойти за обходчика ремонтной службы, занятого работой.

— Убедись, что за тобой никто не наблюдает, — сказал он, — а потом полезай внутрь.

Хелен задохнулась от изумления, но сделала все, как было велено. Теллон, осмотревшись, последовал за ней и закрыл за собой люк. В удушливой, пропахшей маслом тьме они проползли вокруг огромных поворотных двигателей к тому боку крана, что был ближе всего к «Лайл-стар». Сквозь вентиляционные жалюзи открывался превосходный вид на корабль и бетонную площадку перед ним.

— Прости. Тебе это может показаться чепухой, — сказал Теллон. — Ты ведь сейчас чувствуешь себя как девчонка, которая спряталась в кустах, верно?

— Что-то вроде этого, — прошептала она и придвинулась в темноте поближе к нему. — А для тебя это, наверное, обычное дело?

— Ну, не совсем. Но подчас наша работа превращается в самое форменное ребячество. Насколько я понимаю, почти все так называемые дела государственной важности требуют, чтобы по меньшей мере один горемыка ползал по канализационным трубам на брюхе или занимался чем-нибудь похлеще.

— Почему ты не уволился?

— Я собираюсь. Вот почему на данном этапе я не хочу очутиться в объятиях господина Черкасского.

— Ты в самом деле уверен, что он на корабле?

Теллон поднес Сеймура к ближайшей щели, чтобы тот выглянул наружу.

— Нет, не уверен. Но предположить можно. Там что-то уж слишком тихо.

— А ты не можешь настроить свой электроглаз на кого-нибудь внутри и посмотреть, что там творится?

— Идея хорошая, но ничего не выходит — я только что пробовал... Обшивка не пропускает направленные сигналы — наверно, слишком толстая. Сигнал пройдет только через панели прямого обзора, но они — в самом верху носового отсека.

— И сколько же нам придется тут ждать? — Голос Хелен погрустнел.

— Пока не станет чуть темнее: тогда мы попробуем запустить туда Сеймура. Если он пролезет в шлюз, я смогу поддерживать с ним связь достаточно долго. И узнаю, нет ли там засады.

Когда солнце село и по периметру поля засияли синие огни, Теллон посадил Сеймура на бетон и указал рукой на «Лайл-стар». Сеймур неуверенно повилял хвостом и зашлепал к темному корпусу корабля. На миг «подключившись» к Хелен, Теллон проследил за тем, как пес пересекает площадку и взбегает по короткому пандусу. Лучи лимонно-желтого света, пробивающиеся изнутри корабля, очертили его силуэт. Теллон снова переключил электроглаз на Сеймура, и как раз вовремя — он успел увидеть занесенную ногу, обутую в сапог.

Теллон, который сидел в двигательном отсеке крана, в сотне ярдов от корабля, услышал визг Сеймура. Несколько минут спустя пес вернулся. Теллон держал его, дрожащего, на руках и успокаивал, как мог. А сам ломал голову: что же теперь делать?

То, что он видел, мелькнуло перед ним лишь на долю секунды, но больше и не требовалось. Он узнал светловолосого коренастого сержанта, который в ту ночь помогал Черкасскому скоблить его сознание мозгомойкой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Незадолго до рассвета у Теллона начались беспрерывные судороги в ногах. Он стал неистово растирать опухшие мышцы, гадая, в чем дело — то ли это от холода, то ли выдыхаются препараты?

— Что с тобой, милый? — Голос у Хелен был сонный.

— С ногами какая-то чертовщина... Все-таки сорок лет — не тот возраст, чтобы всю ночь торчать в холодном отсеке. Который час?

— Я оставила часы в отеле. Должно быть, скоро утро — птицы поют.

— Ничего не имею против птиц. Но если услышишь, что над нами в кабине кто-нибудь ходит, — значит, пора сматываться. — Он обнял Хелен за плечи. Она казалось маленькой и замерзшей, и внезапно ему стало жалко ее. — Да и в любом случае — надо отсюда выбираться. Из корабля никто не выйдет.

— Но если ты вернешься в город, рано или поздно тебя схватят. Твой единственный шанс вернуться на Землю — здесь, в космопорте.

— Такой большой-большой шанс.

Воцарилась долгая пауза. Потом Хелен заговорила — заговорила решительным и холодным голосом — совсем как тогда, когда он впервые услышал ее в Павильоне:

— Они выйдут, если я им скажу, где ты, Сэм. Я могла бы пойти на корабль и сказать, что ты прячешься в другом секторе поля.

— Выкинь это из головы.

— Да послушай же, Сэм. Я им скажу, что удрала от тебя, пока ты спал. А ты собираешься улететь на каком-нибудь другом корабле.

— Я сказал: выбрось это из головы. Черкасский — или кто там еще — сразу во всем разберется, и твоя байка затрещит по всем швам. Такие штуки никогда не срабатывают, во всяком случае, если имеешь дело с профессионалами. Если уж врешь — врать надо нагло, чтобы все поверили. По принципу: «такого вслух не говорят, а если уж говорят, то по крайней мере не врут». Еще лучше,

если ты говоришь правду, но в такой форме, что... — Теллон вдруг умолк — когда ледяное дуновение интуиции открыло ему смысл его собственных слов.

— Хелен, тебе в Павильоне говорили, за что именно меня арестовали?

— Да. Ты узнал, как попасть на Эйч-Мюленбург.

— А если я все еще владею этой информацией? Что ты на это скажешь?

— Скажу, что это ложь. Тебя проверяли и перепроверяли: все стерто.

— Ты недооцениваешь Землю, Хелен. Похоже, в колониях забыли, как здорово мы продвинулись в некоторых вещах. Наверное, это закон: когда ты начинаешь на новой планете с нуля, непременно происходит смена приоритетов — одни границы отодвигаются дальше, другие переносятся ближе.

— Что ты хочешь сказать, Сэм? Ты все ходишь вокруг да около.

Теллон рассказал ей о капсуле, которая поглотила частичку его мозга, защитив ее от всех психических и физических воздействий. Там, в субмолекулярных структурах, хранилась информация, которую хотел получить Блок. Говоря это, он почувствовал, как Хелен вся напряглась.

— Так вот почему ваши так стараются вернуть тебя, — сказала она наконец. — Я не понимала, что помогаю тебе отдать Земле целую планету. Это меняет дело.

— Еще бы, — сказал он. — Разве ты не знаешь, что из-за этой планеты затевается война? Если я благополучно выберусь отсюда, войны не будет.

— Конечно, не будет — Земля получит то, что хочет.

— Я на это смотрю не с точки зрения правительства, — сказал Теллон настойчиво. — Важно только одно — народ, простые мирные люди. Ребятишки на красных трехколесных велосипедах. Им не придется умирать, если я вернусь в Блок.

— Мы все чувствуем то же самое. Но факт остается фактом...

— Я мог бы удрать, — спокойно прервал ее Теллон. — Я был возле самого корабля и тем не менее повернул обратно.

— Не говори таким трагическим голосом — на меня эти штучки не действуют. Мы ведь уже знаем, что служба

безопасности хотела, чтобы ты сам привел их к кораблю. Даже если бы он взлетел, его бы все равно перехватили.

— Отлично. И я бы, вероятно, погиб. И на моей совести не было бы миллионов смертей.

— В свое время я тоже маялась всякими благородными идеями. Но ты меня переплюнул.

— Извини, — холодно сказал Теллон. — По-видимому, за последние несколько месяцев у меня атрофировалось чувство юмора.

Хелен восхищенно расхохоталась:

— А вот теперь ты и в самом деле ударился в напыщенность. — Она прижалась к нему и порывисто поцеловала в щеку. Лицо у нее было холодное.

— Прости меня, Сэм. Ты, конечно же, прав. Что я должна делать?

Теллон растолковал ей свою идею. Спустя час, в оловянных лучах рассвета, Теллон проверил, заряжен ли пистолет, и размял ноги, готовясь совершить пробежку. План его был прост, но было девяносто шансов против десяти, что закончится он их разлукой. И на сей раз дороги назад нет. Сидя в холодной тьме двигательного отсека, они оценили вероятность такого исхода и смирились с ней. Они полностью отдавали себе отчет, что даже если он и взлетит (впрочем, для этого требовался корабль с отличными, даже по земным меркам, летными качествами), то, весьма вероятно, не доберется до ворот. А если и доберется, то их судьбы разойдутся так же круто, как судьбы их планет. Они попрощались.

План заключался в том, что Хелен, незаметно для агентов, сидящих в засаде, проберется назад к транспортеру, а потом обычным шагом подойдет к кораблю, не скрываясь. Она должна рассказать, что Теллон заставил ее отвезти его в город, там он связался с членами Нью-Виттенбургской ячейки, а ее держал взаперти. Поняв, что на борту «Лайл-стар» его ждет засада, Теллон вернулся в город. Дальше Хелен должна была сообщить, что Теллон скрывается в районе городских складов, и дать адрес. Сама она по этой «легенде» сбежала, когда Теллон и его сообщники спали. Боясь, что они перехватят ее у полицейского участка или прямо на улице, она решила идти в единственное место, от которого зем-

ляне будут держаться подальше, — в космопорт. И, наконец, она должна была рассказать о капсуле.

Пока Теллон обдумывал шитую белыми нитками историю, его даже затошнило. Весь расчет был на то, что Черкасский не станет тратить время на размышления, более того — потеряет способность размышлять, когда узнает, что таится в мозгу Теллона. Тут уже не вендетта и не заурядная политическая интрига. Тут — кризис, который может стоить власти нынешнему правительству. Как дальше будут развиваться события, зависит от Черкасского. Если он помчится как оглашенный в город, оставив Хелен под охраной на корабле, Теллон поднимется на борт и, доверившись силе маленького пистолета, расчистит им обоим путь с планеты. Возможно, Черкасский настоит на том, чтобы взять с собой Хелен в качестве проводника, — тогда Теллону придется бежать в одиночку.

Сеймур заскулил и отдернул голову от вентиляционной щели, лишив Теллона возможности видеть, что происходит снаружи. Теллон ласково погладил его покрытую жесткой шерсткой голову:

— Не вешай носа, малыш. Скоро мы отсюда выберемся. Он крепко ухватил. Сеймура и снова поднес его к узкой полоске света. В конце отсека был зазор между кожухом двигателя и землей, и если пес выскочит наружу, то вряд ли захочет возвращаться. Теллон не стал бы его этим попрекать, но сейчас глаза Сеймура были нужны ему как никогда. Вот-вот могла появиться Хелен. Рабочие утренней смены уже расходились по местам. Космопорт оживал после долгой ночи, и Теллон еще раз подумал: вдруг кому-нибудь придет в голову воспользоваться краном, в котором он сидит?

Вдруг близорукие глаза Сеймура поймали расплывчатое медно-рыжее пятнышко — волосы Хелен — и дрожащую зеленую кляксу — ее форму. Она поднялась по пандусу и вошла в «Лайл-стар». Теллон скорчился в темноте, кусая пальцы и гадая, каким образом его взору будет явлено известие об удаче или неудаче гамбита. Прошла минута, потом вторая... третья... Время тянулось мучительно, на корабле и вокруг него не было, казалось, никаких признаков жизни. И тут наконец он получил ответ на свой вопрос.

Небо потемнело. Сердце у него заледенело от ужаса, когда он понял, что происходит. Заслоняя свет солнца, над космодромом плыли шесть самоходных орудий. Сейчас они находились менее чем в сотне ярдов от него. Под брюхом у каждого, невесомо кружась в вихревом антигравитационном поле, колыхалось темное облако пыли и каменной крошки. Развернувшись цепью, самоходки заняли позиции рядом с северной границей космопорта, примерно в полумиле от Теллона, и тут же завыли сирены, донося до всех оглушительный сигнал тревоги. Крохотные фигурки техников, суетившихся среди кораблей, вдруг замерли — вой сирен сменился голосом, многократно усиленным мегафоном:

«Внимание, внимание! Чрезвычайная ситуация планетарного значения! От имени Гражданского Арбитра к вам обращается генерал Лукас Геллер. С настоящего момента на территории космопорта вводится военное положение. Всему персоналу немедленно собраться в приемном секторе с южной стороны поля. Ворота перекрыты; всякого, кто попытается покинуть космопорт каким-либо иным путем, будем расстреливать на месте. Повторяю, расстреливать на месте. Не поддавайтесь панике, немедленно приступайте к исполнению приказа».

И пока эхо этих слов, подобно затихающей волне, катилось меж рядами кораблей, небо вновь почернело — над полем беззвучно повисли лазерные плоты. Теллон почувствовал, что его губы складываются в недоверчивую улыбку. Его гамбит провалился — и как провалился! Должно быть, Черкасский поверил той части рассказа Хелен, где речь шла о капсуле, но понял, что остальное — ложь. Должно быть, он догадался, что Теллон где-то рядом, и по корабельной рации объявил тревогу.

Теллон в каком-то оцепенении наблюдал, как сотрудники космопорта, побросав работу, покидают летное поле. Одни садились в машины, другие бежали к транспортерам. Через пять минут огромное поле казалось безжизненным. Вокруг все замерло, и только под лазерными плотами крутились пылевые смерчи.

После того как Хелен поднялась на борт «Лайл-стар», оттуда никто не выходил, и Теллон не знал, какая участь ее постигла. Ему оставалось только тихо сидеть в темноте

и ждать, хотя ждать было нечего. Он прижался лбом к холодному металлу двигателя и выругался.

Прошло еще пять минут, прежде чем Теллон услышал шарканье подошв по бетону. Он снова поднял Сеймура к вентиляционному отверстию и увидел, как несколько мужчин в серой форме ЭЛСБ спускаются с пандуса. Открытая военная машина промчалась вдоль ряда кораблей и остановилась перед ними. Все элэсбэшники, кроме двух, сели в нее и укатили в сторону города; оставшиеся поднялись по пандусу и исчезли в недрах корабля.

Теллон нахмурился. Похоже, Черкасский решил побить главную карту Теллона, проверив вторую часть рассказа Хелен. Это делало положение Теллона дважды безнадежным. А когда элэсбэшники отыщут тот склад и никого там не обнаружат, Хелен увязнет не хуже его. Черкасский свое дело знает, подумал Теллон, тоскливо поглаживая пистолет. Если бы только он вышел из корабля, Теллон смог бы подобраться к нему поближе и завершить начатое в ту ночь, когда он толкнул Черкасского из окна отеля. Возможно, именно поэтому Черкасский и остается на корабле, хотя и не сомневается, что Теллон попадет в его засаду.

«Если он думает, что я где-то здесь и готов отдать все за возможность его прикончить, то что он, по логике вещей, предпримет дальше? Ясно что: прикажет своим людям прочесать все вокруг».

Словно прочитав его мысли, вдалеке показались элэсбэшники. Пока они были в нескольких сотнях ярдов, но краем собачьего глаза Теллон заметил еще несколько серых пятнышек: это означало, что он окружен. Теллон прислонился к ребристому кожуху, прижимая Сеймура к груди. Его убежище не назовешь остроумным. Сюда они заглянут в первую очередь.

Взвешивая на ладони пистолет, Теллон сидел в темноте и думал, как поступить. Можно оставаться в двигательном отсеке, пока агенты не обложат кран со всех сторон. А можно выйти наружу, навстречу смерти. Тогда по крайней мере у него будет один шанс из миллиона прикончить Черкасского.

— Пошли, Сеймур, — шепнул он. — Я же тебе обещал, что скоро мы отсюда выберемся.

Он прополз вокруг двигателя к смотровому люку, помешкал немного, потом приоткрыл его. В недра машины проникли полоски яркого света. Он уже просовывал ногу в люк, когда раздался барабанный рокот тяжелых покрышек и жалобный вой приближающегося автомобиля. Это возвращалась та военная машина, на которой уехали элэсбэшники. Она промчалась через открытую площадку и, резко затормозив, застыла между Теллоном и «Лайл-стар». Из машины вышли те самые элэсбэшники, которых он уже видел. Они бегом припустили к кораблю, а затем — вверх по пандусу.

Если сейчас рвануть к кораблю — машина может послужить прикрытием. Правда, особого толку от нее не будет. Зато нет и предлога медлить.

— Пошли, Сеймур. Пора.

На той стороне бетонной площадки раздался чей-то тонкий пронзительный смешок. Со сладким ледяным содроганием Теллон узнал голос Лорина Черкасского. ПОЧЕМУ ОН ВЫШЕЛ ИЗ КОРАБЛЯ? Теллон прижал морду Сеймура к щели, но глаза собаки все время бегали из стороны в сторону. Теллон, видевший лишь обрывки сцены, испытывал поистине танталовы муки. Наконец он разглядел Черкасского в черном мундире с белым воротничком. Вместе с Хелен и несколькими элэсбэшниками он спускался к машине. Казалось, Черкасский улыбался ей, но близоруким глазам Сеймура доверять было нельзя. Что же все-таки произошло, черт побери?

Запоздало вспомнив про электроглаз, Теллон нажал на копку номер два, еще настроенную на Хелен, и теперь видел ее глазами. Перед ним появилось узкое лицо Черкасского и его нелепо-пышные волнистые волосы. Глаза его возбужденно блестели, он что-то говорил. Внимательно наблюдая за его губами, Теллон начал «читать»:

«...войдите в мое положение, мисс Жюст. В данном контексте ваш рассказ показался нам несколько фантастичным: но теперь, когда мои люди отыскали Теллона по тому адресу, что вы нам дали, мне остается только извиниться. Сперва Теллон оказал сопротивление, но поняв, что это бессмысленно, он сдался и признался, кто он такой, поэтому...» Изображение его лица исчезло — Хелен повернулась к желтому крану, где прятался Теллон.

Ее все это, наверное, озадачило не меньше меня, подумал Теллон. Адрес, который Хелен продиктовала Черкасскому, был взят, что называется, с потолка. Они знали только, что это где-то в районе складов. Но люди Черкасского действительно отправились по указанному адресу и нашли там человека, которого сочли Сэмом Теллоном. И — венец всего — этот человек действительно признал себя Сэмом Теллоном!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Теллон опять подключился к глазам Сеймура и стал наблюдать, как Хелен, Черкасский и остальные приближаются к транспортеру. Через несколько минут благодаря появившемуся столь загадочно и чудесно тому, другому Теллону путь к кораблю будет свободен.

Как бы то ни было, Черкасский рано или поздно докопается до правды, и когда это случится, Хелен уже ничто не спасет. Она спокойно шла рядом с остальными, стараясь выглядеть беззаботной, но Теллон заметил, что то и дело она поглядывает в сторону его убежища. Вот он — последний миг, подумал он, в последний раз я вижу ее и ничего не могу сделать — только смотреть, как она уезжает вместе с этим чудовищем, Черкасским. Теллон почувствовал, что за эти несколько секунд постарел на годы.

— Хелен, — прошептал он.

Услышав ее имя, Сеймур бешено выгнулся в руках Теллона, спрыгнул на землю и стремглав понесся через площадку к людям. Теллон, еще настроенный на собачьи глаза, увидел, как фигуры в поле его зрения разрастаются. Вытянутое лицо Черкасского обернулось к собаке и к Теллону.

Подбежав к людям, Сеймур развернулся — очевидно, заметив Хелен, — и вся картина у него в глазах заплясала. Теллон переключился на Хелен и увидел, как маленький пес бросается вперед, а один из элэсбэшников машет ру-

ками, пытаясь отогнать его. Уголком глаза — ее глаза — он заметил и Черкасского: тот указывал на кран и что-то быстро говорил. Писклявые команды Черкасского донеслись и до убежища Теллона.

Яростно выругавшись, Теллон ринулся вперед. Двигался он неуверенно, ибо мог видеть лишь то, что видит Хелен. Вылезая через смотровой люк и глядя на себя ее глазами, он разглядел сперва вдалеке, под краном, свои ноги. А потом и всего себя целиком — бегущая серая фигурка накренилась, огибая угол ярко-желтого крана.

Собрав все силы, Теллон помчался к кораблю. От долгого сидения в тесном отсеке ноги у него затекли, и теперь он бежал, нелепо ковыляя, загребая руками и ногами, чтобы выжать хоть какую-нибудь скорость. Он видел, как элэсбэшники, рассыпавшись цепью, достают оружие; потом раздался знакомый злобный вой «шершней». Небольшой перелет — начиненные наркотиками иглы со звоном упали у его ног. Потом он услышал то, что и ожидал, — сухой треск пистолетных выстрелов, за которыми последовали приглушенные расстоянием крики: полицейские, которые прочесывали космодром, услышали шум. Залаял автомат, наполнив воздух воем рикошетов.

Теллон увидел маленькое размытое пятнышко — тельце Сеймура; пес, обезумев от страха, несся к своему хозяину. Вот он прыгнул Теллону на руки, едва не свалив его на землю, но тот, пошатнувшись, побежал дальше. Теперь он был на полпути к «Лайл-стар».

Глядя все еще глазами Хелен, Теллон заметил, как Черкасский сделал несколько быстрых шагов ему навстречу, потом остановился и старательно прицелился из пистолета. За миг до выстрела Черкасский пошатнулся — Хелен вцепилась ему в руку, вырывая оружие. С искривленным от ярости лицом Черкасский отшвырнул Хелен и вновь прицелился. Хелен опять бросилась на него, впившись ногтями ему в лицо.

Глаза Черкасского сверкнули белым огнем, когда он рывком повернулся к ней; круглое черное рыло пистолета изрыгнуло пламя. Тьма, застелившая глаза Хелен, скрыла бегущую фигуру Теллона. Он ослеп. От потрясения и ненависти Теллон дико закричал. Потом, переключившись

на глаза Сеймура, он увидел серые мундиры, столпившиеся вокруг тела Хелен.

Теллон обернулся к противникам и стал посылать пулю за пулей, раз за разом нажимая на спусковой крючок. Пистолет заплясал у него в руке. Люди в сером оступались и падали под градом пуль, падали один за другим — только один Черкасский оставался на ногах. И, наконец, он сам выстрелил в Теллона.

Теллон почувствовал, как что-то рвануло его за рукав, и услышал почти человеческий, полный боли крик Сеймура. Потом Теллон оказался у подножия пандуса и побежал вверх по пружинистому скату. Наверху появился белокурый сержант; разинув от удивления рот, он расстегивал кобуру. Теллон автоматически выстрелил, и сержант, получив свои шесть пуль, рухнул с пандуса.

— Стреляйте, идиоты! — яростно орал Черкасский. — Прикончите его!

Пригнувшись, Теллон под градом свинца проскочил в шлюз и надавил на рычаг ручного управления дверью. Как раз в тот момент, когда моторы ожили и, взвыв, начали опускать тяжелую наружную дверь, Теллон увидел людей, несущихся к подножию пандуса. Он нажал на спусковой крючок, но пистолет лишь бессильно лязгнул.

Отшвырнув оружие, Теллон кинулся вверх по трапу на мостик, промчался по коридору и влетел в рубку. Смотровые экраны были пусты, пульт управления мертв. Правой рукой он пробежал вдоль ряда кнопок и рычагов; электрические сети и системы корабля стали оживать. Примерно через минуту антигравитаторы будут готовы «уронить» корабль в небо. Замерцал зеленый огонек, указывающий, что тамбур закрыт, судно герметизировано и готово к полету. Моментально почувствовав себя в безопасности, Теллон рухнул в среднее кресло и включил смотровые экраны. Слава Богу, в Блоке его заставили отработать управление кораблем до автоматизма.

Экраны запылали, словно соперничая с панелями прямого обзора; замелькали разноцветные изображения. Перед Теллоном предстала панорама поля — корабли, краны. Он отыскал взглядом тело Хелен около транспортера. Оно лежало в той же позе. Темно-зеленая форма, медный факел волос, темный багрянец растекающейся крови.

— Прости меня, Хелен, — сказал он вслух. — Ради Бога, прости.

— Теллон? — с потолка над его головой захрипел чей-то голос. — Это ты, Теллон?

Нигде поблизости динамика не было. Откуда же звучал этот голос?

— Да, это Сэм Теллон, — сказал он устало. — Кто говорит?

— Фордайс. Я все думал, удастся ли тебе добраться до «Лайл-стар».

— Фордайс! — Только сейчас Теллон начал понимать, откуда появился тот, другой Теллон. — Все это время тут работал твой «жучок»!

— Естественно. А как же, по-твоему, мы догадались отправить нашего человека по адресу, который твоя подружка дала Черкасскому? Жалко, что тебе пришлось всем раззвонить про мозговую капсулу; во второй раз у нас этот номер не пройдет. Да, в Блоке тебя за это не погладили бы.

— Что значит — «не погладили бы»?

— Да... если бы ты отсюда выбрался. Но выбраться ты не сможешь. Прямо у тебя над головой эскадрилья лазерных плотов, а Геллер привел в боеготовность все тактическое ядерное оружие, какое только было у него под рукой. Ты никогда не пробьешься сквозь эту стену; а если и пробьешься, Большой Флот возьмет тебя в клещи, прежде чем ты выйдешь.

Теллон все еще думал о Хелен Жюст.

— Похоже, — сказал он рассеянно, — я наделал немало ошибок.

— Похоже, — без всякого выражения ответил Фордайс. — Прощай, Теллон.

Теллон не ответил. Он только заметил, что элэсбэшники, стоявшие в оцеплении вокруг корабля, со всех ног кинулись прочь. Некоторые из них на бегу косились на небо — это означало, что лазерные плоты готовятся пустить в ход свои ослепительно-красные копья-лучи и теперь его смерть — дело нескольких секунд. Корабль даже не успеет оторваться от земли.

Уже ни на что не надеясь, он потянулся левой рукой к клавиатуре, и только тут заметил, что пальцы его залиты кровью.

Однако боли он не чувствовал. Потом он вспомнил крик Сеймура, когда они бежали по пандусу. Другой рукой он повернул его голову, чтобы рассмотреть поближе — не ранен ли тот? Живот собаки быстро вздымался и опадал, а чуть выше, в груди, зияла дыра с рваными краями. Коричневатая шерстка слиплась от крови.

— И ты тоже, — пробормотал Теллон, ощутив, что Сеймур слабо лизнул его руку.

Вспышка красного света блеснула на смотровых экранах, и системы тревоги корабля завизжали — лазерные плоты разворачивались, заходя в атаку на беспомощный корабль. Секунду Теллон сидел со склоненной головой, словно готовясь к смерти. И тут он сделал то, на что может пойти лишь обезумевший от отчаяния человек: он потянулся к пульту нуль-пространственных двигателей, вырубил все предохранители и надавил кнопку «прыжок».

Скачок в иной континуум принес мгновенную тишину и вспышку жгучего света. Теллон замычал от боли; потом все кончилось. Прыжок совершился.

Вокруг корабля была нежная, мирная тьма той части Галактики, что лежит далеко от сферы влияния человечества. Незнакомые созвездия сияли во тьме. Теллон даже не пытался узнать эти скопления блестящих искорок — ему слишком хорошо было известно, как недружелюбна к людям геометрия нуль-пространства.

Прыжок был совершен не через ворота с установленными координатами, а наугад. И сейчас Теллон, видимо, находился где-то на ободе галактического колеса. Он сделал это в отчаянии, но в то же время осознанно, зная, что из этой темной бесконечности возврата быть не может.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вначале было лишь чувство пустоты и облегчение после нестерпимого напряжения. Нечто подобное он испытал в ту ночь, когда покинул Павильон, но сейчас ощущение

было несравнимо острее. Он был никем и, будучи никем, ничего никому не был должен. Какое-то время он был никем, ничем, нигде — и был удовлетворен своим состоянием небытия. Потом краешком сознания он начал постигать весь ужас происходящего. Страх медленно разливался по всему его существу, пока наконец, стиснув зубы, он не заставил себя подавить его.

НАЗАД ПУТИ НЕТ. Он может совершить другой прыжок, и еще один, и еще, пока у него не кончится пища или он не умрет от старости — пульсационные переходы будут продергивать его, как иголку с ниткой, сквозь звездные поля бесконечности. Какая разница, сколько прыжков он совершит — шанс хоть раз вынырнуть вблизи подходящей для жизни планеты все равно был ничтожен, фактически нулевой. И, старея в этом кресле, он мог бы увидеть почти все проявления материи и энергии — одиночные и двойные звезды, целые звездные системы, бесформенные газовые облака, туманности — плохо вот только, что через несколько часов он ослепнет.

Теллон оторвал взгляд от величественной спирали и сосредоточил все внимание на Сеймуре. Пес лежал у него на коленях, свернувшись калачиком, чтобы прикрыть темную рану, и еле заметно дрожал. Животик задыхающегося Сеймура пульсировал все чаще и все слабее. Теллон не сомневался, что терьер умирает.

Он снял куртку и сделал из нее некое подобие гнезда на пульте управления антигравитационными двигателями. В это гнездышко он и положил крохотного пса. Сеймуру было трудно держать глаза открытыми, и Теллон то и дело слеп. Он встал и стал искать аптечку, чувствуя, как его буквально тянет за ноги искусственная гравитация. Поле возвращало человеку нормальный вес, но поскольку оно подчинялось закону обратных квадратов, а его источники находились непосредственно в плитках пола, нижняя половина тела всегда казалась тяжелее головы и рук.

Нигде в рубке управления — по крайней мере в поле зрения Сеймура — аптечки не было, а чтобы осмотреть другие отсеки, пса надо было тащить с собой. Теллон замер в нерешительности. Ему требуется пища, и лучше разыскать ее, пока он еще способен видеть.

— Извини, Сеймур, — сказал он. — Это будет твоя последняя работа.

Теллон осторожно взял пса на руки и пошел на корму. «Лайл-стар» был построен как обычное грузовое судно — с палубой в носовой части, цилиндрическим трюмом в центре и двигательным отсеком на корме. Рубка управления, каюты экипажа и кладовые размещались на палубе; под ней находились астронавигационное оборудование, генераторы энергии для внутренних нужд и всевозможные запасы. От заднего края палубы через похожий на пещеру трюм тянулся переходной мостик. Дальняя часть трюма была забита кипами сушеных белковых растений, а ближняя пустовала. Грузовые найтовы, аккуратно свернутые в бухты, лежали в своих нишах. Теллон знал, что оружие на корабле есть, но не обнаружил никаких его следов. Отсюда он заключил, что за последние годы Блок оснастил свои корабли какими-то совсем уж хитроумными устройствами.

Он окинул взглядом маленький камбуз. Судя по показаниям приборов учета провизии, запасов ему хватит по меньшей мере лет на пятнадцать. От мысли, что все это время он проведет во тьме, а потом умрет от голода, стало совсем тошно. Он торопливо вышел из камбуза и начал заглядывать во все двери подряд, мельком осматривая пустые каюты.

«Какой конец, — думал он, — какой бездарный, бесполезный путь к смерти. Как только люди научились преодолевать тяготение, они принялись захламлять Вселенную своими металлическими скорлупками, начиненными чем угодно — от кастрюль с микробами до ядерных боеголовок. Но разумный инопланетянин (если он натолкнется когда-нибудь на «Лайл-стар») обнаружит поистине удивительный образчик космического мусора — человека с коричневыми пуговицами вместо глаз и умирающей собакой на руках, бродящего по пустому кораблю. Однако ни один инопланетянин не поднимется на борт корабля, ибо ни один из миллионов межзвездных зондов ни разу не обнаружил признаков разумной...»

Банг! Где-то рядом со входом в шлюз раздался лязг, будто металл ударился о металл, и эхо удара разнеслось по всему кораблю, затихнув в недрах трюма.

У Теллона чуть не подогнулись колени, когда волна панического ужаса хлестнула его по нервам. Он стоял в узком коридоре, кормовой конец которого выходил на мостик, огибающий трюм, и, чтобы узнать причину звука, надо было дойти до конца коридора и перегнуться через поручень. Теллон подошел к темному прямоугольнику, потом шагнул на мостик. Что-то темное шевелилось на нижней палубе, рядом с внутренней дверью шлюза.

Это был Лорин Черкасский.

Он поднял голову, и Теллон увидел, что на лбу у Черкасского глубокая кровавая рана, а в руке пистолет. В течение нескольких рвущих нервы секунд они молча смотрели друг на друга. Черкасский улыбнулся натянутой, ледяной улыбкой. Его голова слегка покачивалась на длинной индюшачьей шее. Теллон невольно сделал шаг назад.

— Ах, вон вы где, Теллон, — добродушно сказал Черкасский. Да еще и с вашим маленьким дружком.

— Не пытайтесь подняться наверх, — сказал Теллон, поскольку ничего другого ему в голову не пришло.

Черкасский тут же отступил к металлической стене, не переставая улыбаться:

— Теллон, до этого мы с вами встречались лишь дважды — и оба раза вы покушались на мою жизнь. Пролети ваша последняя пуля на дюйм ниже, сейчас я был бы уже мертв.

— Та пуля не была последней, — соврал Теллон.

— Раз так, вы сваляли большого дурака, потеряв свой пистолетик. Вероятно, вы слышали, как я спихнул его в шлюз? Знай я, что он заряжен, я обошелся бы с ним иначе...

— Отлично, Черкасский. Но ты, пожалуй, перехватил через край. Актер из тебя никудышный.

Теллон быстро вернулся в коридор, гадая, чем можно защититься. Единственная реальная возможность — найти что-то такое, что можно кидать. Он побежал в камбуз и свободной рукой принялся лихорадочно рыться в ящиках и шкафах. Тяжелых разделочных ножей он не нашел, а столовые были из легкого пластика. Одна за другой утекали драгоценные секунды, и в довершение всех бед глаза Сеймура почти закрылись; теперь Теллон видел все как в тумане.

На роль метательных снарядов подходили разве что несколько больших банок с фруктами, стоявших у двери од-

ного из складов. Он попытался собрать их одной рукой, уронил, и они, дребезжа, покатились по полу. Тогда Теллон положил Сеймура на пол, подобрал банки и вслепую побежал по коридору к рубке, ожидая, что порция свинца вот-вот перебьет ему хребет. Он вбежал в рубку, отпрыгнул вбок и стал нажимать на кнопки электроглаза, пока не «подстроился» к Черкасскому.

Теперь он видел коридор с другого конца, видел четко, не сдвигаясь с места. Из этого он заключил, что Черкасский стоит на мостике и наблюдает за ним, но почему-то не стреляет. Значит, коротышка собирается превратить их схватку в марафон. Теллон поднял тяжелую банку, подобрался к дверному косяку и изо всей силы швырнул ее в другой конец коридора. Глазами Черкасского он увидел, как из-за двери показалась его рука, и банка рассекла воздух. Черкасский легко увернулся от нее, и банка с шумом упала в трюм, наполнив эхом весь корабль.

Теллон нашарил на полу другую банку. Он решил подпустить Черкасского поближе, чтобы тот как можно позже заметил летящий «снаряд» и не успел увернуться. Прижавшись спиной к переборке, Теллон смотрел, как медленно поднимается в гору коридор и растет впереди прямоугольник двери рубки. Потом Черкасский свернул в камбуз, и эта картина сменилась панорамой разгромленных шкафов и буфетов. А по полу, оскалив зубы в беспомощной попытке зарычать, полз Сеймур. Теллон понял, что сейчас произойдет.

— Назад, Сеймур! — крикнул он. — Лежать, малыш!

Он ничего не мог сделать — только кричать. Он невольно зажмурился, но изображение от этого, разумеется, не исчезло. Он должен был стоять и глазами Черкасского глядеть на мушку пистолета. Пистолет рявкнул, и тело Сеймура ударилось о дальнюю стену камбуза.

Теллон шагнул вперед и, собрав все силы, метнул банку. Раздался шлепок, будто она ударилась обо что-то мягкое, и Теллон стрелой кинулся вперед по коридору. Ненависть жгла его, как раскаленное добела железо.

Металлические стены дико завертелись, когда он бросился на Черкасского. Они полусоскользнули-полускатились к темному краю мостика, потом, отскочив рикошетом от по-

ручня, протащили друг друга вдоль всего коридора. Электроглаз съехал набок, и Теллон снова ослеп, но это было не важно. Он вцепился в Черкасского мертвой хваткой, и какой-то могучий голос гремел у него в голове: «Теперь тебя ничто не остановит! Ты доведешь дело до конца!»

Он ошибся.

Воспользовавшись разработанными в Блоке приемами борьбы, он мог бы покончить с Черкасским за несколько секунд; но его пальцы, подчинившись куда более древнему импульсу, сомкнулись на горле противника. И тут он ощутил, что тело Черкасского преобразилось, налившись той же самой стальной силой, как тогда, давным-давно, когда они вместе падали из окна отеля. Сцепив руки в замок, Черкасский нанес встречный удар. Этим старейшим из известных людям приемов он ослабил хватку Теллона, а затем, извернувшись, освободился. Теллон попытался помешать ему, но Черкасский несколько раз ударил его тяжелым пистолетом по бицепсам, и руки стали как ватные. Чтобы сдвинуть электроглаз обратно на переносицу, потребовалась драгоценная секунда. В этот момент Теллон понял, что сражение проиграно.

Черкасский воспользовался этой возможностью. Теллон вновь обрел зрение — но лишь для того, чтобы увидеть, как ствол пистолета бьет его в солнечное сплетение. Пол рубки ушел у него из-под ног, и он рухнул навзничь. Он снова смотрел в прицел пистолета Черкасского, на этот раз на самого себя. Мушка пистолета подползла к его голове и вновь поползла вниз.

— Я долго за тобой гонялся, Теллон, — спокойно сказал Черкасский, — и в некотором смысле я этому рад. Конечно, расстрел заключенного может испортить мою репутацию в глазах нашего многоуважаемого Арбитра. Расстрел любого заключенного, но только не тебя — ты натворил столько бед, что возражать никто не будет.

Теллон, задыхаясь, попытался перекатиться на бок; палец Черкасского, лежавший на спусковом крючке, напрягся. Только тут до Теллона стал доходить подлинный смысл его слов — то была последняя, нежданная надежда.

— Подождите... подождите... — Он задыхался и, чтобы заговорить снова, с усилием втягивал в легкие воздух.

— Прощай, Теллон.

— Подожди, Черкасский... ты кое-чего не... взгляни на экраны!

Черкасский быстро скользнул взглядом по непривычным звездным узорам на черных панелях, потом уставился на Теллона, потом — опять на экраны.

— Это какие-то ваши штучки, — сказал Черкасский изменившимся голосом. — Ты не в зале...

— Я взлетел. Мы совершили слепой прыжок. — Теллон боролся с удушьем. — Ты был прав, когда сказал, что мой расстрел не испортит твою репутацию. Никто и никогда не узнает об этом, Черкасский.

— Ты лжешь. На экраны можно вывести панораму, записанную на пленку.

— Тогда взгляни на панели прямого обзора. Как, по-твоему, мы могли бы пробиться в космос через все эти тяжелые армады, которые ты собрал?

— Они знали, что я на корабле. Они не открыли бы огонь, пока на корабле я.

— Они открыли огонь, — сухо сказал Теллон, — но мы прыгнули.

— Но разве они могли? — прошептал Черкасский. — Только не в меня...

Резко выбросив ноги вверх, Теллон ударил стоявшего над ним Черкасского. Тот перегнулся пополам. На этот раз Теллон дрался холодно и умело, глухой к страху и ненависти, глухой к громовому голосу пистолета, к сознанию того, что живые глаза его врага — единственные оставшиеся ему врата к свету, красоте и звездам.

Теллон закрыл эти врата навечно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ты можешь почувствовать, будто умираешь. Ты можешь даже лечь на пол и приказать себе умереть. Но все это проходит, а ты преспокойно продолжаешь жить.

Теллон пришел к этому открытию постепенно, за те несколько часов, в течение которых он бродил по безмолвному кораблю. Мысленно он представлял себе «Лайл-стар» пузырем яркого света, висящим в бесконечной тьме, а себя — частичкой тьмы, плавающей в этой светлой вселенной с четкими границами. Нет ничего бессмысленнее, чем сохранять такой порядок вещей еще пятнадцать лет, но он голоден, еда есть — так почему бы не перекусить?

Теллон обдумал эту идею. Утолить голод — ближайшая цель. Но вот она будет достигнута — и что потом? А это уже ложный, тупиковый ход мысли, решил он. Если ты собираешься превратить свою жизнь в достижение ближайших целей, ты отбрасываешь за ненадобностью логические процессы, связанные с целями дальними. Когда ты голоден, ты что-то себе варишь и съедаешь. После этого ты, возможно, чувствуешь усталость — и ложишься спать; а когда просыпаешься, опять хочется есть...

Он снял электроглаз, но обнаружил, что без защитных покрышек его пластмассовые глаза чувствуют себя неуютно, и снова надел его. Первая ближняя цель в его новой жизни — навести порядок в доме. Он нашел обмякшее тело Черкасского, отволок его к шлюзу и прислонил к наружной двери. Несколько минут он возился с этим телом, укладывая его так, чтобы остаточный воздух наверняка вынес бы его в космос. Мертвое тело — плохой попутчик даже в нормальных обстоятельствах, а воздействие нулевого давления привлекательности ему не прибавит.

Добившись желаемого результата, он пошел за Сеймуром и положил мертвую собачку на колени к Черкасскому.

Вернувшись в рубку, он ощупью разыскал основные кнопки и продул тамбур. Сцену покидают еще два персонажа, подумал он, и на подмостках остается один Сэм Теллон. Первым был док Уинфилд; потом Хелен, рыжая девушка с глазами цвета виски... Ему пришло в голову, что она, может быть, жива, но выяснить это он никак не мог, и вообще, это тупик, хватит!..

Теллон пошел на камбуз, достал по банке из разных кладовых и открыл их. Он разобрался с содержимым и запомнил, из какого именно раздаточного автомата взята каждая банка. Чтобы отбить вкус опостылевшей рыбы, он

решил съесть бифштекс, а пока он жарился, отыскал холодильный отсек со штабелями пластиковых туб с пивом. Вознося небесам благодарность за то, что Парана, к которой была приписана «Лайл-стар», обладает достаточными источниками белка и, одновременно, разумно относится к потреблению алкоголя, он сел за свою первую трапезу в чужом пространстве. А когда покончил с едой, то сразу отделался от пластиковых тарелок и столового прибора, а затем сел и стал ждать — не ожидая ничего.

Через какое-то время он устал и пошел искать постель. Сон долго не приходил, потому что многие тысячи световых лет отделяли его от остальных ему подобных.

Теллон выдержал четыре цикла деятельности и сна, а потом пришел к выводу, что непременно сойдет с ума, если так будет продолжаться и дальше. Он решил, что ему необходима долгосрочная цель, которая сделает его жизнь осмысленной — даже если срок для ее достижения дольше, чем его жизнь, а сама цель — недостижима.

Он пошел в рубку и исследовал кончиками пальцев пульт центрального компьютера, жалея, что не уделил ему больше внимания, пока еще мог пользоваться глазами. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что это стандартная модель, созданная на основе кибернетического усилителя интеллекта. Для путешествий в нуль-пространстве требовалось, чтобы корабль точно попадал в ворота диаметром не более двух световых секунд, поэтому вычислительное оборудование и астронавигационный комплекс объединялись в единую систему.

Текущие координаты рассчитывались автоматически по опорным точкам видимой небесной сферы, таким как переменные звезды. Одновременно были приняты меры, чтобы на вычисление координат не влияли такие редкие и непредсказуемые явления, как новые и сверхновые звезды. Для этого была предусмотрена обратная связь между системой сбора астрономических данных и блоком памяти. Система же ввода данных не менялась с первых путешествий в нуль-пространстве, и Теллон слышал, что эта сравнительно примитивная система позволяет достаточно квалифицированному инженеру легко превратить звездолет в автоматический зонд.

Другими словами, философия конструкторов была такова: этот корабль полностью гарантирован от аварий и всегда

доставит вас к месту вашего назначения; но если, паче чаяния, это не удастся, вы сможете подыскать себе другой мир.

Сам Теллон не выяснял, возможно ли это; но теперь ему приходилось принимать эти рассказы на веру — ведь без какого-то средства для проверки своих координат дальние прыжки были бы бессмысленны. Вероятность того, что он окажется в пределах досягаемости от пригодного для жизни мира, если будет пятнадцать лет постоянно совершать скачки через нуль-пространство, равнялась, в лучшем случае, одной миллионной. Он не обманывал себя, оценивая шансы на успех, но ему больше ничего не оставалось: лучше неизвестность, чем то растительное прозябание, в котором он провел четыре дня. Кроме того, в действительно случайной вселенной он мог совершить всего один прыжок и оказаться прямо над Землей, дыша ее атмосферой, ощущая запах дыма горящих листьев, плывущего в теплом плотном воздухе октябрьских вечеров...

Он принялся возиться с системой управления. Прошло еще два цикла отдыха и деятельности, прежде чем он убедился, что сможет запрограммировать систему в соответствии со своими новыми требованиями. Работая вслепую, он напрягал свой мозг до предела, достигнув той степени погруженности в работу, за счет которой когда-то создал электроглаз.

Несколько раз он ловил себя на том, что испытывает небывалый подъем. Вот мое призвание, думал он. Почему же после университета я все забросил и принялся скакать со звезды на звезду? Каждый раз при этой мысли перед ним, неизвестно почему, всплывали рыжие волосы и необычные глаза Хелен, накладываясь на мысленное изображение системы управления... И в конце концов он превратил астронавигационную систему из зверя, который прыгает лишь зная, где находится, в зверя, который откажется двигаться, если его разнообразные органы чувств засекут в пределах досягаемости корабля планетную систему.

Когда Теллон закончил работу, он окончательно пришел в норму. Его ум был остр и ясен. Он лег и заснул крепким сном.

После завтрака — так он называл первую трапезу после периода сна — Теллон прошел в рубку и сел в центральное

кресло. Он помешкал, готовясь к психическому выкручиванию досуха, и нажал кнопку, которая швыряла корабль в ту иную, непостижимую вселенную. ЧПОК! Нестерпимо яркая вспышка опалила его глаза; прыжок совершился.

Теллон сорвал с себя электроглаз и откинулся на спинку огромного кресла, закрыв глаза ладонями. Его ум бешено работал. Он уже позабыл о вспышке, которая обожгла его зрительные нервы, когда «Лайл-стар» выпрыгнула из Нью-Виттенбурга. Ни в одной книге не упоминалось, что в нуль-пространстве случаются световые вспышки; считалось, что большинство людей во время перехода испытывают секундную слепоту. Он прислушался к компьютеру, но тот молчал: это означало, что корабль материализовался вдалеке от планет — в каком-нибудь пустом и холодном уголке огромной галактики.

Мысленно пожав плечами, он приготовился совершить новый прыжок. На этот раз он уменьшил чувствительность электроглаза почти до нуля, и когда вспышка произошла, она была значительно менее яркой. Он снял электроглаз и совершил следующий прыжок. Ни малейшей вспышки света. Снова надев электроглаз, он совершил четвертый прыжок — опять вспышка.

Теллон начал чувствовать волнение, сам не зная почему. Вспышка и электроглаз взаимосвязаны — это, по-видимому, факт. Но чем вызвана вспышка? Может быть, электроглаз чувствителен к какому-то излучению, существующему только в нуль-пространстве? Вряд ли: схемы сконструированы так, чтобы отсеивать все сигналы, за исключением невероятно сложного, фазомодулированного излучения глиальных клеток. Какова же тогда причина? Людей в нуль-пространственном континууме нет.

Теллон встал с кресла и стал мерить шагами рубку — восемь шагов до стены, поворот, восемь обратно.

Он вспомнил разговор с Хелен Жюст о работе ее брата в Эмм-Лютерианском бюро конструирования космических зондов. Карл Жюст развивал идею, что нуль-пространственная вселенная, возможно, крайне мала и насчитывает в диаметре всего несколько ярдов. В нуль-пространстве не работает радиооборудование (из-за чего люди не могут составить его карту). Может быть, радиопередатчи-

ки просто увязают, как в болоте, в своих собственных сигналах — бесконечно кружа по крохотной вселенной, волны глядят друг на друга? Если это так, человеческий глаз — передающий свою информацию не через изменения в амплитуде, частоте или даже фазе, но посредством фазирования фаз — вполне может оказаться единственным «электронным» прибором, способным функционировать в нуль-пространстве, не уничтожая параметров собственных сигналов. А электроглаз может оказаться первым заработавшим в нуль-пространстве приемником. Но вопрос оставался. Чем вызвана вспышка?

Теллон внезапно остановился, наткнувшись на ответ, как на столб. В нуль-пространственной вселенной ЕСТЬ люди! Искривляющим генераторам требуется не менее двух секунд, чтобы создать поле и вновь его снять при прыжке с минимальным ускорением, но на торговых линиях империи оживленное движение. Миллионы тонн груза и пассажиров каждый час перекачиваются по зигзагообразным дорогам, связывающим разные части галактики, поэтому в любой отдельно взятый момент в нуль-пространственном континууме находятся тысячи людей. Эффект взаимогашения, создающийся за счет наложения сигналов в замкнутой вселенной, способен объединить излучение всех зрительных нервов в одну мощную, неинструментованную вспышку.

Его сердце громко застучало от волнения. Излучение глиальных клеток настолько слабо, что практически им пренебрегают, как отсутствующим. Вполне возможно, что эти сигналы затухают, лишь несколько раз отскочив от «стенок» нуль-пространственной вселенной; следовательно, вспышка, в виде которой они предстают электроглазу, может нести информацию о направлении движения — здесь кроется возможность путешествовать в нуль-пространстве, руководствуясь собственной, человеческой волей, а не капризами чужеродной геометрии.

Какое-то время Теллон простоял на месте. Потом он зашагал по коридору к ремонтной мастерской «Лайл-стар».

Покопавшись несколько минут на стеллажах с инструментами, Теллон смог распознать тяжелую электрическую пилу с традиционным движущимся взад-вперед лезвием. Он отдавал ей предпочтение перед лазерной пилой, которая слишком легко могла лишить слепого человека пальцев.

С пилой на плече он пошел на корму корабля, обходя кипы прессованных протеиновых растений, и стал пилить первый слой противорадиационной обшивки. Из материала дюймовой толщины он выпилил три панели, каждая размером пять футов на два, потом вырезал панель поменьше — квадрат со стороной в два фута. Пластмасса с металлической присадкой оказалась тяжелым материалом, и он несколько раз упал, пока тащил панели в рубку.

Разложив панели-экраны в рубке, он несколько раз попытался соединить их с помощью сварочного аппарата, но его слепота оказалась слишком большой помехой. Отложив сварочный аппарат в сторону, он расплющил и согнул несколько пустых консервных банок — получились грубые угловые скобы. Скрепил скобами пластмассовые панели. Работа отняла много времени — даже привычная ручная дрель в руках слепого то и дело бунтовала, — но в конце концов он соорудил что-то вроде будки часового. Сменив сверло в дрели, он пробурил в средней стене будки одно крохотное отверстие.

Сердце Теллона упало, когда он попытался передвинуть будку, куда ему хотелось, и ощутил на себе ее упрямую тяжесть. Он безуспешно пихал ее несколько минут и только потом вспомнил, что находится на звездолете — в месте, где вес — это созданная на заказ роскошь. Он нашел главный выключатель системы искусственной гравитации и щелкнул им, и справиться с будкой оказалось значительно проще. Он установил ее перед креслом капитана, входом к корме, и снова включил гравитацию.

С надеждой на успех и страхом разочарования Теллон перелез через капитанское кресло и забрался в будку. Ее открытая сторона почти прижималась боками к ножной подставке, и когда он примостился на квадратике палубы, ограниченном тремя стенками будки, то оказался надежно укрытым от лучей с панели прямого обзора. Высунув правую руку из будки, он подтащил к себе переносной пульт управления нуль-пространственными двигателями и нащупал кнопку прыжка. Левой рукой он нашарил отверстие — теперь оно было единственным каналом, через который к нему могли поступать сигналы зрительных нервов — и установил в него свои окуляры.

На этот раз вспышка, когда он нажал кнопку прыжка, была лишь внезапно мигнувшим, умеренно ярким огоньком — на это он и надеялся. Теперь настало время для решающей проверки. Он совершал прыжок за прыжком, стараясь держать голову в одном и том же положении относительно отверстия; потом вышел из будки, довольно ухмыляясь. Яркость вспышек колебалась.

Не обращая внимания на сосущее чувство голода, Теллон отключил нуль-пространственный двигатель и переключил искривляющие генераторы на ручное управление. Теперь «Лайл-стар» было приказано совершать продолжительные визиты в нуль-пространство, не меняя своей ориентации ни в том, ни в другом слое бытия.

Он отсоединил от бортовой ЭВМ штурманский терминал и затратил некоторое время на установление дружеских отношений с его клавиатурой, стараясь вновь обрести почти забытый навык, позволявший его пальцам превращать компьютер в продолжение мозга. Закончив приготовления, он мысленно вообразил себя в центре пустой сферы и присвоил базовые координаты двум тысячам точек, равномерно распределенных по ее внутренней поверхности.

Следующая задача — это, вращая «Лайл-стар» вокруг каждой из ее трех основных осей, поочередно всякий раз направлять нос корабля на каждую точку. Изменив положение, он выходил в нуль-пространство, визуально оценивал яркость полученного сигнала, потом возвращался и вводил информацию в компьютер.

Ему пришлось трижды делать перерывы на сон, прежде чем работа была закончена, но в результате он получил — к сожалению, неполную — первую карту нуль-пространственной вселенной.

Конечно, на самом деле это была приближенная компьютерная модель сети галактических торговых линий, увиденной из некой точки нуль-пространства. Теперь ему требовалась аналогичная модель этой сети для нормально-пространственной вселенной. Располагая ею, он мог бы ввести обе модели в большой компьютер и заставить его установить соответствия между ними. В империи девятнадцать миров, и поскольку начальные и конечные ворота для них — для всех, кроме двух — находятся недалеко от Земли, на модели

нормального пространства в этом районе будет наблюдаться значительная концентрация яркости. На карте нуль-пространства подобной концентрации не будет, так как между двумя континуумами нет полного соответствия, но Теллон надеялся, что хоть какую-то связь между ними компьютер найдет. А стоит ее найти — можно считать, что он дома.

Чтобы отпраздновать победу, он решил угостить себя вкусным обедом, а после уж поразмыслить над дальнейшим планом действий. Он поджарил огромную отбивную и стал методично транжирить запасы пива. Покончив с едой, он присел на табуретку в камбузе и задумался. До этого момента он великолепно обходился без глаз, но лишь благодаря тому, что брался за привычные задачи с помощью инструментов, которыми мог пользоваться почти машинально. Как ни парадоксально, построение компьютерной модели его собственной, нормально-пространственной вселенной будет гораздо сложнее. Он не может «увидеть» плотность переплетающихся космических дорог, а единственная альтернатива — вводить в компьютер галактические координаты всех ворот. Это будет адский труд — например, путешествие с Эмм-Лютера на Землю предполагает ввод трех координат для восьмидесяти тысяч ворот. Конечно, это выполнимо — данные найдутся в каком-нибудь уголке памяти бортовой ЭВМ, — но незрячему человеку проделать такое... тяжело. Слово «невозможно» всплыло у него в мозгу, но тут же было отброшено.

Теллон пил и пил, чувствуя, как ослабевает его первоначальный энтузиазм. По-видимому, он будет вынужден вслепую разобрать и вновь собрать во тьме главный компьютер — просто чтобы узнать, как он устроен! Потом ему придется прослушать все данные из его запоминающего устройства с произвольным доступом, пока он не наткнется на то, что ему нужно. Это может отнять пять или десять лет. Он может умереть с голоду, так и не выполнив задачи, которую зрячий человек одолел бы за несколько часов.

Теллон задремал. Проснулся он от вкрадчивого писка, которого не слышал уже много лет. Он на миг опешил, но тут же узнал этот звук. Он слышал голос потомка первого безбилетного пассажира, который поднялся на борт корабля на заре веков, когда люди выходили на своих первых хрупких судах на бой с морями Земли. Это была крыса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Теллон забыл, что грузовой трюм не освещен. Он нашел на палубе щиток осветительной сети и зажег каждую трубку на корабле, но не поймал ни одного сигнала, даже включив электроглаз на полную мощность. Он заключил, что либо между ним и крысой слишком много препятствий, либо крыса прячется там, куда свет не доходит. Один из таких факторов или сразу оба помешали ему обнаружить зверька раньше, пока тот не вылез в поисках пищи.

Он вышел из рубки и двинулся по центральному коридору. Остановившись у поручней поперечного мостика, он что-то заметил. То был не проблеск света, а скорее слабое разжижение тьмы. Задач такого типа он еще не решал. Он должен был не только приспособиться к тому, что его глаза существуют отдельно от его тела, но и вычислить по очень скудным признакам, где именно они находятся.

Крыса наверняка пряталась где-то под кипами белковых растений, но, вспомнив, как быстро она исчезла, когда он погнался за ней в камбузе, Теллон понял, что передвигать кипы бессмысленно. Он решил установить неопасную для жизни крысы ловушку.

Есть старая уловка — переворачиваешь ящик, подпираешь его с одного бока короткой палочкой и резко выдергиваешь подпорку, когда жертва оказывается под ящиком. Он раздумал использовать такую ловушку, вспомнив свой давний мальчишеский эксперимент: тогда мышь пала жертвой своей прыти и была раздавлена краем ящика. В нынешних обстоятельствах крыса, забравшаяся на корабль, вероятно, на Паране, была дороже увенчанной всеми лаврами скаковой лошади.

Теллон взял с камбуза немного хлеба, рассыпал его вокруг кип груза, присел невдалеке и притворился спящим. Минута тянулась за минутой, и он поймал себя на том, что действительно клюет носом. Какое-то время он решительно боролся со сном, потом стал замечать, что постепенно становится светлее. Мелькали тусклые плоскости, из тьмы выплывали рваные серые пятна, за ними появился неровный

яркий кружок, похожий на выход из пещеры. Мимо проковыляло что-то до ужаса огромное, сверкнули красные глаза — холодные и изучающие. Теллон заставлял себя дышать ровно. Он понял, что, двигаясь к выходу из логовища, его крыса просто обогнала другую крысу.

Совершенно неожиданно он увидел перед собой блестящие металлические плиты, которые тянулись к темным горизонтам, как безжизненная пустыня. Над головой было странное небо, наводящее на мысли о просторных пещерах. Интерьер трюма, увиденный глазами крысы, представлял собой чужой, неприветливый мир, в котором природный инстинкт советовал скрываться от опасности в темных углах и искать помощи у красноглазых сородичей в мрачных лабиринтах.

Теллон задумался, не является ли электроглаз более эффективным приемником, чем он предполагал. А что, если существует мостик между сигналами, поступающими в зрительную зону коры головного мозга, и другими мыслительными процессами данного животного или человека — что-то вроде перепонки между слоями психики? Может быть, если он подключится к быку, который смотрит на развевающуюся красную тряпку, то поймает скрытые тона гнева? Может быть, использование глаз Черкасского превращало его в безжалостного убийцу, в орудие, которое дикие инстинкты коротышки повернули против него самого? Это был бы славный образчик романтического воздаяния. А что в таком случае дарили ему глаза Хелен? Любовь?

Увлеченный своей идеей, Теллон едва заметил, как в поле зрения появился небольшой хлебный холмик — крыса приближалась. Холмик становился все ближе, превратился в изрытую ущельями гору еды; потом на угрожающем горизонте замаячило его собственное гигантское бородатое лицо. Изображение надолго застыло, и Теллон приказал себе не шевелиться. В конце концов крыса снова двинулась вперед. Теллон прыгнул лишь тогда, когда блестящая ячеистая поверхность хлеба оказалась прямо перед носом. Глазами крысы эта попытка изловить ее выглядела почти смехотворной.

При первом же движении толстых, как древесные стволы, пальцев спящего великана все расплылось, и он вновь

оказался в полумраке еле видимых контуров. Он сделал еще три попытки, с тем же результатом, пока не признал, что придется найти способ получше. Что будет, подумал он, если я не смогу ее поймать? Ситуация становилась еще смешней. В металлическом пузыре, наполненном светом и воздухом, бегает на четвереньках человек с пластмассовыми глазами, но его бесконечная погоня за неким грызуном обречена на неудачу, потому что он может видеть его только тогда, когда сам грызун его видит...

— Если хороший фехтовальщик вызывает вас на дуэль, — сказал Теллон вслух, — вы должны настоять, что поединок будет на пистолетах.

Звук его голоса в безлюдной тиши корабля напомнил ему, что он, в конце концов, человек, представитель вида, чьим особым оружием является мысль. Об этом до ужаса легко забыть, когда твои глаза прячутся во тьме под тюками.

Он подобрал хлеб и пошел с ним на нос, разбросав его по полу возле рубки. Он зашел на минутку на камбуз, потом прошел в рубку и сел. На этот раз Теллон сделал свой ход лишь тогда, когда крыса зарылась носом в гору еды.

Он отключил искусственную гравитацию.

Когда бьющаяся и визжащая крыса воспарила в воздух, Теллон поплыл к ней, держа наготове взятую с камбуза банку из прозрачной пластмассы. При виде его крыса обезумела. Она билась всем телом о воздух, как выброшенная на берег рыба, задав Теллону (который видел свою летающую фигуру лишь урывками и по кусочкам) мудреную баллистическую задачу. Со второй попытки он сгреб в банку бьющегося зверька, неплотно закрыл банку крышкой и, слегка улыбаясь, снова двинулся в рубку с вибрирующим пластмассовым сосудом в руке.

Первое, что сделал Теллон с помощью своих новых глаз, — это приказал «Лайл-стар» определить, где он находится.

Астронавигационному комплексу потребовалось лишь несколько секунд, чтобы приблизительно вычислить его местоположение по остальным семнадцати галактикам местной системы, а потом уточнить и подтвердить свои выводы с помощью квазаров. Корабль находился примерно в 10 000 световых лет от центра Галактики и примерно в

35 000 световых лет от Земли. Теллон был закаленным звездным бродягой, но сияющие цифры, висящие в воздухе над компьютером, вызывали в нем ощущение ледяного ужаса. Расстояние, которое он тщился преодолеть, было слишком велико не только для корабля, но и для света Солнца: по дороге этот свет поглотила межзвездная пыль. Но если бы пыли не было, а он располагал бы безгранично мощным телескопом с неограниченной разрешающей способностью, он мог бы взглянуть на родную планету и увидеть людей верхнего палеолита, начинавших устанавливать свое господство над лесами Земли при помощи только что усовершенствованного кремневого оружия.

Теллон попробовал мысленно увидеть себя, успешно пересекающего эту невообразимую пустоту: вот он сидит в огромном кресле, пластмассовые глаза-пуговки слепы к пролетающим мимо звездным пейзажам, пленная крыса злобно щурится в пластмассовой банке на коленях... Что двигает им? Лишь идея, рожденная его ослепшим мозгом и обреченная на бесконечное кружение по мозговым извилинам компьютера...

Какой бы фантастической ни была эта картина, он должен сделать попытку и шагнуть вперед.

Чтобы построить свою модель космических дорог, Теллон перенес абсолютные координаты всех ворот в оперативную память компьютера и выразил их через координаты «Лайл-стар». Это отняло некоторое время, но подарило ему карту, которая была нормально-пространственным эквивалентом уже имеющейся у него карты нуль-пространства. Тогда он ввел модуль с этими данными назад в центральный суперкомпьютер и запрограммировал его на поиск соответствий между картами, если таковые имеют место. Была также вероятность, что истинное соответствие настолько слабо выражено, что его может найти лишь гигантская всепланетная компьютерная сеть, вроде существующих на Земле, но эту мысль он прогнал.

Спустя час компьютер сыграл нежную мелодию, и из воздуха над ним соткался набор уравнений. Сияющие цифры безмолвно висели над проектором. Теллону не было необходимости вникать в уравнения — астронавигационный комплекс мог самостоятельно усваивать информацию

и действовать на ее основе, — но у него было естественное желание увидеть своими глазами то, что вполне может оказаться философским камнем, который превратит свинец нуль-пространства в золото пространства нормального.

Сначала уравнения казались совершенно непостижимыми, как будто он воспринимал их не только крысиными глазами, но и крысиным мозгом. Он разглядывал символы, держа перед ним пластмассовую банку; внезапно они как бы переместились в фокус — это заработали его дремавшие математические способности. Теллон узнал соотношения для четырехмерного волнового фронта и внезапно понял, что смотрит на преобразованное уравнение поверхности Куммера. Это означало, что нуль-пространство подобно сингулярной поверхности второго порядка, то есть многообразию с шестнадцатью особыми точками и таким же количеством двусторонних касательных плоскостей. Неудивительно, что при малом числе контрольных точек годы работы над астронавигацией нуль-пространства не принесли никаких плодов.

Теллон улыбнулся. Если он выкарабкается из этой заварушки и окажется, что немецкий математик девятнадцатого века Эрнст Куммер был лютеранином, это будет великолепным образчиком иронии судьбы.

Теллон вновь подключил к астронавигационному комплексу нуль-пространственный двигатель и ввел в машину координаты и длительность прыжка, который, как он надеялся, будет первым управляемым перелетом в истории межзвездных путешествий. Он снял электроглаз, чтобы не видеть длительного светового взрыва, и швырнул корабль в нуль-пространство на восемь секунд, предписанных новыми уравнениями.

Снова надев электроглаз, он с минуту просидел, обливаясь потом, пока не решился поднять крысу туда, откуда она могла увидеть рассчитанные астронавигационным комплексом абсолютные координаты корабля. Это была длинная цепочка чисел. Теллон слишком нервничал, чтобы разбираться в ней. Он приказал компьютеру ограничить информацию лишь парой чисел — характеристиками геодезической линии от «Лайл-стар» до Земли.

Новый ответ гласил, что до Земли осталось сто световых лет. Если только это не было случайной удачей, он

означал, что недолет составляет всего одну треть процента от общего расстояния. Слегка дрожа — что не к лицу покорителю нуль-пространства, — Теллон рассчитал следующий прыжок и совершил его. На этот раз, когда он надел электроглаз, впереди засияла яркая колючая звезда. Компьютер сказал: «Меньше половины светового года».

Теллон, не стесняясь, закричал «ура!» и сжал пластмассовую банку, жалея, что не может сообщить ее бестолковой обитательнице, что сверкающий бриллиант перед ними — это Солнце, осветившее их общим предкам путь на сушу из моря, и что их дышащие тела были сотворены из его энергии, что оно — это Дом. Ну да ладно, подумал он, наверняка и ты, и другая крыса там внизу думаете о вещах, которые я тоже никогда не смогу понять.

Он совершил еще один прыжок, возможно, последний перед переходом на ионные двигатели. Когда прыжок завершился, Теллон взял в руки электроглаз, зная, что должен находиться уже в Солнечной системе и, возможно, увидит сейчас Землю.

Прежде чем он успел водрузить электроглаз на переносицу, рубку сотряс хриплый сигнал тревоги.

— Немедленно назовите себя, — раздался из репродуктора системы внешней связи резкий дребезжащий голос. — Отвечайте без промедления, или вы будете уничтожены ракетами, которые уже выпущены в вашу сторону. — Голос продолжал говорить, повторяя свою угрозу на других основных языках империи.

Теллон устало вздохнул. Он пересек полгалактики; и вот теперь он узнал совершенно точно, что добрался до дома.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Это наше последнее предупреждение. Немедленно назовите себя.

Теллон включил систему связи.

— Давайте в виде исключения поступим немного по-другому, — сказал он. — Почему бы вам самим себя не назвать?

Воцарилась пауза, а когда голос раздался вновь, в нем послышалось еле заметное раздражение:

— Повторяю это предупреждение в последний раз: в вашу сторону уже выпущены ракеты.

— Зря угробите их, глядишь, они бы вам еще пригодились, — небрежно проговорил Теллон, держа пальцы на кнопке прыжка в нуль-пространство. — Они не смогут меня задеть. А я повторяю: хотелось бы узнать ваше имя и звание.

Опять пауза. Теллон откинулся на спинку огромного кресла. Он знал, что проявляет ненужную сварливость, но эти 35 000 световых лет выкачали из него остатки терпимости к милитаристскому обществу, в котором он провел большую часть своей жизни. Ожидая ответа, он между тем составлял для «Лайл-стар» программу прыжка через нуль-пространство всего на полмиллиона миль, которую пока держал в резерве. Он как раз закончил программу, когда в воздухе перед ним заколыхалось разноцветное мерцание: инженеры-связисты трудились над установлением видеоконтакта с его кораблем.

Цвета стали ярче и сложились в трехмерное изображение седовласого человека с суровым лицом в угольно-черном маршальском мундире. Он сидел; изображение было настолько хорошим, что Теллон мог различить паутину тоненьких красных сосудов на его скулах. Маршал наклонился вперед, и глаза у него поползли на лоб.

— Имя, пожалуйста, — непреклонно сказал Теллон, не делая скидок на то впечатление, которое его собственная внешность должна была произвести на маршала.

— Я не знаю, кто вы, — медленно сказал маршал, — но вы только что совершили самоубийство. Наши ракеты почти достигли зоны совмещения. Теперь их уже не остановить.

Теллон непринужденно улыбнулся, наслаждаясь минутой мегаломании, и, когда индикаторы близости взвыли, нажал кнопку прыжка. Сверкающий поток хлынул в глаза, но то была уже привычная нуль-пространственная вспышка. Когда «Лайл-стар» снова оказалась в нормаль-

ном пространстве, на одной из панелей прямого обзора неистово пылали разрывающиеся в полумиллионе миль отсюда ракеты. Изображение маршала исчезло, но через несколько секунд снова заколыхалось и сгустилось до призрачной твердости. У маршала был изумленный вид.

— Как вы это сделали?

— Имя, пожалуйста.

— Я — маршал Джеймс Дж. Дженнингс, командующий Третьим Эшелоном Великого Флота Земной Империи. — Маршал беспокойно ерзал в кресле, похожий на человека, глотающего горькую пилюлю.

— Пожалуйста, внимательно выслушайте меня, маршал, вот чего я от вас хочу,

— Что вас заставило...

— Пожалуйста, ведите себя спокойно и слушайте, — холодно оборвал его Теллон. — Я Сэм Теллон, бывший агент Объединенного Разведывательного Управления, я пилотирую «Лайл-стар», которая была послана на Эмм-Лютер, чтобы меня вывезти. Вы можете легко это проверить.

Маршал наклонился вбок, слушая что-то, не передававшееся по каналу связи между кораблями. Несколько раз кивнув, он обернулся к Теллону:

— Я только что это проверил. «Лайл-стар» была направлена на Эмм-Лютер, но столкнулась с препятствиями. Кто-то на корабле произвел слепой прыжок... Теллон в это время находился на борту корабля, и это изобличает вас во лжи.

Теллон рассердился:

— Я прилетел издалека, маршал, и я... — Он умолк, видя, что Дженнингс внезапно встал с кресла, исчез с экрана на несколько секунд, а потом вернулся.

— Все в порядке, Теллон, — сказал маршал с новой, уважительной ноткой в голосе. — Нам только что удалось провести визуальный осмотр вашего корабля. Это «Лайл-стар».

— Вы уверены? А вдруг я сам нарисовал название?

Дженнингс кивнул:

— Возможная вещь, но мы судили не по названию. Разве вы не знаете, что тащите с собой целую причальную мачту и несколько тысяч квадратных ярдов бетонного космодро-

ма? Кроме того, вокруг вас плавает пара покойников в лютеранской форме.

Теллон совершенно забыл, что «Лайл-стар» должна была выдрать и унести в нуль-пространство внутри своего искажающего поля здоровенный ломоть Эмм-Лютера. Вакуум, мгновенно созданный взлетом корабля, наверняка разрушил эту часть космопорта. А тело Хелен лежало прямо на краю. Его тоска по Хелен, притупленная опасностью и отчаянием, неожиданно вновь стала острой, изгнав из его головы все остальное. «Хотел бы я быть там, где Хелен сидит на окне...»

— Я должен перед вами извиниться, Теллон, — сказал Дженнингс. — Земля и Эмм-Лютер трое суток находятся в состоянии войны. Вот почему мы так занервничали, когда корабль был обнаружен так близко к Земле и так далеко от ворот. Это было похоже на атаку исподтишка.

— Не извиняйтесь, маршал. Вы можете организовать мне прямую связь с Блоком? Прямо сейчас?

— Я мог бы это сделать, но она не застрахована от подслушивания.

— Это не важно. На данный момент я не собираюсь сообщать ничего секретного.

— Мы очень рады, что вы возвратились, Теллон, но это против всяких правил. — Представителем Блока был человек, которого Теллон раньше никогда не видел. Его свежая кожа, крепкие загорелые руки и небрежная одежда делали его похожим на преуспевающего фермера средней руки. Фоном его изображению служило намеренно безликое пастельно-зеленое размытое пятно.

— Против правил, но зато важно, — сказал Теллон. — Вы из больших начальников?

Человек на миг поднял свои бесцветные глаза, и Теллон понял, что он из больших начальников.

— Моя фамилия Сили. Прежде чем вы что-то скажете, Теллон, я должен вам напомнить, что мы говорим по открытой линии. Я также хочу...

— Давайте прекратим не относящиеся к делу разговоры, — нетерпеливо сказал Теллон, — и сосредоточимся на моих требованиях.

— ТЕЛЛОН! — Сили полупривстал со своего кресла, потом снова опустился в него. Он улыбнулся:

— Мы немедленно прервем этот разговор. Вы, очевидно, сильно переутомлены, и есть вероятность, что вы случайно проговоритесь о чем-либо секретном. Я уверен, вы понимаете, что я имею в виду.

— Вы имеете в виду, что я случайно могу упомянуть капсулу, которая у меня в мозгу? Ту самую, в которой еще находится информация о пути на новую лютеранскую планету?

Румяные щеки Сили мгновенно побелели:

— Мне очень жаль, что вы это сказали, Теллон. Я поговорю с вами здесь, в Блоке. Маршалу Дженнингсу предписано доставить вас сюда без промедления. Это все.

— Маршал Дженнингс не сможет это сделать, — сказал Теллон быстро и уверенно. — Спросите его, что произошло, когда он полчаса назад выпустил по мне несколько своих ракет.

Сили щелкнул рычажком на своем столе, отключая звук, и неслышно обратился к кому-то за кадром. Он снова включил звук и обернулся к Теллону, глядя на него настороженно:

— Я получил относительно вас необычное донесение, Теллон. По предварительным данным, ваш корабль вынырнул в нормальном пространстве прямо внутри Солнечной системы. Вы что, обнаружили новые ворота?

— Сили, ворота канули в прошлое. Я разгрыз проблему астронавигации в нуль-пространстве. Я могу летать, куда хочу, не пользуясь воротами.

Сили сцепил свои толстые пальцы и уставился на Теллона поверх них:

— В таком случае у меня нет другой альтернативы, кроме как распорядиться полностью заглушить путем интерференции все линии связи в Солнечной системе, пока мы не доставим вас сюда для отчета.

— Сделайте это, — с удовольствием сказал Теллон, — и вам меня больше не видать. Я навещу каждую планету в империи, начиная с Эмм-Лютера. И расскажу о своем методе по радио на всех волнах, какие есть.

— Каким образом вы собираетесь скрыться? Я могу заблокировать все... — Сили замялся.

— «Все ворота», хотели вы сказать, если я не ошибаюсь, — вставил Теллон, чувствуя, как по жилам разливает-

ся холодная злоба. — Вы отстали от моды, Сили; вы, ворота и Блок — все это часть древней истории. Отныне мы больше не будем вздорить из-за горстки планет, обнаруженных благодаря случаю. Нам открыта дорога на каждую планету Галактики, и всем найдется место. Даже вам и вам подобным, Сили, хотя вам придется измениться. Никто не останется играть в солдатики у вас на заднем дворе, когда в космосе сто тысяч новых планет ждут тех, кто хочет ЖИТЬ. Теперь — собираетесь ли вы меня слушать или сказать вам «до свидания»? Я и так потерял слишком много времени. — Теллон занес руку над красной кнопкой прыжка в нуль-пространство. Корабль не был запрограммирован на управляемый прыжок из его нынешнего положения, поэтому нажатие кнопки могло перекинуть «Лайл-стар» на другую сторону Галактики, но (он почувствовал волну дикарской радости) это больше не имело значения.

У Сили был загнанный вид:

— Хорошо, Теллон. Чего вы хотите?

— Три пункта: немедленная отмена всех приготовлений к военным действиям против Эмм-Лютера; разрешение мне сообщать детали техники астронавигации в нуль-пространстве всем, кто захочет ее применять; еще я хочу реквизировать флагманский корабль маршала Дженнингса для немедленного перелета на Эмм-Лютер.

Сили открыл рот для ответа, но тут в беседу вклинился новый голос:

— Меня эти ваши требования не смущают.

Теллон узнал голос Колдуэлла Дюбуа, главы правительства Земли и четырех других человеческих поселений в Солнечной системе.

Зеркальный тысячеярдовый киль «Веллингтона», флагмана Космического Маршала Дженнингса, холодно сверкал в разреженном воздухе высоко над Нью-Виттенбургом. «Веллингтон» стал вторым кораблем, совершившим управляемый полет в нуль-пространстве, и первым, который произвел такой полет с Земли на Эмм-Лютер. Прошел час с того момента, как его мощные передатчики разнесли по всей поверхности планеты свое сообщение.

«Веллингтон» был слишком огромен даже для самого большого стола Нью-Виттенбургского космопорта и потому предпочел оставаться наверху — хотя и в атмосфере — как чудовищный, но мирный образец чистой силы. Эллипсообразная надстройка, оказавшись плоскодонной спасательной шлюпкой, отделилась от его корпуса и заскользила вниз.

Теллон стоял у главного экрана шлюпки, глядя на расстилающийся под ним единственный континент планеты. Он еще носил электроглаз, но за время приближения к Эмм-Лютеру и последовавших затем радиосеансов (лучше было бы сказать — радиообольщений!) — за это время неограниченные технические ресурсы электронных мастерских «Веллингтона» снабдили его телекамерой размером с горошину и закодировали ее выходной сигнал в соответствии с первоначальным планом Теллона. Теперь у него были собственные глаза, дарящие ему хорошее, хоть и монокулярное, изображение окружающего мира. Его уверили, что позднее они смогут встроить ему по камере в каждый глаз.

Внизу изгибался погруженный в сумрак континент, тускло-зеленые и охряные пятна струились друг сквозь друга, окаймленные кружевной белизной там, где суша встречалась с не знающим приливов океаном. Теллон мог охватить одним взглядом почти весь маршрут своей ночной прогулки — длинную ломаную линию, ведущую на север через такие неразличимые точки, как укрытый мглой Павильон, город Свитвелл и «Персидский кот», завод космозондов, где его ранили, поместье Карла Жюста и горный мотель, где он провел пять дней с Хелен, — и так до самого космопорта, где Хелен застрелили.

На этот момент он был одним из самых важных и знаменитых людей империи, его имя облетело все планеты, и люди будут помнить его, пока пишется история, но он боялся запросить ту информацию, которая ему была всего нужнее. «Если она умерла, я не хочу об этом знать», — подумал он и продолжал сидеть, удивляясь волнам памяти, которые бились в стены его сознания, как будто он уже существовал когда-то в этой эмоциональной матрице, любил Хелен в другой жизни, потерял ее в другой жизни...

— Мы совершим посадку менее чем через минуту, — сказал маршал Дженнингс. — Вы готовы к встрече?

Теллон кивнул. На обзорных экранах быстро разрастался космопорт. Он увидел выстроенные в боевом порядке корабли, паутину дорог и переполненных людьми движущихся дорожек, участок около приемного сектора, расчищенный для их приземления. Еще через несколько секунд он различил одетые в темные костюмы фигуры официальной группы встречающих, в которую, как ему сказали, войдет сам Гражданский Арбитр. Операторы ожидали возможности запечатлеть на пленку его прибытие на благо всей империи.

Вдруг он узнал среди темных фигур бледный овал поднятого к небу лица Хелен; и сумятица в его голове утихла, оставив после себя чувство великого успокоения, большего, чем он когда-либо надеялся ощутить.

— Нам едва-едва хватит места приземлиться, — сказал, обернувшись, пилот спасательной шлюпки. — Они, похоже, не врут, на их планете действительно яблочку негде упасть.

— Это временная стадия, — уверил его Теллон. — Все будет по-другому.

Лицо Хелен было обращено к его кораблю. Но она могла глядеть и мимо него, туда, где на вечернем небе начали роиться, подобно пчелам, звезды. Навстречу воскресенью, вспомнил он старые строки, тому тихому воскресенью, которое длится и длится, в котором даже любящие наконец-то находят себе покой. Последняя строка гласила: «А Земля — лишь звезда, которая когда-то светила», но об этом Хелен и ему, как и остальной части человечества, думать ни к чему.

Мать-планета когда-нибудь состарится и станет бесплодной; но к тому времени вырастут ее дети, высокие, сильные и красивые. И их будет много.

В ДВУХ ЛИЦАХ...

© 1968 Bob Shaw
Перевод на русский язык © 1993 И. Гурова

1

Бретону в тесной ловушке скуки звонок показался восхитительным Он встал и пошел через гостиницу в холл.

— Кто бы это мог быть, милый? — Кэт Бретон сдвинула брови, досадуя на неуместное вторжение.

Бретон мысленно перебрал полный колчан сарказмов, немедленно пришедших ему на ум, и — памятуя о присутствии гостей — выбрал наименее смертоносный.

— Я что-то не узнаю звонка, — ответил он ровным голосом, и матово-розовые губы Кэт еле заметно сжались. Она припомнит это, чтобы обсудить поподробнее в три часа ночи, когда он наконец начнет засыпать.

— Старина Джон всегда в ударе, — быстро сказал Гордон Палфри своим тоном «ну-ка, посторонитесь, дайте мне проявить такт!» Мириам Палфри улыбнулась загадочной ацтекской улыбкой, а глаза ее продолжали поблескивать, точно две шляпки крепко вбитых гвоздей. Супруги Палфри были последним приобретением его жены, их присутствие обычно вызывало у Бретона ноющую боль в животе. Вяло улыбнувшись, он закрыл за собой дверь, взял трубку.

— Алло, — сказал он. — У телефона Джон Бретон.

— Ах, так мы теперь зовемся Джоном, а? Просто Джек нас больше не устраивает? — В мужском голосе сквозило напряжение, словно говоривший подавлял какое-то сильное чувство. То ли страх, то ли торжество.

— Кто говорит?

Бретон безуспешно пытался узнать этот голос, с тревогой сознавая, что телефонная линия — вход в его дом, открытый для всех. Чужие мысли врывались к нему, и он оставался в невыгодном положении, пока звонивший не называл себя. В этом было что-то глубоко нечестное.

— Кто это?

— Так ты правда не знаешь? Ин-те-рес-но.

Что то в этих словах вызвало у Бретона смутное беспокойство.

— Послушайте! — сказал он сухо. — Либо назовитесь, либо повесьте трубку.

— Не злись, Джон. Я с одинаковым удовольствием сделаю и то, и другое. Звоню я просто, чтобы убедиться, что застану вас с Кэт дома. А теперь вешаю трубку.

— Погодите! — рявкнул Бретон, сознавая, что позволил неизвестному задеть себя всерьез. — Вы не сказали, зачем хотите явиться к нам.

— За своей женой, — любезно пояснил голос. — Ты живешь с моей женой вот уже почти девять лет... И я намерен забрать ее.

В трубке щелкнуло, и замурлыкал сигнал отбоя. Бретон несколько раз ударил по рычагу и лишь потом заметил, что изображает кадр, примелькавшийся в старых кинофильмах. Но если звонивший повесил трубку, то, как ни выбивай чечетку на рычаге, связь не восстановится. Ругаясь себе под нос, Бретон положил трубку и несколько секунд стоял у телефона в недоумении.

Дурацкий розыгрыш, что же еще. Но вот чей? Среди его знакомых был только один завзятый шутник — Карл Тафер, геолог в его консультационной инженерной фирме. Однако когда он в последний раз видел Карла в конторе часа два назад, тот мрачно искал ошибку в измерениях, которые фирма провела на участке, предназначенном для постройки цементного завода под Силверстримом. Вид у Тафера был крайне озабоченным — какие там розыгрыши, да еще построенные на щекотливых двусмысленностях. Разговор был нелепым — как раз в духе свихнутых любителей интриговать по телефону кого попало, — но в

нем просвечивало и кое-что неприятное. Например, неожиданная шпилька, что он больше не называет себя Джеком. Своим полным именем Бретон начал пользоваться из престижных соображений, когда его дела пошли в гору, но произошло это давно и — тут в нем вспыхнуло возмущение — никого, кроме него, не касалось. Однако какой-то упрямый кусочек его подсознания так и не смирился с этим изменением, и неизвестный словно обладал способностью видеть его насквозь, распознав в темном пятне злокачественную опухоль вины.

Бретон замер у двери гостиной, вдруг сообразив, что телефонный псих добился своего: он обдумывает его звонок и так, и эдак, вместо того чтобы тут же выбросить из головы эту чепуху.

Он скользнул взглядом по залитым оранжевым светом панелям холла и вдруг пожалел, что год назад не послушал Кэт и не переехал в дом побольше и посовременней. Из старого жилища он вырос и уже давно расстался бы с ним без сентиментальности... «Вы живете с моей женой вот уже почти девять лет». Бретон нахмурился, вспомнив эти слова, — звонивший никак не мог намекать, будто был тогда женат на Кэт.

Ведь он-то женился на ней одиннадцать лет назад. Однако цифра девять словно что-то подразумевала, отзывалась многослойной тревогой, как будто его подсознание уловило его смысл и со страхом ожидало следующего хода.

— О Господи! — вслух сказал Бретон и с отвращением хлопнул себя по лбу. — Я псих не меньше него.

Он открыл дверь и вошел в гостиную. За время его отсутствия Кэт устроила полутьму и придвинула к Мириам Палфри заранее приготовленный кофейный столик с ручкой и стопкой простой белой бумаги, и короткие, похожие на слизней, пальцы Мириам уже плавно двигались над ними. У Бретона вырвался беззвучный стон: они-таки устроили сеанс! Палфри как раз вернулись из трехмесячной поездки по Европе и весь вечер делились впечатлениями, а потому в нем зашевелилась надежда, что хоть на этот раз обойдется без общения с духами. Надежда эта давала ему терпение слушать их туристские рассказы.

— Кто звонил, милый?

— Не знаю. — Бретону не хотелось говорить о звонке.

— Не тот номер?

— Да.

Глаза Кэт впились ему в лицо.

— Но ты оставался там так долго! И, по-моему, кричал что-то.

— Ну, — раздраженно буркнул Бретон, — скажем, номер был тот, но звонил не тот.

Гордон Палфри восторженно фыркнул, а огонек в глазах Кэт угас, сменившись холодом разочарования, словно Бретон выключил телевизор, едва началась интересная передача. Вот еще труп для вскрытия в глухие часы ночи, когда все нормальные люди спят и даже занавески на их окнах дышат ровно под дуновение ночного ветерка. «Ну почему, — подумал он виновато, — я всегда царапаю Кэт при ее друзьях? Но почему она царапает меня все время, демонстрируя из года в год принципиальное равнодушие к моим делам, но подвергая меня допросу с пристрастием из-за дурацкого телефонного звонка?»

Он тяжело опустился в кресло, и его правая рука инстинктивно подобралась к стопке с виски, пока он обводил комнату взглядом и одаривал гостей радушной улыбкой.

Гордон Палфри поигрывал расшитым серебряными звездами квадратным куском черного бархата, который неизменно закрывал лицо его жены во время сеанса, однако продолжал разглагольствовать про Европу.

Он пускался в бесконечные описания, ничуть не обескураженный театральными содроганиями, которые позволял себе Бретон при каждом изречении вроде: «Французы обладают великолепным чувством цвета». Он обсасывал утверждение, что европейские сельские дома все отделаны с несравненно лучшим вкусом, чем любые шедевры американских специалистов по интерьерам. Вновь замкнутый в янтарной темнице скуки, Бретон ерзал в кресле, опасаясь, что не выдержит до конца вечера, виновато думая, что ему сейчас следовало помогать Карлу Таферу с изысканиями для цементного завода. Без запинки, очень плавно — четкий признак врожденной занудности — Пал-

фри перешел от интерьеров к старому горцу, который в убогой своей хижине ткал вручную клетчатые пледы, хотя был совершенно слеп. Однако его жена уже впала в предшествующее танцу беспокойство.

— О чем ты говоришь, Гордон? — Мириам Палфри откинулась на спинку кресла, а ее занесенные над верхним листом руки начали покачиваться, внезапно ныряя вниз, точно две хищные птицы, парящие на сильном ветру.

— Рассказываю Кэт и Джону про старого Хэмиша.

— О да, мы сполна насладились старым Хэмишем. — Голос Мириам перешел в глухое бормотание, и Бретону почудилось, что он слышит пошлейшее подражание актеру, специализирующемуся на амплуа киновампиров. Тут он заметил восторженное внимание на лице Кэт и решил перейти в атаку во имя здравого смысла.

— Ах, так вы насладились старым Хэмишем! — произнес он неестественно громким и бодрым голосом. — Какая картина встает перед глазами! Я просто вижу, как старый Хэмиш обмяк в углу своей хижины — пустая спавшаяся оболочка, ибо он исполнил свое предназначение — им насладились супруги Палфри!

Но Кэт махнула, чтобы он замолчал, а Гордон Палфри, тем временем расправивший черный бархат, задрапировал им откинутое лицо Мириам. Тотчас ее пухлые белые пальцы схватили ручку и запорхали по листу, аккуратным почерком выписывая строку за строкой. Гордон стоял на коленях возле кофейного столика и придерживал лист, который, едва он заполнялся, Кэт снимала со стопки благоговейным движением, что возмущало Бретона больше всего остального. Ну, пусть его жену интересует так называемое автоматическое письмо, но почему она не хочет взглянуть на него более рационально? Он бы и сам, пожалуй, помог ей исследовать это явление, если бы она упрямо не зачисляла каждую строку в категорию «посланий оттуда».

— Кто-нибудь хочет еще капелюшечку? — Бретон встал и направился к шкафчику-бару с зеркальной задней стенкой. «Капелюшечка! — подумал он с омерзением. — Черт! Во что они меня превращают?» Он налил себе щедрую пор-

цию шотландского виски, добавил содовой и, прислонившись к бару, уставился на живую картину в противоположном углу комнаты.

Туловище Мириам Палфри осело в кресле, но рука писала с почти стенографической скоростью — тридцать слов в минуту, а то и больше. Обычно она извергала цветистую старомодную прозу о том, о сем с большими вкраплениями существительных типа Красота и Любовь, обязательно написанных с большой буквы. Палфри утверждали, будто ее рукой водят покойные писатели, и определяли по стилю, кто именно. Бретон придерживался собственного мнения и даже себе не признавался, как сильно задевала его безоговорочная готовность Кэт принимать на веру то, в чем он видел фокус-покус, заимствованный из салонных развлечений викторианской эпохи.

Прихлебывая виски, Бретон следил, как Кэт забирает листы один за другим, ставит номер в верхнем углу и укладывает в новую стопку. За одиннадцать лет брака физически она почти не изменилась — высокая, все еще худощавая, она одевалась в яркие шелка, льнувшие к ней, подумал Бретон, словно оперение великолепной тропической птицы. Однако ее глаза стали гораздо старше. Пригородный невроз, решил он, что же еще? Распадение семьи, запечатленное в индивиде. Наклей ярлычок и забудь. Женщина только тогда окончательно становится женой, когда ее собственные родители умирают. Объедините сиротские приюты и брачные конторы... «Что-то я много пью...»

Тихий взволнованный возглас Кэт вновь привлек его внимание к группе у стола. Рука Мириам Палфри начала словно бы описывать спирали, как будто рисуя цветок — так, во всяком случае, казалось на расстоянии. Он подошел ближе и увидел, что она действительно пишет по медленно расширяющейся спирали, слабо постанывая и подергиваясь. Край черного бархата на ее запрокинутом лице то приподнимался, то снова опадал, точно жаберный мешок какого-нибудь морского моллюска.

— Что это? — Бретон задал вопрос неохотно, опасаясь проявить излишний интерес, но понимая, что это нечто

новое. При звуке его голоса Мириам неуверенно выпрямилась, и Гордон Палфри обнял ее за плечи.

— Не знаю, — ответила Кэт, поворачивая лист в длинных тонких пальцах.

— Это... это стихи!

— Ну, так послушаем их, — произнес Бретон благодушно, злясь, что позволил втянуть себя в это шарлатанство. Однако быстрота и ловкость, с какой писала Мириам, произвели на него впечатление.

Кэт откашлялась и прочла:

Без тебя я томился во мраке ночей,
А стрелки ползли от черты до черты.
Я плакать готов, так я жажду тебя,
Но слезы мои не попробуешь ты.

Бретона эти строчки смутно встревожили, хотя он не мог бы объяснить, почему. Он вернулся к бару и, пока остальные изучали этот стихотворный отрывок, хмуро смотрел на отраженный строй бутылок, бокалов и рюмок. Прихлебывая позвякивающее льдом виски, он смотрел в собственные глаза среди стеклянного блеска, и тут — внезапно — в его сознании всплыл смысл, который мог быть скрыт во фразе «вот уже почти девять лет». В этом была подоплека телефонного звонка, если он не ошибся. Психологическая глубинная бомба с точно рассчитанным моментом взрыва.

Девять лет назад без одного месяца полицейская патрульная машина обнаружила Кэт, когда она брела по темной Пятидесятой авеню, а на ее лице были брызги человеческого мозга...

Бретон судорожно вздрогнул — в холле затрезвонил телефон. С дробным стуком он поставил бокал, вышел в холл и взял трубку.

— Бретон слушает! — резко сказал он. — Кто это?

— Добрый вечер, Джон. Что случилось? — На этот раз голос, безусловно, принадлежал Таферу.

— Карл! — Бретон рухнул в кресло и пошарил в поисках сигарет. — Вы мне уже звонили? Полчаса назад?

— Нет. Мне было не до звонков.

— Это точно?

— В чем дело, Джон? Я же сказал, что мне было не до звонков. С разведкой у Силверстрима дело скверно.

— Противоречия?

— Вот именно. Сегодня утром я провел проверку в восьми местах участка, а днем перепроверил с другим гравиметром. Насколько я могу судить в данный момент, первоначальные изыскания, которые мы провели месяц назад, — это черт знает что. Новые данные, грубо говоря, на двадцать миллигалей меньше, чем следовало бы.

— На двадцать! Но в этом случае порода много легче, чем мы предполагали. Что-то вроде...

— Соли! — перебил Тафер. — Не предложите ли вы клиенту вместо цементного завода открыть соляные копи?

Бретон сунул сигарету в рот и закурил, спрашивая себя, почему судьба выбрала именно этот вечер, чтобы пустить все под откос.

— Послушайте, Карл! Тут могут быть два объяснения. Первое вы уже упомянули: известняк, который, как нам твердо известно, пролегает под этим участком, внезапно преобразился в соль. Это мы, естественно, сразу отбросим. Значит, оба наших гравиметра внезапно разрегулировались. Верно?

— Как будто, — устало сказал Тафер.

— Завтра мы возьмем напрокат новые инструменты и сделаем контрольные замеры.

— Я думал, что вы примете именно это решение. А знаете, Джон, сколько я сегодня исходил миль? У меня такое ощущение, точно я пересек всю Монтану.

— В следующий раз я пойду вместе с вами, — пообещал Бретон. — Мне надо поразмяться. Увидимся утром, Карл.

— Угу... Джон, вы не упомянули третьего возможного объяснения.

— А именно?

— Со вчерашнего дня сила тяготения изменилась.

— Отдохните, Карл. Даже ваши шутки позевывают.

Бретон положил трубку и одобрительно улыбнулся: маленький геолог никогда не позволял себе расстраивать-

ся или поддаваться тревоге. Телефонный псих, нарвавшись на Тафера, расквасил бы нос о непробиваемый щит его трезвой практичности... Однако в данном случае ему некого было подозревать, кроме Тафера. Правда, его шутки обычно смахивали на школьные розыгрыши, однако года за два до этого Тафер потратил долларов пятнадцать из своего кармана на бензин, несколько дней он приносил с собой полную канистру и тайком выливал бензин в бак машины сторожа. Позже Тафер объяснил, что его интересовало, как сторож отнесется к тому факту, что его машина словно бы производит бензин, а не расходует его. Нет ли тут сходства с «ты живешь с моей женой вот уже почти девять лет»? Бретон не мог прийти ни к какому выводу. Он зашагал назад по горчичного цвета дорожке, машинально при каждом шаге касаясь стены костяшками пальцев, чтобы снимать излишек статического электричества.

Кэт даже не посмотрела на него, когда он вошел в комнату, и Бретону стало совестно за свой недавний сарказм.

— Звонил Карл, — объяснил он. — Засиделся за работой.

Она кивнула с полным равнодушием, и ощущение виноватости мгновенно исчезло, сменившись злостью: даже при посторонних она не потрудилась сделать вид, что интересуется его делами «Давай, Кэт! — подумал он с яростью. — Ни на секунду не поддавайся! Живи на мои деньги, но считай себя вправе презирать мою работу и всех, кто имеет к ней отношение!»

Бретон угрюмо уставился на жену и обоих Палфри, которые теперь просматривали листы, исписанные Мириам, и вдруг обнаружил, что пошатывается. Он взял свой бокал, допил его одним духом и налил себе еще. «Я проглатываю и проглатываю ее штучки... — На поверхности его сознания стали складываться старые привычные конфигурации жаркой злобы. — Но сколько терпения можно требовать от человека? Моя жена с утра до ночи жалуется, что я слишком много времени провожу в конторе, но стоит мне освободить вечер — и нате, пожалуйста! Псевдоспириты и очередная доза ее подлого равнодушия. Только подумать, что я плакал — да-да, плакал! — от облегчения, что с ней ничего не случилось в ту ночь, когда ее нашли с

кусочками мозга Шпиделя у нее в волосах. Тогда я этого не знал, но Шпидель пытался оказать мне услугу. Теперь я это знаю. Если бы я только мог...»

Бретон с тревогой оборвал эту мысль, осознав, что провоцирует переход.

Но было уже поздно.

Не уменьшаясь, пригашенные оранжевые светильники и каменный, скрепленный белой известью камин гостиной начали отступать на планетарные, звездные галактические расстояния. Он попытался заговорить, но прозрачный настил языка скользил по поверхности реальности — существительные лишались смысла, рвались связи подлежащего и сказуемого. Комната претерпевала немыслимые изменения, его мучительно бросало от одного смутного полюса к другому. Обернувшееся к нему лицо — бледное смазанное пятно. Мужчина или женщина? Неуклюже, беспомощно срываемся мы в пропасть...

Бретон опустил крышку капота с таким бешенством, что большой «бьюик» дернулся, как испуганный зверь, приседая на сверкающие задние лапы. В его темной глубине ждала Кэт, застыв с кротостью Мадонны. И оттого, что она не выразила никакого чувства, его собственная ярость вырвалась наружу.

— Аккумулятор сел. Все ясно. Мы не поедем.

— Глупости, Джек. — Кэт вышла из машины. — Мегайры нас ждут. Вызовем такси.

Вечернее платье было плохой защитой от ночного ветра на исходе октября, и с видом отчаявшегося достоинства она закуталась в накидку.

— К черту твою рассудительность, Кэт! Мы уже опаздываем на час, и с такими руками я на вечеринке не появлюсь. Мы возвращаемся домой.

— Ребячество, и ничего больше.

— Благодарю тебя. — Бретон запер машину, в раздражении оставив темные отпечатки пальцев на светлой краске. — Пошли!

— Я поеду к Мегайрам, — сказала Кэт. — А ты можешь отправляться домой и кукситься там, сколько душе угодно.

— Не говори глупости. Ты не можешь добираться туда одна.

— Могу. И могу вернуться одна. Как-то я обходилась все годы, пока не познакомилась с тобой.

— Я знаю, у тебя есть опыт, милочка, однако у меня хватало такта не упоминать об этом, только и всего.

— Прими мою благодарность. Ну, во всяком случае, сегодня ты будешь избавлен от неприятной необходимости показываться со мной на людях.

Распознав ноту безнадежности в ее голосе, Бретон испытал приступ злорадства.

— И как же ты намерена добираться туда? Ты взяла с собой деньги?

Она замялась, а потом протянула руку:

— Дай мне денег на такси, Джек.

— И не надейся. Я ведь ребячлив, ты еще не забыла? Мы возвращаемся домой. — Несколько секунд он смаковал ее беспомощность, отплачивая за собственную жестокость, и тут же все рассыпалось. «Мерзко, — подумал он. — Даже для меня. Ну, приеду на вечеринку с опозданием, весь чумазый. Нормальный человек обратил бы все в цирковой номер. Пусть попросит еще раз, я уступлю, и мы отправимся туда».

Но Кэт произнесла только одно короткое слово, больно его задевшее, и пошла по тротуару мимо сверкающих витрин. В серебряной накидке, туго стянутой поверх легкого платья, в туфлях на шпильках, отчего стройные ноги казались еще длиннее и стройнее, она выглядела, как идеализированный киновариант любовницы гангстера. На миг он увидел ее внешний облик яснее, чем когда-либо прежде, словно позади его глаз заработал давно бездействующий механизм фокусировки. Сияние витрин проецировало Кэт в его сознание с поразительной четкостью, и он увидел — потрясенный, словно совершенно новым открытием — крохотные голубоватые жилки под ее коленями. Бретона захлестнула жгучая волна нежности. «Ты не допустишь, чтобы Кэт шла ночью по городу, одетая так!» — настойчиво сказал ему внутренний голос, но тогда ему пришлось бы бежать за ней, упрашивать... Он заколебал-

ся, а потом зашагал в противоположном направлении, изнывая от отвращения к себе, злобно ругаясь.

Полицейская патрульная машина остановилась перед его домом примерно через два часа.

Бретон, стоявший у окна, побежал к двери на свинцовых ногах и с трудом ее распахнул. Два детектива с мрачно враждебными глазами на фоне фигур в синей полицейской форме...

Полицейский показал ему бляху.

— Мистер Бретон?

Он кивнул, не в силах говорить. «Прости меня, Кэт, — думал он. — Прости и вернись. Мы поедем на вечеринку...» Но одновременно происходило нечто невероятное: в глубоко спрятанном уголке его сознания нарастало облегчение. «Если она мертва, то мертва. Если она мертва, значит, все позади. Если она мертва, значит, я свободен...»

— Я лейтенант Конвери. Убийство. Вы не согласились бы ответить на несколько вопросов?

— Конечно, — глухо ответил Бретон. — Войдите.

Он повел лейтенанта в гостиную и с трудом подавил желание поправить диванные подушки, словно хозяйка, встречающая неожиданного гостя.

— Вы как будто не удивились, увидев нас, мистер Бретон, — медленно произнес Конвери. У него было скуластое загорелое лицо и крохотный нос, словно бы и не разделявший широко посаженные глаза.

— Что вас интересует, лейтенант?

— У вас есть ружье, мистер Бретон?

— А... да. — Бретон растерялся.

— Вы не могли бы предъявить его?

— Послушайте! — почти закричал Бретон. — В чем дело?

Глаза Конвери были голубыми, ясными и цепкими.

— Вас проводит патрульный.

Бретон пожал плечами и направился к лестнице в подвал, где он устроил мастерскую. Когда они сошли с последней деревянной ступеньки на бетонный пол, он почувствовал, что патрульный у него за спиной весь напрягся, а потому остановился и кивнул на высокий шкаф, где хранились большие инструменты, удочки, лук со стрелами и

охотничье ружье. Патрульный быстро обошел его, распахнул дверцы и вытащил ружье. Ему пришлось высвободить ремень, запутавшийся в леске.

В гостиной Конвери взял ружье у патрульного и провел пальцем по пыльному прикладу.

— Вы редко им пользуетесь?

— Да. Последний раз я охотился года два назад, еще когда не был женат.

— Так-так... Мощная штука, верно?

— Да. — Бретон чувствовал, как нарастающее недоумение почти физически разрывает ему грудь. Что случилось?

— Даже чересчур, — небрежно добавил Конвери. — Они разрывают животное в клочья. Не понимаю, зачем ими пользуются.

— Отличный механизм, — ответил Бретон. — Я люблю хорошие механизмы. Совсем забыл! Оно не стреляет.

— Почему?

— Я уронил затвор, и ударник заклинило.

— А-а! — Конвери вынул затвор, оглядел его, понюхал, посмотрел в ствол на настольную лампу и отдал ружье патрульному.

— А другого ружья у вас нет?

— Нет. Послушайте, лейтенант, сколько можно тянуть? Зачем вы приехали? — Бретон замялся. — Что-то случилось с моей женой?

— Я думал, вы так и не поинтересуетесь. — Голубые глаза пошарили по лицу Бретона. — Ваша жена цела и невредима. Она допустила глупость — пошла одна через парк поздно вечером, и на нее напали, но с ней все хорошо.

— Не понимаю... Как же так, если на нее напали?

— Ну, ей удивительно повезло, мистер Бретон. Из-за дерева вышел мужчина, кстати, похожий на вас, и выстрелом из ружья разнес череп нападавшему.

— Что-о-о?! Не думаете же вы... Где этот человек?

Конвери улыбнулся.

— Мы пока не знаем. Он как сквозь землю провалился...

Ощущение томительной беспредельности, смещение перспектив и параллакса, немыслимые переходы, в которых ис-

кривления пространства-времени извиваются между отрицательностью и положительностью, а в центре зияет бесконечность — божественная, иллюзорная, горькая...

— Вы только поглядите, как этот типчик пьет, — продолжал Гордон Палфри. — Он явно задумал выйти на орбиту.

Женщины обернулись и посмотрели на Бретона, а он, стараясь выиграть время, чтобы сориентироваться, жалко улыбнулся и сел в глубокое кресло. Он перехватил взвешивающий взгляд Кэт и прикинул, можно ли было догадаться, случайно на него посмотрев, что он вдруг отключился. После не слишком удачного обследования психоаналитик по фамилии Фускьярди заверил его, что отключения эти со стороны практически неуловимы, но Бретон усомнился — ведь переходы нередко занимали несколько часов субъективного времени. Фускьярди настаивал, что Бретон обладает редкой, хотя вовсе не уникальной способностью отключаться полностью, однако отключения эти длятся лишь долю секунды объективного времени. Он даже предложил связать его с университетской психологической лабораторией, но Бретон успел утратить интерес к дальнейшим проверкам.

Теперь он устроился поудобнее в глубоком старом кресле, наслаждаясь его солидностью и прочностью. Вновь пережитый эпизод последнее время возникал все чаще и действовал на него угнетающе, хотя Фускьярди предупреждал его, что переход в первую очередь должен быть связан с ключевыми моментами его жизни — в особенно с отмеченными острыми эмоциональными стрессами.

Этот переход был необычно долгим и воздействовал тем сильнее, что начался без всякого предупреждения — без каких-либо расстройств зрения, которые, по словам Фускьярди, обычно предшествуют припадкам мигрени у других людей.

Разбитый соприкосновением с прошлым, Бретон попытался крепче уцепиться за настоящее, но Кэт и Палфри все еще были поглощены необычным плодом автоматического письма. Послушав, как они проделывают обычный ритуал опознания автора, он позволил своему сознанию

погрузиться в теплый алкогольный туман. Столько происшествий за вечер, который начался в атмосфере пресной скуки! «Мне бы остаться в конторе с Карлом, — думал он. — Цементная компания «Бландел» ждет результаты съемки в конце этой недели, а изыскания продвигались медленно еще до того, как возникло это нелепое расхождение в двадцать миллигалей в показаниях гравиметров. Ну, может, дело в юстировке. Карл отличный специалист, но при таких съемках надо ведь учитывать дикое количество факторов — положение Солнца и Луны, приливы, упругую деформацию земной коры и прочая, и прочая. Кто угодно может допустить ошибку, даже Карл. И кто угодно может позвонить, не назвавшись, кому угодно. Я просто свихнулся, раз вообразил, что это чья-то каверза. Звонок, так сказать, был психологической банановой коркой, и ничего больше. Отличное уподобление... И виски отличное. Даже Палфри, в общем, ничего, если взглянуть под правильным углом. Особенно Мириам. Приятная фигура. Жаль, что она подчинила свою жизнь тому обстоятельству, что по воле судьбы получила лицо голливудской египетской царевны. Будь она похожа на Элизабет Тейлор, ей бы тут каждый вечер были рады... Или хотя бы на Роберта Тейлора...»

Спохватившись, что куда-то уплывает на облаке благодушия, рожденном парами виски, Бретон вновь настроился на другой конец комнаты и услышал, как Кэт упомянула Оскара Уайльда.

— Опять? — слабо возмутился он. — Может, не надо опять Оскара Уайльда?

Кэт пропустила его замечание мимо ушей, а Мириам улыбнулась своей скульптурной улыбкой, но Гордону Палфри пришла охота поговорить.

— Джон, мы ведь не утверждаем, что это продиктовал Оскар Уайльд. Но кто-то же продиктовал, а стиль отдельных кусков идентичен ранней прозе Уайльда.

— Ах ранней! — перебил Бретон. — То-то и оно! Погодите-ка... Уайльд умер в тысяча девятисотом году, верно? А сейчас восемьдесят первый год. Следовательно, за восемьдесят один год он по ту сторону, или за завесой, или

как это там у вас, у спиритов, называется... так он не только не развился в своем творчестве, но, наоборот, регрессировал к годам студенчества.

— Да, но...

— И не из-за отсутствия практики! Ведь, судя по тому, что я вычитал из книг, которые вы давали Кэт, он с момента смерти держит первенство в автоматическом письме. Видимо, Уайльд — единственный писатель, чья продуктивность резко возросла после его похорон. — Бретон засмеялся, смакуя ту приятную стадию опьянения, когда он начинал думать и говорить вдвое быстрее, чем в трезвом состоянии.

— Вы исходите из предположения, будто данная сфера существования точно соответствует всем остальным, — возразил Палфри. — Однако это вовсе не обязательно.

— Да ни в коем случае! Судя по вашим данным о следующей сфере, она сплошь населена писателями, лишенными письменных принадлежностей, так что все свое время они тратят на то, чтобы телепатировать всякую чушь в наша сферу. И Оскар Уайльд почему-то сделался — как это — стахановцем, наверное, в наказание за «De Profundis».

Палфри снисходительно улыбнулся.

— Но мы же не утверждаем, что эти...

— Не спорьте с ним, — вмешалась Кэт. — Ему только этого и надо. Джон — завзятый атеист, а к тому же пришел в разговорчивое настроение. — Она одарила его презрительным взглядом, но переборщила и на две-три секунды обрела сходство с маленькой девочкой.

«Словно бы не та эмоция, чтобы вызвать омоложение», — подумал Бретон, а вслух сказал:

— Она права. Вера моя рухнула, когда я был ребенком, и подорвало ее открытие, что В.Ф. Вулворт — не местный коммерсант, хотя наш магазин и называли вулвортовским.

Кэт закурила сигарету.

— Десять порций виски. Эту шуточку он всегда отпускает после десятой.

«А ты всегда отпускаешь эту шуточку о десяти порциях! — подумал Бретон. — Стерва без чувства юмора. Тебе обяза-

тельно хочется выставить меня роботом, работающим на спиртном». Однако он остался благодушен и болтлив, хотя и отдавал себе отчет, что это реакция на травму перехода. Ему удалось сохранить веселость до кофе с сандвичами, а потом выйти с Кэт на крыльцо, когда она отправилась провожать гостей до машины.

Октябрьский вечер был прохладным — из-за восточного горизонта уже начинали подниматься зимние созвездия, напоминая, что скоро со стороны Канады приплывут снежные тучи. Приятно расслабившись, Бретон прислонился к косяку с последней на этот день сигаретой в зубах. Кэт разговаривала с Палфри, уже сидевшим в машине. Пока он курил, два метеора прочертили в небе огненные полоски. «Конец пути, — подумал он. — Добро пожаловать в земную атмосферу». Тут машина тронулась, хрустя песком и разбрызгивая камешки. Лучи ее фар заскользили по вязам, обрамлявшим подъездную дорогу. Кэт помахала на прощание и, поеживаясь, поднялась на крыльцо. Когда она направилась прямо к двери, Бретон попытался обнять ее за плечи, но она решительно ускорила шаг, и он вспомнил свою недавнюю язвительность. Да, в глухие часы ночи в спальне под ровное дыхание занавесок предстояло очередное вскрытие.

Бретон пожал плечами, убеждая себя, как мало его это трогает, и швырнул окурок на газон, где тот и погас в росе. Глубоко вдохнув воздух, пропитанный запахом палой листвы, он повернулся, чтобы войти в дом.

— Не закрывай дверь, Джон! — Голос донесся из темной полосы кустов за вязами. — Я пришел за своей женой. Или ты успел забыть?

— Кто это? — тревожно спросил Бретон, когда от кустов отделилась высокая мужская фигура. Но голос он узнал. Телефонный звонок! Его охватили гнев и растерянность.

— Ты меня не узнал, Джон? — Незнакомец медленно поднялся по ступенькам. Свет фонаря над дверью внезапно дал возможность его узнать.

Бретона охватил ледяной, необъяснимый страх — он увидел собственное лицо.

2

Джек Бретон, поднимаясь по ступенькам к человеку, звавшемуся Джон Бретон, обнаружил, что у него подгибаются ноги.

Наверное, оттого, подумал он, что ему пришлось больше часа прождать на ветру в укромной тени кустов. Нет, вернее, причиной был шок, который он испытал, снова увидев Кэт. Как он ни готовился заранее, как ни рисовал в воображении этот момент, ничто не могло смягчить потрясения, в чем он теперь и убедился. Звук ее голоса, когда она прощалась с гостями, словно заставил запеть его нервную систему, вызвал непостижимые отклики всего его существа в целом и каждого отдельного атома, это существо слагающего. «Я люблю тебя! — шептала каждая молекула его тела миллионами гормональных путей. — Я люблю тебя, Кэт».

— Кто вы такой? — резко спросил Джон Бретон. — Что вам нужно?

Он твердо встал перед Джеком Бретоном. Под круглым фонарем в вертикальных тенях его лицо выглядело маской тревоги.

Джек Бретон потрогал пистолет в кармане пальто — не снял его с предохранителя.

— Джон, я уже сказал, что мне нужно, — ответил он мягко. — И ты уже, конечно, понял, кто я. Или ты никогда не смотрелся в зеркало?

— Но вы похожи... — Джон Бретон не договорил, страшась того, к чему подводили эти слова.

— Пошли в дом, — нетерпеливо потребовал Джек. — Я замерз.

Он шагнул вперед и был вознагражден зрелищем того, как Джон отпрянул и начал пятиться.

«Боится меня? — с легким удивлением подумал Джек Бретон. — Существо, которое я создал по своему подобию, тварь, сменившая мое имя на «Джон», боится своего творца!»

Войдя в знакомый, залитый оранжевым светом холл, Джек оценил ковер, почти физически ощутил материаль-

ное благополучие старого дома. Посидев днем в библиотеке над подшивками старых газет и справочниками, он пришел к выводу, что финансовое благополучие Джона Бретона много лучше, чем было его положение девять лет назад. Но тут все было гораздо симпатичнее, чем он ожидал. «Хорошо, добрый и верный раб!» — мысленно процитировал он евангельскую притчу о талантах.

— Ну хватит, — сказал Джон Бретон, когда они вошли в обширную гостиную. — Я хотел бы получить объяснения.

— А ты молодец, Джон. — Имя было произнесено с особой выразительностью.

Джек обвел взглядом комнату. Мебель была новая, незнакомая, но он узнал часы и две-три безделушки. Особенно он одобрил мягкие кресла с высокой спинкой — их, несомненно, выбрали, заботясь только о комфорте. Они словно бы ласково его приветствовали. «Нотабене! — подумал он. — Путешественник во времени, не испытывая никакого пространственного смещения, претерпевает значительный психологический сдвиг, который может проявиться в персонификации неодушевленных предметов. А именно — его приветствуют кресла. Остерегись!»

Джек снова сосредоточился на Джоне Бретоне. Теперь, когда он почти свыкся с чудом реального существования Кэт, в нем проснулось природное любопытство. Его альтер эго выглядел грузнее, чем следовало бы, и был одет в дорогие домашние брюки, лиловую спортивную рубашку и джемпер из тонкой шерсти. «Девять лет. Девять лет дивергенции внесли немало изменений, — подумал Джек. — Я не столь элегантен и не столь упитан, но наступает мое время. Да, мое!»

— Я жду, — сказал Джон Бретон.

Джек пожал плечами.

— Я предпочел бы, чтобы и Кэт выслушала мои объяснения, но, видимо, она поднялась к себе?..

— Моя жена поднялась к себе. — Первые два слова были чуть-чуть подчеркнуты.

— Ну хорошо, Джон. Странно, но вот к этому я заранее не подготовился... к тому, как объяснить тебе. Видишь ли, Джон, я — это ты...

— Вы намекаете, что я — не я? — перебил Джон с нарочитой тупостью.

— Нет, — ответил Джек Бретон и подумал с невольным одобрением: «Он уже взял себя в руки, но необходимо, чтобы он с самого начала отнесся к этому с полной серьезностью». Порывшись в памяти, он продолжал: — Джон! Когда тебе было тринадцать, у вас летом гостила твоя двоюродная сестра Луиза. Восемнадцать лет, вполне развитая фигура. И каждый вечер по пятницам она обязательно принимала ванну. Недели через три после ее приезда ты как-то днем взял из гаража ручную дрель, вставил в нее сверло три тридцать и просверлил дырку в потолке ванной. Просверлил ты ее в самом широком месте большой у-образной трещины, которую отец так и не собрался заделать, — чтобы дырка была незаметной. И поэтому в то лето ты вдруг увлекся фотографией, Джон, а чердак так подходил для того, чтобы оборудовать там каморку для печатания снимков! Каждую пятницу — когда Луиза закрывалась в ванной, ты устраивался на чердаке в темноте на мягкой бурой пыли прямо над ванной и стаскивал...

— Хватит!!! — Джон Бретон шагнул вперед, угрожающе и растерянно тыча пальцем. Он дрожал.

— Легче-легче, Джон. Я просто вручил мои верительные грамоты. Никому другому в мире не известны факты, которые я тебе напомнил. И я их знаю только по причине, которую уже назвал тебе: я — это ты. И на чердак забирался я, а теперь хочу, чтобы ты меня выслушал.

— Придется, — угрюмо буркнул Джон. — Ну и вечер!

— Так-то лучше. — Джек Бретон расслабился еще больше. — Разрешишь мне присесть?

— Валяй. А ты разрешишь мне выпить?

— Будь как дома. — Джек произнес это приглашение с непринужденной естественностью, словно обращаясь к гостю. Впрочем, Джон и был его гостем целых девять лет — как ни один человек до него. Но теперь всему этому конец.

Когда они оба сели, он наклонился вперед из глубокого кресла и заговорил, старательно придавая голосу спокойствие, хладнокровие и рассудительность: слишком многое зависело от того, сумеет ли он придать невероятному вероятность.

— Как ты, Джон, относишься к идее путешествия во времени?

Джон Бретон отхлебнул виски.

— Считаю ее вздорной. Никто не может прибыть сюда и сейчас из прошлого, потому что если современная техника не способна создать машину времени, тем более она не могла быть создана раньше. И никто не может прибыть из настоящего в будущее, поскольку прошлое неизменяемо. Вот как я отношусь к идее путешествия во времени.

— Ну, а еще в одном направлении?

— Каком?

— Прямо поперек — под прямым углом к тем двум первым направлениям, о которых ты упомянул.

— Ах это! — Джон Бретон отхлебнул виски, словно настроение у него заметно улучшилось. — В дни, когда я увлекался научной фантастикой, мы не считали это настоящим путешествием во времени. Это вероятностное путешествие.

— Пусть так, — умиротворяюще сказал Джек. — Как ты относишься к идее вероятностного путешествия?

— Ты хочешь сказать, что ты из другого настоящего? Из другого потока времени?

— Вот именно, Джон.

— Но чего ради? Будь это правдой, что привело бы тебя к нам? — Джон Бретон поднес рюмку к губам, но не отпил. — Ты сказал: девять лет. Это связано с...

— Я услышала голоса, Джон. — В дверях стояла Кэт. — Кто это у тебя? Ай!..

Едва она вошла, Джек Бретон встал. Он видел только ее — как и в ту последнюю ночь, когда расстался с ней, еще живой. И вот — опять она — настоящая, полная жизни, совершенная. На мгновение он встретил взгляд Кэт. Она тотчас отвела глаза, но в его мозгу вспыхнул фейерверк восторга. Он уже вошел с ней в контакт. Не сказав ни слова, он вошел с ней в контакт!

— Джон? — Голос был дрожащим, неуверенным. — Джон?

— Сядь, Кэт! — сказал Джон Бретон сухим холодным тоном. — По-моему, нашему другу есть о чем нам рассказать.

— Может быть, и Кэт чего-нибудь выпьет? — заметил Джек Бретон. — Это ведь займет много времени.

Кэт смотрела на него с опаской, восхитившей его, так что ему пришлось сделать усилие, чтобы унять дрожь в голосе. («Она знает! Знает!») Пока его альтер эго наливал для нее стопку бесцветной жидкости, он вдруг спохватился, что ему угрожает непроизвольный переход. Он проверил свое зрение. Оно не утратило четкости — ни тейкопсии, ни медленно заходящей черной звезды, ни крепостных фигур. Видимо, все было в порядке.

Неторопливо, тщательно он начал излагать факты, давая возможность прошедшим девяти годам воссоздаваться на туго натянутом экране его сознания.

3

Кэт пошла по тротуару мимо сверкающих витрин. В серебряной накидке, туго стянутой поверх легкого платья, в туфлях на шпильках, отчего ее длинные ноги казались еще длиннее и стройнее, она выглядела, как идеализированный киновариант любовницы гангстера. Сияние витрин проецировало Кэт в его сознании с поразительной четкостью, и он увидел — потрясенный, словно совершенно новым открытием — крохотные голубоватые жилки под ее коленями. Бретона захлестнула жгучая волна нежности.

«Ты не допустишь, чтобы Кэт шла ночью по городу одетая так!» — настойчиво сказал ему внутренний голос, но тогда ему пришлось бы бежать за ней, упрашивать... Он заколебался, а потом зашагал в противоположном направлении, изнывая от отвращения к себе, злобно ругаясь.

Полицейская патрульная машина остановилась перед его домом примерно через два часа.

Бретон, стоявший у окна, побежал к двери на свинцовых ногах и с трудом ее распахнул. Два детектива с мрачно

враждебными глазами на фоне фигур в синей полицейской форме.

Детектив показал ему бляху.

— Мистер Джон Бретон?

Он кивнул, не в силах говорить. «Прости меня, Кэт, — думал он. — Прости и вернись. Мы поедем на вечеринку...»

— Я лейтенант Конвери. Убийство. Вы разрешите мне войти?

— Конечно, входите, — глухо сказал Бретон.

Он повел лейтенанта в гостиную и с трудом подавил желание поправить диванные подушки, словно хозяйка, встречающая неожиданного гостя.

— Не знаю, как сообщить вам, мистер Бретон, — медленно произнес Конвери. У него было скуластое загорелое лицо и крохотный нос, словно бы и не разделявший широко посаженные глаза.

— В чем дело, лейтенант?

— Ваша жена... она, как выясняется, шла сегодня вечером через парк совершенно одна... И на нее напали.

— Напали? — Бретон почувствовал, что ноги у него подкашиваются. — Но где она сейчас? С ней ничего не случилось?

Конвери качнул головой.

— Мне очень жаль, мистер Бретон. Она убита.

Бретон рухнул в кресло, мир вокруг расширялся и сжимался, точно камеры внезапно обнаженного огромного сердца. «Это я сделал, — думал он. — Я убил мою жену!» Он смутно сознавал, что второй детектив отвел Конвери в сторону и что-то ему зашептал. Через несколько секунд Конвери вернулся к нему.

— Мой напарник напомнил мне, мистер Бретон, что я поторопился. По правилам мне полагалось сказать, что обнаружен труп женщины, и документы, найденные на нем, указывают, что это ваша жена. Хотя в подобных случаях, когда все ясно, я предпочитаю не тянуть. Однако, порядка ради, скажите, есть ли у вас основания полагать, что труп женщины лет двадцати пяти, высокой, с черно-золотыми волосами, одетой в серебристо-голубое вечернее платье, который мы нашли неподалеку от входа в го-

родской парк со стороны Пятидесятой авеню, это не труп миссис Бретон?

— Никаких. Она сегодня вечером ушла одна именно в таком платье. — Бретон закрыл глаза. (Это я сделал. Я убил мою жену!) — Я отпустил ее одну!

— Тем не менее необходимо провести официальное опознание. Если хотите, патрульный отвезет вас в морг.

— Не обязательно, — сказал Бретон. — Я могу поехать сам.

Ящик морозильника легко выкатывался на хорошо смазанных подшипниках, и в голове Бретона возникла непрошеная мысль: «Недурная машина». Он посмотрел на холодное отрешенное лицо Кэт, на бриллианты влаги, изгибающиеся цепочкой вдоль бровей. Невольно его правая рука потянулась, чтобы прикоснуться к ней. Он увидел черные полукружья машинного масла под ногтями и приказал руке опуститься. «И ни единого нет на тебе пятна».

Где-то сбоку появился лейтенант Конвери, совсем рядом, но и на расстоянии многих световых лет, по ту сторону вселенной флуоресцирующего пульсирующего света.

— Это ваша жена?

— Кто же еще? — оглушенно сказал Бретон. — Кто же еще?

Через какое-то время он узнал, что Кэт оглушили, изнасиловали и закололи.

Судебный медик добавил, что определить, в каком порядке это произошло, невозможно. Несколько дней, пока длились бессмысленные формальности, Бретон успешно запрятывал сознание своей вины, но все это время он ощущал себя бомбой, в которой уже сработал взрыватель, и что он живет последние наносекунды, прежде чем разлететься осколками личности.

Произошло это с фальшивой мягкостью киновзрыва на другой день после похорон Кэт. Он бесцельно шел по улице побежденных временем домов в северной части города. День был холодный и, хотя дождя не было, тротуары бле-

стели от сырости. Неподалеку от ничем не примечательного угла он увидел чистое, незабрызганное перо и поднял его — перламутрово-серое с белыми полосками, выпавшее из крыла летящей птицы. Поднял и вспомнил, как платья облегали Кэт, будто оперение. Он поискал взглядом подоконник, чтобы положить на него перо, словно подобранную перчатку, и увидел, что ему из подъезда улыбается мужчина в потертом рабочем костюме. Бретон выпустил перо, проследил, как оно, посверкивая, спланировало на грязный асфальт, и наступил на него.

Следующее свое осознанное действие он совершил пять недель спустя, когда открыл глаза на больничной кровати.

Время между этими двумя моментами не было полностью для него утрачено, но оно было искаженным и рваным, как пейзаж, на который смотрят сквозь матовое стекло. Он запил, топя сознание в спиртном, сдвигая его границы. И где-то в этом калейдоскопе родилась идея, которая в его лихорадочном мозгу обрела простоту гениальности.

В полиции ему сказали, что найти убийцу-маньяка очень нелегко. И обстоятельства дела не внушают особой надежды. Они словно говорили: если женщина идет поздно вечером в парк одна, то чего она, собственно, ждет?

В их присутствии Бретон чувствовал себя тревожно и пришел к выводу, что постоянное общение с преступниками и оказало на полицейское мироощущение роковое воздействие, открыв им иную систему морали. Отнюдь ей не симпатизируя, они до известной степени ее понимали, а в результате стрелка компаса их морали отклонилась. Не настолько, чтобы сбить их с пути — учитывая величину девиации, корабль можно вести правильным курсом, тем не менее, решил он, потому-то у него все время возникает ощущение, будто ему приходится играть, не зная правил игры. Потому-то на него и смотрели с досадой, когда он справлялся, как продвигается следствие. Вот почему он довольно скоро решил придумать новые правила.

Убийцу Кэт никто не видел, и не было никакой возможности установить его причастность к преступлению, так как у него не могло быть реальной причины его совершить. Но, рассуждал Бретон, тут существует еще одна связь. У него

нет способа узнать убийцу, *но убийца должен его знать.* Убийство привлекло внимание и газет, и телевидения. Фотографии Бретона фигурировали и на газетных страницах, и в телевизионной программе. Убийца не мог не заинтересоваться человеком, чью жизнь он так чудовищно разбил. Некоторое время Бретон верил, что узнает убийцу по глазам, если встретит его на улице или в парке.

Город был не таким уж большим, и, вероятно, на протяжении жизни он в то или иное время видел всех его обитателей. Следовательно, ему надо ходить по улицам, бывать во всех людных местах, заново знакомясь со сборной личностью города, и однажды он посмотрит в глаза другого человека и *узнает* его. А тогда...

Мираж надежды нелепо дразнил Бретона несколько недель, а потом захирел от истощения и алкогольного отравления.

Он открыл глаза и по отсветам на потолке палаты понял, что за больничными стенами выпал снег. Непривычная пустота грызла его внутренности, и он испытал здоровое практическое желание съесть полную тарелку густой деревенской похлебки. Сев на кровати, он оглянулся и увидел, что находится в отдельной палате. Безличную обстановку скрашивал букет пурпурных роз. Он узнал любимые цветы Хетти Колдер, его секретарши, и в памяти смутно всплыло озабоченно склоненное над ним ее длинное некрасивое лицо. Бретон чуть улыбнулся. В прошлом Хетти зримо худела всякий раз, когда он схватывал насморк — даже страшно было подумать, как подействовало на нее его поведение в течение этих недель.

Голод вернулся с удвоенной силой, и он нажал на кнопку звонка.

Домой через пять дней его отвезла Хетти в его машине.

— Послушайте, Джек, — сказала она почти с отчаянием. — Ну, поживите у нас. Мы с Гарри будем очень рады, и ведь у вас нет близких...

— Я справлюсь, Хетти, — перебил Бретон. — Еще раз спасибо за приглашение, но мне пора вернуться домой и попытаться собрать осколки.

— Но вы правда справитесь? — Хетти умело вела тяжелую машину по улице между кучами мокрого снега, справляясь с ней по-мужски, иногда резким выдохом стряхивая с сигареты колбаску пепла на пол.

— Да, конечно, — сказал он благодарно. — Теперь я могу думать о Кэт. Невыносимо мучительно, но по крайней мере я способен принять случившееся. А раньше не принимал. Трудно объяснить, но меня не оставляло ощущение, что должно быть какое-то учреждение, что-то вроде министерства смерти, куда мне следует пойти и объяснить, что произошла ошибка, что Кэт никак не могла умереть... Я говорю ерунду, Хетти.

Она покосилась на него.

— Вы говорите как нормальный человек. В этом, Джек, нет ничего дурного.

— А как я говорю обычно?

— Последние недели дела шли отлично, — сказала Хетти деловито. — Вам понадобятся новые люди.

И она коротко изложила суть новых заказов, а также работу, проделанную по уже заключенным договорам. Пока она говорила, Бретон обнаружил, что его фирма интересна ему меньше, чем следовало бы. Изобретатель-практик по натуре, он без особых усилий получил пару дипломов, так как это было экономически выгодно, довольно случайно поступил в консультационную фирму, специализирующуюся на геологической разведке, и стал ее владельцем, когда прежний ушел на покой. Все это было так легко, так неизбежно! Но в нем где-то пряталась неудовлетворенность. Он всегда любил изготовлять что-нибудь, давая волю своим умным рукам, которые словно сами знали, что им делать, но теперь для этого не хватало времени.

Бретон нахохлился в теплом пальто, тоскливо глядя на мокрую черную мостовую, которая выглядела каналом, прокопанным между крутыми берегами грязного снега. Машина набрала скорость, и белые пушистые хлопья, сыпавшиеся с неба, теперь взмывали от капота вверх, бесшумно ударялись о ветровое стекло и уносились дальше, разбиваясь, исчезая. Он попытался сосредоточиться на словах Хетти, но с тоской увидел, что в воздухе перед ним

возникло пятнышко цветного мерцающего света. «Только не теперь!» — подумал он и протер глаза, но дрожащая сверкающая точка уже начала расти. Через минуту она была как новенькая сияющая монета, вертящаяся волчком перед его правым глазом, в какую бы сторону он ни поворачивал голову.

— Утром я заехала к вам и включила отопление, — сказала Хетти. — Во всяком случае, вам будет тепло.

— Спасибо, — глухо ответил он. — Я доставляю вам слишком много хлопот.

Кружащее мерцание теперь разрасталось все быстрее, заслоняя почти все его поле зрения, начиная складываться в обычные узоры: непрерывно меняющиеся радужные геометрические фигуры скользили, смещались, открывали окна в другие измерения. «Не теперь! — безмолвно молил он. — Я не хочу сейчас совершить переход!» Эти оптические явления были знакомы ему с детства. Это случалось с перерывами от трех месяцев до нескольких дней в зависимости от напряженности его психического состояния, и, как правило, вначале возникало ощущение физического блаженства. Едва эйфория проходила, перед его правым глазом возникали мерцающие зигзаги, после чего следовал очередной необъяснимый пугающий переход в прошлое. Сознание, что каждый переход занимал лишь долю секунды реального времени и что это, несомненно, какая-то причуда памяти, не уменьшало страха при его приближении — сцены, которые он переживал, никогда не бывали приятными. Всякий раз это были фрагменты его жизни, которые он предпочел бы забыть. Критические минуты. И нетрудно было догадаться, какой кошмар будет с этих пор возникать в будущем.

К тому времени, когда машина подъехала к его дому, Бретон практически ослеп на правый глаз, словно застланный красивым многоцветным покрывалом из геометрических трепещущих радужных фигур, и ему трудно было соизмерять расстояния. Он убедил Хетти не выходить из машины, помахал ей, когда она покатила по свежевыпавшему снегу, и ощупью отпер и открыл входную дверь. Заперев ее за собой, он быстро вошел в гостиную и сел в

глубокое кресло. Мерцание достигло максимума и, следовательно, могло исчезнуть в любой момент, а тогда — переход только Богу известно куда. Он ждал. Правый глаз видел уже почти нормально. Он напрягся, и комната начала отступать, искривляться, обретать странную перспективу. Неуклюже, беспомощно срываемся мы в пропасть...

Кэт пошла по тротуару мимо сверкающих витрин. В серебряной накидке, тугó стянутой поверх легкого платья, в туфлях на шпильках, отчего ее стройные ноги выглядели еще длиннее и стройнее, она выглядела, как идеализированный киновариант любовницы гангстера. Сияние витрин проецировало Кэт в его сознание с поразительной четкостью... И тут он заметил — с ощущением какого-то огромного перекоса — позади нее в центре улицы три дерева, растущие прямо из мостовой, где никаких деревьев никогда не было. Три вяза, совсем облетевшие, и что-то в конфигурации их обнаженных ветвей вызвало в нем омерзение. Их стволы, вдруг он понял, были нематериальными — лучи автомобильных фар свободно проходили сквозь них. Конфигурация трех деревьев все еще была ему омерзительной, но в то же время его влекло к ним.

А Кэт уходила все дальше, и внутренний голос твердил ему, что нельзя позволить, чтобы она шла ночью по городу, одетая так. Он вновь вступил все в тот же бой со своей гордостью, а потом зашагал в противоположном направлении, изнывая от отвращения к себе, злобно ругаясь...

Ощущение томительной беспредельности, смещение перспектив и параллакса, немыслимые переходы, в которых искривления пространства-времени извиваются между отрицательностью и положительностью, а в центре зияет бесконечность — божественная, иллюзорная, горькая...

Бретон вцепился в ручки кресла и не разжимал пальцев, пока звук его тяжелого дыхания не слился с тишиной комнаты. Он встал, отошел к камину и завел старинные часы в дубовом футляре. Тяжелый ключ холодил ему пальцы — холодный и такой реальный! За окнами снова падал снег — мелкими сухими кристалликами, и за стволами

деревьев недавним призрачным прошлым вспыхивали фары машин. Дом заполняли терпеливые бурые тени.

Он пошел на кухню и занялся кофе, пока его сознание медленно освобождалось от паралича, вызванного переходом. Потеря нервной энергии была еще одним привычным следствием возвращений в прошлое, но на этот раз оно превосходило все прежние. Дожидаясь, пока закипит вода, Бретон с запозданием сообразил, что этот переход был необычен и в других отношениях — в частности, из-за вторжения фантастического элемента. Вязы, растущие посредине 14-й улицы, удивили его, но ощущение шока объяснялось не просто их неуместностью там. Они были полупрозрачны, словно изображения, проецируемые на более плотный фон, но ведь эта мохнатая арка была реальной. Он где-то ее видел, она что-то означала... но что?

Когда кофе сварился, Бретон открыл холодильник, но там не оказалось ни сливок, ни молока. При мысли о черном кофе его желудок запротестовал, но дальнейшие поиски в оскудевшей кухне показали, что из жидкостей там имеются только остатки рассола в банке из-под маринованных огурцов. Бретон налил в чашку черное варево, над поверхностью которого пар завивался серыми спиралями, и вернулся с ней в гостиную. Он сел, отхлебнул кофе и попытался обдумать, как снова взяться за дела, но комнату окутывал сумрак, и на него вновь навалилась усталость, Недели лечения и отдыха было мало, чтобы устранить все последствия его долгого запоя.

Несколько часов спустя Бретон проснулся почти в полной темноте. В комнату просачивался тусклый лиловатый свет уличного фонаря, и на внутренней стене тревожно подрагивали тени деревьев. Сдерживая дрожь и прилив жалости к себе, Бретон выпрямился в кресле и подумал, что надо пойти куда-нибудь поужинать. Поднимаясь на ноги, он заметил колышущиеся тени веток на мертвом сером экране телевизора — и вспомнил, где видел эти три вяза.

В программе местных новостей была показана фотография места, где нашли Кэт — рядом с тремя вязами.

Беда была в том, что вязы, которые он видел во время перехода, не замерли в вечной неподвижности фотоснимка.

Они двигались... черные ветки клонились и взметывались на ветру. Они были... — Бретон поколебался, прежде чем употребить это прилагательное — реальными. Воспользовавшись им, он показал, что его отношение к переходам изменилось, что где-то в его сознании возникла потребность верить, что сегодня днем он действительно видел Кэт. Неужели, холодно спросил себя Бретон, его одинокое, измученное виной сознание отвергло все законы природы и вернулось назад сквозь время? Предположим, извечное человеческое желание сделать невозможное — вернуться в прошлое и исправить ошибки, было психической силой, скрытой за всеми его переходами? Это объяснило бы, почему воссоздаваемые сцены всегда совпадали с критическими моментами, когда ход его жизни катастрофически менялся. Неужели он — потерпевший неудачу путешественник во времени, прикованный к настоящему неопровержимой реальностью своего плотского тела, но каким-то образом высвобождающий нематериальный аспект своей личности, чтобы оглянуться на прошлое и бить кулаками по его невидимым стенам? Если так, то — Боже, избави! — он обречен вновь и вновь переживать ужасную последнюю сцену с Кэт до конца своих дней. И три вяза замаячили...

«Надо уйти отсюда! — подумал Бретон. — Найти шумный ресторанчик с проигрывателем, клетчатыми скатертями, пошлейшими огромными помидорами из пластмассы на столиках, с нормальными людьми, спорящими о том, о сем с другими нормальными людьми».

Он погасил свет во всем доме, переоделся и уже открыл входную дверь, когда в ворота свернул видавший виды седан и забарахтался в снегу. Распахнулась правая дверца, из нее выбралась Хетти Колдер, с откровенным отвращением оглядела снег и в отместку выстрелила в него колбаской пепла.

— Решили пройтись? Мы с Гарри заскочили проверить, не требуется ли вам что-нибудь.

— Требуется! — Бретон даже удивился радости, какую ему доставил вид ее плотной, облаченной в твид фигуры. — Приглашаю вас пообедать со мной. Ваше общество доставит мне большое удовольствие.

Он залез на заднее сиденье и обменялся коротким приветствием с Гарри Колдером, лысеющим библиофилом лет пятидесяти. Хаос хозяйственных сумок, шарфов и журналов на широком сиденье вокруг ободрил его, он почувствовал, что вернулся в нормальный, ничем не осложненный мир. Он внимательно всматривался в скользящие за стеклом рождественские витрины, подмечая каждую мелочь, не оставляя места для мыслей о Кэт.

— Как вы, Джек? — Хетти оглянулась на крохотное уютное королевство Бретона. — А то, когда я вас отвозила днем, вы не очень хорошо выглядели.

— Ну, тогда я и чувствовал себя не очень хорошо, но теперь все прошло.

— Но что с вами было? — не отступала Хетти. Бретон поколебался и решил испробовать правду.

— Откровенно говоря, что-то со зрением. Словно правый глаз окутали цветные огни.

Неожиданно к нему обернулся Гарри Колдер и сочувственно поцокал языком.

— Радужные зигзаги, э? Так, значит, и вы такой?

— Какой — такой? О чем вы говорите, Гарри?

— У меня тоже так бывает, а потом начинается боль, — ответил Гарри Колдер. — Это обычный предварительный симптом мигрени.

— Мигрени? — У Бретона точно что-то всколыхнулось в подсознании. — Но у меня голова никогда не болит.

— Да? В таком случае, считайте себя одним из немногих счастливцев. То, что я переношу после того, как эти прелестные огоньки перестают перемигиваться, описать невозможно. Вы просто не поверите.

— Я не знал, что между такими расстройствами зрения и мигренями существует связь, — заметил Бретон. — Видимо, вы правы, и мне следует считать себя редким счастливцем.

Его голос даже ему самому не показался убедительным.

Вера Бретона в возможность путешествий во времени рождалась болезненно, на протяжении многих месяцев.

Он приступил к работе, но обнаружил, что не способен принимать разумные решения даже по самым простым

административным решениям, а уж технические проблемы оставались и вовсе непреодолимыми. С помощью состоявших в штате трех инженеров Хетти поддерживала деятельность фирмы на более или менее нормальном уровне. Первое время Бретон сидел за своим столом, бессмысленно уставившись на схемы и чертежи, не в силах думать ни о чем, кроме Кэт и роли, которую он сыграл в ее смерти. Были моменты, когда он тщился писать стихи, чтобы выкристаллизовать, а может быть, сделать отвлеченными чувства, обуревавшие его из-за Кэт.

Глубокие снега зимней Монтаны погребли мир в белом безмолвии, и Бретон следил, как оно смыкается над рядами автомобилей на стоянке под его окном. Безмолвие словно вторгалось в его собственное тело, и он начинал слышать его слепую деятельность — непрерывное перемещение жидкостей, попеременное вторжение воздуха, вкрадчивый радиальный дождь холестерина в артериях...

И с промежутками в шесть-семь дней он совершал переходы — всегда к этой последней сцене с Кэт. Иногда вязы бывали так прозрачны, будто вовсе не существовали, а иногда они стояли черные, реальные, и у него возникало впечатление, что он сумел бы различить две фигуры, двигающиеся у их стволов, если бы не свет витрин и автомобильных фар.

Его восприятие все обострялось, и он уже яснее различал явления, предшествующие переходу. Сначала — постепенное повышение нервной активности, вызывавшее впечатление, будто он избавился от отчаяния, поскольку подъем этот завершался пьянящей радостью бытия. И тут же возникали нарушения зрения — мерцающая точка перед правым глазом, постепенно перекрывающая все вокруг. Едва мерцание исчезало, как реальность смещалась, и он оказывался в прошлом.

Бретон очень удивился, узнав, что другие тоже испытывают зрительные аберрации, так как в детстве он рассказывал о них своим приятелям, но встречал только недоуменный взгляд. Даже родители выслушивали его с притворным интересом в твердом убеждении, что все сводится к яркому свету, запечатлевшемуся на сетчатке. Он

научился молчать о переходах и обо всем, с ними связанном, и с годами у него сложилось убеждение, что он, Джон Бретон, уникален, что только с ним бывает подобное. Случайный разговор с Гарри Колдером все это изменил, и вызванный им интерес оказался единственной подлинной зацепкой в унылом и горьком настоящем.

Бретон начал по вечерам засиживаться в библиотеке, сознавая, что ищет воплощения идее, подсказанной его фантазиями об убийце Кэт и лихорадочно бьющейся у него в мозгу. Он прочитал специализированную литературу о мигренях, очень скудную, потом взялся за более общие медицинские исследования, за биографии знаменитостей, страдавших мигренями, и за многое другое, что, как подсказывал инстинкт, могло навести его на верный путь. Прежде Бретон никогда не думал о мигренях, не связывал их с собой. Ему смутно казалось, что они — недавнее порождение стрессов, присущих цивилизации. Из книг он узнал, что они были широко известны и древним культурам, в частности древнегреческой. Античные греки пользовались термином «гемикрания» — полуголодная боль. В подавляющем большинстве случаев за зрительными расстройствами следовала сильнейшая боль в одной половине головы, приводившая к рвоте. У некоторых, на их счастье, отсутствовал один из этих двух симптомов, а в редчайших случаях отсутствовали оба. Такое состояние называлось «гемикрания сине долоре» — гемикрания без мук.

Бретона особенно поражала точность, с какой его собственные зрительные ощущения описывались другими людьми в другие времена. Медицинские термины были разными — тейкопсия, мерцающие помрачения зрения, но ему особенно понравилось «крепостные фигуры» как наиболее выразительное определение. Термин этот первым употребил Джон Фотерджилл, врач, живший в XVIII веке, который написал: «...особое мерцание в глазах, предметы быстро меняют видимое изображение и обведены радужными зубцами, по форме напоминающими крепостные стены».

Фотерджилл указал и на причину: слишком большое количество сухариков с маслом за завтраком. Объяснение это

Бретон счел лишь чуть более неудовлетворительным по сравнению с новейшими теориями, неопределенно трактовавшими о временных раздражениях зрительных центров. Както на исходе сумрачного дня он сидел в зале старинного здания, словно на дне каменного колодца, и перелистывал мало известный медицинский журнал. Внезапно он оледенел, увидев очень точные рисунки — не крепостных фигур, с которыми не справился бы ни один художник, но черной звезды, которая иногда появлялась вместо них.

Один рисунок принадлежал Блезу Паскалю, французскому философу, а другой был набросан в XII веке аббатисой Хильдегардой в Бингене. Аббатиса написала:

«Я узрела великую звезду, дивную и красивую, рассыпающую множество искр, с коими она следовала к югу... и внезапно все они были уничтожены, обращены в черные уголья и сброшены в бездну, так что более я их не видела».

Бретон поспешно перевернул страницу, но, как и в других подобных описаниях, никакого упоминания о последовавшем затем видении прошлого он не нашел. Видимо, в этом отношении он и правда был уникален.

Год спустя Бретон аккуратно записал в тетради:

«Теперь я все больше склоняюсь к выводу, что люди, страдающие мигренями, — это неудавшиеся путешественники во времени. Силой, обеспечивающей темпоральную мотивацию, является желание вернуться в прошлое, возможно, в надежде вновь пережить периоды особого счастья, но скорее, чтобы исправить ошибки, которые, как показало дальнейшее, неблагоприятно воздействовали на ход событий.

До смерти Кэт я представлял собой случайный пример человека, который почти мог вернуться в прошлое, но не благодаря особой мотивации, а из-за пониженной сопротивляемости, какого-то врожденного порока нервной системы. (Расстройства зрения могут вызываться некоторым темпоральным смещением сетчатки, которая ведь тесно связана с мозгом и потому является сенсорным органом, соучаствующим в деятельности центральной нервной системы.)

После смерти Кэт мой ретроактивный потенциал достиг аномально высокого уровня, что привело к учащению

переходов. Не касаясь проблемы философского истолкования, которое согласовывалось бы с законами физики, надо сосредоточиться на вопросе, как претворить теорию в практику. Эрготамины, мочегонные и прочие препараты, используемые для смягчения гемикрании, явно совсем не то, что мне требуется...»

И через пять лет:

«Сегодня получил ежемесячный чек от Хетти. Сумма больше обычной, так что я смогу уплатить по счетам компании «Клермонт сайантифик». Это большое облегчение, так как я не хочу пока лишаться у них кредита. Правда, у меня остается в резерве дом, причем его стоимость заметно возросла. (Отличная была мысль передать управление моей фирмой Хетти и Таферу, новому сотруднику. Единственно, что меня тревожит, так это навязчивое подозрение, что она добавляет к моему чеку собственные деньги.)

Нынче знаменательный день. От предварительных исследований я перехожу к экспериментальной стадии. Я мог бы достичь ее и раньше, если бы не сбивался на ложные пути. Все они были подсказаны доктором Гарнетом в клинике, специализирующейся по мигреням, и я рад, что моя связь с этим учреждением подходит к концу. Продромальные симптомы и кровоснабжение мозга, реакции на различные препараты, аминокислотный обмен — сплошные тупики. (То есть для моей работы. Не хочу быть несправедливым к Гарнету.)

Подумать только: своим успехом я обязан тому, что натер ладонь отверткой со скверной ручкой!

Не знаю, что толкнуло меня использовать жидкость из огромного волдыря, вздувшегося на правой ладони, но, видимо, причиной были мои размышления о том, нельзя ли использовать гемикральную боль для усиления хрономотивных импульсов. Работа в клинике подтвердила, что во время припадков мигрени у людей, на свое несчастье страдающих «гемикранией сине долоре», в головных артериях возникает особое вещество, называемое «кинин».

Серозная жидкость волдыря сама по себе боли не вызывает, но я установил, что по извлечении и после сопри-

косновения со стеклом в ней появляется кинин, который — если вернуть жидкость в волдырь — боль вызывает, и довольно-таки сильную. Вводя себе кинин при начале тейкопсии перед последними тремя переходами, я вызвал настоящую гемикранию и — впервые! — я услышал шум этих вязов на ветру!

Данный этап моей работы завершен, и теперь передо мной стоит проблема темпорального перемещения значительной физической массы — иными словами, моего тела. Для этого потребуется многократное усиление нервных импульсов, и меня мучает предчувствие, что придется отыскивать лазейку в правилах Кирхгофа.

Но моя уверенность непоколебима. Однако мне необходимо успокоиться, не то я ускорю новый переход. Волнение — общепризнанный фактор, способствующий гемикрании. Где-то у меня хранится выписка из речи французского патриота доктора Эдуарда Ливейна, который в 1873 году сказал: «Нам всем известно, что далеко не всякий может позволить себе удовольствие содействовать театральным представлениям, ежедневно превозносящим славу Франции в грохоте и дыме...»

И еще через три года:

«Обойти правила Кирхгофа оказалось проще, чем я ожидал — четвертое измерение открывает множество возможностей, — но я неверно представлял предстоящие расходы. Продажа дома и мебели принесла лишь ничтожную долю требовавшейся суммы. К счастью, мне удалось убедить Хетти и Тафера аннулировать наше восьмилетнее соглашение и просто выкупить фирму. Они, особенно Хетти, обеспокоены моим состоянием, но, по-моему, мне удалось убедить их, что я совершенно здоров и психически, и физически. Хетти заметно постарела и слишком много курит.

Кэт, милая моя, последний раз я говорю с тобой посредством этой тетради. Недалеко время, когда мы будем вместе перелистывать ее страницы. Так до того дня, любовь моя, до того дня...»

Бретон дождался сумерек и только тогда отправился в парк. Он оставил теперь уже дряхлый «бьюик» в несколь-

ких сотнях шагов от входа с Пятидесятой авеню и потратил несколько минут на проверку снаряжения. Сначала шляпа. Она лежала на заднем сиденье — обычная, уже не новая шляпа, только из-под ее полей порой пробивались оранжевые отблески. Он взял ее, аккуратно надел на голову и занялся соединением проводков, выведенных под ленту, с проводками, торчавшими из воротничка рубашки. Покончив с этим, он поднял воротник дождевика и для проверки пошевелил руками и ногами. Проводки, скрепленные с кожей, натягивали ее довольно болезненно, но его движений это не стесняло.

Затем Бретон взял ружье. Собирая личные вещи после продажи дома, он случайно обнаружил это ружье в шкафу в подвале, покрытое густой белой пылью, и забрал с собой в квартиру, которую снял в восточном районе. При осмотре выяснилось, что затвор заело — очевидно, в результате какого-то забытого происшествия, — и он отдал его починить в оружейную мастерскую. Изящные очертания ружья портил массивный инфракрасный прицел, который он добавил, учитывая ночное время. Бретон вставил в обойму прохладные латунные цилиндрики, которые вынимал из кармана, вложил ее в ружье и передернул затвор. Возможно, в его распоряжении будет не более двух секунд, чтобы обнаружить цель, прицелиться и выстрелить — ни единого мига из этого скудного запаса времени нельзя было потратить зря.

Он несколько минут тихо сидел в машине, дожидаясь, пока вокруг никого не будет. Со времени последнего перехода миновала почти неделя, и он чувствовал, что выбрал верный момент. Сердце билось от волнения — один из факторов, вызывающих гемикранию. Электрическая активность его мозга была выше нормальной и рождала напряженное ожидание. Почти галлюцинаторное изменение в восприятии, знакомое всем, кто страдает мигренями, как первый симптом очередного припадка, одевало самые обыденные предметы ореолом неожиданности — печалью, скрытой угрозой, пьянящим очарованием. Едва последний прохожий скрылся из виду, Бретон вышел из машины, взял ружье и спрятал его под дождевиком, держа приклад сквозь прорезь

кармана. Ночной ветер набрасывался на него с разных направлений, шарил по нему, точно пальцы слепца, пока он шагал неуклюже и осторожно — мешало ружье.

Когда он подходил к воротам парка, начались первые нарушения зрения. Перед правым глазом замерцал свет и начал расплываться сложным радужным пятном. Бретону почудилась стайка водомерок, натыкающихся друг на друга, дробящих солнечный свет глянцевыми бронзовыми спинками. Он обрадовался, что это не заходящая черная звезда — крепостным фигурам на формирование требовалось больше времени.

Бретон вошел в парк и направился к его центру по дорожке, по которой с металлическим шуршанием катились сухие листья. На скамейках, там, где горели фонари, сидели влюбленные парочки, но он быстро пересек лужайку и через секунду-другую был проглочен глухим мраком. Он вынул ружье из-под дождевика и приложил приклад к плечу, чтобы проверить прицел, но его правый глаз был ослеплен вращением цветных фигур, и он вспомнил, что у него есть только один выход: положиться на заранее отрепетированную систему действий. Когда он нашел три вяза, слепящий свет почти достиг максимума.

Он приблизился к треугольной купе на тридцать ярдов, просунул левую руку под широкий ремень ружья и упал на одно колено в классической снайперской позе. Сырая земля охватила его ногу овалом холода. «Я, конечно, сошел с ума», — подумал, он, но его губы снова и снова повторяли ее имя. Кэт! Кэт! Он дернул шляпу, и под ней послышалось тихое жужжание — прибинтованные к его телу мощные аккумуляторы начали подавать энергию. В тот же момент автоматический шприц впрыснул кинин в выбритый кружок над правым виском. Словно ледяное жало пронзило кожу, и облако мучительной боли начало разливаться по его голове вместе с поступающим в височную артерию кинином. Бретон машинально отметил, что вокруг никого не было и он напрасно потратил столько усилий, чтобы закамуфлировать свои приспособления... И тут завеса радужных геометрических фигур начала резко стягиваться. Пора!

Она неуверенно шла в темноте, ее светло-голубое платье и серебристая накидка, казалось, фосфоресцировали. Из-под мохнатой арки вязов появился силуэт, тоскливо клекоча, точно отвратительная хищная птица. Вскинув руки, он надвинулся на Кэт, и у нее вырвался стон ужаса. Бретон совместил перекрестье нитей с черной фигурой, но палец на спусковом крючке замер. Слишком тесно сомкнулись два силуэта. Он чуть приподнял левую руку, перекрестье на миг совместилось с головой, и палец инстинктивно нажал крючок. Приклад ударил Бретона в плечо, а черная голова перестала быть головой...

Бретон долго лежал, уткнув лицо в микрокосм дерна. Ружейный ствол под его левой рукой нагрелся от единственного выстрела, потом остыл, но он все еще был не в силах пошевелиться. Его охватило такое утомление, что требовалось нечеловеческое усилие даже для того, чтобы додумать мысль до конца. «Сколько времени я лежу здесь?» — спрашивал он себя. Вдруг кто-нибудь пройдет мимо и увидит, что он валяется тут?

Грызущий страх стал ураганным, но его тело по-прежнему оставалось телом мертвеца.

Сознание тоже претерпело изменение. Давящая тяжесть исчезла, все потенциалы разрядились в фантастическом мозговом оргазме перехода. *Великого перехода.* Он его совершил. (Эта мысль доставила ему секундное удовлетворение.) Восемь лет напряженной работы принесли краткую награду. Он переправился через неумолимую реку времени и...

Кэт!

Его захлестнула волна осознания немыслимого и вызвала первое непроизвольное движение. Он вдвинул ладони под грудь и нажал на землю. На ноги он встал в результате длительного процесса — потребовалось вытянуть руки и упереться пятками, чтобы приподнять туловище, а потом понудить ноги принять на себя вес этого туловища. Он перехватил ружье, спрятал его под дождевик, сделал шаг, потом другой. Возле вязов никого не было. И неудивительно. Мужчину, которого он застрелил, унесли отсюда восемь лет назад, ну а Кэт, естественно, дома. «Место женщины — дом», — мелькнуло в голове идиотское кли-

ше, и он неуклюже побежал на подгибающихся ногах — при каждом движении его голени описывали круги. Буйная радость длилась, пока он не подбежал к воротам парка и не увидел матово светящиеся шары на столбах ворот — пока внезапная мысль не перечеркнула ее.

«Но если Кэт дома, — шепнул внутренний голос, — то почему ты сейчас в парке с ружьем?

Если она жива, то почему ты помнишь ее похороны?»

Позже, пока способность трезво мыслить еще не угасла, он проехал мимо их бывшего дома. Новые владельцы там не поселились, и в саду неубранная доска с надписью «продается» отражала свет уличных фонарей. Бретона охватило отчаянное желание войти в дом, удостовериться... Но он только нажал на педаль газа. Старый «бьюик», почти остановившийся, рванулся вперед по тихой улице. Окна почти всех домов вокруг были освещены.

Бретон подъехал к бару почти на самой окраине города, где начиналась прерия: порой шары перекати-поле толкались в двери, точно голодные псы. Сев у длинной стойки, он — впервые после кошмарного запоя восемь лет назад — заказал виски и уставился в его янтарные глубины. Почему он не предвидел того, что произошло? Почему его интеллект, проделав в полном одиночестве такой далекий путь, остановился перед последним, столь очевидным следствием?

Да, он вернулся во времени, он застрелил убийцу, но ничто не могло изменить факта смерти Кэт. Бретон обмакнул палец в виски и провел прямую линию на пластиковой поверхности стойки. Он несколько секунд созерцал ее, а потом начертил вторую линию, ответвляющуюся от первой. Если первая линия символизирует поток времени, в котором находится он и в котором ничего не изменилось, значит, секунды, вырванные им у прошлого, находятся в точке ответвления. Едва краткий миг, в который он успел убить, истек, он был вышвырнут в настоящее его потока времени. Он не вернул Кэт к жизни в своем потоке, а вместо этого воспрепятствовал ее смерти в ответвлении.

Бретон отхлебнул виски, осваиваясь с мыслью, что где-то Кэт сейчас жива. Он взглянул на часы. Почти полночь.

Кэт уже спит. Или села выпить последнюю чашку кофе вместе с мужем — другим Джеком Бретоном. Ведь своим переходом в прошлое он создал новый поток времени, а с ним — другую вселенную. Во всей ее полноте, включая дубликат себя самого. В той вселенной должны быть города, материки, океаны, планеты, звезды, удаляющиеся галактики — но все это выглядело ничтожным в сравнении с тем фактом, что новую жизнь он купил Кэт для того лишь, чтобы она разделила ее с другим мужчиной. И неверно, будто тот мужчина — он сам, поскольку каждый индивид является совокупностью всего своего опыта, а тот Бретон не вглядывался в мертвое лицо Кэт, не терзался сознанием своей вины, не потратил восемь лет жизни на маниакальную идею, которая воссоздала Кэт Бретон.

Разветвленная черта на стойке высыхала. Бретон угрюмо смотрел на нее. Его томило ощущение, что в нем что-то истрачено безвозвратно и он уже никогда не сможет накопить хрономотивный потенциал, подобный тому, который швырнул его назад через барьеры времени. Ну а если...

Он снова намочил палец, поставил точку на черте основного потока времени и еще точно такую же точку на ответвившейся черте. После минутного раздумья он соединил эти точки широкой поперечной полоской.

Внезапно он понял, почему глубоко запрятанная, но недреманная часть его сознания, контролирующая подобные импульсы, допустила, чтобы он продолжал идти путем, который он избрал восемь лет назад. Он победил время, чтобы создать новую Кэт, а это была задача много труднее той, что предстояла ему теперь.

Ему оставалось только перебраться к ней.

4

Полночь давно миновала, когда Джек Бретон наконец умолк в уверенности, что все-таки убедил их.

Где-то на середине его рассказа Джон Бретон и Кэт поверили ему, но не целиком, и нужно было остерегаться, чтобы не угодить в собственную ловушку. Он откинулся на спинку кресла, вглядываясь в Кэт. За прошедшее девятилетие внешне она практически осталась прежней. Только глаза изменились, и свою красоту она теперь подавала осознанно.

— Это обман, — напряженно сказала Кэт, не в силах без борьбы отказаться от привычных понятий. У каждого человека есть двойник.

— Откуда ты знаешь? — синхронно произнесли оба Бретона и уставились друг на друга. А Кэт побледнела, словно такое совпадение что-то ей доказало.

— Ну, я читала...

— Кэт прилежно штудирует комиксы, — перебил Джон. — Раз что-то случается с Суперменом и Диком Трэси, значит, так бывает и на самом деле. Железная логика!

— Не смей говорить с ней в подобном тоне! — ровным голосом заявил Джек, подавляя внезапно вспыхнувший гнев. — Без всяких доказательств в такое трудно поверить. Тебе ли не знать, Джон!

— Доказательства? — заинтересовавшись, произнесла Кэт. — Но какие тут могут быть доказательства?

— Ну, хотя бы отпечатки пальцев, — ответил Джек. — Но без специальных приспособлений тут не обойтись. Проще воспользоваться воспоминаниями. Я сказал Джону про то, о чем никто больше в мире не знает.

— Вот как? Значит, и я могу проверить вас тем же способом?

— Да. — Но в его голосе проскользнула неожиданная неуверенность.

— Ну, хорошо. Медовый месяц мы с Джоном проводили на озере Луиза в Канаде. В день отъезда мы зашли в лавочку индейских сувениров и купили коврики.

— Да, мы купили коврики, — сказал Джек, подчеркнув «мы». — Вон там под окном один из них.

— Но это еще не все. Старуха, владелица лавочки, сделала мне как новобрачной небольшой подарок. Что она мне подарила?

— Я... — Джек запнулся, стараясь осмыслить, что произошло. С какой легкостью она поставила его в тупик! — Не помню. Но это ничего не доказывает.

— Неужели? — Кэт смерила его торжествующим взглядом. — Не доказывает?

— Да, не доказывает, — вставил Джон Бретон. — Я этого тоже не помню, детка. Ну, совершенно не помню, что старая карга расщедрилась на подарок нам. — В его голосе прозвучало сожаление.

— Джон! — Кэт обернулась к нему. — Крохотные детские мокасины.

— Нет, не помню. Я их тут никогда не видел.

— Но ведь у нас не было детей, верно?

— Вот в чем преимущество планирования семьи! — Джон пьяно ухмыльнулся. — Лучший способ остаться без семьи.

— Твои шуточки! — с горечью сказала Кэт. — Небьющиеся пластмассовые шуточки.

Джек слушал их, испытывая странную горечь. Он сотворил этих двоих — так, словно ступил на Землю в блеске библейских молний и вдохнул жизнь в комья глины, — но жили они независимо от него Девять лет! У него возникло ощущение, что его обманули, и он потрогал маслянистый металл пистолета у себя в кармане.

Джон Бретон пощелкал ногтем по краю нежно зазвеневшей рюмки.

— Суть в том, что он говорит правду, и мы это знаем. Я вижу, что в кресле том сижу я. Ты видишь, что в кресле том сижу я. Вон зажим его галстука: голову даю на отсечение, это тот самый, из золотой проволоки, который ты сделала, когда посещала ювелирные курсы, еще до того, как мы поженились. Верно, Джек?

Джек кивнул и, сняв старый зажим, протянул Кэт. Поколебавшись, она взяла зажим так, что их пальцы не соприкоснулись, прищурилась с не слишком убедительным профессионализмом и поднесла золотую вещицу к свету, а у него дыхание перехватило от нежности. Внезапно Кэт вскочила и вышла из комнаты. Двое мужчин уставились друг на друга через камин, в котором дотлевали подернутые белым пеплом головни.

— Это ведь еще не все? — заметил Джон Бретон с нарочитой небрежностью.

— Да. Потребовался еще год для переделки хрономотора, чтобы получить возможность двигаться поперек времени. Количество энергии ничтожно, но расходуется она непрерывно. Чтобы попасть сюда, мне, по-моему, пришлось вернуться во времени на миллионную долю секунды, что, естественно, столь же «невозможно», как и вернуться назад на год. В результате возник, так сказать, темпоральный рикошет...

— Я не об этом, — перебил Джон Бретон. — Я спросил про твои планы. Что дальше?

— Ну а что, по-твоему, может произойти дальше? Как я тебе уже говорил сегодня вечером, ты живешь с моей женой, и я хочу ее вернуть.

Джек Бретон внимательно следил за своим альтер эго, но к его удивлению эти слова как будто никакого впечатления не произвели.

— Но Кэт моя жена. Ты сам мне рассказал, что отпустил свою жену одну, и ее убили.

— Как и ты отпустил ее, Джон. Только я-то отдал девять лет жизни, лишь бы вернуться назад и исправить свою ошибку. Не забывай об этом, приятель!

Губы Джона Бретона упрямо сжались.

— В твоих рассуждениях что-то очень не так, — сказал он. — Но я по-прежнему хотел бы узнать, что дальше. У тебя в кармане пистолет?

— Нет, конечно, — поспешно возразил Джек. — Разве я могу застрелить тебя, Джон? Это ведь почти то же, что выстрелить в себя. — Он умолк, прислушиваясь к тому, как Кэт наверху выдвигает и задвигает ящики. — Просто возник вечный треугольник, и единственный выход — разумный выход — предоставить даме выбрать один из двух углов.

— Тоже мне выбор!

— Нет, Джон, это настоящий выбор. Девять лет изменили нас обоих. Мы двое — разные люди, и у каждого есть право на Кэт. Я хочу пожить тут неделю-другую, дать ей свыкнуться с ситуацией и...

— Ты спятил, если думаешь, что можешь вот так нам навязаться!

Эта вспышка удивила Джека.

— А что? По-моему, вполне разумное предложение.

— Разумное! Являешься неизвестно откуда...

— Я уже однажды явился неизвестно откуда, и тогда Кэт обрадовалась, — перебил Джек. — Наверное, я еще могу предложить ей что-то. Между вами вроде бы не все ладно.

— Это наше дело...

— Согласен: твое, Кэт и мое. Наше дело, Джон.

Джон Бретон вскочил на ноги, но прежде чем он успел открыть рот, в комнату вошла Кэт. Он повернулся к ней спиной и начал носком ботинка тыкать в головешки, посылая вверх в трубу вихри топазовых искр.

— Я его нашла, — негромко сказала Кэт. Она протянула обе руки, показывая два абсолютно одинаковых зажима. — Они одинаковы, Джон. И свою работу я всегда узнаю.

— Как вам это нравится? — с горечью осведомился Джон Бретон у цветных камней камина. — Ее убедил зажим для галстука. — Изобразить меня может кто угодно, это ерунда. Но она знает, что никто не способен точно воспроизвести такое сложное устройство, как зажим для галстука ее работы!

— Сейчас не время ребячиться. — Кэт уставилась на спину Джона, бесплодно потратив на нее пристальный взгляд.

— Мы все устали, — заметил Джек. — Я бы не прочь вздремнуть.

Кэт нерешительно прошла к нему через комнату, протягивая ему его зажим. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Джек ощутил неистовое желание обнять ее до боли знакомое тело под горизонтальными морщинками туго натянутого шелка. Их взгляды встретились, образовали невидимую ось, и вокруг нее закрутилась остальная вселенная, точно тучи, втянутые в смерч. Прежде чем она отвернулась, он успел прочесть в ее лице то сострадание, то прощение, в которых так отчаянно нуждался все эти девять лет.

* * *

Позже он стоял у окна гостевой комнаты и слушал, как старый дом устраивался на остаток ночи. «Еще одна неделя, — думал он. — Вот сколько я готов ждать. К ее концу я буду готов заменить Джона Бретона так ловко, что никто, кроме Кэт, не сумеет обнаружить ни малейшей разницы.

Он уже собрался отойти от окна, как вдруг небо внезапно рассыпалось звездным дождем перекрещивающихся метеорных следов. Он лег в постель и попробовал уснуть, но поймал себя на том, что с каким-то непонятным беспокойством всматривается в небо, выискивая там все новые и новые падучие звезды.

В конце концов он встал, опустил шторы и принудил себя погрузиться в теплый черный океан сна.

5

Джон Бретон медленно разомкнул веки и уставился на смутный янтарный свет, ожидая — с каким-то приятным ужасом, — как к нему прихлынет обратно его личность. (Светящийся прямоугольник вон там — что это? Окно спальни в рассветной мгле? Образ души, покинувшей тело? Дверь в другое измерение?) Порой он всерьез верил, что ночной сон рассеивает личность, и точное утреннее ее воссоединение зависит от того, ждут ли его правильные вехи. Проснись он в иной обстановке, среди иных вещей, не начнет ли он тогда совсем иное существование, лишь неясно чувствуя, что концы с концами не сходятся?

Рядом с ним что-то шевельнулось, и он повернул голову. Лицо спящей Кэт...

Бретон окончательно проснулся, вспомнил вчерашний вечер и появление Джека Бретона. Этот тип выглядел более тощей, неряшливой и настырной копией его — Джона. Икс, ущербный индивид, словно бы не видящий ничего странного в том, чтобы попросить мужа и жену

поместить его у них в доме и тут же предложить им столь возмутительную комбинацию.

Ха, так значит, Кэт должна выбрать одного из них!

Бретон попытался припомнить, почему он не врезал кулаком по такому знакомому лицу. Конечно, он напился, но дело не в том. Причина, наверное, та, что Кэт, очевидно, поверила, хотя и делала вид, будто посмеивается.

Или этот нелепый план каким-то образом восполняет слабые стороны их брака? Они с Кэт вместе одиннадцать лет. Бывали счастливы и не очень, а главное, расходились все дальше и дальше. Теперь дотягиваться друг до друга им удавалось только с помощью все более и более длинных ножей. Складывалось впечатление, что чем больше он зарабатывает денег, тем больше их требуется Кэт — и он работал даже еще усерднее, а она становилась все более чужой и равнодушной. Холодная злая эскалация.

А что, если появление Джека Бретона означает спасение — легкое, без ощущения вины? Кэт и Джек могут уезжать вместе или же, хладнокровно подумал Джон Бретон, он сам сделает прощальный поклон и удалится со сцены. Возьмет часть денег и уедет куда-нибудь — в Европу, в Южную Америку, а то и на Луну. В последних письмах из Флориды Басе Силвер прямо намекал, что НАСА возьмет любого опытного инженера, лишь бы он согласился туда отправиться.

Бретон лежал в пушистой пещерке тепла, так и эдак примериваясь к этой идее, как вдруг с запозданием заметил, что его альтер эго в этих мечтах не фигурирует. А ведь его придется терпеть весь наступающий день и еще много дней. Вздрогнув, Бретон выбрался из постели, надел халат и спустился вниз завтракать.

Кэт Бретон не размыкала век, пока Джон не вышел из спальни, а тогда, не вставая, принялась сгибать и разгибать ноги, маршируя по воздуху, пока одеяло не успокоилось бесформенной кучей у кровати. Совершенно нагая она вытянулась параллельно сереющей белой плоскости потолка и несколько секунд лежала неподвижно, прикидывая, пошел ли Джон принять душ или сразу спустился вниз. Он мог вернуться и увидеть ее в полной наготе, но это

ровным счетом ничего не значило. («С антропологической точки зрения, — заявил он всего месяц назад, — ты не полностью соответствуешь норме. Самку характеризуют конусы, а у тебя вместо них цилиндры».)

Джек Бретон ничего подобного не сказал бы, решила Кэт, вспоминая худую, неряшливо одетую фигуру с глазами безумного поэта. Он проецировал концентрированные эмоции точно актер немого кинофильма, тем не менее — хотя она гнала эти мысли — что-то в ней начинало отзываться, все более властно и необоримо. Джек Бретон был почти воплощением романтического героя, жертвующего жизнью во имя почти недостижимой мечты. За этим лицом в складках боли скрывалось нечто, заставившее его вызвать на поединок и победить само Время. Ради нее, Кэт Бретон. «Я единственная такая за всю историю Земли», — подумала она с благодарностью.

Волнение, обрушившееся не нее точно эмоциональный тайфун, усиливалось, судорогами пробегая по ее телу. Кэт встала и взыскательно оглядела себя в трюмо.

Джек Бретон стоял у окна в гостевой комнате и созерцал серые тона мира за ним. Мир Времени Б. Ему пришло в голову, что между двумя потоками времени должны быть другие различия, кроме главного — того, что в нем была живая Кэт. В этом мире маньяк-убийца погиб при загадочных обстоятельствах, что не могло не изменить многое — особенно для его потенциальных будущих жертв, до которых он так и не добрался. Фактом было и то, что бретоновская консультационная фирма в мире Времени Б преуспела под началом Джона Бретона, открыв ему возможность значимым образом воздействовать на события. Джек напомнил себе, что сейчас для него всего важнее поточнее выявлять эти различия и приспосабливаться к ним. Только тогда он сумеет плавно и незаметно занять место Джона Бретона.

Он смотрел на темные толстые буки в саду за домом и, сдвинув брови, прикидывал, как избавиться от трупа. Помимо чисто практических проблем следовало предусмотреть и щекотливую ситуацию с Кэт: если она хотя бы на

секунду заподозрит, что он убил Джона, все будет кончено. Надо, чтобы она поверила, что Джон добровольно согласился уйти из ее жизни, или — если это не удастся — что он погиб в результате несчастного случая.

Взгляд Джека сфокусировался на небольшом серебристом куполе за колоннадой букв. А, так Джон все-таки выбрал время построить в саду настоящую обсерваторию! Сам он долго собирался это сделать, да так и не собрался. А вот у его альтер эго время нашлось. Его альтер эго не потерял Кэт и осуществил очень многое.

На Джека Бретона нахлынул холод одиночества. Он еще немного постоял у окна, а затем услышал, что в доме кто-то ходит. До него донесся запах кофе и жарящейся ветчины. Он вышел из спальни, спустился по длинной лестнице и свернул в кухню. Даже в этот ранний час Кэт была не в халате, а в мохеровом свитере цвета кофе с молоком и белой юбке — причесанная, подтянутая, такая красивая! Когда Джек вошел, она расставляла тарелки на кухонном столе. Сердце у него замерло и тут же бешено заколотилось.

— С добрым утром, Кэт, — сказал он. — Моя помощь не нужна?

— О... доброе утро. Спасибо, нет.

Он увидел, как на ее скулах появились два розовых пятна.

— Но почему бы не облегчить тебе бремя домашней работы? — галантно спросил он шутливым тоном.

— Можешь не беспокоиться! — отозвался Джон Бретон, и Джек только теперь заметил, что он стоит в халате у окна. — У нас есть приходящая прислуга, ограждающая Кэт от прозы семейной жизни. В котором часу придет миссис Фриц?

— Она не придет, — резко ответила Кэт. — Я позвонила и предупредила ее, что в ближайшие дни мы без нее обойдемся.

Джон словно не услышал. Он прислонился к подоконнику, прижимая к уху радиоприемник, и как будто ждал чего-то. Джек повернулся к Кэт.

— Ну вот! — сказал он. — Ты бы этого не сделала, не будь здесь меня. Значит, у меня есть полное право помогать!

— Все уже готово. Прошу за стол.

Их взгляды не миг встретились, и Джек чуть было не потянулся получить то, что принадлежало ему, но вместо этого послушно сел за стол, хотя все в нем протестовало. Вчерашнее утомление прошло, и его вновь переполняло изумление перед чудом, что Кэт здесь, рядом с ним. Живая, теплая, подлинная и в ауре своей эмоциональной значимости важнее всех звездных просторов Времени Б.

Пальцы Джона Бретона внезапно повернули ручку громкости, и кухню заполнил голос диктора. Кэт нахмурилась.

— Нельзя ли потише?

— Помолчи минутку!

— Не вижу, с какой...

— Да замолчи же! — Джон поставил громкость на максимум, и голос диктора загремел, пробиваясь сквозь помехи.

— ...продолжаются в Восточном полушарии. Представитель обсерватории Маунт Паломар подчеркнул, что метеорный дождь яркостью превосходит все прежде известные, и нет никаких признаков, что он ослабевает. Сюжет из Токио, где сейчас небесный фейерверк в самом разгаре, будет показан по всем национальным каналам, едва устранят неполадки в спутниках связи, возникшие несколько часов назад.

Мистер Ч.Д. Окстоби, президент «Юстела» — агентства управления спутниками, — опроверг сообщение, будто спутники связи смещаются со стационарной орбиты. Нарушение связи вчера ночью (которое уже вызвало массовые требования возмещения убытков от гражданских абонентов) может также объясняться тем, что спутники повреждены метеоритами.

А теперь местные новости. Буря протестов против введения одностороннего движения, как предлагает...

Джон Бретон выключил приемник.

— Жизнь продолжается! — заметил он с некоторым вызовом, словно в оправдание того, что ему нечего сказать о треугольнике Джон — Кэт — Джек. «Только перед кем он оправдывается?» — подумал Джек, а вслух произнес:

— Конечно. Жизнь продолжается, куда же ей деваться? Лучше позавтракай да поменьше размышляй обо всем этом.

— Не нравятся мне эти метеориты, — объявил Джон, садясь за стол. — Денек вчера был адский. Гравиметры разлаживаются, Палфри устраивают сеанс, я налакался виски без малейшего удовольствия, совершая длиннейший за все годы переход, и даже небо устраивает фокусы, а затем...

— В довершение всего появляюсь я, — докончил Джек. — Я понимаю, тебе это нелегко, но не забывай, я в полном праве быть здесь. Мы же обговорили все это вчера вечером.

— Ты обговорил, — сердито буркнул Джон. — Не вижу, как я могу обсудить что-нибудь с Кэт, когда ты торчишь тут.

— А что обсуждать? — Джек продолжал бодро есть. Вилка Джона со стуком опустилась на тарелку. Несколько секунд он, ссутулившись, рассматривал ее, потом пристально с брезгливостью посмотрел на Кэт.

— Так как же? Ты уже взвесила все наши плюсы и минусы?

— Не смотри на меня так! — В голосе Кэт послышалась еле сдерживаемая ярость. — Ты хозяин дома и, если тебе не нравится присутствие Джека, почему ты не положишь этому конец?

— Почему? Да потому что сделать это можешь только ты. Он ведь так тебе и объяснил. Тебе достаточно сказать ему, чтобы он убрался, потому что ты предпочитаешь жить со мной. Что может быть легче?

— Но ты как будто стараешься сделать это трудным, — медленно проговорила Кэт. — Нарочно?

— Браво, Кэт! — ответил Джон, внезапно взяв себя в руки. — Мне нравится, как ты вывернула все наизнанку. Очень изящно.

Губы Кэт беззвучно зашевелились — она поднесла к ним тускло-зеленую чашечку кофе и бросила на него через ее край преувеличенно презрительный взгляд, точно он был ее соседом в классе. Странно, подумал Джек, что такая негативная эмоция, как гнев, делает ее лицо совсем юным.

Джон Бретон оттолкнул тарелку и встал.

— Извините, я вынужден вас оставить. Кто-то же тут должен работать.

— Ты едешь к себе в контору! — Кэт произнесла эти слова с возмущением.

— У меня дела... А к тому же вам двоим найдется, о чем поговорить.

Джек скрыл изумление. Или он не понимает, как близок к тому, что потеряет Кэт?

— А это обязательно? Почему на несколько дней не поручить все Хетти?

Джон нахмурился.

— Хетти? Какой Хетти?

— Хетти Колдер. Какой же еще?

У Джека вдруг похолодело в груди — таким недоуменным стало лицо Джона. Предположительно, этот мир должен был быть точным дубликатом того. И Джон Бретон должен был бы сразу понять, о какой Хетти Колдер идет речь.

— Ах Хетти! Столько лет прошло, что я совсем забыл. Семь лет, как она умерла, если не все восемь.

— Как...

— Рак легких, если не ошибаюсь.

— Но я же видел ее всего неделю назад. Она была здорова... и все еще накручивает по две пачки в день.

— Может быть, в твоем мире она предпочитает другие сигареты. — Джон Бретон пожал плечами, и Джека охватила ненависть к нему.

— Как странно! — произнесла Кэт голосом удивленного ребенка. — Только подумать, что эта смешная толстушка сейчас живет где-то, занимается своими делами и не подозревает, что мы уже были на ее похоронах, что она уже давно умерла.

Джек Бретон хотел было поправить Кэт, но смолчал, так как не сумел найти неопровержимых обоснований. Ведь если Кэт действительно жива, значит, Хетти действительно мертва — все это входило в условия эксперимента. Он отхлебнул горячий кофе, дивясь силе сожалений, которые вызвало воспоминание о некрасивом энергичном лице Хетти, выдувающей колбаску пепла из зажатой во рту сигареты.

— Я пошел одеться. — У двери Джон Бретон задержался, словно желая сказать еще что-то, но затем вышел из кухни, впервые оставив Кэт наедине с Джеком.

Воздух был теплым, призмы бледного солнечного света косо падали от занавешенных окон. Комнату заполнило

вибрирующее безмолвие. Кэт упорно ковыряла вилкой в тарелке. Ее расстроенный вид никак не гармонировал с уютно-домашней обстановкой. Она достала сигарету и закурила. Бретон с такой силой ощущал рядом с собой ее всю, что даже, казалось, слышал шорох тлеющей бумаги и табака.

— Мне сдается, я прибыл как раз вовремя, — сказал он наконец.

— Почему? — Она избегала его взгляда.

— Ты... и Джон готовы разойтись, верно?

— Ну, это слишком сильно сказано.

— Послушай, Кэт, — сказал он настойчиво. — Я же вижу. У нас с тобой так никогда не было.

Кэт все-таки посмотрела на него, и он уловил в ее глазах неуверенность.

— Да? Я не слишком хорошо разобралась во Временах А и Б. Но ведь до того вечера в парке вы с Джоном были одним человеком. Так?

— Да.

— Но мы же и тогда спорили и ссорились. Я хочу сказать, что деньги на такси мне не дал ты — вместе с Джоном, и...

— Не надо, Кэт! — перебил он, стараясь осмыслить ее слова. Она, разумеется, была права: последние девять лет он упорно закрывал для себя некоторые туннели памяти, и ему почему-то вовсе не хотелось заняться их исследованием теперь. Мечты разлетелись бы прахом.

— Прошу прощения. Возможно, это был удар ниже пояса. — Кэт попыталась улыбнуться. — Никто из нас, видимо, не способен освободиться от воздействия этого эпизода. А кроме того, лейтенант Конвери...

— Конвери? Причем здесь он? — Бретон насторожился.

— Фамилия напавшего на меня человека была Шпидель. Лейтенант Конвери вел расследование обстоятельств его смерти. — Взгляд Кэт помрачнел. — Тебе известно, что тебя там видели?

— Понятия не имею.

— Да, видели. Мальчишки и девчонки, которые, наверное, лапались в траве вповалку, сообщили полиции,

что видели мужчину с ружьем: он возник прямо над ними и тут же исчез. Естественно, его внешность по их описанию полностью соответствовала внешности Джона. Честно говоря, до вчерашнего дня я логике вопреки всегда чувствовала, что это и правда был Джон, хотя следствие полностью установило его непричастность. Наши соседи видели, что он примерно тогда стоял у окна, да и его ружье было сломано.

Бретон задумчиво кивнул, внезапно сообразив, что, спасая Кэт, он чуть было заодно не избавился от Бретона Б. Так, значит, полиция пыталась обвинить Джона! Какая жалость, что законы хрономотивной физики выбросили убившую Шпиделя пулю назад во Время А вместе с ружьем и стрелявшим из него человеком. Не то царапинки на ней совпали бы с теми, которое оставило бы сломанное ружье Джона Бретона, которое притом не хранило бы никаких следов недавнего выстрела. Экспертам по баллистике было бы над чем поломать голову!

— Я все-таки не понял, почему ты упомянула Конвери, — сказал он вслух. — По твоим же словам Джон был очищен от подозрений.

— Да, был. Но лейтенант Конвери продолжал заглядывать к нам. Он и теперь иногда заходит, если оказывается поблизости. Пьет кофе, беседует с Джоном об окаменелостях и геологии.

— Звучит безобидно.

— Так оно и есть. Джону он нравится, но мне напоминает о том, чего я вспоминать не хочу.

Бретон потянулся через стол и взял руку Кэт.

— А о чем тебе напоминаю я?

Кэт тревожно дернула плечом, но руки не отнята.

— Возможно, о том, о чем мне хочется вспоминать.

— Ты моя жена, Кэт, и я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. — Он почувствовал, что она переплела свои пальцы с его пальцами, и начала сжимать их все крепче и крепче, словно в каком-то состязании на выдержку. Лицо у нее было, как у рожающей женщины. Они сидели так и молчали, пока из-за двери не донеслись шаги Джона Бретона. Он вошел — на этот раз в строгом сером костюме — и направился прямо к приемнику.

— Хочу напоследок послушать новости.

— Я уберу тут, — сказала Кэт и начала составлять тарелки стопкой. Джек Бретон встал, ощущая, как присутствие его альтер эго пробуждает в нем все нарастающую злобу, и покинул кухню. Он медленно прошел по коридору и остановился в безмятежной тишине гостиной. Кэт почувствовала что-то к нему — нынешнему ему, и это было главным. Вот почему он должен был нагрянуть к Джону и Кэт и объяснить им все.

Логичней — да и практичней — было бы скрыть свое присутствие во Времени Б, убить Джона, уничтожить его труп и незаметно занять его место. Но тогда бы его мучило сознание, что он обманул Кэт. Теперь же он обретал полное оправдание в мысли, что она сама предпочла его человеку, которым стал Бретон Времени Б.

Сосредоточенно хмурясь, Джек Бретон расхаживал по гостиной, рассеянно брал в руки книги и безделушки, рассматривал их, а затем тщательно водворял их на место. Его внимание привлекла стопка плотно исписанных квадратных листов белой бумаги. Верхний был покрыт сложным узором из концентрических колец. Он поднял его и увидел, что кольца эти на самом деле были строчками, написанными от руки аккуратной спиралью.

Медленно поворачивая листок, Бретон прочел четверостишие:

Без тебя я томился во мраке ночей.
А стрелки ползли от черты до черты.
Я плакать готов, так я жажду тебя,
Но слезы мои не попробуешь ты.

Он положил листок на стопку и уже отвернулся от столика, как вдруг значение этих строк потрясло его сознание. Потребовалось несколько секунд, чтобы шлюзы памяти распахнулись, а тогда ледяной обруч страха стянул его лоб. Эти слова написал он сам в первые дни безумия после смерти Кэт — но он никогда никому их не показывал.

И написал он их в другом мире, в другом времени.

6

Джон Бретон несколько раз выходил из дома к машине и тут же возвращался за чем-нибудь — каким-то документом, сигаретами, записной книжкой. Напряжение в груди Джека стремительно нарастало, и, пробормотав какое-то извинение, он отправился в уединение своей спальни. Там он присел на край кровати и прислушался, не заурчит ли «линкольн», удаляясь к воротам.

Наконец он услышал то, чего ждал, он вышел на площадку лестницы и спустился на один марш. Там, в темном смутном безмолвии большого дома, он остановился, колеблясь, ощущая себя щукой, задумчиво выбирающей нужную глубину в бурой воде. «Девять лет! — кружилось у него в мозгу. — Я умру. Прикоснусь к ней и умру!»

Наконец он спустился — крадучись, как ни старался, и вошел в кухню. Кэт у окна мыла яблоки. Она не оглянулась и продолжала обдавать бледно-зеленые плоды холодной водой. В этом простом домашнем занятии Бретону померещилось что-то нелепое.

— Кэт, — сказал он, — зачем ты их моешь?

— Инсектициды. — Она все еще не обернулась к нему. — Я всегда мою яблоки.

— Ах так... И тебе обязательно нужно заниматься этим сейчас? Дело не терпит отлагательств?

— Я хочу убрать их в холодильник.

— Но ведь спешки никакой нет?

— Да. — В ее голосе прозвучало раскаяние, словно он принудил ее признаться в чем-то постыдном.

Бретон почувствовал себя виноватым. Он же ее мучает!

— Ты когда-нибудь замечала, что в воде фрукты выглядят более яркими и сочными?

— Нет.

— Но это так. И никто не знает, почему... Кэт!

Она обернулась к нему, и он схватил ее за руки — мокрые, холодные, будящие жуткие воспоминания в глубинах памяти. Он целовал стылые пальцы, словно наложив на себя епитимью.

— Не надо! — Она попыталась вырвать руки, но он только крепче сжал их.

— Кэт! — сказал он настойчиво. — Я потерял тебя девять лет назад, но ведь и ты потеряла что-то. Джон тебя не любит, а я люблю. Только и всего.

— Не стоит делать поспешные выводы из поведения Джона.

— Мне можно. И взгляни на факты! Он уехал в контору, будто ничего не произошло. Оставил нас вдвоем. Ты думаешь, я бы оставил тебя вдвоем с тем, кто прямо назвался моим соперником? Да я бы... — Бретон оборвал фразу. Он собирался сказать, что скорее убил бы этого соперника.

— В нем говорит обида. Видишь ли, Джон практикует, так сказать, душевное дзюдо. Если ты толкаешь, он тянет, если ты тянешь, он толкает.

Кэт говорила торопливо, с отчаянием. Бретон притянул ее к себе. Он нежно скользнул ладонью по ложбинке ее шеи к затылку, обхватил его под волосами всеми пятью пальцами и повернул к себе ее лицо. Она несколько секунд сопротивлялась, и вдруг прильнула открытыми губами к его губам. На протяжении этого первого поцелуя Бретон не закрывал глаз, стараясь запечатлеть этот миг в памяти со всей полнотой, вознести его за пределы времени.

Потом они лежали за опущенными шторами спальни в пергаментном свете. Бретон изумленно всматривался в потолок. «Вот это, — думал он, — и есть ясность рассудка?» Он позволял мозгу впитывать ощущение блаженного бытия, переполнявшее все его тело. В таком настроении любая мелочь, связанная с процессом жизни, была прекрасной. Он готов был извлекать неизбежное наслаждение из тысяч самых обыденных, самых простых вещей — наслаждение, утраченное где-то на протяжении пути: подниматься на холм, пить пиво, рубить дрова, писать стихи...

Он положил руку на прохладное бедро Кэт.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Голос ее был сонным, далеким. Бретон кивнул, оглядывая комнату совсем новыми глазами. В желтизне перехваченных шторами солнечных лучей было

нечто средиземноморское, какая-то убаюкивающая удивительная прозрачность. В созданной им вселенной Времени Б не обнаруживалось ни единого порока.

В его памяти всплыл отрывок старого стихотворения, поразительно отвечавший этим ощущениям.

Безмерный Каналетто труд
Дома на полотне хранят:
Скрепляет ровно известь тут
Все кирпичи за рядом ряд.

Он приподнялся на локте и посмотрел на Кэт сверху вниз.

— Мое настоящее имя Каналетто, — сказал он.

Она посмотрела на него снизу вверх, чуть улыбнулась и отвернула лицо. Он понял, что она думает о Джоне. Бретон опустился на подушку, машинально подсунув палец под ремешок часов, чтобы прикоснуться к бугорку хронодвигательной капсулы, зашитой под кожей. Джон Бретон был единственным пороком Времени Б.

Но портить его ему оставалось недолго.

7

Джейк Лармор уныло смотрел сквозь выпуклое стекло лунохода на плоскую однообразную поверхность Луны. Он держал двигатель на максимуме оборотов, но западный край Моря Спокойствия, к которому он двигался уже более двух часов, казалось, не приблизился и на йоту. Порой Лармор широко зевал, а между зевками насвистывал унылый мотивчик. Его одолевала зеленая скука.

В Висконсине в родном Пайн-Ридже мысль о том, чтобы работать радарным техником на Луне, казалась волнующе-романтичной. Теперь, после трех месяцев, проведенных в объездах цепочки мачт, он уже принялся вычеркивать дни в

календарике, который изготовил исключительно для этой цели. Конечно, он всегда знал, что Луна — мертвый мир, но не предвидел, какое угнетающее действие окажет на него столь полное, столь абсолютное отсутствие жизни. «Если бы, — подумал он в тысячный раз за эту поездку, — если бы тут хоть что-нибудь шевельнулось!»

Он откинулся в титаническом зевке, раскинув руки, насколько позволяла ширина кабины, и вдруг ярдах в ста что-то мелькнуло и скрылось под поверхностью катера. Лармор автоматически нажал на тормоз, и машина с лязгом остановилась. Выпрямившись, он несколько секунд вглядывался в эту серую пелену, спрашивая себя, не начало ли пошаливать его воображение. Проползли несколько тягучих секунд, но лунный пейзаж все также мирно костенел в вечности. Лармор уже протянул руку к стартеру, как вдруг слева и чуть ближе заметил такое же движение. Он судорожно сглотнул. На этот раз его глаза сфокусировались много быстрее, и он различил, как пушистый серый ком величиной примерно с футбольный мяч вдруг подскочил вверх, прежде чем юркнуть вниз. Явление это повторилось ёще три раза, причем в разных местах.

— Разрази меня гром! — сказал он вслух. — Если я открою лунных сурков, то прославлюсь на весь мир!

Он протянул чуть дрожавшую руку к рации, но тут же вспомнил, что между ним и Третьей базой по ту сторону лунного горба связи нет. Из-за этого горба. Новый пушистый шар нахально подпрыгнул за стеклом и исчез. Поколебавшись не более секунды, Лармор отсоединил выводящий шланг, загерметизировал скафандр и проделал все прочие ритуальные действия, в конечном счете позволяющие человеку ступить на Луну. Несколько минут спустя, подавляя ощущение нереальности происходящего, он выбрался из кабины и неуверенно направился к месту, где заметил последний шар. Шагая, он внимательно высматривал лунный эквивалент сурочьей норы, но пелена неимоверно древней пыли была безупречно гладкой, если не считать тянущихся за ним двух неровных зигзагов.

Внезапно в радиусе пятидесяти шагов сразу подпрыгнули три шара, а может, и четыре. У Лармора перехватило

дыхание, однако у него достало хладнокровия точно заметить, где исчез ближайший из них. Довольно неумело волоча ноги, как полагалось при малом тяготении, он добрался туда, и его пшеничные брови недоуменно сошлись на переносице — ни намека на вход в нору, способную вместить то серое, что он пытался обнаружить.

Он опустился на колени, чтобы взглянуть на отражающую солнечные лучи пыль под другим углом, и ему показалось, что он видит круглую впадину с крохотной ямочкой в центре. Недоумевая, Лармор принялся разгребать пыль и дюймах в трех ниже добрался до скальной породы. В ней зияла аккуратная дыра, словно просверленная дрелью, диаметром дюйм. Он сунул туда палец и тотчас его отдернул — сквозь изолирующую толщу перчатки он ощутил сильный жар. Камень тут был раскален почти докрасна.

Лармор откинулся на пятки и растерянно вперил взгляд в черный кружок, тщательно стараясь разгадать его тайну. Но тут всего шагах в трех от него подпрыгнул еще один шар. Порода завибрировала, и он сразу же нашел устрашающую смертоносную разгадку.

На Луне, где нет воздуха, в котором зависали бы отдельные ее частицы, пыль взметывается плотным комом и тут же падает с такой быстротой, что глазу трудно уловить это движение. А взметнуть такой комок, кроме человека, может только метеорит.

Значит, он оставил надежно защищенный луноход и (такой уязвимый!) разгуливал под метеоритным дождем — под градом пуль, выпущенных миллиарды незрячих лет тому назад. Проклиная свою глупость и неопытность, он поднялся на ноги и плавными лунными прыжками понесся к луноходу.

Старенький четырехмоторный самолет терпеливо полз по ночному небу над северной оконечностью Гренландии. В его гулком цилиндрическом брюхе Денис Содермен зорко следил за регистрирующими приборами, иногда направляя настройку, чтобы нечеловеческие органы чувств воздушной лаборатории сохраняли максимум восприимчивости и дальности действия. Он работал с механической безупречностью

человека, который сознает, что его работа важна, но убежден, что создан для более важных свершений.

На некотором расстоянии от Содермена доктор Косгрув, его начальник, сидя за импровизированным столом, пропускал сквозь пальцы серые бумажные ленты, словно портной — сантиметр. В клиническом свете люминесцентной трубы его еще молодое лицо выглядело старым и усталым.

— Для их обработки, Денис, нам компьютер не понадобится, — сказал он. — Потоки заряженных частиц намного превышают норму. Ничего подобного я не видел даже в периоды самой повышенной солнечной активности. Пояс Ван-Аллена набухает точно губка, а учитывая сообщения о колебаниях солнечной константы, полученные сегодня из обсерватории МТИ, видимо...

Денис Содермен перестал слушать. Он давно научился отключаться от этого тягучего голоса, но на этот раз не просто увильнул от воздействия въедливой педантичности — что-то странное творилось с самолетом. Они находились далеко от центра тяжести машины, и Содермен вдруг ощутил тошнотворную болтанку. Длилась она полсекунды, не дольше, но Содермен был неплохим летчиком-любителем, и его несколько смутила мысль, что стотонный самолет помахивает хвостом словно лосось, и он поставил восприимчивость собственных органов чувств на максимум, точно дело шло об его электронных подопечных. Несколько секунд все ограничивалось обычными ощущениями полета, и вдруг... вновь мгновенный рывок с поворотом, от которого его желудок тревожно сжался.

— У них там что-то не так, — сказал он. — Мне не нравится, как летит этот драндулет.

Косгрув оторвался от перфолент.

— Я ничего не чувствую. — В его голосе сквозило неодобрение: Содермену не следовало отвлекаться от своих обязанностей.

— Послушайте, доктор, здесь, в хвосте, я как на кончике ветки и чувствую...

Он умолк, потому что самолет резко накренился, завибрировал, потом выровнялся и окутался зловещей тишиной — все четыре мотора выключились разом. Содер-

мена вышвырнуло из кресла на приборы. Он кое-как поднялся на ноги и прошмыгнул мимо доктора Косгрува. Пол под его ногами уходил вниз, из чего следовало, что нос машины заметно наклонился. В дверях кабины управления он столкнулся с посеревшим вторым пилотом.

— Идите в хвост и прижмитесь спиной к перегородке уборной! Мы идем на посадку! — Он даже не пытался скрыть панику в своем голосе.

— На посадку? — крикнул Содермен. — Но где? До ближайшего аэродрома триста миль...

— Это вы мне говорите?

Даже в такую критическую минуту летчик ревниво встал на защиту своего превосходства над простыми смертными, свирепея от того, что вынужден обсуждать дела своего воздушного царства с посторонними.

— Мы делаем все возможное, чтобы запустить моторы, но капитан Айзек настроен не слишком оптимистично. Похоже, ему придется сажать нас на снег. Так что идите в хвост!

— Но ведь внизу темно! И посадить самолет невозможно...

— Это уж наша проблема, мистер! — Второй пилот подтолкнул Содермена и вернулся в кабину.

Содермен последовал за спотыкающимся доктором Косгрувом. Во рту у него пересохло.

Они добрались до конического хвостового отсека и сели на пол, привалившись спиной к холодному металлу перегородки. В таком отдалении от центра тяжести каждый маневр пилота ощущался как колебание огромного маятника, и Содермен не сомневался, что роковая развязка близка. Теперь, когда рев мотора умолк, было слышно, с каким угрожающим, все время меняющимся воем фюзеляж разрезает воздух. Злорадный голос неба, заметившего, что силы врага иссякают.

Содермен пытался смириться с мыслью, что еще несколько минут — и он будет мертв. Ведь смягчить удар о землю не может никакое сочетание удачи, искусства пилота и прочности машины. При свете солнца или хотя бы луны какая-то надежда сохранялась бы, но в черном мраке у такого стремительного снижения мог быть только один финал.

Он стиснул зубы и поклялся сохранить хотя бы столько достоинства, сколько, казалось, сумел собрать доктор Косгрув, однако при ударе он все-таки закричал. Голос его затерялся в грохоте металла. Потом самолет снова взлетел странным косым рывком, завершившимся еще одним громовым грохотом, к которому добавился стук и треск предметов, разметанных по всей длине фюзеляжа. Кошмар этот длился вечность, во время которой погасло освещение. Но внезапно он кончился, и Содермен обнаружил, чтот все еще дышит — что против всякого вероятия каким-то чудом он жив!

Несколько минут спустя он стоял у аварийного выхода и, задрав лицо к ночному небу, созерцал своего спасителя.

Там от горизонта к горизонту изгибались полотнища красных и зеленых огней, одевая снежный ландшафт фантастическим театральным блеском. Северное сияние невиданной интенсивности!

— Вот подтверждение того, что я говорил о перенасыщенности пояса Ван Аллена, — бесстрастно констатировал стоявший рядом доктор Косгрув. — Потоки заряженных солнечных частиц омывают верхний слой атмосферы и увлекаются к магнитным полюсам. Этот фейерверк, которому мы, видимо, обязаны жизнью, всего лишь одно из проявлений...

Но Содермен уже не слушал, целиком отдаваясь наслаждению просто быть живым.

Доктор Фергес Рафаэль сидел неподвижно за рулем своей машины, уставившись на испещренный масляными пятнами бетон преподавательской автостоянки.

Он серьезно взвешивал, не поехать ли ему дальше — прямо в океан, чтобы в академических кругах о нем больше никогда не слышали. Было время, когда он вел свои исследования с бурным энтузиазмом, который не могло угасить даже сознание, что по самой природе вещей ему не суждено обрести наград, поджидающих исследователей в других областях. Но годы взяли верх — годы вне дворцов науки — и он очень устал.

Как всегда прекратив ежедневную игру в то, что он все-таки может уехать от своей мании, Фергес Рафаэль вылез

из машины. Под пасмурным небом холодный ветер гнал шуршащие листья каштанов. Рафаэль поднял воротник пальто и зашагал к ничем не примечательному зданию университета. Начинался очередной обычный день.

Полчаса спустя он завершил приготовления к первому утреннему эксперименту. Добровольцем был Джо Уошберн, студент-негр, показавший в предварительных испытаниях многообещающие результаты.

Рафаэль поднес микрофон к губам.

— Готовы, Джо?

За стеклом звуконепроницаемой кабинки Уошберн кивнул и помахал Рафаэлю рукой. Рафаэль нажал кнопку и посмотрел на свою ассистентку Джин Ард, сидевшую в такой же кабинке в противоположном углу лаборатории. Она помахала ему с преувеличенной бодростью, и Рафаэль решил, что настроение у нее тоже угнетенное. Он включил регистрирующее устройство, откинулся на спинку кресла, развернул сигару и приготовился добросовестно следить за экранами мониторов.

Потом подумал — отнюдь не впервые: «Как долго будет тянуться этот фарс? Сколько мне еще нужно доказательств, что прямой обмен мыслями невозможен?»

Джин Ард набрала первый символ, и на экране его монитора возник треугольник. За толстым стеклом кабинки ее лицо выглядело невозмутимым, и Рафаэлю пришло в голову, что она, наверное, вовсе не всегда сосредоточивается на проецировании, а просто думает о назначенном на вечер свидании. Вскоре вспыхнул экран Уошберна. Треугольник. Рафаэль закурил сигару и прикинул, скоро ли можно будет объявить перерыв и выпить кофе. На экране Джин возник квадрат и на экране Уошберна тоже. Джин снова набрала треугольник, Уошберн повторил. Круг и звезда — Уошберн ответил кругом и звездой. У Рафаэля забилось сердце, и он ощутил тот нервный азарт, который превратил бы его в завзятого игрока, если бы он не предпочел сублимировать свою страсть в научных исследованиях. Теперь он уже с напряженным вниманием следил, как Джин продолжает бессистемно набирать тот или иной из пяти абстрактных символов, используемых в телепатичес-

ких экспериментах. Восемь минут спустя она завершила серию из пятидесяти проецирований.

Результат Джо Уошберна — пятьдесят попаданий. Рафаэль погасил сигару дрожащей рукой. Когда он взял микрофон, его пронизала ледяная дрожь, но он сумел придать своему голосу бесцветность, чтобы не оказать на эксперимент ни малейшего эмоционального воздействия.

— Для раскачки недурно, Джин и Джо. Сделаем еще серию. — Оба кивнули и, нажав на кнопку, он обратился уже к одной Джин: — На этот раз давайте вместе абстрактные и ассоциативные символы.

Сгорбившись над консолью, он впился в экраны мониторов с напряжением игрока в русскую рулетку. Добавление пяти конкретных символов — дерева, автомобиля, собаки, стула и человека — увеличивало выбор вдвое, снижая вероятность случайных попаданий до ничтожно малой величины.

В следующей серии Уошберн промахнулся только один раз из пятидесяти, а в дальнейших трех — ни разу. Рафаэль решил усложнить задачу, введя факторы эмоций и осознанности.

— Слушайте, оба! — сказал он хрипло. — Не знаю, как вы этого добились, но по всем сериям вы дали практически стопроцентный результат, и не мне вам объяснять, что это означает. Ну, так продолжим, пока не установим на сколько еще вас хватит.

В следующей серии Уошберн промахнулся четыре раза, далее — два раза, а в последующих пяти не допустил ни одной ошибки. Только когда Рафаэль выключил записывающее устройство, Джин с Уошберном не могли поверить, что Рафаэль вовсе не подделал результаты опытов с целью воздействия на них, но что так было на самом деле. Когда же наконец убедились, то посмотрели друг на друга с опаской.

— Мне кажется, Джин, — сказал Рафаэль, — нам сейчас самое время выпить кофе. Все это необходимо осмыслить.

Пока Джин варила кофе, Джо Уошберн бродил по лаборатории, ухмылялся до ушей, поматывал головой и бил правым кулаком в левую ладонь. Рафаэль закурил было

новую сигару, но тут же погасил ее, чувствуя, что должен немедленно поделиться с кем-нибудь тем, что произошло. Он подошел к телефону и уже протянул руку к трубке, когда раздался звонок.

— Вас вызывает междугородняя, доктор Рафаэль, — сказала телефонистка. — Профессор Моррисон из Кливленда.

— Благодарю вас, — машинально произнес Рафаэль, ошеломленный таким совпадением. Ведь он собирался позвонить именно Моррисону, ближайшему своему другу из горстки людей, которые продолжали упрямо исследовать область экстрасенсорного восприятия. Он не сомневался, что знает, чем вызван этот звонок, и возбужденный голос в трубке подтвердил его предположение.

— Алло! Фергес? Слава Богу, я вас застал! Вы ни за что не угадаете, что у нас творится.

— Угадаю, — ответил Рафаэль.

— Ну-ка, ну-ка!

— Вы начали получать стопроцентные попадания в телепатических экспериментах.

Он ясно расслышал, как Моррисон охнул от изумления.

— Вот именно! Но как вы узнали?

— Может быть, — мрачно ответил Рафаэль, — я и сам телепат.

8

Только к вечеру Джек Бретон справился с волнением, которое пробудило в нем случайно прочитанное четверостишие.

Он расспрашивал о нем Кэт со всей настойчивостью, на какую мог рискнуть, а когда узнал, каким образом оно появилось на листке, притворился, будто очень интересуется автоматическим письмом. Кэт словно была очень польщена и довольна тем, что он разделил ее увлечение,

и подробно изложила все, что ей было известно о медиумических способностях Мириам Палфри.

Все больше и больше тревожась, Бретон просмотрел сотни листков с автоматическими записями и убедился, что до этого вечера ничего подобного из-под пера Мириам Палфри не выходило. И написала она эти строки всего за час-другой до его появления во Времени Б, что вряд ли могло быть случайным совпадением. Как он ни перегруппировывал факты, единственным их объяснением оставалась телепатия, а ему вовсе не хотелось, чтобы кто-то читал его мысли.

На следующее утро его догадка, какой бы правдоподобной она ни казалась, подтвердилась самым неожиданным образом. С его появлением отношения Кэт и Джона зримо ухудшились. Джон замкнулся еще больше, его тон, когда он упоминал Кэт, словно бы мучительно осмысляя свою жизнь, обретал особую едкость. И как будто утверждая свое право на независимое существование в своей вселенной, он непрерывно расхаживал по дому с приемником под мышкой, включая его на полную мощь, едва начиналась передача последних известий.

Те, которые успевал услышать Джек Бретон, словно бы указывали, что происходят какие-то весьма неожиданные события, но он был так поглощен своей личной судьбой, что не обращал внимания на аномалии, ставящие ученых в тупик. И если бы он не начал пересматривать свои планы, учитывая, что Мириам Палфри словно бы выхватила что-то прямо из его сознания, он пропустил бы мимо ушей сообщение, что в нескольких университетах телепатические эксперименты начали давать потрясающие результаты. После этого Мириам из необъяснимой угрозы была низведена до уровня множества явлений, творящихся на заднем плане.

А вот в отношениях со своим альтер эго Джек Бретон, как ни странно, никакого ухудшения не обнаружил. Большой дом переполняло почти физическое напряжение, пока Кэт и Джон маневрировали в ожидании, кто же из них первым нарушит сковавшее их душевное оцепенение. Но порой Джек оказывался с Джоном как бы в тихой заводи, и они разговаривали точно близнецы, встретившиеся после многолетней разлуки. С легким удивлением он обнаружил, что их общее

детство Джон помнит гораздо полнее и подробнее. Несколько раз он принимался спорить с Джоном о подлинности того или иного случая, и вдруг в его мозгу словно открывался какой-то ящичек, и калейдоскопические обрывки воспоминаний убеждали его, что Джон прав.

Джек предположил, что воспоминания закрепляются, если их вызывают часто, а Джон Бретон в течение последних девяти лет на каком-то этапе начал жить в прошлом. Неполадки жизни, какой она стала, толкнули его искать утешения в радостях былого.

Как ни мало прожил Джек в их доме, он успел заметить интерес Джона к старым фильмам, настолько его поглощавший, что он то и дело сравнивал людей с прежними звездами экрана. Мастерская в подвале была увешана фотографиями автомобилей тридцатых годов с их маленькими вертикальными ветровыми стеклами. («Я бы с наслаждением прокатился на таком близоруком старичке, — сказал Джон как-то. — Просто чувствуешь запах пыли, набившейся в их широкие матерчатые сиденья!») А высвобождаясь из прошлого, он избегал реальностей человеческого общения в настоящем, с головой уходя в инженерные и коммерческие проблемы своей фирмы.

Джек Бретон с радостью выслушивал все сведения о ее делах — ему необходимо было располагать наиболее полной возможной информацией, когда осуществится подмена. Кроме того, это давало ему возможность установить один факт, без чего его план был обречен на заведомую неудачу...

— Гравиметрические съемки, естественно, стали невозможными, — заметил после обеда Джон Бретон. — Утром Бюро стандартов так и объявило — сила тяготения уменьшается. Она всегда флуктуировала, и я побьюсь об заклад, что мы просто переживаем нисходящую стадию необычно глубокого колебания, и все же странно, что в радиопередачах этот вопрос затрагивается так мало. В конце-то концов сила тяготения составляет основу основ. Возможно, на что-то наложен запрет.

— Не думаю, — рассеянно ответил Джек, представляя, как Кэт сейчас наверху у себя в спальне приводит в порядок свое оперение.

— Ну хотя бы гравиметры в полной исправности. А то мы с Карлом беспокоились. А у тебя он был? Карл Тафер?

— Да. Фирма перешла к нему и Хетти. (Может быть, Кэт расхаживает голая в грешной полутьме за опущенными шторами.)

— Да и выйди гравиметры из строя, это было бы не так уж страшно. Было время, когда все мое оборудование исчерпывалось гравиметром, теодолитом да парочкой армейских нивелиров, списанных как устаревшие. До того, как я начал заключать контракты на бурение и вообще на обслуживание скважин.

Джек неожиданно заинтересовался.

— А новые бессверловые буры? С распылителем вещества? Вы ими пользуетесь?

— У нас их три, — оживляясь, ответил Джон. — Мы ими пользуемся для бурения всех широких скважин. Карлу они, правда, не нравятся, так как не дают кренов. Зато работают быстро и чисто. Можно пробить двухфутовую дыру в любой породе, а на поверхности подается одна микропыль.

— Я их в действии никогда не видел, — сказал Джек с хорошо разыгранным огорчением. — Вблизи от города установки нет?

— Ближайшая в двадцати милях к северу отсюда, у главного шоссе на Силверстрим. — В голосе Джона было сомнение. — Только не вижу, как ты мог бы там побывать. Если нас увидят вдвоем, это вызовет разговоры.

— Ну, с этим скоро все будет в порядке.

— Да? — В тоне Джона Бретона появилось подозрение, и Джек спросил себя, не догадывается ли он об уготованной ему судьбе.

— Естественно, — быстро сказал Джек. — Должны же вы с Кэт прийти к решению. Не понимаю, почему вы тянете. Почему не признаетесь, что надоели друг другу до смерти, и не положите этому конец?

— Кэт тебе что-нибудь говорила?

— Нет, — осторожно ответил Джек, не желая ускорять кризис, пока полностью к нему не подготовится.

— Что же... Как только она соберется с духом сказать, о чем она думает, я ее тут же выслушаю. — По квадратно-

му лицу Джона скользнуло выражение мальчишеской воинственности, и Джек понял, что инстинкт его не обманул: ни один мужчина не отказался бы добровольно от такого права, как Кэт. И проблему треугольника могли разрешить только два механизма — пистолет, спрятанный у него в спальне, и бур у шоссе на Силверстрим.

— Тебе настолько важно, чтобы первый шаг сделала Кэт?

— Если ты не будешь копаться в моей душе, я не буду копаться в твоей, — многозначительно сказал Джон.

Джек мягко ему улыбнулся. Слово «копаться» вызвало у него образ микропыли, в которую превратился труп Джона, абсолютно неотличимой от всей остальной, ставящей в тупик любое следствие.

Едва Джон отправился в контору, Джек принялся считать минуты, представляя, как Кэт вот-вот спустится к нему. Но спустилась она в твидовом костюме с поясом и высоким меховым воротником.

— Решила прогуляться? — Он попытался скрыть свое разочарование.

— За покупками, — сказала она деловитым голосом, от которого ему почему-то стало больно.

— Останься!

— Но ведь нам так или иначе надо есть. — В ее тоне ему послышалась враждебность, и вдруг он осознал, что она избегала его все время после их единственного физического сближения. Она могла чувствовать себя виноватой... из-за него. Эта мысль ввергла его в панику.

— Джон поговаривает о том, что уедет. — Бретон выпалил эту ложь, как влюбленный мальчишка, почти против воли, вполне сознавая, что должен подготовить ее к исчезновению Джона с такой осторожностью, с такой бережностью, к каким ему еще никогда не приходилось прибегать. Кэт остановилась в нерешительности между ним и дверью. Пушок на ее щеках заблестел на солнце точно иней, и ему показалось, что снова в морге и видит ее в ящике... Ему стало страшно.

— Джон имеет право уехать, если захочет, — сказала она наконец и вышла.

Минуту спустя он услышал, как в гараже взревела ее машина. Он встал у окна, чтобы посмотреть, как она про-

едет мимо, но стекла были подняты, и за прямоугольниками отраженного в них неба Кэт промелькнула неясным пятном.

Бретон отвернулся от окна в яростном возмущении. Оба его создания — люди, которых он сотворил так, словно попирал Землю среди библейских молний, вдыхая жизнь в бездушную глину — прожили без него девять лет. Теперь, вопреки тому, что им стало известно, они упорно действуют самостоятельно, игнорируя его, когда им удобно, бросают одного в доме, где ему мучительно быть одному. Стиснув кулаки, Бретон прошелся по безмолвным пустым комнатам. Он готовился выждать неделю, но ситуация изменилась и продолжала меняться. Пожалуй, надо действовать быстрее и решительнее.

В окне задней комнаты он увидел серебристый купол обсерватории за буками, и в нем пробудилось невольное любопытство. С первой минуты его появления между ними тремя возник инстинктивный, не облеченный в слова договор: никто не должен заподозрить, что существует два Бретона, а потому из дома ему выходить не полагалось. Но ведь сад надежно укрыт от соседних домов, а чтобы дойти до обсерватории и скрыться внутри, ему и минуты не потребуется.

Он прошел на кухню, осторожно поглядел из-за занавески на стеклянной двери и выскользнул в крытый внутренний дворик. Октябрьский лимонно-желтый солнечный свет струился между древесными стволами, вдалеке слышалось терпеливое размеренное жужжание газонокосилки. Бретон зашагал к обсерватории.

— Э-эй! Не работаем сегодня? — донесся сзади чей-то голос. Бретон судорожно обернулся. Окликнул его высокий ладный мужчина лет сорока, который вышел из-за угла дома. На нем был хороший спортивный костюм, сидевший словно форма, а его кудрявые волосы поседели на висках. У него было широкое загорелое лицо и крохотный нос, словно бы и не разделявший широко посаженные голубые глаза.

Бретона пробрала почти суеверная дрожь — он узнал лейтенанта Конвери, того, кто в другом потоке времени

приехал сообщить ему о смерти Кэт, — но он сохранил полное самообладание.

— Сегодня нет, — сказал он, улыбнувшись. — Человеку иногда необходимо расслабиться.

— Вот уж не знал, что у вас есть такая потребность, Джон.

— Есть-есть. Только уступаю я ей не часто, вот и все.

Бретон заметил, что Конвери назвал его по имени, и тщетно пытался вспомнить имя лейтенанта. Ну почему такое невезение!

Конвери улыбнулся, показав поразительно белые зубы, которые выглядели только еще более ослепительными от двух-трех желтоватых крапинок.

— Рад слышать, что вы не трудитесь круглые сутки, Джон. Чувствуешь себя не таким отпетым лентяем.

«Опять «Джон»! — подумал Бретон. — Значит, я не могу называть его лейтенантом».

— Ну а что же привело вас сюда?

— Да так. Парочка мелких служебных дел по соседству. — Конвери опустил руку в карман. — Так заодно я принес вот это. — Он вытащил бурый камешек и протянул Бретону.

— А да! — Бретон оглядел камешек, словно бы загнутый в сегментированную спираль. — Так...

— Ага. Моему мальчишке его дал школьный приятель. И я обещал, что попрошу вас... — Его голос выжидающе замер.

Бретон смотрел на спиральный камешек, лихорадочно соображая. Кэт сказала, что Конвери заходит иногда выпить кофе с Джоном и поговорить об окаменелостях. Видимо, потому, что Джон — геолог-профессионал. И, следовательно, должен разбираться в окаменелостях? Он постарался вернуться на девять с лишним лет назад к тем дням, когда его интересовали эти забальзамированные в камне путешественники во времени.

— Вполне приличный аммонит, — сказал он, моля Бога, чтобы Конвери удовлетворился таким общим определением.

Конвери кивнул.

— Ну а возраст?

— Примерно двести пятьдесят миллионов лет. Чтобы определить точнее, необходимо знать, где именно его нашли.

— Спасибо. — Конвери забрал окаменелость и положил назад в карман. Его умные глаза вдруг блеснули, и Бретон понял, что отношения лейтенанта с другим Бретоном совсем не так просты. — Джон!

— А? («И что он так часто повторяет это имя?!»)

— Вы что-то похудели?

— Спасибо, что заметили. Ведь очень обидно сидеть на диете без видимых результатов. Так и подмывает бросить все.

— На глазок вы семь-восемь фунтов сбросили.

— Так и есть. И отлично себя чувствую.

— А по-моему, прежде вы выглядели лучше, Джон, — задумчиво произнес Конвери. — И вид у вас усталый.

— Так я же устал. Потому и решил побездельничать денек.

Бретон засмеялся, и Конвери присоединился к его смеху. Тут Бретон вспомнил про кофе.

— Рискните выпить чашку кофе, сваренного мной? Кэт отправилась по магазинам.

— А мисс Фриц?

Бретон был парализован, но тут же вспомнил, что это фамилия приходящей домработницы.

— Мы дали ей небольшой отпуск, — объяснил он небрежно. — Ей ведь тоже требуется отдых.

— В таком случае, Джон, готов дегустировать ваше варево. Конвери распахнул кухонную дверь и препроводил Бретона внутрь. Занимаясь кофе, Бретон подумал, что им обоим должно быть известно, предпочитает ли другой кофе с сахаром и сливками или без, и нашел выход из положения, заранее поставив на кухонный стол сахарницу и сливочник. Домашние хлопоты успокоили его. Напрасно он запаниковал. Кэт же сказала, что Конвери иногда заходит поболтать за кофе об окаменелостях — и произошло именно это. Даже если Кэт вернется прямо сейчас, Конвери не заметит ничего необычного, а Джона Бретона можно ждать не раньше, чем через три часа.

Бретон пил кофе черным и таким горячим, что его поверхность застлал серый курящийся пар. Конвери подлил

сливок, но сахара не положил и принялся прихлебывать с видимым удовольствием. Заговорил он о метеорных ливнях, рассыпающих фейерверочные огни в ночном небе. Обрадовавшись этой теме, которая уравнивала его со всеми обитателями вселенной Времени Б, Бретон охотно побеседовал о метеорах.

— Пора впрягаться в лямку, — сказал Конвери, допив вторую чашку. — Нам, слугам закона, не положено прохлаждаться за кофе. — Он встал и отнес чашку с блюдечком в мойку.

— Такова жизнь, — не слишком находчиво ответил Бретон. Он попрощался с Конвери во внутреннем дворике и вернулся в дом, пьяный от радости. Теперь он мог без задержки приступить к операции замещения Джона Бретона. Прежде его удерживало опасение, сумеет ли он пробыть некоторое время в обществе знакомых Джона, не вызвав подозрений или хотя бы недоумения. Но он отлично провел встречу с лейтенантом Конвери, безупречно провел. Следовательно, дальнейшие отсрочки ничего не дадут, тем более что эмоциональная реакция Кэт все более усложнялась.

Джек Бретон поднялся в гостевую комнату, достал пистолет, спрятанный в недрах комода, и прижал к губам прохладный маслянистый металл.

9

Когда лейтенанту Блезу Конвери было четыре года, мать как-то сказала ему, что глухонемые люди «разговаривают руками».

Он тут же решил, что это будет полезным и очень интересным свойством и для совсем нормального человека. И следующие три года малыш Конвери каждый день, затворившись у себя в комнате, посвящал некоторое время тому, чтобы постигнуть тайну. Уставившись на свою правую кисть, он по-всякому сжимал и изгибал ее в надежде най-

ти волшебное сочетание движений, которое заставит заговорить его ладонь. В конце концов он столь же случайно узнал, что его мать подразумевала язык жестов, и немедленно оставил свои упражнения, не испытав ни малейшего сожаления. Он установил истину и был доволен.

Когда лейтенанту Блезу Конвери было семь лет, его отец показал ему рисунок, состоявший из вписанного в круг квадрата, пересеченного двумя диагоналями. Отец сказал, что можно повторить этот рисунок, не отрывая карандаша от бумаги и не проводя его второй раз ни по одной из линий. В свободные минуты Конвери на протяжении шести лет пытался решить эту головоломку.

После первого же месяца он практически не сомневался, что повторить рисунок, соблюдая все условия, попросту невозможно, однако его отец, который тем временем скончался, утверждал, будто видел своими глазами, как это делается. И потому он продолжал возиться с головоломкой. А потом случайно прочел в журнале биографию великого математика XVIII века Леонарда Эйлера, основателя топологии. В статье упоминалось, как Эйлер решил задачу с семью кенигсбергскими мостами, доказав, что можно перейти их все, причем дважды не проходя ни по одному. Далее в статье говорилось, что эйлеровское доказательство позволило сразу определять, имеется ли решение у подобной задачи или нет. Нужно только сосчитать линии, сходящиеся в каждой точке рисунка, и если число их окажется нечетным более чем в двух случаях, значит, повторить его, не отрывая карандаша от бумаги и не проводя его второй раз по какой-либо из линий, невозможно.

И вновь Конвери прекратил логическое следствие, удовлетворенный тем, что пришел к окончательному выводу. Вот так отшлифовывалась система мышления, благодаря которой он стал полицейским особого типа.

В полицию он пошел почти автоматически, однако — несмотря на отличную академическую квалификацию — не сделал той карьеры, на которую, казалось бы, имел все права. Хороший полицейский начальник выучивается ладить с профессиональной статистикой. Он смиряется с тем, что большинство преступлений раскрытию не поддаются, хотя

есть и исключения, и распределяет свою энергию соответственно: преувеличивает успех, занимает неудачи.

А Блез Конвери слыл среди сослуживцев «пиявкой» — человеком, по натуре не способным, раз впившись в проблему, потом ее оставить. Начальство и товарищи с уважением относились к списку его служебных успехов, но в управлении бытовала шутка, что заведующий архивом время от времени совершал тайные налеты на письменный стол Конвери, чтобы заполнить зияющие пустоты на своих полках.

Конвери понимал и свои завихрения, и то, как они сказываются на его карьере. Он часто решал изменить свой подход и месяц-другой свято придерживался своих благих намерений, но тут, когда он, казалось, уже достигал желаемого, его подсознание подкидывало ему новый подход к следствию, ведущемуся уже три года, и его желудок обжигала ледяная эгоистическая радость. Конвери знал, что этот момент решает все — его личный вариант качества, которое превращает других людей в великих религиозных реформаторов, в бессмертных художников, в героев на поле боя, чья жизнь тут же обрывается. Он не мог противостоять этой мистической магии и не разочаровывался, поджидал ли его успех или нет.

И теперь, проезжая по обсаженным деревьями улицам, Конвери чувствовал, как по его нервам разливается этот полярный экстаз.

Он вел свой почтенный, но ухоженный «плимут» мимо зеленых газонов, перебирая в памяти обстоятельства дела девятилетней давности, возвращаясь в прошлое к Шпиделю, к Бретону... Дело это было для него единственным в своем роде. И не потому, что он потерпел неудачу (такое случалось много раз), а потому, что он так невероятно ошибся.

Конвери был в участке, когда туда привезли Кэт Бретон, и он успел расспросить ее в первые минуты ошеломления, пока сотрудница вымывала из ее волос брызги человеческого мозга.

Суть ее бессвязного рассказа сводилась к тому, что на вечеринке она и ее муж поссорились. Она отправилась дальше одна пешком, но по глупости решила сократить дорогу и свернула в парк, где подверглась нападению.

Внезапно рядом возник мужчина, всадил пулю в голову нападавшего и сразу же исчез в темноте. А Кэт Бретон бросилась бежать и рухнула без чувств.

Обдумывая эти факты, Конвери нашел им два возможных объяснения. Начал он с того, что отбросил идею, что это было цепью случайностей — что таинственный незнакомец просто так прогуливался в нужную минуту по парку с охотничьим ружьем в руках. Значит, стрелок знал нападавшего, подозревал, что он психопат-убийца, выслеживал его, пока не удостоверился окончательно, и тут же покончил с ним. Инстинктивно Конвери сразу же отверг эту теорию, что не помешало ему произвести необходимую проверку.

Мысли же его сосредоточились на муже Кэт Бретон. Что, если поломка машины и последовавшая ссора были спланированы заранее? Что, если муж Кэт Бретон хотел избавиться от нее и спрятал ружье в багажнике? Он прокрался следом за ней в парк и уже собирался выстрелить, когда Шпидель бросился на нее, и попал в нападавшего.

Вторая теория зияла дырами, но у Конвери был большой опыт в заделывании дыр. Он начал с того, что спросил у Кэт Бретон, не узнала ли она стрелявшего. Все еще в шоке, она помотала головой... Однако Конвери заметил, как сжались ее зубы, словно она произнесла про себя имя, начинающееся с «Дж».

И когда он явился в дом Бретона, вооруженный описанием, полученным от подростков, которые видели стрелявшего... И когда он прочел в глазах Бретона ужас вины, он понял, что нашел убийцу.

Когда же выяснилось, что к Бретону нельзя подступиться, Конвери почувствовал себя оскорбленным, хотя и не мог понять почему. Он потратил недели и недели, пытаясь обесценить алиби, которые обеспечивали Бретону показания соседей, видевших, как он стоял у окна гостиной. Он извел судебных экспертов, настаивая, что они допустили ошибку и из этого ружья все-таки можно было выстрелить. А потом долго экспериментировал со старым ружьем для охоты на оленей — стрелял из него, очищал разными растворами, присыпал пылью... В конце концов ему пришлось признать, что Бретон, от которого так и разило виной, абсолютно неуязвим.

Для любого другого полицейского этого хватило бы, чтобы закрыть дело и заняться чем-то более плодотворным, но демон Конвери крепко сидел у него на плече, нашептывая сладкие обещания торжества. И вот теперь по дороге домой этот голос внезапно вновь обрел силу. На протяжении девяти лет ему иногда казалось, что навещать Бретона — значит уступать мании, но на этот раз он безошибочно почувствовал запах страха, вины...

Конвери резко свернул на бетонную площадку перед своим домом, чуть было не задев бампером трехколесный велосипед младшего сына. Он вышел из машины и, закрывая дверцу, установил, какая петля поскрипывает, сходил в гараж за масленкой и хорошенько смазал петли всех четырех дверец. Потом отнес масленку на место, открыл внутреннюю дверь и через чулан прошел на кухню.

— Ты что-то поздновато, милый. — Джина, его жена, стояла у стола с доской для разделывания теста, руки у нее были по локоть в муке, а теплый воздух кухни прельстительно благоухал мясными пирожками.

— Извини, — сказал Конвери. — Меня задержали. — Он похлопал жену пониже спины, рассеянно взял цукат и принялся его покусывать.

— Блез!

— Что, детка?

— Ты опять был у Бретона?

Конвери перестал жевать.

— Почему ты спрашиваешь?

— Тим сказал, что ты опять рылся в его коллекции. Он сказал, что аммонита нет на месте.

— Э-эй! — Конвери засмеялся. — А я-то думал, что тут кроме меня сыщиков нет.

— Но где ты был?

— Ну, заехал туда на несколько минут.

— Ах, Блез! Что они могу подумать! — Лицо Джины Конвери омрачилось.

— С какой стати? Просто заглянул по-дружески.

— Люди не питают дружбы к сыщику, который допрашивал их в деле об убийстве. И особенно люди с такими деньгами.

— Детка, не стоит из-за этого расстраиваться. У меня с Джоном Бретоном прекрасные отношения.

— Воображаю! — сказала Джина вслед Конвери, который прошел в гостиную, сел и начал машинально листать журнал, не видя страниц. Что-то очень странное произошло с Бретонами девять лет назад, и сегодня он словно вернулся во времени к очагу напряжения. Бретон выглядел не только похудевшим, но и постаревшим, и одновременно — моложе, менее искушенным, менее самоуверенным, с совсем иной аурой. «Я свихнулся, — думал Конвери. — Ауры не улики. Разве что эта вспышка телепатии, про которую говорили в последних известиях, начала распространяться!» Он закрыл журнал, взял было второй, но тут же с отвращением бросил обратно.

— Джина! — воскликнул он. — Когда мы будем обедать?

— Около пяти. Потерпишь?

— Отлично. Мне надо еще кое-куда съездить.

Секунду спустя возле Конвери словно взорвалась мучная бомба: его жена влетела в гостиную из кухни и принялась размахивать кулаком у него под носом.

— Блез Конвери! — свирепо прошипела она. — Из этого дома ты выйдешь только через мой труп.

Конвери посмотрел на ее раскрасневшееся лицо с легким удивлением.

— Не понимаю...

— Тим сегодня празднует день рождения. Почему я пеку пирожки, как ты думаешь?

— Но день его рождения еще только на следующей неделе! — возразил Конвери.

— Знаю. А день рождения Кеннета был на прошлой неделе! А празднуют они вместе — посредине! — Джина уничтожающе уставилась на него. — Тебе бы пора это знать!

— Знаю, знаю, детка. Просто выскочило из головы. Послушай, они же не обидятся, если я на этот раз пропущу...

— На этот раз! Ты уже пропустил в прошлом году и в позапрошлом. И сегодня ты никуда не пойдешь.

— Но у меня дело.

— Подождет до завтра.

Конвери поглядел в глаза жены, и то, что он увидел в них, сразу заставило его сдаться — с улыбкой, чтобы сохранить остатки достоинства. Когда она вернулась на кухню, он театрально пожал плечами — перед самим собой, за неимением других зрителей — и взял журнал. Джон Бретон никуда не делся за девять лет и может подождать еще немножко.

10

Расколов безмолвие дома, зазвонил телефон, и Джек Бретон бросился к нему, но замер в неуверенности, едва его пальцы легли на прохладный изгиб трубки.

Два часа одиночества в затененной дневной тишине вызвали у него смутные дурные предчувствия, в которые врывались минуты хвастливого самоупоения. Прежде в такой день он с секунды на секунду ждал бы мерцания, бегущих геометрических фигур, которые возвещали бы сильнейший приступ гемикрании. Но после первого прыжка переходы практически прекратились — резервуар нервной энергии истощился, иссяк вот уже год. И теперь, держа дрожащую руку на телефонной трубке, он ощущал только громадность того, что надвигалось, чувствовал, как жизнь и смерть балансируют на лезвии ножа.

Он взял трубку, прижал ее к уху и молча ждал.

— Алло! — Мужской голос с легким английским акцентом. — Это вы, Джон?

— Да, — осторожно ответил Бретон.

— Я был не уверен, добрались ли вы. Я позвонил в контору, но мне сказали, что вы уехали. Было это минут пять назад, старина. Ну и жали же вы на газ!

— Прокатился с ветерком. — Бретон принял небрежный тон. — А кто говорит?

— Да Гордон же! Гордон Палфри. Послушайте, старина. Со мной рядом Кэт. Мы с Мириам столкнулись с ней в супермаркете... Она хочет поговорить с вами.

— Хорошо. — Бретон с усилием припомнил, что Палфри — те поклонники автоматического письма, которыми увлекалась Кэт. У Мириам вроде есть телепатические способности... При мысли, что ему, возможно, придется с ней разговаривать, Бретону стало не по себе.

— Алло... Джон? — Голос Кэт был чуть прерывистым, и Бретон понял, что она знает, кто снял трубку.

— Я слушаю, Кэт.

— Джон, Мириам сказала мне, что получает просто невероятные результаты. Последние два дня они просто фантастические. Я так за нее рада.

«Каким образом, — с горечью подумал Бретон, — Кэт, моя Кэт, могла связаться с подобными людьми?»

Вслух он сказал:

— Видимо, очень интересно. Ты мне звонишь из-за этого?

— Отчасти. Мириам сегодня вечером устраивает сеанс для близких друзей и пригласила меня. Джон, я просто сгораю от нетерпения. Ничего, если я поеду отсюда прямо к ним? Ты ведь сможешь один вечер сам о себе позаботиться?

Отсутствие Кэт в ближайшие часы устраивало Бретона как нельзя лучше, и тем не менее его рассердило ее почти религиозное отношение к каким-то Палфри. Только страх впасть в тон второго Бретона удержал его от возражений.

— Кэт, — спросил он мягко, — ты меня избегаешь?

— Конечно, нет. Просто мне не хочется упустить такой случай.

— Ты меня любишь?

Наступила пауза.

— По-моему, тебе нет никакой нужды задавать этот вопрос.

— Ну, хорошо. — Бретон решил действовать. — Но, Кэт, по-твоему, разумно провести вечер не дома? Я ведь не шутил, понимаешь? Джон действительно может сорваться и уехать навсегда — он в таком настроении.

— Это решать ему. А ты против?

— Нет, но я хотел бы, чтобы вы оба твердо знали, что делаете.

— Я не могу об этом думать, — сказала Кэт, и радостное возбуждение исчезло из ее голоса. — У меня нет на это сил.

— Не тревожься, любимая, — нежно сказал Бретон. — Иди развлекись. Мы это уладим... как-нибудь.

Он положил трубку и взвесил, что делать дальше. По словам Гордона Палфри, Джон уже уехал из конторы и, значит, может быть здесь с минуты на минуту. Бретон кинулся вверх по лестнице и забрал пистолет из тайника. Когда он вышел в коридор, металлическая тяжесть оттягивала боковой карман пиджака. Чтобы создать впечатление, будто Джон Бретон действительно в холодной ярости бросил свою жену и свое дело, необходимо забрать и уничтожить одежду и другие вещи, которые он взял бы с собой... Деньги! Джек Бретон взглянул на часы: банк уже закрыт. Он заколебался, а не заподозрит ли Кэт что-нибудь, если Джон исчезнет в никуда без порядочной суммы? Возможно, в первые дни или даже недели она об этом не вспомнит, но рано или поздно...

С другой стороны, она никогда специально деньгами не интересовалась и вряд ли станет проверять, как именно Джон устроился в смысле финансов. Джек решил отправиться в банк прямо с утра и перевести часть вклада в банк в Сиэтле. Позже, если потребуется, можно будет для правдоподобия снимать там со счета те или иные суммы.

Он достал из стенного шкафа два чемодана, набил одеждой и снес в холл. Пистолет то и дело ударял его по бедру. В сознании у него пряталась мысль, что выстрелить в Джона Бретона будет не легко, но она тонула в свирепом предвкушении — приближалось завершение девятилетних отчаянных стараний и пути назад не было. Главное же заключалось в том, что жизнь Джона Бретона создана им — он подарил Джону девять дет существования, не предусмотренные космическим порядком вещей, и пришел срок взыскать долг. «Я дал, — мелькнула у него непрошеная мысль, — я и возьму...»

Внезапно Бретона охватил ледяной холод. Он стоял, дрожа, в холле и смотрел на себя в большом, чуть золотистом зеркале, пока — вечность спустя — в тихий бурый воздух старого дома не ворвалось басистое урчание «линкольна» Джона Бретона. Минуту спустя в холл через заднюю дверь вошел Джон в своей автомобильной куртке. Он увидел чемоданы, и его глаза сузились.

— Где Кэт? — По безмолвному договору оба они обходились без формальной необходимости здороваться.

— Она... она обедает у Палфри и останется там на вечер. — Джек с трудом находил слова. Еще несколько секунд — и он убьет Джона, но при мысли, что вот сейчас он увидит такое знакомое тело, изрешеченное пулями, вызвала у него непреодолимую робость.

— Ах так! — В глазах Джона была настороженность. — А зачем тебе понадобились мои чемоданы?

Пальцы Джека сомкнулись на рукоятке пистолета. Он мотнул головой, не в силах произнести ни слова.

— У тебя скверный вид, — сказал Джон. — Ты не заболел?

— Я уезжаю, — солгал Джек, оглушенный неожиданным открытием, что не может спустить курок. — Чемоданы я тебе потом верну. Я взял кое-какую одежду. Ты не против?

— Нет, не против. — В глазах Джона появилось облегчение. — Но... ты остаешься в этом... потоке времени?

— Да. Мне достаточно знать, что Кэт жива и что она не далеко.

— А-а! — Квадратное лицо Джона отразило недоумение, словно он ожидал услышать что-то совсем другое. — Ты уезжаешь прямо сейчас? Может, вызвать такси?

Джек кивнул. Джон пожал плечами и повернулся к телефону. Ледяной паралич грозил сковать мышцы Джека, пока он вытаскивал пистолет из кармана. Шагнув к своему альтер эго, он изо всех сил ударил Джона за ухом рукояткой тяжелого пистолета. Колени Джона подогнулись, Джек ударил его еще раз и неуклюже упал вместе с ним. Он лежал на нем — их лица почти соприкасались — и с ужасом следил, как открываются затуманенные болью глаза Джона.

— Вот, значит, как, — прошептал Джон с каким-то сонным удовлетворением, словно засыпающий ребенок. Его веки сомкнулись, но Джек Бретон ударил его кулаком и продолжал ударять снова и снова, всхлипывая, пытаясь уничтожить образ собственной вины.

Наконец опомнившись, он откатился от Джона и, тяжело дыша, встал на четвереньки возле неподвижного тела. Потом поднялся на ноги, добрался до ванной и согнулся над

раковиной. Металлические краны холодили ему лоб — совсем как в тот раз, когда он совсем мальчишкой неудачно познакомился с действием алкоголя и точно в такой же позе ждал, чтобы его организм очистился. Но теперь получить облегчение было не так просто. Бретон ополоснул лицо холодной водой и вытерся, оберегая ободранные костяшки пальцев — из ссадин уже сочилась лимфа. Он открыл аптечку, ища пластырь, и его взгляд упал на флакон с зеленоватыми треугольными таблетками. Несомненно снотворное! Бретон прочел этикетку, подтвердившую его вывод.

В кухне он налил воды в стакан, отнес его в холл, где все еще лежал Джон Бретон, распростертый на горчичного цвета ковре. Он приподнял голову Джона и начал скармливать ему таблетки. Это оказалось труднее, чем он предполагал. Вода скапливалась во рту и глотке, и судорожный кашель извергал ее наружу вместе с таблетками. Бретон обливался потом. Прошло неизмеримое число бесценных минут, прежде чем Джон все-таки проглотил восемь таблеток.

Он отшвырнул флакон, поднял пистолет, сунул его в карман и перетащил неподвижное тело в кухню. Обшарив карманы Джона, он извлек бумажник, полный разных удостоверений личности, которые были ему необходимы для дальнейших сношений с внешним миром, а также связку ключей — в том числе и ключи от большого «линкольна».

Он вышел к машине, отогнал ее за дом и развернул так, что задний бампер почти уперся в обвитый плющом трельяж внутреннего дворика. Воздух был нагрет предвечерним солнцем, а вдали, за деревьями и кустами, все еще беззаботно стрекотала газонокосилка. Бретон открыл багажник и вернулся в кухню. Джон застыл в неподвижности, словно уже умер, лицо его покрывала прозрачная бледность. От носа по щеке растекся треугольничек крови.

Джек вынес его из дома и кое-как уложил в открытом багажнике. Заводя туда ноги, он заметил, что на одной нет туфли. Он опустил крышку багажника, но не запер ее и вернулся в дом. Туфля лежала сразу за дверью.

Бретон подобрал ее, побежал назад к «линкольну» и столкнулся с лейтенантом Конвери.

— Извините, Джон, что опять вас беспокою. — Широко посаженные голубые глаза настороженно поблескивали, полные злокозненной энергии. — По-моему, я кое-что забыл тут.

— Я... я вроде бы ничего не заметил.

Бретон слушал слова, срывающиеся с его языка, и удивлялся способности тела справляться со сложностями устной речи, пока сознание пребывает в шоке. Что Конвери здесь делает? Он уже второй раз появляется во дворике в самый неподходящий момент.

— Да окаменелость. Ну, моего сына. Дома я ее в кармане не нашел. — Улыбка Конвери была почти издевательской, словно он подначивал Бретона воспользоваться своим правом и вышвырнуть назойливого полицейского из своего дома. — Вы представить себе не можете, какую взбучку мне задали дома.

— По-моему, ее здесь нет. То есть я бы, конечно, заметил. Не мог бы не обратить внимания.

— Ну что же, — равнодушно ответил Конвери. — Наверное, я ее оставил где-нибудь еще.

Все это не было случайным, с тоской понял Бретон. Конвери очень опасен — умный фанатичный полицейский самого худшего типа. Человек с инстинктами ищейки, доверяющий им, упрямо цепляющийся за свои предположения вопреки логике и материалам следствия. Так вот, значит, почему Конвери время от времени навещал Джона Бретона все эти девять лет! Он затаил подозрения. Какой злобный каприз судьбы привел эту неуклюжую суперищейку на сцену, которую он с такой тщательностью подготовил на этот октябрьский вечер?

— Туфлю потеряли?

— Туфлю? — Бретон проследил направление взгляда Конвери и увидел, что сжимает в руке черную мужскую туфлю. — Ах да! Я становлюсь рассеянным.

— Как и мы все, когда нас что-то гнетет... Вот как с этой окаменелостью.

— Меня ничто не гнетет, — тотчас отозвался Бретон. — А вас что беспокоит?

Конвери отошел к «линкольну» и прислонился к нему, положив ладонь на багажник.

— Да ничего такого. Все пытаюсь заставить говорить мою руку.

— Не понимаю...

— Не важно. Да, кстати, раз уж мы заговорили о руках, у вас костяшки пальцев ободраны. Подрались с кем-нибудь?

— С кем бы это? — Бретон засмеялся. — Не могу же я подраться с самим собой!

— Ну, например, с типом, который пригнал вашу машину. — Конвери хлопнул ладонью по незакрытой крышке багажника и она задребезжала. — Эти механики так разговаривают с клиентами, что мне и самому часто хотелось отделать кого-нибудь. Это одна из причин, почему свою машину я содержу в порядке сам.

У Бретона пересохло во рту. Так, значит, Конвери заметил, что машины не было, когда он приходил в первый раз!

— Нет, — ответил он. — Я с моей станцией техобслуживания в наилучших отношениях.

— И что же с ней там сделали? — Конвери посмотрел на «линкольн» с пренебрежением практичного человека.

— Тормоза отрегулировали.

— А? Мне казалось, у этих бегемотов они саморегулирующиеся.

— Может быть. Я в них не заглядывал. («Долго ли еще это будет продолжаться?» — подумал Бретон.) — Знаю только, что они слабо схватывали.

— Хотите дельный совет? Прежде чем сесть за руль, хорошенько проверьте гайки на колесах. Я видел машины, у которых после проверки тормозов гайки были только чуть навинчены.

— Не сомневаюсь, что все в ажуре.

— Не доверяйте им, Джон. Если можно что-то не закрепить, чтобы тебя сразу за руки не схватили, они закреплять не станут.

Внезапно Конвери выпрямился и, прежде чем Бретон успел пошевельнуться, стремительно повернулся к багажнику, ухватил крышку за ручку, приподнял и с треском захлопнул.

— Видели? Она ведь могла отскочить на большой скорости. Очень опасная штука. Ну как, убедились?

— Спасибо, — пробормотал Бретон. — Весьма обязан.

— Не за что. Наша обязанность беречь налогоплательщиков. — Конвери задумчиво подергал себя за ушную мочку. — Ну, мне пора. У моих ребят день рождения, и мне вообще не полагалось отлучаться. До встречи!

— Всегда рад, — отозвался Бретон. — Заглядывайте в любое время.

Он неуверенно помялся, потом пошел следом за Конвери вокруг дома и успел увидеть, как зеленая машина под тявканье выхлопов понеслась по улице. Он повернулся и пошел назад к «линкольну», а холодный ветер гнал ему под ноги шуршащие листья. Последние слова Конвери были зловещими. Они показали, что зашел он не случайно и не просто так, а Конвери вряд ли бы проговорился нечаянно. У Бретона сложилось четкое впечатление, что его предупредили. Он вдруг оказался в неясном, а потенциально и губительном положении.

Пойти на риск и убить Джона Бретона, когда лейтенант Конвери, возможно, кружит по соседним улицам, ожидая дальнейшего, он не мог.

Однако не мог он и оставить Джона Бретона в живых, после того, что произошло. А времени искать выхода из этой дилеммы почти не было.

11

Прошло несколько десятилетий с тех пор, как генерал Теодор Эбрем в последний раз побывал на поле сражения, однако он постоянно ощущал, что обитает на эфемерной ничьей земле, разделяющей две военные машины, грознее которых не знавала кровавая история человечества.

Не выпадало часа, минуты, даже секунды, когда бы он со всей ответственностью не сознавал, что является жизненно важным компонентом передней линии обороны своей родины. В случае кульминационного столкновения от него

не потребовали бы нажимать на кнопки — орудия его ремесла были бумажными, а не стальными. Тем не менее он был воином, ибо бремя ответственности за техническую готовность мог выдержать только патриот и герой.

Кошмарное существование генерала Эбрема осложнялось еще и фактом, что ему приходилось иметь дело с двумя совершенно разными полчищами врагов.

Во-первых, нация, против которой его народу, возможно, когда-нибудь придется взяться за оружие; а во-вторых, его собственные ракеты, а также ученые и техники, которые создавали их и держали в состоянии боевой готовности. Иссеченный шрамами богатырь, предназначенный природой сражаться мечом и булавой, он не имел вкуса к войне машин, и еще меньше — к бесконечному ожиданию, ее единственной альтернативе. Насколько это было возможно, он избегал лично посещать подземные базы — слишком часто семь из восьми ракет страдали от каких-то неполадок в их невообразимо сложных внутренностях, а обслуживающий персонал не желал считаться с тем, что эти «мелкие неполадки», устранение дефектов и последующие испытания снижали ударную мощь их родины до малой ее номинальной величины.

Эбрем не понимал, почему баллистическая ракета обязательно должна состоять из миллиона деталей, и уж вовсе не мог постигнуть математику надежности, согласно которой соединение такого количества индивидуально безупречных компонентов неизменно создает капризное, непредсказуемое целое, чья эффективность колеблется от минуты к минуте. За годы пребывания на своем посту он проникся жгучей неприязнью к ученым и инженерам, кому он был обязан всеми минусами своего положения, и не упускал случая проявить ее.

Он посмотрел на часы. Доктор Раш, старший научный консультант министерства обороны, позвонил, прося принять его, и должен был вот-вот приехать. При мысли, что ему в конце рабочего дня придется терпеть жиденький голосок этого карлика, его наставительный тон, нервы генерала Эбрема, и без того натянутые, зазвенели как провода в бурю. Когда он услышал, что наружная дверь его

кабинета открылась, он хмуро наклонился над столом, готовый размозжить ученого силой своей ненависти.

— Добрый день, генерал, — сказал доктор Раш, входя. — Очень любезно с вашей стороны принять меня почти без предупреждения.

— Добрый день. — Эбрем впился взглядом в Раша, недоумевая, что могло случиться. Глаза коротышки ученого горели странным огнем — то ли от страха, то ли от облегчения, то ли от торжества. — Что нового?

— Я не совсем представляю, как вам объяснить, генерал.

Внезапно Эбрем понял, что Раш злорадствует, и его депрессия усилилась. Наверняка они обнаружили какой-нибудь конструктивный просчет — например, в насосе или каком-нибудь крохотном клапане — и потребуют немедленно произвести модификацию на всех установках.

— Надеюсь, вы сумеете все-таки изложить цель вашего прихода, — мрачно сказал Эбрем. — Иначе он утрачивает смысл.

Худое лицо Раша нервно задергалось.

— Дело не в моем умении излагать, а в вашем умении понимать. — Даже в ярости Раш выражался с педантичной наставительностью.

— Так упростите до моего уровня, — огрызнулся Эбрем.

— Ну, хорошо. Полагаю, вы замечали метеорный дождь, который длится уже порядочное время.

— Красивое зрелище, — ответил Эбрем с насмешкой. — И вы пришли обсуждать его со мной.

— Косвенным образом. Вы знаете, чем вызван этот беспрецедентный ливень?

— Если и знал, то забыл. У меня нет времени на научные пустяки.

— В таком случае я вам напомню. — К Рашу вернулось самообладание, и почему-то это встревожило генерала. — Вне всяких сомнений, сила тяготения слабеет. Прежде Земля двигалась по орбите, которую уже давно очистила от космического мусора, но с изменением константы тяготения орбита снова захламляется — отчасти в результате смещения самой планеты, но, главным образом, оттого, что воздействие на малые тела, видимо, заметнее. Метеорные дожди — это зримое доказательство, что сила тяготения...

— Тяготение! Тяготение! — взорвался Эбрем. — Мне-то какое дело до вашего тяготения?!

— Большое, генерал. — Раш позволил себе улыбнуться сжатыми губами. — Сила тяготения — одна из констант в расчетах, которые производятся компьютерами в ваших ракетах, чтобы обеспечить точное попадание в цель. А теперь эта константа уже не константа.

— Вы хотите сказать... — Эбрем умолк, осознав всю чудовищность этих слов.

— Да, генерал. Ракеты не будут точно поражать избранную цель.

— Но ведь вы же можете сделать допуск на ваше тяготение!

— Конечно. Но это потребует времени. Ослабление прогрессирует и...

— Сколько?

Раш небрежно пожал плечами.

— Месяцев шесть. Это зависит от очень многого.

— Но я же оказываюсь в невозможном положении. Что скажет президент?

— Не решусь высказать предположение, генерал, но у вас у всех есть одно утешение.

— Какое же?

— Все государства в мире столкнулись с этой же проблемой. Вы тревожитесь из-за какой-то горсти ракет ближнего действия, так подумайте, каково сейчас русским, американцам и прочим? — Раш говорил теперь с мечтательно-философской небрежностью, которая разъярила Эбрема.

— Ну а вы, доктор Раш? — сказал он. — Разве вы сами не тревожитесь?

— Тревожусь, генерал? — Раш посмотрел в окно, где пустыня плавилась в нарастающей жаре. — Если у вас найдется время послушать, я объясню вам, как научные пустяки — ваше выражение, генерал, — определят будущее человечества.

Он заговорил жиденьким монотонным, странно печальным голосом.

И слушая, генерал Эбрем впервые по-настоящему понял, что такое страх...

* * *

На Риджуэй-стрит в любую ясную ночь на верхнем этаже самого высокого дома можно было увидеть открытое окно. Особенно если светила луна.

Припоздавшие прохожие иногда замечали в черном прямоугольнике бледное движущееся пятно и соображали, что за ними опять подглядывает Уилли Льюкас. А прыщавое, обросшее каким-то пухом лицо Уилли искажала паника, и он отпрыгивал от окна, боясь, что его увидят.

Соседи напротив приходили к выводу, что Уилли старается заглянуть к ним в спальни, жаловались его брату, и ему попадало. Но Уилли не интересовали узкогубые тусклоглазые домохозяйки Риджуэй-стрит — как и неведомые красавицы, которые порой являлись ему во сне.

Просто Уилли любил смотреть на затихший городок, когда все остальные спали. В течение этих бесценных часов они словно умирали, оставляя его в покое, и некому было кричать на него, смотреть с сердитым раздражением...

Когда начали падать первые метеоры, Уилли был на своем посту — на верхнем этаже узкого высокого здания. Дрожа от волнения, он схватил старенький перламутровый театральный бинокль, украденный из лавки старьевщика Куни на углу, и навел его на темную чашу небес. Всякий раз, когда он видел сверкающий метеор, который в расстроенном бинокле казался радужным, в его мозгу начинали копошиться бесформенные пугающие мысли. Обостренные инстинкты, свойственные тем, кто остается за гранью нормального существования, подсказывали ему, что эти стремительные полоски света несут особую весть ему одному — но вот какую?

Уилли следил за ними до самого рассвета, скорчившись в знобящей тьме тесного чердака, а тогда закрыл окно и отправился спать.

Когда он проснулся и спустился вниз позавтракать, бакалейная лавка на первом этаже была полна покупателей и Аде с Эмили, его старшим сестрам, некогда было приготовить ему что-нибудь, и Уилли намазал себе бутерброды банановой пастой с мармеладом.

Он жевал рассеянно, почти не видя страниц книги, которую листал, не слышал рокота картофелин, скатыва-

ющихся в лавке на весы. Ибо во сне, прямо как в Библии, ему открылось страшное, холодящее кровь значение падающих звезд.

Он испытывал светлый восторг от того, что на него было возложено оповестить об этом мир, но его давила грозная ответственность. До сих пор Уилли никогда ни за что не отвечал, и он сомневался в себе, а уж тем более когда ему предстояло дело столь немыслимой важности. Весь день он бродил по темному унылому дому, стараясь придумать, как выполнить поручение Бога, но ничего достойного так и не придумал.

В сумерках его брат Джо вернулся с газового завода, где работал, и очень рассердился, что Уилли не побелил стену во дворе. Уилли его почти не слушал, кротко терпел поток сердитых слов, а сам мысленно искал и искал способ, как оправдать доверие Бога.

Ночью метеоры сверкали даже ярче, чем накануне, и Уилли охватила непривычная потребность поторопиться. Он чувствовал себя глубоко виноватым, что так ничего и не сделал, чтобы донести до людей Весть. Он тревожился все больше, а когда Уилли бывал чем-то поглощен, он впадал в состояние, близкое к идиотизму. Рассеянно бродя по лавке, он опрокинул корзину с помидорами, а потом уронил ящик с пустыми бутылками из-под кока-колы на выложенный плитками пол.

Миновала еще одна ночь мерцающего блеска, прежде чем он придумал план. Очень жалкий план, насколько он понял, сумев его оценить с некоторой долей объективности, — но ведь Бог, конечно, лучше Уилли знал слабости своего избранного орудия.

Наконец сообразив, что ему следует делать, Уилли загорелся желанием тотчас взяться за работу. Он не лег спать после своего ночного бдения, а сбежал вниз и шмыгнул к двери на задний двор поискать там столярные инструменты. Джо стоял у плиты, уже одетый в замасленный коричневый комбинезон, и прихлебывал чай. Он бросил на Уилли взгляд, полный обычной растерянной ненависти.

— Уилли, — сказал он едко, — если ты сегодня не кончишь побелку, я сам за нее возьмусь — с тобой вместо кисти.

— Да, Джон.

— В последний раз предупреждаю, Уилли. Нам всем до смерти надоело, что ты палец о палец не ударишь, чтобы оправдать хлеб, который ешь.

— Да, Джо.

— Валяешься в постели всю ночь и полдня вдобавок.

— Да, Джо.

Уилли уставился на квадратное лицо своего брата и чуть было не поддался соблазну объяснить, как хорошо для Джо, Ады, Эмили и всех других людей в мире, что он вовсе не лежит в постели всю ночь. Благодаря его бдениям они все получили чуточку лишнего времени. Но он решил, что пока еще рано что-нибудь говорить, и отошел от двери.

Работа оказалась много труднее, чем предполагал Уилли. Начать с того, что он долго не мог найти подходящий материал. Довольно много времени он потратил зря, перебирая потемневшую от дождей груду досок в углу двора, тяжелых и скользких. Он ушибал пальцы и весь перемазался зеленой слизью и обрывками оранжево-красных лишайников. В конце концов он убедился, что искать ему тут нечего, и заглянул в сарайчик, который Ада и Эмили использовали как чулан.

Возле двери стоял большой фанерный ящик, набитый бумажными пакетами и листами оберточной бумаги для овощей. Уилли начал было аккуратно извлекать содержимое, но кипы бумаги оказались неожиданно тяжелыми, а пальцы у него онемели. Кипы вырывались из них, падали на пол и рассыпались. Уилли терпел их каверзы, пока мог, а потом приподнял ящик, и бумажная лавина обрушилась на грязный бетон двора.

Только теперь это не важно, подумал он.

Но даже когда он разломал ящик, работа продвигалась туго. Тонкая фанера, когда он пытался ее распилить, трескалась или расслаивалась, а шляпки гвоздей проходили ее насквозь. Он трудился самозабвенно, не отрываясь, чтобы поесть или хотя бы утереть пот с прыщавого лица, и к вечеру завершил хлипкую конструкцию, которая более или менее отвечала его требованиям.

Его терзал голод, но ему повезло, что за весь день ни Ада, ни Эмили не высунули очкастого лица из кухонной

двери, и он решил продолжать. Отыскал жестянку красной краски, отыскал кисть и принялся ими орудовать, иногда тихонько постанывая от сосредоточенности, на какую только было способно его сознание.

Кончил он в начале шестого и — краске ведь все равно нужно было время, чтобы высохнуть — решил почиститься и съесть что-нибудь. Он тяжело взбежал по темной лестнице, умылся и лихорадочно переоделся в праздничный костюм, достойный такого случая. Убедившись, что еще не стемнело, Уилли сбежал на первый этаж, задыхаясь от нетерпения.

В узком коридоре за лавкой он натолкнулся на плотную фигуру Джо, который только что вернулся с работы.

— Ну? — Голос Джо был глухим от сдерживаемой злости. — Побелил?

Уилли растерянно уставился на него. Он совсем забыл про побелку.

— А... Времени не хватило. У меня было много дел.

— Так я и думал! — Джо ухватил Уилли за лацканы и поволок его к черному ходу, пустив в ход всю свою зрелую силу. — Бели! Не то я тебя убью, Уилли! Слышишь? Убью!

Джо открыл заднюю дверь, вытолкнул Уилли во двор, а дверь захлопнул. Уилли беспомощно посмотрел по сторонам, смигивая слезы, потом затрусил к сараю, достал закрытое ведро с побелкой и широкую кисть. Он взялся за работу с бешенством, плескал пузырящуюся жижу на старые неровные кирпичи длинными кривыми мазками, не думая о своем костюме. Час спустя все стены были выбелены, и Уилли, разогнув ноющую спину, отставил ведро стертыми почти до крови руками. Именно в эту секунду дверь открылась и во двор вышел Джо.

— Уилли, я жалею, что на тебя накричал, — устало сказал он. — Иди-ка в дом и поешь.

— Я не хочу, — ответил Уилли.

— Послушай, я же сказал, что жалею... — Джо умолк, заметив грязную пену истоптанной бумаги перед сарайчиком. И тут же его взгляд остановился на плоде дневных трудов Уилли. У него отвисла челюсть.

— Что за черт?..

— Не подходи!

Уилли испытал прилив ужаса, верно угадав, как подействовало на Джо то, что он увидел, и понял, что исправить положение будет не легко. Он оттолкнул Джо и бросился к своему творению. Джо попытался схватить его, но Уилли, исполненный божественного гнева, отшвырнул его одной рукой. Уголком глаза он заметил, что Джо рухнул на груду досок, и почувствовал прилив торжествующей веры. Он поднял шаткое сооружение, надел его на плечи и решительным шагом вошел в дом. Покупательницы завизжали, когда он, торопясь на улицу, прошел через лавку. Уилли лишь смутно заметил их крики и серые испуганные лица своих сестер за прилавком. Впервые в жизни он нашел свое место в мире и должен был совершить нечто важное. Ничто не могло его остановить.

Столь же смутно он расслышал тщетный скрип тормозов, когда вырвался на мостовую, почти не заметив смертоносный рывок автомобиля, почти не ощутив сокрушительный удар. А несколько секунд спустя он навсегда перестал замечать и ощущать.

Люди, ринувшиеся к месту происшествия, не глядя, затоптали фанерные щиты, которые Уилли соорудил с таким трудом. И никто не прочел кривые печатные буквы:

КОНЕЦ БЛИЗОК ГОТОВЬСЯ ВСТРЕТИТЬ НАЗНАЧЕННОЕ ТЕБЕ.

— ...но, — говорил генерал Эбрем, — если все это правда, значит...

Доктор Раш мечтательно кивнул.

— Совершенно верно, генерал. Это значит, что наступил конец света.

12

Бретон принял решение, запер дверь и побежал к «линкольну».

Он не знал, сколько Кэт пробудет у Палфри, но он должен был вернуться раньше нее, иначе она не поверит, что Джон действительно бросил все и ушел из дома. До рыбачьего домика было почти сорок миль на север — пустяки для могучей машины. Но там ему предстояло много сделать, а гнать быстро нельзя — наверняка остановит дорожный патруль. С его счастьем ему, естественно, встретится двойник лейтенанта Конвери на колесах.

Машина слегка завибрировала, когда он нажал кнопку стартера, и тут же словно выжидающе затихла. Только стрелки приборов показывали, что мотор работает. Бретон выехал на улицу, повернул на север и нажал педаль газа. Мгновенное ускорение откинуло его голову, и он приподнял ступню, проникнувшись уважением к подвластной ему силе.

Он ехал осторожно, поворачивая то на запад, то снова на север, пока не добрался до шоссе на Силверстрим, где легкое нажатие ноги сразу увеличило скорость до шестидесяти, хотя пение мотора практически не изменилось. Хорошая машина, подумал он одобрительно. В глубине его сознания мелькнула сопутствующая мысль, что машина эта уже принадлежит ему, но он не стал ее додумывать.

Выезжая из города, Бретон для отвлечения принялся выискивать зримые различия между миром Времени Б и тем, каким ему запомнились эти места во Времени А. Но все вроде оставалось прежнем — те же склады пиломатериалов, те же площадки со старыми автомобилями, те же отделения банков, сиротливо жмущиеся в одиночестве вдали от материнских организаций, те же храбро оснащенные островки магазинов и нелепо разрозненные жилые кварталы. Точное повторение царства неряшливых потуг, которое всегда вызывало у него брезгливость. Ему стало ясно, что изменения нескольких человеческих судеб на городе никак не отразились.

Когда машина отряхнулась от городской окраины и устремилась в монтанскую прерию, Бретон прибавил газ, и о ветровое стекло начали смачно разбиваться насекомые. Слева медное солнце клонилось к горизонту, убирая свои лучи с неба цвета павлиньих перьев. Далеко на востоке у края земли что-то замерцало, и он инстинктивно закрыл

ладонью правый глаз в ожидании тейкопсии, обычного предвестника его припадков. Однако на этот раз обошлось без радужных зубцов. Он понял, что видел след метеора, и отнял ладонь от лица. Так, значит, ливень продолжается? А что еще происходит?

Некоторые люди стали телепатами, спутники смещаются с орбит, солнечная радиация создает помехи для радиосвязи, религиозные фанатики предсказывают конец света...

Сзади донесся какой-то звук, и рука Бретона, протянутая к радиоприемнику, застыла. Он напряженно прислушался, но легкий звук не повторился. Вероятно, Джон Бретон пошевелился во сне, подумал он и включил приемник.

«...НАСА рекомендует всем авиакомпаниям, имеющим сверхзвуковые самолеты, ограничить высоту полетов пятьюдесятью тысячами футов до последующего уведомления. Это ограничение вызвано сообщениями о резком усилении космической радиации, которое по мнению ученых создает опасность для здоровья пассажиров во время рейсов на большой высоте. В Вашингтоне сегодня утром...»

Бретон быстро выключил приемник с ощущением, что их будущее — его и Кэт — находится под угрозой. Тоска по ней вновь шевельнулась в его теле, а сегодня ночью они вновь будут одни. Воспоминания об этом первом поцелуе с открытыми глазами, груди Кэт внезапно такие живые, высвободившиеся из своего нейлонового плена, бархатистые бедра — этот чувственный монтаж заполнил мозг Бретона, и он уже мог думать только о всепоглощающем чуде того, что Кэт жива.

Он вынудил себя вернуться к сиюминутным нуждам — следить за тем, чтобы белая разметка шоссе двигалась параллельно левому крылу, иногда смывать с ветрового стекла пятна размозженных насекомых. Но все время она стояла перед его глазами, и он знал, что больше не отпустит ее от себя.

Солнце закатилось за горизонт, когда он добрался до озера Паско и свернул на узкую дорогу, вившуюся среди сосен. Едва он въехал под деревья, как машину окутали сумерки. Бретон миновал два перекрестка, с тревогой сознавая, что последний раз он был тут двенадцать лет назад. На южном берегу стоял увитый плющом рыбацкий

домик, который страшно его прельщал, хотя в те дни был ему не по средствам. Вот он решил, что Джон Бретон, разбогатев, конечно, купил именно этот домик, но тут Время Б могло и разойтись с Временем А. Что, если вкусы Джона изменились?

Проклиная себя за опрометчивость — почему он не уточнил местоположение домика, пока было можно? — Бретон вел машину по пустынному полузабытому проселку, который вывел его на вырубку у воды. Он развернулся на усыпанной галькой площадке и поставил машину между одноэтажным домиком и лодочным сараем, выкрашенным зеленой краской. Холодная озерная сырость заползла ему под одежду, едва он вышел из машины. Поеживаясь, он вытащил ключи из кармана и подошел к двери домика с темными окнами.

Третий ключ, который он испробовал, открыл замок. Он распахнул дверь, вернулся к машине и открыл багажник. Джон Бретон лежал, скорчившись, на боку. Лицо у него было зеленовато-бледным, от него резко и душно пахло мочой. Джек виновато вздрогнул. Его альтер эго лишился всего, даже простого человеческого достоинства, и Джек тоже ощутил себя запачканным. Он вытащил бесчувственное тело из металлической пещеры багажника и, ухватив под мышки, поволок в домик. На лесенке из трех ступенек перед дверью Джон невнятно забормотал и начал слабо вырываться.

— Все будет хорошо, — бессмысленно зашептал Джек. — Расслабься.

В большой комнате стояли глубокие кресла, обитые твидом. К выходившему на озеро окну был придвинут неосельский стол и деревянные стулья. Джек увидел четыре двери и открыл ту, которая, по его расчетам, вела в подвал. Он не ошибся. Оставив Джона лежать на полу, он повернул выключатель над деревянной лестницей, но свет внизу не вспыхнул. Быстро осмотрев комнату, он обнаружил в стенном шкафу рубильник, включил его и увидел желтое сияние за подвальной дверью.

Джон Бретон, когда он стаскивал его вниз, снова забился у него в руках. Джек пытался справиться с ним и удержать

равновесие, но чуть было не сорвался с лестницы. Тогда он выпустил Джона, так что тот беспомощно скатился по оставшимся ступенькам, сильно ударился о бетонный пол и замер без движения. Одна его нога была без туфли.

Джек Бретон перешагнул через него и направился к рабочему столу у стены, на котором лежали части мотора. Он выдвинул длинный ящик и нашел то, что искал — катушку рыболовной лески. Этикетка подтвердила, что это особая, недавно запатентованная леска, тонкая, как швейная нитка, и выдерживающая нагрузки в тысячи футов. Резаком на катушке он отрезал два куска. Одним связал кисти Джона у него за спиной, а второй пропустил через потолочную балку, надежно закрепил, а свободным концом обмотал руку Джона над локтем и затянул крепким узлом. Катушку он сунул в карман, чтобы Джон не сумел до нее добраться и воспользоваться резаком.

— Что ты со мной делаешь? — Джон говорил невнятным голосом, но разумно, хотя и очень устало. Джек как раз кончил возиться с узлами.

— Связываю, чтобы избежать лишних хлопот.

— Это я понял. Но зачем ты привез меня сюда? Почему я еще жив? — Джон еще не вышел из туманов снотворного, и в голосе его слышался лишь легкий интерес.

— Приезжал Конвери. Два раза. И я его испугался.

— Правильно сделал! — Джон попробовал усмехнуться. — Особенно если он побывал у тебя дважды. Больше одного раза в день он никогда не заглядывал, даже когда пытался пришить мне убийство Шпиделя. Он прочел у тебя в душе. Конвери умеет читать в душах, знаешь ли... — Он захлебнулся в рвотном спазме и повернул лицо к пыльному полу. Джеку стало не по себе.

У него возникла смутная идея. Он поднялся наверх и принес из машины оба чемодана. Джон по-прежнему лежал на боку, но был в полном сознании и внимательно на него посмотрел.

— А чемоданы зачем?

— Ты только что ушел навсегда от жены.

— И ты думаешь, она этому поверит?

— Поверит, когда ты не вернешься.

— Ах так... — Джон помолчал. — Ты намерен держать меня тут, пока Конвери не оставит тебя в покое, а тогда...

— Вот именно. — Джек поставил чемоданы. — А тогда...

— Замечательно, — с горечью сказал Джон. — Просто замечательно. Ты знаешь, что ты маньяк?

— Я уже объяснил свою позицию. Я подарил тебе девять лет жизни.

— Ты мне ничего не подарил. Это просто... ну... побочный результат твоих эгоистических планов.

— Но тем не менее результат.

— Если, по-твоему, такой довод должен примирить меня с тем, что я буду убит, ты безусловно маньяк. — Джон на мгновение закрыл глаза. — Ты болен, Джек, и только напрасно теряешь свое время.

— Почему это?

— Ты мог втереться между мной и Кэт потому лишь, что мы созрели для появления кого-то вроде тебя. Но Кэт в любую минуту теперь поймет, что ты такое, и тогда она бросится бежать от тебя. Изо всех сил.

Джек уставился на своего альтер эго.

— Ты болтаешь, чтобы как-нибудь выкрутиться. Не выйдет. Это не старый фильм, которые ты так любишь.

— Я знаю. Знаю, что это на самом деле. Помнишь, как выглядел дедушка Бретон в то утро, когда мы нашли его в постели?

Джек кивнул. Непроизвольное выпучивание глазных яблок, вот как это назвали. Ему тогда было восемь, и профессиональный жаргон послужил плохим утешением.

— Я помню.

— В то утро я решил, что никогда не умру.

— Знаю. Или, по-твоему, я не знаю? — Джек судорожно вздохнул. — Послушай, почему бы тебе не обрезать концы?

— То есть как?

— Если я тебя отпущу, ты уедешь? Исчезнешь насовсем и оставишь нас с Кэт в покое? — Произнеся эти слова, Джек испытал прилив горячей благожелательности к своему альтер эго. Только так! Джон ведь несомненно предпочтет жизнь в другом месте смерти в этом подвале. Он внимательно следил за реакцией Джона.

— Ну конечно! — Взгляд Джона оживился. — Уеду куда угодно. Я не дурак.

— Ну и хорошо.

Они посмотрели в глаза друг другу, и в голове Джека Бретона возникло странное ощущение. Его сознание *соприкоснулось* с сознанием Джона Бретона. Соприкосновение было кратким, легким, как касание пушинки, но пугающим. Такое с ним произошло впервые, но сомнений не было. И он успел понять, что Джон солгал, объявив, что готов с поклоном удалиться со сцены.

— Наверное, мы просто созданы, чтобы подхватить телепатическую лихорадку, про которую трубят, — тихо сказал Джон. — Ведь твой мозг и мой должны быть идентичными.

— Мне очень жаль.

— А мне нет. Я тебе почти благодарен, если на то пошло. Я не сознавал, как много для меня значит Кэт, но теперь я знаю. Так много, что я не могу уйти и оставить ее такому, как ты.

— Даже если альтернатива — смерть?

— Даже если альтернатива — смерть. — Джон Бретон сумел улыбнуться.

— Хорошо, пусть так, — твердо сказал Джек. — Пусть так.

— Но ведь ты меня все равно не отпустил.

— Я...

— Телепатия — двусторонний процесс, Джек. Минуту назад я узнал о тебе столько же, сколько ты обо мне. Ты убежден, что отпустить меня было бы слишком рискованно. Ну, и еще кое-что.

— А именно? — Джек Бретон с беспокойством обнаружил, что утрачивает инициативу в разговоре, где верх, безусловно, должен был бы оставаться за ним.

— В глубине души ты *хочешь* меня убить. Я воплощение твоей вины. Твое положение уникально: ты можешь принести величайшую искупительную жертву — убив меня — и все-таки остаться жить.

— Это словесное шулерство, если можно так выразиться.

— Нет. Я не знаю, что ты перенес, когда в твоем потоке времени Кэт погибла, но психологически ты стал кале-

кой, Джек. Оказавшись перед проблемой, ты закрываешь глаза на все решения, кроме одного — того, которое удовлетворит твою потребность убить.

— Ерунда. — Джек отошел проверить, плотно ли задернуты занавески на оконцах подвала.

— Ты ведь это уже доказал... по твоему собственному признанию. — Голос Джона становился все более сонным.

— Валяй дальше.

— Когда ты совершил этот решающий переход во времени, тебе вовсе не требовалось брать ружье и убивать Шпиделя. Ты мог бы добиться того же или даже больше, если бы вернулся к моменту дурацкой ссоры между мной и Кэт, когда машина сломалась. Тебе было бы достаточно просто предупредить меня.

— По-моему, я объяснил тебе принципы хрономотивной физики, — ответил Джек. — Момент прибытия не выбирается. Сознание притягивается к ключевому событию, к решающему моменту.

— Об этом я и говорю! Я ведь тоже страдаю «гемикранией сине долоре». И за последние девять лет десятки раз видел цветные движущиеся зигзаги. И проделал десятки переходов — всегда к моменту ссоры, потому что знал, что все началось с него. В нем заключалась моя вина, но ты, Джек, не мог этого выдержать. Некоторое время ты с этим смирялся, а потом — ты рассказал нам про это в ту ночь, когда явился, — потом ты постепенно сфокусировался на сцене убийства. На улицу начали накладываться деревья парка. Потому что сцена убийства обладала для тебя особым магнетизмом. Дело в том, что Шпидель стал для тебя идеальным козлом отпущения. Это был момент убийства Кэт, и взвешивать вопросы добра и зла времени не было. Времени хватало только, чтобы убить...

— Нет — нет, — прошептал Джек.

— Взгляни правде в глаза, Джек, это твой единственный шанс. Ты и я в то время были одним человеком, и потому я знаю, что таилось в глубине твоего сознания. Ты хотел, чтобы Кэт умерла. Когда приехал Конвери в тот первый раз, ты услышал тот же внутренний голос, что и я, — тот, что шепнул тебе, что ты свободен. Но в этом

нет ничего ужасного... — Глаза Джона снова закрылись, голос начал ослабевать. — Нельзя любить женщину и иногда не желать ее смерти... Она не всегда такая, какой ты хочешь ее видеть... Иногда она хочет быть самой собой... И секрет в том, чтобы приспосабливаться... надо приспосабливаться... — Джон Бретон заснул, уткнувшись в пол лицом в синяках.

— Дурак, — сказал Джек. — Жалкий дурак.

Он поднялся по лестнице и постоял с рукой на выключателе, проверяя, все ли он сделал, чтобы Джон, когда очнется, не сумел освободиться. Он сможет ходить по середине подвала, но не сможет добраться до инструментов. Джону Бретону будет очень скверно, подумал Джек. Ну да недолго. Он выключил свет и вышел из домика, тщательно заперев за собой дверь.

Пока он был внутри, заметно стемнело, но небо буквально пылало огнями. Над северным горизонтом раскинулись призрачные полотнища красного и зеленого мерцания, изгибаясь и колыхаясь под грозными солнечными ветрами. Блеск был так силен, что в нем утонули северные звезды. На остальном небосводе можно было различить знакомые созвездия, но и они терялись в колоссальном бесшумном фейерверке метеорного ливня. Словно взбешенный великан бомбардировал ночной мир градом чудовищных камней. Их следы разбегались по атмосферному щиту в нервном ритме. Через них прочерчивали немыслимые дуги пылающие болиды.

Этот фантастический спектакль отражался в озере, превращая его поверхность в колышущееся зеркало. Слепо помедлив минуту, Бретон сел в машину, и его рука задела черный гладкий предмет на переднем сиденье. Туфля Джона Бретона — та, что привлекла внимание лейтенанта Конвери тогда днем. Опустив стекло, он швырнул туфлю в воду, но она не долетела, и он услышал, как она запрыгала по гальке. Пожав плечами, он включил мотор и рванулся вперед, разбрызгивая камешки.

Ведя машину на юг по Силверстримскому шоссе, он поймал себя на том, что то и дело поглядывает в зеркало заднего вида, словно опасаясь преследования. Но позади не было ничего, кроме колышущихся огненных полотнищ.

13

Подъезжая, Бретон с облегчением увидел, что в окнах дома темно.

Загнав машину в гараж, он вошел через задний ход. Взгляд на часы сказал ему, что он отсутствовал меньше трех часов. А казалось, что много дольше. Проходя по холлу, он увидел флакон со снотворными таблетками там, где бросил его, подобрал и отнес назад в ванную.

Увидев свое лицо в зеркале над раковиной, Бретон вздрогнул — измученное, обросшее щетиной. И одежда мятая, вся в грязи. Он с одобрением взглянул на глубокую ванну. Пока из крана с шумом лилась горячая вода, он порылся в стенных шкафах и достал чистое белье Джона, темно-зеленую рубашку и домашние брюки. Отнес их в ванную, запер дверь и принял самую горячую ванну в своей жизни. Полчаса спустя чистый, гладко выбритый, он расслабился и почувствовал себя хорошо.

Он спустился в дружескую уютность мягких тонов обширной гостиной и в нерешительности остановился перед баром. Много лет он практически не брал в рот спиртного — для него напряженная работа и алкоголь взаимно исключали друг друга. Но ведь эта стадия его жизни теперь позади, он обрел уже почти все, к чему стремился, так почему бы не позволить себе небольшую передышку? Он посмотрел на виски («Джонни Уолкер», черная этикетка) и удовлетворенно кивнул. За девять лет они с Джоном значительно дивергировали, однако его альтер эго не утратил умения разбираться в крепких напитках. Он налил почти полную стопку, опустился в самое глубокое кресло и отхлебнул раз, другой. Достопамятный аромат, теплота эссенции солнечного света разлились по его организму, даря еще большее умиротворение. Он налил еще стопку...

Бретон в панике рывком вырвался из сна, не соображая, где он. Прошло несколько мгновений, прежде чем обстановка помогла ему сориентироваться, но тревога не улеглась. Старинные часы показывали четверть третьего, а Кэт, видимо, домой не вернулась. Он поднялся на ноги,

поеживаясь после долгого сна, и тут услышал негромкий стук гаражной двери. Значит, Кэт все-таки вернулась! И разбудил его, конечно, шум мощного мотора ее машины.

Нервно, смущенно он направился по коридору на кухню. Кэт вошла из темноты. Пояс твидового костюма был развязан, распахнутый жакет позволял заметить горизонтальное натяжение оранжевого свитера. Никогда еще Кэт не была так похожа на Кэт.

— Джон... — сказала она неуверенно, прищурясь от света. — Э... Джек.

— Кэт! — сказал он нежно. — Джон уехал.

— Как уехал?

— Я же тебя предупреждал. Я говорил тебе, в каком он был настроении.

— Да, конечно... Но я не ожидала... А ты уверен? Его машина в гараже.

— Он уехал на такси. В аэропорт, по-моему. На вопросы он отмалчивался.

Кэт сняла перчатки и бросила их на кухонный стол. Бретон машинально запер дверь в гараж (муж обезопасил на ночь свою маленькую крепость) и перехватил темный взгляд Кэт, наделившей это простое действие особым смыслом. Он с нарочитой небрежностью уронил ключ на стол, но так, чтобы он угнездился в пальцах ее перчатки. «Какое начало! — подумал он. — Слияние символов».

— Не понимаю, — сказала она. — Ты говоришь: он просто взял и уехал? Навсегда?

— Об этом я и предупреждал тебя, Кэт. Джон достиг того предела, когда должен был до конца разобраться со своими эмоциями. Возможно, твое отсутствие сегодня он истолковал как полную утрату интереса к нему. — Бретон вздохнул подчеркнуто грустно. — Думаю, ты представляешь, что я чувствую.

Кэт прошла в гостиную и встала у камина, глядя на незажженные поленья. Бретон последовал за ней, но остался возле двери, стараясь верно разобраться в ее реакции. Поспешность на этой стадии могла дать толчок антагонизму, который он обнаружил в ней днем. У Кэт была чувствительная совесть.

— На тебе одежда Джона, — сказала она рассеянно.

— Он забрал то, что счел нужным, а остальное оставил мне. — Бретон с удивлением заметил, что должен оправдываться. — Набил два чемодана.

— Ну а фирма? Ты будешь...

— Так решил Джон. Ее беру я.

— Естественно. — Взгляд Кэт был непроницаем.

Бретон счел, что пора атаковать с другой стороны.

— Я не хочу, чтобы у тебя сложилось впечатление, будто Джон так уж несчастен. Уже несколько лет он воспринимал свои деловую карьеру и брак как ловушку. А теперь он вырвался из нее. Без надрыва, не ощущая себя виноватым, покончил с положением, которое становилось для него невыносимым, причем это не потребовало от него даже расходов на развод.

— Да, всего лишь миллионное предприятие.

— Он же вовсе не должен был от него отказываться. Я прорвался сюда не ради денег, Кэт! Все, что я имел, потратил до последнего цента, лишь бы найти тебя, Кэт.

Кэт обернулась к нему и ее голос смягчился.

— Я знаю. Прости мои слова. Но столько произошло...

Бретон подошел и положил ладони ей на плечи.

— Кэт, милая, я...

— Не надо, — сказала она негромко.

— Но я же твой муж...

— Иногда я не хочу, чтобы мой муж ко мне прикасался.

— Да-да, конечно.

Бретон опустил руки. У него возникло ощущение, что он участвовал в необъявленной войне, и Кэт победила благодаря превосходству в стратегии.

Оставшиеся долгие часы этой ночи он пролежал без сна в гостевой комнате и вынужден был признать опасную истину: девять лет разлуки и самостоятельного существования во Времени Б не прошли для Кэт даром, превратили ее в совсем другую личность, чем та юная женщина, которую он потерял и ради которой победил само Время. И не было никакого средства изменить это.

14

Бретон забыл про существование дней недели. А потому очень удивился, открыв глаза в сливочном свете утра, немедленному осознанию, что это утро субботы. Он лежал в полудреме и раздумывал над возможной подоплекой такого, словно бы априорного определения наступившего дня.

Основные черты подразделения времени, составляющие календарь, включают день, неделю, месяц и год, причем неделя принципиально отличается от остальных трех. Те отражают повторяющиеся астрономические явления, однако неделя — чисто человеческая мерка — промежуток между базарными днями. Чуткое животное, пробуждаясь ото сна, вполне может осознавать положение солнца, фазу луны или время года. Но осознавать субботу? Разве что какие-то часы в его подсознании ведут счет неделям либо оно уловило отличие от доносящихся в полуоткрытое окно звуков уличного движения...

Сознание Бретона сориентировалось, и он окончательно проснулся. Он было спросил себя, как провел ночь Джон Бретон, и сразу же прогнал эту мысль. Вчера Кэт вынудила его играть роль доброго, разумного друга семьи, но он сделал ошибку, не закрепив немедленно свои новые «брачные права». Он предоставил Кэт слишком много времени думать самостоятельно и приходить к собственным заключениям. В такой ситуации слова вроде «союз» или «сожительство» обретают особое значение: ведь едва будет достигнуто сексуальное единство, совесть Кэт — в данный момент ничем не связанная — вынуждена будет оправдывать новый порядок вещей. Кэт уже не сможет думать и рассуждать определенным образом, и Бретон хотел, чтобы это произошло как можно скорее.

Он встал и открыл дверь спальни. Снизу донеслись завывания пылесоса. Значит, Кэт уже встала и занялась хозяйством. Он поспешно умылся, побрился и оделся. По лестнице он сбежал бегом. Пылесос уже умолк, но в кухне слышался шум. Помедлив, чтобы окончательно выработать тактику, он толчком распахнул дверь и вошел.

— А вот и мистер Бретон! — весело сказала старушка с подсиненными волосами. — Доброе утро, мистер Бретон.

Бретон изумленно уставился на нее. Она сидела за столом напротив Кэт. Они пили кофе. Лет примерно шестьдесят, ярко накрашенные губы, трещинка в левом стекле очков.

— Миссис Фриц заглянула узнать, как мы тут без нее, — объяснила Кэт. — А увидев, какой тут беспорядок, сразу засучила рукава. И я выслушала нотацию за то, что плохо о тебе забочусь.

— Вы так любезны, миссис Фриц! — промямлил Бретон.

Приходящая прислуга! Он совсем про нее забыл, черт бы ее побрал!

Миссис Фриц с откровенным ясноглазым любопытством следила за тем, как он неуклюже пробрался вокруг стола к свободному стулу. Он ответил ей жалкой улыбкой.

— Мистер Бретон похудел! — заявила миссис Фриц, обращаясь к Кэт, будто Бретона в кухне не было. — Мистер Бретон очень осунулся. Значит, и говорить больше не о чем. Хватит мне прохлаждаться.

— Без вас было тяжеловато, — призналась Кэт. — Джону не нравится моя стряпня.

— Глупости! — Бретон беспомощно смотрел на нее, подавляя ярость. — Ты прекрасно знаешь, что я люблю, как ты готовишь. Не думаю, что нам следует лишать миссис Фриц отдыха.

— Нет, вы только послушайте! — Миссис Фриц засмеялась, показав немыслимо белые вставные челюсти. — А чем мне еще заняться?

— Как ваша племянница? — с интересом спросила Кэт. — Уже родила?

— Пока нет.

Миссис Фриц встала, налила Бретону кофе и подала оладьи с сиропом. Он молча ел, дивясь тому, как однодва слова Кэт, вставленные в нужный момент, подталкивали старушку разматывать все более и более длинные словесные клубки. Так и не решив, нарочно ли Кэт это проделывает, он терпел, пока мог, а потом ушел в гостиную и притворился, что читает журнал.

Когда кухня была прибрана после завтрака, снова завыл пылесос, и миссис Фриц начала таскать его по всему дому — злобствующему Бретону казалось, что некоторые комнаты она обрабатывала по два, а то и по три раза. Кэт почти все время разговаривала с ней, а в гостиную заглянула только, чтобы поставить цветы в вазу.

— Ради Бога, избавься от старушенции, — сказал Бретон. — Мне надо поговорить с тобой.

— Я пытаюсь, но миссис Фриц всегда такая.

Кэт говорила как будто с искренним сожалением, и он попытался успокоиться. Утро подползло к концу, но тут к его отчаянию миссис Фриц вызвалась приготовить второй завтрак. Когда они кончили есть, последовала долгая уборка кухни, а затем Бретон, не веря своим ушам, вновь услышал вой пылесоса. Он бросил журнал и ринулся наверх к источнику звука. Кэт курила у дверей спальни, а миссис Фриц возилась внутри.

— Что она там делает? — спросил он сердито. — Полы не успели загрязниться с утра!

Кэт бросила окурок в хрустальную пепельницу, которую принесла с собой.

— Чистит шторы. По субботам миссис Фриц любит приводить шторы в порядок.

Бретон собрался было уйти, и тут его осенило, что Кэт — зрелая и опытная воительница, какой она стала — хладнокровно играет с ним, пустив в ход своего рода супердзюдо, превращая его силу в слабость, а он без сопротивления сдавался, хотя ее единственной опорой были сведения, полученные от него же. И ведь она понимала, что воспользоваться ими он не может. Не заявит же она миссис Фриц или кому-нибудь еще, что мужчина, с которым она живет, на самом деле не ее муж, а дубликат, явившийся из другого потока времени. Если, конечно, не захочет, чтобы ее сочли помешанной.

— Миссис Фриц! — Бретон прошел мимо Кэт в спальню. — Отправляйтесь-ка домой.

— Да что вы! Я не тороплюсь.

Она одарила его веселой улыбкой, означавшей, что она вдова и мужественно продолжает битву с жизнью. Бретон выдернул вилку пылесоса из розетки.

— Но я настаиваю! — Он улыбнулся и повел ее к двери. — Отдохните как следует, а в понедельник ждем вас свежую и бодрую к девяти утра. А вот десять долларов премии за сверхдобросовестность. Хорошо?

Бретон отдал ей одну из купюр, которые забрал у Джона, и проводил ее вниз по лестнице, подал ей пальто и подвел к выходной двери. Ее ярко-красные губы шевелились в немом удивлении, и она все время оглядывалась на Кэт. Тем не менее она покорно ушла, бросив снаружи последний удивленный взгляд в кухонное окно. Бретон помахал ей.

— Это было непростительно, — сказала Кэт, спустившаяся следом за ними.

— В следующий раз я буду с ней сверхприветлив, — пообещал он, подходя к Кэт. Он обнял ее за талию и привлек к себе. Она не воспротивилась, и он ее поцеловал. Прикосновение ее губ было легким, но и этого оказалось достаточным, чтобы вернуть ему бодрость, смести паутину сомнений, понемногу опутавшую его мысли после всего, что произошло накануне. Он закрыл глаза, смакуя пьянящее оправдание всего, что он сделал.

— Я тревожусь из-за Джона, — сказала Кэт.

— Но почему? — Бретон не открыл глаз. — Он был счастлив уйти от тебя. Так зачем тебе тревожиться из-за него?

— Но это так на него не похоже — вдруг взять и исчезнуть. Поведение абсолютно ненормальное.

Бретон с неохотой открыл глаза.

— Ему приелся брак, и он сбежал. Очень многие люди назвали бы такое поведение совершенно нормальным.

Глаза Кэт были прямо напротив его глаз.

— Чистое сумасшествие.

— С чего ты взяла?

— Джон никогда бы не сбежал, бросив все на произвол судьбы. То есть в нормальном состоянии.

— Но он же это сделал.

— Вот почему я и говорю, что это сумасшествие.

Повторение этих слов уязвило Бретона — словно намек, что у него самого в голове не все в порядке.

— Не говори так, Кэт. Это ничего не доказывает.

Она высвободилась из его объятий.

— Ну а деньги?

— Деньги? Ты имеешь в виду Джона? Наверное, он взял, сколько счел нужным.

— Каким образом? Не с нашего общего счета. Он ведь не дал мне подписать чек. А времени организовать изъятие крупной суммы со счета фирмы у него не было.

— Прежде таких финансовых талантов за тобой не водилось! — сказал Бретон, который не сумел удержаться, хотя и чувствовал, что ворчит, как капризный мальчишка.

— И шнурки я себе тоже завязываю сама. — Кэт говорила с такой привычной яростью, что Бретон испугался. Девять лет, вдруг подумал Бретон, очень долгий срок.

— Джон сможет получить столько денег, сколько ему понадобится, обратившись в любой банк. Вероятно, мы через несколько дней получим от него письмо.

— Просительное письмо?

Бретон не мог бы сказать, когда именно начался кошмар, но все равно утонул в нем. «Кэт! — безмолвно молил он. — Почему ты не можешь быть такой, какой ты мне нужна!»

Она беспокойно переходила из комнаты в комнату, брала в руки то одно, то другое и тут же со стуком ставила. Некоторое время Бретон ходил за ней в надежде, что каким-то чудом вернется настроение их единственного дня в венецианских оттенках света. Но Кэт упорно говорила только о Джоне — почему он так внезапно уехал, где он может сейчас быть, что думает делать дальше. Бретон чувствовал себя уничтоженным. Ему бы не уступать Кэт, привлечь ее к себе силой и страстностью своей любви, как в ту ночь, когда появился здесь... Но, может быть, все объяснялось тем, что он поймал врасплох скучающую, одинокую и фантазирующую женщину?

Бретон вышел из дома в сад. Он удивился, обнаружив, что солнце почти касается горизонта — каждая минута в этот день казалась нестерпимо долгой, но часы прошли быстро. В воздухе похолодало, на востоке по небосклону разливались краски ночи, и там вновь, точно лемминги,

заспешили к своей гибели метеоры. Как прежде, их вид пробудил в нем неясную тревогу. Бретон стиснул зубы при мысли, что ему придется провести еще одну ночь под изъязвленным небом.

Он быстро ушел в дом и громко хлопнул дверью. Кэт стояла в эркере темной гостиной и смотрела наружу на октябрьскую листву деревьев. Она не обернулась на его шаги. Он подошел к ней, крепко взял за плечи и спрятал лицо в ее волосах.

— Кэт, — сказал он с отчаянием, — мы слишком много говорим. Мы так нужны друг другу и только говорим... говорим...

Кэт окостенела.

— Будь добр, оставь меня в покое.

— Но это же ты и я! Это мы... Вспомни первый день...

— Сейчас не то... — Она вырвалась.

— Но почему? — спросил он резко. — Потому что нет опасности, что Джон нас застанет, и все кажется пресным?

Кэт ударила его по губам, и почти одновременно он ударил ее в ответ, почувствовал, как ее зубы оцарапали костяшки его пальцев. Комната словно зазвенела от звука двойного удара, но грохот в его голове заглушил все.

— Хватит! — сказала Кэт. — Убирайся вон из этого дома!

— Ты не понимаешь, — промямлил он, а его сознание проваливалось в глубины космического холода. — Это мой дом, а ты моя жена.

— Ах так!

Кэт резко повернулась и выбежала за дверь. Бретон застыл, растерянно глядя на свои пальцы, пока сверху не донеслись знакомые звуки — стук ящиков. Он единым духом взлетел по лестнице в спальню над гостиной и увидел, что Кэт швыряет вещи в чемодан.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь уйти из *твоего* дома.

— В этом нет никакой нужды...

— Ты думаешь? — Лицо Кэт было сосредоточенно-угрюмым.

— Я ухожу! — Кэт захлопнула крышку. — И не пытайся меня остановить.

— Что ты! — Сознание Бретона оправлялось от паралича и уже анализировало его ошибки. Главная заключалась в том, что в Кэт он видел спелую сливу, которая сама упадет в его подставленные руки, стоит тряхнуть брачное дерево. — Я не нахожу слов, чтобы извиниться за...

— За то, что ударил меня? Не затрудняйся. В конце-то концов я ударила тебя первая.

— Не покидай меня, Кэт. Это никогда не повторится.

— Еще бы! — Тон Кэт стал вызывающе-насмешливым. Она обернулась к нему. — Обещай мне одно.

— Все, что хочешь.

— Если Джон даст о себе знать, скажи, что мне необходимо поговорить с ним. Я буду на озере Паско.

У Бретона пересохло во рту.

— Где-где? Ты говоришь о рыбацком домике?

— Да.

— Тебе нельзя туда!

— Позволено ли спросить, почему?

— Я... В это время года там никого нет...

— Бывают моменты, когда я предпочитаю никого не видеть. Вот как теперь.

— Но... — Бретон почувствовал, что окончательно запутался. — Почему бы тебе не остаться в городе? Взять номер в отеле?

— Мне там нравится. Будь добр, посторонись. — Кэт взяла чемоданы.

— Кэт!!!

Бретон выставил вперед руки, чтобы задержать ее, а сам лихорадочно придумывал, что бы такое сочинить. Кэт шла, пока почти не уперлась в его ладони, и вдруг краска схлынула с ее щек. Он в ледяном оцепенении увидел, как ее осенила интуитивная догадка.

— Домик! — прошептала она. — Джон там.

— Это смешно...

— Что ты с ним сделал? Почему ты не хочешь, чтобы я туда поехала?

— Кэт, поверь мне, это глупо...

Она спокойно кивнула, бросила ему под ноги чемодан и прошмыгнула мимо. Бретон успел ухватить ее за плечо и

опрокинул на кровать. Она брыкалась и царапалась. Он навалился на нее всей тяжестью, и тут его мозг наконец сформулировал ложь, которая еще могла спасти положение.

— Ну хорошо, Кэт. Твоя взяла. — Она извивалась под ним, и он напрягал все силы, чтобы сладить с ней. — Твоя взяла, слышишь?

— Что ты сделал с Джоном?

— Ничего. Просто отдал ему мой хрономотор, и только. Он там в домике тренируется, как им пользоваться, чтобы занять мое место во Времени А. Это его собственная идея, его способ покинуть сцену.

— Я еду туда. — Кэт судорожно рванулась, чуть было не сбросив его на пол.

— Прости, Кэт, но прежде я должен побывать там и проверить, что переброска прошла благополучно.

Даже в пылу этих убеждений ему стало страшно от их неубедительности, но это была та ниточка, которая ему требовалась. Джон Бретон будет убит, распылен, и никто в мире не поверит тому, что вынуждена будет говорить Кэт, если попытается обвинить его в убийстве. А со временем он сумеет рассеять ее подозрения. В нем вновь взыграла уверенность в конечной победе, поддерживавшая его девять мучительных лет, сметая прочь сомнения последних дней. Он сотворил вселенную Времени Б, он сотворил Кэт — и все еще держит в руках их обеих. Просто времени потребуется больше, чем он предполагал...

Продолжая удерживать вырывающуюся Кэт, он посмотрел через плечо. Стенной шкаф, из которого она вытаскивала одежду, стоял открытый. Он стащил Кэт с постели, затолкал в шкаф и закрыл дверцы. Потом вытащил из кармана катушку с леской и для верности замотал ручки створок, превратив шкаф в миниатюрную теремную камеру.

Тяжело дыша, вытирая носовым платком кровь, сочащуюся из царапин, Бретон выбежал из дома к машине. Ему на этот день оставалось одно дело. Относительно простое.

Отправить Джона Бретона не во Время А, но в вечность.

15

Блез Конвери отнес пластмассовый стаканчик с кофе к своему служебному столу и аккуратно поставил его под правую руку.

Он сел в скрипнувшее вращающееся кресло и выдвинул средний ящик стола. Из него он достал кисет с табаком, зажигалку, трубку, ершик и пачку белых шерстяных тряпочек. Все это он расположил квадратом, начиная от дымящегося стаканчика кофе — так искусный ремесленник раскладывает свои инструменты. Затем выдвинул глубокий ящик, извлек толстую кремовую папку и поместил ее внутрь столь тщательно выложенного квадрата. Завершив необходимые приготовления, он с удовлетворенным вздохом начал проглядывать папку.

День выдался на редкость нудный — почти весь он ушел на всякие формальности, связанные с расследованием, которое успешно завершилось месяц назад, но потребовало кропотливой работы с распутыванием целого клубка всяких юридических тонкостей. Он пятьдесят раз садился за руль и вылезал из машины, чтобы наконец получить три никому не нужных подписи, которых требовал закон. У него ныла спина, а ступни совсем распухли и ботики неприятно жали. Но теперь наступил его час — сверхурочное время, на которое он задерживался, когда его дежурство официально кончалась, час, когда он мог позволить своим инстинктам вести его по тому или иному призрачному следу, им померещившемуся.

Он отхлебнул кофе, набил трубку, раскурил ее и позволил кофеину с никотином вызвать в нем ту степень сосредоточенности, когда пожелтелые листы и смазанные машинописные строчки вторых экземпляров словно бы обретали собственную жизнь и тихим шепотом сообщали тайные мысли тех людей, чьи имена они сохраняли. Через минуту-другую Конвери отправился в прошлое на свой манер, и большое, полное народа помещение вокруг побледнело и растаяло, пока он все глубже забирался в былые годы, бережно отделяя слой от слоя...

— Да ну же, Блез! — грянуло у него над ухом. — Слезай с облаков, приятель!

Конвери поднял голову, с трудом возвращаясь в настоящее, и увидел пшеничные брови и широкозубую ухмылку Бонда Лейленда, своего коллеги, тоже лейтенанта.

— Привет, Бонд! — Конвери проглотил раздражение: Лейленд был его другом и докой в своем деле. — Я и не знал, что ты нынче на посту.

— Чего нет, того нет! — Тон Лейленда, как всегда, был торжествующим. — В этом месяце я по субботам свободен, но команду еще никогда не подводил, так-то, старина.

Конвери секунду тупо смотрел на него, но потом вспомнил. Наступил октябрь, а с ним возобновились субботние встречи для игры в шары. Он сказал без особого энтузиазма:

— А да! Шары...

— Они самые. Поехали, старина!

— Послушай, Бонд, боюсь, сегодня у меня не получится.

Лейленд сразу исполнился сочувствия.

— Они и тебя совсем загнали? На прошлой неделе мне досталось три. — Он умолк, вдруг заметив, какая папка лежит перед Конвери. Поперхнувшись, он махнул стоявшим поблизости. — Эй, ребята, он опять за свое! Знаете, над чем старый хрыч профессор Конвери сидит в субботний вечер? Вернулся к делу Шпиделя! — Голос Лейленда от недоумения перешел в фальцет. — К треклятому делу Шпиделя!

— Просто я сегодня совсем вымотался, — сказал Конвери, оправдываясь. — И просто хочу посидеть тут...

— Расскажи своей бабушке! — Красная ручища Лейленда захлопнула папку и вытащила Конвери из кресла. — Нам в этом году потребуется столько надежных ребят, сколько мы сумеем собрать. А тебе в любом случае полезно поразмяться.

— Ну ладно, ладно!

Конвери понял, что ему не отвертеться. Под выжидающими взглядами он с сожалением убрал все со стола и вместе с остальными пошел к лифту. Шумное веселье его товарищей, предвкушавших приятный вечерок с шарами

и пивом, не вызвало у него ответного энтузиазма. *Накануне он разговаривал с виновным...*

Конвери всегда был уверен в виновности Бретона, но теперь он решил, что никогда не сможет этого доказать. Однако не это язвило его душу. Он не мог понять, в чем состояло это преступление, и в этом была вся беда.

Девять лет назад в семье Бретонов произошло что-то странное, дающее знать о себе и теперь, соблюдая свой темный ритм, точно симптомы неизлечимой болезни. Но что произошло? Конвери затупил об эту проблему весь свой интеллектуальный арсенал и остался с неутолимой жаждой проникнуть в их дом, обосноваться там, рыть, просеивать, анализировать, пока не узнает их обоих даже лучше, чем они сами себя знают...

— Влезай, Блез! — скомандовал Лейленд. — Я тебя подвезу.

Конвери оглядел полицейскую стоянку, и ледяная рука скрутила его внутренности.

— Спасибо, не надо. Поеду на своей, вдруг мне придется уехать раньше.

— Лезь! — прикрикнул Лейленд — Никуда ты раньше не уедешь.

— А если позже? — Конвери мотнул головой. — Поезжай. Встретимся там. Лейленд пожал плечами и втиснулся за руль своей машины. В быстро сгущающихся сумерках Конвери забрался в свой «плимут» под вой сирены. На первом же перекрестке он свернул, вместо того чтобы следовать за Лейлендом, и помчался через город на бешеной скорости, словно опасаясь, что его приятели кинутся за ним в погоню. Нет, этого они не сделают, но обидятся и будут язвить — вот как Джина, когда он сбежал с дня рождения мальчиков. Но на плече у него сидел цепкий демон, чьи увещевания брали верх надо всем. Так уж ему было написано на роду.

Свернув на улицу, где жили Бретоны, Конвери притормозил и медленно поехал между окаймлявшими ее деревьями на еще работающем моторе. Большой дом был погружен в темноту. Он затормозил, охваченный жгучим разочарованием. Значит, демон снова в какой уже раз обманул его.

Конвери взглянул на часы и прикинул, что еще успеет к началу игры, сославшись, что должен был завернуть на бензоколонку. Самый разумный выход... И все же...

— А, черт! — злобно буркнул он, когда почти против воли вылез из машины и зашагал к дому. В темном небе над ним кишели метеоры, но его сознание их не регистрировало. Под его ногам скрипели камешки — он прошел по туннелю тьмы между живыми изгородями и, обогнув крыльцо, свернул за угол.

Войдя во внутренний дворик, он оглядел заднюю стену дома. Ни единого огонька и тут. Но другого он и не ждал. Дверь гаража была открыта — большой «линкольн» Джона Бретона отсутствовал, но спортивная машина миссис Бретон стояла на месте. Конвери постучал ногтями по зубам. Конечно, Бретоны редко отправлялись куда-нибудь вдвоем, такое у него сложилось впечатление. Но это еще не значило, что они не могли для разнообразия составить компанию друг другу. Законом это не запрещалось — в отличие от тайного рысканья по частным владениям.

Конвери покачался на каблуках в нерешительности и уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг услышал поскрипывание кухонной двери. Он подошел ближе и увидел, что она приоткрыта и покачивается под вечерним ветерком. Он осторожно ткнул в нее носком ботинка, она распахнулась, и его обдала волна теплого воздуха. Обретя хоть какой-то, но предлог для своего присутствия тут, Конвери вошел в темную кухню и зажег свет.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул он с некоторым смущением.

Откуда-то сверху донесся отчаянный стук и словно бы женский голос. Поворачивая на бегу все выключатели, Конвери взлетел по лестнице и убедился, что стук доносится из большой спальни. Из стенного шкафа, как он обнаружил, едва вошел туда. Он дернул ручки и увидел, что они замотаны нервущейся леской. Он попробовал развязать ее и обломал ногти о крепкие, как сталь, узлы. Попятившись, он ударом ноги начисто обломил одну из ручек.

Мгновение спустя в его объятиях очутилась Кэт Бретон, и он испытал прилив ледяного торжества: на этот раз демон был к нему милостив вопреки всему.

— Миссис Бретон, — спросил он торопливо, — что происходит? Кто вас запер в шкафу?

— Джек Бретон, — ответила она. Глаза у нее был тусклыми, безжизненными.

— Ваш муж?

— Нет, не мой муж, а... — Она умолкла, судорожно вздохнула, и он увидел, как она вдруг спохватилась, как что-то изменилось в ее лице. Между ними с лязгом опустился невидимый шлагбаум.

— Объясните, что произошло, миссис Бретон.

— Лейтенант, вы должны мне помочь. — Она все еще боялась, но минута слепой паники миновала. — Моего мужа, видимо, похитили. Он на озере Паско. Вы не отвезете меня туда? Вы не отвезете меня на озеро Паско?

— Но...

— Лейтенант, ради Бога... Спасите моего мужа!

— Поехали, — сказал он мрачно. Удобный случай ускользнул. Однако у него возникло предчувствие, что на озере Паско он наконец-то научится разговаривать руками.

16

В первые минуты, торопясь добраться до рыбацкого домика, Джек Бретон несколько раз едва избежал смерти, беря повороты на скорости, близкой к пределу даже для гоночных машин.

Город остался уже далеко позади, прежде чем он настолько овладел собой, что перестал вжимать педаль газа в пол, и тяжелая машина чуть замедлила кошмарный полет сквозь темноту. Он напомнил себе, что погибнуть сейчас в автокатастрофе было бы нелепо, хотя последствия обещали немало интересного. Едва оборвалась бы деятельность его центральной нервной системы, как хрономоторная капсула, вшитая в его левое запястье, лишилась бы источника энергии... и его труп унесся бы во Время А.

Ситуация приобрела бы еще большую пикантность, если бы он умер не сразу, а в машине «скорой помощи» по дороге в больницу. Каким образом, подумал он с усмешкой, санитары сумели бы объяснить исчезновение внушительного кадавра?

Эти фантазии настолько успокоили нервы Бретона, что он сумел сосредоточиться на том, чем ему предстояло заняться в ближайший час. Схема выглядела простой: убить Джона Бретона, отвезти труп на буровую установку и надежно от него избавиться. Однако могли возникнуть практические трудности. Например, вдруг бурение отстало от графика и работа на установке ведется круглые сутки...

С облегчением убедившись, что к нему вернулась способность трезво рассуждать, Бретон начал высматривать боковую дорогу, где он в прошлый раз заметил щит строительной компании. Едва он начал следить за шоссе, как оно показалось ему совсем незнакомым. Он поехал еще медленнее, следя за восточной обочиной, притормаживая у каждого проселка, пока впереди не замаячил белесый квадрат щита. Лучи фар выхватили название «Бретон» в секции, отведенной для субподрядчиков, и он свернул с шоссе. Машина запрыгала по глубоким колеям, оставленным тяжелыми грузовиками, слева и справа закурчавились облака пыли.

Минуты через четыре дорога влилась в широкую изгрызенную площадку, где уже потрудились бульдозеры. Бретон вел машину зигзагами, шаря фарами по штабелям строительных материалов, пока не увидел башенки буровых установок. Ни возле них и нигде еще не было видно ни одной живой души. Он развернулся и поехал назад к шоссе, радуясь, что не напрасно потратил этот десяток минут.

Он снова мчался на север и чувствовал себя все более уверенно. Еще недавно казалось, что все идет не так, что Время Б предало своего творца, но виноват в этом был он сам. Дни, которые он провел с Кэт и Джоном, почему-то подорвали его силу и целеустремленность...

Ночное небо впереди внезапно озарил пульсирующий блеск.

Миниатюрное солнце прорезало по нисходящей дуге поле его зрения, волоча за собой огромные извивающиеся

шлейфы пламени, и исчезло за деревьями на холме менее чем в миле от шоссе. Силуэты деревьев четко вырисовывались на фоне ослепительной вспышки, на машину обрушился грохот взрыва, и Бретона парализовал первобытный ужас. Раскатилось еще несколько громовых ударов, слабея, замирая в олимпийском рокоте и ворчании.

Бретон, весь мокрый от испарины, мчался сквозь ночь в жуткой тишине. Несколько тягостных секунд спустя его рассудок робко выбрался из палеолитической пещеры в двадцатый век и объяснил ему, что он наблюдал падение болида. С запинкой выругавшись, он крепче сжал рулевое колесо.

«Небо, — подумал он с непонятной убежденностью, — вот мой враг».

Он выехал на гребень гряды и далеко слева увидел топазовые осколки огня, колеблющиеся на травянистом склоне.

Еще немного — и тут появятся толпы любопытных. Бретон разбирался в психологии среднего горожанина штата Монтана. Даже простого низового пожара было достаточно, чтобы они потом хлынули из своих иссохших домов, нелепо радуясь возможности помчаться куда-то на новеньких автомобилях, которые — такие большие, такие быстрые — в необъятной прерии не могли исполнять обязанности ковра-самолета.

И падение болида привлечет всех в радиусе ста миль — и даже еще с больших расстояний, едва сообщение об этом событии будет передано по местному радио. А это значит, что, возвращаясь с мертвецом в багажнике, он окажется в густом потоке машин. Не исключено, что дорожная полиция выставит посты. Бретону представилось, как люди в синей форме с суровыми лицами хлопают по крышке его багажника на манер лейтенанта Конвери.

Такая возможность его встревожила, но, с другой стороны, болид оказал ему услугу: в подобной толчее вряд ли кто-то обратит внимание на его машину или запомнит, куда она ехала и куда сворачивала. Он увеличил скорость, чтобы убраться подальше до появления первых зевак.

Домик окутывала бы непроницаемая тьма, если бы не мерцающие полотнища огней на севере и не трассирую-

щие пули метеоров, разбивающие небо на неправильные ромбы. Бретон вылез из машины и быстро зашагал к домику, прижимая руку к боковому карману, чтобы пистолет не бил его по бедру.

В меняющемся неестественном свете очертания домика, казалось, сжимались, колебались, расширялись в какой-то злорадной тряске. Вновь Бретон ощутил холод и бесконечную усталость. Он открыл дверь, вошел в дышащий мрак, инстинктивно выхватив пистолет. У лестницы в подвал он не сразу решился зажечь свет.

Потом, запульсировав, люминесцентный плафон озарил Джона Бретона. Он лежал на боку в центре пола в грязной пропыленной одежде, совсем как мертвый, но его глаза смотрели внимательно и настороженно.

— Я пытался высвободиться, — произнес он почти небрежно, когда Джек начал спускаться по лестнице. — Чуть не лишился обеих кистей. — Он приподнялся, словно собираясь показать свои руки, и тут заметил пистолет. — Уже? — Голос его был не испуганным, а грустным.

Джек вдруг заметил, что пытается спрятать пистолет за спиной, и вынудил себя поднять его и прицелиться.

— Ты встанешь?

— А зачем? — Джон словно почувствовал, что это дает ему какое-то психологическое преимущество. — Что это даст?

— Ну ладно! — Джек снял пистолет с предохранителя и снова прицелился. Для чего было тянуть? Совершенно не для чего...

— Нет-нет! — В голосе Джона появилась дрожь. — Ты что, правда это сделаешь?

— Другого выхода у меня нет. Мне очень жаль.

— И мне жаль — нас всех троих.

— Прибереги жалость для себя.

Джек согнул палец, но спусковой крючок почему-то не поддавался, словно плунжер гидроцилиндра, и потянулись медлительные секунды. Джон было замер, но тут решимость оставила его, и он начал отчаянно извиваться, стараясь подальше отодвинуться от черного дула. Его подошвы скребли по бетону, он отползал. Джек сжал левой рукой запястье правой, целясь, целясь... Наконец-то спус-

ковой крючок подался, заскользил к оргиастическому финалу.

Внезапно в Джека Бретона ударил холодный воздух.

Он обернулся в панике, чуть было не выстрелив. В нескольких шагах от него висело что-то прозрачное. Лицо Бретона свела гримаса ужаса — он узнал знакомую, страшную двудольную форму.

Человеческий мозг!

На его глазах под невесомыми полушариями возникла вертикаль спинного мозга, от нее облачками начали ветвиться тонкие и тоненькие шнурки — и вот на несколько секунд образовалось что-то вроде объемного муляжа нервной системы человека.

Еще один более сильный порыв холодного ветра... И Джек Бретон, окаменев, уставился на мужское лицо.

«Я тоже, наверное, выглядел так, — подумал Джек Бретон в этот мучительный миг. — Наверное, я выглядел так, когда явился на свидание у трех вязов... Возникший в темноте мозг — жуткий, пульсирующий, омерзительный. И разбегающаяся вниз паутина нервов, точно нити плесени, и тут же их скрыла моя плоть». Об этом аспекте передвижения во времени он ни разу не задумывался — прибытие, его детали...

Он не додумал, ошеломленный выводом из этой мысли.

— Джек, убери пистолет.

Голос незнакомца был глухим и безжизненным, и все-таки создавал ощущение категоричности. Он шагнул к Джеку Бретону и холодный свет плафона упал на его лицо. В первый миг Джеку показалось, что природа сыграла с этим лицом злую шутку: всего один глаз, но два рта!

Сосредоточившись, сфокусировав взгляд, он убедился, что глаз действительно один. Вместо второго над пустой глазницей смыкались запавшие веки — глазное яблоко исчезло, и его ничем не заменили, не постарались замаскировать потерю. А верхнее веко соприкасалось с нижним в подобии сардонической улыбочки — совсем такой, какая кривила губы незнакомца.

Бретон смутно заметил седеющие пряди волос, прикрывавшие изъязвленные проплешины, глубокие дряблые

морщины, изношенную одежду непривычного покроя, но все его внимание поглощает ужасный второй рот.

— Кто... — еле выдавил он. — Кто вы такой?

Ответ донесся с пола.

— Не узнаешь, Джек? — с бесстрастным упреком сказал Джон Бретон. — Это ты.

— Нет! — Джек Бретон попятился, инстинктивно подняв пистолет. — Неправда!

— И тем не менее это так, — мстительно возразил Джон. — Этот аспект путешествий во времени мне знаком гораздо лучше, чем тебе, Джек. Ты не оценил ту быстроту, с какой я тебя узнал и признал в тот первый вечер...

— Не препирайтесь! — перебил незнакомец, устало и властно, словно умирающий император. — Я не предвидел, что вы оба останетесь совсем мальчишками, а времени так мало!

Джон Бретон с трудом поднялся на ноги.

— Ты меня развяжешь?

— Нет времени. — Незнакомец покачал головой. — Я не прибегну к насилию и не спровоцирую насилия. У меня в распоряжении только... слова.

— Я спросил, кто вы, — сказал Джек Бретон.

— Ты знаешь сам. — Голос незнакомца стал еще более усталым, точно силы его иссякли. — Намереваясь перебраться в этот поток времени, ты окрестил себя Бретоном А, а Джона — Бретоном Б. У меня есть причины не любить бесчувственные ярлыки, а потому я зовусь Бретон Старший. Так пристойнее.

— Я могу всадить в вас пулю, — напомнил Бретон ни с того ни с сего, просто пытаясь подавить нарастающую растерянность.

— Зачем? Ты же сам один раз проделал возвращение во времени и знаешь, как это сказывается на нервной системе. И понимаешь, что выдержать такое напряжение я смогу очень недолго, а тогда меня всосет темпоральная пустота, которую я оставил в своем времени.

Бретон вспомнил, как валялся оглушенный в траве, застрелив Шпиделя. Он кивнул. И ведь тот прыжок длился

считанные секунды! Так что же вытерпит Бретон Старший, когда вернется?.. Но эту мысль заслонили теснящиеся в мозгу вопросы.

— Ты сумел осуществить этот переброс, потому что вдобавок к особенностям в строении твоего мозга ты испытывал всепоглощающую потребность вернуться и исправить совершенную ошибку. Но твоя мания толкнула тебя на куда более страшную ошибку. У этой ошибки есть два разных аспекта — личный и вселенский. — Голос Старшего задрожал. Он отошел к захламленному рабочему столу и прислонился к нему. Скованность его движений напомнила Джеку Бретону, с каким трудом он ходил, опутанный приклеенными к коже проводами.

— Личная ошибка, — продолжал Бретон Старший, — заключалась в том, что ты не смирился со смертью Кэт. Ведь это означало бы признать и свою часть вины. Трагедии выпадают на долю многих людей, но их ценность как личностей измеряется способностью преодолеть трагедию и обрести новый смысл жизни... Тебе это напоминает статью в дамском журнальчике?

Джек Бретон кивнул.

— Я так и подумал. Но даже ты, хотя и не хочешь в этом признаться, уже осознаешь истинность моих слов. Где то счастье, Джек, которое, по-твоему, поджидало тебя во Времени Б? Все получилось так, как ты ожидал?

Бретон замялся лишь на секунду. Бросив взгляд на Джона Бретона, он ответил:

— Все улаживается. У меня есть трудности с Кэт, но это чисто личное дело...

— Неверно! — Единственный глаз Бретона Старшего сверкнул, как фонарь проблескового маяка. Это еще одна причина, почему тебе необходимо вернуться в свой вероятностный мир. Если ты этого не сделаешь, то попросту уничтожишь две вселенные.

Слова эти показались Джеку Бретону странно знакомыми, как будто он когда-то слышал их во сне. Первым его поползновением было возмущенно закричать, запротестовать, но какая-то часть его сознания уже давно установила, что... небо — его враг. У него подогнулись колени.

— Продолжай, — попросил он еле слышно.

— На каком уровне мне объяснять?

— Только самое основное.

— Вспомни свои исследования. Хорошо разбираясь в электротехнике, ты тогда пришел к выводу, что основным препятствием для создания хрономотивного устройства являются правила Кирхгофа. Ты сосредоточился на втором правиле, на том факте, что алгебраическая сумма электродвижущихся сил в любой замкнутой цепи или сети равна алгебраической сумме падений напряжений на участках...

— Проще, — попросил Джек Бретон. — Я не способен соображать.

— Отлично. Тем более что мое время истекает. Перейдем к закону сохранения энергии и массы. Вселенная представляет собой абсолютно замкнутую систему и подчиняется принципу, согласно которому сумма ее энергии и массы постоянна. Пока ты не покинул Время А, оно содержало всю массу и энергию, какими когда-либо обладало или будет обладать. — Бретон Старший говорил все быстрее и быстрее. — Но ты, Джек, сгусток энергии и массы, так что, покинув Время А, ты создал потерю там, где потери быть не может. А войдя во вселенную Времени Б, ты создал добавку, перегрузку пространственно-временной ткани. Подобные нарушения равновесия остаются без последствий лишь очень короткий срок...

— Так вот в чем дело! — негромко произнес Джон Бретон, в первый раз вмешиваясь в разговор. — Вот что происходит! Изменяющаяся константа силы тяготения, метеоры и прочее... — Он ошеломленно взглянул на Джека. — И началось все в тот вечер, когда появился ты. Я успел увидеть парочку метеоров, когда провожал Мириам и Гордона. А перед этим Карл позвонил и сказал, что...

— Мое время на исходе, — перебил Бретон Старший. Он навалился боком на стол и голос его перешел на страдальческий шепот. — Джек, чем дольше ты будешь оставаться вне своей вселенной, тем больше будет дисбаланс, который ты внес в обе вселенные и который уничтожит оба потока времени. Ты должен вернуться... *немедленно!*

— Я все-таки не понимаю... — Джек Бретон глубоко вздохнул, понукая отупевший мозг. — Ты говоришь, что,

оставшись тут, я уничтожу эту вселенную. Но ты же, очевидно, вернулся в эту точку времени из будущего, хотя, по твоим словам, оно не существует.

— По-твоему, через сколько лет я вернулся?

— Не знаю. — Джеку Бретону стало страшно.

— Через двадцать лет? Через тридцать? — не отступал Бретон Старший.

— Что-нибудь вроде.

— Всего через четыре года.

— Но... — Джек ужаснулся и увидел тот же ужас на лице Джона.

— Я старше вас на четыре года. — Бретон Старший, видимо, собрал последние силы. — Но ты, очевидно, не осознал суть ситуации. Моя вина, что я не объяснил толком, но я думал, ты сообразишь... Пойми, Джек! Я — то, чем станешь ты, если убьешь себя во Времени Б и останешься жить в нем с Кэт. Я поступил так, как собирался поступить ты в тот момент, в который я вернулся, и у меня все сошло удачно... Удачно! — Бретон Старший засмеялся смехом, какого Джон никогда еще не слышал. Он продолжал говорить, но уже не обращался ни к Джеку, ни к Джону. Его бессвязные фразы были штрихами, из которых слагался Лик Конца Вселенной.

Узы тяготения слабели, и планеты ускользали от породившего их Солнца на орбите, определяемые новым равновесием силы тяготения и центробежной силы. Но бегство их было недостаточно быстрым — Солнце гналось за ними, как обезумевшая мать, жаждущая истребить своих детей. Раздувшееся, налитое ядерным гноем собственного распада, оно обрушивало на свою дочь невообразимые количества смертоносной радиации.

Бретон Старший прожил четыре года в мире, где две формы смерти вели нескончаемый бой за наибольшее число человеческих жертв. Старинные губители — голод и чума — состязались с новыми соперниками — эпидемией рака и эпидемией нежизненноспособных мутаций.

Когда Кэт погибла от болезни, не успевшей получить название, он вновь обнаружил в себе то, чего лишился с момента

первого возвращения с прошлое, — хрономотивный потенциал, который другие люди назвали бы раскаянием. Он принялся конструировать новый хронометр и вопреки всем трудностям, вроде потери изъеденного болезнью глаза, завершил работу в течение нескольких недель. Он намеревался убедить Бретона А вернуться в свой поток времени, тем самым восстановив вселенское равновесие, пока еще не поздно.

Если он преуспеет, поток Времени Б, ведущий к гибели вселенной, будет все равно продолжать все ускоряющееся движение под уклон — тут ничто помочь не могло, однако возвращение Бретона А создаст новый поток, модифицированный вероятностный Мир Времени Б, в котором Джон и Кэт Бретон могли бы мирно жить дальше.

Сам же Бретон Старший мог рассчитывать лишь на философское удовлетворение. Попробуй он останься в этом новом мире, холодные уравнения хрономотивной физики обрекли бы на гибель и этот новый мир. Но, увидев то, что он увидел, Бретон Старший соглашался утешаться сознанием, что где-то когда-то их мир существует.

Вначале, готовясь к переброске, он думал взять с собой ружье, чтобы Джек Бретон в любом случае вернулся в свою вселенную — точно так же, как в давней ранней жизни он вышвырнул Шпиделя из мира живых.

Но это был бы самый легкий выход, а он покончил с убийствами.

Если ему не удастся убедить Джека Бретона логическими доводами, ему придется умереть с невыносимым сознанием, что он обрек на гибель все живое во вселенной...

Джек Бретон слушал и вдруг ощутил, что невыносимое бремя двух вселенных теперь легло на его плечи. Он был глубоко потрясен и душевно, и телесно тем, что услышал от своего обезображенного альтер эго об ужасах и агонии, поджидающих в будущем этот поток времени. К горлу подступила мучительная тошнота, тело покрывал ледяной пот. Его личная маленькая вселенная тоже рассыпалась, и ему хотелось опровергнуть это, закричать «нет!», словно его протесты могли хоть что-то изменить.

Но перед ним в ожидании стоял Бретон Старший, образ его прошлого и его будущего, как портрет Дориана Грея.

Содрогаясь всем телом, он отшвырнул пистолет, быстро шагнул вперед и сжал руку Бретона Старшего.

— Хорошо, я вернусь, — прошептал он. — Можешь не перенапрягаться больше. Я обещаю.

Бретон Старший, видимо, взвешивал его слова, но затем, быть может, вспомнив, что у него нет больше даже секунды, сказал:

— Спасибо.

Это единственное слово еще не отзвучало, как Бретон Старший исчез. Джек Бретон смотрел на ничем не заслоненный рабочий стол. Он растерянно оглянулся на Джона Бретона. Лицо у него было землистым от шока. Они испытали мгновение ничем не замутненного взаимопонимания, которое не имело ничего общего с телепатией.

— Я... — Джек запнулся, подыскивая слова. — Сейчас я освобожу тебя от лески.

— Буду очень благодарен. Но все равно я тебя ненавижу.

— Я тебя за это не виню.

Бретон выдвинул ящик, нашел еще одну катушку лески и ее резаком перекусил путы на запястьях Джона. Нити распались с металлическим звоном. Он накладывал резак на леску, привязывавшую руку Джона к потолочной балке, как вдруг снаружи донесся звук скольжения резко затормозившей машины. И тут же хлопнули две дверцы.

Джек Бретон сунул катушку с резаком в окровавленную руку Джона и кинулся к столу. Он вспрыгнул на него и раздвинул занавески окошка над ним. В багровом сиянии неба он увидел «плимут» Конвери. Кэт уже бежала к домику, фигура ее была словно одета серебряным инеем. Бретон впился в нее глазами в последний раз. Овальное лицо, длинные ноги, груди, приподнимающиеся на бегу, отозвались мучительной болью в его сердце.

Он опустил занавески и спрыгнул со стола. В ящике с инструментами он нашел небольшую отвертку, сдвинул ремешок часов повыше и занес отвертку над бугорком хрономоторной капсулы. Потом нерешительно взглянул на Джона.

— Попрощаешься со мной?

— Прощай.

— Спасибо.

Джек Бретон глубоко всадил узкое лезвие в запястье, и мир Времени Б тяжело запрокинулся...

17

Конвери вылез из машины не так быстро, как Кэт Бретон.

Торопиться на этой стадии было ни к чему. Ответы, которые он искал девять лет, находились в десятке шагов от него, и деваться им было некуда. Он не спешил и упивался, распахнув все окна своего сознания — это была минута свершения.

Неровный свет неба был достаточно ярким, чтобы различать отдельные камешки. Он увидел «линкольн», припаркованный почти вплотную к лодочному сараю, и хотел уже повернуться к домику, как вдруг заметил у воды туфлю и подобрал ее. Мужская черная... та самая, которую накануне видел в руке Бретона. Но почему она валяется тут? Конвери пожал плечами. Что ж, и этот кусочек загадочной картинки встанет на свое место при последнем расчете.

Сжимая туфлю, он зарысил к домику за Кэт Бретон. И сразу же увидел, что кто-то приподнял занавеску за окошком подвала — на землю легла полоса белого света. В окошке появилось мужское лицо. Возможно, и Джона Бретона, но Конвери не был уверен. Вроде бы за человеком у окна маячила еще одна фигура, но тут по небу пронеслась сверкающая гроздь метеоров, стекло на миг преобразилось в расплавленное серебро, и в этот миг занавеска опустилась.

Конвери увидел, что Кэт Бретон уже скрылась в домике. Он взбежал на крыльцо и оказался в темной комнате. Ему пришлось ощупью искать выключатель. Когда лампа вспыхнула, он прыгнул к двери в подвал, распахнул ее и остановился как вкопанный на небольшой деревянной площадке.

Джон и Кэт Бретоны стояли в центре подвала. Они крепко обнимались. А больше в подвале никого не было. В душе Конвери шевельнулось зловещее предчувствие.

— Ну ладно! — рявкнул лейтенант. — Где он?

— Кто? — Джон Бретон с недоумением посмотрел на него.

— Тот, кто привез вас сюда. Похититель.

— Похититель?

— Послушайте, не надо морочить мне голову. — Конвери сбежал по лестнице. — Здесь есть другой выход?

— Нет.

— В таком случае, где человек, который запер вашу жену в шкафу и привез вас сюда?

— Простите меня, лейтенант! — Кэт Бретон подняла голову, продолжая обнимать мужа. — Произошла ошибка. Это... ну... семейное...

— Это не ответ. — Конвери еле сдержался, чтобы не повысить голоса.

— Но каким еще может быть ответ?

— Это я и намерен выяснить. Вам бы посмотреть на себя в зеркало, Джон. В каком вы виде! Почему?

Бретон пожал плечами.

— В свободные дни я позволяю себе быть неряхой. Особенно тут, на озере.

— У вас рука обмотана леской. Почему?

— Так получилось. Я отмеривал леску и запутался в ней.

Конвери вгляделся в Бретона. Синяки на лице, видимо, суточной давности, но в лице этом появилась сила, которой прежде в нем не было. И то, как муж и жена стоят, обнявшись, почти слившись в одно... По характеру его работы Конвери не так уж часто приходилось наблюдать проявления любви, но он умел ее распознавать. Значит, и тут события последних дней что-то изменили. Еще одно из слагаемых тайны.

— Я доставила вам столько хлопот по пустякам, — сказала Кэт Бретон. — Вы не останетесь, не выпьете с нами?

Конвери покачал головой, испытывая всю горечь поражения.

— Вижу, вам обоим не терпится остаться одним! — Заметив, что его ирония пропала втуне, он повернулся к лестнице и тут вспомнил про туфлю у себя в руке. Он взмахнул ею.

— Ваша туфля, Джон. Я подобрал ее у самой воды, наверное, вы заметили, что босы на одну ногу?

— Ага! — Джон Бретон виновато ухмыльнулся. — Когда я даю волю своему неряшеству, так иду до конца.

— Другого ответа я не ждал. Доброй ночи!

Конвери устало зашагал вверх по деревянным ступенькам. Ночной воздух охладил его нахмуренный лоб — он пытался осмыслить новый богатый материал, который принес ему этот вечер. В темной чаще небес над его головой метеоры все еще чертили огненные полоски, но он их практически не замечал. В его сознании они классифицировались как «не имеющие отношения к делу».

Конвери медленно направился к своей машине. На ходу его правая кисть словно бы сама начала сжиматься, изгибаться, разжиматься в ожидании магического голоса, который так и не зазвучит никогда.

18

Джеку Бретону просто показалось, что кто-то выключил в подвале свет.

Он стоял, окутанный внезапным мраком, хрипло дыша из-за адской боли в запястье и напряженно прислушиваясь, не донесутся ли сверху какие-нибудь звуки. Через десяток секунд он расслабился. Во вселенной Времени А рыбацкий домик был темным и пустым. И, во всяком случае, принадлежал не Бретону. А что, если он никому не принадлежит? И дверь подвала крепко заперта снаружи?

Бретон сделал шаг, ноги у него подогнулись, и он упал ничком, с грохотом ударившись о что-то вроде ящика. Когда он попытался встать с замусоренного пола, руки и ноги не послушались его, и он снова упал лицом вниз.

Во второй раз он повел себя осторожнее: уцепился обеими руками за ящик и поднимался медленно, дюйм за дюймом. Встав на ноги, он прислонился к шершавым доскам, еле переводя дух.

— Кэт!

Он слепо посмотрел по сторонам, сжимающимся сердцем сознавая, что она сейчас здесь, в подвале, отделенная от него только незримыми барьерами вероятности. И с ней там Джон Бретон. И они обнимаются.

Джек Бретон напрягся в ожидании приступа нестерпимой боли, но каким-то чудом она не нахлынула. Вместо нее он ощутил только чистую светлую легкость примирения с судьбой. Он совершил ошибку, но исправил ее. Успел привести все в порядок.

Он ощупью добрался до лестницы и медленно, точно старик, поднялся по деревянным ступенькам. Нащупал ручку, нажал, и дверь отворилась. Верхнюю комнату озарили падающие в окна отблески красноватого неверного света. Во Времени А небо тоже бороздили метеорные ливни, но теперь, когда он восстановил космический баланс, все вернется на свои места.

Прежде чем закрыть за собой дверь, Бретон оглянулся на безмолвный мрак пустого подвала.

— Извините меня! — произнес он, чувствуя себя очень глупо, но не в силах удержаться. — Я вижу, вам обоим не терпится остаться одним.

И логике вопреки он поверил, что они его услышали.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭПИЦЕНТР

© 1971 Bob Shaw
Перевод на русский язык © 1993 А. Корженевский

ПРОЛОГ

Мой палец лежит на черной кнопке. Улица за окном выглядит безмятежно, но на этот счет я не обманываюсь — там меня ждет смерть. Мне казалось, я готов к встрече с ней, однако теперь меня охватывает странное оцепенение. Оставив все надежды на жизнь, я все еще не хочу умирать. Подобное состояние напоминает мне состояние мужчины, чей брак разваливается (об этом я могу судить достаточно авторитетно), но у которого не хватает выдержки или инициативы для собственного романа. Такой мужчина, собравшись с духом, может смело и с вызовом глядеть в глаза другой женщине, но втайне мечтает, чтобы она сделала первый шаг, потому что, несмотря на его стремление, сам он на это не способен. Так и я трепещу в нерешительности на пороге одной из тысяч дверей, за которыми живет смерть.

Мой палец лежит на черной кнопке.

Небо тоже выглядит мирно, но кто может знать? Возможно, именно сейчас где-то там, в свинцовом океане ветров, самолет готовится высвободить из своего чрева маленькое рукотворное солнце. Или в стае ложных целей и кувыркающихся обломков носителя проходит верхние слои атмосферы боеголовка баллистической ракеты. Целый город исчезнет со мной, но пока я еще могу выдержать мысль о семидесяти тысячах смертей: лишь бы хватило времени

исполнить задуманное до того, как в небе расцветет и набухнет огненная комета.

Лишь бы хватило времени нажать черную кнопку.

Левая рука висит безжизненной плетью, ручеек крови стекает в ладонь, заставляя невольно сжимать кисть, цепляться за эту жизнь. Я не могу найти отверстие в рукаве, куда вошла пуля: ткань сомкнулась вокруг него, словно перья птицы, и это кажется странным. Хотя что я понимаю в подобных делах?

Как случилось, что я, математик Лукас Хачмен, попал сюда? Это должно быть интересно — обдумать все. События последних недель, но я устал, и мне нельзя отвлекаться.

Я должен быть готов нажать черную кнопку.

ГЛАВА 1

Хачмен взял со стола лист бумаги, еще раз взглянул на текст и почувствовал, как что-то странное происходит с его лицом. Ощущение ледяного холода, возникнув у висков, медленной волной прокатилось по щекам к подбородку. Там, где проходила волна, поры открывались и закрывались неровной границей, какая бывает от ветра на хлебном поле. Кожу слегка покалывало. Хачмен приложил руку ко лбу и понял, что его лицо покрылось холодным потом. «Холодный пот, — подумал он, невольно схватившись за возможность сосредоточиться на чем-то тривиальном. — Оказывается, это не просто фигуральное выражение...»

Он отер лицо и встал, ощущая необычную слабость. Лист бумаги отбрасывал солнечные лучи прямо в лицо и, казалось, светился зловещей белизной. Лукас уставился на плотно нанизанные строчки, но его сознание упорно отказывалось принимать то, что они описывали. «Господи, какой безобразный почерк! В некоторых местах цифры в три-четыре раза больше, чем обычно. Очевидно, это должно говорить о слабости характера...»

Неясный цветной силуэт, что-то розовато-лиловое двинулось за дымчатой стеклянной перегородкой, отделявшей кабинет Хачмена от комнаты секретарши. Он судорожно схватил листок и, скомкав, спрятал в карман, но цветное пятно направилось не в его сторону, а к коридору. Лукас приоткрыл разделяющую их комнаты дверь и взглянул на Мюриел Барнли. Ее лицо напоминало ему настороженное лицо благонравной деревенской почтальонши, а чрезмерно пышная фигура, видимо, служила ей постоянным источником смущения.

— Ты уходишь? — спросил Хачмен первое, что пришло в голову, в который раз окидывая взглядом ее маленький, задушенный картотечными шкафами кабинетик. Рекламные плакаты бюро путешествий и горшки с цветами, которыми Мюриел пыталась его украсить, лишь усугубляли впечатление замкнутости и тесноты.

Она со сдержанным вызовом посмотрела на свою правую руку, уже вцепившуюся в дверную ручку, перевела взгляд на кофейную чашку и обернутую в фольгу плитку шоколада в левой, затем на настенные часы, показывавшие 10.30 — время, когда она обычно уходила на перерыв к другой секретарше дальше по коридору. Все это молча.

— Я просто хотел спросить, где сегодня Дон? — продолжал плести Хачмен. Дон Спейн сидел в кабинете по другую сторону от Мюриел и занимался бухгалтерскими расчетами.

— М-м-м... — Лицо Мюриел исказилось осуждающей гримасой, и только глаза за темными стеклами очков, предписанных врачом, оставались скрытыми от Хачмена. — Он будет только через полчаса. Сегодня четверг.

— А что бывает в четверг?

— В этот день он занят на своей другой работе, — уже на пределе терпения ответила Мюриел.

— А-а-а. — Хачмен вспомнил, что Спейн устроился составлять платежные ведомости для маленькой пекарни на другом конце города и по четвергам ездил сдавать работу. Как часто указывала Мюриел, вторая работа — это нарушение правил, но на самом деле главным источником ее раздражения было то, что Спейн частенько заставлял ее

печатать деловые бумаги, касающиеся пекарни. — Ну ладно, беги пей кофе.

— Что я и собиралась делать.

С этими словами Мюриел вышла и плотно закрыла за собой дверь.

Хачмен вернулся к себе и достал из кармана скомканный расчет. Взяв листок за угол, он поднес его к металлической корзине и поджег с другого конца от тяжелой настольной зажигалки. Бумага неохотно разгоралась и вдруг вспыхнула с неожиданно большим количеством зловонного дыма, и в этот момент дверь в приемную Мюриел открылась. За стеклом появился серый силуэт, размытое пятно лица двинулось к его кабинету. Хачмен бросил бумагу на пол, затоптал и спрятал остатки в карман одним молниеносным движением. Секундой позже Спейн просунул голову в дверной проем и улыбнулся своей заговорщицкой улыбкой.

— Привет, Хач! — хрипло произнес он. — Как дела?

— Неплохо. — Лукас покраснел и, поняв, что это заметно, смутился еще больше. — Я хочу сказать, все нормально.

В предчувствии чего-то важного улыбка на лице Спейна стала шире. Этот маленький лысеющий неопрятный человек отличался почти патологическим стремлением знать все, что можно, о личной жизни своих сослуживцев. Предпочитал он, разумеется, информацию скандального характера, но за неимением таковой был рад любой мелочи. За прошедшие годы у Хачмена развился просто гипнотизирующий страх перед этим вынюхивающим, выспрашивающим хорьком и его терпеливой манерой вызнавать то, что его не касается.

— Кто-нибудь меня спрашивал сегодня утром? — Спейн прошел в кабинет.

— Не думаю. Можешь теперь неделю ни о чем не беспокоиться.

Спейн моментально распознал намек на вторую работу, и его взгляд на мгновение встретился со взглядом Лукаса. Хачмен тут же пожалел о своей реплике, почувствовав себя как-то замаранным, впутанным в дела Спейна.

— Что за запах? — На лице Дона отразилась озабоченность. — Где-нибудь горит?

— Корзина для бумаг загорелась. Я кинул туда окурок.

— В самом деле? Ты что, Хач? — В глазах Спейна появилось взволнованное недоверие. — Этак ты все здание спалишь.

Хачмен пожал плечами, взял со стола папку и принялся изучать ее содержимое. В папке были собраны выводы по испытаниям опытной пары ракет «Джек-и-Джилл». Все, что ему было нужно, он уже знал, но надеялся, что Спейн поймет намек и уйдет.

— Ты вчера смотрел телевизор? — с самодовольством в голосе спросил Спейн.

— Не помню. — Хачмен нарочно усердно принялся листать пачку графиков.

— Ты видел, там была такая беленькая штучка в эстрадной программе Морта Уолтерса? Она еще петь пыталась.

— Нет.

Хачмен, по правде говоря, видел певичку, о которой говорил Спейн, но не имел никакого желания вступать с бессмысленный разговор. Тем более что видел он ее довольно кратко. Он оторвал взгляд от книги и только заметил на экране женскую фигуру с невероятно раздутым бюстом, когда в комнату вошла Викки и с выражением крайней неприязни на лице выключила телевизор, окатив Лукаса холодным, как арктический лед, взглядом. Весь вечер он ждал вспышки, но, похоже, в этот раз Викки спокойно перегорела внутри...

— Певица! — продолжал презрительно Спейн. — Могу представить, как она пролезла на сцену! Каждый раз, когда она делала вдох, я думал, эти баллоны выскочат наружу.

«Что происходит? — пронеслось в голове у Хачмена. — То же вчера говорила Викки... Из-за чего они заводятся? И почему им что-то от меня надо? Можно подумать, это я составляю программы...»

— ...Всякий раз смеюсь, когда слышу весь этот шум насчет жестокостей на экране, — продолжал Спейн. — Все это чепуха! А вот о чем будут думать дети, видя перед собой этих полураздетых девиц?

— Очевидно, о сексе, — с каменным выражением лица ответил Хачмен.

— Разумеется! — победно завершил Спейн. — А я тебе о чем говорю.

Хачмен зажмурился. «Этот... Это, стоящее передо мной, называется взрослым представителем так называемого человечества. Спаси нас, Господи! Кто угодно, помогите нам! Викки устраивает сцены ревности из-за светящегося изображения в электронно-лучевой трубке... А Спейн предпочитает видеть на экране военные действия где-нибудь в Азии: измученных пытками женщин и мертвых детей у них на руках с окаймленными синевой пулевыми отверстиями во лбу... Изменит ли что-нибудь лежащий у меня в кармане обгорелый клочок бумаги? Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку! Но сможем ли мы изменить наш чудовищно запутанный мир? Сможем ли прервать зловещий танец смерти?»

— ...И все эти девки, которых показывают по ящику. Все они туда же! Будь я женщиной, я бы нажил целое состояние. — Спейн сально хохотнул.

— Только не на мне, — очнулся Хачмен.

— Я не твой тип, да? Недостаточно интеллектуален?

Взгляд Хачмена упал на большой отполированный булыжник, которым он прижимал к столу бумаги, и ему тут же представилось, как здорово было бы двинуть им Спейна по голове. Оправданное уничтожение вредных насекомых...

— Проваливай отсюда, Дон. Мне надо работать.

Спейн противно чихнул и вышел в смежный кабинет, прикрыв за собой дверь. Серый силуэт за стеклом застыл на несколько секунд в районе стола Мюриел. Послышался шорох бумаги, стук открываемых и закрываемых ящиков. Но вот изображение растаяло — Спейн направился к себе.

Хачмен наблюдал эту пантомиму через дымчатое стекло и наполнялся презрением к себе за то, что у него ни разу не достало смелости высказать Спейну все, что он о нем думает. «Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку, но каждый раз теряюсь перед этим клещом...» Он вынул из сейфа пухлую папку с грифом «секретно» и попытался сосредоточиться над тем, за что ему платили деньги.

«Джек» представлял собой обычную ракету класса «земля-воздух» с простейшей системой наведения-управления, то есть посредством радиосигналов со стартовой позиции. Строго говоря, это была всего лишь новая модификация более ранней вестфилдской ракеты, страдающей от общего для подобных устройств недуга — потери точности управления по мере увеличения расстояния от точки запуска. Специалисты Вестфилда выступили с идеей переноса части управляющей наведением аппаратуры во вторую ракету — «Джилл», которая должна запускаться через долю секунды после «Джека». Смысл в том, что «Джилл» будет следовать за первой ракетой и сообщать данные об относительном положении «Джека» и движущейся цели — единственный способ сохранять простоту наведения, повысив точность до уровня самонаводящихся ракет. Если все получится, система будет обеспечивать значительную дальнобойность и высокую надежность при относительно низкой стоимости. И Хачмену как старшему расчетчику Вестфилда было поручено разработать систему математического обеспечения, снизив количество переменных до такой степени, когда «Джек-и-Джилл» можно будет подключать к чему-нибудь не сложнее обычного прибора управления огнем.

Работа в области, далекой от квантовой механики, мало интересовала Хачмена, но фирма располагалась поблизости от родного города Викки, которая наотрез отказалась перебираться в Кембридж, где Лукасу предлагали интересную работу в Кавендишской лаборатории. Собственно говоря, Викки вообще не хотела никуда переезжать, а Лукас слишком ответственно относился к браку, чтобы думать о разрыве. Над математикой элементарных частиц он работал в свободное время скорее для удовольствия, чем с какими-то серьезными целями. «Удовольствие! Доигрался... — Мысли, которые он упорно пытался загнать поглубже, неожиданно прорвались на передний план. — Мое собственное правительство... Любое правительство... Меня раздавили бы в секунду, если бы хоть кто-нибудь узнал, что лежит у меня в кармане... Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку...»

Судорожно вздохнув, он выбрал карандаш и, пытаясь сосредоточиться, начал работать. После часа тщетных попыток сделать хоть что-нибудь он позвонил начальнику кинолаборатории и договорился насчет просмотра последнего фильма о стрельбовых испытаниях «Джек-и-Джилл».

Виды моря, чистого голубого неба в прохладной обезличенной темноте кинозала создавали у него странное ощущение удаленности от всего мира. Темные силуэты ракет планировали, взмывали вверх, маневрировали, оставляя после каждого поворота маленькие облачка гидравлической жидкости. Затем, истощив запас топлива, опускались в море, медленно раскачиваясь под ярко-оранжевыми грибами парашютов. «Джек» упал, а «Джилл»...

— Ничего из этого не выйдет, — раздался прямо над ухом Хачмена знакомый голос. Бонд Крэнгл, заместитель начальника конструкторской группы, незаметно вошел в зал и сел неподалеку. Крэнгл с самого начала выступал против проекта «Джек-и-Джилл».

— А вдруг?

— Никаких шансов, — доверительно прошептал Крэнгл. — Весь алюминий, что мы используем в аэрокосмической промышленности, — знаешь, куда он в конце концов попадает? Его плавят и делают мусорные баки, потому что при таком темпе гонки вооружений все наши самолеты и ракеты устаревают еще до того, как успевают подняться в воздух. Так что, Хач, мы с тобой помогаем делать мусорные баки. И было гораздо проще и честнее, а возможно, выгоднее устранить промежуточную стадию и производить сразу мусорные баки!

— Или орала...

— Или что?

— Это такие штуки, в которые полагается перековывать мечи.

— Точно, Хач. — Крэнгл тяжело вздохнул. — Время ленча. Давай-ка заглянем к «Дьюку» и пропустим по кружечке пивка.

— Нет, Бонд, спасибо. Я беру полдня за свой счет и еду домой. — Хачмен сам удивился своим словам, но тут же понял, что именно это ему и было нужно — побыть одному и

постараться привыкнуть к факту, что те несколько уравнений, записанных на клочке бумаги, могут сделать его самым важным человеком в мире. И нужно что-то решать.

Дорога до Кримчерча заняла меньше получаса. Чистое, почти пустое в это время дня шоссе выглядело несколько непривычно. Был свежий октябрьский полдень, и воздух, врывающийся в машину через приоткрытое окно, дышал холодом. Хачмен свернул на аллею к дому, и тут вдруг неожиданно понял: наступила осень. Щедрые дары меди и золота, разбросанные старыми буками, сплошным ковром устилали пешеходные дорожки. «Сентябрь проходит мимо меня каждый год, — подумал он. — И только когда мой любимый месяц проходит, я понимаю, что пришла осень».

Он затормозил у длинного невысокого дома, который отец Викки подарил им после свадьбы. Ее машины в гараже не было. Очевидно, она решила проехаться по магазинам, перед тем как забрать Дэвида из школы. Хачмен намеренно не стал звонить домой перед выездом. Когда Викки заводилась из-за чего-нибудь, он обычно не мог думать о серьезных вещах, а именно сегодня ему хотелось побыть одному, сохранив спокойствие и холодность ума. Еще в дверях мысль о жене вызвала у него цепочку воспоминаний, обрывков прошлого, частично окрашенных оттенками старых ссор и полузабытых разочарований. (Как в тот раз, когда она нашла у него в кармане домашний телефон Мюриел и решила, что здесь кроется роман. «Я знаю, что у тебя с этой толстой девкой... Это тебе даром не пройдет...» Или другой случай: у оператора ЭВМ прямо на работе началось кровотечение, и Лукас отвез ее домой. «Почему именно ты? Помогал ей избавиться от ребенка? Значит, по-твоему, женщина сошла с ума, если она не хочет, чтобы в дом занесли грязную болезнь?..» Господи!.. Взгляд Дэвида, полный слез... «Вы с мамой собираетесь разводиться, пап? Не уходи... Я обойдусь без карманных денег. И больше не буду мочить штаны...»)

Хачмен с трудом оторвался от картин прошлого. Зайдя в прохладную кухню, он постоял немного, потом решил,

что есть еще не хочет. Направился в спальню, сменил деловой костюм на джинсы и рубашку и достал из шкафа свой лук, отполированный до блеска прикосновениями рук. Вынес из сарая тяжелую мишень из уложенного спиралью каната и пристроил ее на треножнике за домом. Раньше сад был недостаточно велик для стрельбы в цель, но Хачмен купил соседний участок и убрал часть старого забора. Установив мишень, он начал привычный неторопливый ритуал подготовки: маленькими колышками обозначил на земле положение ног, несколько раз натянул и отпустил тетиву, проверил каждую стрелу и уложил их в колчан. Первая стрела плавно поднялась, кратко сверкнула на солнце, и через секунду он услышал твердый характерный удар, означающий попадание близко к центру. Взглянув в бинокль, Хачмен увидел стрелу в голубом круге около цифры «7».

Довольный тем, что он так точно оценил влияние влажности на гибкость лука, Хачмен выпустил еще две стрелы, подправил прицел, затем сходил за стрелами и принялся стрелять на счет, аккуратно вписывая результаты в свою записную книжку. И в то время, как руки сами выполняли нужные движения, одна часть разума направляла борьбу за совершенство в стрельбе, вторая билась над вопросом, имеет ли Лукас Хачмен право брать на себя роль «высшего судьи».

С технической стороны все было просто и предельно ясно. У него хватит способностей воплотить неровные цифры на обгорелом клочке бумаги в реальность. На это потребуется от силы несколько недель работы и на тысячу фунтов электрооборудования и электронных приборов, а результатом явится небольшая и довольно невпечатляющая на вид машина.

Но это будет машина, которая, будучи один раз включенной, практически мгновенно сдетонирует все ядерные запасы на Земле.

Антиядерная машина...

Машина против войны...

Средство, способное превратить мегасмерть в мегажизнь...

Осознание того, что нейтронный резонатор может быть построен, пришло к Хачмену однажды спокойным воскресным утром почти год назад. Он проверял кое-какие свои идеи относительно решения уравнения Шредингера для нескольких не зависимых от времени частиц, и вдруг случайно ему удалось на долю секунды заглянуть в глубь математических дебрей, скрывающих реальность от разума. Словно расступились заросли полиномов, тензоров, функций Лежандра, и вдали на мгновение призрачно мелькнула машина, которая может уничтожить бомбу. Просека тут же исчезла, но бегущий по бумаге карандаш Хачмена успел зафиксировать достаточно примет, чтобы позже отыскать дорогу к цели.

И вместе со вспышкой вдохновения возникло полумистическое ощущение, что он избран, что он — носитель огромной важной идеи. Ему приходилось читать о подобном явлении психики, часто сопровождающем всплески новых идей, но со временем ощущение прошло, затертое социальными и профессиональными соображениями. Как неизвестный поэт, создавший одно-единственное неповторимое произведение, как забытый художник, написавший одно-единственное бессмертное полотно, так и Лукас Хачмен, почти никому не известный математик, мог теперь оставить незабываемую веху в истории. Если только он осмелится...

Прошедший год не был годом ровных успехов. Одно время ему казалось, что уровень энергии, необходимый для инициирования незатухающего нейтронного резонанса, в несколько раз превзойдет энергетические ресурсы всей планеты, но вскоре сомнения рассеялись. Машина вполне надежно может работать от переносного аккумулятора, и ее сигнал будет передаваться от нейтрона к нейтрону, незаметно и безопасно, до тех пор, пока на его пути не встретится радиоактивный материал с массой, близкой к критической.

Последние сомнения рассеялись. Математические расчеты были закончены, и Хачмен только сейчас осознал, что не желает иметь со своим творением ничего общего.

Мысли путались, перебивая друг друга... «Шесть дюжин стрел со ста ярдов — общий счет 402... Нейтронный

резонатор является абсолютным средством обороны... Это твой самый высокий счет для ста ярдов... Но в ядерной войне абсолютное средство обороны может стать абсолютным оружием... Продолжай в том же духе, и ты доберешься до тысячи... Если я хотя бы заикнусь об этом в министерстве обороны, никто никогда меня больше не увидит, меня поместят в одно из тех тайных заведений в самой глубине страны... Ты уже давно мечтал о таком результате, четыре года или даже больше... А Викки? Что будет с ней? Она же с ума сойдет. И Дэвид?.. Теперь надо взять колчан, перейти на отметку восемьдесят ярдов, сохраняя полное спокойствие, и... В конце концов, существует баланс в ядерном вооружении. Кто имеет право нарушать его? Может, войны не будет? Сколько лет прошло после Второй мировой войны, и ничего. От напалма японцев погибло не меньше, чем в Хиросиме и Нагасаки... Надо перевести прицел на восемьдесят ярдов, взять стрелу, левый локоть в сторону, легко натянуть тетиву, коснуться ее губами, прицел на желтый круг, держать, держать...»

— Ты почему не на работе, Лукас? — Голос Викки раздался совсем рядом.

Хачмен проводил взглядом уходящую в сторону стрелу. Стрела воткнулась в мишень почти у самого края.

— Я не слышал, как ты подошла, — как можно спокойнее произнес он, оборачиваясь к жене, и, взглянув на нее, сразу понял, что она напугала его нарочно. Светло-карие глаза мгновенно ответили на его взгляд. Враждебно. «О Господи!..»

— Зачем ты подкрадывалась? Ты испортила мне выстрел.

Она пожала плечами, при этом ясно, как на картинах да Винчи, проступили под золотистой кожей широкие ключицы.

— Ты можешь играть в лучника хоть целый вечер.

— Сколько раз тебе говорить, это не игра.

Старый трюк... Хачмен одернул себя и продолжал уже спокойнее:

— Чего ты хочешь, Викки?

— Я хочу знать, почему ты не на работе вторую половину дня? — Викки скользнула критическим взглядом по сво-

им загорелым рукам. Летний загар уже начал сходить, но и сейчас еще был темнее, чем янтарного цвета платье с короткими рукавами. В лице — скрытая тревога, которую иногда можно заметить у красивых женщин при виде своего отражения в зеркале. — Я полагаю, мне можно это знать?

— Не хотелось работать. А что? — И тут же в голове пронеслось: «Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку...» — Такой ответ тебя устраивает?

— Очень мило. — Словно дым, пролетевший на фоне солнца, на гладком лице Викки мелькнуло неодобрение. — Хотела бы я, чтобы можно было бросать работу, когда захочется!

— По-моему, ты в лучшем положении: ты даже не начинаешь работать, пока не захочется.

— Хм! Ты ел?

— Я не голоден. Если ты не возражаешь, я закончу стрельбу.

Хачмену отчаянно хотелось, чтобы Викки оставила его в покое. Несмотря на пущенную мимо стрелу, он еще мог набрать за тысячу очков, если только отключиться от всего мира и к каждой стреле относиться так, словно она последняя. Воздух стоял неподвижно, солнце ровно освещало раскрашенную кругами мишень. Хачмен чувствовал, что следующая стрела попадет точно в центр. Если только его оставят в покое...

— Ну-ну. Опять в транс впадаешь? С кем это, интересно, ты себя воображаешь? С Тришей Гарланд?

— Триша Гарланд? — Красная змейка раздражения уже разворачивала свои кольца в его мозгу. — Черт! Это еще кто такая?

— Как будто ты не знаешь!

— Не имею чести знать эту даму...

— Даму! Надо же такое сказать!.. Назвать дамой эту... Эту постельную грелку, которая ни одной ноты спеть правильно не может, а уж настоящую даму не узнает, даже если ее перед собой увидит.

Хачмен замер с полураскрытым ртом: жена явно имела в виду вчерашнюю телевизионную певичку. Затем его на мгновение захлестнула ярость. «Ненормальная, — мыс-

ленно произнес он. — Ты настолько ненормальна, что даже стоять рядом с тобой...»

— Последнее, чего бы я хотел, — сказал он вслух, изо всех сил сохраняя спокойствие, — это чтобы кто-нибудь пел, пока я стреляю.

— Ага, значит, ты знаешь, о ком я говорю! — восторжествовала Викки. — Почему ты тогда делал вид, что ее не знаешь?

— Викки! — Хачмен повернулся к ней спиной. — Будь добра, прикрой, пожалуйста, крышкой эту помойку, которую ты называешь своей головой, и выпусти пар где-нибудь в другом месте, пока я...

Он взял стрелу, натянул тетиву и прицелился. Дрожащие в нагретом воздухе концентрические круги казались теперь очень далеко. Он выстрелил и еще до того, как лук зазвенел недовольно и негармонично, понял, что дернул тетиву слишком резко, вместо того чтобы плавно ее отпустить. Стрела прошла высоко и пролетела над мишенью. Хачмен выругался, но это не помогло разрядить напряжение, и он стал снимать снаряжение, нервно выдергивая ремешки застежек.

— Извини, дорогой. — Викки произнесла это извиняющимся тоном, как маленький ребенок, подошла со спины и обняла его. — Я не виновата, что так тебя ревную.

— Ревнуешь! — Хачмен истерически хохотнул, чувствуя, что на самом деле близок к слезам. — Если бы ты застала меня целующим другую женщину и тебе это не понравилось, тогда это называлось бы ревностью. А то, что ты выдумываешь про людей, которых показывают по ящику, мучаешь себя и вымещаешь это на мне — это... это черт знает что!

— Я тебя так люблю, что не хочу, чтобы ты даже замечал других женщин. — Рука Викки скользнула от пояса ниже, и в то же мгновение Хачмен почувствовал, как она прижалась грудями к его пояснице и ткнулась головой ему между лопатками. — Дэвид еще не пришел из школы...

«Я буду последним дураком, если поддамся так быстро...» — сказал себе Хачмен, но уже не мог прогнать мысль о доме, где никого нет — редкий случай — и где можно,

не таясь, не сдерживаясь, заняться любовью, что, собственно, Викки и предлагала. Она так любит его, что не хочет, чтобы он даже замечал других женщин — в таком свете ее слова и поступки выглядят почти логично. Викки настойчиво прижималась упругим животом к его ягодицам, и он уже готов был поверить, что сам во всем виноват, потому что вызывает в ней эту неукротимую страсть. Хачмен повернулся и позволил себя поцеловать, рассчитывая обмануть ее, отдать тело и сохранить за собой разум, но по дороге к дому понял, что его снова переиграли. После восьми лет супружеской жизни ее притягательность настолько возросла, что он даже не мог представить себя в постели с другой женщиной.

— Из-за своей врожденной моногамности я постоянно попадаю в невыгодное положение, — пробормотал он, складывая лук и колчан снаружи у двери. — Меня бессовестно используют.

— Бедненький. — Викки прошла на кухню впереди него и принялась раздеваться, едва он захлопнул дверь.

Сбрасывая на ходу одежду, Хачмен двинулся за ней в спальню. Когда они легли, он сунул руки за спину Викки и крепко обнял за плечи, затем подпер ее пятки своими ступнями — получилось что-то вроде тисков, сжимающих тело Викки, удерживающих его в неподвижности, своего рода замена узды, которую ему ни разу не удавалось накинуть на ее мысли.

После, когда он лежал рядом с ней в состоянии полусна-полумечтательности, полузабыв о своей грусти и заботах, мир за окном казался тем спокойным миром, который он знал когда-то мальчишкой. Солнце, заглядывающее поздним утром в спальню, едва слышный разговор в саду, тележка молочника с позвякивающими бутылками за оградой, мерный звук ручной газонокосилки где-то вдали... И сейчас он чувствовал себя в такой же безопасности. Бомба, вся концепция ядерной катастрофы казались далекими и такими же устаревшими, как Джон Фостер Даллес, телевизоры с двадцатисантиметровыми экранами и сенатор Маккарти... Мы прошли важный рубеж уже в июле шестьдесят шестого — в этом месяце срок от окончания Вто-

рой мировой войны сравнялся с интервалом между первой и второй. И ничего не случилось. Трудно даже представить, что кто-то всерьез планирует сбросить бомбу...

Кто-то забарабанил во входную дверь. Хачмен очнулся и понял, что вернулся из школы сын. Он открыл замок, и мимо него вместе с пахнущим октябрем холодным воздухом молча промчался взъерошенный сын, запустил портфелем в угол и скрылся в туалете. Портфель шмякнулся с тяжелым шлепком и звяканьем. Хачмен подобрал его и, улыбнувшись, положил на место в шкаф. Существует множество уровней реальности, и, возможно, Викки права. Возможна, самая большая ошибка, которую может совершить житель нашей большой всепланетной деревни, — это забивать себе голову ответственностью и беспокойством за то, что творят его соседи за десять тысяч миль от него. Кто же выдержит на своих плечах такой груз?

— Пап? — Дэвид улыбнулся, показывая неровные растущие зубы. — Мы сегодня поедем на автогонки?

— Не знаю, сынок. Вечером будет холодно стоять вдоль трассы.

— А мы тепло оденемся и купим горячих сосисок!

— Знаешь что? Пожалуй, это идея. Это то, что надо! — подумав, ответил Хачмен и заметил, как лицо Дэвида расцветает счастливой мальчишеской улыбкой. «Обдумано и решено. Нейтроны подождут...» Он пришел в спальню и разбудил Викки.

— Вставай, женщина! Мы с Дэвидом хотим есть, а потом собираемся на автогонки!

Викки потянулась, натянула на себя простыню и замерла, изображая египетскую мумию.

— Я не двинусь с места, пока ты не скажешь, что любишь меня.

— Конечно, я люблю тебя.

— И ты никогда-никогда не взглянешь ни на кого другого?

— Никогда!

Викки томно улыбнулась.

— Ложись-ка ты снова.

Хачмен покачал головой.

— Дэвид вернулся.

— Рано или поздно ему придется узнать об этой стороне жизни.

— Согласен. Но я не хочу, чтобы он написал про нас в очередном сочинении. Месяц назад он одно такое написал — теперь меня считают пьяницей, а если кто-то решит, что я вдобавок еще и сексуальный маньяк, меня точно выгонят из родительского комитета.

— Ну ладно, тогда, я думаю, я тоже поеду с вами на гонки.

— Но ты же не любишь.

— Сегодня я все люблю!

Подозревая, что Викки пытается загладить вину за сцену в саду, но тем не менее довольный, Хачмен вышел из комнаты. Час он провел в кабинете, разбирая почту, и когда решил, что обед должен быть уже готов, вышел в гостиную и приготовил себе сильно разбавленное содовой виски. Дэвид сидел у телевизора и забавлялся ручкой переключения каналов. Хачмен сел в кресло и сделал глоток, задумчиво глядя на темные силуэты тополей за окном. Небо за деревьями, все заполненное слой за слоем пухлыми, спутанными облаками, как розовое коралловое царство, тянулось в бесконечность.

— Черт! — пробормотал Дэвид, ударяя кулаком по селектору.

— Спокойней, — мягко произнес Хачмен. — Так ты сломаешь телевизор. Что случилось?

— Я включил детскую программу, а тут вот... — Мальчуган состроил презрительную гримасу и показал на пустой мигающий экран.

— Ну и что, это, наверное, настройка. Может, ты рано включил?

— Нет, они всегда в эти время уже показывают.

Хачмен отставил стакан, подошел к телевизору и уже было взялся за ручку частоты строк, когда на экране появилось лицо диктора. Глядя на единственный листок перед собой, он строгим голосом зачитал сообщение:

— Сегодня, примерно в семнадцать часов, над Дамаском было взорвано ядерное устройство. По предварительным оценкам, мощность устройства составляет шесть мегатонн. Как сообщают с места события, весь город охвачен

пламенем. Предполагается, что большинство из пятисот пятидесяти тысяч жителей города погибли.

До сих пор не поступали данные, свидетельствующие о том, вызван ли взрыв ненамеренной катастрофой или он является актом агрессии. Тем временем в Вестминстере собрано экстренное совещание кабинета министров. В ближайшее время состоится заседание Совета Безопасности ООН.

Регулярные передачи по вашему каналу временно прекращаются, но не выключайте свои приемники — по мере поступления мы будем немедленно сообщать дальнейшие новости. Лицо диктора на экране расплылось и вскоре исчезло. Не сводя глаз с пустого экрана, Хачмен почувствовал, как его лоб покрывается холодной испариной.

ГЛАВА 2

Не глядя на сына, Хачмен неторопливо прошел на кухню. Викки что-то напевала, стоя к нему спиной, и, как всегда, выглядела чуть-чуть неестественно в роли старательной домашней хозяйки. С таким трудом построенный из дневного убожества вечер опять рушился.

— Викки, — начал Хачмен виновато, — над Дамаском взорвали водородную бомбу. Только что передали по телевизору...

— Ужас. — Викки обернулась и кивнула в сторону застекленного буфета. — Просто ужас! Будь добр, подай мне вон ту маленькую миску. А что, теперь война будет?

Он механически достал с полки миску и поставил на стол.

— Еще не установлено, кто это сделал, но там, возможно, до полумиллиона убитых. Полмиллиона!

— Когда-то это должно было случиться. Салат делать?

— Салат? Какой салат? Мы будем есть?

— А что мы, по-твоему, должны делать? — Викки взглянула на него подозрительно. — Лукас, я надеюсь, ты не начнешь устраивать представления из всего этого?

— Представления?

— Да. Я имею в виду твою обычную озабоченность за весь мир. Уверяю тебя, ни одному человеку на Земле не станет легче от того, что с тобой случится нервный припадок. Но ты все равно принимаешь на себя ответственность за что-то, что произошло за десять тысяч километров отсюда.

— До Дамаска всего две тысячи километров.

— Да хоть две тысячи метров! — Викки швырнула миску на стол, подняв целое облако муки. — Лукас, тебя ведь даже не интересует, что творится у соседей! Так что будь добр...

— Я есть хочу, — объявил Дэвид, появляясь в дверях. — И когда мы поедем?

Хачмен покачал головой.

— Извини, сынок, но поездку придется отложить.

— Как? — Лицо Давида застыло обиженной маской. — Ты ведь обещал...

— Я знаю, но сегодня не получится...

— А собственно, почему? — вступила в разговор Викки. — Я надеюсь, ты не думаешь, что я собираюсь целый вечер сидеть перед телевизором и слушать свору комментаторов и всяких экспертов, которые понятия не имеют, что произойдет в ближайшее время, и тем не менее убедительно рассказывают, что произойдет. Мы обещали Дэвиду поехать на автомобильные гонки, и мы туда поедем.

Хачмен на мгновение представил груду разорванных, искалеченных тел, вздрогнул, затем направился за Дэвидом в гостиную. Мальчик потыкал пальцем в селектор программ, нашел какую-то старую комедию и обреченно уселся перед телевизором. Удивленный и слегка успокоенный тем, что по телевизору все еще показывают обычные программы, Хачмен машинально взял в руки свой стакан с виски и уставился на экран. На залитых солнцем улочках Голливуда двадцатых годов разворачивалась сумасшедшая погоня на автомобилях. Не обращая внимания на актеров, Хачмен стал всматриваться в декорации. Дома казались сараями, но все же они были настоящие, и, вглядываясь в них, он иногда замечал мелькающие отрывки чужой, давно ушедшей жизни, запечатленной на старой пластиковой пленке. Простые неизвестные люди, защищенные

прошлым от ужасов сегодняшнего дня. Прошлым, в котором самое страшное, что могло случиться с человеком, — это очередь за хлебом в голодные годы или в военное время вполне понятная смерть под пулеметным огнем.

«Я должен это сделать, — подумал Хачмен. — Я должен заставить нейтроны...» После комедии показали несколько рекламных роликов — опять нормальная жизнь, только порциями поменьше. Он уже начал успокаиваться, когда изображение на экране исчезло, затем вспыхнуло вновь. Огромное грибовидное облако, кипящее и в то же время почти неподвижное, словно высеченное из камня... Белые прямоугольные кварталы города, исчезающие под ползущим, клубящимся облаком. Изображение, очевидно, переданное с вертолета, не оборудованного специальными камерами, прыгало и уходило в сторону. При этом с экрана доносилась резкая, тревожная музыка. Потом кадр сменился, и появилось лицо диктора. Сухо, поделовому он повторил прежнее сообщение, уточнив, что количество жертв оценивается в четыреста тысяч человек, и стал описывать лихорадочную дипломатическую суету в близлежащих столицах. Далее последовала новость, которую, по мнению Хачмена, следовало объявить в самом начале. Стало известно, что ядерный заряд не был доставлен ракетой либо военным самолетом. Он находился на борту гражданского авиалайнера, который должен был совершить посадку в аэропорту в семи километрах к юго-западу от города. Резиденция правительства переведена в Халеб, где уже принимаются соболезнования и предложения немедленной помощи от всех стран Ближнего Востока, включая Израиль и членов Объединенной Арабской Республики, от которой Сирия отделилась в апреле прошлого года. Все подразделения вооруженных сил Сирии приведены в боевую готовность, но ввиду отсутствия очевидного противника никаких боевых действий предпринято не было. Викки остановилась у телевизора.

— Что говорят? Будет война?

— Не знаю. Похоже, что бомба была на каком-то гражданском авиалайнере. Очевидно, это дело рук какой-то террористической организации.

— Значит, войны не будет?

— Кто может сказать? И как иначе это называется, когда террористы творят такое. Начинали со взрывов в школах, и вот теперь...

— Я имею в виду войну, которая может коснуться нас. — Голос Викки звучал резко, как бы напоминая, что ему не следует разыгрывать из себя виноватого.

— Нет, дорогая, — произнес он, тяжело вздыхая. — Кого угодно, только не нас.

— О Господи! — прошептала Викки. — Налей мне чего-нибудь. Я чувствую, сегодня вечер не удастся.

После обеда Хачмен разыскал телефонный справочник и набрал номер стадиона. К телефону долго не подходили, и он было собрался положить трубку, когда там что-то щелкнуло и хриплый мужской голос ответил:

— Алло! Беннет слушает.

— Алло? Это стадион Кримчерч? — От неожиданности Хачмен не нашел сразу, что сказать.

— Да. Это ты, Берт?

— Нет-нет. Я просто хотел узнать, не отменили ли сегодня гонки?

— Нет, конечно. — Мужчина удовлетворенно хмыкнул. — С чего их должны отменять? Погода отличная, разве нет?

— Да-да, я просто хотел удостовериться, а то вдруг...

Хачмен положил трубку и уставился на свое отражение в настенном зеркале. «Отличная погода. Радиоактивных осадков не ожидается...»

— Куда ты звонил? — Викки открыла кухонную дверь и пристально посмотрела на него.

— На стадион.

— Зачем?

Хачмена так и подмывало спросить: «Неужели никому на свете нет дела до того, что на земле одним огромным городом стало меньше?»

— Узнавал время начала соревнований.

Она еще раз внимательно на него взглянула и вернулась на кухню — в свою маленькую изолированную вселенную.

Через минуту оттуда донеслось пение и звон посуды. Потом дверь снова открылась, и из кухни выскочил Дэвид. Яростно работая челюстями, он пронесся в свою комнату, оставляя за собой слабый аромат мяты.

— Дэвид, что я тебе говорил насчет жевательной резинки? — крикнул ему вслед Хачмен.

— Чтобы я ее не жевал.

— Ну и что?

Вместо ответа Дэвид еще раз громко чавкнул набитым ртом, так что звук было слышно даже через прикрытую дверь. Хачмен покачал головой, невольно восхищаясь своим ребенком. Так упрям может быть только семилетний. «А сколько таких же упрямцев было в Дамаске? Шесть тысяч. Больше? А сколько столь же упрямых шестилетних, пятилетних и...»

— Оставь Дэвида в покое, — сказала Викки, направляясь в спальню. — Что плохого в том, что он жует резинку?

— Ты же знаешь, он всегда ее глотает, — произнес Хачмен, возвращаясь в обычный домашний мир. — Она совершенно не переваривается.

— Ну и что? — фыркнула Викки. — Иди сюда, помоги мне одеться.

Зрителей на стадионе оказалось примерно столько, сколько можно было ожидать в такое время года. Отчужденно глядя на летящие, сталкивающиеся, ревущие машины, Хачмен сидел в полутьме навеса, и даже присутствие жены и сына не давало ему душевного покоя и тепла.

Вечером, добравшись до постели, он заснул мгновенно, и всю ночь его преследовали нелепые сны... В огне, на раскаленных углях лежит бледно-зеленая ящерица. Блестящие черные глаза-бусинки смотрят прямо на Хачмена. Ящерка шипит, скворчит на огне, но не делает попыток спастись, пухнет, кипит пузырями — и вдруг взрывается, но до самого последнего момента не отводит осуждающего взгляда. Как будто хочет что-то сказать. Хачмен бежит, испытывая ужас и стыд за свое предательство, одновременно себя оправдывая: «Она сама. Она сама себя сожгла!»

Проснувшись среди ночи, он долго лежал без сна, разглядывая проникающие через окно спальни бледные поло-

сы света. Викки спала рядом, тихо и доверчиво, но это не давало ему успокоения. Отвратительный осадок сна не проходил, пугая и в то же время притягивая своей яркой символикой. Внезапно Хачмен понял, что в глубине души он уже давно решил построить антиядерную машину.

ГЛАВА 3

За завтраком Викки дважды выключала радио, жалуясь на головную боль. Хачмен каждый раз вставал из-за стола и включал приемник, но уже тише. Из новостей стало известно о столкновениях на границах Сирии с Турцией и Ираком, вызванных, очевидно, неопределенной обстановкой во всем регионе. Заседания в ООН, дипломатические встречи, сообщения о каких-то подпольных группировках, слухи о передвижениях военных кораблей в Средиземноморье... Поглощенный домашними заботами, Хачмен мало что понял в изменениях международной обстановки, кроме того факта, что агрессор так и не обнаружен. Механически завязывая шнурки Дэвиду, доставая из холодильника йогурт и раскладывая у каждой тарелки пилюли с рыбьим жиром, он уже невольно думал о первых шагах к постройке машины.

Математически доказать возможность создания нейтронного резонатора — одно дело. Как из этих уравнений сделать работающую установку — совсем другое, особенно для теоретика, не имеющего к тому же никаких средств, кроме собственных сбережений. А машина обойдется недешево... Возможно, придется заложить дом. Дом, о чем Хачмен никогда не забывал, был подарен им отцом Викки.

У него есть резонансная частота, соответствующая длине волны в долю ангстрема, а единственный способ получить излучение такой частоты с высокой точностью — цестроновый лазер.

Проблема номер один: цестроновых лазеров, насколько он знал, еще не существует. Цестрон — недавно откры-

тый газ, короткоживущий продукт реакции с одним из изотопов празеодима. Поскольку, помимо Хачмена, никто еще не разрабатывал математику нейтронного резонанса, никому не приходило в голову создавать лазерный излучатель на основе цестрона. Придется все делать самому.

Глядя через стол на мечтательное лицо сына, Хачмен почувствовал, как вырастающие в рассуждениях практические трудности повергают его в состояние угнетенной неуверенности. Итак, первое: нужно достаточное количество нестабильного празеодима, чтобы получить, скажем, пятьдесят миллилитров цестрона. Далее, нужен кристаллический празеодим для лазера накачки. Да и саму электронную схему ему будет трудно осилить. Практического опыта в радиоэлектронике у Хачмена было маловато, но даже сейчас ему было ясно, что для прибора, работающего с частотами порядка 6×10^{18} герц, нужны не провода, а трубчатые волноводы. Весь агрегат будет напоминать скорее сплетение водопроводных труб, чем...

— Лукас! — Викки постучала вилкой по его тарелке. — Ты что, так и собираешься все утро просидеть в раздумьях?

— Я не в раздумьях.

«...излучение жесткое, хуже рентгеновского... Нужно будет предусмотреть защиту... Далее, оптическое наведение... Золотые полированные пластины...»

— Лукас! — Викки раздраженно дернула его за рукав. — По крайней мере ответь сыну, когда он к тебе обращается.

— Извини. — Хачмен повернулся к Дэвиду. Тот уже надел школьную куртку и собирался выходить. — Счастливо, Дэвид. Ты выучил вчера грамматику?

— Нет. — Дэвид упрямо сжал губы, и на мгновение Лукасу показалось, что в лице сына проступили черты человека, которым он станет через годы.

— А что ты скажешь учительнице?

— Я ей скажу... — Дэвид замолчал, вдохновенно подыскивая ответ, — ...чтоб катилась колбасой!

С этими словами он выскочил из кухни, и через несколько секунд они услышали, как хлопнула входная дверь.

— Дома он пытается говорить резко, но мисс Ламберт уверяет, что Дэвид самый спокойный мальчик в классе, — сказала Викки.

— Это меня беспокоит гораздо больше. Я не уверен, что он хорошо приспособлен к школе.

— Дэвид отлично приспособлен. — Викки снова села за стол и, не предлагая Хачмену, налила себе вторую чашку кофе. Верный признак того, что она раздражена. — Ты мог бы больше помогать ему с домашними заданиями.

Хачмен покачал головой.

— Говорить ребенку ответы на задачи — это не помощь. Я учу Дэвида системе мышления, которая позволит ему решать любые задачи, несмотря на...

— Ну что может знать Дэвид в таком возрасте о системе мышления? — презрительно перебила его Викки.

— Ничего, — спокойно ответил Хачмен. — Именно поэтому я его и учу.

Викки поджала губы, повернулась к приемнику и чуть прибавила громкость. Лукас почувствовал мимолетное удовлетворение. В среднем раз в неделю ему удавалось срезать ее в споре простым, метким ответом на вполне серьезно заданный вопрос. Викки никогда не задавала вопрос повторно, и хотя Хачмен подозревал, что это от врожденного презрения к формализму, тем не менее он каждый раз радовался в душе маленькой победе. И на этот раз она отвернулась, все свое внимание переключив на радиоприемник.

Утреннее солнце отражалось на кухонном полу, насыщая воздух прозрачным свечением. «В такое утро хорошо завалиться еще на часок», — промелькнуло в голове Хачмена, но тут же перед глазами вспыхнуло рельефное панно с изломанными, искалеченными телами. «Сколько маленьких семилетних упрямцев там погибло? А сколько...» Ему захотелось поскорее оказаться на работе и просмотреть каталог оборудования в вестфилдской библиотеке. Затем надо будет поговорить кое с кем в отделе поставок...

Он торопливо проглотил остатки холодного кофе, не потому что хотелось, а чтобы показать, как он спешит на работу, и встал. Мысли его уже целиком были заняты машиной.

Проходя по лабораторному корпусу к своему кабинету, он заметил первые признаки того, что уничтожение крупного города произвело в повседневной жизни людей ка-

кое-то изменение. Несколько кабинетов и комнат поменьше пустовало, в других, наоборот, люди собрались большими группами и обсуждали последние новости. Изредка возникали взрывы нервного смеха, и это еще больше сгущало напряженную тревогу. Хачмена такая реакция людей даже успокоила. Он прекрасно знал, что Викки на самом деле способна на искреннее сострадание и переживание чужой беды. Сколько раз он замечал, как она выбегала из комнаты со слезами на глазах, когда на экране вдруг появлялось изображение убитого ребенка. Но ее вчерашняя намеренная, прагматичная отчужденность его просто напугала. Самое страшное, что может быть на свете, — женщина, дарительница жизни, мать, смотрящая на смерть холодными спокойными глазами.

Мюриел Барнли прибыла на место одновременно с Хачменом. В одной руке она держала плетеную соломенную корзину, которую носила с собой вместо дамской сумочки, другой прижимала к себе длинный рулон бумаги. Еще один рекламный плакат на стену ее маленькой комнатушки.

— Доброе утро, мистер Хачмен, — произнесла она настороженно, словно передвинула пешку навстречу шахматному королю, начиная с утра новую партию.

— Доброе утро, Мюриел. — Не вполне понимая почему, Хачмен интуитивно чувствовал, какое большое значение она придает этому обмену формальными приветствиями, и ни разу не рискнул промолчать. Он прошел за ней в ее сдавленную клетушку, взял со стола маленькую стопку утренней почты и тут же бегло просмотрел.

— Здесь нет ничего особенно важного. Разберись сама, хорошо? По своему усмотрению. Я сегодня буду занят и не хочу, чтоб меня беспокоили.

Мюриел неодобрительно фыркнула и забрала у него письма. Хачмен прошел к себе, плотно притворил дверь и после нескольких секунд раздумий набрал номер Клиффа Тэйлора, заведующего отделом электроники Вестфилда. По голосу Тэйлора было похоже, что он не выспался и, кроме того, удивлен столь ранним звонком, хотя он и постарался скрыть свое удивление.

— Чем могу быть полезен, Хач?

— М-м... Видишь ли, я бы хотел провести кое-какие эксперименты с микроволновым излучением. У тебя не найдется свободного помещения примерно на месяц?

— Я не уверен, Хач. У нас масса дел по программе «Джек-и-Джилл»... Что-нибудь важное?

— Очень.

— Ты бы обратился к Мейксону. Пусть навесит на эту работу пару приоритетных бирок. Так все будет гораздо проще.

— Это полуофициальный проект, Клифф. Со временем это может пригодиться Вестфилду, но пока я хотел бы попридержать информацию. Еще неизвестно, что получится. Мне бы не хотелось идти к Мейксону.

— Ну тогда я ничего не могу. Я имею в виду... Тебе что вообще-то нужно? — Голос Тэйлора стал резче. Видимо, он почувствовал, что Хачмен чего-то не договаривает.

— Да ничего особенного. Комната с замком. Стол лабораторный. Источники питания даже не понадобится стабилизировать.

— Подожди, подожди. Ты что-то говорил насчет микроволнового излучения. Насколько микро?

— Сильно микро. — Хачмен чувствовал, как разговор уходит из-под его контроля. Первый же человек, с которым он заговорил о том, что должно быть самым секретным проектом на свете, тут же что-то заподозрил и стал задавать лишние вопросы. — Может быть, шесть на десять в восемнадцатой герц.

— О Господи! Тогда и говорить не о чем. По существующим правилам нам нельзя здесь работать с такими излучениями, если в здании не будет специальной экранировки. Так что извини, Хач.

— Ну что ты. — Хачмен положил трубку на место и поглядел на дымчатую стеклянную перегородку, за которой двигался чей-то серый силуэт. Очевидно, Дон Спейн прибыл раньше обычного.

Некоторые люди умеют с легкостью подчинять себе реальный мир и управлять обстоятельствами. Другим же, как, например, Хачмену, удается лишь строить красивые логичные планы — они постоянно знают, чем грозит им стол-

кновение с жизнью. Первая же попытка и... Хачмен тяжело вздохнул в бессильной злобе на обстоятельства, и в этот момент зазвонил внутренний телефон. Хачмен схватил трубку еще до того, как Мюриел успела ответить.

— Хач, это опять я, — послышался в трубке голос Тэйлора. — Я тут прокручивал твою просьбу. Ты в курсе, что Вестфилд арендует лабораторию в Кембернском институте?

— Слышал что-то, но давно. — На сердце у Хачмена потеплело.

— Соглашение довольно неформальное. Мы с ними договорились, когда они запросили у старого Вестфилда криогенное оборудование. Короче, когда у них не очень туго с работой, мы имеем право использовать лабораторию.

— А как у них сейчас?

— Насколько я знаю, нормально. Если хочешь, я позвоню профессору Дюрингу и узнаю, можно ли тебе у них поработать.

— Буду тебе очень признателен, Клифф.

Хачмен едва справился с теплой волной благодарности и сумел произнести эти слова обычным тоном.

Положив трубку, он отправился в отдел комплектации и больше двух часов просидел, выписывая из картотеки данные оборудования и проверяя, где его можно приобрести. После полудня снова позвонил Тэйлор и подтвердил, что лаборатория свободна. Хачмен тут же съездил в Кемберн, осмотрел помещение и получил у Дюринга ключи. К пяти часам, когда он обычно уходил домой, он не потратил ни секунды на порученную ему работу, зато полностью продумал схему своей антиядерной машины и уже был готов делать чертежи. Перед уходом Мюриел он попросил ее принести горячего чая и, когда шум в коридорах стих, принялся за схему.

Примерно через час, полностью погрузившись в работу, он вдруг почувствовал что-то неладное. Что-то беспокоило его, и, хотя он не мог сразу отвлечься от сложного нагромождения символов и чертежей, часть мыслей уже переключилась на поиск тревожного фактора. «Вот этот серый предмет, что Мюриел прислонила к перегородке со своей стороны... Слишком похоже на человеческое лицо... Из-за

этого я и чувствую себя неспокойно...» Он взял логарифмическую линейку и невольно опять скосил взгляд на серое пятно за стеклом... «Господи, это и в самом деле лицо!»

Он вздрогнул, поняв, что за ним кто-то наблюдает, потом сообразил, что это Дон Спейн. Должно быть, он тоже заработался допоздна, но так тихо он мог себя вести только намеренно. Все еще чувствуя волнение, Хачмен нарочито медленно сложил бумаги в папку и прикрыл ее копиркой. Лицо Спейна за перегородкой оставалось неподвижным. Хачмен достал из ящика стола точилку для карандашей и резко бросил ее в сторону размытого силуэта. Точилка ударилась о перегородку, едва не расколов стекло, и Спейн исчез из поля зрения. Через несколько секунд дверь к Мюриел открылась, и он вошел в кабинет.

— Ты с ума сошел, Хач? — спросил он негодующе. — Ты чуть не разбил стекло. Осколки попали бы мне в лицо!

— А какого черта ты за мной подглядываешь?

— Я не знал, что ты на месте. Сидел работал, и мне послышалось, что у тебя кто-то шуршит. Решил посмотреть, в чем дело.

— Ну спасибо, что побеспокоился, — произнес Хачмен мрачно, даже не стараясь скрыть своей неприязни к Спейну. — А тебе не пришло в голову открыть дверь?

— Я не хотел врываться неожиданно. Вдруг... — тут Спейн самодовольно причмокнул, — вдруг бы ты был с женщиной?

— Больше, конечно, тебе в голову прийти ничего не могло.

Спейн пожал плечами и усмехнулся.

— Ты не так уж часто остаешься после работы, Хач. И кроме того, ты весь день вел себя как-то странно. Прямо синдром Баттерби. Помнишь Баттерби?

Хачмен кивнул, и вся его ненависть к Спейну вернулась с новой силой. Баттерби до недавнего времени был старшим инженером, руководителем группы. В Вестфилде он всегда пользовался уважением и популярностью, но потерял работу после того, как кто-то застал его с секретаршей на ковре в его собственном кабинете, где он якобы остался поработать сверхурочно.

— Извини, что разочаровал тебя.

Хачмен попытался продолжить расчеты в блокноте, но Спейн еще минут пятнадцать зудел о каких-то институтских новостях, расхаживая по кабинету, и к тому времени, когда он все-таки убрался, Хачмен совершенно потерял способность сосредоточиваться. Заставляя себя работать, чтобы закончить сегодня все расчеты и завтрашний день посвятить закупке аппаратуры, он просидел до девяти часов. Потом торопливо сложил бумаги в портфель и вышел на улицу.

Мягкий, густой октябрьский воздух пах опавшей листвой, и на западе над самым горизонтом, словно далекий фонарь, светила какая-то планета. Вдыхая воздух полной грудью — вдох, четыре шага, выдох, четыре шага, вдох... — он махнул рукой офицеру охраны в воротах и направился к своей машине. Одним словом, вечер замечательный. Если только не думать слишком много о рукотворных солнцах, расцветающих над мирными городами.

Движение на дороге, как ни странно, было ужасным. Один раз ему даже пришлось свернуть и потратить минут двадцать на объезд. Домой он добрался уже в одиннадцатом часу. Во всех окнах горел свет, как будто у них собрались гости, но из дома не доносилось ни звука. Хачмен загнал машину в гараж и прямо из гаража прошел в дом. Викки сидела на веранде, листая журналы, и, только взглянув на ее побелевшее лицо с застывшим выражением крайнего неодобрения, Хачмен вспомнил, что забыл ей позвонить и предупредить, что задержится.

— Извини, — сказал он, положив портфель на кресло. — Работал допоздна на фирме.

Викки перелистнула пару страниц и лишь после этого спросила:

— Теперь это так называется?

— Именно так. Работа называется работой, фирма называется фирмой. Какое слово тебе непонятно? — не удержался Хачмен.

На сей раз Викки промолчала и занялась журналом. На этой стадии словесных дуэлей обычно побеждал Хачмен, потому что жена редко находила удачные ответы на подоб-

ные вопросы. Но позже, «когда рапиры ломались и в ход шли дубинки», она всегда брала верх. Обычно это случалось за полночь, и, уже предвидя, что сегодня выспаться не удастся, Хачмен наполнялся беспокойным раздражением. Он остановился напротив жены и, хотя она даже не подняла головы, произнес:

— Послушай, Викки, я надеюсь, ты на самом деле не думаешь, что я был где-то с другой женщиной?

Она наклонила голову, взглянула на него искоса и с деланным удивлением ответила:

— Я не упоминала никакую женщину. Почему это делаешь ты, Лукас?

— Потому что ты собиралась.

— Не приписывай мне мысли, подсказанные тебе твоей совестью. — Викки долистала журнал до конца, перевернула его и с точно таким же размеренным ритмом принялась листать снова.

— При чем тут совесть?

— Ни при чем. У тебя ни при чем. Как ее зовут, Лукас? Моди Вернер?

— Господи, ну кто такая Моди Вернер?

— Новая... Девка в отделе подготовки данных.

Хачмен удивленно потряс головой.

— Послушай, я работаю в Вестфилде и первый раз о ней слышу. Откуда ты-то ее знаешь?

— Странно, что ты ее не знаешь, — ответила Викки. — Или делаешь вид, что не знаешь? На прошлой неделе я разговаривала с миссис Данвуд, и она сказала мне, что слухи о Моди Вернер поползли по Вестфилду с первого же дня, как она появилась на работе.

Хачмен повернулся и, ни слова не говоря, пошел на кухню. Он достал из холодильника коробку с салатом, цыпленка и, выложив все это на тарелку, вернулся в комнату. «Просто телепатия какая-то... Что Спейн, что Викки думают на одной волне, на одном и том же подземном уровне».

Даже когда его жена заснула, Хачмен долгое время еще просто лежал в темноте, прислушиваясь к невидимым приливам и отливам воздушных течений в доме и за окном. В голове проносились обрывки дневных сцен: глянцевые стра-

ницы каталогов, пахнущие типографской краской, сложные схемы, вычерченные от руки, размытые очертания Спейна за стеклянной перегородкой, сообщения о мобилизациях и передвижениях флотов в вечерних новостях, невротическая ревность Викки — все это перемешивалось в невероятных сочетаниях, расплывалось и складывалось в новые угрожающие образы. Незаметно подкрался сон, принеся с собой еще одно кошмарное видение, где он ходил по универсаму, выбирая покупки. В центре зала стоял контейнер с мороженой пищей, и две женщины рядом оживленно обсуждали его содержимое.

— Мне так нравится эта новая идея! — сказала одна из них, сунула руку в контейнер и извлекла что-то белое, похожее на рыбу, с которой сняли кожу. Два печальных серых глаза выделялись на светлом фоне. — Это последнее слово в технологии консервирования. Теперь придумали способ псевдооживления, который позволяет хранить их в идеальном состоянии до приготовления.

— Но это, наверно, жестоко? — с тревогой спросила вторая женщина.

— Нет. Потому что у них нет души, и они не чувствуют боли.

Чтобы доказать это, женщина начала отрывать от рыбы куски белого мяса и кидать их в сумку. Хачмен попятился в ужасе. Хотя рыба лежала неподвижно, позволяя рвать себя на части, глаза ее смотрели прямо на Хачмена. Смотрели спокойно, печально и укоризненно.

ГЛАВА 4

Октябрь, почти целиком потраченный на постройку машины, представлялся Хачмену неровной дорогой с двусторонними указателями, где на одной стороне отмечено уменьшающееся расстояние до осуществления проекта, на другой — увеличивающаяся пропасть между ним и Викки.

Одним из первых таких указателей было приобретение кристалла празеодима и необходимого количества изотопа для получения пятидесяти миллилитров цестрона. Сразу после работы он забежал в кафе, наспех перекусил, не вступая ни с кем в разговоры (хотя лицо сидевшей неподалеку темноволосой женщины показалось ему знакомым), и отправился в институт. В тот вечер он засиделся допоздна над аппаратурой для получения газа и, приехав домой, обнаружил, что все двери заперты изнутри.

«Неужели это происходит со мной?» — промелькнула мысль. Хачмен попробовал открыть замок ключом, но ничего не вышло. Дверь с веранды была надежно закрыта на задвижку. Он остановился, взглянул на свою тень и невольно подумал: «Почему голова у тени от Луны всегда меньше, чем при свете уличных ламп?» Темный, молчаливый дом, силой обстоятельств лишенный знакомых родных черт, наводил на другие мысли. Хачмен неожиданно понял, как дико это будет, если ему придется остаться на улице на всю ночь. Еще больший удар нанесла мысль о том, насколько эффективно может быть детское упрямство одного взрослого человека против рассудительности другого. Он тщетно перепробовал все окна, потом вернулся к окну спальни и постучал по стеклу. Когда через несколько минут и это не принесло результата, он, уже теряя контроль над собой, начал колотить все сильнее и сильнее.

— Викки! — позвал он зловещим низким голосом. — Викки! Викки!

Замок у входа щелкнул, и Хачмен бросился к двери, обрадованно и одновременно с испугом оттого, что он способен сейчас сделать с Викки. В дверях, щуря сонные глаза, стоял Дэвид.

— Извини, сынок. Никак не мог попасть домой. — Он взял его на руки и прошел в дом, захлопнув дверь ногой, уложил Дэвида в кровать и заглянул в спальню, где Викки, лежа совершенно неподвижно, делала вид, что спит. Мысль о том, что он сейчас сможет забраться в теплую постель и отдохнуть, вместо того чтобы торчать на улице в темноте, мгновенно растопила его холодную злость. Он быстро разделся и лег под одеяло, затем протянул руку и

обнял знакомые плечи. В ту же секунду Викки вскочила с кровати, отпрыгнула в противоположный конец комнаты и замерла — в переливах лунного света ее обнаженное тело казалось еще более желанным.

— Не смей ко мне прикасаться! — Голос холодный, надтреснутый, как лед.

Хачмен сел.

— Викки, в чем дело?

— Не трогай меня и все! Я буду спать в другой комнате.

— Что на тебя вдруг нашло? — Хачмен старался говорить спокойным тоном, понимая, что слишком многое поставлено на карту. На самом деле он отлично знал, что происходит: тут же всплыли дрожащие воспоминания о прежних прогулках по этой секции выставки с названием «семейная жизнь». «Да как ты смеешь даже думать, что у меня с головой не в порядке? По-твоему, женщина сошла с ума, если она не желает, чтобы в ее дом занесли грязную болезнь и заразили ее и ее сына?» Но дело-то как раз в том, что он не мог сказать: «Да, мол, я прекрасно понимаю, что у тебя на уме». Викки сражалась как гладиатор с сетью: раскидывала сеть и всегда держала наготове трезубец. Стоит что-то сказать, и она сразу обратит его слова в признание вины.

— В другой комнате ты спать не будешь, — твердо сказал Хачмен.

— Здесь я тоже спать не буду. Пока.

«Пока я могу заразить тебя грязной болезнью», — перевел Хачмен, чувствуя, что сеть снова летит в его сторону. На этот раз он уклонился, просто промолчав, затем встал и двинулся к ней. Викки выскочила из спальни, и до Хачмена лишь секунду спустя дошло, что она свернула направо, к прихожей. Он прошел следом в короткий коридор. Открылась входная дверь и впустила волну холодного ночного воздуха, с безразличием ощупавшего его с головы до пят. Викки стояла во дворе, в центре лужайки.

— Не смей ко мне прикасаться! — крикнула она. — Я лучше на всю ночь здесь останусь.

— О Боже! — громко произнес Хачмен, обращаясь к самому себе. — И что теперь делать?..

Викки хорошо бегала, и он вряд ли догнал бы ее, даже если бы решился броситься вдогонку и, возможно, привлечь внимание соседей. Хачмен вернулся в дом, оставив дверь приоткрытой, и прошел во вторую спальню. Немного позже он услышал щелчок замка, и на мгновение у него вспыхнула — аж защемило сердце — надежда, что вот сейчас Викки, замерзшая, придет к нему искать тепла, но она ушла в другую комнату, оставив его наедине с его горечью.

Пытаться что-либо объяснить, независимо от того, поверят ему или нет, было бы крайне неосторожно. В любом случае Викки кому-нибудь расскажет — родителям, друзьям, соседям или его коллегам, а это опасно. Люди запомнят эти разговоры. Сейчас все его мысли занимала первоочередная задача — создание машины, но где-то в подсознании уже вырисовывался план действий. И хотя детали еще не определились, ясно было одно: весь проект может обернуться страшной опасностью для него, для Викки и даже для Дэвида. Машина должна быть построена тайно, но до того, как она будет приведена в действие, ему придется тщательно и систематически оповестить о ней мир. Процесс, который легко начать, но управлять которым потом очень трудно. И Викки, которой Хачмен вообще никогда не мог управлять, должна оставаться в неведении. Даже несмотря на то что последние события оставляют на их семейной жизни столь глубокий след.

Газовую центрифугу в отличном состоянии и относительно недорого удалось купить в Манчестере. Хачмен отправился за ней на машине в полной уверенности, что будет дома к вечеру, но центральные графства были погружены в туман и вдобавок, когда он добрался до Дерби, по радио сообщили о катастрофе с большими человеческими жертвами в Белпере, южнее по дороге. Пришлось искать мотель. Только около полуночи он смог позвонить Викки, но никто не ответил. В трубке раздавались лишь слабые гудки, словно размытые насыщенным влагой воздухом. Хачмен не был особенно удивлен. Викки вполне могла догадаться, кто звонит и почему, и просто не снять трубку, тем самым сразу ставя его в невыгодное положение.

Он положил трубку и, не раздеваясь, прилег на аккуратно застеленную кровать. Сегодня утром он честно рассказал Викки, зачем ему надо было в Манчестер, прекрасно зная, что она даже не станет вникать в технические подробности его забот, а потом предложил поехать с ним. На это Викки ответила, что он отлично знает, когда ей надо встречать Дэвида из школы. При этом подразумевалось, естественно, что она понимает: будь это не так, он бы ее не позвал. Один-ноль в пользу Викки. «Чертова машина! Не слишком ли много она у меня отнимает? Кто я такой, в конце концов?..» Со времени взрыва над Дамаском прошло уже шестнадцать дней, но до сих пор никто не признался в содеянном, или, если сказать это иначе, никто не смог настолько повлиять на систему расстановки сил в мировой политике, чтобы акция казалась оправданной. Ситуация на Ближнем Востоке, как ни парадоксально, казалась стабильнее, чем когда бы то ни было за последние годы. Некоторое время Хачмена преследовала мысль о том, что даже его машина не сможет вернуть к жизни тысячи упрямых мальчишек... Об этом стоило подумать...

В Кримчерч он вернулся утром и обнаружил, что дома никого нет. На пороге перед запертой дверью стояли бутылки с молоком, на полу в прихожей лежало несколько конвертов и газет, и Хачмен сразу понял, что Викки с Дэвидом уехали еще вчера. Подавив сжимающий горло приступ жалости к себе, он снял трубку и начал было набирать номер ее родителей, но тут же передумал. Лучше оставить дверь открытой и ждать...

Через три дня дождливым субботним утром Викки вернулась вместе со своими родителями. Ее отец, Олдермен Джеймс Моррис, седой мужчина с похожим на клубничину носом, провел с Хачменом долгую серьезную беседу об увеличивающейся стоимости электроэнергии и неустойчивом состоянии экономики. Ни словом не упомянув о замужестве дочери и их семейных проблемах, своим тоном он как-то умудрился передать то, чего не было сказано словами. Хачмен отвечал на все его высказывания с равной серьезностью. Когда родители Викки наконец уехали, он обнаружил жену в спальне. Она улыбалась сквозь слезы и

всем своим видом изображала маленькую девочку, рассчитывающую на снисхождение после очередной проделки.

— Где Дэвид? — потребовал Хачмен.

— Он еще не спал, когда мы уехали. Днем отец поведет его в планетарий, а вечером привезет домой. Эти три дня были для него сплошным праздником.

— А для тебя?

— Для меня... — Викки кинулась к нему и крепко обняла.

Позже, прислушиваясь к ровному шуму дождя за окном спальни, Хачмен вдруг подумал виновато о том, как Викки станет реагировать, когда поймет, что теперь все у них будет по-другому. На изломанном графике их семейных отношений за сценой примирения всегда следовал ровный период идиллической гармонии. Но раньше у него не было машины.

«Частное исследование некоторых свойств микроволновой радиации». Подобное «объяснение» несколько смутило Викки, на что он, собственно, и рассчитывал, и чем больше он его повторял, тем сильнее становилось ее замешательство. В конце концов ей пришлось признать реальность проекта, и, не зная ни грамма невероятной правды, стоящей за этим объяснением, она могла лишь предполагать, насколько он занят работой.

Другие тоже стали замечать перемены в поведении Хачмена, несмотря на все его усилия казаться обычным. Он сильно отстал в основной работе, что стало особенно заметно после нескольких еженедельных совещаний по поводу «Джек-и-Джилл». Мюриел Барнли выполняла свои секретарские обязанности с неприкрытой подозрительностью, выражая свое неодобрение его поведением множеством раздражающих мелочей. А Дона Спейна просто перехлестывало глубокое убеждение, что Хачмен по самые уши увяз в каком-то головокружительном романе.

Хачмен продолжал работать над проектом, стараясь тратить ровно столько времени в институте, сколько он мог себе позволить, чтобы не ставить под угрозу наладившиеся отношения с Викки. Порой ему самому не верилось,

насколько далеко он продвинулся в работе, но к концу месяца у него был готов работающий цестроновый лазер. Еще один важный «дорожный указатель»...

— Что это значит? — Викки бросила через стол письмо.

Еще не взяв конверт в руки, Хачмен узнал аккуратный штамп своего банковского отделения.

— Письмо было адресовано мне, — произнес он холодно, пытаясь выиграть время на размышления.

— Какая разница? Я хочу знать, что это означает?

Хачмен пробежал глазами по профессионально сухим строчкам, где объяснялось, что его личный счет в банке перерасходован почти на четыреста фунтов, и, поскольку он закрыл сберегательный счет, банк настоятельно просит либо открыть новый счет, либо обсудить этот вопрос с управляющим как можно скорее.

— Это означает то, что здесь написано, — спокойно произнес он. — Мы задолжали банку некоторую сумму.

— Но как это могло произойти? — Лицо Викки побелело.

— Хотел бы я знать...

Теперь Хачмен отлично понимал, в чем была его ошибка. Слишком быстро израсходованные сбережения... И еще большая ошибка — допустить, чтобы письмо из банка попало в руки Викки.

— Почему они просто не перевели деньги со сберегательного счета, как они обычно... — Викки схватила письмо и быстро перечитала его. — Ты закрыл сберегательный счет?! Где деньги?

Усилием воли Хачмен заставил себя говорить спокойно:

— Мне пришлось потратить их на проект.

— Что? — Викки истерически хохотнула и взглянула на Дэвида, который в этот момент оторвался от овсянки и с интересом поднял глаза. — Ты что, шутишь, Лукас? У меня там было больше двух тысяч фунтов.

Хачмен заметил это «у меня». Викки числилась директором небольшой подрядческой компании, принадлежавшей ее отцу. Причитающееся ей жалованье она переводила на сберегательный счет и всегда называла его «нашим» — разумеется, когда не злилась на Хачмена.

— Нет, не шучу. Мне надо было купить оборудование.

— Я тебе не верю. Какое оборудование? Покажи мне квитанции.

— Попробую их разыскать. — Оборудование он покупал только за наличные, воспользовавшись чужим именем и адресом, и все квитанции впоследствии сжег. Вот уж поистине обучение нейтронов новому танцу требовало странных приготовлений. — Но я не уверен, что найду их.

Он беспомощно наблюдал, как из глаз Викки прозрачными ручейками потекли слезы.

— Я знаю, почему ты не можешь показать мне квитанций, — произнесла она, всхлипывая. — Я знаю, что за оборудование ты покупал.

«Опять начинается, — в панике подумал Хачмен. — Другими словами, она обвиняет меня в том, что я потратил деньги на женщину или женщин или даже снял где-то квартиру...» Они оба знали, что она имела в виду, но в соответствии со стандартной тактикой Викки, если он сейчас начнет отвергать обвинения и оправдываться, для нее это тут же станет доказательством вины.

— Пожалуйста, Викки. Ну пожалуйста, не надо... — Хачмен кивнул в сторону Дэвида.

— Я никогда не делала ничего плохого Дэвиду, — ответила Викки, — но тебе, Лукас Хачмен, я еще отплачу.

Пока Хачмен проводил окончательную сборку, у него медленно выкристаллизовывалось и наконец окончательно созрело горестное понимание того, что он никогда не сможет использовать свою антиядерную машину. Возможно, в глубине его сознания всегда гнездилась эта мысль, но, увлеченный работой, он не позволял себе в этом признаться. Руки сами продолжали работу над машиной, а он лишь смотрел, словно они и были ее создателями. Но теперь, когда машина стала реальностью, теперь перед ним встала чистая, пугающая своей многогранностью истина.

Факт номер один. Машину нельзя проверить в действии или использовать где-то локально. Прибор типа «все или ничего» — строго для людей такой же категории, к которым сам он, Хачмен, не принадлежит.

Факт номер два. Международные отношения, по наблюдениям некоторых обозревателей, слегка потеплели, а потому бомба и возможность ее применения стали для определенных кругов гораздо менее привлекательными.

И наконец, третий факт. Все последние события вызывали у Хачмена острое нежелание идти дальше по дороге, которая чуть не привела его семейную жизнь к развалу. Готов ли он купить жизнь миллионов людей ценой собственного счастья, если так можно назвать его брак с Вики? Однако вот она, машина. Настоящая, более реальная, чем все, что ему до сих пор доводилось видеть. Своим присутствием она ошеломляла и подавляла, не оставляя места для иллюзий и двусмысленности. «Я такой же, как все. Обыкновенный, трусливый и озабоченный прежде всего самим собой».

С чувством облегчения, приправленного смесью радости и вины, которое наступает со снижением требований к себе, Хачмен отложил микрометр в сторону. Еще два часа — и машина будет окончательно готова. Впрочем, зачем спешить? «Не разобрать ли ее прямо сейчас?» — подумал он, но тут внезапно накатила копившаяся целый месяц усталость, и он решил оставить все как есть. Уняв дрожь в ногах, Хачмен оглядел машину трезвым взглядом, вышел из лаборатории и запер за собой дверь.

По дороге домой он несколько раз снижал скорость, когда в этом не было никакой необходимости, чем сильно раздражал водителей идущих сзади машин. Спешка и суета оставили его, хотелось остановиться, погрузить себя в теплое размеренное течение жизни, из которого он с такими трудностями выкарабкивался совсем недавно. Настойчивое видение изломанных, искалеченных тел покинуло его, и он вновь был обыкновенным человеком. Хачмен вдыхал холодный воздух полной грудью и чувствовал себя на пороге важного жизненного поворота. Казалось, за ним захлопнулись массивные двери, отсекая прошлое с его опасными вариантами будущего.

Обнаружив у ворот дома чужую машину, Хачмен испытал чувство легкого разочарования. Двухместная, вишневого или коричневого цвета — в темноте не удавалось раз-

глядеть — машина была развернута к воротам. Краешком сознания Хачмен отметил, что владелец, очевидно, заранее решил не терять времени при отъезде. Если в доме кто-то чужой, он не сможет рассказать Викки то, что хотел. Нахмурившись, он вставил ключ в замочную скважину и повернул. Дверь не открылась. Кто-то закрыл ее изнутри на задвижку.

Хачмен отошел от крыльца, оглядел дом и обнаружил, что свет горит лишь в спальне Дэвида. Маленький ночник. В доме гость и не горит свет? Немыслимая идея, появившаяся у него, заставила Хачмена попробовать боковую дверь. Тоже заперта изнутри. Он бегом вернулся к крыльцу, ударил в дверь кулаком и продолжал колотить до тех пор, пока замок не открыли. На пороге стояла Викки в голубом шелковом кимоно.

— Что ты делаешь? — потребовала она холодно. — Дэвид спит.

— Почему заперта дверь и нет света?

— Кто сказал, что нет света? — Викки продолжала стоять в дверях, не позволяя ему пройти. — И почему ты сегодня дома так рано?

Хачмен бросился вперед, не обращая внимания на жену, и рывком открыл дверь в гостиную. Посреди комнаты поспешно одевался загорелый темноволосый мужчина, в котором Хачмен неуверенно признал владельца местной заправочной станции.

— Ты! — рявкнул Хачмен, все еще чувствуя необычную заторможенность мысли. — Одевайся и проваливай отсюда!

— Невероятно! — выдохнула Викки. — Как ты смеешь шпионить за мной и разговаривать так с моим гостем?

— Твой, с позволения сказать, гость не возражает. Или возражаешь, ты, гость?

Мужчина молча взял со стула пиджак.

— Это мой дом, Форест, — обратилась к нему Викки, — и ты можешь не уходить. Я даже прошу тебя остаться.

Форест посмотрел на Хачмена, постепенно избавляясь от смущения.

— О Господи, — произнес Хачмен устало. Он вышел в коридор, снял с крюков украшающее стену метровое ма-

чете и вернулся в гостиную. — Послушай, Форест. Я не держу на тебя зла за то, что здесь произошло. Ты просто случайно оказался рядом, когда фрукт созрел. Но теперь ты мне мешаешь, и, если ты немедленно не уберешься, я тебя убью.

— Не верь ему. — Викки неуверенно засмеялась и двинулась ближе к Форесту.

Хачмен оглядел комнату, остановил взгляд на подаренном отцом Викки шикарном кресле и одним ударом разрубил спинку надвое. Викки взвизгнула, но этот акт бессмысленного вандализма, очевидно, доказал что-то Форесту, и он быстро направился к дверям. Викки сделала несколько шагов вслед за ним и остановилась.

— Не самый умный поступок, — бесстрастно произнесла она. — Кресло стоило денег.

Хачмен подождал, пока машина на улице заведется и отъедет, потом спросил:

— Скажи мне одну вещь. Это было в первый раз... Такой гость?

— Нет, Лукас, — ответила Викки спокойно неуместно нежным голосом. — Это не первый раз.

Реальная жизнь снова обернулась к нему своей раскаленной добела стороной.

— Тогда... Я опоздал...

— И намного. — Опять та же издевательская нежность.

— Мне очень хотелось бы показать тебе, насколько ты не права, Викки. Я никогда не изменял тебе. Я... — Тут его горло сжал болезненный спазм. «Все эти годы, — подумал он. — Все эти красивые годы выброшены на свалку. Зачем?..»

— Ты сам все начал, Лукас. По крайней мере будь мужчиной и пройди все до конца. — Викки зажгла сигарету, и ее взгляд, жесткий и одновременно победный, неотрывно следовал за Хачменом из-за извивающейся маски дыма.

— Хорошо, Викки, — выдавал он из себя, и на мгновение перед его глазами мелькнула разделявшая их антиядерная машина. — Я обещаю тебе, что пройду до конца...

ГЛАВА 5

— Если у тебя что-нибудь случилось дома или еще что, почему бы тебе не рассказать мне об этом, Хач?

Артур Босуэл, начальник исследовательского сектора Вестфилда, надел очки в тонкой золотой оправе и пристально посмотрел на Хачмена.

— Да нет, вроде все в порядке, Артур. — Хачмен взглянул на него через стол красного дерева, раздумывая, не признаться ли в каких-нибудь трудностях хотя бы для того, чтобы облегчить себе несколько последующих дней.

— М-м-м. Ты не очень хорошо выглядишь в последнее время.

— Да. По правде говоря, я плохо сплю. Надо, наверно, сходить к врачу, выписать какие-нибудь таблетки.

— Это не дело. Хороший сон очень важен, — наставительно произнес Босуэл. — Что-нибудь случилось?

— Нет, так, без особых причин, — ответил Хачмен и подумал про себя: «Что-то у него на уме?»

— Я думаю предложить тебе помощника, Хач.

— Но в этом нет необходимости. — Хачмен почувствовал смутную тревогу. Меньше всего ему хотелось, чтобы в его кабинете сидел кто-то посторонний. — Я имею в виду, что это лишнее. Чтобы ввести нового человека в курс дела, потребуется не меньше двух недель, а за это время я и сам закончу работу.

— Две недели. Хорошо. — Босуэл с готовностью ухватился за конкретный срок. — Мы едва ли можем позволить на эту работу большее время. Совет директоров хотел бы наконец прийти к определенному решению по поводу «Джек-и-Джилл».

— Мне вполне хватит двух недель, — заверил его Хачмен.

Если работать быстро и не делать ошибочных ходов, то за две недели можно успеть осуществить задуманное. Объявить миру о том, что его машина уже существует. Необходимо немедленно составить описание конструкции и математическое обоснование, размножить все это в нескольких сотнях экземпляров и разослать по всему миру организаци-

ям и частным лицам по заготовленному списку. Отправить письма так, чтобы они достигли своих адресатов приблизительно в одно и то же время — проблема несложная. Гораздо большая проблема возникнет, когда письма будут вскрыты и прочитаны, когда многие из тех людей, кому они направлены, людей могущественных и безжалостных, пожелают его убрать. Единственный способ избежать опасности — продолжать держаться скрытно и осторожно. До сих пор Хачмен считал, что запирающийся ящик в его столе вполне надежное место для хранения схем и выкладок, но сейчас, преследуемый беспокойными мыслями, он даже не мог вспомнить, запер ли он стол, перед тем как уйти. Он прибавил шаг и почти бегом ворвался в свой кабинет. У стола стоял Дон Спейн и с напряженным интересом копался в содержимом секретного ящика.

— Ой, Хач, — спросил он, улыбаясь, — где ты держишь точилку для карандашей?

— Разумеется, не здесь, — резко ответил Хачмен и, не удержавшись, добавил: — Наглая любопытная свинья!

Улыбка Спейна тут же растворилась.

— Ты что, Хач? Я только хотел одолжить точилку.

Хачмен захлопнул дверь в комнатушку Мюриел и спокойно произнес:

— Это ложь. Я прекрасно знаю, что ты лжешь, потому что ты рылся в моем столе столько раз, что точилку нашел бы и в темноте. Ты просто наглая любопытная свинья!

На серых впалых щеках Спейна появились два пятна кирпичного цвета.

— Ты...

— И если я еще раз застану тебя в моем кабинете, я тебя пришибу!

Спейн открыл рот в замешательстве, но через секунду растерянное выражение на его лице сменилось злостью.

— Не слишком ли ты много о себе думаешь, Хач? Меня абсолютно не интересуют твои каракули, и я не позволю такому...

Хачмен взял со стола обкатанный камень, которым прижимал бумаги, и сделал вид, будто собирается бросить. Спейн проворно нырнул в дверной проем. Сев за стол,

Хачмен стал ждать, пока успокоятся нервы. Сделать что-нибудь подобное ему хотелось уже несколько лет, но в этот раз, пожалуй, следовало бы сдержаться. Спейн и Мюриел непременно распустят сплетни об этом инциденте по всему Вестфилду, а как раз сейчас Хачмену хотелось выглядеть как можно неприметнее.

Он обследовал ящик с бумагами и с облегчением обнаружил, что заготовленный список правительственных учреждений, политиков и видных ученых лежал в самом низу, да еще был сложен таким образом, что Спейн, очевидно, его пропустил. С сегодняшнего дня придется носить все бумаги с собой.

Но что делать с машиной? Хачмен опустился в кресло и задумчиво посмотрел через расчерченное редкими каплями дождя стекло на украшенные осенью деревья за окном. Машину, которую вряд ли кто назвал бы портативной, нельзя оставлять в лаборатории. Для того чтобы шантажировать людей, владеющих ядерным оружием, чтобы успешно превратить мегасмерть в мегажизнь, машину надо спрятать понадежнее в каком-нибудь укромном месте. Даже если его выследят, это уже не будет иметь значения: когда люди узнают, как построить подобную машину, кто-нибудь где-нибудь обязательно это сделает. И тогда никто не сможет позволить себе владеть ракетами, снаряженными кусками смертоносного металла...

Никогда! Слишком велик будет риск.

Хачмен встал и, подойдя к зеркалу, взглянул на свое отражение. Высокий мужчина, хорошо уложенные черные волосы, длинные суховатые руки — именно такого Лукаса Хачмена видят люди. Это тот самый Лукас Хачмен... «Так-так, уже говорим о себе в третьем лице, Хач. Классический симптом...» Так вот, это тот самый Лукас Хачмен, который решил один положить на лопатки весь мир. «Когда-нибудь она поймет...»

Слегка обеспокоенный тем удовольствием, которое доставила ему эта маленькая игра, Хачмен сел за стол и занялся бумагами. Все записи были сделаны на стандартных вестфилдских бланках, но это можно исправить — достаточно лишь обрезать верхнюю часть листа. Другое дело, что кому-

то из адресатов, особенно иностранцам, будет невозможно расшифровать его каракули и, кроме того, его смогут найти по почерку. Он прошел в кабинетик Мюриел и, сделав вид, что не замечает ее настороженного взгляда, молча достал из стола стопку чистых листов. Больше часа ушло на то, чтобы переписать печатными буквами все математические выкладки и описание конструкции машины.

Закончив работу, он спрятал бумаги в портфель и принялся думать, где лучше спрятать машину. Может быть, где-нибудь на южном побережье? Хачмен достал телефонный справочник и, выписав несколько номеров агентов по недвижимости, начал обзванивать их в алфавитном порядке. Уже во второй конторе ему предложили коттедж в Хастингсе. Хачмен поискал блокнот для заметок, но вспомнил, что оставил его на книжном шкафу. Пришлось записать адрес на новом зеленом ластике.

— Похоже, это как раз то, что мне нужно. Я позвоню вам позже.

Он сказал Мюриел, что уходит по личным делам на часок, и отнес портфель в машину. Погода для ноября была относительно теплая, но небо провисало над деревьями и домами удручающе низко. Дождь моросил постоянно, не оставляя никаких сомнений, что так будет до самого конца дня. Водяные капли сползали по стеклу автомашины словно бесноватые амебы. Хачмен остановился в центре города и за тридцать фунтов приобрел в канцелярской лавке подержанную копировальную машину и запас бумаги. Платил наличными, используя деньги, которые Викки выдала ему, чтобы он отнес их в банк. Уложив покупки в багажник, он двинулся пешком вдоль улицы, пока не нашел контору по сдаче недвижимости, куда звонил ранее. В стеклянной витрине он разыскал фотографию дома, и то, что он увидел, его вполне устроило. Коттедж с террасой, сдается только на зиму, примерно в шестидесяти милях от дома. Полтора часа езды — это достаточно близко. Он вполне сможет перевезти туда машину, не пропадая на подозрительно долгий срок, и в то же время там можно надежно укрыться в случае необходимости.

Хачмен зашел в контору, и, представившись писателем, которому необходимо закончить книгу, меньше чем через полчаса получил дом в аренду до конца апреля. Оформив аренду на вымышленное имя, он внес аванс наличными и получил взамен два ключа и карточку с адресом.

Заехав к «Вулворту», купил несколько сотен дешевых конвертов из тех, что продаются в любом городе, а на центральной почте — соответствующее количество марок в листах для авиа и внутренней пересылки.

Приближалось время ленча. Хачмен зашел в свое любимое кафе и там, сидя в полутемном углу за чашкой горячего кофе, принялся составлять письмо. Написав «Всем, кого это может касаться», он подумал, что такое начало выглядит неоригинально, но в конце концов решил, что это по существу, и оставил так как есть. Закончив первый вариант, он внимательно перечитал написанное.

«Это письмо — наиболее важное из всех писем, которые Вам доводилось читать. Его содержание представляет собой факты, в высшей степени важные для безопасности Вашей страны и благополучия всего человечества в целом.

Прочитав письмо, Вы принимаете на себя личную ответственность за осуществление необходимых действий, и Ваша совесть должна подсказать Вам, каковы должны быть эти действия.

К письму прилагаются следующие документы:

1. Математические доказательства возможности создания нейтронного резонатора на основе цестронового лазера. Распространение излучения будет иметь характер цепной реакции и вызовет искусственное увеличение плотности свободных нейтронов в любой близкой к критической концентрации радиоактивного материала. Другими словами, включение описываемого устройства приведет к почти мгновенному взрыву всех ядерных устройств на планете.

2. Схема простейшей модели нейтронного резонатора, который может быть создан практически за несколько дней. Прочтите следующий параграф внимательно:

ОПИСАННОЕ УСТРОЙСТВО УЖЕ СУЩЕСТВУЕТ: ОНО БУДЕТ ПРИВЕДЕНО В ДЕЙСТВИЕ В ПОЛДЕНЬ ПО ГРИНВИЧУ 10 НОЯБРЯ 19... ГОДА. ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕРЫ».

Написанное живо напомнило Хачмену стиль рассылаемых книжными клубами рекламных буклетов, но в конце концов он решил, что свое дело письмо сделает. Убеждать за него будут плотно исписанные страницы математических выкладок. Они передадут сообщение тем членам братства математиков, кто способен мыслить на таком же уровне, те в свою очередь повлияют на других людей, те — дальше... Письмо само будет своего рода нейтронным резонатором, способным начать цепную реакцию в человеческих умах.

Спрятать ядерную машину оказалось гораздо легче, чем ему представлялось раньше, и очередной успех вызвал у Хачмена чувство, что все движется с какой-то сверхъестественной легкостью. Недолго думая, он зашел в телефонную будку и позвонил Мюриел в Вестфилд. Она ответила что-то невнятно, и он догадался, что позвонил в перерыв, когда она заправляется неизменными шоколадными вафлями в компании других секретарш, которые всегда собираются на ленч в ее кабинетике, чтобы выпить кофе и обсудить поп-звезд.

— Извини, что прерываю заседание «культурного клуба», — сказал Хачмен, — но я хотел предупредить, что сегодня меня не будет. Ты там справишься сама, если что-нибудь возникнет, ладно?

— А что мне сказать, если будут спрашивать? — Голос ее звучал уже разборчивее, но в нем ясно слышалось осуждение.

— Скажи, что я на побережье, — ответил он, не раздумывая, и тут же пожалел об этом. — Нет, лучше скажи правду. Я буду в Моррисоновской библиотеке, мне надо там кое-что посмотреть.

— В Моррисоновской библиотеке, — повторила Мюриел монотонно, открыто демонстрируя свое недоверие.

Очевидно, к этому времени соответственно оформленная версия его конфликта со Спейном уже разошлась, и

Мюриел, хотя она и недолюбливала Спейна, с радостью ухватится за возможность посплетничать о том, как «мистер Хачмен изменился в худшую сторону». Хачмен подумал, что с Мюриел надо быть поосторожней.

— Ну ладно, — сказал он. — До завтра.

Мюриел молча повесила трубку.

Хачмен сел в машину и направился в институтскую лабораторию. Шел дождь, опускался туман, и никто, похоже, не заметил, как он остановился во внутреннем дворе большого каменного здания. Минут двадцать ушло на то, чтобы разобрать машину на основные узлы и перенести их вместе с экранами к автомобилю. Когда он закончил погрузку, руки, несмотря на постоянные тренировки с луком, болели от непривычной тяжелой работы. Так никого и не встретив при выезде, Хачмен погнал машину на юг, к Хастингсу.

Дорога заняла больше полутора часов, и еще минут десять он искал номер 31 по Чаннинг-уэй — коттедж, который ему сдали до апреля. Дом оказался вполне обычным; он ничем не выделялся из ряда таких же зданий: две комнаты внизу, две — на втором этаже. В конце улицы было видно море.

Вставляя ключ в замочную скважину и открывая дверь незнакомого дома, Хачмен особо остро почувствовал, что входит в чужой дом, хотя легально он имел на это все права. Он прошел по комнатам первого этажа, обратив внимание, что мебели в доме лишь необходимый для аренды минимум. Холодный, безжизненный дом... В спальне на втором этаже оказалось одно-единственное зеленое кресло. Узкое оконце выходило на глухую стену соседнего дома.

«А ведь я могу умереть здесь...» Внезапно возникшая мысль принесла с собой ощущение подавленности, сменившее чуть приправленное виной возбуждение от всей этой дешевой секретности. Он спустился по лестнице и принялся выгружать разобранную машину. На этот раз детали казались гораздо тяжелее, но носить было недалеко, и меньше чем через десять минут части машины уже лежали на полу спальни. Хачмен хотел было собрать ее сразу, но потом решил, что сначала надо разделаться с письмами, а для этого лучше пораньше вернуться домой.

— Дэвид спит, а мне нужно уйти на пару часов, — сказала Викки, появляясь в дверях его кабинета. На ней был бурого цвета твидовый костюм, который Хачмен прежде не видел. Лицо, старательно подкрашенное, сохраняло строгое выражение. Глубокая печаль охватила Хачмена, и он понял, что, несмотря ни на что, он все же надеялся, что Викки успокоится после того удара, который она ему нанесла.

— Куда ты собралась?

— Что, я не могу съездить к матери?

— Ты можешь, конечно, и к матери съездить... — горько усмехнулся Хачмен. — Ладно. Все понятно...

— Ты никуда не собираешься? — спросила Викки будничным тоном, делая вид, что не заметила его реплики. — А то я останусь с Дэвидом.

Хачмен взглянул на стопки писем на столе и покачал головой.

— Нет. Я буду дома.

— Тогда я пошла. — Викки посмотрела на него с недоумением, и Хачмен догадался, о чем она подумала. «Как случилось, что он так спокоен? По всем правилам он должен сейчас стоять передо мной на коленях, умолять, упрашивать». И быть может, он так бы и поступил. Что уж тут от себя скрывать? Но Викки сделала ошибку, применив слишком большую дозу. Какая разница, одна измена или десяток, одна мегатонна или сто? Нет смысла просить о чем-то, ибо он уже мертв.

— Пока, — сказала Викки.

Хачмен кивнул, не оборачиваясь.

— Передай привет своей матери.

ГЛАВА 6

Проснувшись, Хачмен с удовлетворением отметил особое, цвета меди, солнечное сияние, какое, он был уверен, можно увидеть только по утрам и в выходной. Не

исключено, что это реальное явление природы: пятьдесят миллионов британцев, настроенных на хорошую субботу, просто должны силой мысли влиять на погоду. Или групповой самообман: те же пятьдесят миллионов, создающих для себя телепатический покров удовольствия от того, что рабочая неделя наконец завершилась... В любом случае Хачмен был доволен, что не надо идти на службу, потому что сегодня он наметил отправить письма, предназначенные для самых отдаленных уголков планеты. Он решил разделить их на небольшие стопки и опустить в разные почтовые ящики, расположенные как можно дальше друг от друга. Сколько можно объехать за день? Почти всю юго-восточную часть страны. Конечно, лучше было бы добраться до Шотландии, но юго-восток и так населяет чуть ли не половина Англии. И кроме того, это может сбить преследователей со следа, если они решат, что человек, живущий на севере страны, специально отправлял письма на юге.

Хачмен выбрался из постели и якобы ненароком заглянул в смежную спальню. Викки спала под сплетением теней от задвинутых штор. Хачмен прошел в ванную и быстро умылся. У него в общем-то не было никаких оснований думать, что Викки будет отсутствовать всю ночь, но все же ему стало легче от того, что она дома. Он надел джинсы и свитер, сложил конверты в чемодан и отнес его в машину. Перед уходом он заглянул в комнату Дэвида и, остановившись на пороге, долго с тревогой вглядывался в маленького, спящего, как всегда, в необычной позе мальчугана.

С утра движение на дороге было не очень оживленное, и Хачмен решил первую часть конвертов опустить в Бате. В том случае, если начнется подробное расследование, у спецслужб уже будет определенное начальное количество данных: место и время отправки писем, и меньше всего Хачмену хотелось оставить ясный след, начинающийся в Кримчерче. Он вел машину быстро, предельно сосредоточившись на дороге, и едва замечал звуки, доносившиеся из радиоприемника, пока не передали сообщение о сборе пожертвований для недавно учрежденной организации помощи пострадавшему городу.

Председатель организации публично заявил о своих подозрениях относительно того, что часть пожертвований переводится различными правительственными ведомствами в другие фонды. Хачмен решил, что председатель просто страдает обычной для организаторов благотворительных сборов мнительностью, но тут до него дошло, что и он для реализации своего замысла полагается на почтовое ведомство ее величества. Как типичный представитель среднего класса Англии, он всегда хранил врожденную веру в учреждения типа почтового ведомства, и в то же время, как нормальный трезвомыслящий человек последней четверти века, прекрасно понимал, что ни одно правительство, даже правительство Елизаветы II, не может придерживаться строгих моральных принципов.

От тревожных мыслей у Хачмена выступил холодный пот на лбу. В его чемодане лежало несколько писем, адресованных в Советский Союз: государственным деятелям, ученым, редакторам научных журналов. Но что будет, если вся британская почта, адресованная в эту страну, подвергается проверке? Все знают, что существуют способы, позволяющие делать это, даже не вскрывая конвертов. Он ослабил давление на педаль акселератора и попытался представить, к чему это приведет. Во-первых, охота на него начнется гораздо раньше, чем он предполагал. Во-вторых, и это гораздо важнее, ни одно письмо, направленное в Россию, не попадет к адресатам. А ведь его план в том и заключался, чтобы все державы, имеющие ядерное оружие, получили письма одновременно и были предупреждены о том, что случится 10 ноября.

Если лишь одна сторона получит известие, его «антиоружие» автоматически превратится в оружие. Даже сейчас, назначив столь близкий срок, он поставил в опасное положение все великие державы, где специалистам придется работать из последних сил, чтобы разобрать ядерные боеголовки в срок.

Продолжая медленно двигаться по шоссе, Хачмен вдруг неожиданно вспомнил смутно знакомое женское лицо. Кажется... Андреа Найт, биолог. Когда-то Хачмена знакомили с ней в университете. Много позже он видел ее

несколько раз издалека в институте во время редких перерывов на кофе, которые он себе позволял, работая над машиной. Так же неожиданно в памяти всплыл отрывок из «Университетского бюллетеня новостей»: она едет в Москву на семинар по ДНК!

Он попытался восстановить в памяти дату отъезда делегации, но вспоминалось лишь, что группа отбывает буквально на днях. Или они уже уехали?..

Если ему удастся убедить Андреа взять конверт с собой, он был уверен, что письмо надежно попадет в руки адресату. А если дать ей один из конвертов, адресованных научному журналу, тогда будет нетрудно придумать какое-нибудь объяснение. Конечно, если делегация уже в пути, придется разработать еще какой-нибудь ход, но сейчас лучше узнать, как действительно обстоят дела.

Хачмен прибавил скорость и через пять минут уже был на окраине Олдершота. Миновав аккуратные ряды армейских построек, растянувшихся по обе стороны дороги на несколько миль, он остановился у телефонной будки и разыскал по справочнику номер Роджера Дафи. Дафи был в Вестфилде специалистом по связям с прессой, иногда сам писал для научных журналов, и довольно часто его материалы появлялись в «Университетском бюллетене». К телефону долго не подходили, но потом ответил сам Дафи.

— Привет, Роджер! — Хачмен старался, чтобы его голос звучал сердечно и беззаботно. — Извини, что беспокою тебя дома, но только ты можешь мне помочь.

— Ничего, все в порядке. — Дафи ответил дружелюбно, но в то же время немного настороженно. — А в чем дело?

— Хочу разыскать кое-кого из той группы, что отправляется в Москву на семинар по ДНК, да вот думаю, не поздно ли?

— Даже не знаю. А кто именно тебе нужен?

Хачмен хотел было придумать какое-нибудь имя, но Дафи был как раз одним из тех настораживающе знающих людей, кто вполне способен запомнить всю делегацию.

— Э-э-э... Андреа Найт.

— Ага! У тебя губа не дура, Хач!

— Ну что ты, Роджер, — отбился Хачмен, устало подумав: «Господи! И этот туда же». — И потом, разве я бы тебе в чем-нибудь признался?

— Не надо, старик, не надо. Ну, чертяка! Недаром...

— Послушай, Роджер, может, у тебя где записано, когда отправляется наша делегация? Я тороплюсь.

— Я думаю! Ладно, подожди секунду.

Хачмен чуть пригнулся в будке и взглянул на себя в зеркальце на стене. Щеки ввалились, резко обозначился подбородок. И впервые за долгие годы он забыл побриться...

— Алло, Хач? Они вылетают из Гэтвика завтра в полдень.

— Спасибо, Роджер. — Хачмен повесил трубку и отправился на поиски местного почтового отделения. Отыскав по справочнику адрес и телефонный номер Андреа Найт, он записал их на листке бумаги, затем позвонил.

— Андреа Найт слушает. — Она сняла трубку быстро, еще до конца первого гудка, и Хачмен невольно вздрогнул.

— Добрый день, мисс Найт. — Он поискал нужные слова и продолжил: — Не уверен, что вы меня помните. Я Лукас Хачмен. Мы учились вместе...

— Лукас Хачмен! — Голос звучал удивленно, но в нем чувствовались нотки удовольствия. — Конечно, помню. Я видела тебя несколько раз в институте, но ты не подошел.

— Я не был уверен, что меня помнят.

— Однако то, что ты даже не поздоровался, вряд ли улучшило мою память.

— Очевидно, да. — Хачмен почувствовал, как краснеет, и внезапно с удивлением осознал, что буквально через несколько секунд они уже разговаривают, словно близко знакомые люди. Слишком близко. — Я всегда теряюсь в таких случаях.

— В самом деле? Тогда зачем же ты звонишь? Или мне не следовало задавать этот вопрос?

— Я думал... — Хачмен замялся. — Я знаю, что на слишком многое рассчитываю так сразу, но не могла бы ты оказать мне небольшую услугу?

— Надеюсь, что смогу, но должна предупредить: завтра я улетаю в Москву и вернусь только через три недели.

— Именно поэтому я и позвонил. Мне надо отправить редактору «Советской науки» статью по микроволновым излучениям. И довольно срочно. Я мог бы послать ее почтой, но выглядит вся эта математика жутковато, и будет столько бюрократических задержек — цензура и все такое, — что потребуется, наверное, несколько месяцев. Вот я и подумал...

— Ты хочешь, чтобы я ее доставила лично? Что-то вроде транссибирского курьера? — Андреа заразительно засмеялась, и Хачмен понял, что главное сделано.

— Да нет, зачем же. Я подпишу конверт, и его просто нужно будет бросить там в почтовый ящик.

— Хорошо, но есть одна трудность.

— Какая? — Хачмен постарался не выдать голосом своего волнения.

— У меня нет конверта. Как я его получу?

— О, это не сложно. Я могу подъехать сегодня.

— Вообще-то я тут вся в сборах, но к вечеру, надеюсь, буду свободна.

— Отлично. Где мне?..

— Где ты обычно встречаешься с женщинами?

Хачмен чуть не сказал, что он обычно не встречается с женщинами, но вовремя остановился. «Поделом тебе, Викки».

— Как насчет «Погребка» в Кемберне? Может быть, мы поужинаем?

— Замечательно. В восемь часов?

— В восемь.

Хачмен повесил трубку и вышел на залитую солнцем улицу, чувствуя себя так, словно он проглотил несколько стопок джина на голодный желудок. Секунду он разглядывал незнакомые дома, потом вспомнил, что он в Олдершоте и впереди у него долгое путешествие по южным графствам. По дороге к оставленной машине Хачмен понял, что придется менять план. Решив, что факт отправки писем из какого-то одного места будет менее информативен для гипотетического следователя, чем отправка поочередно по пути следования, он составил новый маршрут. Решение, принятое вот так сразу, показалось Хачмену более верным, чем заранее обдуманный план, и это его несколько беспокоило, но в конце

концов он убедил себя в том, что даже один конверт, надежно доставленный в Москву, все окупает.

К западу от Олдершота он свернул с дороги на Бат и заехал в Солсбери, где и отправил первую партию конвертов. И только вернувшись в Кримчерч, он понял, что означают эти конверты, доверенные почте ее величества. До сих пор у него был выбор, была возможность вернуться к нормальной жизни.

Теперь же первый шаг сделан, и пути назад нет.

ГЛАВА 7

Андреа Найт вошла в бар неторопливой походкой и проследовала через весь зал к столику Хачмена, размахивая сумкой. Хачмен, который пришел задолго до условленного срока, поднялся с места.

— Рад тебя видеть, — произнес он быстро.

— Привет, Лукас. Это место напоминает мне молодость. Уж и не помню, когда это было.

— Пожалуй, — осторожно сказал Хачмен, пытаясь догадаться, что она имеет в виду.

— Да-да. Ты знаешь, тот бар, «Вьючную лошадь», снесли, там теперь проходит шоссе.

— Нет, я не слышал. — Хачмен почувствовал себя неловко.

— Ну конечно же, мы ведь были там всего один раз, — улыбнулась она укоризненно.

Хачмен улыбнулся в ответ. Еще в студенческие годы ему случалось приглашать во «Вьючную лошадь» девушек. Примерно в то время он и познакомился с Викки. Должно быть, и Андреа Найт когда-то была там вместе с ним. Похоже, что годы супружеской жизни с Викки накрепко перестроили даже его образ мысли. (Прошел целый год ссор и примирений, прежде чем он приучился, возвращаясь домой после работы, класть портфель на переднее си-

денье рядом с собой. Если Викки замечала из окна, что он достает портфель с заднего сиденья, она автоматически предполагала, что он кого-то подвозил. Начинались ревниво-осторожные расспросы, и обычно все кончалось ссорой в районе полуночи.) За эти годы он научился просто вычеркивать других женщин из своей памяти. Новая мысль: «А вдруг этот самый человек, этот верный, не смеющий думать о других женщинах Лукас Хачмен, которого, в общем-то, не так уж и интересует секс, вовсе не настоящий Лукас Хачмен? Неужели это Викки сделала меня таким, какой я есть? И сколько в этой моей мстительной выходке случайности, а сколько подсознательной мотивации? Я увидел Андреа в институте, когда создавал машину, после заметил ее имя в «Бюллетене», и говорят, подсознание никогда не забывает деталей. Таких, например, как дата ее отлета в Москву. Боже правый, неужели и в самом деле срок включения моей священной машины был подгадан подсознанием так, чтобы свести меня здесь, за столиком с этой женщиной?»

— ...и после такой прогулки я просто умираю от жажды, — продолжала Андреа. — Моя машина на ремонте.

— Извини. — Хачмен подозвал официанта. — Что ты будешь пить?

Она заказала перно и с явным удовольствием сделала первый глоток.

— Девушка, которая придерживается социалистических убеждений, едва ли вправе заказывать такие дорогие напитки, но, похоже, у меня совершенно капиталистический желудок.

— Кстати... — Хачмен достал из кармана пиджака конверт и передал ей. — Он уже адресован, надо будет только наклеить там марку. Не возражаешь?

— Не возражаю. — Она, не глядя, опустила белый прямоугольник в сумку. То, что она приняла конверт без раздумий, обрадовало Хачмена, но он тут же начал беспокоиться, что при таком небрежном отношении она может его просто забыть.

— Это не вопрос жизни и смерти, но для меня достаточно важно, чтобы статья была доставлена быстро.

— Не беспокойся, Лукас. Я все сделаю. — Ее ладонь обнадеживающе накрыла его руку.

Пальцы Андреа казались холодными, и он инстинктивно положил свободную руку поверх ее. Она снова улыбнулась, глядя ему прямо в глаза, и словно сработал какой-то биологический переключатель — Лукас почувствовал возбуждение. С этого мгновения само время будто изменило свой бег: минуты тянулись на удивление долго, а часы пролетали совершенно неуловимо.

Они выпили несколько коктейлей, потом поужинали, выпили еще, после чего Лукас отвез ее домой. Ее квартира находилась на последнем этаже четырехэтажного здания. Как только машина затормозила на усыпанной гравием площадке перед подъездом, Андреа вышла и пошла к дверям, на ходу доставая из сумочки ключи. На ступеньках она обернулась и посмотрела на него.

— Ну заходи же, Лукас, — сказала Андреа нетерпеливо. — Здесь холодно.

Хачмен выбрался из машины и прошел за ней в небольшой холл. Дверь лифта была открыта, и они ступили в алюминиевую коробку, уже держась за руки. Поднимаясь, они целовались — губы ее оказались мягкими, как он и думал, и она льнула к нему, прижималась бедрами, как он и ожидал. Следуя за ней в квартиру, Хачмен чувствовал, что у него дрожат ноги. Мебели в квартире было немного, но все со вкусом. В воздухе чувствовался слабый запах яблок. Едва закрылась дверь, Андреа сбросила пальто на пол, и они снова стали целоваться. Андреа была чуть полнее Викки, и ее груди казались тяжелее. Это невольное и непрошеное сравнение отозвалось странной ноющей болью в висках. Хачмен выкинул Викки из головы и впился в губы Андреа.

— Ты хочешь меня, Лукас? В самом деле?

— Да, в самом деле хочу.

— Хорошо. Жди здесь.

Она ушла в спальню, а Хачмен замер в ожидании. Вскоре Андреа вернулась. Кроме черного бюстгальтера с круглыми отверстиями для сосков — молочно-белая плоть словно выдавливалась из этих отверстий, и соски немного

задирались вверх, — на ней ничего не было. Шумно дыша, Хачмен сбросил свою одежду, прижал Андреа к себе и повалил на алый ковер. «Вот, — пронеслась мысль, — вот так, моя дорогая Викки...»

Спустя какое-то время он с ужасом обнаружил, что не чувствует... ровным счетом ничего, словно ниже пояса его накачали каким-то замораживающим лекарством, которое уничтожает любые ощущения. Смущенный и напуганный, Хачмен продолжал битву между своим телом и ее, сдавливал, хватал, прижимал...

— Успокойся, Лукас, — донесся до него далекий, будто со звезд, голос. — Ты не виноват.

— Но я не понимаю... — тупо сказал он. — Я не знаю, что со мной.

— Сексуальная гипестезия, — ответила она не без сочувствия. — У Крафта-Эббинга этому посвящена целая глава.

Хачмен покачал головой.

— Но у меня все в порядке, когда я...

— Когда ты с женой?

— О Боже! — Хачмен сдавил виски руками, потому что боль стала невыносимой. «Что ты со мной сделала, Викки?»

Андреа встала, прошла к двери, где лежало на полу ее замшевое пальто, и накинула его на плечи.

— Вечер был замечательный, Лукас, но завтра у меня множество дел и мне надо поспать. Ты не возражаешь?

— Нет. Нет, конечно, — пробормотал он с какой-то ненатуральной учтивостью. Одеваясь, Хачмен пытался придумать что-нибудь такое... Умное и одновременно беззаботное, что сказать на прощание, но в конце концов не нашел ничего лучше, чем: — Надеюсь, завтра тебе повезет с погодой.

Никаких эмоций на ее лице не отразилось.

— Я тоже надеюсь. Спокойной ночи, Лукас. — И она тихо закрыла за ним дверь.

Лифт все еще стоял на площадке четвертого этажа, и Хачмен спустился вниз, разглядывая свое отражение в поцарапанном алюминии стен.

Невероятно, но после всего, что произошло, он еще и умудрился вернуться домой сразу после полуночи. Викки

не спала. На ней была старая удобная домашняя юбка и кардиган, что, видимо, должно было означать, что она провела вечер дома и за время его отсутствия у нее не было гостей. Она сидела перед телевизором, и, как всегда, ручка регулировки цвета была вывернута слишком далеко, из-за чего изображение на экране расплывалось и смазывалось. Хачмен подрегулировал цвет и молча сел в кресло.

— Где ты был весь вечер, Лукас?

— Пил, — ответил он, ожидая, что так или этак она начнет его опровергать, но Викки лишь сказала:

— Тебе не следует много пить. Тебе это вредно.

— Это полезнее, чем кое-что другое.

Она повернулась к нему и произнесла неуверенно:

— У меня создается впечатление, что... Все это действительно задело тебя, Лукас. Признаться, меня это удивляет. Разве ты не понимал, чем это может для тебя кончиться?

Хачмен взглянул на жену. Такой вот, в старой знакомой домашней одежде, она всегда нравилась ему больше. Выражение ее лица, красивого и спокойного в приглушенном свете оранжевого абажура, казалось, еще сохраняло силу своего воздействия на него. Потом он подумал о первой партии конвертов, уже рассортированных, разделенных и вылетевших на первый этап своего путешествия, откуда их нельзя вернуть никакими силами.

— Иди к черту, — пробормотал он, выходя из комнаты.

Рано утром Хачмен отправился в Мейдстун и опустил там еще одну партию конвертов. Погода стояла солнечная и относительно теплая. Вернувшись домой, он обнаружил, что Викки и Дэвид только-только сели завтракать. Сын пытался одновременно есть кашу и делать домашнее задание по арифметике.

— Пап, — возмутился он, — ну зачем в числах всегда сотни, десятки и единицы? Почему нельзя, чтобы были только единицы? Тогда не нужно было бы переносить остаток.

— Это не очень удобно, сынок. А почему ты делаешь задание в воскресенье?

Дэвид пожал плечами.

— Учительница меня ненавидит.

— Это неправда, Дэвид, — вступилась Викки.

— А почему она задает мне примеров больше, чем другим?

— Чтобы помочь тебе. — Она просительно взглянула на Хачмена. Он взял тетрадку, карандаш, быстро набросал ответы к оставшимся примерам и отдал Дэвиду.

— Спасибо, пап! — Дэвид взглянул на него восхищенно и с радостным воплем выскочил из кухни.

— Почему ты это сделал? — Викки налила из кофейника еще одну чашку и подвинула ее Хачмену через стол. — Ты всегда говорил, что в такой помощи нет никакого смысла.

— Тогда мне казалось, что мы бессмертны.

— В смысле?

— Возможно, времени для того, чтобы делать все правильно, осталось не так уж много.

Викки прижала руку к горлу.

— Я наблюдала за тобой, Лукас. Ты ведешь себя так, словно ты... — Она судорожно вздохнула и продолжила: — Что бы ты ответил, если бы я сказала, что не изменяла тебе физически?

— Я бы ответил тебе тем же, что ты говорила мне уже сотню раз: делать это в мыслях столь же плохо.

— Но если мне было это противно, и я только...

— Чего ты от меня хочешь? — потребовал он хрипло, прижав костяшки пальцев к губам из боязни, что они задрожат. «После всего, что случилось, — подумал он в панике, — неужели я сдамся? По своему желанию она может вернуть меня и может оттолкнуть...»

— Лукас, ты изменял мне? — Ее лицо казалось лицом жрицы.

— Нет.

— Тогда что все это значило?

Стоя с чашкой кофе в руках, Хачмен почувствовал, как начинают дрожать колени, угрожая предать его и уронить наземь. Мысли в голове вдруг понеслись в другом направлении. «Зачем мне машина? Достаточно будет распространить информацию. Всеобщее знание того, как по-

строить антиядерную машину, само по себе сделает обладание ядерным оружием рискованным... Но если уничтожить машину, то ультиматум будет воспринят просто как блеф. Кроме того, я могу вскрыть оставшиеся конверты, убрать письмо и отправить только описание... Без машины я в безопасности. Им не нужно будет меня искать...»

Его мысли прервал телефонный звонок. Викки встала было из-за стола, но он махнул рукой, торопливо прошел в холл и снял трубку, оборвав звонок посередине.

— Хачмен слушает.

— Доброе утро, Лукас. — Женский голос, казалось, доносился из другого мира, словно что-то совершенно чужое и не важное для Хачмена в это солнечное воскресное утро. С большим трудом он догадался, что говорит Андреа Найт.

— Привет, — ответил он неуверенно. — Я думал, к этому времени ты будешь в Гэтвике.

— Так и было запланировано, но меня перевели на другой рейс.

— Жаль. — Хачмен пытался понять, зачем она звонит.

— Лукас, я хотела бы тебя сегодня увидеть. Ты можешь приехать сейчас?

— Извини, — произнес он холодно, — но я не вижу...

— Это насчет конверта, который ты мне передал.

— Да? — Внезапно ему стало трудно дышать.

— Я его вскрыла.

— Что?

— Я подумала, что мне следует знать, что я повезу в Москву. Я все-таки социалистка, а кроме того, статья все равно предназначалась для публикации...

— Социалистка?

— Да. Я тебе вчера об этом говорила.

— Да, верно. — Хачмен вспомнил, что Андреа действительно упоминала о своих убеждениях, но тогда это не показалось важным. Он сделал глубокий вдох. — И что ты думаешь о моем маленьком розыгрыше? Детская глупость?

После паузы, показавшейся ему вечностью, она сказала:

— Я бы не назвала это так. Совсем нет, Лукас.

— Но я уверяю тебя...

— Я показала бумаги своему другу, и ему тоже не было смешно.

— Ты не имела права. — Лукас сделал слабую попытку произнести это с угрозой.

— А ты не имел права вовлекать меня в такое. Наверно, тебе следует приехать сюда, чтобы обсудить это дело.

— Разумеется. — Он бросил трубку и заглянул на кухню. — Что-то случилось на испытаниях «Джек-и-Джилл». Мне надо уехать на часок.

Викки встревожилась.

— В воскресенье? Что-нибудь серьезное?

— Не очень, просто срочное. Через час вернусь.

— Хорошо, Лукас. — Она улыбнулась настолько трепетно, что у него защемило в груди. — Нам надо будет сесть и спокойно обо всем поговорить.

— Я знаю.

С этими словами он вышел из дома и направился к машине. Вывел ее на дорогу, послав из-под колес веер гравия, ударивший в кусты, словно залп картечи, и, резко набрав скорость, погнал машину к Кемберну. Движение на дороге было не очень оживленное — всего лишь несколько машин на пути в бар перед ленчем, и он добрался довольно быстро. Внимание, требуемое при вождении машины на такой скорости, избавляло его от необходимости планировать свои действия наперед. Когда он подъехал к дому Андреа, здание показалось ему совершенно незнакомым в желтых солнечных лучах. В окнах ее квартиры никого не было. Хачмен быстро поднялся на последний этаж, рассматривая свои кривые отражения на алюминиевых панелях лифта. Так и не успев обдумать, что собирается сказать, он надавил кнопку звонка. Дверь открылась почти сразу. С мрачным выражением на неподвижном лице Андреа отошла в сторону и пропустила его в квартиру.

— Послушай, Андреа, давай разберемся с этим делом побыстрее. Ты отдаешь мне мои бумаги, и мы обо всем забываем.

— Я хочу познакомить тебя с Обри Велландом, — произнесла она натянуто.

— Доброе утро, мистер Хачмен. — Из кухни появился крепкого вида молодой человек в очках, с квадратной че-

люстью и комплекцией играющего в регби школьного учителя. На нем был красный галстук, а на лацкане твидового пиджака блестел маленький медный значок с серпом и молотом... Заметив взгляд Хачмена, он кивнул. — Да, я член партии. Что, никогда ни одного не видели?

— Мне некогда играть в игры. Я хочу получить бумаги, которые мне принадлежат.

Велланд, казалось, обдумал сказанное, потом произнес:

— Мисс Найт сказала мне, что вы обладаете профессиональными знаниями математики с уклоном в ядерную физику.

Хачмен взглянул на Андреа, та ответила ему безвольным взглядом, и он понял, что, настаивая на своих правах, ничего не добьется.

— Совершенно верно. Послушайте, я признаю, что задумал совершенно детский розыгрыш, и теперь понимаю, как все это глупо. Может, мы...

— Я сам математик, — прервал его Велланд. — Конечно, не вашего класса, но, думаю, в состоянии оценить истинное творчество в этой науке.

— Если это так, вы должны были заметить ошибку. — У Хачмена мелькнула новая идея. — Там, где я преобразовывал функцию Лежавдра. Не заметили? — спросил он, снисходительно улыбнувшись.

— Нет.

Тем не менее Велланд поколебался в своей уверенности. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, потом передумал, но Хачмен успел разглядеть белый уголок своего конверта.

— Вам придется меня убедить, — произнес Велланд.

Хачмен пожал плечами.

— Хорошо, давайте разбираться. Где бумаги?

— Бумаги останутся у меня, — отрезал Велланд.

— Ладно. — Хачмен снова улыбнулся. — Если хотите выставить себя дураком перед вашими партийными боссами, валяйте. Шутка будет еще смешнее...

Он сделал вид, что отворачивается, потом внезапно бросился на Велланда, левой рукой распахнул его пиджак, правой выхватил из кармана конверт. Велланд вскрикнул

от неожиданности и схватил его за запястья. Хачмен изо всех сил напряг натренированные стрельбой из лука мускулы и почувствовал, что хватка противника слабеет, конверт спланировал на пол. Велланд зарычал, пытаясь оттащить Хачмена дальше от конверта, и они закружились по комнате в гротескном вальсе. Край низкого кофейного столика уперся Хачмену под колени, и, чтобы не упасть, он встал на него ногами, подтащив за собой Велланда. Тот поднял колено, и Хачмен, пытаясь защититься, толкнул его в сторону. Слишком поздно он понял, как близко они к окну. Стекло взорвалось осколками, и внезапно в комнату ворвался холодный ноябрьский воздух. Кружевную штору швырнуло Хачмену в лицо, когда он наклонился и выглянул на улицу через острые обломки стекла. Внизу бежали люди, где-то кричала женщина. И Хачмен сразу понял почему.

Велланд упал прямо на ограду из кованого железа, и даже с высоты четвертого этажа было ясно, что он мертв.

ГЛАВА 8

Инспектор Кромби-Карсон выглядел человеком, который едва ли делает скидки на человеческие слабости, свои или чьи-нибудь еще. На его маленьком лице глаза и губы, казалось, еще от рождения сдвинулись к носу, а все промежутки кожи между ними исчезли. Но среди этого нагромождения черт каким-то образом находили себе место роговые очки, песочного цвета усы, одна большая бородавка.

— Все это чертовски неубедительно, — произнес он по-военному отрывисто, с нескрываемой враждебностью глядя на Хачмена. — Вы выехали из дома в воскресенье, приехали сюда из Кримчерча и зашли к мисс Найт, чтобы вместе выпить?

— Совершенно верно. — Хачмен почувствовал себя совсем отвратительно, когда заметил в толпе внизу съемоч-

ную группу с телевидения. — Мы знакомы еще со студенческой поры.

— И ваша жена не имеет ничего против подобных поездок?

— Э-э-э... Моя жена не знает, где я. — Хачмен изогнул губы в подобии улыбки и попытался не думать о Вики. — Я сказал ей, что собираюсь на часок на работу.

— Понятно. — Кромби-Карсон взглянул на Хачмена с отвращением. С самого начала допроса он не делал попыток прикинуться «таким-же-человеком-как-и-ты-только-в-форме», что делают очень многие полицейские, чтобы облегчить отношения с допрашиваемым. Он делал свою работу, за которую, он полагал, его должны ненавидеть, и был более чем готов ненавидеть в ответ.

— Как вы отнеслись к тому, что мистер Велланд был уже здесь, когда вы прибыли?

— Я не возражал. Я знал, что он здесь еще до того, как выехал из дома. Я же сказал, что заехал выпить и поболтать.

— Но жене сказали, что едете на работу?

— Ситуация дома несколько сложная. Моя жена порой... беспричинно ревнива.

— Вам не повезло. — Кромби-Карсон сжал губы, и на мгновение его лицо совсем сморщилось. — Просто удивительно, сколь много мужчин я встречаю, которым приходится нести этот крест.

— Что вы пытаетесь сказать, инспектор? — нахмурился Хачмен.

— Я никогда не пытаюсь сказать что-либо. Я прекрасно владею языком, и мои слова передают именно то, что я в них вкладываю.

— Но вы, кажется, имели в виду нечто большее?

— В самом деле? — Кромби-Карсон выглядел по-настоящему удивленным. — Должно быть, вы поняли мои слова превратно. Вы бывали здесь прежде?

— Нет, — сказал Хачмен инстинктивно.

— Странно. Люди, живущие на первом этаже, утверждают, что ваша машина...

— Я имею в виду, днем. Вчера вечером я был здесь.

Инспектор позволил себе сдержанно улыбнуться:

— Примерно до половины двенадцатого?

— Примерно до половины двенадцатого, — согласился Хачмен.

— И как вы объяснили это жене?

— Сказал, что был в баре.

— Понятно. — Кромби-Карсон взглянул на сержанта в форме, стоящего рядом с Андреа. Сержант медленно кивнул, сообщая ему что-то непонятное для Хачмена.

— Теперь вы, мисс Найт. Насколько я понимаю, мистер Велланд решил навестить вас сегодня утром.

— Да, — устало произнесла Андреа, выдыхая клубы серого табачного дыма.

— Похоже, воскресенье у вас насыщенный день.

— Напротив. — Андреа не подала виду, что заметила намек в реплике Кромби-Карсона. — По воскресеньям я отдыхаю.

— Очень хорошо. Значит, после того как мистер Велланд пробыл здесь около часа, вы решили, что будет неплохо познакомить его с мистером Хачменом?

— Да.

— Почему?

— Что почему? — Андреа удивленно подняла брови.

— Почему вы решили, что школьный учитель-коммунист и специалист в области управляемых ракет непременно должны познакомиться?

— Ни их профессии, ни их политические взгляды не имеют к этому делу никакого отношения. Я часто знакомлю своих друзей.

— В самом деле?

— Да. — Андреа побледнела, но все еще сохраняла самообладание. — Реакция друг на друга людей различных профессий часто интереснее, чем...

— Охотно верю. — Кромби-Карсон засунул руки в карманы плаща и бросил короткий взгляд на улицу. — И сегодня утром, когда ваши гости реагировали друг на друга интересным образом, мистер Велланд решил забраться на кофейный столик и поправить штору?

— Да.

— А что было со шторой?

— Она не задергивалась. Бегунок застрял в направляющих.

— Понятно. — Кромби-Карсон подергал за штору. Крючки с легкими щелчками свободно скользили по направляющим.

Андреа взглянула на него в упор.

— Должно быть, Обри исправил, что там было не так.

— Возможно. — Инспектор угрюмо кивнул. — Если он все еще работал, он мог схватиться за карниз, когда почувствовал, что столик опрокидывается. Так он, быть может, оборвал бы карниз и все остальное, но не выпал бы из окна.

— По-моему, он уже закончил, — сказал Хачмен. — Я думаю, что, когда столик опрокинулся, он как раз собирался слезать.

— Вы оба были в комнате, когда это случилось?

— Да, но мы не смотрели в его сторону. Зазвенело стекло, и он... исчез.

Кромби-Карсон взглянул на Андреа недоверчиво.

— Насколько я понимаю, помимо математики мистер Велланд вел еще и физкультурную секцию в школе.

— Кажется, да.

— Но как раз сегодня его спортивная подготовка ему не помогла. Может быть, он много выпил?

— Нет. Он ничего не пил.

Лицо инспектора осталось бесстрастным.

— Мистер Хачмен сказал, что вы намеревались выпить вместе.

— Да, — раздраженно ответил Хачмен, — но мы отнюдь не собирались нарезаться сразу по приходе.

— Понятно. Остались лишь кое-какие формальности. — Кромби-Карсон прошелся по комнате, останавливаясь каждые два-три шага и со свистом вдыхая воздух. — Я хочу, чтобы вы оба дали письменные показания. Кроме того, вы какое-то время не должны покидать район без моего разрешения. Идемте, сержант.

Полицейские вышли из квартиры, напоследок окинув взглядом обстановку, и в тот краткий момент, пока дверь

была открыта, квартира заполнилась гулом мужских голосов с лестничной площадки.

— Приятный тип, — произнес Хачмен. — Очевидно, служил раньше в колониальной полиции.

Андреа вскочила с дивана.

— Мне нужно было все им рассказать! Нужно было выдать тебя!

— Нет. Ты поступила правильно. Ради Бога, не влезай в эту историю глубже. Поверь мне, очень скоро начнется такое!..

— Скоро?

— Да. Можешь мне поверить. Ты просто еще ничего не знаешь.

Выходя из квартиры, Хачмен подумал, что он ведет себя как актер дешевой мелодрамы...

Несколько человек, ждущих у дверей, окружили его, размахивая репортерскими удостоверениями, и последовали за ним к лифту. Их присутствие даже помогло ему поддерживать свою роль. Он заставил себя казаться спокойным и повторил рассказ о несчастном случае, но, когда ему удалось наконец сесть в машину, ноги его так дрожали, что он был просто не в состоянии нажать на педаль. Машина рванулась прочь от толпы людей, собравшихся у дома, и, только свернув на дорогу в Кримчерч, Хачмен заметил, что уже начало темнеть. Он уехал из дома утром, сказав Викки, что собирается поработать часок, и она ему поверила. Как раз тогда, когда они достигли крайнего предела отчаяния, она, совсем потерявшись в сложном переплетении человеческих отношений, вдруг ему поверила. А он возвращается домой в сумерках, неся с собой столько боли, сколько едва ли могут выдержать двое. Хачмен потрогал белый конверт в кармане. Что, если показать его содержимое Викки?

Знает же о нем Андрея Найт! Но убедит ли это ее? Изменит ли это что-нибудь? И имеет ли он право вовлекать ее именно сейчас, когда цепная реакция, начатая его действиями, вот-вот перейдет критический барьер? Неизбежно, неотвратимо приближается взрыв, и он будет в самом его эпицентре.

Сквозь ширму тополей дом светился теплыми огнями и выглядел до боли мирно. Хачмен припарковал машину, немного постоял на улице в неуверенности, затем вошел в дом. Всюду горел свет. Но в доме было тихо и пусто. Он прошел в гостиную, и там на каминной полке лежала написанная рукой Викки записка: «Сюда приезжала полиция, несколько раз звонили репортеры. Я слышала сообщение по радио. Я так надеялась, что была неправа относительно тебя... Дэвида я увезла. На этот раз — и сейчас я в твердом уме — между нами все кончено. В. Х.».

— Может, так оно и лучше, В. Х., — громко произнес Хачмен. — Может, ты поступила правильно.

Он сел и с бессмысленной тщательностью оглядел комнату. Ничто здесь не казалось особенно важным. Стены, картины на них, мебель — все выглядело нереально. Как убранство сцены, среди которого три человека какое-то время исполняли назначенные им роли. Ощутив внезапно, что он слишком долго играет свою, Хачмен поднялся и прошел в кабинет. Там оставалась еще сотня конвертов, включая и те, что предназначены для Англии. Нужно вложить письма в конверты, запечатать, наклеить марки... Он набросился на однообразную механическую работу, заставляя себя заострять внимание на мелочах, стараясь складывать листы аккуратно, наклеивать марки ровно по линии и тому подобное — все что угодно, чтобы заглушить настойчивые мысли. Попытка удавалась лишь частично, и иногда непрошеные невероятные мысли все же пробивались на первый план.

«Жена и ребенок оставили меня...

Сегодня я убил человека. Солгал при этом полиции и меня отпустили, но я-то знаю, что я это сделал. Я не хотел этого, так получилось. Я оборвал человеческую жизнь!

Весть о моей машине распространяется по всему миру. Скоро всплеск информации достигнет границ системы и, отразившись, пойдет в обратном направлении. И в самом центре я. В самой середине взрыва, и со мной могут случиться ужасные вещи...

Моя жена и ребенок оставили меня...»

Когда работа была закончена и конверты лежали аккуратными стопками на столе перед ним, Хачмен обвел ка-

бинет пустым взглядом, растерявшись перед необходимостью продолжать жить. Он вдруг вспомнил, что весь день ничего не ел, но мысль о приготовлении пищи показалась ему кощунственной.

Единственное, что он мог придумать, — это отвезти очередную партию конвертов куда-нибудь подальше, возможно в Лондон, и отправить. Как раз в то время, когда ему нужно было держаться потише, его занесло в заголовки газет, но тем не менее, отправляя конверты, не мешало лишний раз замести следы. Полиция знала, что он замешан в загадочном несчастном случае, но у них не было никаких оснований связывать его имя с тщательным расследованием, которое начнет служба безопасности сразу же, как только первый конверт попадет в Уайт-холл. Андреа угрожала, что расскажет обо всем полиции, но на самом деле ей просто хотелось как можно скорее отмежеваться от всей этой истории. С ее стороны опасность, пожалуй, не угрожает.

Хачмен принес из машины свой чемоданчик и набил его конвертами. Погасив свет, он вышел из дома в сырую темноту и запер дверь. «Сила привычки, — подумал он. — Что здесь красть?» Он кинул чемоданчик на переднее сиденье и уже собирался сесть за руль, но тут, отбрасывая прыгающие тени, по дороге ударил свет фар.

За пеленой света возник черный «седан» и, шурша шинами по гравию, остановился около него. Из машины вышли три человека, но Хачмен не мог разглядеть их из-за света фонаря, направленного ему в глаза. Он изо всех сил пытался подавить страх.

— Вы куда-то собираетесь, мистер Хачмен? — раздался холодный осуждающий голос. Хачмен расслабился, узнав Кромби-Карсона.

— Нет, — ответил он с легкостью. — Просто у меня дела.

— С чемоданом?

— С чемоданом. В нем, знаете ли, удобно носить вещи. Чем могу быть вам полезен?

Кромби-Карсон подошел к машине.

— Вы можете ответить мне на кое-какие вопросы?

— Но я рассказал вам все, что знал про Велланда.

— Это еще надо проверить, — отрезал инспектор. — Однако сейчас меня интересует мисс Найт.

— Андреа? — У Хачмена возникло нехорошее предчувствие. — Что с ней?

— Сегодня вечером, — произнес Кромби-Карсон холодно, — она была похищена из своей квартиры тремя вооруженными людьми.

ГЛАВА 9

— О Господи! — прошептал Хачмен. — Кому это могло понадобиться?

Кромби-Карсон издал короткий смешок, умудрившись как-то передать, что он расценивает удивление Хачмена всего лишь как игру и что ему и раньше приходилось видеть, как люди, виновные в чем-то, реагируют подобным же образом.

— Многие хотели бы знать ответ на этот вопрос. Где, кстати, вы были сегодня вечером?

— Здесь. Дома.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Нет, — ответил Хачмен, думая про себя: «Если Андреа похитили, должно быть, она все же рассказала о письме не только Велланду. Или это, или Велланд сам успел сообщить кому-то до моего прихода...»

— А ваша жена?

— Нет. Жена у своих родителей.

— Понятно, — сказал Кромби-Карсон. Похоже, эта фраза служила ему во всех случаях жизни. — Мистер Хачмен, я подозреваю, что, несмотря на мою просьбу, вы собирались уехать.

Хачмен почувствовал холодок тревоги.

— Уверяю вас, это не так. Куда я могу уехать?

— Что у вас в чемоданчике?

— Ничего. — Хачмен отстранился от света фонаря, бьющего в глаза. — Ничего, что могло бы вас заинтересовать. Это корреспонденция.

— Не возражаете, если я взгляну?

— Не возражаю. — Хачмен открыл дверцу машины, поставил чемоданчик на край сиденья и откинул крышку. Свет скользнул по стопкам конвертов, отразившись в очках инспектора.

— Благодарю вас, мистер Хачмен. Я должен был удостовериться. А теперь хочу попросить вас запереть чемоданчик в машине или дома и отправиться со мной в полицейский участок.

— Зачем? — спросил Хачмен, понимая, что ситуация выходит из-под его контроля.

— У меня есть основания полагать, что вы можете помочь мне в расследовании.

— Другими словами, я арестован?

— Нет, мистер Хачмен. У меня нет причин арестовывать вас, но я имею право потребовать вашего содействия во время расследования. Если будет необходимо, я могу...

— Не утруждайте себя, — перебил его Хачмен, подчиняясь. — Я поеду с вами.

Он защелкнул чемоданчик, поставил его на пол машины и запер дверцу. Кромби-Карсон указал ему на заднее сиденье патрульной машины и сел рядом. Внутри пахло полировальной пастой и пылью из обогревателя. Хачмен сидел выпрямившись, с каким-то обостренным ощущением разглядывая проносящиеся за окнами огни, словно ребенок, едущий на выходной, или пациент, которого везут в операционную. Он не привык ездить на заднем сиденье, и от этого машина казалась непомерно длинной и неповоротливой. Однако водитель в форме легко справлялся с ней, срезая углы буквально с нечеловеческим мастерством. Было уже около десяти, когда они добрались до города. Воскресный вечер кипел оживлением около пивных и кафе. Хачмен взглянул в желтые окна гостиницы «Джо», и внезапно ощущение приключения покинуло его. Ему до боли захотелось очутиться сейчас за столиком у Джо, не брать ничего крепкого, а заказать пинту-другую

пива и сидеть там до закрытия. Когда машина свернула к полицейскому участку, Хачмен, обычно не пьющий пива, решил, что сейчас по крайней мере одна пинта ему бы не помешала, хотя бы как признак того, что он еще в состоянии контактировать с нормальным привычным миром.

— Это надолго? — спросил он у Кромби-Карсона, впервые нарушив молчание с тех пор, как сел в машину.

— Не очень. Чистая формальность.

Хачмен кивнул. Инспектор, казалось, не собирался его мучить. Про себя он решил, что дело займет примерно полчаса. И это оставит ему еще примерно столько же на пиво и разговоры с людьми, которых он никогда раньше не встречал. «Что с Андреа? Где Дэвид? Каково сейчас Викки?..»

— Сюда, мистер Хачмен. — Кромби-Карсон провел его боковым ходом через коридор, мимо помещения с похожей на гостиничную стойкой и пальмами в горшках, в маленькую, скудно обставленную комнатку. — Прошу садиться.

— Спасибо. — У Хачмена возникло мрачное предчувствие, что процедура займет гораздо больше, чем полчаса.

— А теперь, — Кромби-Карсон, не снимая плаща, уселся по другую сторону стола с металлической крышкой, — я буду задавать вам вопросы, а констебль будет стенографировать нашу беседу.

— Хорошо, — беспомощно ответил Хачмен, пытаясь понять, что инспектор знает, а о чем догадывается.

— Так. Насколько я понимаю, вы знакомы с положениями «Акта о секретности» и при поступлении на работу подписывали документ, обязывающий вас соблюдать эти положения.

— Да. — Хачмен вспомнил бессмысленную бумагу, подписанную им при поступлении в Вестфилд, которая никоим образом не влияла на его работу.

— Вы сообщали подробности вашей работы кому-нибудь, кто не был связан подобным обязательством?

— Нет. — Хачмен немного успокоился. Кромби-Карсон явно шел не в том направлении и мог копать, сколько ему захочется.

— Вы когда-нибудь обсуждали вашу работу с мисс Найт?

— Нет, конечно. До вчерашнего дня мы не виделись несколько лет. Я... — Хачмен тут же пожалел о том, что сказал.

— Понятно. А почему вы возобновили знакомство?

— Так. Без особых причин. — Хачмен пожал плечами. — Я встретил ее случайно в институте несколько дней назад и вчера позвонил. Можно сказать, просто чтобы вспомнить прошлое.

— Можно сказать. А что говорит ваша жена?

— Послушайте, инспектор, — Хачмен ухватился за край стола, — вы меня подозреваете в том, что я изменил жене, или в том, что я изменил родине? Вам следует остановиться на чем-то одном.

— Вы так считаете? Я никогда не думал, что эти два рода деятельности отстоят далеко друг от друга. Мой опыт свидетельствует скорее об обратном. Я бы сказал, что фрейдистский аспект типичной шпионской фантазии является ее доминирующей частью.

— Очень может быть. Однако я не совершал ни того, ни другого.

— Ваша работа носит секретный характер?

— Едва ли. Кроме того, она невероятно скучна. Одна из причин, по которой я уверен, что никогда ни с кем ее не обсуждал, это то, что нет способа вернее надоесть собеседнику.

Кромби-Карсон встал, снял плащ и повесил его на спинку стула.

— Что вы знаете об исчезновении мисс Найт?

— Кроме того, что вы мне сообщили, ничего. У вас есть какие-нибудь подозрения?

— Почему, по-вашему, трое вооруженных людей могли ворваться к ней в квартиру и насильно увезти ее с собой?

— Не знаю.

— Кто, по-вашему, мог это сделать?

— Не знаю. А вы?

— Мистер Хачмен, — раздраженно произнес инспектор, — давайте будем вести допрос, как это делалось всегда: будет гораздо продуктивнее, если я буду задавать вопросы, а вы — отвечать.

— Хорошо, но я обеспокоен судьбой друга, а все, что вы...

— Друга? Может быть, слово «знакомая» подойдет лучше?

Хачмен устало закрыл глаза.

— Вы выражаетесь предельно точно.

В этот момент открылась дверь и в комнату вошел сержант с толстой папкой в руках. Положив ее на стол перед Кромби-Карсоном, он, не проронив ни слова, вышел. Инспектор просмотрел содержимое и выбрал восемь фотографий. Они явно отличались от типичных полицейских регистрационных снимков: часть из них были любительские снимки, другие — просто увеличенные участки групповых фотографий. Кромби-Карсон разложил их перед Хачменом.

— Посмотрите внимательно на эти фотографии и скажите, видели ли вы кого-нибудь из этих людей ранее?

— Я не помню, чтобы я с ними встречался, — ответил Хачмен, просмотрев снимки. Он взял один за край и хотел было перевернуть, но рука Кромби-Карсона придавила его к столу.

— Я сам соберу. — Инспектор собрал глянцевые прямоугольники и сложил их в папку.

— Если у вас все, — осторожно сказал Хачмен, — то я просто умираю без кружки пива.

Кромби-Карсон рассмеялся, давая понять, что совершенно ему не верит, и, бросив на удивленного сержанта беглый взгляд, ответил:

— Абсолютно никакой надежды.

— Но что вы от меня еще хотите?

— А я вам скажу. Мы только что закончили первую часть нашего интервью. В части первой я обращаюсь с собеседником мягко и с уважением, как того заслуживает исправный налогоплательщик. Но это до тех пор, пока мне не становится ясно, что он не собирается мне помочь. Сейчас эта часть закончена, поскольку вы совершенно однозначно дали мне понять, что по собственной воле содействовать расследованию не намерены. Теперь, мистер Хачмен, я начну на вас давить. Сильно давить.

— Но вы не имеете права. У вас нет никаких улик против меня, — произнес Хачмен удивленно. Кромби-Карсон навалился на стол.

— Друг мой, вы меня недооцениваете. Я ведь профессионал. Каждый день мне приходится сталкиваться с профессионалами, и я почти все время выигрываю. Неужели вы серьезно думаете, что я не смогу расколоть такого желторотого любителя, как вы?

— Любителя чего? — потребовал Хачмен, с трудом скрывая охватившую его панику.

— Я не знаю, в чем вы замешаны. Пока не знаю. Но что-то за вами есть. Кроме того, вы очень неумело лжете. Впрочем, тут я не возражаю: это облегчает мою работу. Но мне сильно не нравится, что вы выступаете в роли ходячего стихийного бедствия.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хачмен, а в голове пронеслось: «Со мной могут случиться ужасные вещи...»

— С тех пор, как сегодня утром вы выехали из своего уютного домика, одну женщину похитили и двое мужчин погибли.

— Двое?! Я не...

— Разве я забыл вам сказать? — Кромби-Карсон сделал вид, что сожалеет о своей забывчивости. — Один из вооруженных похитителей выстрелил в прохожего, который хотел вмешаться, и убил его.

Вторая часть допроса, как и предвидел Хачмен, оказалась столь же неприятной. Бесконечная, казалось, цепь вопросов, часто о каких-то мелочах, то выкрикиваемых, то нашептываемых, свивала в утомленном мозгу паутину слов. Подозрения, которые он не успевал вовремя распознать и отвергнуть, постепенно продвигали его все ближе к неловкой лжи или к нежеланной правде. К концу процедуры он настолько устал, что, оказавшись на койке в одной из «гостевых» комнат без окон на последнем этаже здания, не сразу сообразил, что ему даже не предоставили выбора, где провести эту ночь. Он целую минуту разглядывал дверь, обещая себе, что устроит им колоссальный скандал, если дверь окажется запертой. Но за последние сорок восемь часов ему почти не удалось толком поспать, голова кружилась после изнурительного допроса, и, хотя он собирался поднять шум, Хачмен решил, что с этим можно подождать до утра...

И мгновенно уснул.

Разбудил его звук открывающейся двери. Подумав, что он спал всего несколько минут, Хачмен взглянул на часы и обнаружил, что уже десять минут седьмого. Он сел в постели, обратив внимание, что на нем серая казенная пижама, и посмотрел на дверь. Вошел молодой констебль в форме с прикрытым салфеткой подносом в руках, и комната наполнилась запахом бекона и крепкого чая.

— Доброе утро, сэр, — сказал констебль. — Ваш завтрак. Я надеюсь, вы не возражаете против крепкого чая.

— Не возражаю. — Вообще-то он всегда пил слабый чай, но в этот момент его мысли занимала проблема гораздо более важная. Сегодня уже понедельник, и оставшиеся конверты должны быть в почте. Давящее чувство срочности даже отразилось на его голосе. — Насколько я понимаю, я могу уйти в любое время?

Розовощекий констебль снял с подноса салфетку и старательно ее сложил.

— Этот вопрос, сэр, вы можете решить с инспектором Кромби-Карсоном.

— Вы хотите сказать, что я не могу уйти?

— Это решает инспектор.

— Что вы несете? У вас там, у дежурных, должны быть оставлены инструкции, кому можно уходить, а кому нельзя.

— Я передам инспектору, что вы хотите его видеть. — Он поставил поднос Хачмену на колени и пошел к двери. — Ешьте, а то яичница остынет. Второго завтрака не будет.

— Минутку! Инспектор сейчас здесь?

— Нет, сэр. Он вчера долго засиделся и отправился домой спать. Возможно, будет здесь к полудню.

Дверь закрылась с последними словами констебля до того, как Хачмен успел отставить поднос в сторону. Поняв, что поднос поставили ему на колени специально, он перенес его на тумбочку и подошел к двери. Дверь была заперта. Хачмен обошел комнату по периметру, вернулся к кровати и сел. Бекон не дожарили, жир в нем оплавился только наполовину, в яичницу положили слишком много масла, и из-за этого она выглядела грязным месивом. Хачмен взял в руки стакан с чаем и отхлебнул. Чай был слиш-

ком крепким, слишком сладкий, но по крайней мере горячим. Держа стакан обеими руками, он медленно пил коричневое варево, с удовольствием прислушиваясь к собственным ощущениям, возникающим при каждом глотке. Не бог весть как питательно, зато помогает думать...

Сегодня после полудня будет еще не поздно отправить последние конверты, но где гарантия, что его выпустят к этому времени? Констебль сказал, что Кромби-Карсон, «возможно», будет в участке к полудню, но даже если он появится, никто не сообщит Хачмену о его приходе. Кроме того, инспектор может сказать, что намерен задержать его еще на несколько дней. Хачмен тщетно пытался вспомнить свои права. Он знал, что права полиции, включая право задерживать без предъявления обвинения, были расширены года три назад, как одна из мер в правительственной кампании по борьбе с растущей преступностью. В своем прежнем безопасном существовании в те редкие моменты, когда этот вопрос приходил ему в голову, Хачмен одобрял расширение прав полиции, но сейчас это казалось невыносимым.

Больше всего его беспокоило то, что, хотя он сам прекрасно знал, почему его могли задержать, он не мог понять, какие основания были для этого у инспектора. Велланд мертв, Андреа похищена, невинный прохожий убит на улице — все это, очевидно, как совершенно справедливо интуитивно предполагал Кромби-Карсон, было прямым следствием деятельности Хачмена, но полиция об этом знать не может. А вот если Андреа расскажет похитителям, кто бы они ни были, все что знает, скоро его начнут искать.

Хачмен допил чай, состроив гримасу, когда нерастворившиеся кристаллики сахара заскрипели у него на зубах. Создав машину, он тем самым объявил открытие сезона охоты на самого себя. А сейчас сидит спокойно в казенной пижаме, словно мотылек, ждущий, когда его бросят в бутылку с хлороформом. За ним могут прийти в любую минуту. Даже в любую секунду!

В конвульсивном приливе энергии он вскочил с кровати и начал искать свою одежду. Брюки, свитер и корич-

невый кожаный пиджак висели во встроенном шкафу. Он быстро оделся и проверил карманы. Все было на месте, включая деньги, которые Викки дала ему, чтобы он отнес в банк, и маленький перочинный нож. Лезвие длиной всего в дюйм делало его оружием гораздо менее эффективным, чем кулак или нога. Хачмен беспомощно оглядел комнату, затем подошел к двери и принялся бить в нее ногой, медленно и ритмично, стараясь достичь максимального эффекта. Дверь поглощала удары с обескураживающе малым количеством шума, но через несколько минут он все же услышал щелчок замка. В дверях оказался все тот же молодой констебль и с ним тонкогубый сержант.

— В чем дело? — строго потребовал сержант. — Почему стучишь?

— Я хочу уйти. — Хачмен пошел вперед, пытаясь вытеснить из дверей сержанта. — Вы не имеете права запирать меня здесь.

Сержант толкнул его обратно.

— Ты останешься здесь, пока тебя не отпустит инспектор. А будешь опять стучать в дверь, я тебе руки к ногам привяжу. Ясно?

Хачмен вяло кивнул, обернулся было и метнулся в дверной проем, чудом выскочил в коридор, но тут же налетел на третьего полицейского. Этот оказался больше, чем первые два вместе, огромная приливная волна синей форменной ткани словно подняла Хачмена без усилий на гребне и выплеснула обратно в камеру.

— Глупо, — заметил сержант. — Теперь ты здесь за нападение на полицейского. Если бы у меня было желание, я мог бы перевести тебя в камеру, так что пользуйся пока тем, что есть.

Он захлопнул дверь, оставив Хачмена еще в большем отчаянии и еще большим пленником, чем раньше. Губу саднило: он оцарапал ее, зацепившись за пуговицу на форме полицейского. Хачмен ходил по комнате взад-вперед, пытаясь смириться с фактом, что он по-настоящему арестован, и, несмотря на то, как бы прав он ни был и как бы много жизней от него ни зависело, чуда не произойдет и стены не падут.

«Какое-то сумасшествие, — подумал он вяло. — Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку. Неужели я не смогу перехитрить несколько деревенских бобби?» Он сел на единственный в комнате стул и заставил себя думать, как выбраться на свободу. Затем подошел к кровати и сдернул простыню, обнажив матрас из пенистого пластика.

Какое-то время он тупо глядел на него, потом достал свой игрушечный нож и принялся резать губчатый материал. Твердый наружный слой резался плохо, зато пористый наполнитель внутри поддавался почти без усилий. Через пятнадцать минут работы Хачмен вырезал в середине матраса похожее на гроб углубление длиной шесть футов. Скатав вырезанный кусок и сжав изо всех сил, Хачмен запихнул его в тумбочку и с трудом закрыл дверцу. После этого он забрался на кровать и лег на голые пружины в вырезанный матрас. Пружины немного прогнулись, но матрас остался примерно на том же уровне, чуть выше его лица. Довольный своей работой, Хачмен сел и расправил над матрасом простыню. Укладывать подушки и одеяла так, чтобы создалось впечатление обычной небрежности, работая из-под простыни, было нелегко, и к тому времени, когда он справился с этой задачей, Хачмен весь вспотел.

Потом он замер и стал ждать, вспомнив вдруг, что спал очень мало...

Звук открывающейся двери вернул его из полудремы. Хачмен задержал дыхание, опасаясь малейшего движения простыни над лицом. Мужской голос разразился ругательствами. Тяжелые шаги приблизились к кровати, потом к туалету за ширмой, к шкафу и обратно к кровати. Человек проворчал что-то, почти в самое ухо Хачмену, когда встал на колени и заглянул под кровать. Хачмен застыл, решив, что продавленная сетка выдаст его местонахождение, но в этот момент шаги стали удаляться.

— Сержант, — раздался голос из коридора, — он исчез!

Дверь, похоже, была оставлена открытой, но Хачмен подавил в себе желание вскочить. Через несколько секунд его скудные знания полицейской психологии себя оправ-

дали: из коридора донеслись быстрые шаги целой группы людей. Они ворвались в комнату, произвели ту же процедуру обыска и удалились. Напряженно вслушиваясь, Хачмен уловил, что дверь опять не закрыли. Пока его план оказался успешным, но теперь следовало подумать, как быть дальше. Решат ли полицейские, что он покинул здание, или будут обыскивать все этажи? Если будут обыскивать, ему лучше оставаться пока на месте, но в таком случае существует риск остаться слишком надолго. Вдруг кто-нибудь придет заправить постель...

Он выждал, как ему показалось, минут двадцать, нервничая все сильнее, вслушиваясь в приглушенные звуки — хлопающие двери, телефонные звонки, неясные выкрики, смех. Дважды в коридоре кто-то проходил, один раз шаги были женские, но, очевидно, в такое время этот коридор посещали не часто. Уверив себя наконец, что здание не прочесывают, Хачмен сбросил простыню и выбрался из постели. Затем собрал постельное белье и матрас в одну большую кучу и вышел из комнаты. Когда его искали, по шагам было слышно, что люди появились справа, поэтому Хачмен свернул налево.

Разглядывая из-за своей ноши двери вдоль коридора, он в самом конце обнаружил серую металлическую дверь с красной надписью «запасной выход». Он открыл ее и, все еще держа в руках охапку постельного белья, спустился вниз по голым каменным ступеням. Толкнув тяжелую дверь в самом низу, Хачмен увидел перед собой маленькую служебную автостоянку, залитую холодным светом раннего утра. Людей вокруг не было.

Он в открытую пересек стоянку и через незапертые ворота вышел на главную улицу Кримчерча. Полицейский участок остался слева. Едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, Хачмен пошел в противоположную сторону, пряча лицо в ворохе трепещущих на ветру простыней. На первом же перекрестке он свернул направо и только тогда почувствовал, что ему удалось ускользнуть, но это чувство успокоенности грело его недолго.

«До дома несколько миль, — мелькнула мысль. — А конверты там».

Он подумал было о такси, но тут же вспомнил, что в Кримчерче это большая редкость. Мысль о том, что придется украсть машину, шокировала его даже больше, чем все, что он делал до сих пор. Это будет его первое заранее обдуманное преступление. Кроме того, он даже не был уверен, что справится. Проходя по тротуару, он стал приглядываться к приборным доскам стоящих вдоль дороги автомобилей. Через два квартала, там, где деловая часть города уступала место жилым домам, он углядел блеск ключей, оставленных в машине. Не самая лучшая машина для его замысла... Выпускаемая по правительственной программе безопасности движения модель с четырьмя сиденьями, развернутыми назад, где только одно водительское кресло смотрит вперед. Все подобные машины оснащались ограничителем мощности, не дававшим им развивать скорость более ста километров в час.

Хотя если подумать, то сейчас нарушать ограничения в скорости было бы для него совсем лишним. Убедившись, что хозяина поблизости нет, Хачмен положил ворох постельного белья на мостовую и забрался в машину. Она завелась с первого поворота ключа и быстро, но бесшумно набрала скорость. «Не так уж плохо для желторотого любителя», — мелькнула у него по-детски самодовольная мысль.

Он покружил по городу, привыкая к незнакомой системе управления. Увидев в первый раз свое отражение в зеркальце заднего обзора, он невольно вздрогнул. Усталое лицо, исполненное отчаяния, лицо, принадлежащее загнанному чужаку...

Добравшись до дома, он медленно проехал мимо, и лишь когда убедился, что полиции поблизости нет, остановился и задним ходом подъехал к воротам. Его собственная машина с покрытыми каплями влаги окнами стояла там же, где он ее оставил. Хачмен припарковал угнанную машину у зарослей кустарника и вышел, глядя на свой дом с ностальгической тоской, раздумывая, что бы он стал делать, если бы увидел в окне Викки. Но на пороге стояли две бутылки молока, а это означало, что она так и не возвращалась. Как знаки препинания... Кавычки, заканчивающие его диалог с Викки. В глазах болезненно защипало.

Он покопался в карманах и извлек ключ от своей машины. Она тоже завелась сразу, и через минуту он уже катил на север, к зиме.

ГЛАВА 10

Вся страна лежала перед ним, поражая своими размерами, сложностью и возможными опасностями. Он привык думать о Великобритании как о маленьком уютном острове, многолюдной травянистой поляне, где реактивному лайнеру, едва поднявшись с земли и выровняв полет, приходится тут же идти на посадку. Теперь же страна неожиданно представала перед ним огромной, туманной и преисполненной угрозы. Угрозы, увеличивающейся в обратной пропорции к числу людей, к которым он мог бы обратиться за помощью.

Прекрасно отдавая себе отчет в последствиях превышения скорости или даже самого незначительного дорожного происшествия, Хачмен не гнал машину. Чаще обычного он поглядывал в зеркальце, проклиная другие машины, постоянно прижимающиеся к левому заднему колесу, рвущиеся в избытке кинетической энергии на обгон, но тем не менее словно застывшие, в одной с ним формации. Водители, уютно сидящие в своих маленьких эйнштейновских относительных системах отсчета, поглядывали на него порой с любопытством, и Хачмен включил поляризатор, мгновенно замутнивший стекла маслянистыми голубыми размывами. Он пересек Темзу в районе Хенли и двинулся на север в направлении Оксфорда, останавливаясь около уединенных почтовых ящиков, чтобы опустить небольшие пачки конвертов.

К полудню он уже проезжал по центральным районам графства Хотсуолдс, оставляя за собой деревеньки, отстроенные из медового цвета камня, которые, казалось, выросли здесь сами в ходе какого-то естественного процесса.

Обжитые долины просвечивали бледными огнями сквозь завесы белого тумана. Хачмен в задумчивости обводил пейзаж взглядом, теряясь в сожалениях и переоценках, до тех пор, пока его имя, произнесенное по радио, не вернуло его к действительности. Он прибавил громкость, но радио затрещало, и часть фразы он пропустил.

«...интенсивные поиски полиции сконцентрированы в районе дома на Мур-роуд в Кемберне, где вчера погибли два человека, один — в результате падения из окна последнего этажа, другой был застрелен во время похищения биолога Андреа Найт из ее квартиры тремя вооруженными преступниками. Первый погибший — преподаватель математики Обри Велланд с Ридж-роуд, 209, Эптон-Грин. Застрелен во время гангстерского нападения мистер Ричард Томас Билсон, 59 лет, проживающий по Мур-роуд, 38, в Кемберне. Он проходил по улице во время похищения и, как полагают, пытался помешать преступникам затолкать мисс Найт в машину. Полиция не располагает сведениями, где она может находиться в настоящий момент.

Только что стало известно, что мистер Лукас Хачмен, 39 лет, проживающий в Прайори-хилл в Кримчерче, математик, сотрудник одной из фирм Вестфилда, занимающийся разработкой систем управляемых снарядов, разыскивается полицией, у которой есть основания полагать, что он в значительной степени может помочь расследованию. Вчера вечером Хачмен был доставлен в полицейский участок Кримчерча, но сегодня утром он исчез. Приметы: рост шесть футов, черные волосы, среднего телосложения, чисто выбрит, одет в серые брюки и коричневый пиджак. Возможно, он на машине: светло-голубой «форд-директор», номер СМН 836 КУ. Если кто-нибудь встретит машину или человека, соответствующего описанию, просим немедленно сообщить в ближайший полицейский участок.

Сообщения о серьезном пожаре на борту орбитальной лаборатории были опровергнуты...»

Хачмен убавил звук до еле слышного треска. Первая мысль, пришедшая в голову, была о том, что кто-то сра-

ботал очень быстро. С того момента, как он покинул полицейский участок, прошло меньше трех часов, а это означало, что полиция, не дожидаясь, когда о случившемся пронюхают репортеры, сама обратилась в Би-би-си. Хачмен не особенно много знал о методах их работы, но на его памяти такое случалось довольно редко. Очевидно, у Кромби-Карсона или у кое-кого повыше возникла идея, что происходит что-то важное.

Хачмен взглянул в зеркало. Позади него, невдалеке, то исчезая за поворотами обнесенного изгородью шоссе, то появляясь снова, двигалась машина. Не антенна ли блестит над капотом? Слышал ли водитель сообщение? Вспомнит ли он описание машины при обгоне? Хачмен надавил на акселератор и погнал вперед, пока следующая за ним машина не скрылась вдали, но теперь он оказался близко к другой машине, идущей впереди. Позволив себе чуть отстать, он задумался.

Машина нужна ему главным образом для того, чтобы разослать письма из возможно большего числа точек, и сделать это надо быстро. Все конверты должны попасть на почту до конца дня. Как только он это сделает, машину можно будет бросить... Хотя. В таком случае ее быстро найдут, и полиции ничего не стоит уточнить, где он находится. Пожалуй, лучше всего изменить какие-нибудь характеристики из переданного описания...

Добравшись до окраины Челтенхэма, он припарковал машину на тихой улице и, оставив пиджак на сиденье, сел в автобус, направляющийся к центру города. Устроившись на верхней площадке, он достал из кармана деньги и пересчитал: оказалось 138 фунтов — более чем достаточно, чтобы протянуть до финального дня. Около торгового центра он вышел из автобуса. Колкий ноябрьский воздух вызывал озноб, и Хачмен, решив, что человек в одном свитере и брюках в такую погоду обращает на себя внимание, первым делом приобрел серую куртку с застежками-молниями. В магазинчике неподалеку он купил батареечную электробритву и, опробовав ее, подровнял щетину в некое подобие эспаньолки. Щетине было всего три дня, но густота и черный цвет делали ее вполне приемлемой в ка-

честве бороды, которая останется в памяти тех, кто его видел.

Чувствуя себя в чуть большей безопасности, он зашел в автомастерскую и, сочинив ничем не примечательный номер, заказал две новые номерные пластины. Через пять минут с покупкой в руках он снова оказался на улице, залитой морозным солнечным светом.

Острый приступ голода напомнил ему, что последний раз он ел еще с Андреа, совсем в другом мире. Мысль о горячем обеде в ресторане показалось ему привлекательной, но времени было мало. Хачмен купил пластиковую сумку и наполовину забил ее бутылками с растворителем и аэрозольными банками с черной краской. Все это он покупал частями в разных магазинах, чтобы какой-нибудь сообразительный клерк не догадался о его намерении перекрасить машину. Заполнив сумку доверху бутербродами в полиэтиленовой обертке и банками с пивом, он тем же автобусом вернулся на окраину города.

Осторожно осматриваясь, Хачмен подошел к машине. На все покупки ушло не более часа, но этого времени могло оказаться достаточно, чтобы привлечь к машине чье-либо внимание. Убедившись, что вокруг все спокойно, он сел за руль и направился в холмы к востоку, выбирая место поспокойнее. Через полчаса ему удалось найти запущенную дорогу, ведущую к брошенной ферме. Густые кусты надежно закрывали ее со всех сторон. Остановившись так, чтобы его не было видно с главной дороги, Хачмен сразу же принялся перекрашивать машину, пользуясь аэрозольными баллонами с краской. Чтобы сделать все как полагается, следовало бы сначала закрыть стекла и хромированные детали, но он счел, что для его целей будет достаточно просто протереть случайные пятна носовым платком, смоченным в растворителе. Экономно расходуя краску и не обращая особого внимания на детали, Хачмен меньше чем за двадцать минут превратил свою машину из светло-голубой в черную. После этого он выбросил пустые банки а канаву, поменял номера на машине и спрятал старые в багажник.

Как только он закончил работу, голод вернулся с новой силой. Хачмен быстро проглотил бутерброды, запи-

вая их жадными глотками «Гиннеса», затем развернул машину и выехал на дорогу. С трудом сдерживая желание прибавить скорость, чтобы наверстать упущенное время, он вел машину осторожно, ни разу не превысив сто километров в час. Деревни и города проносились за окном, и к сумеркам характер местности заметно изменился. Появились дома из темного камня, растительность, вскормленная насыщенным сажей воздухом промышленного севера, приобрела темно-зеленую окраску. Останавливаясь ненадолго в городах покрупнее, Хачмен отправлял партии писем прямо с центральных почтовых отделений, чтобы сократить срок их доставки адресатам.

К вечеру он добрался до Стокпорта и, опустив последнюю пачку конвертов, понял, что эти разъезды со всеми их краткосрочными целями были единственным, что держало его в собранности. Теперь же оставалось только ждать часа, когда нужно будет возвращаться на юг, в Хастингс, для встречи с его «мегажизненной» машиной. С уходом необходимости действовать на Хачмена нахлынула волна печали и жалости к себе. Воздух на улице был холодный, но сухой, так что он решил спуститься на набережную, окаймляющую черные воды Мерси, и обдумать свое положение.

Напряжение росло в нем, напряжение, которое женщины обычно снимают плачем, когда ситуация становится совсем непереносимой. А почему бы и нет? Мысль была странная, отталкивающая, но он теперь один, он свободен от общественных предрассудков, и если это поможет... Он сел на деревянную скамью на краю небольшого пустыря, опустил голову на руки и попытался заплакать. Вспомнилась Викки, и рот медленно скривился в обиде. В мозгу закружились обрывки образов прежней жизни, окрашенных непереносимой ностальгией: улыбка Викки, запах еловых игл и мясных пирожков в Рождество, свежий запах выстиранной рубашки, совместные походы по магазинам за какими-нибудь мелочами, друзья-книги, с которыми он засиживался допоздна, взгляд, брошенный на мишень для стрельбы из лука, когда на траве еще лежит роса...

Боль усиливалась, но слезы не приходили. Наконец, чувствуя себя обманутым, Хачмен встал и темными пере-

улками, где кружились приливы холодного воздуха, направился к автомобилю. На мгновение знакомый запах собственной машины успокоил его. Он заправил бак на бензоколонке самообслуживания и, сделав над собой усилие, попытался придумать что-нибудь полезное.

Эпизод на берегу казался теперь бессмысленным и тщетным. Последние конверты, включая и те, что предназначены адресатам в Англии, отправлены, и уже завтра люди, занимающие высокие посты, их прочтут. Какое-то время уйдет, пока квалифицированные специалисты проверят математические выкладки и физики подтвердят, что цестроновый лазер действительно может быть построен, но наступит момент, когда будет отдан приказ. Простой приказ: «Найти Лукаса Хачмена и, если у него и в самом деле есть эта машина, уничтожить его и аппаратуру!»

За эти несколько относительно безопасных часов он должен найти надежное убежище, спрятаться и затаиться. Тут же пришло в голову, что в Стокпорте оставаться нельзя: Стокпорт — последняя, самая горячая точка совершенного им почтового круиза. Охотники будут знать, что антиядерную машину едва ли можно с легкостью транспортировать, а значит, если она существует, она должна быть спрятана где-нибудь на юге, не очень далеко от дома Хачмена. И вероятно, они догадаются, что их жертва, совершив поездку на север Англии, скорее всего вернется, чтобы сбить их со следа и быть поближе к машине. Рассудив таким образом, Хачмен решил, что лучше всего двигаться на север.

Он добрался до Манчестера, обогнул его по кольцевой дороге и проследовал через Ланкашир с намерением к вечеру прибыть в район озера Кумберленд. Но тут на ум пришли другие соображения: озеро находится довольно далеко от Хастингса, и в таком месте, особенно в это время года, властям будет очень легко проконтролировать въезд и выезд. Будет гораздо лучше, если он затеряется в большом населенном центре. И, чтобы не въезжать подозрительно поздно, ему стоит выбрать что-нибудь поближе. Хачмен остановился на обочине и сверился с картой. Ближайшим относительно крупным городом оказался Болтон, и Хачмену подумалось, что именно такое место могло бы послу-

жить классическим образцом традиционно-скучной провинциальной Англии. Название города не вызывало в памяти никаких ассоциаций, ни фрейдистских, ни любых других, связанных с «типично шпионской фантазией» Кромби-Карсона, и, с точки зрения Хачмена, это тоже был плюс. Кроме того, насколько он помнил, здесь не мог жить никто, с кем он был знаком: охотники наверняка будут концентрировать поиски там, где у него есть друзья или родственники.

Решившись, он выехал на шоссе Сэлфорд-Болтон, осматривая окрестности со ставшей уже привычной внимательностью. Легче всего, конечно, было бы устроиться в отеле, но это, очевидно, и опаснее всего. Нужно исчезнуть из виду начисто. Добравшись до Болтона, он немного покружил по улицам, пока не оказался в одном из обязательных для любого города полузаброшенных кварталов, где большие неряшливые дома, получая минимальную заботу от постояльцев, арендующих по одной комнате, постепенно проигрывают битву с запустением. Хачмен остановился на улице, обсаженной нервозно шелестящими вязами, и, прихватив пустой чемодан, пошел пешком, пока не увидел дом с висящей в окне первого этажа табличкой: «Сдается комната. Предлагается горячий завтрак».

На звонок открыла полногрудая женщина лет сорока с лишним, в розовой полупрозрачной кофточке, едва скрывающей сложное переплетение шелковых лямочек. Обхватив ее сзади руками, из-за юбки выглядывал бледный мальчишка лет семи-восьми в полосатой пижаме.

— Добрый вечер, — произнес Хачмен неуверенно. — Я ищу комнату, увидел у вас объявление...

— Да?.. — Женщина, казалось, удивилась, услышав про объявление. Мальчишка разглядывал Хачмена настороженно.

— У вас сдается комната? — Хачмен взглянул мимо нее в плохо освещенный коридор с коричневым линолеумом и темной лестницей, ведущей наверх, и ему страшно захотелось домой.

— Комната есть, но обычно этим занимается мой муж, а сейчас его нет.

— Ладно, — с облегчением вздохнул Хачмен. — Попробую где-нибудь в другом месте.

— Впрочем, я думаю, все будет в порядке. Мистер Этвуд скоро будет дома.

Она сделала шаг в сторону и жестом пригласила его в прихожую. Хачмен вошел. Заскрипели доски под ногами. В воздухе чувствовался сильный запах цветочного освежителя.

— Как долго вы собираетесь у нас жить? — спросила миссис Этвуд.

— До... — Хачмен вовремя опомнился. — Недели две точно.

Он поднялся наверх, где, как и следовало ожидать, была сдаваемая площадь. Комната оказалась маленькая, но чистая. На кровати лежали два матраса — немного высоко, но удобно. После непродолжительных переговоров он выяснил, что может питаться здесь же все три раза в день, и, кроме того, за небольшую дополнительную плату миссис Этвуд согласилась позаботиться о стирке.

— Отлично, — стараясь, чтобы в голосе прозвучал энтузиазм, сказал Хачмен. — Я согласен.

— Уверена, вам будет здесь удобно, — произнесла миссис Этвуд, поправляя волосы. — Все мои постояльцы всегда довольны.

Хачмен улыбнулся.

— Я пойду принесу чемодан.

За дверью послышался шум, и в комнату вошел мальчишка с чемоданом.

— Джеффри! Тебе не следовало... — Миссис Этвуд обернулась к Хачмену. — Он не совсем здоров, знаете... Астма.

— Он пустой, — оправдался Джеффри, лихо забрасывая чемодан на кровать. — Я вполне могу поднять пустой чемодан, мам.

— Э-э-э... — Хачмен встретился взглядом с хозяйкой. — Он не совсем пустой, но большинство моих вещей в машине.

Она кивнула.

— Вы не возражали бы заплатить что-нибудь вперед?

— Нет, конечно. — Не вынимая руки из кармана, Хачмен отделил от пачки три пятифунтовые бумажки и передал ей.

Как только она вышла, он запер дверь и с удивлением заметил, что ключ погнут. Обычный длинный ключ. Но в месте сгиба остался легкий голубоватый оттенок, словно металл нагрели и погнули специально. Покачав в недоумении головой, Хачмен сбросил куртку и прошелся по комнате, подавляя в себе вернувшуюся тоску по дому. С трудом открыв окно, единственное в комнате, он высунул голову наружу. От сырого вечернего воздуха голова слегка закружилась, создавая у него ощущение полета. Ему представилось, что она сама по себе висит в темноте над незнакомым расположением канав, труб и подоконников. Вокруг светились окна, часть из них с закрытыми шторами или жалюзи, другие с открытым видом в чужие незнакомые комнаты. Простояв так, пока холод не пробрал его до костей и он не начал дрожать, Хачмен закрыл наконец окно и лег спать.

Эта комната должна была стать его домом на всю следующую неделю, но уже сейчас он начал думать, что долго этого не выдержит.

ГЛАВА 11

Эд Монтефьоре был достаточно молод, чтобы начать свою карьеру работой с компьютерами, и в то же время достаточно зрел, чтобы занять высший пост в своем безымянном отделе министерства обороны. То, что он стал известен — насколько может быть известен человек в его положении — как компьютерный гений, явилось следствием скорее экономических причин, чем его собственных наклонностей. Он обладал инстинктом, талантом, даром, позволяющим ему устранять практически любые неполадки в машинах. Если он не был знаком с данным типом устройств или даже не знал, для чего машина предназначена, это не имело никакого зна-

чения. Если машина не работала, он клал руки на пульт, «совещался с духами людей, ее создавших» и находил неисправность. Обнаружив ее, он с легкостью устранял причину, если был в настроении. Если же нет, то объяснял, что необходимо сделать, и уходил удовлетворенный. Когда он совсем перестал заниматься починкой, эту уникальную способность приходилось использовать не так часто, но диагностика и поиск ошибок приносили денег куда больше, чем их исправление.

Из всех областей, где Монтефьоре мог применить свой талант, компьютерный бизнес казался ему наиболее привлекательным. Несколько лет подряд он выполнял поручения крупных консультативных фирм, мотаясь по свету на реактивных самолетах, вылетая сразу же по получении задания, исцеляя компьютеры и целые компьютерные сети от недугов, с которыми не в состоянии были справиться штатные специалисты, накапливая деньги и проводя свободное время словно наследный принц.

И как раз когда подобная жизнь ему стала приедаться, министерство сделало ему осторожное предложение относительно проекта «Ментор». Как человеку, Монтефьоре казалась отвратительной идея огромного компьютерного комплекса, содержащего в своих банках данных весь объем информации — военной, социальной, финансовой, криминальной, промышленной, одним словом, любой информации, необходимой правительству для управления делами страны. Но как специалист, обладающий неукротимым талантом, которому требовались новые горизонты свершений, он целиком отдался этому замыслу. Проектирование и производство не представляли для него интереса. Впрочем, компоненты «Ментора» были достаточно обычными и становились интересными лишь в комплексе. Зато задача поддержания этого огромного компьютерного тела в полной взаимосвязи и добром здравии доставляла Монтефьоре своеобразное удовлетворение. Кроме того, она принесла ему продвижение по службе, чувство ответственности и определенную власть. Ни один человеческий мозг не в состоянии воспринять даже крошечную долю информации, хранимой «Ментором», но Монтефьоре был единственным

человеком с неограниченным доступом к этим сокровищам, и он умел выбирать. Он знал все, что стоило знать.

И сейчас, стоя у окна своего кабинета, он знал, что начинается что-то очень серьезное.

Часом раньше позвонил личный секретарь министра и передал самое простое сообщение: Монтефьоре должен оставаться на месте до получения дальнейших указаний. В самом сообщении ничего особенного не было, но оно было передано по красному телефону. Однажды Монтефьоре высчитал, что, если красный телефон когда-либо зазвонит, шансы будут примерно семь к одному за то, что через некоторое время сквозь верхние слои атмосферы начнут продираться межконтинентальные баллистические ракеты. Сообщение Маккензи в какой-то степени его успокоило, но ощущение обреченности осталось.

Среднего роста, с широкими мускулистыми плечами и мальчишеским лицом с маленьким подбородком, формой свидетельствующим скорее о целеустремленности, чем о слабости характера, Монтефьоре оглядел себя в зеркале над белым камином и мрачно пообещал себе несколько недель подряд пить меньше пива. Затем в голову пришла другая мысль: не наступают ли со звонком красного телефона для него и для всех остальных последние дни, когда еще можно пить пиво?

Он вернулся к окну и стал разглядывать крыши медленно ползущих внизу автобусов, когда его секретарь объявил по интеркому, что прибыли Маккензи и бригадир Финч. Финч возглавлял небольшую группу людей, официально называвшуюся «Консультативный стратегический совет», в чьи полномочия среди прочих вещей входило советовать правительству, когда нажимать определенные кнопки. Монтефьоре даже не полагалось знать о связи Финча с КСС, и при упоминании этого имени он почувствовал смятение, заставившее его подумать, что уж лучше бы он оставался в неведении.

В комнату молча вошли двое мужчин с окантованными металлом чемоданчиками для документов в руках и поздоровались с ним, придерживаясь минимума формальностей. Оба были клиентами уникальной информационной

службы «Ментора», и обоих Монтефьоре хорошо знал. Они обращались с ним неизменно вежливо, но сама эта вежливость служила напоминанием, что все его электронное колдовство бессильно против классового барьера. Монтефьоре происходил из низов среднего класса, они из самых верхов, и ничего не менялось, несмотря на то что сейчас в Великобритании никто не упоминает о подобных вещах.

Высокий, с цветущей внешностью Маккензи жестом указал на переключатель экранизатора на столе Монтефьоре. Монтефьоре кивнул и включил электронный прибор, в поле которого не может нормально работать даже обыкновенный телефон. Теперь сказанное ими невозможно будет записать или подслушать.

— Какие трудности, Джерард? — Монтефьоре всегда называл всех по имени и поклялся себе, что, если кто-нибудь из его высокопоставленных клиентов станет возражать, он уйдет из «Ментора» и откажется вернуться до тех пор, пока его право называть Тревора Тревором не будет признано официально.

— Очень серьезные трудности, — ответил Маккензи, непривычно долго глядя Монтефьоре в глаза. Затем открыл чемоданчик, достал фотокопии каких-то убористо исписанных листков со схемами и разложил их на столе. — Прочти.

— Хорошо, Джерард. — Монтефьоре профессионально быстро проглядел листки, и его предчувствие неминуемой катастрофы сменилось странным облегчением. — Насколько ты этому веришь?

— Верю? Это не вопрос веры. Дело в том, что математические выкладки были проверены и подтверждены.

— О! Кем?

— Спроулом.

Монтефьоре в задумчивости постучал ногтем по зубам.

— Если Спроул говорит, что все в порядке... А как насчет машины? — Он снова взглянул на схемы.

— И Роусон, и Виалс утверждают, что машина может быть построена, и она... сделает то, для чего предназначена.

— Вопрос, на который вы хотите ответ: была ли она построена?

— Нам нужен человек, который написал письмо, — с беспокойством произнес Финч. Несмотря на худобу, он

был, можно сказать, агрессивно атлетичен для человека, подбирающегося к шестому десятку. Свои темные костюмы он носил, словно военную форму. И, как Монтефьоре знал, этого клиента «Ментора» его, Эда, фамильярность задевала больше всего.

— Это одно и то же, Роджер, — ответил Монтефьоре. — Я полагаю, что, когда этот человек будет найден, он ответит на все заданные ему вопросы.

Глаза Финча помертвели.

— Это в высшей степени срочно.

— Намек понял, Роджер. — Монтефьоре специально, чтобы продлить удовольствие, не позволял себе начать обдумывать проблему сразу, но теперь он принялся за приятную задачу определения начальных параметров. — Какой информацией мы располагаем об этом человеке? Что мы знаем? Прежде всего это мужчина. Почерк однозначно позволяет определить, что мы имеем дело не с женщиной, если, конечно, исключить предположение, что она заметает следы столь изощренно.

— Что это значит? — Финч раздраженно взмахнул рукой, словно ударяя себя по ноге воображаемым стеком.

— Женщина могла заставить мужчину написать письмо, а затем убрать его, — произнес Монтефьоре.

— Чушь!

— Хорошо, Роджер. Иными словами, в момент этого национального кризиса ты приказываешь мне исключить из числа подозреваемых тридцать миллионов английских женщин?

— Ну-ну, Эд, — вмешался Маккензи, и Монтефьоре с удовлетворением заметил, что тот обратился к нему по имени. — Ты прекрасно знаешь, что мы не суемся в твои владения. И я уверен, ты лучше, чем кто бы то ни было, представляешь, что одно это задание оправдывает каждый пенс, потраченный на «Ментор».

— Знаю, знаю. — Монтефьоре надоело искушать их терпение, как только проблема завладела его разумом и душой.

— Автор этого письма скорее всего взрослый мужчина, здоров, полон сил, если судить по почерку... Кстати, когда будет заключение эксперта о почерке?

— С минуты на минуту.

— Отлично. Он также обладает первоклассными математическими способностями. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что это сужает область поиска с миллионов до тысяч. И из этих тысяч один человек — если предполагать, что машина действительно построена — потратил недавно значительную сумму денег на научное оборудование. Газовая центрифуга, например, отнюдь не самый распространенный прибор, и, кроме того, использование празеодима... — С этими словами Монтефьоре направился к двери.

Маккензи кинулся было за ним.

— Ты куда?

— В «винный погреб», — ответил Монтефьоре добродушно. — Располагайтесь, господа. Я вернусь не позже чем через час.

Опускаясь в скоростном лифте глубоко под землю, где в тщательно поддерживаемом микроклимате находились центральные процессоры «Ментора», он почувствовал кратковременный всплеск жалости к пока еще не известному ему человеку, взявшему на себя роль Спасителя, которого в скором времени распнут на кресте.

Спустя сорок минут, закончив общение с машиной, он вошел в лифт и нажал кнопку подъема. В руках у него был один-единственный листок бумаги.

— Может быть, ты и неплохой человек, Лукас Хачмен, — произнес он вслух, — но ты определенно глупец.

Инспектор Кромби-Карсон пребывал в плохом настроении. Он отлично помнил, что охарактеризовал Хачмена как «ходячее стихийное бедствие», но никак не мог предвидеть, что зловещее воздействие этого человека распространится на него самого. Старший инспектор уже устроил ему разнос, он стал посмешищем для всего участка и вдобавок привлек внимание газетчиков, которые с обычной для них любовью к мелочам во всех подробностях описывали в своих газетах побег Хачмена. А теперь еще предстоит интервью с главным следователем и этим безликим типом из Лондона.

— Почему задержка? — потребовал он у дежурного сержанта.

— Не могу знать, сэр. Шеф сказал, что вызовет, когда вы ему понадобитесь, — произнес сержант без особого сочувствия.

Кромби-Карсон негодующе уставился на полированную дверь кабинета.

— Черт! Сколько времени уходит! Как будто они не знают, что у меня масса других дел!..

Меряя шагами приемную, он пытался понять, что происходит с его карьерой. Очевидно, он ослабил хватку, начал думать, что ему везет, и это было его ошибкой. Другие сотрудники часто принимали везение как должное, приписывая успех своим способностям. Среди его коллег любили рассказывать историю о том, что первый арест на своем счету старший инспектор Элисон произвел, когда по обвинению в непристойных телефонных звонках задержал человека, пожаловавшегося на такие же звонки... Мысли его вернулись к Хачмену. Ясно было, что этот человек продает военные секреты или собирается продать. Кромби-Карсон отлично представлял себе людей такого типа: университет, теннис и яхты, выгодная женитьба и вообще слишком много всего. Врать не умеет: никогда не имел каждодневной практики, которую некоторым приходится приобретать, просто чтобы остаться живым. Невооруженным глазом видно, как он каждый раз перетасовывает свои мыслишки. Может быть, эта женщина, Найт...

Тут зажужжал зуммер, и сержант мрачно кивнул Кромби-Карсону. Тот снял очки, сунул их в карман и вошел в кабинет, где за длинным столом сидели три человека. Одного из них, в черном костюме, с пытливым взглядом, он не знал.

— Это мистер Ри из... э-э-э... из министерства обороны, — сказал Элисон. — Он прибыл из Лондона, чтобы задать вам несколько вопросов по делу Хачмена.

Кромби-Карсон поздоровался с ним за руку.

— Добрый день. Я так и думал, что к нам нагрянет кто-нибудь из Уайт-холла.

— В самом деле? — Ри, казалось, даже подскочил, услышав это. — Откуда у вас возникла подобная идея?

— Хачмен работает в Вестфилде. Эксперт по управляемым ракетам, к тому же странные обстоятельства... Мне казалось очевидным...

— Хорошо. — Ри, видимо, был удовлетворен объяснением. — Насколько я понимаю, вы допрашивали Хачмена в участке в течение нескольких часов.

— Совершенно верно.

— Он отвечал без принуждения?

Кромби-Карсон нахмурился, пытаясь понять, куда клонит Ри.

— Да, но вопрос в том, как много из того, что он сказал, правда.

— Понятно. Я полагаю, некоторые вещи он утаивал. Но как он говорил о жене?

— Все, что он сказал, есть в протоколе. Хотя он не очень распространялся на ее счет.

— Да. У меня есть выдержки из протокола с его словами, но вы разговаривали с ним лично, и ваш опыт позволяет вам, так сказать, читать между строк, инспектор. Хорошо взвесив все, можете вы сказать, замешана ли в этой истории миссис Хачмен? Я не имею в ввиду их брак, разумеется.

— Нет, она ни при чем. — Кромби-Карсон вспомнил ухоженную жену Хачмена и подумал: «Какая муха его укусила?»

— Вы уверены?

— Я разговаривал с Хачменом в течение нескольких часов. И с его женой. Она ничего не знает.

Ри взглянул на Элисона, и тот едва заметно кивнул. Кромби-Карсон почувствовал всплеск благодарности: по крайней мере старик не позволит этому возмутительному случаю с матрасом зачеркнуть двадцать лет безупречной службы.

— Хорошо. — Ри перевел взгляд на свои ухоженные безукоризненные ногти. — Как, по вашему мнению, обстоят дела между Хачменом и его женой?

— Не особенно хорошо. И потом эта женщина, Найт...

— Значит, никаких эмоциональных привязанностей?

— Я этого не говорил, — быстро произнес Кромби-Карсон. — У меня создалось впечатление, что они сильно портили друг другу кровь...

— Может ли он попытаться вступить с ней в контакт?

— Не исключено. — Кромби-Карсон почувствовал вдруг, как устали у него глаза, но подавил в себе желание надеть очки. — Хотя он может досадить ей чуть больше, не объявившись. На всякий случай я держу под наблюдением дом ее родителей.

— Мы сняли ваших людей, — вмешался главный следователь Тиббетт в первый раз за все время. — Люди мистера Ри взяли на себя теперь наблюдение за миссис Хачмен.

— Так ли это необходимо? — Кромби-Карсон позволил себе выглядеть оскорбленным, демонстрируя присутствующим свою полную уверенность в принятых им мерах.

Ри кивнул.

— У моих людей больше опыта в подобного рода делах.

— Как насчет прослушивания телефона?

— И это тоже. Мы займемся всей операцией. Вы же понимаете, инспектор, насколько важна область управляемых снарядов?

— Конечно.

Покинув кабинет, Кромби-Карсон был очень доволен, что никто не упомянул побег Хачмена, но у него сложилось странное впечатление, что это дело имеет последствия, о которых ему ничего не было сказано.

ГЛАВА 12

В доме Этвудов жили еще несколько человек, но поскольку Хачмен был единственным постояльцем на полном пансионе, вечером его пригласили ужинать на кухню. Миссис Этвуд уверяла, что там ему будет гораздо приятнее, чем сидеть одному в гостиной, которую к тому же трудно прогреть. Хачмен сидел, погрузившись в собственные роящиеся мысли, сквозь которые чужие разговоры пробивались как бессмысленное бормотание. Поначалу у него были сомнения относительно такого распорядка,

но после целого дня, проведенного в одиночестве в пустой комнате с цветочными обоями, возможность погреться у камина показалась ему более привлекательной. Кроме того, ему не хотелось выглядеть в глазах хозяев скрытным или подозрительным.

Он подбрил щеки и нижнюю губу, чтобы выделить бородку, вышел на лестницу, и лишь когда попытался запереть дверь, понял, почему выданный ему ключ изогнут таким странным образом. Замок был прикручен к внутренней стороне двери, и оттуда дверь легко запиралась и отпиралась. Но снаружи ключ должен был утопать в скважине на всю толщину двери, а этого не позволял изгиб. Короче, Хачмен мог закрыться изнутри, но, уходя, ему придется оставлять дверь незапертой.

Озадаченный этим неожиданным открытием «нехачменовского образа мышления», он спустился вниз и осторожно открыл дверь кухни. Оттуда пахнуло теплым густым ароматным запахом. Почти всю кухню занимал стол, накрытый на четверых. Миссис Этвуд и Джеффри уже сидели за столом, а спиной к огню стоял самый большой человек, которого Хачмену когда-либо доводилось видеть. Его огромная фигура тонула в объемистом свитере, не скрывавшем, однако, мускулатуры борца.

— Входи, парень, входи, — пронеслась по кухне ударная волна его голоса. — И дверь прикрой. Сквозняк.

Хачмен вошел и, поскольку представление не последовало, решил, что гигант и есть мистер Этвуд.

— Куда мне?..

— Здесь, рядом с Джеффри, — ответила миссис Этвуд. — Чтобы я всех видела перед собой.

Она открыла кастрюлю и начала разливать похлебку в тарелки с голубой каемкой. Джеффри, такого же примерно роста, как и Дэвид, его сын, сидел рядом, и Хачмен безуспешно пытался поймать его взгляд. Мальчишка, как все астматики, дышал часто и тяжело.

— Это вам, мистер Ретрей, — произнесла миссис Этвуд, назвав его по фамилии, под которой он представился. Она уже было передала ему полную тарелку, но тут от камина шагнул ее муж.

— Для мужчины это только на один зуб, — прогудел он. — Положи ему еще, Джейн.

— Нет-нет, этого более чем достаточно, — сказал Хачмен, протягивая руку за тарелкой.

— Ерунда! — Голос Этвуда так гремел, что Хачмен почувствовал, как по поверхности стола передается вибрация. Мальчишка рядом с ним сжался. — Положи ему еще!

— Уверяю вас... — начал было Хачмен, но тут заметил просящее выражение на лице миссис Этвуд и позволил ей вывалить в тарелку еще одну порцию густого варева вдобавок к тому, что там уже было.

— Ешь! Тебе не мешает нарастить мясо на костях. — Этвуд взял свою тарелку с горой пищи и принялся работать ложкой. — И ты, Джеффри, чтоб все съел!

— Хорошо, папа, — жалобно произнес мальчишка, поспешно уткнувшись в тарелку.

Над комнатой нависло молчание, изредка прерываемое звуками грудной клетки Джеффри, напоминающими Хачмену шум далекой толпы. Похоже, мальчишка боится отца, и Хачмен попытался представить себе, каким этот гигант должен казаться семилетнему ребенку. Огромный, пугающий, непонятный. Задумавшись, он очнулся, лишь когда услышал, что Этвуд произнес его новую фамилию.

— Прощу прощения?..

— Я спросил, чем ты занимаешься? — сказал Этвуд, тяжело вздыхая.

— В настоящее время ничем. — Хачмен не ожидал, что его будут расспрашивать, и ответил холодно, чтобы избавиться от дальнейших вопросов.

— А когда чем-то занимаешься, то чем? — Этвуд, казалось, не заметил, как его ставят на место.

— Э-э-э... Я дизайнер.

— Шляпы? Дамское белье? — Этвуд хмыкнул.

Хачмен догадался, что выбрал профессию слишком экзотическую, и тут же поспешил исправить свою ошибку.

— Нет, я по железобетонным конструкциям. И скорее просто чертежник.

Этвуда это, похоже, впечатлило.

— Хорошее дело. В наших краях много работы для вашего брата.

— Да. Именно поэтому я и здесь. Но поначалу торопиться не буду, осмотрюсь несколько дней. — Хачмен почувствовал, что сплел вполне правдоподобную историю.

— Я сам овощами торгую, — произнес Этвуд. — Пиво пьешь?

— Пиво? Иногда.

— Отлично. Как закончишь, двинем в «Крикетерс» и примем по несколько кружечек.

— Спасибо, но я бы предпочел не пить сегодня вечером.

— Ерунда! — грохнул Этвуд. — Я же не предлагаю тебе какую-нибудь южную мочу. Мы будем пить отличный ланкаширский эль! — Он бросил свирепый взгляд в почти нетронутую тарелку Хачмена и добавил: — Давай-давай, парень, наворачивай. Неудивительно, что ты такой тощий.

— Хватит, Джордж, — не выдержала наконец миссис Этвуд. — Мистер Ретрей наш гость, в конце концов!

— Попридержи язык, — рявкнул на нее Этвуд, выпятив нижнюю челюсть. — Именно поэтому я и приглашаю его выпить.

Хачмен почувствовал, как рядом с ним, задышав чуть сильнее, шевельнулся мальчишка.

— Все в порядке, миссис Этвуд. Предложение вашего мужа действительно гостеприимно, и, я думаю, мне не мешает прогуляться часок.

— Вот это другое дело, — кивнул Этвуд. — Давай, парень, доедай.

Хачмен взглянул ему в глаза и отодвинул от себя тарелку.

— Если я много съем, не смогу потом пить пиво.

Поужинав, Хачмен поднялся к себе, надел куртку и выглянул в темноту за окном. Пошел дождь, и маленькие квадратики чужих окон, плавающие в ночи, производили еще более гнетущее впечатление, чем предыдущим вечером. Джордж Этвуд был обыкновенным грубым боровом, бесчувственным животным, подавляющим окружающих одними своими размерами, но все же вечер в его компании казался Хачмену более привлекательным, чем одиночество в теснящих стенах с цветочными обоями. «Викки, — против воли возникла мысль, — посмотри, до чего ты меня довела...»

Он спустился вниз, прошел через кухню и неожиданно увидел свое лицо на экране телевизора в углу. Джейн Этвуд

смотрела программу новостей спиной к нему и даже не заметила, как он вошел. Хачмен проскользнул в плохо освещенный коридор и остановился, ожидая Джорджа Этвуда. Содержание новостей мало чем отличалось от того, что он слышал в машине, а это могло означать, что его имя уже связали с антиядерной машиной. Он сам дал властям хороший, приемлемый для общественности повод для розысков. Они могут использовать любые средства массовой информации, и едва ли кто задумается, почему какому-то свидетелю по делу о похищении уделяется столько внимания. Переданная по телевидению фотография Хачмена на фоне размытой листвы казалась очень знакомой, но он никак не мог вспомнить, где его снимали и кто. Без сомнения, всех его друзей и знакомых уже опросили полицейские, а может быть, еще и люди из какого-нибудь безымянного отделения службы безопасности. Впрочем, возможно ли это? Хачмен подсчитал часы: был вечер вторника, а конверты, адресованные организациям и лицам внутри страны, отправлены в понедельник. «Еще слишком рано, — решил он, чуть успокоившись после того, как увидел себя на экране. — Полицию я вполне в состоянии обмануть, а остальные еще не знают, кого искать».

— Ага! Ты уже готов! — Из другой двери вывалился Этвуд в лохматом пальто, делавшем его похожим на медведя. Его жидкие волосы были разглажены по огромному черепу. — Где твоя машина?

— Машина? — Хачмен поставил ее на посыпанной золотой дорожке у дома и не собирался трогать.

— На улице дождь, парень, — продолжал греметь Этвуд. — Мой фургон сломался, а до «Крикетерса» больше полумили. Что ты думаешь, я туда пешком пойду в эдакую слякоть?

Перенервничавший и утомленный постоянной грубостью хозяина, Хачмен уже хотел было отказаться от поездки, но вовремя вспомнил, что машина теперь не соответствует переданному описанию. На стоянке у пивной среди других машин она будет не более приметна, чем здесь, около дома.

— Машина у дома, — ответил Хачмен, и они выбежали под леденящий дождь. Этвуд дергался от нетерпения, пока

Хачмен открывал ему дверь, затем рухнул на сиденье с такой силой, что машина закачалась на рессорах, потом с грохотом захлопнул дверцу, отчего Хачмен невольно вздрогнул.

— Двинули! — заорал Этвуд. — Нечего терять время, когда нас ждет выпивка.

Следуя указаниям Этвуда, Хачмен вырулил на шоссе, где бело-голубое освещение лишь подчеркивало убогость зданий вокруг, и подъехал к неприглядному строению из красного кирпича. Выходя из машины, Хачмен с мрачным выражением лица оглядел здание. Всякий раз, когда ему случалось оказаться в компании любителя пива, который старался затащить его в «единственное место, где подают хорошее пиво», рекламируемое заведение всегда оказывалось мрачным и унылым. И этот бар тоже не был исключением из, надо полагать, естественного закона природы. Пробегая под дождем к входной двери, Хачмен почему-то подумал, что там, в Кримчерче, сейчас теплая звездная ночь. «Мне одиноко без тебя, Викки...»

— Две пинты особого! — крикнул Этвуд бармену, едва они вошли в помещение.

— Пинту и горячего ирландского грогу, — сказал Хачмен. — Двойного.

Этвуд поднял брови и, пародируя акцент Хачмена, произнес:

— Ну уж нет, сэр. Если вы желаете виски, вам придется платить самому. — Он затрясся от смеха, облокотился о стойку и продолжил: — В этом месяце я способен только на пиво: не тот доход.

Дав выход своему раздражению, Хачмен достал из кармана пачку денег и молча швырнул на стойку пятифунтовую бумажку. Он попробовал грог, решил, что там слишком много сахара, но тем не менее выпил до дна. Горячая жидкость мгновенно согрела живот, а затем по каким-то неведомым анатомическим законам распространилась по всему телу. Следующие два часа он непрерывно пил и платил за выпитое, пока Этвуд занимал бармена длинными, повторяющимися разговорами о футболе и собачьих бегах. Хачмену тоже хотелось с кем-нибудь поговорить, но бармен, молодой парень с татуировкой, почему-то глядел на него с едва скрыва-

емой враждебностью. Остальные посетители в плащах молча сидели на скамьях в темных углах бара. «Что они все здесь делают? — тупо подумал Хачмен. — Почему они сюда пришли? Зачем?» За стойкой была дверь, которая вела в другой бар, классом повыше, и несколько раз Хачмену удавалось разглядеть барменшу с царственной осанкой. Она много смеялась, легко скользя в оранжевом освещении соседней комнаты, и Хачмен молился про себя, чтобы она вышла и поговорила с ним, молча клялся, что даже не будет заглядывать в вырез кофточки, если она наклонится в его сторону. Только бы она вышла и поговорила с ним, дав ему снова почувствовать себя хоть чуть-чуть человеком. Но она так и не вышла, и Хачмену приходилось сидеть с Этвудом. Одиночество захватывало его, и в памяти с непереносимой горечью вставали знакомые строки:

И звуки музыки, и дым сигар,
Мои мечты в ночном саду,
И вязы темные, и звезд пожар...

Его горло перехватила мучительная судорога.

Мне снится комната, согретая огнем камина,
И теплый свет свечей, стоящих у окна,
На стенах старые знакомые картины,
И с книгами сиденье допоздна...

Через какое-то время молодой бармен перешел к другой компании, и Этвуд, бросив разочарованный взгляд в зал, решил переключиться на Хачмена.

— Чертежник-то, неплохая работенка, а?

— Неплохая.

— Сколько набегает?

— Три тысячи, — попытался угадать Хачмен.

— Это сколько же в неделю выходит? Шестьдесят? Нормально. А сколько будет стоить пристроить мальчишку?

— В смысле?

— Я читал, что если парень хочет стать архитектором, его родителям приходится выложить...

— Это другое дело. — Хачмену очень хотелось, чтобы скорее вернулся бармен. — А чертежников берут на стажировку сразу, так что это тебе ничего не будет стоить.

— Отлично! — обрадовался Этвуд. — Похоже, я Джеффа пристрою чертежником, когда подрастет.

— А если он не захочет?

— Как это не захочет? Захочет как миленький, — засмеялся Этвуд. — Он, правда, плоховато рисует. Пару дней назад нарисовал дерево — это надо было видеть! Сплошные закорючки. Какое это к черту дерево?! Ну, я ему показал, как надо рисовать, и он сразу все уловил.

— Надо понимать, ты нарисовал ему дерево, как рисуют в комиксах? — Хачмен макнул палец в лужицу пива на стойке, провел две параллельные черты и пририсовал сверху лохматый шар. — Так?

— Да. — На грубом лице Этвуда появилось подозрительное выражение. — А что?

— Идиот! — провозгласил Хачмен с пьяной искренностью. — Знаешь ли ты, что ты наделал? Твой маленький Джеффри, твой единственный ребенок посмотрел на дерево и переложил свое впечатление о нем на бумагу без всяких предрассудков и условностей, мешающих большинству людей видеть вещи правильно.

Он замолчал, переводя дух, и к своему удивлению заметил, что на Этвуда его тирада произвела впечатление.

— Твой сын принес тебе это... этот святой дар, это сокровище, продукт его неиспорченного разума. А ты? Ты посмеялся над ним и сказал, что дерево рисуется правильно только так, как рисуют заезженные мазилы в «Дэнди и Вино». Ты хоть понимаешь, что твой сын уже никогда не сможет, взглянув на дерево, увидеть его таким, какое оно есть на самом деле? Может, он стал бы вторым Пикассо, если бы...

— Брось трепаться, — потребовал Этвуд, но в глазах его застыла неподдельная озабоченность.

Хачмену уже захотелось признаться, что он просто играет словами, но этот гигант вдруг открыл, что кто-то чужой сумел пролезть ему в душу, и это начинало его злить.

— Что ты в этом понимаешь, черт бы тебя побрал?

— Я много чего понимаю. — Хачмен постарался принять загадочный вид. — Поверь мне, Джордж, я много знаю об этих делах.

— А, чтоб тебя!.. — Этвуд отвернулся.

— Отлично, — печально произнес Хачмен. — Блестящий выход, Джордж. Я пошел спать.

— Проваливай. Я остаюсь.

— Как хочешь. — Хачмен пошел к выходу неестественно ровной походкой. «Я не пьян, констебль. Видите? Я в состоянии проползти по прямой...»

Дождь кончился, но стало холоднее. Невидимый леденящий ветер кружился вокруг него, отбирая последнее тепло.

Хачмен глубоко вздохнул и направился к машине.

На стоянке было всего четыре автомобиля, но Хачмену потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что его машины среди них нет. Машину угнали.

ГЛАВА 13

Для Мюриел Барнли началась новая и очень неприятная фаза жизни. Собственно говоря, ей никогда особенно не нравилось работать у мистера Хачмена с его невнимательностью и презрением к установленным на фирме правилам, что постоянно прибавляло ей работы, о которой он даже не догадывался. Мюриел ехала на работу в своем бледно-зеленом малолитражном «моррисе» и составляла в уме каталог характеристик, которые не нравились ей в Хачмене. Взять хотя бы его беспечное отношение к деньгам. Может быть, для человека, который удачно женился, это и нормально, но одинокой девушке, которой приходится содержать дом на жалованье секретарши, это не может понравиться. Далее, мистер Хачмен никогда не справлялся о здоровье ее матери. (Тут Мюриел с силой нажала на акселератор.) Вполне возможно, он даже не задумывался, есть ли у нее мать. И вообще самую большую ошибку в своей жизни Мюриел, похоже, совершила, когда позволила сотруднику отдела найма назначить ее к мистеру Хачмену. Все дело было в том, как она сама себе, краснея,

признавалась, что в первый же раз, когда она его увидела издалека, на нее произвело впечатление сходство Хачмена с молодым Грегори Пеком. Теперь, конечно, такие лица не в моде, но она слышала, что у мистера Хачмена случаются частые ссоры дома. А она работала с ним рядом, вдруг он... обратит внимание...

Расстроенная собственными мыслями, Мюриел рванула машину вперед, обогнала автобус и едва успела вернуться в свой ряд, чтобы не столкнуться с несущимся в другую сторону фургоном. Она сжала губы и постаралась сконцентрироваться на дороге. «...И подумать только, все это время мистер «Великий Хачмен» за спиной жены крутил с этой девицей из института...» Она повернула около будки охранника и с излишней резкостью затормозила на стоянке. Подхватив свою плетеную сумку, Мюриел выбралась из машины, старательно заперла дверцу и заторопилась к зданию. Быстро прошла по коридору, не встретив никого, но у самой двери своего кабинета столкнулась с начальником отдела мистером Босуэлом.

— О, мисс Барнли, — произнес он. — Вы-то мне как раз и нужны. — Его голубые глаза с интересом глядели на нее из-за золотой оправы очков.

— К вашим услугам, мистер Босуэл.

— Мистер Кадди переведен к нам из отдела аэродинамики. И сегодня он примет дела мистера Хачмена. Пару недель у него будет много работы, и, я надеюсь, вы окажете ему необходимую помощь.

— Конечно, мистер Босуэл.

Кадди, маленький сухой человек, всегда напоминал ей священника. По крайней мере он достаточно респектабелен, чтобы в какой-то степени вернуть ей репутацию, подпорченную общением с оскандалившимся мистером Хачменом.

— Сегодня утром он будет на месте. Подготовьте к его прибытию кабинет, хорошо?

— Да, мистер Босуэл.

Мюриел прошла в свою конторку, повесила на крючок пальто и принялась за уборку соседнего кабинета. Полиция пробыла там полдня, и, хотя они и попытались по

возможности разложить все по местам перед уходом, в комнате все равно чувствовался беспорядок. Особенно в ящике стола, где у мистера Хачмена лежали всякие мелочи: бумажки, скрепки, огрызки карандашей. Мюриел выдвинула ящик до конца и высыпала содержимое в корзинку для бумаг. Несколько карандашей, скрепок и зеленый ластик не попали в корзину и раскатились по полу. Мюриел старательно все подобрала и уже собиралась выбросить, но тут ее внимание привлекла чернильная надпись на боку ластика: «Чавнинг-уэй, 31, Хастингс».

Мюриел отнесла ластик на свой стол и села, разглядывая его в сомнениях. Следователь, расспрашивавший ее, постоянно возвращался к одному и тому же вопросу. Есть ли у мистера Хачмена еще какой-нибудь адрес, кроме дома в Кримчерче? Была ли у него записная книжка? Не видела ли она какого-нибудь адреса, записанного на клочке бумаги?

Они заставили ее пообещать, что она позвонит, если вспомнит что-нибудь хотя бы отдаленно похожее. И теперь она нашла то, что они пропустили, несмотря на тщательные поиски. Что это за адрес? Мюриел крепко сжала ластик, впившись ногтями в податливую поверхность. Может быть, именно там мистер Хачмен и скрывается с этой... которая исчезла...

Она сняла трубку, потом положила ее на место. Если она позвонит в полицию, вся эта кутерьма со следователями начнется снова. А ее так называемые подруги уже достаточно повеселились на ее счет. Даже соседи поглядывают на нее странно. Просто чудо, что до сих пор никто из них не воспользовался возможностью расстроить своими сплетнями ее мать. Но, с другой стороны, с какой стати ей покрывать этого Хачмена? Может, он даже сейчас там прячется.

Мюриел все еще пыталась прийти к какому-то решению, когда шорох в соседнем закутке оповестил ее о прибытии мистера Спейна, как всегда, с опозданием. Она встала и, от волнения несколько раз оправив на себе кофточку, отнесла ластик к нему в кабинет.

Каждый раз, когда Дон Спейн встречался с кем-нибудь случайно, он запоминал день, место и время встречи. Он

делал это совершенно автоматически, без сознательного усилия, просто по той причине, что он Дон Спейн. Информация занимала свое место где-то в картотеке его памяти и никогда не забывалась, потому что порой долька информации, неинтересная сама по себе, вдруг становилась очень важной в сочетании с другой такой же мелочью, приобретенной, может быть, годом раньше или позже. Спейн редко пытался извлечь какую-то выгоду из этих своих знаний или как-то ими воспользоваться. Он просто делал то, что делал, не получая от этого никакого удовлетворения, кроме тайной радости, когда, например, во время вечерней поездки на машине вдруг узнавал на дороге какого-нибудь знакомого и мог с уверенностью сказать, куда он направляется, зачем и к кому. Спейну представлялось в таких случаях, что часть его сознания как бы отделяется от него и путешествует вместе с тем самым знакомым.

И таким образом, ни разу до сих пор не заговорив с Викки Хачмен, он был почти уверен, что встретит ее в среду около десяти утра на главной улице Кримчерча. В конце квартала размещался салон красоты, который она посещала каждую неделю, и, по мнению Спейна, миссис Хачмен не принадлежала к числу женщин, что позволяют таким мелочам, как пропавший муж и разрушенная семья, нарушить законный порядок. Спейн взглянул на часы, раздумывая, сколько времени он может себе позволить ждать, если она не появится вовремя. Старший экономист Максвелл в последнее время уже несколько раз намекал ему насчет неудобств, вызываемых его второй работой. Конечно, свести счеты с Хачменом дело важное, но не настолько, чтобы терять из-за этого деньги, а именно это может случиться, если его прижмут и заставят бросить вторую работу.

Увидев приближающуюся Викки Хачмен, Спейн откашлялся и, когда настал нужный момент, вышел из подъезда, где он ждал, и «натолкнулся» на нее.

— Извините, — произнес он. — О, миссис Хачмен?

— Да. — Она оглядела его с плохо скрытым неодобрением, манерой напомнив своего мужа, что еще больше укрепило решимость Спейна. — Боюсь, я не...

— Доналд Спейн. — Он снова откашлялся. — Я друг Лукаса. Мы вместе работаем...

— Да? — Миссис Хачмен это, похоже, не заинтересовало.

— Да, — повторил Спейн, подумав про себя: «Она такая же, как Хач. Тоже общается с простыми людьми, только когда думает, что никто не смотрит в ее сторону». — Я хотел сказать, что мы очень сожалеем о его неприятностях. Должно же быть какое-то простое объяснение...

— Благодарю вас. И прошу меня извинить, мистер Спейн, но я спешу. — Она двинулась в сторону. Ее светлые волосы в размытом свете дня казались гладкими, словно лед.

Пришло время нанести удар.

— Полиция его еще не нашла. По-моему, вы правильно сделали, что не сказали им про ваш летний коттедж. Возможно...

— Коттедж? — Ее брови изогнулись в удивлении. — У нас нет никакого коттеджа.

— В Хастингсе. Номер 31 по Чаннинг-уэй, кажется. Я запомнил адрес, потому что Хач советовался со мной по поводу аренды.

— Чаннинг-уэй? — произнесла она слабым голосом. — У нас нет там никакого коттеджа.

— Но... — Спейн улыбнулся. — Конечно. Я уже и так много сказал. Не беспокойтесь, миссис Хачмен, я не говорил об этом полиции, когда меня расспрашивали, и никому не скажу. Мы все слишком хорошо относимся к Лукасу, чтобы...

Он замолчал, когда миссис Хачмен торопливо скрылась в толпе, и все его существо наполнилось приятным, теплым чувством, словно он только что написал поэму.

«Ничего не изменилось, — уверяла себя Викки Хачмен, откинувшись в большом кресле у косметички. — Надо бы принять нортриптилин. Доктор Свонсон говорит, что нортриптилин поможет, если только принимать его какое-то время... Прошлое осталось в прошлом...» Она устало закрыла глаза, стараясь выкинуть из головы печальные мысли.

ГЛАВА 14

Битон родился в городке Орадя, что неподалеку от северо-западной границы Румынии. Отец его работал в гончарне. Первые тридцать два года своей жизни Битон носил другое имя — Владимир Хайкин, но уже давно он был известен окружающим как Клайв Битон, и его собственное имя казалось теперь чужим даже ему самому. Во время службы в армии он неплохо себя зарекомендовал и проявил определенные качества, которые привлекли к нему внимание некоей не очень афишируемой организации, известной узкому кругу лиц под аббревиатурой ЛКВ. Вскоре последовало предложение перейти на работу туда, довольно заманчивое предложение. Хайкин согласился, оставив военную службу в звании капитана, и исчез из нормальной жизни на время переподготовки. Однако спустя какое-то время новая карьера перестала казаться ему такой уж романтичной и увлекательной — приходилось проводить довольно много времени, просто наблюдая за иностранными туристами и приезжающими западными бизнесменами. Работа уже основательно надоела Хайкину, но тут открылась дверь в новую — нет, не карьеру — в новую жизнь.

Случилось это, когда всего в сотне километров от его родного городка слетел с дороги и разбился полный автобус английских туристов. Кого-то убило сразу, еще несколько человек умерли от сильных ожогов позже, в больнице. Как водится в таких случаях, в ЛКВ тщательно проверили всех погибших и — как изредка случается — обнаружили среди жертв человека, которого имело смысл «воскресить». Им оказался Клайв Битон, тридцати одного года от роду, неженатый, без близких родственников, занятие — торговля почтовыми марками, место проживания — городок Сэлфорд в графстве Ланкашир. Затем люди из ЛКВ проверили досье своих сотрудников, допущенных к такого рода операциям, и подыскали одного — с тем же ростом, телосложением и цветом волос, что у погибшего туриста.

Хайкин принял предложение без колебаний. Его не остановило даже то, что для новой работы требовалась плас-

тическая операция, причем с имитацией шрамов от ожогов. Три недели, пока хирурги якобы боролись с ожогами на его лице, он провел в отдельной палате, куда не допускали никого. За это время врачи сумели сымитировать серьезные повреждения лица, хотя на самом деле ткани практически не пострадали. Но с еще большей отдачей использовали отпущенный срок люди из ЛКВ: они тщательнейшим образом изучили прошлое Битона, его друзей и прочее. Всю добытую информацию Хайкин старательно заучил, а назначенный к нему преподаватель добавил к его стандартному безликому английскому ланкаширское произношение. Восприимчивый мозг Хайкина все это быстро и без особых усилий усвоил — «вернувшись» в Англию и добравшись до Сэлфорда, он буквально за несколько дней вжился в свой новый образ. В последующие годы ему иногда даже хотелось трудностей — чтобы размяться и проверить себя, — но преимуществ в такой жизни было больше, например полная свобода.

Требования начальства из ЛКВ оказались несложными — жить себе незаметно, изображая Клайва Битона, не отлучаться из Англии и ждать распоряжений. Марочный бизнес умер сам собой, и Битон занялся делами, к которым его влекло гораздо больше. Любовь к лошадям, плюс определенные способности в обращении с теорией вероятности дали ему возможность попробовать себя в нескольких профессиях, имеющих отношение к скачкам. Он удачно ставил на бегах, какое-то время служил гандикапером в нескольких небольших манежах, а затем, когда это стало законно, открыл собственную букмекерскую контору. Он сделал бы это и раньше, но один из главных пунктов его инструкций запрещал ему конфликтовать с законом. После открытия конторы Битону, в общем-то, против его воли приходилось общаться с людьми, живущими за чертой закона, но сам он ни разу не переступал эту грань. Давно привыкнув к имени Клайв Битон и приучив себя любить шотландское виски и английское пиво, он тем не менее так и не женился. И снимая трубку телефона, Битон всегда ждал голос из прошлого.

Впрочем, эти особые звонки раздавались редко. Однажды, когда он прожил в Англии всего два года, некто, не

назвавший себя, но знавший пароль, приказал ему убить человека, который жил по такому-то адресу. Битон выследил этого мужчину — выглядел тот как моряк на пенсии — и той же ночью прирезал его на темной улице. Вернувшись в Сэлфорд, он какое-то время внимательно следил за газетами, но полиция сочла это убийство обычной портовой уголовщиной, и упоминания о нем исчезли из местных новостей довольно быстро.

Битон даже решил, что за убийством стояло лишь желание начальства проверить его преданность и сноровку, но подобные мысли тревожили его не часто. Как правило, задания, что он получал примерно раз в год, напоминали ему старые добрые дни слежки за туристами — просто, скажем, удостовериться, что некий человек поселился именно в том-то отеле.

Дело Хачмена, однако, с самого начала таило в себе признаки большой работы. Началось все со звонка, принесшего инструкции держать дело в поле зрения и оставаться у телефона.

Голос в трубке звучал мрачно и деловито.

— Мистер Битон, это друг Стила. Он просил меня позвонить насчет вашей задолженности.

Битон ответил на пароль своей кодовой фразой:

— Извините, что я еще не заплатил. Не могли бы вы выслать мне еще один счет?

— Дело крайне важное, — продолжал тот же голос, без околичностей переходя к предмету разговора. — Вы следили за новостями об исчезновении математика Лукаса Хачмена?

— Да. — Битон слушал все новости очень внимательно, и даже менее чувствительные уши уловили бы, что здесь что-то есть. — Я слышал о нем.

— Есть сведения, что Хачмен где-то в вашем районе. Его документы должны быть незамедлительно переведены в досье номер семь. Понятно?

— Да. — Битон почувствовал холодок возбуждения. В первый раз за многие годы ему приказывали убить человека.

— Досье номер семь. Незамедлительно. У нас нет информации о том, где он точно находится, но мы перехватили полицейский рапорт, в котором сообщалось, что на

Гортон-роуд между Болтоном и Сэлфордом обнаружен брошенный черный «форд-директор».

— У Хачмена, кажется, был голубой?

— Полицейские сообщили, что машина не соответствует описанию по документам. Там значится голубой цвет.

— Все это очень хорошо, но если машина брошена здесь, едва ли Хачмен будет оставаться поблизости. Я хочу сказать...

— Есть основания полагать, что машина была у него украдена, а затем брошена.

У Битона возникла тревожная мысль.

— Стоп. Мы разговариваем по открытой линии. Вдруг кто-нибудь подслушивает? Что будет с моим прикрытием?

— Оно больше не имеет значения. — Поспешность в голосе стала приобретать признаки паники. — Времени на личные встречи просто нет. Все усилия должны быть направлены на перехват Хачмена. Мы посылаем всех, кого только можно, но вы ближе других и должны предпринять необходимые действия. Задание чрезвычайной важности. Чрезвычайной. Понятно?

— Понятно. — Битон повесил трубку и подошел к зеркалу. Он уже не был тем человеком, который много лет назад переехал в Англию. Волосы его поседели, и годы хорошей жизни размягчили его. Не только тело, но и образ мыслей. Ему не хотелось вредить кому-нибудь, тем более убивать.

Из потайного ящика письменного стола Битон достал завернутый в тряпку хорошо смазанный автоматический пистолет, обойму с 9-миллиметровыми патронами, глушитель и нож с пружинным лезвием. Собрав пистолет, он положил его во внутренний карман, надел пальто и вышел на улицу. Правую руку приятно согревал нож.

Было раннее утро, и серо-голубой туман еще скрывал отдаленные здания. На солнце можно было смотреть не щурясь. Битон сел в свой «ягуар» и двинулся к Болтону. Минут через пятнадцать он остановился в узкой улочке и дальше пошел пешком. В конце улицы он открыл маленькую дверь в стене здания и вошел в гулкий кирпичный гараж, когда-то служивший конюшней. Механик

оторвался от мотора старенького «седана» и взглянул на него без любопытства.

— Рафо на месте? — спросил Битон, кивнув.

— В кабинете.

Битон поднялся по лестнице и прошел в маленькую прилепившуюся у стены конторку, где его встретил толстый человек с огромным багровым носом.

— Привет, Клайв, — произнес он хмуро. — Ну и фаворита ты мне подсказал в прошлую пятницу.

Битон пожал плечами.

— Если бы ты каждый раз выигрывал на скачках, букмекеры умерли бы с голода.

— Все так, но мне не нравится, когда мои деньги идут на то, чтобы увеличить шансы настоящего фаворита.

— Ты же не думаешь, что я могу с тобой так поступить, Рэнди?

— Может быть. Ты хочешь вернуть мне мою сотню? — усмехнулся Рафо.

— Нет. Но у меня есть фаворит на субботу.

Краем глаза Битон увидел, как загорелся взгляд Рафо.

— Сколько?

— Синдикат содрал с меня больше двух тысяч — а это кругленькая сумма, но тебе я скажу бесплатно.

— Бесплатно? — Рафо осторожно потрогал кончик носа, словно надеясь придать ему более благородную форму. — А что нужно?

— Ничего. — Битон постарался, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. — Просто хочу узнать, где твои парни взяли черный «форд-директор», который они бросили на Гортон-роуд.

— Я так и знал! — Рафо самодовольно хлопнул ладонью по столу. — Я понял, что машина «горячая», как только Фред загнал ее в гараж. Когда я увидел эту халтурную покраску и новенькие номерные пластины, я сказал Фреду: «Гони отсюда эту телегу и похорони где-нибудь. И никогда не бери машину, которую только что угнал кто-то другой!»

— Ты правильно сказал, Рэнди. Так где он ее взял?

— Говоришь, значит, фаворит?

— Мастер Окленд-второй, — сказал Битон, выдавая настоящего победителя будущих скачек. Рафо — трепло

известное, и то, что он наверняка разболтает еще кому-нибудь, могло сильно ударить Битона по карману, но почему-то он чувствовал, что в ближайшем будущем ему не придется заниматься скачками.

— Точно?

— Точно. Так где он взял машину?

— На стоянке возле «Крикетерса». Знаешь? Неплохой пивной бар по дороге к Брейтмету.

— Найду, — заверил его Битон.

ГЛАВА 15

Хачмен редко запоминал сны и, когда это все же случалось, несмотря на скептическое отношение к ясновидению, такие сны всегда казались ему значительными и преисполненными глубоких психологических причин. Что-то, возможно, усиливающееся чувство, что в этом старом обшарпанном доме он живет, как в ловушке, или предчувствие неминуемой катастрофы, не оставляющее его с тех пор, как исчез автомобиль, — что-то необъяснимое заставляло его ждать такого сна, подсказывало, что скоро он придет. Он лежал на застеленной кровати, чувствуя смутную угрозу даже в самой обстановке комнаты. Незаметно он заснул, и пришли сны...

Когда он проснулся, было еще светло, но в комнате стало гораздо холоднее. Хачмен лежал на спине, вцепившись руками в скомканное покрывало, словно боялся упасть вверх, пока не пришел в себя после кошмарного сна. «Обычная ерунда в стиле фильмов ужасов», — уверял он себя. Через некоторое время он встал дрожа и включил газовый обогреватель.

Возможно, ему следовало бежать сразу же, как только он обнаружил, что машина украдена. Лучше было бы даже не возвращаться домой на ночь. Но он был пьян, и тогда ему даже казалось, что неизвестный вор оказал ему услу-

гу, устранив опасную улику. Теперь же у него такой уверенности не было, и беспокойное чувство, вызванное сном, подсказывало ему одну и ту же мысль: бежать, бежать, бежать... Он вышел из комнаты и стал медленно спускаться по лестнице. Снизу доносился женский голос. Джейн Этвуд разговаривала с кем-то по телефону, и Хачмен на миг позавидовал этой возможности звонить куда-то, общаться с кем захочется. Ему стало очень одиноко и захотелось позвонить Викки. Это так просто. Набрать номер и позвонить. Позвонить в прошлое... Когда он вошел в комнату, миссис Этвуд как раз вешала трубку.

— Это Джордж, — произнесла она несколько удивленным тоном. — Какой-то человек заходил в лавку и расспрашивал о вас. Что-то насчет машины.

— В самом деле? — Хачмен сжал руками полированные перила.

— Вашу машину украли, мистер Ретрей? Вы же говорили, что она сломалась, когда вы были...

— Не знаю. Возможно, ее украли уже после.

Хачмен взбежал по ступенькам с молчаливым паническим криком в душе. Оказавшись в комнате, он накинул на плечи куртку и быстро спустился вниз. Миссис Этвуд скрылась где-то в другой части дома. Хачмен открыл дверь и, бросив взгляд по сторонам, чтобы убедиться, что на улице никого нет, быстрым шагом двинулся от главной дороги. В самом конце улицы навстречу ему из-за поворота выехал темно-синий «ягуар». Сидящий за рулем седоватый крепко сложенный мужчина, похоже, даже не заметил Хачмена, но машина замедлила ход и покатилась вдоль тротуара, приминая колесами гниющую листву. Водитель внимательно разглядывал номера домов. Хачмен продолжал идти нормальным шагом, пока не свернул за угол на широкую и совсем пустую улицу. Тут он пустился бежать. Бег давался ему без усилий, дышалось ровно и свободно, словно он только что освободился от пут. Он бежал вдоль деревьев, высаженных в линию, едва касаясь ногами земли, двигаясь настолько бесшумно, что дважды он услышал шлепки падающих на асфальт каштанов. Но в конце улицы он вдруг опомнился, перешел на шаг и оглянулся. Из-за деревьев, слегка накре-

нившись после резкого поворота, вынырнул синий «ягуар». Словно призрак, попадая то в проемы света между деревьями, то в тень, он устремился в его сторону.

Хачмен снова перешел на бег. Влетев в длинное ущелье между трехэтажными домами, он увидел справа узкую улочку и метнулся туда. Длинная, ничем не примечательная улица шла чуть в гору впереди и исчезала в собирающемся тумане. Но поворачивать обратно было поздно. Хачмен побежал дальше вдоль неровного ряда припаркованных машин, бросаясь из стороны в сторону, чтобы не наткнуться на играющих на дороге детей, но теперь бежать становилось все труднее и труднее. Во рту появился противный привкус, ноги ослабели, и ступни шлепали по земле почти бесконтрольно. Оглянувшись, он увидел преследовавший его «ягуар». Тут Хачмен заметил просвет между домами, свернул и оказался на пустыре, образовавшемся скорее всего после расчистки городской свалки под застройку. Кругом валялись обломки кирпичей и бетонных плит, а в низком тумане, словно маленькие хоббиты, носились, играя, дети. Хачмен бросился через пустырь, туда, где за рядом таких же домов с террасами уже зажглись бело-голубые огни на шоссе. Позади с шорохом шин остановилась машина. Хлопнула дверца, но он даже не мог обернуться: нужно было смотреть под ноги. Несколько раз, когда ему пришлось перепрыгивать через груды бетона или торчащую из плит ржавую арматуру, он чуть не подвернул ногу. Хачмен пытался добраться до светлого проема между домами, но вдруг понял, что зря тратил силы. Кто-то, наверное подрядчик, обнес место будущего строительства забором из железной сетки, и Хачмен оказался в ловушке.

Он обернулся. На мгновение в голове мелькнула дикая мысль — не затесаться ли среди играющих мальчишек, — но тех уже и след простыл. Преследовавший его человек был всего в каких-нибудь пятидесяти шагах. Несмотря на свои размеры, он бежал легко, и дорогое твидовое пальто выглядело на нем нелепо. В руке он держал нож с тонким лезвием, и по тому, как он его держал, было понятно, что он умеет с ним обращаться. Чуть не плача, Хачмен бросился в сторону. Его преследователь тоже изменил курс.

Хачмен поднял обломок кирпича и швырнул в преследователя, но не добросил. Человек перепрыгнул через кирпич, споткнулся и, упав вперед, ткнулся лицом прямо в гвоздь торчавшей из бетонной плиты арматуры. Один из прутьев попал ему в правый глаз и он взвыл от боли.

Хачмен в ужасе смотрел, как на удивление большой белый шар в красных подтеках выскочил из глазницы и покатился по земле.

— Мой глаз! О Господи, мой глаз! — Человек ползал по земле, слепо ощупывая ее руками.

— Не подходи, — бормотал Хачмен.

— Но это мой глаз! — Человек поднялся на ноги, держа в протянутой к Хачмену руке отвратительный предмет. Потеки красной крови сползали по его лицу на пальто.

— Не подходи! — Хачмен наконец опомнился и бросился бежать вдоль забора, потом свернул к тому месту, где он вбежал на пустырь. Дети метнулись с его пути, словно вспугнутые птицы. Он подбежал к «ягуару», сел за руль, но ключа зажигания на месте не оказалось. Очевидно, его преследователь не дурак. Едва Хачмен выбрался из машины, как в просвете между домами опять появились дети. Но теперь они шли по-другому, что-то в их поведении говорило о том, что сейчас рядом с ними взрослые. Хачмен торопливо пошел вдоль улицы навстречу двум пожилым мужчинам. Один из них был в шлепанцах и в рубашке с закатанными рукавами.

— Несчастный случай, — сказал Хачмен, махнув рукой на пустырь, где в тумане можно было разглядеть одинокую фигуру. — Где тут ближайший телефон?

Один из мужчин указал налево вниз по холму. Хачмен побежал в том направлении, пока снова не оказался на широкой, обсаженной деревьями улице. Там он перешел на шаг, отчасти чтобы не выглядеть подозрительно, а отчасти потому, что сил бежать уже не было. И кроме того, думать на ходу стало легче. У него было чувство, что преследовавший его человек не имеет отношения ни к службе безопасности, ни к полиции — они бы действовали по-другому. Но даже если кто-то узнал все от Андреа Найт, как они могли найти его так быстро? Машина, конечно, могла его выдать, но в этом случае появилась бы полиция,

а не этот неизвестный с ножом... В любом случае из Болтона надо уезжать.

К тому времени, когда он отдышался, Хачмен добрался до автобусной остановки на шоссе и направился в центр города. Оказавшись у городской мэрии, он сошел с автобуса и пошел вдоль ярко освещенных витрин магазинов. Люди возвращались с работы, улицы были полны, и все это вместе с морозной предрождественской атмосферой вызвало у него новый приступ ностальгии. Снова вспомнились Викки и Дэвид...

Он спросил в газетном киоске, как добраться до железнодорожной станции, двинулся было в указанном направлении, но вовремя сообразил, что ему не стоит там появляться. Даже думать об этом было опасной оплошностью.

Пока он бесцельно бродил по улицам, ему дважды пришлось сворачивать в переулки при виде полицейских.

Из Болтона нужно срочно уезжать по двум причинам. Кольцо поисков сужается. И приближается назначенная им дата. Он должен быть в Хастингсе к урочному часу. Может быть, попытаться изменить внешность? Воспоминание о честертоновском «человеке-невидимке» заставило его на мгновение остановиться. Форма почтальона почти наверняка сделала бы его «невидимым», а обычный для сельских почтальонов транспорт — велосипед, — возможно, помог бы ему добраться в Хастингс вовремя. Но где все это достать? Кража только привлекла бы к нему внимание...

В одной из узких улочек он заметил желтую электрическую вывеску таксопарка и в окне конторы под вывеской обнаружил объявление: «ТРЕБУЮТСЯ ВОДИТЕЛИ БЕЗОПАСНЫХ ТАКСИ. ДОСТАТОЧНО ОБЫЧНЫХ ВОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ».

Сердце Хачмена забилось от волнения. Водитель такси — такой же «невидимка», да еще и машина предоставляется! Он зашел в плохо освещенный гараж рядом с конторой. Целый ряд такси горчичного цвета выстроился в полутьме, и только светящееся окошко дежурного помещения в углу указывало на признаки жизни.

Хачмен постучался и вошел. В тесной комнатке не было ничего, кроме стола и скамьи, на которой сидели двое механиков. Один из них держал в руке чашку чая.

— Прошу прощения за беспокойство. — Хачмен изобразил самую приятную улыбку, на какую только был способен. — Где мне справиться насчет работы водителя?

— Никаких проблем, парень. — Механик повернулся к своему соседу, который в этот момент разворачивал сверток с бутербродами. — Кто у нас сегодня за старшего?

— Старина Оливер.

— Подожди здесь, я его сейчас найду, — сказал механик и вышел через вторую дверь, ведущую в глубь здания.

Довольный собой и обнадеженный, Хачмен в ожидании начальника принялся разглядывать маленькую комнатку. Все стены были покрыты листками с объявлениями на булавках или пожелтевшей клейкой ленте. «Водитель, виновный в лобовом столкновении, будет немедленно уволен», — было написано на одном. «У следующих лиц запрещается принимать расчет по кредитным карточкам», — значилось над списком фамилий на другом. Хачмену в его состоянии напряженного одиночества все это казалось проявлением теплой человеческой нормальности, и он с удовольствием представил себя работающим в подобном месте всю оставшуюся жизнь, если только ему удастся выбраться из Хастингса живым.

— Холодный денек сегодня, — произнес второй механик с набитым ртом.

— Точно.

— Чаю хочешь?

— Нет, спасибо. — Дверь открылась, появился первый механик в сопровождения сутулого седовласого человека лет шестидесяти с розовым лицом и маленьким, как у женщины, ртом. Он был в старомодном плаще с поясом и фуражке с большим козырьком.

— Добрый вечер, — произнес Хачмен. — Насколько я понимаю, вам нужны водители?

— В самую точку, — сказал Оливер. — Пойдем поговорим.

Он вывел Хачмена в гараж и закрыл дверь, чтобы механики его не слышали.

— Работал когда-нибудь на безопасных машинах?

— Нет, но в объявлении...

— Я знаю, что написано в объявлении, — ворчливо перебил его Оливер, — но это не значит, что мы предпочитаем непрофессионалов. Из-за этих так называемых безопасных машин с сиденьями назад доходы стали меньше.

— Ясно. — Хачмен понял, что имеет дело с человеком, считающим такси своим призванием. — У меня обычные права. Без проколов.

Оливер в сомнениях продолжал его разглядывать.

— По полдня будешь работать?

— Да... Нет, могу и полный день. Как вам надо, так и буду. — Тут Хачмен заволновался, не слишком ли он напрашивается. — Вам нужны водители или нет?

— Ты в курсе, что у нас ставок нет? Треть от дневной выручки твоя, плюс чаевые. Опытный водитель может неплохо заработать на чаевых, а новички...

— Меня это устраивает. Могу начать прямо сейчас.

— Стоп, стоп! — осадил его Оливер. — Ты город хорошо знаешь?

— Да. — Сердце у Хачмена упало. Как он мог забыть про одно из самых важных требований!

— Как ты доедешь до Кромптон-авеню?

— Э-э-э... — Хачмен попытался вспомнить название дороги, по которой они ехали с Этвудом, единственное название, которое он знал. — По Брейтметскому шоссе.

Оливер неохотно кивнул.

— А на Бриджуорт-клоуз?

— Это не так просто. — Хачмен выдавил из себя улыбку. — Не могу же я вот так сразу выучить все улицы.

— А на Мейсон-стрит? — уже с явным недоверием, поджав губы, спросил Оливер.

— Это в направлении Сэлфорда? Послушайте, я же говорю...

— Извини, сынок. Для нашей работы у тебя память слабовата.

Хачмен взглянул на него в бессильной злобе, затем развернулся и вышел на улицу, очутившись среди незнакомых зданий. Отвергли! Его мозг содержал информацию, которой, быть может, суждено изменить весь ход истории, а этот старый болван смотрит на него сверху вниз только

потому, что он не знает расположения улиц в никому не известном... Стоп! Система! Для того чтобы знать город, вовсе не обязательно здесь жить. Если, конечно, иметь соответствующие способности.

Взглянув на часы, Хачмен увидел, что стрелка перевалила за 5.30. Он быстро разыскал ближайший канцелярский магазин и купил две карты Болтона и белый карандаш с резинкой на конце. Там же у продавщицы узнал, где находится ближайшая копировальная мастерская. Оказалось, это совсем недалеко, в двух кварталах от магазина по той же улице. Хачмен поблагодарил продавщицу, расплатился и, расталкивая толпу, добрался до склада канцелярского оборудования, где производили копировальные работы, как раз в тот момент, когда невидимые ему часы пробили шесть. Опрятно одетый светловолосый молодой мужчина уже запирал дверь. Когда Хачмен подергал за ручку, он покачал головой. Хачмен достал две бумажки по пять фунтов и просунул их в щель для писем. Молодой человек осторожно принял деньги, секунду-другую смотрел на Хачмена через стекло, затем приоткрыл дверь.

— Мы вообще-то в шесть часов закрываем. — Он нерешительно протянул деньги обратно Хачмену.

— Это вам, — сказал Хачмен.

— За что?

— За сверхурочное время. Мне нужно срочно сделать несколько копий. Я заплачу за работу отдельно, а десятка вам, если вы согласны.

— Ну, хорошо. Заходите. — Молодой человек смущенно засмеялся и широко открыл дверь. — В этот раз Рождество начинается рано.

Хачмен развернул карту города.

— С листом такого размера вы справитесь?

— Запросто. — Молодой человек включил большую серую машину и удивленно поглядел на Хачмена, когда тот достал стирающий карандаш и принялся торопливо и небрежно затирать названия улиц. Хачмен закончил работу и вручил ему карту.

— Сделайте мне, пожалуй, дюжину экземпляров.

— Да, сэр. — Молодой человек еще раз внимательно взглянул на Хачмена и вернулся к копировальной машине.

— Я занимаюсь рекламой, — пояснил Хачмен. — Это для проекта по изучению рынка. Срочная работа.

Через десять минут он снова оказался на улице с еще теплым рулоном бумаги под рукой. Теперь у него было все необходимое для зубрежки — метода, который он довел до совершенства еще в студенческие годы. Но оставалась проблема тихого безопасного места, где он мог бы спокойно поработать. Тут ему в голову пришла неожиданная и несколько обескураживающая мысль о том, что он доставляет себе массу хлопот, чтобы ускользнуть из Болтона, даже не убедившись, нужно ли все это. Он увидел газетный киоск через дорогу и перешел на другую сторону улицы. Еще с полдороги можно было прочесть огромный заголовок: «БОЛТОН ОКРУЖЕН ПОЛИЦЕЙСКИМ КОРДОНОМ!»

Он подошел ближе и во всей подборке вечерних газет обнаружил на первой странице свою фотографию крупным планом с подписью: «ПОЛИЦИЯ ОКРУЖИЛА БОЛТОН. Здесь обнаружены следы таинственно исчезнувшего математика». Хачмен решил не рисковать, покупая газету: он уже и так знал все, что ему нужно.

Он отвернулся от киоска и собрался уходить, но тут рядом с ним остановился белый автомобиль, и дверца с его стороны открылась. За рулем сидела девушка с восточными чертами лица в серебристой одежде.

— У меня дома теплей, — произнесла она, нисколько не смущаясь тем, что именно так, как правило, начинают разговор девицы легкого поведения.

Хачмен, уже собравшийся идти, инстинктивно покачал головой, но тут же передумал и схватился за дверцу.

— Похоже, я и в самом деле замерз.

Он забрался в машину, пахнущую внутри кожей и духами, и его повезли в направлении сияющего огнями городского центра.

— Куда мы едем? — спросил он, поворачиваясь.

— Недалеко.

Хачмен кивнул. Его все устраивало, до тех пор пока она не повезет его за город через полицейский кордон.

— У тебя дома есть что-нибудь пожевать?

— Нет.

— Ты разве не хочешь есть?

— Хочу. Но у меня не забегаловка.

Хачмен усмехнулся, достал из кармана пять фунтов и бросил бумажку ей на колени.

— Остановись где-нибудь у кафе и купи поесть.

— Мистер, у меня время — деньги. — Она швырнула бумажку обратно. — Просто компания стоит столько же.

— Понятно. И сколько за ночь?

— Двадцать пять, — произнесла она с вызовом.

— Отлично. Двадцать пять — значит двадцать пять. Хачмен достал еще шесть бумажек, внутренне несколько удивляясь, что для других людей деньги еще представляют ценность.

— Вот. Тебе тридцать, плюс пятерка за продукты. Нормально?

Они остановилась у закусочной, девушка выбежала и через несколько минут вернулась с охапкой свертков, от которых пахло жареной курицей. Еще через десять минут они оказались возле ее дома. Пока она открывала дверь квартиры на первом этаже, Хачмен держал свертки. Квартирка была простенькая: белые стены, белый ковер, черный потолок в гостиной, незатейливая мебель.

— Сначала есть? — спросила девушка.

— Сначала есть. — Хачмен разложил свертки на столе, раскрыл и, пока хозяйка заваривала кофе в идеально чистой кухне, принялся за еду. В памяти его все время мелькала страшная картина: человеческий глаз, катающийся в пыли. Хачмен немного нервничал, но в тепле постепенно расслабился и даже успокоился. Они молча поели, и девушка убрала остатки на кухню.

— Послушай, — сказал Хачмен, раскладывая на столе пахнущие аммиаком листы. — Мне нужно закончить одно срочное дело для моей фирмы. Может, ты пока посмотришь телевизор?

— У меня нет телевизора.

Хачмен тут же понял, что это предложение было ошибкой: по телевидению наверняка дают объявление о его розыске.

— Ну тогда почитай что-нибудь или послушай музыку. Ладно?

— Ладно. — Она равнодушно пожала плечами и улеглась на диван, внимательно его разглядывая.

Хачмен расстелил на столе карту города и принялся запоминать названия, начав с главных дорог и прихватывая, сколько получалось, боковых улиц. Около часа он работал с максимальной сосредоточенностью, затем взял лист без названий улиц и стал заполнять карту по памяти. Тут же стало ясно, какие районы он изучил хорошо, а какие плохо. Последних пока было больше. Он вернулся к карте с названиями, просидел еще час и начал заполнять новый лист, потом еще раз повторил процедуру. Девушка незаметно задремала и где-то в районе полуночи проснулась, испуганно глядя на Хачмена: на секунду она забыла, откуда он взялся.

— Похоже, мне потребуется больше времени, чем я предполагал. — Хачмен улыбнулся. — Может, тебе пойти спать?

— Кофе хочешь?

— Нет, спасибо.

Девушка, передернув плечами от холода, поднялась с дивана и, с любопытством взглянув на разбросанные карты, ушла в спальню. Хачмен вернулся к работе. Часам к трем ему удалось наконец заполнить карту целиком. К этому времени он тоже уже основательно продрог: отопление отключили несколько часов назад. Он прилег на диван и попытался заснуть, но в комнате становилось все холоднее, и каждый раз, как только он закрывал глаза, в голове возникал водоворот из названий и перекрестков. Через полчаса он перешел в спальню. Девушка спала посередине огромной кровати. Хачмен разделся, лег и мгновенно провалился в сон.

С первыми проблесками зари он осторожно поднялся, стараясь не потревожить хозяйку, быстро оделся и вернулся к столу в гостиной. Как и следовало ожидать, когда он попытался заполнить новую карту, обнаружилось еще несколько районов, где память его подвела. Пришлось потратить еще какое-то время на их запоминание, после чего Хачмен спокойно вышел из квартиры. Утро было серое, сухое и на удивление теплое для этого времени года. Он

решил пройтись до центра пешком, занимая себя тем, что на каждом перекрестке аккуратно угадывал все названия улиц. Знакомство с улицами города, полученное подобной зубрежкой, недолговечно и исчезнет полностью от силы через неделю, но для любого испытания, которое ему предложат сегодня утром, его будет достаточно.

По дороге до таксопарка ему не встретился ни один полицейский. На этот раз он вошел сразу в контору и обратился к дежурной в очках, сидевшей за столом с несколькими телефонами и микрофоном.

— Оливер на месте?

— Нет, он в вечернюю смену. У вас к нему что-нибудь личное?

Хачмен воспрянул духом.

— Нет, нет. Я отличный водитель и знаю Болтон как свои пять пальцев.

Через сорок минут он получил «форму», состоявшую из фуражки с большим козырьком и значка на куртку, и уже кружил по городу в горчичного цвета такси. Почти час он работал по-настоящему, доставив по радиовызову двух пассажиров, причем адреса нашел без особых трудностей. Второй пассажир вышел в южной части города, и вместо того чтобы вернуться в центр, Хачмен связался по радио с диспетчером.

— Это Уолтер Рассел, — представился он по имени, под которым его зарегистрировали в таксопарке. — Я только что посадил джентльмена, который хочет провести весь день в окрестностях Болтона. Какие на это правила?

— Плата за день — десять с половиной фунтов, — ответила диспетчер. — Вперед. Клиент согласен?

Хачмен подождал несколько секунд, затем ответил:

— Он говорит, что согласен.

— Хорошо. Когда освободишься, свяжись с диспетчером.

— Ладно. — Хачмен вернул микрофон на место. Решив, что таксомотор с ограниченной скоростью будет выглядеть неуместно на скоростном шоссе, он направился на юг к Уоррингтону с намерением проехать по менее приметным дорогам, связывающим маленькие городки. Вскоре

он заметил тройку молодых девчонок, голосующих на шоссе. Когда он затормозил и открыл дверь пассажирского салона, они переглянулись неуверенно.

— Вам куда? — спросил Хачмен, стараясь выглядеть добродушным. Хотя по мере приближения к полицейскому кордону он волновался все больше и больше.

— В Бирмингем, — ответила одна из них, — но у нас нет денег на такси.

— Для этого такси вам не понадобятся деньги.

— А что понадобится? — потребовала вторая, и вся троица захихикала.

— Послушайте, я еду в аэропорт Рингуэй встречать пассажира и решил предложить вам прокатиться, но если вас это не устраивает, то... — Хачмен сделал вид, что закрывает дверь, и девицы с визгом бросились в машину, рассаживаясь на повернутых назад сиденьях. По дороге они болтали между собой, словно Хачмена рядом не было, и из их разговора он понял, что они едут на демонстрацию протеста по поводу взрыва в Дамаске. С удивлением он обнаружил, что уже несколько дней не вспоминал о разрушенном городе, о тысячах невинных жертв... Теперь все его помыслы сосредоточились на антиядерной машине.

У кордона стояла довольно длинная очередь автомобилей, но полицейские пропустили такси Хачмена вперед, лишь мельком взглянув на него и его пассажиров.

ГЛАВА 16

С поезда в Хастингсе Хачмен сошел уже после полуночи. Болтонским такси он добрался до Суиндона и около полудня бросил его на безлюдной стоянке. Оставить столь очевидный след ближе к своей цели он не решился. Оттуда Хачмен доехал поездом до Саутгемптона, пересел в направлении Хастингса, и остаток дня поделился у него между нервным ожиданием и изматывающе медленными переездами.

Сознание того, что до назначенного им срока осталось меньше тридцати шести часов, тяжким грузом давило его, когда он наконец вышел из здания вокзала. Утренний серый туман сменился чистым холодным дождем, шумно стекавшим по водостокам, и Хачмен промок до нитки почти сразу же, едва вышел на улицу. Рядом с вокзалом дежурили несколько такси, но он не стал рисковать, прошел мимо и двинулся в направлении Чаннинг-уэй. Дорога заняла пятнадцать минут, и к тому времени, когда он добрался до коттеджа, он промок, словно его окунули в море, и весь дрожал, не в силах справиться с ознобом.

Он открыл входную дверь маленького темного дома, но остановился, охваченный странной робостью. Последняя черта, за которой нет возврата, за которой только черная кнопка, приводящая машину в действие. У него отнюдь не было подсознательного желания, чтобы кто-то посторонний увел его от намеченного курса — его жизнь стала настолько изломанной, чужой, что в возвращении к прошлому едва ли было больше смысла, чем в продолжении. Нет. Но войдя в дом, в эту обволакивающую темноту маленького холла за закрытой дверью, он порвет последнюю связь с миром. Даже если его выследят теперь и кто-то попытается ворваться в дом, единственным результатом будет то, что он нажмет кнопку чуть раньше. Он достиг эпицентра...

Дверь разбухла от сырости, и, чтобы плотно прикрыть ее, Хачмену пришлось надавить плечом. В размытом свете уличного фонаря он нашел дорогу наверх. Свет не зажегся, когда он нажал кнопку выключателя, но он и так определил, что в комнату после него никто не заходил. Все осталось по-прежнему. То же зеленое кресло с гнутыми подлокотниками и компоненты его Машины. Он снова спустился вниз, хлюпая мокрыми ботинками, нашел распределительный щит под лестницей и включил рубильник. Ежась в мокрой холодной одежде, Хачмен прошел по всем комнатам, зажигая свет и опуская шторы. В результате его крошечное владение приобрело еще более безотрадный и угнетающий вид. Выйдя на крытый хозяйственный двор, где дождь беспрерывно стучал по стеклянной крыше, он заглянул в угольный подвал. Угля оказалось едва-едва на

одно ведро, но нигде не было лопаты. Хачмен нашел старую клеенку, собрал весь уголь и отнес в камин. Зажигалки у него не было, поскольку он не курил, но ему удалось поджечь кусок бумаги от автоматической плиты на кухне. Клеенка горела плохо, и, даже когда он подбросил бумаги, уголь все равно не загорелся. Хачмен поколебался, а затем, удивляясь собственной заторможенности, принес ящик от кухонного стола, разбил его и скормил щепки в огонь. На сей раз уголь занялся, обещая маленькую порцию тепла по крайней мере на час.

Он снял с себя мокрую одежду, завернулся в покрывало с дивана — единственное, что он смог найти — и приготовился ждать тридцать пять часов. При мысли о теплой светлой комнате на глаза навернулись слезы.

Утром, когда Хачмен проснулся, у него сильно болела голова и саднило горло. Каждый вдох врывался в легкие сгустками ледяного воздуха. Он сел, превозмогая боль, и оглядел комнату. В камине осталась лишь горстка серого пепла, а одежда все еще была сырая. Превозмогая дрожь, он собрал смятые вещи, отнес на кухню, зажег духовку, все четыре конфорки, развесил одежду над огнем и сел рядом, чтобы хоть немного обогреться. Очень захотелось чаю. Не того, изысканного индийского чаю, к которому он привык дома, а дешевого, крепкого чаю, горячего и с сахаром. Назойливая мысль о том, что горячий чай избавит его от головной боли, от простуженного горла и ломоты в суставах, не давала покоя. Он обыскал всю кухню, но неизвестные домовладельцы не оставили там ни крошки.

«Что ж, — подумал он. — Если в доме нет чая, придется сходить купить». Эта мысль наполнила его лихорадочным детским восторгом. И хотя он пообещал себе, что не откроет входную дверь, пока не выполнит задуманное, на тот случай, если за домом наблюдают, но, может быть, он был чересчур осторожен? Если бы за ним следили до самого дома, он бы уже знал об этом...

Он быстро оделся, обдумывая выгоды этого нового решения. Надевая куртку, он вдруг заметил свое отражение в зеркале. Спутанные волосы, небритое лицо, словно смертная маска Христа. Грязный, измятый, больной, с воспа-

лившимися глазами — одним словом, подозрительный. Именно подозрительный. Он непременно привлечет внимание бакалейщика, да и вообще любого, кто ему встретится по дороге. Выходить из дома нельзя.

Он пошел наверх, к Машине, упал на лестнице, схватился за перила и удивленно подумал: «Я болен. Я действительно болен». Это открытие наполнило его страхом. Вдруг он не сумеет собрать Машину в правильной последовательности? Или потеряет сознание в тот момент, когда придет время ее включать? Он расправил плечи, прошел в спальню и принялся за работу.

Несколько раз он забывался, и руки, казалось, работали сами по себе, проверяли генератор или выполняли точную работу по установке лазера и настройке оптики. Другие задачи, которые раньше казались Хачмену легкими, наоборот, давались с трудом. Например, труба излучателя, которая с помощью двигателя и системы передач наводилась в направлении Луны — естественного отражателя, выбранного Хачменом для эффективного рассеивания излучения по всей поверхности Земли. Руки автоматически справились со сборкой узлов, но, когда он открыл заранее приготовленный астрономический альманах, чтобы определить координаты Луны, цифры запрыгали перед глазами в бессмысленной пляске.

Временами он совсем слабел, отключался, и тогда ему либо мерещился горячий чай, либо в памяти вставали картины прошлого... Викки, безутешная после ссоры: «Когда люди злятся, они иногда говорят, что действительно думают». Прогулка по Бонд-стрит, когда женщина на противоположной стороне улицы неожиданно раскрыла красный зонт — точка, вдруг расцветшая в большой красный круг. Хачмену, заметившему это краем глаза, показалось, что это приближающаяся ракета; он тогда инстинктивно пригнулся и впервые в жизни понял, почему нельзя раскрывать зонт рядом с лошадьми... Дэвид, засыпающий у него на руках: «Почему единица и нуль значит десять, а две единицы значит одиннадцать, а не наоборот?..»

Когда сборка Машины была наконец закончена, время потекло быстрее, чем ожидал Хачмен. Он перетащил крес-

ло в кухню и устроился рядом с плитой, засунув ноги почти в самую духовку. Простуда и духота постепенно усыпили его, и он то погружался в забытье, то вновь возвращался в реальность. В снах к нему приходили светлые, теплые картины воспоминаний, он скользил над ними. И, словно ныряльщик, подбирающий со дна разноцветные камешки и бросающий их обратно, он выбирал и обследовал события прошлого. Где-то после полуночи его разбудила сухая боль в горле. Он нашел во дворе пустую банку из-под джема, нагрел в ней немного воды, выпил и попытался снова заснуть. Однако сознание того, что до назначенного времени осталось меньше двенадцати часов, не давало ему покоя. И кроме того, мешала мысль о том, что надо подняться к Машине, где его с меньшей вероятностью смогут застать врасплох. Но если он пойдет наверх, он замерзнет и его снова свалит болезнь. Уговорив себя таким образом, он свернулся калачиком в кресле, укрылся грязной накидкой с дивана и попытался представить себе убыстряющийся темп деятельности тех, других людей. Поиски, конечно, в самом разгаре, но это уже не имеет значения, поскольку он рядом с Машиной и запустит ее, если придется, даже до срока. Гораздо важнее, что сейчас происходит во всех этих секретных уголках планеты, где хранится ядерное оружие. До Хачмена вдруг дошло, сколь много он на себя взял. Он практически ничего не знал о конкретном устройстве ядерных зарядов. Вдруг указанного им времени недостаточно, чтобы разобрать содержимое боеголовок на элементы докритической массы? Но даже если он дал достаточный срок людям, работающим в нормальных условиях, что будет с подводными лодками, находящимися под арктическими льдами? А вдруг кто-то из тех, кто давно замыслил первый удар, под давлением обстоятельств поддастся искушению, пока еще есть время?..

Утром он с трудом поднялся, напуганный звуком собственного дыхания, выпил еще немного теплой воды и взглянул на часы. Осталось меньше трех часов. Держась за стену, а потом за перила, Хачмен поднялся наверх и уселся в кресло перед Машиной. Нагнувшись, он включил замыкатели, запускающие Машину, затем убедился, что легко и свободно достает рукой до черной кнопки.

Теперь он был готов.

Он закрыл глаза и представил себе лицо Викки, когда она наконец все поймет.

Какой-то резкий звук с улицы вернул его к действительности.

Он замер, положив палец на кнопку, и прислушался. Через несколько секунд послышался знакомый стук каблучков по мостовой — бегущие женские шаги, — затем стук в дверь. Хачмен все еще не двигался, не решаясь убрать палец с кнопки.

— Лукас, — послышался снизу слабый голос. — Лукас!

Это была Викки.

Поддавшись новому приступу страха, Хачмен, шатаясь, сбежал по узкой лестнице вниз и рывком открыл дверь. На пороге стояла Викки. Ее лицо оплыло, словно воск, когда она увидела его.

— Уходи! — закричал он. — Немедленно уходи отсюда!

Он взглянул мимо нее вдоль улицы и увидел две машины, столкнувшиеся на углу. Люди в темных костюмах и плащах бежали в их сторону.

— Господи, Лукас, что с тобой случилось? — Она совсем побледнела.

Хачмен втянул ее в холл и с силой захлопнул дверь. Таща ее за собой, он взбежал по лестнице и рухнул в кресло.

— Зачем ты здесь? — спросил он между хриплыми болезненными вдохами. — Почему ты сюда пришла?

— Но ты один, — слабо произнесла Викки, обегая взглядом комнату. — И ты болен!

— Я в порядке, — тупо произнес он.

— Ты хоть видел себя? — Викки закрыла лицо руками и всхлипнула. — О, Лукас, что ты с нами сделал?

Хачмен завернулся в покрывало потуже.

— Хорошо, я расскажу тебе. Но ты должна слушать внимательно и должна верить мне, потому что времени осталось мало. Викки кивнула, все еще не отрывая от лица рук в перчатках.

— Я сделал вот эту машину, — печально произнес он. — И когда я приведу ее в действие — а я собираюсь сделать это сегодня в полдень, — все ядерное оружие на Земле взорвет-

ся. Именно этим я и занимался, когда ты думала... — Хачмен умолк, когда она опустила руки, и он увидел ее лицо.

— Ты сумасшедший, — прошептала она сдавленно. — Ты действительно сумасшедший!

Хачмен убрал со лба спутанные волосы.

— Ты в самом деле еще ничего не поняла? Почему, потвоему, они охотятся за мной? — Он махнул рукой в сторону улицы.

— Ты болен, — объявила Викки со столь знакомой ему уверенностью в голосе. — Тебе нужна помощь.

— Нет, Викки! Нет!

Она повернулась и побежала к лестнице. Хачмен бросился было за ней, но запутался в своей импровизированной накидке и растянулся на полу. Когда он подбежал к лестнице, Викки уже была в дверях.

Она толкнула дверь и налетела на двоих мужчин в темных костюмах. Один из них держал в руке тяжелый пистолет. Он оттолкнул Викки в сторону, и Хачмен увидел, что рука укоротилась, не понимая еще, что в него целятся. Викки вцепилась ногтями в лицо человека, но второй развернул ее и ударил ребром ладони по шее. Даже с верхней ступеньки Хачмен услышал хруст позвонков. Он повернулся, но в этот момент пистолет рявкнул, и его рука онемела. Пол лестничной площадки поднялся и ударил его в лицо. Хачмен с криком пополз назад, в спальню, и положил палец на кнопку.

Держа палец на месте, он подтянулся, упираясь в подлокотник, и сел в кресло лицом к двери.

Когда те двое поднялись по лестнице и вошли в комнату, он улыбался.

ГЛАВА 17

Решение было не из легких, но теперь, когда оно принято, президент почувствовал себя спокойнее. Он подошел к

бару, налил себе ликера и вернулся к столу. За тройными оконными стеклами кабинета над кипящими джунглями, словно агат, сверкала горная вершина. Президент задумчиво отхлебнул из рюмки и нажал кнопку вызова.

Генерал вошел тут же. Его обычно безукоризненный китель был испорчен симметричными пятнами пота.

— Все подтверждается, — произнес он без формальностей. — Все в первоначальном докладе подтверждается.

— Я так я думал, — сказал президент спокойно. — У меня нюх на подобные вещи, даже беспрецедентные.

— Рад за вас. — Генерал, очевидно, нервничал: в противном случае он не позволил бы себе столь открытого сарказма. — Что мы будем делать? Наши ракеты все еще в шахтах. Целехонькие! И уже нет времени демонтировать боеголовки. Что делать?

— Избавиться от них.

— Каким образом?

— Как обычно избавляются от ракеты? За время вашей карьеры вам, генерал, полагаю, встречались и более сложные проблемы. — Президент допил ликер и снова подошел к бару.

— Вы имеете в виду... — Запах пота заполнил кабинет. — Но с тех пор как ракеты были запрограммированы, политический климат коренным образом изменился, господин президент. Это раньше мы действовали безнаказанно. После уничтожения целого города...

Президент улыбнулся, но глаза оставались холодными:

— Если бы подобное осуждение ваших способностей вы услышали от другого, он был бы давно казнен.

— Осуждение? Я не...

— Я имею в виду вашу разведывательную информацию. Вы утверждаете, что в полдень по Гринвичу боеголовки спонтанно взорвутся. Ну и запустите их, но так, чтобы в полдень все ракеты были в апогее. Если ваша информация верна, они никогда не достигнут цели...

— А если неверна?

Президент сделал глоток.

— Дорогой мой генерал, у вас хватает духу оценивать и эту возможность?

ГЛАВА 18

— Отойди от машины, — произнес человек с пистолетом. На его сером вытянутом лице застыло строгое выражение хорошо осознаваемой цели.

— С удовольствием, — с улыбкой произнес Хачмен.

Викки мертва, он знал это, но сейчас, как ни странно, это не оказывало на него никакого воздействия. Чувства возвращались в раненую руку, и он ощущал, как по пальцам стекает кровь. — Вы уверены, что хотите, чтобы я отошел?

— Хватит игр! Отойди!

Хачмен снова улыбнулся запекшимися губами.

— Хорошо, но вы заметили, где мой палец?

— Я всажу тебе пулю в солнечное сплетение, и ты даже не успеешь пошевелить рукой, — мрачно пообещал человек с пистолетом.

— Может быть. — Хачмен пожал плечами. Смерть Викки словно заморозила все его чувства. — Но вы не поняли. Посмотрите внимательно на мой палец, и вы увидите...

— Он уже нажал ее! — в первый раз заговорил человек, ударивший Викки. — Надо смываться. Они будут здесь в любую минуту.

— Стоп! — Человек с пистолетом взглянул на Хачмена с подозрением. Спокойствие Хачмена явно задевало его. — Если это блеф? Если я...

— Едва ли ваши хозяева оценят это. — Хачмен чуть не рассмеялся. Они пытались испугать его оружием, не понимая, что теперь, когда Викки нет, слова «страх», «ненависть», «любовь» потеряли для него всякий смысл. — Я слабый человек, и, когда я создавал эту Машину, я предвидел именно такую ситуацию. Поэтому я вмонтировал цепь, которая замкнется, стоит мне убрать палец с кнопки.

Уголок рта у человека с пистолетом дернулся.

— Я могу сломать машину.

Хачмен закашлялся. Горло болело невыносимо, и он боялся, что вот-вот пойдет кровь.

— За три секунды? Чтобы луч дошел до Луны и, отразившись, вернулся на Землю, нужно всего три секунды. Кроме

того, нужно будет заставить меня держать кнопку. А я отпущу ее, если вы сделаете хотя бы один шаг в комнату.

— Хватит, — озабоченно произнес второй мужчина. — Пойдем отсюда. Кажется, я слышу что-то...

Входную дверь с треском вышибли. Человек с пистолетом отвернулся от Хачмена, поднимая оружие, и на какое-то время Хачмен оглох от грохота автоматов в замкнутом пространстве. Двое мужчин исчезли в облаке дыма, пыли и ошметков штукатурки. Затем все смолкло. Через несколько секунд на лестнице показались двое солдат в боевом снаряжении. Молча они вошли в комнату, встали по обе стороны от двери и навели на Хачмена автоматы, из которых еще змеился едкий дым.

Хачмен сидел неподвижно. Комната постепенно заполнялась людьми, большинство из них в штатском. Они глядели на него почти благоговейно, вбирая взглядом каждую деталь его внешнего вида и машины, на которой покоилась рука, но никто не проронил ни слова. На улице кратко взвыла сирена и тут же смолкла в разочарованном стоне. Хачмен задумчиво глядел на вошедших, смутно сознавая, что ситуация в чем-то становится почти комической, но судорожные толчки крови в раненой руке мешали ему сосредоточиться, и он призвал на помощь всю свою волю. Он взглянул на часы. Оставалось три минуты. «Уже скоро, — думал он. — Три минуты не делают разницы, но все же...»

В комнату вошел сухощавый, с проседью человек в дорогом костюме консервативного покроя, и кто-то закрыл за ним дверь. Хачмен узнал его и устало кивнул.

— Вы знаете меня, мистер Хачмен? — произнес тот с ходу. — Я сэр Мортон Баптист, министр обороны правительства Ее Величества.

— Я знаю вас.

— Тем лучше. Стало быть, вы понимаете, что я обладаю властью приказать расстрелять вас прямо сейчас, если вы не отойдете от машины.

Хачмен взглянул на часы. Две минуты.

— Нет смысла убивать меня, господин министр. Я отойду, если вы так желаете.

— Тогда отойдите.

— А вы не хотите узнать, почему те двое, что пришли сюда раньше вас, не тронули меня?

— Я... — Баптист взглянул на палец Хачмена, и его глаза померкли. — Вы хотите сказать...

— Да. — Быстрота, с которой министр оценил ситуацию, произвела на Хачмена впечатление. — Она сработает, когда я отпущу кнопку.

— Питание? — рявкнул Баптист, оглядывая комнату.

Один из тех, кто вошел вместе с ним, слегка покачал головой.

— Все автономное, — произнес Хачмен. — Пожалуй, единственное, что могло бы меня остановить, это атомная бомба, сброшенная на Хастингс прямо сейчас.

Человек, покачавший головой в ответ на вопрос о питании, подошел к министру и прошептал что-то ему на ухо. Тот кивнул и подал сигнал, после чего кто-то открыл дверь.

— Если вам только что посоветовали изменить положение машины, например автоматной очередью, не пытайтесь следовать этому совету, — сказал Хачмен. — Это хороший совет. В этом случае луч пройдет мимо Луны, но если кто-нибудь попробует выйти из комнаты или уйти с линии огня, я уберу палец.

Одна минута. Баптист подошел ближе.

— Есть ли смысл апеллировать к вашей лояльности?

— Лояльности к кому?

— К вашей... — Министр запнулся. — Вы не дали нам достаточно времени. В эти самые минуты ваши соотечественники работают над боеголовками, пытаясь демонтировать их вовремя. Если вы включите машину...

— Плохо, — прокомментировал Хачмен. «Викки уже нет».

— Идиот! — Баптист ударил его по лицу. — Вы теоретик, Хачмен. Закрылись в своей башне из слоновой кости и отгородились от реальности. Неужели вы не понимаете, что ничего не добились?

— Поздно, — произнес Хачмен, поднимая руку. — Я уже сделал это.

ЭПИЛОГ

Счастье, как и многие другие понятия, — вещь относительная. Разумный компромисс между амбициями и способностями... И в какой-то мере мы трое достигли покоя.

Я только что закончил мыть Викки и уложил ее в постель. Нет, ее не убили в тот день в Хастингсе, хотя сломали шейные позвонки, и доктора говорят, что она выжила чудом. Пожизненный паралич. Мне приходится кормить ее, следить за чистотой ее тела, быть постоянно на подхвате. И Викки (разумеется, не позволяя даже самой себе в этом признаться) находит известное удовлетворение при мысли, что теперь наконец-то она безраздельно владеет мной. Мы больше не устраиваем тех ужасных ссор по поводам, которые могла придумать только прежняя Викки.

Власти обошлись с нами достаточно мягко. Это «заведение» представляет собой примерно то, что я и ожидал. Глушь, но недалеко есть деревня, куда Дэвид ходит в школу. Учится он лучше, чем в Кримчерче, и Викки уверяет, что это от того, что я уделяю ему больше внимания. Может быть, это и так. Меня самого немного загружают работой по специальности, но никто не требует сроков и работу предоставляют, просто чтобы меня занять.

Я не могу сказать, что я несчастлив. Лишь изредка на память приходят воспоминания о событиях в октябре—ноябре. Самый главный вопрос, возникающий вместе с этими воспоминаниями, заключается вот в чем: отпустил ли бы я кнопку, если бы свой последний аргумент министр привел первым?

Без сомнения, он был прав относительно меня: я действительно всего лишь теоретик и поступил по-идиотски. И, как он объяснил мне позже (когда все было кончено), единственным результатом моих действий стал невероятно дорогостоящий виток гонки вооружений. Ядерное оружие не исчезло, как я по глупости надеялся. Они просто поменяли конструкцию на тот случай, если где-то функционирует «триггер Хачмена». На смену классической схеме с двумя массами радиоактивного материала, одна из кото-

рых близка к критической, пришла новая схема с множеством докритических элементов, собираемых вместе, когда ракета находится у самой цели. Если когда-нибудь кто-либо воспользуется этим новым оружием и где-то на планете будет действовать моя Машина, боеголовка взорвется лишь долей секунды раньше. А с мегатонными характеристиками, столь популярными в наши дни, это не имеет никакого значения.

Теперь вновь будут потрачены миллиарды на ненужный объезд в гонке вооружений. Скольким человеческим жизням будут эквивалентны эти деньги, если пересчитать на непостроенные больницы, отмененные программы помощи, недоставленные медикаменты и продукты питания? Сколько умерших от голода детей будет еще похоронено в коробках из-под обуви?

Я многое понял за время «пребывания в эпицентре». Возможно, Викки была права. Природа еще не создала нервной системы, способной в одиночку выдержать груз вины за действия многих других. Побеждает особь, которая многочисленна. А я был один.

Я часто спрашиваю себя: «Был ли смысл в моей попытке?» Был?

СВЕТ БЫЛОГО

© 1972 Bob Shaw
Перевод на русский язык © 1993 В. Баканов,
В. Генкин

ГЛАВА 1

Мчащийся навстречу автомобиль казался всего лишь кроваво-красным пятном, но даже на таком расстоянии и несмотря на жжение в радужной оболочке, Гаррод умудрился определить модель — спортивный «стилет». Повинуясь необъяснимому порыву, он убрал ногу с акселератора, и машина, летевшая со скоростью девяносто миль в час, стала замедлять ход. Несмотря на плавность движения водителя, турбодвигатель недовольно взвыл при переходе в режим наката.

— Что случилось? — Его жена была, как всегда, начеку.

— Ничего.

— Но почему ты тормозишь? — Эстер всегда бдительно следила за своей собственностью, а именно в эту категорию она включала мужа, и сейчас ее широкополая шляпка задвигалась, словно антенна локатора.

— Просто так.

Не сводя глаз со стремительно приближающегося автомобиля, Гаррод улыбкой выразил недовольство вопросом. Внезапно «стилет» замигал оранжевым огоньком указателя левого поворота. Гаррод увидел боковую дорогу, отходящую от шоссе примерно на полпути между машинами. Он резко нажал на тормоз, и передок «турболинкольна» еще теснее прильнул к бетону. Красный «стилет» круто завернул, молнией пронесся перед капотом линкольна» и исчез в облаке пыли. Через боковое окно спортивной машины

Гаррод разглядел потрясенного юнца с раскрытым от негодования ртом.

— Бог мой, ты видел? — Обычно бесстрастное лицо Эстер было искажено ужасом. — Ты видел?!

Раз выразителем эмоций стала жена, Гаррод сумел сохранить спокойствие.

— Еще бы.

— Не сбрось ты скорость, этот ублюдок врезался бы в нас... — Эстер умолкла и, пораженная неожиданной мыслью, обернулась к мужу. — Почему ты притормозил, Элбан? Словно предвидел, что могло произойти.

— Просто научился не доверять юнцам в красных спортивных машинах.

Гаррод беззаботно рассмеялся, но вопрос жены глубоко его растревожил. В самом деле, что заставило его сбросить газ? Особый интерес к «стилету» вполне объясним — это первый автомобиль, который оборудован ветровым стеклом из термогарда, выпускаемого его заводом. Но откуда это засевшее в подсознании холодное как лед, щемящее чувство, будто воплотился кошмар, казалось бы, вычеркнутый из памяти?..

— Вот ведь знала, что надо лететь на самолете, — проговорила Эстер.

— Ты же сама хотела немного развеяться.

— Да, но разве могла я предположить...

— Вот и аэродром, — перебил Гаррод, когда слева появилась высокая проволочная ограда. — Добрались довольно быстро.

Эстер нехотя кивнула и уставилась на бегущие мимо маркеры посадочных полос. Сегодня была вторая годовщина их свадьбы, и Гаррода мучило подозрение, что Эстер обижена, недовольна тем, что большую часть дня занимает деловая встреча. Но изменить он ничего не мог, хотя деньги семьи Эстер спасли предприятие Гаррода от краха. Соединенные Штаты приступили к созданию сверхзвукового гражданского самолета с опозданием, внушающим большие опасения, но «Аврора», способная развить скорость 4М, выходит на линии как раз в то время, когда лайнеры других стран начинают морально устаревать, и он, Элбан

Гаррод, внес свою лепту в рождение новой машины. Он не отдавал себе отчета в том, почему присутствие на первом показательном полете «Авроры» было для него столь важным, но одно знал определенно: ничто не сможет помешать ему увидеть взлет титановой птицы, которую он оснастил глазами.

Через пять минут машина подъехала к главному входу испытательного аэродрома. Гаррод предъявил пригласительный билет, и затянутый в свежайшую светлую форму охранник отдал честь. Автомобиль медленно двигался по бурлящей жизнью территории административного комплекса. Красочные указатели, сияющие на утреннем солнце, создавали праздничную атмосферу ярмарки. Везде, куда ни падал взгляд, улыбались длинноногие девушки в формах авиалиний — заказчиков «Авроры».

Эстер с видом собственницы опустила руку на колено Гаррода.

— Милы, не правда ли? Теперь я понимаю, почему ты так сюда рвался.

— Без тебя бы я не поехал, — солгал Гаррод. Чтобы подчеркнуть свои слова, он сжал ногу Эстер и почувствовал, как внезапно напряглись ее мышцы.

— Смотри, Элбан! — воскликнула Эстер высоким голосом. — «Аврора»! Почему ты не сказал, что она так красива?!

При виде огромной серебристой птицы, математически выверенного аппарата, в котором сочетались черты доисторического животного и футуристического создания, Гаррода захлестнула гордость. Он не ожидал, что Эстер оценит «Аврору», и теперь чувствовал себя совершенно счастливым. Нелепый случай со «стилетом» стерся из памяти. Другой охранник указал им на маленькую стоянку, выделенную специально для фирм-подрядчиков. Гаррод вышел из машины и глубоко вдохнул, словно пытаясь наполнить легкие утренними красками. В теплый воздух интригующе вкрадывался слабый запах керосина.

Эстер все еще не сводила глаз с «Авроры», высящейся над красно-белым навесом для зрителей.

— Иллюминаторы совсем маленькие...

— Да, по сравнению с таким огромным самолетом. Мы от него ярдах в четырехстах, если не больше.

— Все же мне он кажется... близоруким. Будто птица прищурилась и пытается разглядеть что-то вдали.

Гаррод взял жену под руку и повел к навесу.

— Главное, у «Авроры» есть глаза, и дали их ей — мы. Термогард позволил себе обойтись без тяжелой и сложной тепловой защиты, необходимой на нынешних сверхзвуковых самолетах.

— Я вас просто дразнила, мистер Гаррод, сэр! — Эстер игриво схватила его за руку и прижалась всем телом. Когда они ступили под тень навеса, правильные, тонкой лепки черты ее лица преобразились. Гаррод отстраненно заметил, что его богатая женушка, как всегда, умело распоряжается своей собственностью, но, захваченный предстоящим, отогнал от себя эту мысль. Сквозь толчею незнакомых людей к ним пробился высокий мужчина со светло-золотистыми волосами и загорелым мальчишеским лицом. Это был Вернон Магуайр, президент «Юнайтед эйркрафт констракторс».

— Рад, что вы сумели приехать, Эл. — Магуайр окинул Эстер восхищенным взглядом. — Не любимая ли это крошка Бонда Ливингстона? Как ваш отец, Эстер?

— Весь в делах — вы ведь знаете его отношение к работе, — отозвалась она, пожимая ему руку.

— Я слышал, он собирается заняться политикой. По-прежнему ярый противник азартных игр?

— Дай ему волю, в стране не останется ни одного ипподрома.

Эстер улыбнулась, и Гаррод с удивлением почувствовал укол ревности. Его жена не имеет ни малейшего отношения к авиапромышленности, присутствует здесь только благодаря любезности организаторов — и все же находится в центре внимания Магуайра. Деньги тянутся к деньгам.

— Передайте ему сердечный привет. — Лицо Магуайра выразило театральную скорбь. — Жаль, что вы не прихватили его с собой.

— Просто не догадались ему предложить, — ответила Эстер. — Уверена, что он с удовольствием приехал бы на первый полет.

— Это не первый полет. — Помимо воли Гаррода слова прозвучали резче, чем он ожидал. — Это первая демонстрация для публики.

— Не придирайтесь к нашей маленькой девочке, Эл! — Магуайр рассмеялся и шутливо ткнул кулаком в плечо Гаррода. — А что касается вашего термогарда, это действительно первый полет.

— Вот как? Я думал, его установили на прошлой неделе.

— Так предполагалось вначале, Эл. Но мы гнали программу испытаний на малых скоростях, и жаль было тратить время на замену.

— Не знал, — произнес Гаррод, и перед его глазами почему-то возникло изумленное, укоризненное лицо водителя красного «стилета». — Значит, это первый полет с моими ветровыми стеклами?

— А я о чем толкую? Их поставили сегодня ночью. Если не будет никаких осложнений, в пятницу «Аврора» пойдет на сверхзвуковую. Возьмите что-нибудь попить и располагайтесь поближе к полю. Я, к сожалению, должен идти. — Магуайр улыбнулся и исчез.

Гаррод остановил официантку и попросил апельсиновый сок для Эстер и водку с тоником для себя. Они взяли бокалы и сели в кресла, рядами обращенные к взлетной полосе. Левый глаз — в детстве Гаррод перенес операцию на зрачке — болезненно запротестовал против яркого света, и Гаррод надел темные очки. Рядом оживленные группки мужчин и женщин наблюдали за суматохой вокруг огромной, будто нахохлившейся «Авроры». У самолета теснились грузчики наземных служб, по трапу сновали техники в белых халатах.

Гаррод, как правило, не пил в ранние часы, тем более что одна утренняя порция оказывала на него такое же действие, как три, выпитые вечером. Но по такому поводу, решил он, можно сделать исключение. Пока «Аврору» готовили, Гаррод, не привлекая излишнего внимания, опрокинул три бокала и блаженствовал в волшебном мире, где красивые веселые люди пили солнечный свет из бриллиантовых чаш. Подходили руководители других фирм-подрядчиков, и на несколько минут появился улыбающийся Уэйн Ренфрю,

главный испытатель ЮЭК, с отработанной грустной миной он отказывался от предлагаемых бокалов.

Ренфрю был небольшого роста симпатичным человеком с красноватым носом и начинающими редеть подстриженными волосами, но во всем его облике сквозила уверенная выдержка, которая напоминала людям, что именно он должен научить эту груду экспериментального оборудования стоимостью два миллиарда долларов летать, как летают самолеты. Гарроду было приятно, что Ренфрю выделил его из прочих и сделал какое-то замечание относительно важности термогарда для всего проекта. Он проследил благодарным взглядом за невысокой прямой фигурой пилота, пробиравшегося сквозь толчею к выходу. Поджидавший белый «джип» подвез его прямо к «Авроре».

— Ты про меня не забыл? — ревниво спросила Эстер. — Я, конечно, не умею управлять самолетом, зато недурно готовлю.

Гаррод обернулся, желая понять смысл ее слов. Цепкие карие глаза Эстер перехватили его взгляд — словно лязгнул ружейный затвор, и он понял, что в день второй годовщины их свадьбы, во время важной полуделовой-полусветской встречи она раздражена, недовольна тем, что его внимание не отдано ей безраздельно. Он мысленно отметил этот факт, а затем как мог тепло улыбнулся.

— Любимая, позволь я принесу тебе что-нибудь еще.

Эстер тут же смягчилась и улыбнулась в ответ.

— Теперь я, пожалуй, выпила бы мартини.

Он сам сходил в бар и уже ставил бокал на столик, когда заработали двигатели «Авроры». Воздух наполнился ревом, казалось, колеблется даже земля. Звук усилился, когда самолет тронулся с места, и стал почти невыносимым, когда «Аврора» вырулила на взлетную полосу, на какой-то момент повернувшись дюзами к навесу, под которым расположились гости. Гулом отозвалась грудь Гаррода. Чувство, близкое к животному страху, овладело им, но машина откатилась подальше, и стало почти тихо.

Эстер отняла ладони от ушей.

— Разве не поразительно?!

Гаррод кивнул, не сводя глаз с «Авроры». Блестящая титановая громада неуклюже, словно раненый мотылек,

уползала вдаль на своих удлиненных шасси. Вот, сверкнув на солнце, она повернулась носом к ветру, после секундной паузы начала разбег, набрала скорость и оторвалась от земли. Вихри пыли устремились за «Авророй», меж тем как она, готовясь к настоящему полету, втянула в себя закрылки и прочие выступающие части, заложила вираж и взяла курс на юг.

— Это прекрасно, Эл! — Эстер схватила его руку. — Я счастлива, что ты привез меня.

У Гаррода перехватило горло от переполнявшей его гордости. За спиной с хриплым звуком ожил громкоговоритель, и мужской голос стал невозмутимо описывать возможности «Авроры», пока та не скрылась в мерцающей голубизне неба. Затем громкоговоритель подключили к каналу связи пилота с диспетчером.

— Приветствую вас, дамы и господа! — раздался голос Ренфрю. — «Аврора» находится примерно в десяти милях к югу, высота четыре тысячи футов. Сейчас я делаю левый поворот и меньше чем через три минуты буду над аэродромом. «Аврора» легка, как пушинка, и...

Профессионально ленивый голос Ренфрю на миг затих, а потом зазвучал с ноткой замешательства.

— Сегодня она что-то медленно выполняет команды, но это, вероятно, следствие малой скорости и прогретого разреженного воздуха. Как я говорил...

Внезапно под навесом раздался обиженный голос Магуайра:

— Вот вам типичный испытатель. Мы его транслируем, чтобы он расхваливал «Аврору», а он выискивает недостатки в системе управления!

Магуайр рассмеялся, и большинство окружающих подхватили его смех. Гаррод всматривался в небо, пока не появилась «Аврора» — звездочкой, планетой, маленькой луной, обратившейся серебряным дротиком. Высоко задрав нос, самолет на небольшой скорости прошел чуть восточнее аэродрома, на высоте около тысячи футов.

— Сейчас я сделаю еще один левый вираж, а затем пройду над главной посадочной полосой, чтобы показать изуми-

тельную послушность «Авроры» на этом участке траектории полета. — Теперь голос Ренфрю звучал совершенно спокойно, и щемящее чувство напряжения у Гаррода исчезло. Он взглянул на Эстер. Та достала зеркальце и припудривала нос.

Она заметила его взгляд и состроила гримасу.

— Женщина всегда должна быть...

В динамики ворвался тревожный голос Ренфрю.

— Опять эта неповоротливость... Тут что-то не то, Джо. Я захожу...

Раздался громкий щелчок — отключили громкоговорящую систему. Гаррод закрыл глаза и увидел мчащийся навстречу красный спортивный «стилет».

— Не думайте, что на борту неполадки, — уверенно сказал Магуайр. — Уэйн Ренфрю — лучший испытатель страны и достиг этого своей осторожностью. Если хотите увидеть безупречную посадку — смотрите.

«Аврора» прорезала небо в северном секторе аэродрома и стала быстро терять высоту. Толпа под навесом замерла: все стихло. «Аврора» расправила крылья и выпустила шасси, словно опасливо приглядываясь к земле, в характерной манере всех высокоскоростных самолетов в последние секунды полета. Все ближе надвигалась мерцающая белизна посадочной полосы, и Гаррод поймал себя на том, что затаил дыхание.

— Выравнивай, — прошептал кто-то рядом. — Ради Бога, Уэйн, выравнивай!

«Аврора» продолжала спускаться с той же скоростью, ударилась о бетон и неуклюже подпрыгнула в небо. На миг она, казалось, зависла в воздухе, затем одно крыло резко качнулось вниз. Шасси смялось, опять встретившись с бетоном, и самолет завалился на землю, скользя и разворачиваясь. Скрежет металла заглушили выстрелы взрывных болтов, отделяющих фюзеляж от крыльев с их смертоносным грузом топлива. Крылья разлетелись, вставая на дыбы, одно взорвалось фонтаном огня и черного дыма. Фюзеляж еще с полмили скользил вперед, словно копье, брошенное на поверхность замерзшего озера, гася кинетическую энергию в снопах искр раскаленного металла, затем нехотя остановился.

Наступил миг полной тишины.

Все оцепенели.

Над аэродромом завыли сирены, и Гаррод тяжело сполз на сиденье. В глазах у него маячило лицо юноши из красного «стилета» — ошеломленное, обвиняющее.

Гаррод притянул жену к себе.

— Это сделал я, — сказал он безучастным голосом. — Я уничтожил самолет.

ГЛАВА 2

«Компьютерное бюро» Лейграфа занимало несколько маленьких помещений в старом деловом районе Портстона. Гаррод вошел в приемную, приблизился к восседавшей за столом строгой серолицей женщине и протянул ей свою карточку.

— Я бы хотел повидать мистера Лейграфа.

Секретарша виновато улыбнулась.

— Прошу прощения, но у мистера Лейграфа идет совещание, и если вам не назначено...

Гаррод тоже улыбнулся и посмотрел на часы.

— Сейчас ровно одна минута пятого, верно?

— Ммм... Да.

— Значит, Карл Лейграф сейчас один в кабинете и блаженствует над своим первым коктейлем. Пьет он слабенький виски с содовой, набив стакан льдом, и я не прочь составить ему компанию. Пожалуйста, сообщите обо мне.

Женщина поколебалась и включила селектор. Через несколько секунд из внутренней двери с запотевшим бокалом в руке вышел Лейграф — стройный, небрежно одетый, преждевременно полысевший мужчина с серьезными серыми глазами.

— Заходите, Эл. Вы подоспели в самый раз.

— Знаю. — Гаррод вошел в отсвечивающий серебром кабинет, где видное место занимали модели сложных геометрических фигур из проволоки. — Выпить не откажусь.

Моя машина испустила дух в двух кварталах отсюда. Пришлось ее бросить и идти пешком. Вы не разбираетесь в турбодвигателях?

— Нет. Но опишите мне симптомы, и я попробую что-нибудь придумать.

Гаррод покачал головой. Его всегда восхищала готовность Лейграфа заинтересоваться любой темой и принять участие в ее обсуждении.

— Я пришел не ради этого.

— Вот как? Вам водку с тоником?

— Спасибо, только послабее.

Лейграф наполнил бокал и отнес его к столику, где сел Гаррод.

— Все еще беспокоитесь из-за «стилетов»?

Гаррод кивнул и не спеша пригубил.

— У меня есть для вас новые данные.

— А именно?

— Полагаю, вы слышали о катастрофе «Авроры» два дня назад?

— Слышал! Только об этом и трубят! Жена купила в прошлом году по моему совету новый выпуск акций ЮЭК и теперь... — Лейграф поднес бокал к губам. — Какие данные?

— На «Авроре» стоял термогард.

— Я знаю о вашем контракте, Эл, но самолет наверняка летал не один месяц.

— Да, однако не с моими стеклами. Программу испытательных полетов на малых скоростях гнали с обычными. — Гаррод заглянул в бокал: от дробленого льда спускались крохотные струйки холодной жидкости. — Во вторник «Аврора» первый раз полетела с термогардом.

— Совпадение! — фыркнул Лейграф. — Зачем вы себя мучаете?

— Это вы пришли ко мне, Карл. Помните?

— Но сам же предупредил, что это дикая флуктуация чисел. При анализе такого сложного комплекса, как движение городского транспорта, непременно столкнешься с самыми невероятными статистическими причудами...

— По пути на аэродром в нас с Эстер едва не врезался «стилет», делавший левый поворот.

— Вы портите мне лучшее время дня! — в сердцах воскликнул Лейграф, отодвигая бокал. — Отвлекитесь на минуту. Ну как новый тип ветрового стекла способен вызывать аварии? Бога ради, Эл, разве это возможно?

Гаррод пожал плечами.

— Я вырастил необычный вид кристалла, прочнее любого известного стекла. Он даже прозрачным не должен был быть, потому что отражает энергию практически на всех длинах волн, кроме видимого спектра. Так я запатентовал лучший в мире материал для ветровых стекол... Но, положим, он пропускает какое-то иное излучение? Даже усиливает или фокусирует? Неизвестное нам?

— Излучение, которое превращает хороших пилотов и водителей в плохих? — Лейграф схватил бокал и осушил его одним глотком. — А волосы по всему лицу от него не отрастают? Или вот такие зубы? — Он поднес ко рту кулак и растопырил пальцы.

Гаррод рассмеялся.

— Я и сам понимаю, что это звучит дико. Но попробуем взглянуть с другой стороны. Мне доводилось читать о дороге во Франции, где происходили частые аварии. Никто не понимал почему — прямое широкое шоссе, окаймленное тополями. Потом выяснилось, что деревья располагались на таком расстоянии друг от друга, что при движении с максимальной разрешенной скоростью солнце било в глаза водителя с частотой десять раз в секунду.

— При чем тут... — недоуменно начал Лейграф. — Ага, кажется, понял. Альфа-ритм мозга. Гипноз.

— Да. А эпилепсия? Вы знаете, что эпилептику нельзя смотреть телевизор, у которого медленно плывет картинка?

Лейграф покачал головой.

— Совсем разные явления, Эл.

— Не уверен. Что, если термогард генерирует? Производит некий пульсирующий эффект?

— Это не объясняет значения поворотов. Анализ аварий со «стилетами», проведенный моей компанией, показывает, что практически все они происходили во время левых поворотов. Мое мнение — виновато рулевое управление.

— Нет, — твердо сказал Гаррод. — Это уже доказано.

— Разумеется, в момент катастрофы «Аврора» поворачивала... — Серые глаза Лейграфа слегка расширились. — Ведь можно сказать, что при посадке самолет поворачивает в вертикальной плоскости?

— Да. Это называется выравниванием. Только Ренфрю не успел выровнять. Он практически вогнал самолет прямо в землю.

Лейграф вскочил на ноги.

— Он повернул слишком поздно! И в том же беда водителей «стилетов». Они недооценивают время, которое требуется для пересечения противоположной полосы движения. Вот оно, Эл.

Сердце Гаррода тяжело осело.

— Что — оно?

— Общий фактор.

— Но куда он нас приводит?

— Никуда. Подтверждает ваши новые сведения, только и всего. Но я начинаю склоняться к мысли, что термогард действительно как-то влияет на пропускаемый свет... Предположим, изменяет длину волны обычного света и делает его опасным. Больной водитель или пилот...

Гаррод покачал головой.

— В таком случае менялся бы видимый через стекло цвет. К ветровым стеклам предъявляют много разных требований...

— Но что-то же замедляет реакцию водителей! — сказал Лейграф. — Послушайте, Эл, мы имеем дело с двумя факторами. Сам свет — фактор неизменный и человеческий...

— Стоп! Не говорите ничего! — Гарроду показалось, что пол под ним угрожающе накренился, и он стиснул подлокотники кресла. По лбу, по щекам пробежали холодные мурашки. И столь глубока была пропасть между логикой и пришедшей ему в голову мыслью, что он даже не смог сразу облечь ее в слова.

Через два часа, после мучительной поездки в бурлящем потоке транспорта, двое мужчин вошли в здание кремового цвета — исследовательский и административный центр компании «Гаррод транспэренсис». Стоял изумительный

октябрьский вечер, теплый нежный воздух навевал тоску по прошлому. С автостоянки виднелся теннисный корт, окруженный деревьями, где белые фигурки доигрывали, быть может, последнюю партию сезона.

— Вот чем мне следовало бы заниматься, — горько посетовал Лейграф, подойдя к главному входу. — Ну объясните наконец, зачем вы меня сюда притащили?

— Потерпите. — Гаррод словно со стороны чувствовал свою осторожность, осторожность человека, не уверенного в твердости почвы под ногами. — Боюсь каким-то образом заранее вас настроить. Я кое-что вам покажу, а вы мне скажете, что это значит.

Они вошли в здание и поднялись на лифте на третий этаж, где находился кабинет Гаррода. Помещения казались вымершими, но в коридоре их встретил коренастый мужчина с отвертками вместо авторучек в нагрудном кармане.

— Привет, Винс, — сказал Гаррод. — Вам передали мою просьбу?

Винс кивнул.

— Да, но я ничего не понял. Вам в самом деле нужна подставка с двумя лампами? И ротационный переключатель?

— Именно. — Гаррод хлопнул Винса по плечу, словно извиняясь за тайну, и вошел в кабинет, где рядом с большим неприбранным столом стоял кульман.

Лейграф указал на доску, занимавшую целиком одну стену.

— Вы действительно ею пользуетесь? Я думал, что их можно увидеть только в старых фильмах Уильяма Холдена.

— Мне так легче сосредоточиться. Когда задача на доске, я могу работать, что бы ни творилось вокруг.

Гаррод говорил медленно, рассматривая импровизированное оборудование на столе. На маленькой фанерной подставке были установлены две лампы и ротационный переключатель с регулировкой скорости, соединенные изолированным проводом. «Наступит день, — безучастно подумал Гаррод, — когда лучшие научные музеи мира будут драться за эту кустарщину». Он включил схему в сеть, лампы замигали, после чего он отрегулировал переключатель таким образом, что секунду лампы горели, секунду гасли.

— Как на Таймс-сквер, — насмешливо фыркнул Лейграф.

Гаррод взял его за руку и подвел к столу.

— Посмотрите внимательно: две лампы и переключатель, включенные последовательно.

— У нас в Калифорнийском технологическом в компьютерном курсе такого не было. Но суть, кажется, я улавливаю. Полагаю, мой мозг в состоянии постичь представленное хитросплетение передовой техники.

— Я просто хотел убедиться, что вы понимаете...

— Ради Бога, Эл! — Терпение Лейграфа начало истощаться. — Что тут понимать?!

— Смотрите. — Гаррод открыл шкафчик и достал кусок на вид обычного, хотя и довольно толстого стекла. — Термогард.

Гаррод поднес его к столу со схемой и поставил вертикально — перед одной из ламп.

— Ну, как там себя ведут лампы? — не глядя, спросил он.

— А как они могут себя вести, Эл? Вы ничего... О Боже!

— Вот именно.

Гаррод наклонился и посмотрел на лампочки сбоку, примерно под тем же углом зрения, что и Лейграф. Лампочка за стеклом все так же вспыхивала с интервалом в одну секунду, но несинхронно с другой. Гаррод убрал стекло, и лампы стали вспыхивать одновременно. Снова поставил — появился разнобой.

— Я бы не поверил, — произнес Лейграф.

Гаррод кивнул.

— Помните, я говорил, что термогард не должен был быть прозрачным? Очевидно, свет проходит сквозь него с трудом — с таким трудом, что на сантиметр пути требуется чуть ли не секунда. Вот почему у водителей «стилетов» столько аварий, вот почему пилот практически вогнал «Аврору» в землю. Они сбились с шага времени, Карл. Они видели мир таким, каким он был секунду назад!

— Но почему же эффект особенно проявляется при поворотах?

— Он сказывается и в иных обстоятельствах, вызывая неправильную оценку дистанции и, вероятно, слабые столк-

новения машин, едущих в одном направлении. Но в этих случаях относительная скорость мала, оттого и повреждения незначительны. Только когда водитель пересекает полосу встречного движения — а просто удивительно, как тонко мы чувствуем доли секунды при таких поворотах, Карл, — относительная скорость достаточно высока, и в результате — авария.

— А повороты направо?

— Их обычно делают медленнее, да и перекресток не летит навстречу со скоростью шестьдесят миль в час. Кроме того, водитель посматривает и в боковое стекло, и машинально компенсирует погрешность. А при пересечении встречной полосы его внимание целиком сосредоточено на приближающихся машинах — через ветровое стекло, — и он получает ложную информацию.

Лейграф потер подбородок.

— Вероятно, все это относится и к авиации?

— Да. В полете по прямой задержка сказываться не будет — и не забудьте, что «Аврора» находилась на небе одна, — но поворот усиливает проявление эффекта.

— Каким образом?

— Простая тригонометрия. Если за сто миль до горного пика пилот изменит курс хотя бы на два градуса, то пик останется в стороне на расстоянии... Ну, Карл, вы же математик.

— Э... Трех или четырех миль.

— Таким образом, пилот может очень точно судить о степени маневренности самолета. И разумеется, при посадке, всего в нескольких футах от земли и все еще на скорости двести миль в час...

Лейграф задумался.

— Знаете, если удастся усилить эффект, у вас в руках окажется нечто фантастическое.

— Как раз это я и собираюсь выяснить, — ответил Гаррод.

— И этим ты занимался все последние недели? — Эстер с недоверием смотрела на прозрачную прямоугольную пластинку, закрывавшую правую руку мужа. — Обыкновенное стекло.

— Так только кажется... — Гаррод испытывал детское удовольствие, оттягивая момент торжества. — Это... Медленное стекло.

Он пытался прочесть выражение ее холодного, словно из камня высеченного лица, отказываясь признавать в нем неприязнь.

— Медленное стекло... Хотела бы я понять, что с тобой случилось, Элбан. По телефону ты заявил, что принесешь кусок стекла в два миллиона миль толщиной.

— Он и есть в два миллиона миль толщиной — по крайней мере для луча света. — Гаррод понимал, что выбрал неверный подход, но понятия не имел, как исправить положение. — Иными словами, толщина этого куска стекла почти одиннадцать световых секунд.

Губы Эстер беззвучно задвигались. Она отвернулась к окну, за которым будто факел горело в закатном сиянии солнца одинокое буковое дерево.

— Смотри, Эстер, — напряженно проговорил Гаррод. Он перехватил пластинку стекла левой рукой и быстро отвел правую. Эстер проследила за движением и вскрикнула, увидев еще одну руку за стеклом.

— Прости, — виновато произнес Гаррод. — Глупый поступок. Я забыл, каково это увидеть в первый раз.

Эстер не сводила глаз со стекла, пока рука, живущая своей жизнью, не исчезла, скользнув вбок.

— Что ты сделал?

— Ничего, дорогая. Просто держал руку за стеклом, пока не возникло ее изображение, то есть пока отраженный свет не прошел сквозь стекло. Это особый вид стекла, свет идет сквозь него одиннадцать секунд, так что изображение было видно еще одиннадцать секунд после того, как я убрал руку. Здесь нет ничего сверхъестественного.

Эстер покачала головой.

— Мне это не нравится.

Гаррод почувствовал, как в нем зарождается отчаяние.

— Эстер, ты будешь первой в истории человечества женщиной, увидевшей свое лицо таким, какое оно на самом деле. Посмотри в стекло.

Он поднес к ней прямоугольную прозрачную пластинку.

— Что за глупость... Я пользуюсь зеркалом...

— Это не глупость — смотри. Ни одна женщина не видела по-настоящему своего лица, потому что зеркало меняет стороны местами. Если у тебя родинка на левой щеке, то у отражения в зеркале родника на правой щеке. Но медленное стекло...

Гаррод повернул пластинку, и Эстер увидела свое лицо. Изображение, беззвучно шевеля губами, держалось одиннадцать секунд, пока свет проходил сквозь кристаллическую структуру материала, — и исчезло. Гаррод молча ждал.

Эстер усмехнулась.

— Это должно меня поразить?

— Честно говоря — да.

— Увы, мне жаль, Элбан...

Она отошла к окну и устремила взгляд на расстилающуюся за ним зелень. Глядя на ее силуэт, Гаррод видел, как беспомощно повисли ее чуть согнутые в локтях руки. Из антропологии он помнил, что такое положение рук естественно для женщин. Но в его воображении фигурка Эстер казалась напряженной, готовой насаждать свою волю. Гаррод почувствовал, как внутри разгорается холодное пламя ярости.

— Тебе жаль, — резко повторил он. — Что ж, мне тоже жаль. Жаль, что ты не в состоянии понять значения этого материала для нас и для всего остального мира.

Эстер повернулась к нему лицом.

— Я не хотела говорить об этом сейчас, когда мы оба устали, но раз уж ты начал...

— Продолжай.

— Маусон, из финансового отдела, сказал мне на прошлой неделе, что ты намерен истратить больше миллиона на исследования своего... медленного стекла. — Она печально улыбнулась. — Тебе, разумеется, ясно, что об этом даже думать нелепо.

— Не понимаю почему.

— Не понимаю почему... — презрительно повторила Эстер. — Такие деньги на детские забавы?!

— Мне в самом деле жаль тебя, Эстер.

— Не жалей. — Ее голос набрал силу. Она приготовилась выложить на стол козырную карту, которую за два

года супружества часто держала в руках, но ни разу не пускала в ход. — Боюсь, что я просто не могу позволить тебе такое беззаботное отношение к деньгам отца.

Гаррод глубоко вздохнул. Он давно страшился этого момента, но теперь, перед тем как разыграть маленькую сценку, чувствовал лишь странный подъем.

— Ты не беседовала с Маусоном в последние два дня?

— Нет.

— Я делаю ему выговор от твоего имени — из него плохой шпион.

Эстер кинула на мужа настороженный взгляд.

— О чем ты?

— Маусон обязан был донести тебе, что на этой неделе я продал несколько второстепенных патентов на термогард. Это делалось втайне, разумеется, но ему следовало пронюхать.

— Всего лишь? Послушай, Элбан, то, что ты наконец сумел заработать несколько долларов, вовсе не означает...

— Пять миллионов, — приятно улыбаясь, сказал Гаррод.

— Что? — Лицо Эстер побелело.

— Пять миллионов. Сегодня утром я расплатился с твоим отцом. — Эстер открыла рот, и каким-то уголком сознания Гаррод отметил, что это выражение предельного, откровенного изумления делало ее куда красивее, чем при любых других обстоятельствах на его памяти. — Он был поражен не меньше тебя.

— Неудивительно. — Эстер, всегда быстро ориентирующаяся, немедленно изменила тактику. — Я не понимаю, как ты ухитрился выжать пять миллионов из материала для ветровых стекол, который не годится для ветровых стекол, но так или иначе трамплином тебе послужили деньги отца. Не забывай, он ссудил тебя без обеспечения, под минимальный процент. Порядочный человек дал бы ему возможность...

— Войти в дело? Извини, Эстер, термогард принадлежит мне. Только мне.

— Ты ничего не добьешься, — пообещала она. — Ты потеряешь все до последнего гроша.

— Полагаешь?

Гаррод приблизился к окну, поднял прозрачную пластинку, а затем быстро отошел в самый темный угол комна-

ты. Когда он повернулся лицом к жене, Эстер сделала шаг назад и прикрыла глаза. Ослепительное в красно-золотом великолепии, в руке Гаррода сияло заходящее солнце.

ОТСВЕТ ПЕРВЫЙ
СВЕТ БЫЛОГО*

Деревня осталась позади, и вскоре крутые петли шоссе привели нас в край медленного стекла.

Мне ни разу не приходилось бывать на таких фермах, и вначале они показались мне жутковатыми, а воображение и обстоятельства еще усиливали это впечатление. Турбодвигатель нашей машины работал ровно и бесшумно, не нарушая безмолвия сыроватого воздуха, и мы неслись по серпантину шоссе среди сверхъестественной тишины. Справа, по горным склонам, обрамлявшим удивительно красивую долину, в темной зелени могучих сосен, вбирая свет, стояли огромные рамы с листами медленного стекла. Лучи вечернего солнца порою вспыхивали на растяжках, и казалось, будто там кто-то ходит.

Но на самом деле вокруг было полное безлюдье. Ряды этих окон годами стояли на склонах над долиной, и люди приходили протирать их только изредка в глухие часы ночи, когда ненасытное стекло не могло запечатлеть их присутствия.

Зрелище было завораживающее, но ни я, ни Селина ничего о нем не сказали. Мне кажется, мы ненавидели друг друга с таким неистовством, что не хотелось портить новые впечатления, бросая их в водоворот наших эмоций. Я все острее ощущал, что мы напрасно затеяли эту поездку. Прежде я полагал, что нам достаточно будет немного отдохнуть, и все встанет на свое место. И вот мы отправились путешествовать. Но ведь в положении Селины это

* © Перевод. И. Гурова.

ничего не меняло, и (что было еще хуже) беременность продолжала нервировать ее. Пытаясь найти оправдание тому, что ее состояние так вывело нас из равновесия, мы говорили все, что обычно говорят в таких случаях: нам, конечно, очень хочется иметь детей, но только позже, в более подходящее время. Ведь Селина из-за этого должна была оставить хорошо оплачиваемую работу, а вместе с ее заработком мы лишались и нового дома, который совсем было собрались купить, — приобрести его на то, что я получал за свои стихи, было, разумеется, невозможно. Однако в действительности наше раздражение объяснялось тем, что нам против воли пришлось осознать следующую неприятную истину: тот, кто говорит, что хочет иметь детей, но только позже, на самом деле совсем не хочет ими обзаводиться — ни теперь, ни после. И нас бесило сознание, что мы попали в извечную биологическую ловушку, хотя всегда считали себя особенно неповторимыми.

Шоссе продолжало петлять по южным склонам Бенкрейчена, и время от времени впереди на мгновение открывались далекие серые просторы Атлантического океана. Я притормозил, чтобы спокойно полюбоваться этой картиной, и тут увидел прибитую к столбу доску. Надпись на ней гласила: «Медленное стекло. Качество высокое, цены низкие. Дж. Р. Хейген». Подчинившись внезапному побуждению, я остановил машину у обочины. Жесткие стебли травы царапнули по дверце, и я сердито поморщился.

— Почему ты остановился? — спросила Селина, удивленно повернув ко мне лицо, обрамленное платиновыми волосами.

— Погляди на это объявление. Давай сходим туда и посмотрим. Вряд ли в такой глуши за стекло просят слишком дорого.

Селина возразила насмешливо и зло, но меня так захватила эта мысль, что я не стал слушать. У меня было нелепое ощущение, что нам нужно сделать что-то безрассудное и неожиданное. И тогда все утрясется само собой.

— Пошли, — сказал я. — Нам полезно размять ноги. Мы слишком долго сидели в машине.

Селина так пожала плечами, что у меня на душе сразу стало скверно, и вышла из машины. Мы начали подни-

маться по крутой тропе, по вырезанным в склоне ступенькам, которые были укреплены колышками. Некоторое время тропа вилась между деревьями, а потом мы увидели одноэтажный каменный домик. Позади него стояли высокие рамы с медленным стеклом, повернутые к великолепному отрогу, отражающемуся в водах Лох-Линна. Почти все стекла были абсолютно прозрачны, но некоторые казались панелями отполированного черного дерева.

Когда мы вошли в аккуратно вымощенный двор, нам помахал рукой высокий пожилой мужчина в сером комбинезоне. Он сидел на низкой изгороди, курил трубку и смотрел на дом. Там у окна стояла молодая женщина в оранжевом платье, держа на руках маленького мальчика. Но она тут же равнодушно повернулась и скрылась в глубине комнаты.

— Мистер Хейген? — спросил я, когда мужчина слез с изгороди.

— Он самый. Интересуетесь стеклом? Тогда лучше места вам не найти. — Хейген говорил деловито, с интонациями и легким акцентом шотландского горца. У него было невозмутимо унылое лицо, какие часто встречаются у пожилых землекопов и философов.

— Да, — сказал я. — Мы путешествуем и прочли ваше объявление.

Селина, хотя обычно она легко заговаривает с незнакомыми людьми, ничего не сказала. Она смотрела на окно, теперь пустое, с легким недоумением — во всяком случае, так мне показалось.

— Вы ведь из Лондона? Ну, как я сказал, лучшего места вы выбрать не могли, да и времени тоже. Сезон еще не начался, и нас с женой в это время года мало кто навещает.

Я рассмеялся.

— То есть мы сможем купить небольшое стекло, не заложив последнюю рубашку?

— Ну вот! — сказал Хейген с виноватой улыбкой. — Опять я сам все испортил! Роза, то есть моя жена, говорит, что я никогда не научусь торговать. Но все-таки садитесь и потолкуем. — Он указал на изгородь, а потом с сомнением поглядел на отглаженную юбку Селины и добавил: — Погодите, я сейчас принесу коврик.

Хейген, прихрамывая, вошел в дом и закрыл за собой дверь.

— Может быть, нам незачем было забираться сюда, — шепнул я Селине, — но ты все-таки могла бы держаться с ним полюбезнее. По-моему, мы можем рассчитывать на выгодную покупку.

— Держи карман шире, — ответила она с нарочитой вульгарностью. — Даже ты мог бы заметить, в каком доисторическом платье расхаживает его жена. Он не станет благодетельствовать незнакомых людей.

— А это была его жена?

— Конечно, это была его жена.

— Ну-ну, — сказал я с удивлением. — Только ты все равно постарайся быть вежливой. Не ставь меня в глупое положение.

Селина презрительно фыркнула. Но когда Хейген вышел из дома, она очаровательно улыбнулась, и меня немного отпустило. Странная вещь — мужчина может любить женщину и в то же время от души желать, чтобы она попала под поезд.

Хейген расстелил плед на изгороди, и мы сели, чувствуя себя несколько неловко в этой классической сельской позе.

Далеко внизу, за рамами с бессонным медленным стеклом, неторопливый пароходик чертил белую полосу по зеркалу озера.

Буйный горный воздух словно сам рвался в наши легкие, перенасыщая их кислородом.

— Кое-кто из тех, кто растит здесь стекло, — начал Хейген, — расписывает приезжим вроде вас, до чего красива осень в этой части Аргайла. Или там весна, или зима. А я обхожусь без этого — ведь любой дурак знает, что место, которое летом некрасиво, никогда не бывает красивым. Как по-вашему?

Я послушно кивнул.

— Вы просто хорошенько поглядите на озеро, мистер...

— Гарленд.

— ...Гарленд. Вот что вы купите, если вы купите мое стекло. И красивее, чем сейчас, оно не бывает. Стекло в

полной фазе, толщина не меньше десяти лет, и полуметровое окно обойдется вам в двести фунтов.

— Двести фунтов! — Селина была возмущена. — Даже в магазине пейзажных окон на Бонд-стрит стекла не стоят так дорого.

Хейген улыбнулся терпеливой улыбкой, а затем внимательно посмотрел на меня, проверяя, достаточно ли я разбираюсь в медленном стекле, чтобы в полной мере оценить его слова. Сумма, которую он назвал, была гораздо больше, чем я ожидал, но ведь речь шла о десятилетнем стекле! Дешевое стекло в магазинчиках вроде «Панорамплекса» или «Стекландшафта» — это самое обычное полуторасантиметровое стекло с накладной пластинкой медленного стекла, которой хватает на год, а то и всего на десять месяцев.

— Ты не поняла, дорогая, — сказал я, уже твердо решив купить. — Это стекло сохранится десять лет, и оно в полной фазе.

— Но ведь «в фазе» значит только, что оно соответствует данному времени?

Хейген снова улыбнулся ей, понимая, что меня ему убеждать больше незачем.

— Только! Простите, миссис Гарленд, но вы, по-видимому, не отдаете себе отчета, какая чудесная, в буквальном смысле слова чудесная, точность нужна для создания стекла в полной фазе. Когда я говорю, что стекло имеет толщину в десять лет, это означает, что свету требуется десять лет, чтобы пройти сквозь него. Другими словами, каждое из этих стекол имеет толщину в десять световых лет, а это вдвое больше расстояния до ближайшей звезды. Вот почему отклонение в реальной толщине на одну миллионную долю сантиметра приводит...

Он вдруг замолчал, глядя в сторону дома. Я отвернулся от озера и снова увидел в окне молодую женщину. В глазах Хейгена я заметил жадную тоску, которая смутила меня и одновременно убедила, что Селина ошиблась. Насколько мне известно, мужья никогда так не смотрят на жен — во всяком случае, на своих собственных.

Молодая женщина оставалась у окна лишь несколько секунд, а затем теплое оранжевое пятно исчезло в глубине

комнаты. Внезапно у меня, не знаю почему, возникло совершенно четкое ощущение, что она слепа. По-видимому, мы с Селиной случайно стали свидетелями эмоциональной ситуации, столь же напряженной, как наша собственная.

— Извините, — сказал Хейген, — мне показалось, что Роза меня зовет. Так на чем я остановился, миссис Гарленд? Десять световых лет, сжатые в половину сантиметра, неминуемо...

Я перестал слушать, отчасти потому, что твердо решил купить стекло, а отчасти потому, что уже много раз слышал объяснения свойств медленного стекла — и все равно никак не мог понять принципа. Один знакомый физик както посоветовал мне для наглядности представить себе лист медленного стекла как голограмму, которой для воссоздания визуальной информации не требуется лазерного луча и в которой каждый фотон обычного света проходит сквозь спиральную трубку, лежащую вне радиуса захвата любого из атомов стекла. Эта, на мой взгляд, жемчужина неудобопонимаемости не только ничего мне не объяснила, но еще сильнее убедила в том, что человеку, столь мало склонному к технике, как я, следует интересоваться не причинами, а лишь результатами.

Наиболее же важный результат, на взгляд среднего человека, заключался в том, что свету, чтобы пройти сквозь лист медленного стекла, требовался большой срок. Новые листы были всегда угольно-черными, потому что ни единый луч света еще не прошел сквозь них. Но когда такое стекло ставили, например, возле лесного озера, это озеро в нем появлялось. И если затем стекло вставлялось в окно городской квартиры где-нибудь в промышленном районе, то в течение года из этого окна словно открывался вид на лесное озеро. И это была не просто реалистичная, но неподвижная картина — нет, по воде, блестя на солнце, бежала рябь, животные бесшумно приходили на водопой, по небу пролетали птицы, ночь сменяла день, одно время года сменяло другое. А через год красота, задержанная в субатомных каналах, исчерпывалась, и в раме возникала знакомая серая улица.

Коммерческий успех медленного стекла объяснялся не только его новизной, но и тем, что оно создавало полную эмоциональную иллюзию, будто все это принадлежит тебе. Ведь владелец ухоженных садов и вековых парков не занимается тем, что ползает по своей земле, щупая и нюхая ее. Он воспринимает землю как определенное сочетание световых лучей. С изобретением медленного стекла появилась возможность переносить эти сочетания в угольные шахты, подводные лодки, тюремные камеры.

Несколько раз я пытался выразить в стихах свое восприятие этого волшебного кристалла, но для меня эта тема исполнена такой глубочайшей поэзии, что, как ни парадоксально, воплотить ее в стихи невозможно. Во всяком случае, мне это не по силам. К тому же все лучшие песни и стихотворения об этом уже написаны людьми, которые умерли задолго до изобретения медленного стекла. Например, ведь не мог же я превзойти Мура с его:

Когда, не зная сна, лежу
В плену безмолвия ночного,
Я счастье давнее бужу,
И мне сияет свет былого.

Потребовалось всего несколько лет, чтобы медленное стекло из технической диковинки превратилось в товар широкого потребления. И к большому удивлению поэтов — то есть тех из нас, кто верит, что красота живет, хоть розы увядают, — став товаром, медленное стекло приобрело все свойства товара. Появились хорошие стекландшафты, которые стоили очень дорого, и стекландшафты похуже, которые стоили много дешевле. Цена в первую очередь определялась толщиной, измеряемой годами, но значительную роль при ее установлении играла и реальная толщина, или фаза. Даже самое сложное и новейшее оборудование не могло обеспечить постоянного достижения точно заданной толщины. Грубое расхождение означало, что лист стекла, рассчитанный на пятилетнюю толщину, на самом деле получал толщину в пять лет с половиной, так что свет, попадавший в стекло летом, покидал его зимой. Не столь грубая ошибка могла привести к тому, что полуденное сол-

нечное сияние загоралось в стекле в полночь. В таких несоответствиях была своя прелесть. Многим из тех, кто работает по ночам, например, нравилось существовать в своем собственном времени, но, как правило, стекландшафты, которые точнее соответствовали реальному времени, стоили дороже.

Хейген замолчал, так и не убедив Селину. Она чуть заметно покачала головой, и я понял, что он не нашел к ней правильного подхода. Внезапно платиновый шлем ее волос всколыхнулся от удара холодного ветра, и с почти безоблачного неба на нас обрушились крупные прозрачные капли дождя.

— Я оставлю вам чек, — сказал я резко, и зеленые глаза Селины сердито сфокусировались на моем лице. — Вы сможете переслать стекло мне?

— Переслать-то нетрудно, — сказал Хейген, соскользнув с изгороди. — Но, может, вам будет приятнее взять его с собой?

— Да, конечно, если это не доставит вам хлопот. — Я был пристыжен его безоговорочной готовностью принять мой чек.

— Я пойду выну для вас лист. Подождите здесь. Я сейчас, вот только вставлю его в раму для перевозки.

Хейген зашагал вниз по склону к цепочке окон — в некоторых из них виднелось озеро, залитое солнцем, в других над озером клубился туман, а два-три были совершенно черными.

Селина стянула у горла воротник блузки.

— Он мог хотя бы пригласить нас в дом! Уж если к нему завернул идиот, он мог быть и полюбезнее.

Я пропустил эту шпильку мимо ушей и начал заполнять чек. Огромная капля упала мне на палец, и брызги разлетелись по розовой бумаге.

— Ну ладно, — сказал я. — Постоим на крыльце, пока он не вернется.

«Крыса, — думал я, чувствуя, что все получилось совсем не так. — Да, конечно, я был идиотом, раз женился на тебе... Призовым идиотом, идиотом из идиотов... А теперь, когда ты носишь в себе частицу меня, мне уже никогда, никогда, никогда не вырваться».

Чувствуя, как внутри меня все сжимается, я бежал рядом с Селиной к домику. Чистенькая комнатка за окном, где топился камин, была пуста, но на полу валялись в беспорядке детские игрушки. Кубики с буквами и маленькая тачка цвета очищенной моркови. Пока я смотрел, в комнату вбежал мальчик и принялся ногами расшвыривать кубики. Нас он не заметил. Несколько секунд спустя в комнату вошла молодая женщина и подхватила мальчика на руки, весело смеясь. Она, как и раньше, подошла к окну. Я смущенно улыбнулся, но ни она, ни мальчик не ответили на мою улыбку.

У меня по коже пробежали мурашки. Неужели они оба слепы? Я тихонько попятился.

Селина вскрикнула. Я обернулся к ней.

— Коврик! — сказала она. — Он намокнет.

Перебежав двор под дождем, она сдернула с изгороди рыжеватый плед и побежала назад, прямо к двери дома. Что-то конвульсивно всколыхнулось у меня в подсознании.

— Селина! — закричал я. — Не входи туда!

Но я опоздал. Она распахнула деревянную дверь, заглянула внутрь и остановилась, прижав ладонь ко рту. Я подошел к ней и взял плед из ее безвольно разжавшихся пальцев.

Закрывая дверь, я обвел взглядом внутренность домика. Чистенькая комната, в которой я только что видел женщину с ребенком, была заставлена колченогой мебелью, завалена старыми газетами, рваной одеждой, грязной посудой. В комнате стояла сырая вонь, и в ней никого не было. Единственный предмет, который я узнал, была маленькая тачка — сломанная, с облупившейся краской.

Я закрыл дверь на щеколду и приказал себе забыть то, что я видел. Некоторые мужчины содержат дом в порядке и когда живут одни. Другие этого не умеют.

Лицо Селины было белым как полотно.

— Я не понимаю... Не понимаю...

— Медленное стекло, но двустороннее, — сказал я мягко. — Свет проходит через него и в дом, и из дома.

— Ты думаешь?..

— Не знаю. Нас это не касается. А теперь возьми себя в руки. Вон идет Хейген со стеклом. — Судорога ненависти, сжимавшая мои внутренности, вдруг исчезла.

Хейген вошел во двор, держа под мышкой прямоугольную раму, запакованную в клеенку. Я протянул ему чек, но он глядел на Селину. Он, по-видимому, сразу понял, что наши бесчувственные пальцы рылись в его душе. Селина отвела взгляд. Она стала вдруг старой и некрасивой и упрямо всматривалась в горизонт.

— Позвольте взять у вас коврик, мистер Гарленд, — сказал наконец Хейген. — Вы напрасно затруднялись.

— Ничего. Вот чек.

— Благодарю вас. — Он все еще смотрел на Селину со странным выражением мольбы. — Спасибо за покупку.

— Спасибо вам, — ответил я такой же стереотипной фразой.

Я взял тяжелую раму и повел Селину к тропе, по которой нам предстояло спуститься на шоссе. Когда мы добрались до первой смоченной дождем и скользкой ступеньки, Хейген окликнул меня:

— Мистер Гарленд!

Я неохотно оглянулся.

— Я ни в чем не виноват, — сказал он ровным голосом. — Их обоих сшиб грузовик на шоссе шесть лет назад. Шофер был пьян. Моему сыну только исполнилось семь. Я имею право сохранить что-то.

Я молча кивнул и начал спускаться по лестнице, крепко обнимая жену, радуясь ощущению ее руки у меня на плече. Перед поворотом я оглянулся и за струями дождя заметил, что Хейген, ссутулившись, сидит на изгороди там, где мы увидели его, когда вошли во двор.

Он смотрел в сторону дома, но я не мог различить, виднеется ли кто-нибудь в окне.

ГЛАВА 3

В день одиннадцатой годовщины свадьбы Гарроду предстояла важная встреча в Пентагоне. Чтобы успеть отдох-

нуть, он решил вылететь в Вашингтон накануне вечером. Эстер стала выговаривать ему за пренебрежительное отношение к гостям, приглашенным на ужин, но Гаррод был готов к возражениям и легко отговорился. Его личный самолет вылетел из Портстона в 19.00, через несколько минут перешел звуковой барьер и на высоте десяти миль начал полуторачасовой полет на восток.

Этот стремительный, словно на ракете, подъем на крейсерскую высоту никогда не оставлял Гаррода безучастным. Он подсчитал, что если кто-то, летя над аэродромом, бросит с высоты пятидесяти тысяч футов камень, то самолет Гаррода, в тот же миг поднявшись в воздух, настигнет его прежде, чем камень упадет на землю. Гаррод отстегнул ремень, кинул взгляд в иллюминатор из освидетельствованного термогарда с нулевой задержкой на залитое солнцем царство облаков далеко внизу и задумался об Эстер. Девять лет прошло с тех пор, как их роли поменялись. Из неудачливого инженера-химика, чье предприятие давно бы прогорело без денег тестя, он вдруг превратился в миллиардера, который мог купить на корню все семейство Ливингстонов. Эти годы принесли ему огромное удовлетворение практически во всех отношениях, и все же — невероятно! — Гаррод с тоской вспоминал раннюю пору супружества.

На их отношения серьезный отпечаток накладывала потребность Эстер относиться к мужу как к личной собственности, что в то время соответствовало действительности. Эта жесткая прочная связь каким-то странным образом компенсировала неспособность Гаррода испытывать подлинную любовь или ревность — то, чего требовала от него Эстер. Теперь, разумеется, она уже ничего не требовала. Казалось, глубоко захороненная неуверенность не позволяла ей устанавливать отношения на равных. Лишь чувствуя себя хозяйкой положения, располагая неоспоримым преимуществом, могла она совладать с любой неожиданностью. С тех пор как Гаррод обрел финансовую независимость, они с Эстер словно образовали двойную звезду — были связаны друг с другом, оказывали взаимное влияние, но никогда не сходились. Гаррод подумывал о разводе, однако ни недостатки нынешнего брака, ни прелести

нового не были достаточно сильны, чтобы толкнуть его к решительным действиям.

Как всегда, попытка всерьез поразмыслить о своей эмоциональной жизни — вернее, об ее отсутствии — вызвала раздражение и усталость. Гаррод открыл портфель, чтобы подготовиться к утренней встрече, и замер в нерешительности, увидев на папках яркие красные пометки:

«СЕКРЕТНО! ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО В РАЗРЕШЕННЫХ УСЛОВИЯХ — ПРИ НУЛЕВОЙ ОСВЕЩЕННОСТИ ИЛИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОЙ НАКИДКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ТИПА 183».

Гаррод заколебался. Его накидка, аккуратно сложенная, покоилась в надлежащем отделении портфеля, но сама мысль о необходимости закреплять на голове поддерживающий каркас с крохотной лампочкой была ему неприятна. Он оглядел салон самолета, прикидывая, можно ли работать открыто, и тут же спохватился — разве найти крошку-соглядатая? Медленное стекло — теперь официально именуемое «ретардит» — полностью вытеснило камеры из всех видов шпионской деятельности. Агенту внедряли в кожу микростерженек, а потом выдавленная словно угорь стеклянная пылинка показывала под увеличением все, что «видела». Кто угодно, даже личный пилот Гаррода, мог воткнуть в обивку салона иголку медленного стекла, и обнаружить ее было невозможно. Гаррод закрыл портфель и решил отдохнуть.

— Я немного вздремну, Лу, — сказал он в селектор. — Разбудите меня минут за пятнадцать до посадки, хорошо?

— Да, мистер Гаррод.

Гаррод опустил спинку сиденья и закрыл глаза, вовсе не надеясь заснуть, но очнулся, лишь когда голос пилота объявил о прибытии. Он прошел в туалет и освежился, глядя в зеркало на худое и угрюмое лицо. Привычка мыть лицо и руки перед встречей с людьми родилась в детстве, воспитанная весьма своеобразными, мягко говоря, тетушкой и дядей.

Болезненная мелочная скупость дяди Люка, безусловно, оставила свой след на Гарроде, но в целом он находился под влиянием тетушки Мардж. Пожилая школьная учительница

испытывала патологический страх перед грязью и микробами. Если она роняла карандаш, то больше уже до него не дотрагивалась — кто-нибудь из учеников должен был сломать его пополам и выбросить в корзину. А еще она никогда не касалась голыми руками дверных ручек. Если дверь не открывалась локтем, тетушка Мардж ждала, пока ее кто-нибудь откроет. От нее Гаррод приобрел некоторую привередливость и даже в зрелом возрасте мыл руки перед совершением туалета, чтобы избежать инфекции.

Вскоре маленький самолет бежал по посадочной полосе вашингтонского аэропорта. Почувствовав свежий ночной воздух, Гаррод внезапно испытал необычное желание пройтись пешком, но у трапа его ждала машина, предусмотрительно заказанная сотрудниками его секретариата, и через тридцать минут он уже расположился в гостиничном номере. Ранее он намеревался лечь пораньше, но теперь, в другом часовом поясе, после отдыха в самолете даже мысль о сне казалась нелепой.

Раздраженный своей неспособностью расслабиться, Гаррод открыл портфель и достал накидку безопасности. Сидя под черным балахоном, при свете прикрепленной ко лбу лампочки он стал просматривать досье. Работать в такой тесноте с документами было чертовски неудобно. Ему пришлось иметь дело, в частности, с протоколом предыдущего совещания, записанным «скоростным Брайлем», который он не удосужился перевести в обычный текст. Речь шла о поставках ретардитовых дисков с разным замедлением для обширной системы стратегических спутников-наблюдателей. Кипели споры технического характера об увеличении длительности задержки и о создании композита из набора дисков, который можно вернуть на Землю для расщепления в желаемой точке.

Гаррод примерно с час водил пальцем по выпуклым значкам, мечтая, чтобы утреннее совещание состоялось в одном из новых пентагоновских «освидетельствованных помещений». Последние два совещания проходили в старых комнатах «нулевой освещенности» — незримые голоса, шуршание бумаг и деловитый перестук брайлевских стенографических машинок. Гаррода охватывал ужас при мысли, что кто-нибудь

изобретет столь же вездесущее и эффективное регистрирующее устройство для звука, как ретардит — для света. Тогда конфиденциальные встречи придется проводить не только в кромешной тьме, но и в полнейшем молчании.

Он уже хотел отложить бумаги, когда зазвонил стенной видеофон. Радуясь возможности освободиться от накидки, Гаррод закрыл портфель, подошел к экрану и нажал кнопку ответа. Перед ним возникло изображение черноволосой девушки с бледным овальным лицом и серыми глазами; губы блестели серебристой помадой. Такое лицо Гаррод мог видеть во сне — однажды, давным-давно. Он молча смотрел на нее, пытаясь разобраться в своих ощущениях, но понимал лишь одно: только смотреть на нее — уже честь. Неожиданно ему пришло в голову, что мужчина может считать женщину красивой долгие годы, даже целую жизнь, потому что никогда не встречал свой собственный идеал и оттого довольствовался чужими стандартами. Но стоит ему встретить единственную, и все изменится, никакую другую женщину не сможет он считать совершенной. Девушка, возникшая перед ним, с крупным чувственным ртом героини комикса, с ничтожной примесью восточной утонченности и, быть может, жестокости...

— Мистер Гаррод? — Голос был приятным, но непримечательным. — Простите, что беспокою в такой поздний час.

— Вы меня не беспокоите, — ответил Гаррод. «По крайней мере, — подумал он, — не в этом смысле».

— Меня зовут Джейн Уэйсон. Я работаю в министерстве обороны.

— Никогда прежде вас там не видел.

Она улыбнулась, показывая очень аккуратные, очень белые зубы.

— Я работаю в секретариате, в тени.

— Вот как? Что же вывело вас на свет?

— Я связалась с вашим управлением в Портстоне, и мне дали этот номер. Полковник Маннхейм просит его извинить, он, к сожалению, не сможет встретиться с вами завтра утром.

— Печально. — Гаррод попытался изобразить огорчение. — Вы не откажетесь поужинать со мной сегодня вечером?

Ее глаза чуть расширились, но вопрос остался без ответа.

— Полковник вынужден был вылететь в Нью-Йорк, но к утру он вернется. В 15.00 вас устраивает?

— В общем-то устраивает, но тогда полдня в Вашингтоне я буду предоставлен самому себе. Может, позавтракаем вместе?

Щеки Джейн Уэйсон слегка порозовели.

— Итак, ровно в три.

— Не поздновато ли? В это время у меня встреча с полковником.

— Именно об этом я и говорю, — твердо сказала Джейн Уэйсон. Экран потемнел.

— Поздравляю, ты все угробил, — вслух произнес Гаррод, не в силах прийти в себя и удивляясь своему поведению. Даже в юности он отдавал себе отчет, что не принадлежит к тем счастливчикам, кто способен мгновенно вскружить девушке голову. И все же сейчас словно лишился здравого смысла. Почему-то он был уверен, что встретит с ее стороны такой же отклик. Теперь — приходилось признаваться — наступило горькое разочарование. Разочарование — потому что какая-то девушка с серебристыми губами не влюбилась в него с первого взгляда. По общему каналу видеофона... Недоуменно качая головой, Гаррод прошел в ванную, чтобы принять перед ужином душ. Раздеваясь, он обратил внимание на табличку возле крана:

«Администрация гостиницы предприняла все возможные меры к тому, чтобы в номерах не было ни одного предмета «шпионского стекла» — ретардита или аналогичного материала. Однако выключатели зеленого цвета, расположенные в удобных местах, обеспечивают желающим условия нулевой освещенности».

Гаррод слышал о подобных новшествах, появившихся в крупных городах, но впервые сам столкнулся с проявлением общественной реакции на медленное стекло. Он пожал плечами, нашел зеленый выключатель и потянул за шнурок с

кисточкой на конце. Комната погрузилась в кромешную тьму, нарушаемую только слабым свечением кисточки. «Принимать душ в таких условиях, — подумал он, — все равно что тонуть». Гаррод зажег свет, разделся, шагнул в ванную и тут же заметил крохотный черный блестящий предмет, лежащий в углу. Он поднял его и внимательно рассмотрел. Предмет напоминал бусинку или обломок пуговицы, упавшей с женского платья, но что-то подтолкнуло Гаррода аккуратно спустить его в дренажное отверстие.

ГЛАВА 4

Встреча, к немалому облегчению Гаррода, была короткой и проходила в одном из тех новых помещений, которые Пентагон считал достаточно защищенными от ретардита. Практически это означало, что буквально за несколько минут до начала важного совещания под бдительным оком официальных лиц потолок, стены и пол опрыскивали быстротвердеющим пластиком.

То же проделывалось со столом и стульями, и это придавало им сходство с детской мебелью. В воздухе стоял маслянистый запах свежего пластика. Когда совещание закончилось, Гаррод помедлил у двери и, пытаясь унять заколотившееся в груди сердце, словно невзначай обратился к полковнику Маннхейму:

— Неплохо придумано, Джон, и все же есть один недостаток. Комната будет становиться все меньше и меньше. Когда-нибудь она вовсе исчезнет.

— Ну и что? — У Маннхейма, хорошо сохранившегося пятидесятилетнего мужчины, были ясные глаза и красноватая кожа, наводившая на мысль о том, что он любит активный отдых на свежем воздухе. — В этом проклятом здании и так чересчур много свободных помещений.

— Согласен с вами. Если с толком разместить... — Гаррод напустил на себя вид полнейшего изумления. — По-

слушайте! Я ведь не был в вашей группе применения ретардита! Где там она?..

— В Мейконе, в Джорджии.

— Да-да.

Маннхейм замялся.

— Я только что оттуда, Эл, и собирался возвращаться лишь через неделю.

— Жаль. Остаток дня у меня свободен, а завтра с утра надо быть в Портстоне.

— Конечно... — Маннхейм задумался, и эти секунды показались Гарроду вечностью. — В сущности, мое присутствие необязательно, хотя несколько наших трюков с ретардитом я с удовольствием показал бы вам сам — в конце концов, вы же его изобрели.

— Скорее открыл, — поправил Гаррод. — Вам действительно ни к чему тратить время. Поручите меня заботам научного руководителя. Честно говоря, мне хочется взглянуть, как у вас поставлено дело.

Гаррод боялся, что голос выдает его волнение.

— Хорошо. Поручу вас молодому Крису Зитрону. Он руководит исследовательскими работами и будет счастлив с вами познакомиться. Пойдемте позвоним.

Пока Маннхейм связывался по видеофону с центром в Мейконе, Гаррод стоял у него за спиной и не сводил глаз с экрана. Ему удалось увидеть трех сотрудниц, но Джейн Уэйсон среди них не было. Огорчение Гаррода смешалось с изумлением, когда он осознал, что, собственно, творит. Его действия поразительно напоминали поступки других мужчин, совершенно потерявших голову из-за женщин, но не ощущал никакого загадочного возбуждения, которое должно было бы сопровождать подобное чувство. Им овладела лишь упрямая решимость увидеть девушку воочию.

После того как, договорившись обо всем, Маннхейм заторопился по делам, Гаррод зашел в будку видеофона, вызвал своего пилота в Далласе и велел подготовить план полета в Мейкон. Затем поднялся на крышу и спецрейсом на вертолете добрался до аэропорта. Воздушное движение было перегружено, и его самолету удалось вылететь только после четырех. Существовала опасность, что он не попа-

дет в Мейкон до конца рабочего дня служащих. В таком случае вся поездка оказалась бы напрасной.

Гаррод включил селектор.

— Я спешу, Лу. Давайте на полной.

— Мы должны подняться до двадцати тысяч футов в этом коридоре, мистер Гаррод. Но на такой высоте не очень эффективны отражатели шума.

— Мне все равно.

— Диспетчерская засечет нас. В том же коридоре наверняка запланированы другие...

— Под мою ответственность, Лу! Вперед!

Гаррод откинулся назад и почувствовал, как ускорение вжимает его тело в кресло. Самолет вышел на сверхзвуковую скорость, без малейшего покачивания летя на крыле-рефлекторе, которое отражало большую часть ударной волны наверх, в стратосферу.

Расстояние в шестьсот миль они преодолели за тридцать две минуты, включая взлет и посадку. Гаррод сбежал по трапу, едва самолет остановился.

— Мы почти все время вели переговоры с компьютером диспетчерской, мистер Гаррод, — сказал вслед Лу Нэш, недовольно нахмурив рыжебородое лицо. — Им пришлось убрать с нашего пути два запланированных грузовых рейса...

— Не волнуйтесь, Лу, я улажу.

Какая-то трезвая часть сознания подсказывала Гарроду, что он допустил серьезное нарушение, которое вряд ли сойдет с рук даже человеку его положения, но он был просто не в состоянии думать об этом. «Так вот, значит, на что это похоже... — лихорадочно билась мысль, пока Гаррод торопился навстречу едущей к нему от группы низких песочного цвета строений армейской машине, — если так, то раньше мне было лучше...»

Подполковник Крис Зитрон оказался моложавым человеком с продолговатым лицом, узловатыми пальцами и манерой говорить горячо. Без всяких вступлений он сразу принялся рассказывать о работе над применением медленного стекла и углубился в детали систем двойных изображений — одно, проходящее через обычное стекло, другое — через ретардит с малым периодом задержки — для компью-

теров, определяющих скорость движущейся цели, систем наведения ракет класса «воздух — земля» и систем слежения за рельефом местности для скоростных низколетящих самолетов.

Гаррод краем уха прислушивался к потоку слов, время от времени задавая какой-нибудь вопрос, чтобы показать свое внимание, а сам вглядывался в сотрудников. Всякий раз, когда он замечал темноволосых девушек, им на миг овладевала паника, которая тут же сменялась разочарованием. Казалось невероятным, что девушку, облик которой запечатлелся в его памяти как нечто неповторимое, могут напоминать довольно многие.

— Не понимаю, как Джон Маннхейм следит за всеми направлениями работ, — заметил Гаррод во время одной из нечастых передышек Зитрона. — Здесь в исследовательском центре работают его люди?

— Нет. Служба полковника расположена в административном корпусе. Вон там. — Зитрон указал на двухэтажное здание, окна которого в лучах вечернего солнца отливали медью. Из центрального входа изливался поток мужчин и женщин. Подобно панцирям жуков, поблескивали выезжающие со стоянки машины.

— До которого часа вы работаете? Надеюсь, я вас не задерживаю?

Зитрон рассмеялся.

— Я обычно сижу до тех пор, пока жена не начинает рассылать поисковые партии, но большинство подразделений заканчивает в пять пятнадцать.

Гаррод взглянул на часы. Пять пятнадцать.

— Знаете, меня все больше интересует влияние четкого администрирования на общую эффективность научных работ. Не возражаете, если мы пройдем туда?

— Что ж, пожалуйста, — с некоторым удивлением ответил Зитрон и пошел к выходу из лаборатории. Гаррод едва не побежал, увидев у подъезда главного корпуса черноволосую девушку в костюме молочного цвета. Неужели Джейн Уэйсон? Невольно он вырвался вперед.

— Постойте, мистер Гаррод! — неожиданно воскликнул Зитрон. — Что же это я?!

— Простите?

— Чуть не забыл показать вам самое интересное. Зайдите на секунду сюда. — Зитрон приглашающе открыл дверь в длинное сборное здание.

Гаррод кинул взгляд на административный корпус. Девушка была уже на стоянке, над машинами виднелась только темная голова.

— Боюсь, что меня начинает поджимать...

— Вы это оцените, мистер Гаррод. Здесь мы используем самые фундаментальные принципы.

Зитрон взял Гаррода под руку и ввел в здание, которое оказалось скорее просто четырьмя стенами, накрытыми стеклянной крышей. Вместо пола — трава и редкий кустарник; у противоположного конца виднелись бутафорские булыжники. Здание было пустым, но Гарроду стало не по себе, словно за ним наблюдали.

— Теперь смотрите, — сказал Зитрон. — Не спускайте с меня глаз.

Он поспешил прочь и исчез в кустарнике. В прогретом душном помещении наступила тишина, только с улицы едва доносилось хлопанье автомобильных дверей. Прошла минута. Зитрон не появлялся, в висках Гаррода нетерпеливо запульсировала кровь. Он полуобернулся к выходу и застыл, услышав поблизости в траве какой-то шорох. Неожиданно в нескольких шагах от него буквально из воздуха возник Зитрон с торжествующей улыбкой на лице.

— Это была демонстрация ТСП — техники скрытого приближения, — объявил он. — Ну, что вы думаете?

— Великолепно. — Гаррод открыл входную дверь. — Очень эффектно.

— В экспериментах мы используем ретардитные панели с малым периодом задержки — сейчас увидите, как я к вам подкрадываюсь.

Теперь по отдельным бликам отраженного света Гаррод угадывал установленные в траве пластины из медленного стекла. Двойник Зитрона неестественно тихо перебегал зигзагами. Пока не исчез в ближайшей панели.

— Разумеется, — продолжал подполковник, — в реальных условиях мы намерены применять стекло с большим замедлением, чтобы дать пехоте время на установку ТСП-

экрана. Сейчас мы стремимся определить оптимальный срок задержки — сделай его слишком малым, и люди не успеют сосредоточиться, чересчур большим — и у наблюдателя будет больше шансов заметить несоответствия в освещенности и в углах падения теней. Предстоит решить проблему выбора кривизны панелей с целью сведения на нет бликов...

— Прошу прощения, — перебил Гаррод. — Я, кажется, увидел знакомого.

Он зашагал к стоянке у административного корпуса быстро и решительно, чтобы выбить у Зитрона охоту следовать за ним. Девушка в костюме молочного цвета смотрела в его сторону. Она была стройной, черноволосой и — по мере того как расстояние сокращалось — на ее губах стало заметно серебристое поблескивание. У Гаррода перехватило дыхание, когда он убедился, что перед ним Джейн Уэйсон.

— Привет! — бросил он как можно более непринужденно и весело. — Вы меня помните?

— Мистер Гаррод? — неуверенно произнесла девушка.

— Я приехал сюда по делу и вдруг увидел вас... Послушайте, я был очень дерзок, когда мы говорили вчера по видеофону, и просто хочу извиниться. Обычно я не...

Речь внезапно отказала ему. Гаррод почувствовал себя уязвимым и беспомощным, и тут увидел, как по ее щекам разлилась краска, и понял, что ему удалось установить контакт, недостижимый никакими словами.

— Все хорошо, — тихо произнесла она. — Право, не стоило...

— Стоило.

Он смотрел на нее с благодарностью, будто впитывая самый ее облик, когда к тротуару подъехал светло-голубой «понтиак». Сидевший за рулем невозмутимого вида лейтенант в очках с золотой оправой еще загодя опустил боковое стекло.

— Быстрей, Джейн, — бросил он. — Мы опаздываем.

Распахнулась дверца, и Джейн в замешательстве села в машину. Ее губы беззвучно шевельнулись. Когда «понтиак» рванул с места, она смотрела на Гаррода, и тому пока-

залось, что в глазах ее сожаление, грусть. Или просто неловкость за внезапно прерванный разговор?

Бормоча проклятия, Гаррод зашагал к подполковнику Зитрону.

ОТСВЕТ ВТОРОЙ
БРЕМЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Харпур вглядывался в заливаемые водой стекла. Стоянки вблизи полицейского управления не было, и здание казалось отделенным милями покрытого лужами асфальта и сплошной завесой дождя. Темное небо набухло и грузно провисало между окружавшими площадь домами.

Неожиданно почувствовав свои годы, Харпур долго смотрел на здание полицейского управления и захлебывающиеся водосточные решетки, потом вылез из машины и с трудом разогнулся. Не верилось, что в подвальном помещении западного крыла сияет теплое солнце. Но он это знал точно, потому что перед выходом из дому специально позвонил.

— Внизу сегодня отличная погода, господин судья, — сказал охранник с уважительной непринужденностью, сложившейся за долгие годы. — На улице, конечно, не очень приятно, но там здорово.

— Репортеры не появлялись?

— Да кое-кто... Вы приедете, господин судья?

— Пожалуй, — ответил Харпур. — Займи для меня местечко, Сэм.

— Обязательно, сэр!

Харпур шагал быстро, как только мог себе позволить, засунув руки в карманы и ощущая тыльной стороной кисти холодные струйки дождя. При каждом движении пальцев подкладка прилипала к коже. Поднимаясь по ступеням к главному входу, Харпур почувствовал предостерегающее трепе-

тание в левой стороне груди — он слишком спешит, слишком нажимает.

Дежурный у входа молодцевато отдал честь.

Харпур кивнул.

— Прямо не верится, что сейчас июнь, правда, Бен?

— Да, сэр. Но внизу, я слышал, очень хорошо.

Харпур приветливо махнул рукой и шел уже по коридору, когда его захлестнула боль. Жгучая пронзительная боль. Словно кто-то тщательно выбрал стерильную иглу, насадил ее на антисептическую рукоятку, раскалил добела и с милосердной быстротой вонзил в бок. Он застыл на миг и прислонился к кафельной стенке, пытаясь скрыть слабость; на лбу выступила испарина. «Я не могу сдаться сейчас, — подумал он, — когда осталось всего несколько недель... Но если это конец?»

Харпур боролся с паникой, пока боль немного не отпустила. Он облегченно вздохнул и снова пошел по коридору, сознавая, что враг затаился и выжидает. К солнечному свету удалось выйти без нового приступа.

Сэм Макнамара, охранник у внутренней двери, по обыкновению расплылся было в улыбке, но, увидев напряженное лицо судьи, быстро провел его в комнату. Между Харпуром и этим дюжим ирландцем, единственным желанием которого было кружка за кружкой поглощать кофе, установилась прочная симпатия, странным образом согревающая душу старого судьи. Макнамара поставил у стены складной стул и придержал его, пока Харпур садился.

— Спасибо, Сэм, — произнес судья, оглядывая собравшуюся толпу. Никто не заметил его прихода; все смотрели в сторону солнечного света.

Запах влажной одежды репортеров казался совершенно неуместным в пыльном подвале. В этом самом старом корпусе полицейского управления еще пять лет назад хранились ненужные архивы. С тех пор все это время, кроме дней, когда допускались представители печати, голые бетонные стены вмещали лишь записывающую аппаратуру, двух смертельно скучающих охранников и раму со стеклянной панелью.

Стекло имело особое свойство — свет через него шел много лет. Такими стеклами люди пользовались, чтобы запечатлять для своих квартир виды особой красоты.

По мнению Харпура, картина, которую он видел, как в окне, особой красотой не блистала: довольно живописный залив где-то на Атлантическом побережье, но вода была буквально забита лодками, а сбоку нелепо громоздилась, крича яркими красками, станция техобслуживания. Тонкий ценитель пейзажных окон, не раздумывая, разбил бы панель булыжником, но владелец, Эмиль Беннет, привез ее в город — потому что именно этот вид открывался из дома его детства. Панель, объяснял он, освобождала его от необходимости совершать двухсотмильную поездку в случае приступа ностальгии.

Стекло было толщиной в пять лет, то есть пять лет пришлось ему простоять в доме родителей Беннета, прежде чем первый лучик света вышел с обратной стороны панели. И естественно, спустя пять лет, уже в городе, в стекле открывалась все та же панорама, хотя сама панель была конфискована у Беннета полицией, выказавшей глубочайшее безразличие к его отчему дому. Она безошибочно покажет все, что видела, — но только в свое время.

Тяжело сгорбившемуся на стуле Харпуру казалось, что он сидит в кино. Свет в помещении исходил от стеклянного прямоугольника, а беспокойно ерзающие репортеры располагались рядами, будто зрители. Их присутствие отвлекало Харпура, мешало с обычной легкостью погрузиться в воспоминания.

Беспокойные воды залива бросали в комнату солнечные блики, взад-вперед сновали прогулочные лодки, беззвучно въезжали на станцию техобслуживания случайные автомобили. Через сад на переднем плане прошла симпатичная девушка в коротком платьице по моде пятилетней давности, и Харпур заметил, как некоторые журналисты сделали пометки в блокнотах.

Один из наиболее любопытных встал с места и обошел стекло, чтобы заглянуть с другой стороны, но вернулся разочарованный. Харпур знал, что сзади панель закрыта металлическим листом. Как определили власти, выставление напоказ того, что происходило в доме, являлось бы вторжением в личную жизнь старших Беннетов.

Бесконечно долго тянулись минуты, и разомлевшие от духоты репортеры стали громко зевать. Откуда-то из пер-

вых рядов доносились монотонный храп и тихое поругивание. Курить вблизи контрольной аппаратуры, жадно фиксировавшей изображение, от имени штата было запрещено, и в коридор с сигаретами потянулись группки из трех-четырех человек. Харпур услышал сетования на долгое ожидание и улыбнулся — он ждал пять лет. А иногда казалось, что даже больше.

Этого дня, седьмого июня, вместе с ним ждала вся страна. Но точно время не мог назвать никто. Дело в том, что Эмиль Беннет так и не сумел припомнить, когда именно в то жаркое воскресенье приехал он в дом родителей за своим медленным стеклом. Следствию пришлось довольствоваться весьма расплывчатым «около трех пополудни».

Один из репортеров — модно одетый, светловолосый и невероятно молодой — наконец заметил сидящего у двери Харпура и подошел.

— Прошу прощения, сэр. Вы не судья Харпур?

Харпур кивнул. Глаза юноши на миг расширились, когда он осознал важность присутствия судьи для готовящегося в печать материала.

— Если не ошибаюсь, вы вели слушание дела... Рэддола?

Он собирался сказать «дела Стеклянного Глаза», но вовремя спохватился.

Харпур снова кивнул.

— Верно. Но я больше не даю интервью. Простите.

— Да, сэр, конечно. Понимаю.

Репортер быстрой пружинистой походкой вышел в коридор. Харпур догадался, что молодой человек только что определил для себя, как подать материал. Он и сам мог бы написать этот текст:

«Судья Кеннет Харпур — тот, кто пять лет назад вел спорное «дело Стеклянного Глаза» по обвинению Эвана Рэддола, двадцати одного года, в убийстве — сегодня сидел на стуле в одном из подвальных помещений полицейского управления. Этому уже сейчас старому человеку нечего сказать. Железный Судья ждет, наблюдает, терзается...»

Харпур криво улыбнулся. Он давно перестал испытывать горечь от газетных наскоков и отказался разговаривать с журна-

листами только потому, что к этому эпизоду в своей жизни ему не хотелось возвращаться. Харпур достиг того возраста, когда человек отбрасывает все малозначительное и сосредоточивает силы на главном. Через каких-нибудь две недели он будет волен греться на солнышке, любоваться игрой оттенков морской воды и засекать время между появлением первой вечерней звезды и второй. Если разрешит врач, он не откажется от капельки доброго виски, а не разрешит — все равно не откажется. Будет читать, а может, и сам напишет книгу... Как оказалось, Эмиль Беннет определил время довольно точно. В восемь минут четвертого Харпур и ждущие репортеры увидели приближающегося с отверткой в руке Беннета. На его лице была смущенная улыбка, как у многих из тех, кто попадал в поле зрения ретардита. Некоторое время он возился с креплением, потом небо вдруг безумно накренилось — стекло выбрали из рамы. Через секунду на изображение легло коричневое армейское одеяло, и комната погрузилась во тьму.

Контрольная аппаратура защелкала, но тихие звуки заглушил гомон спешащих к телефонам газетчиков. Харпур поднялся и медленно вышел вслед за ними. Теперь можно было не спешить. Завернутое в одеяло стекло два дня пролежит в багажнике машины, прежде чем Беннет соберется вмонтировать его в оконную раму своей городской квартиры. И еще две недели оно будет показывать повседневные события, которые происходили пять лет назад на детской площадке во дворе дома Беннета.

Эти события не представляли ровно никакого интереса. Но в ночь на двадцать первое июня на площадке была изнасилована и убита двадцатилетняя машинистка Джоан Кэлдеризи. Также был убит ее приятель, автомеханик Эдвард Джером Хэтти, двадцати трех лет, видимо, пытавшийся защитить девушку.

Убийца не знал, что за этим двойным преступлением наблюдает свидетель. И теперь этот свидетель готовился дать точные и неопровержимые показания.

Предусмотреть проблему было нетрудно.

С тех пор как в нескольких фешенебельных магазинах появилось медленное стекло, люди задумывались: что про-

изойдет, если перед ним свершится правонарушение? Какова будет позиция закона, если подозрение падет, скажем, на трех человек, а через пять или десять лет кусок стекла однозначно укажет преступника? С одной стороны, нельзя наказать невиновного, а с другой — совершенно недопустимо оставлять на свободе злодея... Так вкратце писали журналисты.

Для судьи Кеннета Харпура проблемы не существовало. Меньше пяти секунд понадобилось ему, чтобы принять решение. И он остался непоколебимо спокоен, когда именно на его долю выпало подобное дело.

Это получилось случайно. В округе Эрскин было не больше убийств и не больше медленного стекла, чем в любом другом, ему подобном. Собственно говоря, Харпур и не сталкивался с новинкой, пока вместо обычных электрических ламп не установили над проезжей частью улиц Холт-сити чередующиеся панели из восьми- и шестнадцатичасового ретардита.

Потребовалось немало времени, чтобы после первых образцов, замедляющих свет примерно на полсекунды, получить задержки, измеряемые годами. Причем пользователь должен был быть абсолютно уверен в длительности желаемой задержки — способа ускорить процесс не знали. Будь ретардит «стеклом» в полном смысле слова, его можно было бы отшлифовать до требуемой толщины и получить информацию быстрее. Но в действительности это был совершенно непрозрачный материал — свет сквозь него не проходил.

Излучение на длинах волн, близких к видимому диапазону, поглощалось поверхностью ретардита, а информация преобразовывалась в соответствующий набор напряжений внутри материала. В пьезооптическом эффекте, посредством которого осуществлялась передача информации, участвовала вся кристаллическая структура, и любые ее нарушения немедленно уничтожали закономерность распределения напряжений.

Это приводило в бешенство многих исследователей, но сыграло важную роль в коммерческом успехе ретардита. Люди не стали бы столь охотно устанавливать в своих домах пейзажные окна, зная, что все за ними происходящее

спустя годы неминуемо откроется чужим глазам. Но бурно расцветшая пьезоиндустрия выкинула на рынок недорогой «щекотатель» — устройство, с помощью которого медленное стекло можно было вычистить для повторного использования, словно ячейки компьютерной памяти.

По этой же причине на протяжении пяти лет два охранника несли в подвале круглосуточное дежурство у стекландшафта — свидетеля по делу Рэддола. Существовала опасность, что кто-нибудь из родственников преступника или жаждущий известности маньяк проникнет в помещение и «сотрет» информацию в стекле, прежде чем она разрешит все сомнения.

За пять лет ожидания были периоды, когда болезнь и усталость не оставляли Харпуру сил для беспокойства, были периоды, когда он мечтал, чтобы идеальный свидетель сгинул навсегда. Но, как правило, существование медленного стекла его не волновало.

Он принял решение по делу Рэддола, решение, которое, по его убеждению, должен был принять любой судья. Все последующие дискуссии, нападки прессы, враждебность общественного мнения и даже кое-кого из коллег поначалу причиняли боль, но он превозмог ее.

Закон, сказал Харпур в своем заключительном слове, существует лишь потому, что люди в него верят. Стоит подорвать эту веру — хотя бы единожды, — и закону будет нанесен непоправимый ущерб.

Насколько можно было определить, убийства произошли за час до полуночи.

Имея это в виду, Харпур поужинал раньше обычного, затем принял душ и второй раз побрился. На это усилие ушла значительная доля его дневной квоты энергии, но в зале суда стояла невыносимая духота. Текущее дело было сложным и в то же время скучным. Харпур замечал, что такие дела попадались все чаще и чаще — признак, что пора уходить на пенсию. Но ему предстояло выполнить еще один долг. Профессиональный...

Харпур набросил куртку и повернулся спиной к зеркалу-камердинеру, купленному женой несколькими месяцами раньше. Оно было покрыто 15-секундным ретардитом — не-

много погодя, обернувшись, можно было увидеть себя со спины. Судья бесстрастно оглядел свою хрупкую, но все еще прямую фигуру и отошел прочь, прежде чем незнакомец в зеркале повернулся и посмотрел ему в глаза.

Харпуру не нравились зеркала-камердинеры, как не нравились столь же популярные натуровиды — пластины ретардита с малым периодом задержки, вращающиеся на вертикальной оси. Они служили тем же целям, что и обыкновенные зеркала, но не переворачивали изображение слева направо. «Вы впервые имеете возможность увидеть себя такими, какими видят вас окружающие!» — гласила реклама. Харпур не принимал эту идею по соображениям, как он надеялся, смутно-философским, но определить их не мог даже для себя.

— Ты неважно выглядишь, Кеннет, — сказала Ева, когда он поправлял галстук. — Неужели ты обязан туда идти?

— Нет — и потому обязан. В этом все дело.

— Тогда я тебя отвезу.

— Ни в коем случае. Тебе пора спать. Я не позволю, чтобы ты среди ночи колесила по городу.

Он обнял жену за плечи. В пятьдесят восемь лет Ева Харпур отличалась завидным здоровьем, но они оба делали вид, что это он заботится о ней.

Харпур сам сел за руль, но улицы были настолько забиты, что, повинуясь внезапному порыву, он остановил машину в нескольких кварталах от полицейского управления и пошел пешком. «Живи рискуя, — подумал он, — но двигайся с осторожностью — на всякий случай». Нависающие над дорогой шестнадцатичасовые панели в этот светлый июньский вечер оставались темными, зато чередующиеся с ними восьмичасовые без нужды изливали яркий свет, впитанный в дневное время. Таким образом система обеспечивала достаточное освещение круглые сутки, причем бесплатно.

А дополнительное ее преимущество состояло в том, что она давала полиции идеальные показания о дорожных происшествиях и нарушениях правил движения. Собственно говоря, только-только в ту пору установленные на Пятьдесят третьей авеню панели и предоставили большую часть фактов по делу Эвана Рэддола.

Фактов, на основании которых Харпур приговорил его к электрическому стулу.

Реальные обстоятельства несколько отличались от классической схемы, обсосанной бульварными листками, но все же были достаточно яркими, чтобы возбудить интерес общественности. Рэддол был единственным подозреваемым, но улики против него носили по преимуществу косвенный характер. Тела обнаружили только на следующее утро — Рэддол мог спокойно вернуться домой, смыть все следы и выспаться. Когда его арестовали, он был спокоен, бодр и собран, а экспертиза оказалась бессильна что-либо доказать.

Улики против Рэддола заключались в том, что его видели в соответствующее время подходящим к детской площадке, в соответствующее время уходящим оттуда и что синяки и царапины вполне могли быть получены в процессе совершения преступления. К тому же в промежуток между полуночью и половиной десятого утра, когда его забрали, он «потерял» синтетическую куртку, которую носил накануне вечером. Куртку так и не нашли.

Удалившимся на совещание присяжным понадобилось меньше часа, чтобы прийти к решению о виновности. Однако в последующей апелляции защита заявила, что на вердикт повлиял факт регистрации преступления медленным стеклом в окне Эмиля Беннета. Требуя пересмотра дела, адвокат убеждал, что присяжные пренебрегли «естественным сомнением», полагая, будто судья Харпур не прибегнет к более суровой мере, чем пожизненное заключение.

Но, по мнению Харпура, закон не оставлял места для выжидания, особенно в случае убийства с отягчающими обстоятельствами. В должное время Рэддол был приговорен к казни.

Суровая, пронизанная убежденностью речь Харпура и заслужила ему прозвище железного судьи. Судебный приговор, считал он, всегда был и должен оставаться священным. Не подобает закону униженно склоняться перед куском стекла. В случае введения в судебную практику «меры выжидания», говорил он, преступники просто не будут выходить из дома без пятидесятилетнего ретардита.

Спустя два года неповоротливые жернова правосудия сдвинулись с места, и Верховный суд утвердил решение Харпура. Приговор был приведен в исполнение. То же самое, только в неизмеримо меньших масштабах, часто происходило в спорте, и единственно возможным, единственно реальным выходом было положение «арбитр всегда прав» — что бы ни показали потом камеры или медленное стекло.

Несмотря на утверждение приговора, а может быть, именно поэтому пресса так и не подобрела к Харпуру. Он умышленно не обращал внимание на то, что о нем говорили и писали. Все эти пять лет его поддерживала уверенность в правильности принятого решения. Сейчас ему предстояло узнать, было ли оно таковым.

Хотя момент истины уже пять лет маячил на горизонте, с трудом верилось, что через считанные минуты все выяснится. Эта мысль вызвала в груди щемящую боль, и Харпур на миг остановился, чтобы перевести дыхание. В конце концов, какая разница? Не он создает законы — откуда это чувство личной причастности?

Ответ пришел быстро.

Судья не может быть равнодушным, потому что является частью закона. Именно он, а не некое абстрактное воплощение правосудия вынес приговор Эвану Рэддолу — и потому остался работать вопреки советам врачей. Если совершена ошибка, он не имеет права уйти в кусты. Ему держать ответ.

Новое понимание, как ни странно, успокоило Харпура. Он заметил, что улицы необычно оживлены для позднего вечера. Центр был буквально забит иногородними машинами, а тротуары переполнены пешеходами, причем, судя по тому, как они глазели по сторонам, — не местными жителями. В густом воздухе плыл запах жарящихся бифштексов.

Харпур удивлялся такому столпотворению, пока не обратил внимание, что людской поток движется к полицейскому управлению. Люди не изменились с тех пор, как их притягивали арены, гильотины и виселицы. И пускай не на что смотреть — зато они рядом с местом происшествия, и одного этого достаточно, чтобы насладиться извечной радостью продолжающейся жизни в то время, как кто-то

только что свел с ней счеты. Опоздание на пять лет значения не имело.

Даже сам Харпур, захоти он того, не смог бы попасть в подвальное помещение. Там стояли только записывающая аппаратура и шесть кресел с шестью парами специальных биноклей — для правительственных наблюдений.

Харпур не рвался увидеть преступление собственными глазами. Ему нужно было только узнать результат — а потом долго-долго отдыхать. Мелькнула мысль, что он ведет себя совершенно неразумно — вылазка к полицейскому управлению требовала большого напряжения и таила для него смертельную опасность, — и все же он не мог поступить иначе. «Я виновен, — внезапно подумал Харпур, — виновен, как...»

Он вышел на площадь, где находилось здание управления, и стал пробиваться сквозь изматывающую толчею. Вскоре впитавшая пот одежда так сковала движения, что он едва отрывал ноги от земли. И в какой-то момент этого долгого путешествия возник крадущийся по пятам скорбный друг с раскаленной добела иглой.

Добравшись до нестройных рядов автомобилей прессы, Харпур понял, что пришел слишком рано — оставалось по меньшей мере полчаса. Он повернулся и начал двигаться к противоположной стороне площади, когда его настигла боль. Один точный укол, и Харпур пошатнулся, судорожно хватаясь за воздух.

— Что за!.. Поосторожней, дедуля!

Зычный голос принадлежал верзиле в светло-голубом комбинезоне, смотревшему телевизионную передачу. Пытаясь удержаться на ногах, Харпур сорвал с него очки-приемники. В стеклах, словно зарево далеких костров, полыхнули крошечные картинки, из наушника выплеснулась музыка.

— Простите, — выдавил Харпур. — Я споткнулся. Простите.

— Ничего... Эй! Вы случайно не судья...

Здоровяк возбужденно потянул за локоть свою спутницу, и Харпур рванулся вперед. «Меня не должны узнать», — панически пронеслось в голове. Он зарывался в толпу, теряя направление, но через несколько шагов игла вновь на-

стигла его, вошла до самого конца. Площадь угрожающе накренилась, и Харпур застонал. «Не здесь, — взмолился он, — не здесь. Пожалуйста».

Каким-то чудом он сумел удержаться на ногах и продолжал идти. Прямо под боком и одновременно бесконечно далеко звонко и беспечно рассмеялась невидимая женщина. На краю площади боль вернулась еще более решительно — один укол, второй, третий. Харпур закричал, ощутив, как сжимается в спазме сердце.

Он начал оседать и тут почувствовал, как его подхватили крепкие руки. Харпур поднял глаза на смуглого юношу. Красивое, озабоченное лицо, видневшееся сквозь красноватую пелену, казалось странно знакомым. Харпур силился заговорить.

— Ты... Ты — Эван Рэддол?

Темные брови удивленно нахмурились.

— Рэддол? Нет. Никогда не слыхал. Пожалуй, надо вызвать «скорую помощь».

Харпур сосредоточенно думал.

— Верно. Ты не можешь быть Рэддолом. Я убил его пять лет назад. — Затем громче: — Но если ты не слыхал о Рэддоле, что тебе здесь делать?

— Я возвращался из кегельбана и увидел толпу.

Юноша стал выводить Харпура из толчеи, одной рукой поддерживая его, а второй разводя прижатые друг к другу тела. Харпур пытался помочь, но чувствовал, как бессильно волочатся по асфальту ноги.

— Ты живешь в Холте?

Парень кивнул.

— Знаешь, кто я такой?

— Я знаю только, что вам нужно быстрее в больницу. Позвоню в «скорую» из магазина.

Харпур смутно осознал, что в сказанном таится какой-то тайный смысл, но не имел времени об этом думать.

— Послушай, — произнес он, заставив себя на миг встать на ноги. — Обойдемся без «скорой». Я приду в себя, если доберусь домой. Поможешь мне взять такси?

Парень нерешительно пожал плечами.

— Дело ваше...

* * *

Харпур осторожно отпер дверь и ступил в дружелюбный полумрак большого старого дома. За время поездки из города влажная от пота одежда стала липко-холодной, и Харпура била дрожь.

Включив свет, он сел возле телефона и посмотрел на часы. Почти полночь — значит, уже не существует никакой тайны, ни малейшего сомнения в том, что же произошло пять лет назад на детской площадке. Он снял трубку и тут услышал, как ходит наверху жена. Харпур мог набрать любой из нескольких номеров и выяснить, что показало медленное стекло, но обращаться в полицию или муниципалитет было выше его сил. Он позвонит Сэму Макнамаре.

Конечно, официально охране еще ничего не сообщали, но Сэм наверняка уже все знает. Харпур попытался набрать номер дежурной комнаты, но пальцы не слушались, сгибались от ударов по кнопкам, и он сдался.

По лестнице сошла в халате Ева Харпур и с тревогой подошла к мужу.

— Кеннет! — Ее рука поднялась ко рту. — Что ты наделал?! Ты выглядишь... Я немедленно вызову доктора Шермена.

Харпур слабо улыбнулся. «Я много улыбаюсь в последнее время, — не к месту подумал он. — Как правило, это единственное, что остается старику».

— Лучше свари мне кофе и помоги лечь в постель. Но прежде всего — набери-ка номер на этом чертовом телефоне.

Ева протестующе открыла рот, но их взгляды встретились, и она промолчала.

Когда Сэм подошел, Харпур произнес ровным голосом:

— Привет, Сэм. Судья Харпур. Ну, потеха закончилась?

— Да, сэр. Потом устроили пресс-конференцию, но все уже разошлись. Вы, должно быть, слышали новости по радио.

— Между прочим, не слышал, Сэм. Я... Я недавно пришел. Вот решил перед сном поинтересоваться у кого-нибудь и вспомнил твой номер.

Сэм нерешительно засмеялся.

— Ну что же, личность установлена точно. Это действительно Рэддол — да, впрочем, вы-то знали все с самого начала.

— Знал, Сэм. — Харпур почувствовал, как глаза наполняются горячими слезами.

— И все равно, наверно, камень с души, господин судья.

Харпур устало кивнул, но в трубку сказал:

— Естественно, я рад, что ошибки не было, но судьи не создают законов, Сэм. Они даже не решают, кто виновен, а кто нет. Что касается меня, наличие необычного стеклышка не имело ровно никакого значения.

Эти слова были достойны железного судьи.

На линии долго стояла тишина, а потом Сэм продолжил, и в голосе его звучало чуть ли не отчаяние.

— Я, конечно, понимаю... И все-таки, должно быть, на душе легче...

С неожиданным теплым удивлением Харпур осознал, что дюжий ирландец молит его. «Теперь это не играет роли, — подумал он. — Утром я выйду в отставку и вновь стану человеком».

— Хорошо, Сэм, — проговорил он наконец. — Скажем так — сегодня я засну спокойно. Устраивает?

— Спасибо, господин судья. Всего доброго.

Харпур опустил трубку и с плотно сжатыми веками стал ожидать, пока снизойдет покой.

ГЛАВА 5

Гаррод вернулся домой после полуночи. Прислуга уже разошлась, но, судя по пробивающейся из-под двери библиотеки полоске желтого света, Эстер еще не легла. Читала она не много, отдавая предпочтение телевидению, но любила сидеть в коричневом уюте библиотеки — скорее всего, подозревал Гаррод, потому что это было единственное помещение, которое он не тронул при реконструкции

дома, когда пять лет назад купил его. Эстер свернулась калачиком в высоком кожаном кресле; телевизионные очки закрывали ее глаза.

— Что-то ты поздно. — Она подняла руку в приветствии, но очки не сняла. — Где пропадаешь?

— Мне пришлось поехать в армейский исследовательский центр, в местечко под названием Мейкон.

— Что ты имеешь в виду — «местечко под названием Мейкон»?

— Так оно называется.

— У тебя был такой тон, словно ты не рассчитывал, что я могла о нем слышать.

— Прости. Я не хотел...

— Мейкон в Джорджии, да?

— Верно.

— Думаешь, все, кроме тебя, полные идиоты, Элбан? — Эстер поправила телеочки и устроилась поудобнее.

— Кто говорит?.. — Гаррод прикусил губу и подошел к бару, где в круге света тепло сияли графины. — Будешь?

— Благодарю, не нуждаюсь.

— Я тоже не нуждаюсь, однако с удовольствием выпью.

Гаррод старался говорить спокойно, не понимая, почему Эстер язвит, будто знала наперед, что он собирается сказать. Он сильно разбавил бурбон содовой и сел у камина. В очаге тихо потрескивало пепельно-белое прогоревшее полено, редкие оранжевые искры исчезали во мраке дымохода.

— Там на столе накопилась груда бумаг, — неодобрительно заметила Эстер. — Человеку в твоем положении не следует пропадать целыми днями, забывая о делах.

— Для этого я держу высокооплачиваемых управляющих. Какой в них прок, если они не в состоянии несколько часов обойтись без меня?

— Великий ум не должен мараться, думая о жалких деньгах, да, Элбан?

— Я не претендую на величие.

— О нет, прямо ты такого не говоришь, но держишься особняком. Когда ты снисходишь до разговора с людьми, у тебя на лице появляется легкая усмешка: «Я знаю, что

эта фраза пропадет впустую, но уж скажу — так, для забавы. Вдруг кто-нибудь почти поймет».

— Ради Бога! — Гаррод наклонился вперед в кресле. — Эстер, давай разведемся.

Она сняла очки и пристально на него посмотрела.

— Почему?

— Почему?! Какой смысл продолжать такую жизнь?

— Мы ведем ее не один год, однако прежде ты о разводе не заговаривал.

— Знаю. — Гаррод сделал большой глоток из бокала. — Но существует предел. Супружеская жизнь должна быть не такой.

Эстер вскочила с кресла и заглянула ему в лицо.

— Боже мой, — хрипло рассмеялась она. — Наконец-то! Свершилось!

— Что? — На миг Гарроду вспомнились полные, поблескивающие губы.

— Как ее зовут, Элбан?

Теперь настал его черед недоверчиво рассмеяться.

— Другая женщина тут ни при чем.

— Ты познакомился с ней в этой поездке?

— У меня нет никакой женщины, кроме тебя. И этого достаточно.

— Она живет в Мейконе. Вот почему ты внезапно решил туда отправиться.

Гаррод бросил на жену презрительный взгляд, но внутри содрогнулся.

— Повторяю, дело не в сопернице. С тех пор как мы поженились, я даже за руку никого не брал. Просто мне думается, мы зашли чересчур далеко.

— Вот именно. Ты холоден, как рыба, Элбан, — это я выяснила чертовски быстро, но теперь что-то тебя расшевелило. А она, должно быть, настоящая штучка, если сумела тебя разжечь.

— Довольно этой чепухи! — Гаррод встал и прошел через комнату к столу. — Ты согласна на развод?

— И не мечтай, дружок. — Эстер пошла за ним следом, не выпуская из рук очков; из наушников доносилось попискивание голосов. — С тех пор как отпала необходи-

мость в деньгах отца, ты впервые обращаешься ко мне с просьбой. Да, это первая твоя просьба — и я с огромным удовольствием отказываю тебе в ней.

— Ты настоящее сокровище, — тяжело произнес Гаррод, не в силах выразить гнев.

— Знаю.

Она вернулась к креслу, села и надела очки. Выражение умиротворенного блаженства разлилось по мелким чертам ее лица.

Гаррод сгреб со стола небольшую горку посланий, большинство из которых представляли расшифровку магнитофонных записей звонков. Так ему было удобнее, чем прослушивать сами записи одну за другой. Верхнее сообщение, от Тео Макфарлейна, руководителя научно-исследовательских работ в портстонских лабораториях, пришло лишь час назад:

«Строго доверительно. На 90 процентов уверен в возможности добиться эмиссии сегодня. Знаю, Эл, что ты хотел бы присутствовать, но мое терпение небеспредельно. Буду ждать до полуночи. Тео».

Гаррод в возбуждении просмотрел все записи и нашел еще несколько посланий от Макфарлейна на ту же тему, отправленных в разное время в течение дня. Взглянув на часы, он увидел, что уже первый час ночи. Гаррод пересек комнату и швырнул кипу лент на колени Эстер, чтобы отвлечь ее наконец от телепередачи.

— Почему меня не разыскали?

— Никому не позволено прерывать твои лихие прогулки, Элбан, не забывай. Для того ты и держишь управляющих, дорогой.

— Тебе известно, что исследований это не касается! — резко бросил Гаррод, борясь с желанием сорвать с лица Эстер очки и сломать их. Он быстро подошел к видеофону и вызвал кабинет Макфарлейна. Через секунду на экране появилось худощавое лицо; устало мигающие глаза из-за выпуклых стекол казались совсем маленькими.

— Ага, вот и ты, Эл, — укоризненно сказал Макфарлейн. — Я тебя весь день ищу.

— Меня не было в городе. Ну, получилось?

Макфарлейн покачал головой.

— Профсоюз мешает — техники требуют перерыв на кофе.

Он в отвращении скривился.

— Ты никак не научишься работать с людьми, Тео. Я буду через двадцать минут.

Гаррод выбежал из дома и вывел из гаража двухместный «мерседес» с ротационным двигателем. Уже проезжая по обсаженной кустарником аллее, он спохватился, что ушел, ни слова не сказав Эстер. Впрочем, говорить было не о чем. Разве что о том, что развода он все равно так или иначе добьется, — а с этим можно подождать до утра.

Гаррод возбужденно гнал машину и думал о значении полученного от Макфарлейна сообщения. Несмотря на девять лет постоянных исследований, в одном аспекте медленное стекло не претерпело никаких изменений: оно отказывалось выдавать информацию быстрее, чем это было определено периодом задержки, заложенным в его кристаллической структуре. Кусок ретардита толщиной в один год хранил впитанные изображения ровно год, и все ухищрения целой армии ученых оказывались тщетными. Даже с этой своей неподатливостью ретардит находил тысячи применений в самых различных областях — от производства бижутерии до изучения далеких планет. Но если бы появилась возможность произвольно регулировать задержку и получать информацию по мере надобности, медленное стекло покорило бы весь мир.

Вся трудность заключалась в том, что изображения хранились в веществе не в виде образов. Характеристики распределения света и тени переводились в набор напряжений, которые перемещались от одной поверхности стекла до другой. Открытие этого факта разрешило теоретическое противоречие в принципе действия ретардита. Прежде, когда период задержки считался функцией толщины кристаллического материала, некоторые физики указывали, что изображения, идущие под углом, должны выходить значительно позже тех, что пересекают материал перпенди-

кулярно поверхности. Чтобы преодолеть эту аномалию, необходимо было постулировать наличие у ретардита гораздо большего коэффициента преломления — мера, которая Гарроду интуитивно не нравилась. В глубине души он испытывал даже глубокое личное удовлетворение, установив истинную, пьезоэлектрическую природу феномена, названного позднее эффектом Гаррода.

Научный успех, однако, никак не отразился на том факте, что хранимую информацию раньше времени не извлечешь. Будь период задержки прямо связан с толщиной, можно было бы рассечь ретардит на листы потоньше и получить информацию быстрее. А так любая попытка — сколь угодно изощренная или деликатная — приводила к почти мгновенной дестабилизации набора напряжений. Наружу не вырывалось ни единого лучика света — материал просто «отпускал» прошлое и становился черным как смоль стеклом, ожидающим поступления свежих впечатлений.

Хотя времени на исследовательскую работу становилось все меньше, Гаррод сохранил личную заинтересованность в решении проблемы искусственной эмиссии. Отчасти это объяснялось ревниво-собственническим отношением ученого к своему открытию, отчасти — смутным осознанием того, что медленное стекло причиняет подчас поистине танталовы муки тем, кому жизненно необходимо испить из чаши знаний немедленно. Совсем недавно Гаррод прочитал в газете о судье, который умер спустя несколько месяцев после пятилетнего ожидания ответа. Пять лет ждал судья. Пока медленное стекло, единственный свидетель совершенного убийства, покажет однозначно, действительно ли был виновен тот, кого он приговорил к смерти... Гаррод не запомнил имени судьи, но страдания этого человека поневоле отразились на его мировосприятии.

Панели медленного стекла над автострадой изливали голубизну дневного неба, и казалось, будто мчишься по широкому туннелю с прямоугольными прорезями наверху. В одной из них мелькнула серебряная точка самолета, пролетевшего здесь раньше.

Ночной охранник приветливо махнул рукой из своей будки, когда Гаррод подъехал к административно-иссле-

довательскому корпусу. Почти все здание скрывалось во тьме и лишь ярко золотились окна Макфарлейна. Гаррод по пути стянул с себя пиджак и, войдя в лабораторию, швырнул его на стул. Вокруг одного из столов собралась группа людей — все в рубашках, кроме Макфарлейна, который по обыкновению был в аккуратном деловом костюме. Говорили, что, возглавив научно-исследовательские работы, он ни разу не взял в руки паяльника, но руководство осуществлял твердо и с глубоким знанием дела.

— Как раз вовремя, — сказал Макфарлейн, кивнув Гарроду. — У меня ощущение, что мы на пороге успеха.

— Продолжаете воздействовать модифицированным излучением Черенкова?

— И вот результаты. — Макфарлейн указал на укрепленную в раме панель черного ретардита, которую окружали осциллографы и другие приборы. — Вчера этот кусок трехдневного стекла был стерт. Поступающие с тех пор изображения должны выйти завтра, но, полагаю, мы извлечем их пораньше.

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри на дифракционную картину. Видишь, как она отличается от той, что мы получаем обычно, просвечивая ретардит рентгеном? Эффект мерцания указывает, что скорости прохождения образа и черенковского излучения начинают уравниваться.

— Может, вы просто замедлили черенковское излучение?

— Бьюсь об заклад, мы подстегнули изображение.

— Что-то не в порядке, — спокойным тоном заметил один из техников. — Кривая «расстояние — время» приобретает... экспоненциальный характер.

Гаррод посмотрел на осциллограмму и подумал о световом излучении, которое вливалось в медленное стекло на протяжении примерно полутора суток, а теперь концентрировалось, формировало волну, пик...

— Закройте глаза! — закричал Макфарлейн. — Назад!

Гаррод заслонил лицо локтем, техники шарахнулись прочь, и в это время беззвучная, ослепительная вспышка взрывом водородной бомбы поразила сетчатку и сжала сердце Гаррода. Он медленно отвел руку. Перед глазами сто-

яла мутная пелена, на которой плясали зеленые и красные пятна. Панель из ретардита была такой же черной и такой же мирной, как накануне.

Первым приглушенно заговорил Макфарлейн.

— Я же обещал выдавить из нее свет — и вот, пожалуйста.

— Все в порядке? — Гаррод оглядел людей, вновь настороженно подходящих к столу. — Успели закрыться?

— Нормально, мистер Гаррод.

— Тогда на сегодня достаточно. Запишите себе полную ночную смену и обязательно дайте глазам хорошенько отдохнуть, прежде чем ехать домой. — Гаррод повернулся к Макфарлейну. — Тебе следует продумать новые правила безопасности.

— Еще бы! — Глаза Макфарлейна болезненно щурились за уменьшающими стеклами очков. — Но мы извлекли свет, Эл. Впервые за девять лет упорных попыток воздействие на пространственную решетку ретардита не просто разрушило структуру напряжений — мы сумели извлечь свет!

— Да уж... — Гаррод подхватил пиджак и медленно двинулся к кабинету Макфарлейна. — Утром сразу же свяжись с нашей патентной службой. Среди твоих ребят словоохотливых нет?

— Они не дураки.

— Хорошо. Я пока не представляю, какие могут быть применения у этого твоего устройства, но, думаю, их найдется предостаточно.

— Оружие, — мрачно бросил Макфарлейн.

— Вряд ли. Слишком громоздко, да и радиус действия, с учетом рассеивания в атмосфере, невелик... Но, к примеру, фотографирование со вспышкой. Или подача сигналов в космосе. Уверен, что если забросить зондом пятилетнюю панель хоть до Урана и там инициировать ее, вспышку можно будет наблюдать с Земли.

Макфарлейн открыл дверь кабинета.

— Давай отметим. У меня припасена бутылочка на случай праздника.

— Не знаю, Тео.

— Брось, Эл. К тому же я придумал новую фразу. Послушай. — Он скорчил зверскую гримасу, вытянул палец и закричал: — Оставь в покое этот пояс, Ван Аллен!

— Недурно. Не могу сказать, что блеск, но недурно.

Гаррод улыбнулся. Еще в колледже у них родилась шутка, основанная на выдумке, что все великие ученые, чьими именами названы открытия, — ученики в классе. Каждый еще в юном возрасте так или иначе был связан с областью, в которой позже добьется триумфа, но затюканный учитель, естественно, не знает этого и пытается навести порядок. Пока он выкрикивает: «Что там у тебя в бутылке, Клейн?» начинающему топологу; «Не мельтеши, Броун» будущему первооткрывателю молекулярного движения и «Решись наконец на что-нибудь, Гейзенберг!» мальчишке, который со временем сформулирует принцип неопределенности. Гаррод практически спасовал перед сложностью выдумывания фраз с необходимой степенью универсальности, но Макфарлейн не прекращал попыток и каждую неделю выдавал новую реплику.

У двери Гаррод остановился.

— Праздновать пока рановато. Нам предстоит выяснить, почему возникла лавинообразная реакция и что с ней делать.

— Теперь это уже вопрос времени, — убежденно сказал Макфарлейн. — Гарантирую: через три месяца ты сможешь взять кусок медленного стекла и при желании просмотреть любую сцену — словно кинопленку в домашнем проекторе. Только подумай, что это значит.

— Например, для полиции. — Гарроду вспомнился старый судья. — И властей.

Макфарлейн пожал плечами.

— Ты имеешь в виду слежку? Недремлющее стеклянное око? Вторжение в личную жизнь? Пусть об этом волнуются мошенники. — Он достал из шкафа бутылку виски и щедро плеснул в стаканчики с золотым ободком. — Скажу только одно: не хотел бы я оказаться на месте того, кому есть что скрывать от своей жены.

— Я тоже, — произнес Гаррод. На дне стакана, где игра отраженных бликов рождала целую вселенную, он увидел черноволосую девушку с серебристыми губами.

Когда часом позже Гаррод приехал домой, во многих комнатах горел свет. У распахнутой входной двери стояла Эстер в подпоясанном твидовом пальто; на волосы был накинут шарф. Гаррод вышел из «мерседеса» и, предчув-

ствуя беду, поднялся по ступенькам. Фонари высвечивали бледное заплаканное лицо Эстер. «Что это, — подумал он, — замедленная реакция на требование развода? Но тогда она казалась такой спокойной...»

— Элбан, — быстро произнесла Эстер, не дав ему сказать ни слова, — я пыталась дозвониться тебе, но охранник ответил, что ты уже ушел.

— Что-нибудь случилось?

— Ты можешь отвезти меня к отцу?

— Он заболел?

— Нет. Арестован.

Гаррод едва не расхохотался.

— Похоже на оскорбление его величества! Что же он натворил?

Эстер дрожащей рукой прикрыла губы.

— Его подозревают в убийстве.

ГЛАВА 6

— Доказательства налицо. — В тоне лейтенанта Мэйрика, молодого человека с преждевременной сединой и отмеченным шрамом широким волевым лицом, звучала готовность помочь, свидетельствующая о такой уверенности, которая не страшится откровенности.

— Какие доказательства? Пока мне никто ничего не объяснил. — Гаррод тоже пытался вести разговор деловито и хладнокровно, но сказывался изнурительный долгий день, а выпитое с Макфарлейном виски выветрилось.

Мэйрик устремил на него невозмутимый взгляд.

— Я знаю, кто вы такой, мистер Гаррод, знаю, сколько у вас денег. Но я знаю и то, что объяснений вам давать не обязан.

— Простите, лейтенант. Я страшно устал и хочу лишь скорее добраться до постели, но моя жена не даст мне спать, пока я ее не успокою. Что же случилось?

— Не думаю, что это поможет вам ее успокоить. — Мэйрик закурил сигарету и бросил пачку на стол. — Около часа ночи патрульная группа обнаружила на Ридж-авеню автомашину мистера Ливингстона, заехавшую одним колесом на тротуар. Сам он, накачанный наркотиками до бесчувствия, навалился грудью на руль. На противоположной стороне дороги нашли мертвого человека. Позже установили его личность — некий Уильям Колкмен. Причина смерти — удар движущегося со значительной скоростью автомобиля. Вмятина на левой части переднего бампера машины мистера Ливингстона полностью соответствует характеру повреждения тела Колкмена, как и пробы краски, взятые с одежды покойного и кузова. Ну, какой вывод можно сделать? — Мэйрик откинулся на спинку стула и с удовлетворением затянулся.

— Похоже, вы уже приговорили моего тестя.

— Это вы так считаете. А я лишь привел вам факты.

— И все-таки в голове не укладывается, — медленно проговорил Гаррод. — Взять хотя бы эти наркотики. Бойд Ливингстон родился в тридцатых, так что спиртного он не чурается, но ко всем химическим препаратам питает врожденную неприязнь.

— У нас есть заключение медицинской экспертизы, мистер Гаррод. Ваш тесть принимал МСР. — Мэйрик открыл голубой конверт и выложил перед Гарродом несколько крупных фотографий. — Так легче поверить?

Снимки, с обязательной отметкой времени в уголках, показывали навалившегося на рулевое колесо Ливингстона, невзрачно одетого мертвеца, скрючившегося в гигантской луже крови. Помятый бампер и общие виды места происшествия.

— Что это? — Гаррод указал на разбросанные по бетонной мостовой темные предметы, похожие на камни.

— Комки грязи из-под крыльев машины, вылетевшие при ударе. — Мэйрик слегка улыбнулся. — То, о чем забывают наши кинорежиссеры, ставя реалистические сцены аварий.

— Ясно. — Гаррод поднялся. — Спасибо за все, что вы мне рассказали, лейтенант. Пойду готовить жену.

— Хорошо, мистер Гаррод.

Они обменялись рукопожатием, и Гаррод вышел из маленького, освещенного холодным светом кабинета. Эстер и Грант Морган, адвокат Ливингтонов, ждали в приемной у главного входа в здание полиции. Карие глаза Эстер жадно ловили его взгляд, словно умоляя сказать желанное.

Гаррод покачал головой.

— Увы, Эстер. Дело дрянь. Похоже, твоему отцу не избежать обвинения в убийстве.

— Нелепость!

— Для нас — да. Для полиции... Они лишь придерживаются закона.

— Пожалуй, этим лучше заняться мне, Эл, — вмешался Морган, шестидесятилетний мужчина аристократической наружности, безукоризненно одетый даже среди ночи. Сейчас он отрабатывал гонорар уже тем, что своей невозмутимостью успокаивал Эстер. — Мы быстро разберемся с этим недоразумением.

— Желаю удачи, — бросил Гаррод, чем вызвал сердитый взгляд жены.

— Мистер Морган, — сказала Эстер. — Я уверена, что произошла ошибка, и хочу выслушать отца. Когда можно его увидеть?

— Немедленно — я так думаю. — Морган открыл дверь, вопросительно посмотрел на кого-то снаружи и с удовлетворением кивнул. — Все в порядке, Эстер. Мне не хотелось, чтобы вы волновались из-за кажущейся сложности ситуации.

Он подтолкнул Эстер и Гаррода в коридор, а капитан и двое в штатском провели их в помещение в недрах здания. Когда они вошли, полицейский собрал на поднос кофейные чашки и удалился. Капитан и сопровождающие пошептались с Морганом и вышли в коридор. На койке, напоминающей больничную, лежал одетый в смокинг Бонд Ливингстон. Его лицо было неестественно бледным, и все же он слабо улыбнулся Моргану и Гарроду, когда Эстер кинулась к нему.

— Чертовский переплет, — прошептал Ливингстон через ее плечо. — Газетчики уже пронюхали?

Морган покачал головой.

— Прессу я возьму на себя, Бойд, — успокаивающе сказал он.

— Спасибо, Грант, но этим должны заниматься специалисты. Свяжись с Таем Бомонтом, нашим агентом по связям с общественностью, пусть срочно повидается со мной. Дело может приобрести скандальный характер, и тут нужна деликатность.

Слушая разговор, Гаррод не сразу вспомнил, что его тесть выставил свою кандидатуру от республиканской партии содружества на представление Портстона в совете округа. Он никогда не относился серьезно к запоздалой страсти Бойда к мелкомасштабной политике, но, похоже, сам Ливингстон принимал ее близко к сердцу. И безусловно, ультраправая республиканская партия содружества вряд ли будет в восторге, если ее кандидата обвинят в злоупотреблении наркотиками и убийстве. Ливингстон возглавлял крестовый поход против азартных игр, но объявил войну и всем другим порокам.

Морган сделал пометку в блокноте.

— С Бомонтом я свяжусь, Бойд, но сперва главное. Ты не был ранен при аварии?

Ливингстон казался озадаченным.

— Ранен? Как я мог быть ранен? — взревел он, обретя часть былой энергии. — Я возвращался домой с вечера попечителей оперного театра и неожиданно почувствовал головокружение и слабость. Поэтому подъехал к тротуару и решил переждать. Возможно, я задремал или потерял сознание, но никакой аварии не было. Не было! — Его воинственные, покрасневшие от напряжения глаза, обежав всех, остановились на Гарроде. — Здравствуй, Эл.

Гаррод кивнул.

— Ну хорошо, об этом мы еще поговорим, — произнес Морган, делая пометки. — На вечере сильно налегали на наркотики?

— Как обычно, я полагаю. Официанты разносили их словно воду.

— Сколько ты принял?

— Погоди-ка, Грант. — Тебе известно, что я этим не увлекаюсь.

— Ты хочешь сказать, что вовсе не принимал наркотиков?

— Вот именно.

— Тогда как объяснить, что медицинская экспертиза обнаружила у тебя в крови наряду с алкоголем следы МСР?

— МСР? — Ливингстон отер проступивший на лбу пот. — Это еще что за чертовщина?

— Нечто вроде синтетической конопли, весьма сильнодействующее средство.

— Отец плохо себя чувствует, — начала Эстер. — Зачем вы...

— Задать эти вопросы необходимо, — сказал Морган с решительностью, которой Гаррод от него не ожидал. — Рано или поздно их все равно зададут, и нам надо иметь ответы наготове.

— Я дам тебе хороший ответ. — Ливингстон хотел похлопать Моргана по плечу, но руки его не слушались, и удар пришелся по воздуху. — Эту дрянь мне подсунули. Умышленно, чтобы я провалился на выборах.

Морган тяжко вздохнул.

— Боюсь...

— Нечего вздыхать, Грант. Говорю тебе — именно так все и было. Впрочем, сейчас это несущественно. В том, что под воздействием наркотиков я сбил человека, меня обвинить нельзя — потому что едва все началось, как я съехал на обочину и остановил машину.

Гаррод подошел к койке.

— Не вяжется, Бойд. Я видел фотографии места происшествия.

— Плевать мне на фотографии! Даже если меня кто-то чуть не отравил, я знаю, что делал и чего не делал!

Ливингстон схватил руку Гаррода и заглянул ему в лицо. Гаррод почувствовал волну жалости к этому человеку и одновременно необъяснимую уверенность, что тот говорит правду, что, несмотря на все убедительные доказательства, есть место сомнению.

Морган убрал записную книжку.

— Полагаю, для начала достаточно, Бойд. Первым делом тебя надо отсюда вытащить.

— Я собираюсь снова побеседовать с лейтенантом Мэйриком, — внезапно сказал Гаррод. — Подумайте хорошенько, Бойд, не припомните ли еще что-нибудь?

Ливингстон опустился на подушку и прикрыл глаза.

— Я... Я съехал на обочину... Был слышен шум двигателя... Нет, не может быть, я же его выключил... Я... Вижу перед собой человека, приближаюсь к нему очень быстро... Теперь двигатель ревет... Жму на тормоз, но безрезультатно... Удар, Эл, ужасный чавкающий удар...

Ливингстон замолчал, словно пораженный тем, что впервые осознал случившееся, и из-под его сжатых век потекли слезы.

Наутро Гаррод встал рано и позавтракал в одиночестве — Эстер осталась ночевать в доме родителей. Глаза от недосыпания горели, словно в них попал песок, но он все равно поехал прямо на завод, намереваясь поработать с Макфарлейном и юристами-патентоведами.

Однако сосредоточиться никак не удавалось, и после часа тщетных усилий Гаррод бросил дело на помощника, Макса Фуэнте, а сам из личного кабинета позвонил в управление портстонской полиции и попросил к аппарату лейтенанта Мэйрика. Симпатичная телефонистка сообщила, что до полудня Мэйрика не будет.

Гарроду пришло в голову, что он ведет себя безрассудно. Судя по всему, такой опытный законник, как Морган, не сомневается в виновности Ливингстона. Смирилась уже и Эстер и, в конечном счете, даже сам Ливингстон. И все же что-то в доказательствах не давало Гарроду покоя. А может быть, всего лишь дает о себе знать самомнение, в котором его упрекала Эстер? Когда все убеждены, что Ливингстон, одурманенный наркотиками, задавил человека, — не пыжится ли Элбан Гаррод сразить их, поставить себя выше, эффектно раскрыв правду? «Так или иначе, — решил он, — результат будет один».

Гаррод на секунду задумался, а потом прибег к испытанному средству, чтобы вызвать вдохновение: достал из ящика стола большой лист бумаги и обозначил на нем на некотором расстоянии друг от друга все существенные моменты заявлений Мэйрика и Ливингстона. Их он разбил

на группы в зависимости от деталей, подробностей и собственных умозаключений. Через полчаса лист был почти полностью исписан. Гаррод попросил принести кофе и, потягивая горячую жидкость, не сводил с бумаги глаз. Наконец, уже допивая вторую чашку, он взял ручку и обвел фразу, которую предыдущим вечером произнес Ливингстон. Она стояла под заголовком МАШИНА: «Теперь двигатель ревет».

Гаррод ездил в «роллсе» Ливингстона, был хорошо знаком с подобными автомобилями и знал, что даже на полных оборотах услышать шум турбодвигателя практически невозможно.

Допив кофе, Гаррод взял в кружок еще один подзаголовок и по видеофону связался с Грантом Морганом.

— Доброе утро. Как там старик?

— Принял успокоительное и спит, — нетерпеливо ответил Морган. — У вас что-нибудь важное, Эл? Я сейчас очень занят делом Бойда.

— Я, между прочим, тоже. Вчера вечером он сказал, что наркотики ему, должно быть, подмешали политические противники. Я понимаю, это звучит дико, и все же: кто заинтересован, чтобы Ливингстон не попал в совет округа?

— Послушайте, Эл, по-моему вас понесло...

— Причем неизвестно куда. Знаю. Однако — вы ответите или мне самому наводить справки в городе?

Морган, будто изменяя своей натуре, пожал плечами.

— Ни для кого не секрет, как Бойд относится к азартным играм. Он давно подбирается к казино и, если войдет в совет, наверняка хорошенько прижмет их. Я тем не менее сомневаюсь...

— Вполне достаточно. В сущности, мотив мне не важен; главное, такая возможность не исключена. Теперь скажите, вы когда-нибудь ездили в машине Бойда?

— В «роллсе»? Да. Я несколько раз с ним ездил.

— Двигатель шумит сильно?

Морган позволил себе слабо улыбнуться.

— Разве там есть двигатель? Мне казалось, нас тянет невидимая сила.

— Иными словами, работает он практически беззвучно?

— Да...

— Тогда как объяснить фразу, сказанную Бондом вчера вечером? — Гаррод взял свой листок и прочитал: «Теперь двигатель ревет».

— Если бы мне пришлось объяснять, я бы предположил, что возможным побочным действием МСР является обострение восприятия...

— А сочетается ли обострение восприятия с одновременной потерей сознания за рулем?

— Я не специалист по наркотикам, но...

— Ладно, Грант, я и так отнял у вас много времени.

Гаррод выключил аппарат и вновь принялся изучать записи. Незадолго до полудня он предупредил секретаря, миссис Вернер, что уезжает по личному делу, и под серостальным небом повел машину к полицейскому управлению. Коридоры были буквально запружены людьми, и ему пришлось ждать минут двадцать, пока освободился лейтенант Мэйрик.

— Прошу прощения, — сказал Мэйрик, когда они уже сидели за его столом. — Но вы сами отчасти виновны в нашей перегруженности.

— Каким образом?

— Всюду куда ни плюнь — медленное стекло. Раньше любители подсматривать в замочную скважину особых хлопот нам не доставляли — поступала жалоба, и они либо скрывались, либо попадали к нам. Риск не давал этому занятию вылиться в повальное увлечение. Сейчас ничего не стоит оставить стеклышко в гостиничном номере, в ванной комнате, где угодно. А если кто-либо замечает его и обращается в полицию, нам приходится устраивать засаду и ждать, пока любитель острых ощущений придет за своей собственностью. Потом еще надо доказывать, что это его собственность.

— Простите.

Мэйрик едва заметно покачал головой.

— Что привело вас ко мне?

— Дело моего тестя, разумеется. Вы совершенно не допускаете мысли, что улики против него могут быть сфабрикованы?

Мэйрик улыбнулся и потянулся за сигаретами.

— У нас не принято сознаваться в подобных вещах, но порой надоедает строить из себя эдакого все допускающего, широких взглядов либерала. Поэтому — да, я и мысли не допускаю. Что дальше?

— Не возражаете, если я обращу ваше внимание на некоторые моменты?

— Милости прошу. — Мэйрик великодушно махнул рукой, взвинтив водоворотики табачного дыма.

— Благодарю вас. Первое. Сегодня утром по радио я слышал, что Уильям Колкмен — тот, кого сбила машина — работал в бильярдной в пригороде у реки. Так что же он делал ночью не где-нибудь, а на самой Ридж-авеню? Гулял?

— Кто знает? Может, собирался вломиться в один из тамошних роскошных особняков. Но это не дает права автомобилистам начать на него охоту.

— Стало быть, значения вы этому не придаете?

— Никакого. Что еще?

— Мой тесть, в частности, припоминает, что слышал громкий звук двигателя, но... — Гаррод заколебался, внезапно осознав, как неубедительно звучат его слова, — ...но двигатель в его машине работает практически бесшумно.

— У вашего тестя, должно быть, прекрасная машина, — подчеркнуто ровным голосом заметил Мэйрик. — И какое же отношение это имеет к делу?

— Ну, раз он слышал...

— Мистер Гаррод, — потеряв терпение, резко перебил его лейтенант. — Не говоря уже о том, что ваш тесть был так накачан наркотиком, что с успехом мог возомнить себя летящим на бомбардировщике, этот якобы бесшумный автомобиль заявил о себе достаточно громко. У меня лежат письменные заявления людей, которые слышали удар, были на месте происшествия спустя тридцать секунд, когда Колкмен еще истекал кровью, и видели мистера Ливингстона в машине.

Гаррод был потрясен.

— Вчера вечером вы не говорили о свидетелях...

— Возможно, потому, что вчера вечером я был занят. Как, между прочим, и сегодня.

Гаррод встал, собираясь уйти, но будто помимо собственной воли упрямо продолжил:

— Ваши свидетели не видели самого происшествия?

— Нет, мистер Гаррод.

— Какое освещение на Ридж-авеню? Панели из ретардита?

— Пока нет. — Мэйрик злорадно усмехнулся. — Понимаете ли, денежные мешки, живущие в том районе, возражают против установки шпионского стекла у своих домов, и городской совет до сих пор ничего не может сделать.

— Ясно.

Гаррод кое-как извинился перед лейтенантом за беспокойство и вышел из здания. Слабый, совершенно нелогичный проблеск надежды, что он сумеет убедить мир в невиновности Ливингстона, исчез. И все же вернуться на завод оказалось выше его сил. Он поехал в северном направлении, сперва медленно, затем постепенно набирая скорость, по мере того как признавался себе, куда ведет машину.

Трехполосное бетонное шоссе, на территории города называвшееся Ридж-авеню, змеилось к отрогам Каскадных гор. Гаррод отыскал место происшествия, отмеченное на дороге желтым мелом, и остановился. Ощущая смутную неловкость, он выбрался из автомобиля и окинул взглядом погруженные в полуденную дремоту покатые зеленые крыши, лужайки и темную растительность. В этом районе нужды в стекландшафтах не было — вид из окон открывался и без того приятный, — и все же панели медленного стекла оставались достаточно дорогими, чтобы служить символами положения в обществе. Из шести выходящих на автостраду особняков у двух вместо окон зияли прямоугольники, словно вырезанные из склона холма.

Гаррод сел в машину, включил видеофон и вызвал секретаря.

— Миссис Вернер, прошу вас выяснить, какой магазин поставил стекландшафты жителям дома 2008 по Ридж-авеню. Пожалуйста, займитесь этим немедленно.

— Хорошо, мистер Гаррод. — Лицо на миниатюрном экране недовольно надулось, как при всяком поручении, выходящем, на взгляд миссис Вернер, за рамки ее служебных обязанностей.

— Свяжитесь с управляющим магазина. Пусть он выкупит стекла под любым предлогом. Цена не имеет значения.

— Хорошо, мистер Гаррод. — Миссис Вернер нахмурилась еще сильнее. — Это все?

— Доставьте их ко мне домой. Сегодня к вечеру, если возможно.

Гаррод собирался дать себе передышку, но накопившиеся за пять дней отсутствия дела да еще намеки об уходе со стороны миссис Вернер заставили его на несколько часов заехать на завод. Он поставил машину на обычное место и бессильно обмяк за рулем, пытаясь стряхнуть с себя усталость. В красно-золотом мареве вечернего солнца окружающие строения казались миражом; вдали, на фоне промышленного ландшафта, крошечные белые фигурки играли в теннис. Нежный мягкий луч высветил беззвучную картинку, превратив ее в идеальную средневековую миниатюру. У Гаррода родилось смутное ощущение, что он уже видел это много лет назад, причем воспоминание казалось насыщенным особым смыслом, словно было связано с важным этапом его жизни; и все же точно вспомнить никак не удавалось. Ход его мыслей прервал скрип гравия — к машине приближался Тео Макфарлейн. Гаррод подхватил портфель и вышел.

Макфарлейн поднял указующий перст.

— А ты все не меняешься, Планк?

— Брось, Мак, — отозвался Гаррод, кивнув в знак приветствия. — Какие новости?

— Пока никаких. Прикинул целый диапазон волн и прогоняю на компьютере кривые «время—расстояние». Но тут быстро не управишься. Что у тебя?

— Практически то же самое, только я пытаюсь наложить колебания нескольких частот и посмотреть, можно ли ускорить маятниковый эффект.

— Мне кажется, ты чересчур торопишься, Эл, — задумчиво сказал Макфарлейн. — Мы вызвали в лаборатории эмиссию еще около пятидесяти панелей и каждый раз получали лавинообразное нарастание. В одновременном облучении волнами разной длины что-то есть, однако добиться стабилизации...

— Я же объяснял, почему не могу ждать. Эстер считает, что отец не выдержит тюремного заключения. И ему грозит политическая смерть в случае...

— Но, Эл! Подстроить такое просто невозможно, даже если кто-нибудь захотел! Совершенно очевидно: он совершил наезд и убил человека.

— Может быть, даже слишком очевидно, — упрямо заявил Гаррод. — Может быть, это все чересчур убедительно.

Макфарлейн вздохнул и поковырял ногой во влажном гравии.

— Тебе не следует работать дома с двухлетним стеклом, Эл. Ты же видел, какую вспышку дает всего лишь двухдневная аккумуляция.

— Накопление тепла не происходит. Так что лавинообразное выделение мою лабораторию не подожжет.

— Все равно...

— Тео, — перебил Гаррод. — Не надо со мной об этом спорить.

Макфарлейн, смирившись, пожал плечами.

— Мне? С тобой? Я ведь старый любитель интеллектуального дзюдо. Ты же знаешь, как я смотрю на взаимоотношения людей — нет действия без противодействия.

Слова эти неожиданно будто пронзили Гаррода. Макфарлейн помахал на прощание рукой и зашагал к своей машине. Гаррод попытался махнуть в ответ, но тело его словно разладилось: в коленях возникла слабость, сердце застучало тяжело и неритмично, в животе разлился холодок. Внезапно родившаяся мысль стремительно набрала силу и взорвалась экстатической вспышкой.

— Тео, — почти беззвучно проговорил Гаррод. — Мне не нужна помощь медленного стекла. Я знаю, как это было сделано.

Макфарлейн, не расслышав, сел в автомобиль и уехал, а Гаррод, словно окаменев, замер посреди стоянки. Только когда машина скрылась из виду, он очнулся от транса и побежал к зданию. Возле кабинета его поджидала миссис Вернер с искаженным от нетерпения желтоватым лицом.

— Я могу задержаться лишь на два часа, — объявила она. — Так что...

— Ступайте домой. Увидимся завтра.

Едва не оттолкнув ее, Гаррод прошел в кабинет, захлопнул дверь и тяжело упал в кресло. Действие и противодействие. Все так просто. Автомобиль и человек сталкиваются с достаточной силой, чтобы помять бампер машины и лишить человека жизни. Так как автомобили обычно движутся быстро, а пешеходы — медленно, повседневный опыт предрасполагает следователя толковать происшествие единственным образом: машина ударила человека. Но с точки зрения механики, с тем же результатом человек мог ударить машину.

Гаррод закрыл лицо руками и попытался представить себе, как могло произойти убийство. Вы одурманиваете водителя наркотиком, рассчитав дозу и время так, чтобы тот потерял контроль приблизительно на желаемом отрезке пути. Если он при этом убьет себя или кого-то другого — тем лучше, необходимость во второй части плана отпадает. Но если водитель все же сумел благополучно остановить машину, то у вас наготове оглушенная или одурманенная жертва. Вы подвешиваете ее к движущемуся механизму — грузовик-кран с длинной стрелой подойдет идеально — и с размаху бьете в неподвижный автомобиль. Жертва отлетает в сторону и позже ее находят мертвой в нескольких ярдах от машины. Вам остается только скрыться, скорее всего выключив габаритные фонари.

Гаррод достал из ящика бумагу и отметил все непонятные ранее места, объясняемые новой теорией. Теперь прояснялось присутствие Колкмена в поздний час на Ридж-авеню, а также рев двигателя, который слышал Ливингстон и другие свидетели. «Я жму на тормоз, но безрезультатно», — сказал еще не вышедший из шокового состояния Ливингстон. Естественно — ведь машина стояла на месте.

Как же найти подтверждение? В крови покойного должны обнаружиться следы одурманивающих веществ, на теле — повреждения, которые не могли возникнуть вследствие удара. На одежде неминуемо останется отметка от крюка или иного приспособления для подвески. Проверка ретардитовых мониторов на дорогах, пересекающихся с Ридж-авеню, вероятно, покажет приближение

в соответствующее время грузовика-крана или аналогичного механизма.

Гаррод решил позвонить Гранту Моргану и повернулся к видеофону, когда раздался сигнал вызова. Он вдавил кнопку и увидел жену. Судя по полкам и разнообразным приборам на заднем плане, Эстер находилась в его домашней лаборатории.

Она нервно поправила пышные бронзовые волосы.

— Элбан, я...

— Как ты сюда попала? — резко спросил Гаррод. — Я запер дверь и велел тебе держаться подальше от этого места.

— Да, но я услышала какое-то жужжание, поэтому взяла запасной ключ, которым пользуется уборщица, и вошла.

Гаррод оцепенел от тревоги. Жужжало автоматическое устройство, сигнализирующее о том, что скорость прохождения информации через ретардит перестала быть постоянной. Запрограммированное оборудование должно было немедленно прекратить облучение в таком случае, но никто не гарантировал, что это сработает. Медленное стекло могло в любой момент вспыхнуть, словно «новая».

— ...Очень странно, — говорила Эстер. — Стекландшафт стал гораздо ярче, и в нем все ускорилось. Посмотри.

Экран видеофона заполнила панель медленного стекла, и Гаррод увидел обрамленное деревьями озеро на фоне гор. Этот тихий живописный пейзаж сейчас бурлил ненормальной активностью. В небе кружили облака, проносились почти неразличимые глазом животные и птицы, бомбой падало солнце.

Гаррод попытался унять звучащую в голосе панику.

— Эстер, панель вот-вот взорвется. Сейчас же уходи из лаборатории и закрой за собой дверь. Немедленно!

— Но, по твоим словам, мы можем увидеть то, что поможет отцу.

— Эстер! — закричал Гаррод. — Если ты сию же секунду не уйдешь, то не увидишь больше ничего в жизни! Ради Бога, скорей!

После некоторой паузы он услышал, как хлопнула дверь. Дикий страх утих — Эстер в безопасности, — но то, что происходило в стекландшафте, готовящемся вы-

плеснуть накопленный за два года свет, приковало его к креслу. Солнце утонуло за горой, и упала тьма, но лишь на минуту, в течение которой серебряной пулей прочертила небосклон луна. За десять секунд в адском сиянии промчался еще один день, затем...

Экран видеофона вдруг померк.

Гаррод вытер со лба холодный пот, и в это время по резервным каналам восстановилась связь. На возникшем изображении «разрядившийся» стекландшафт предстал панелью полированного обсидиана, черной как смоль. Видневшаяся часть лаборатории казалась неестественно обесцвеченной, будто на экране черно-белого телевизора. Через несколько секунд он услышал, как открылась дверь и раздался голос Эстер.

— Элбан, — робко произнесла она. — Комната изменилась. Все краски исчезли.

— Ты сюда лучше до моего приезда не заходи.

— Теперь-то уже можно... А комната вся белая, посмотри.

Изображение переместилось, и он увидел Эстер. Ее бронзовые волосы и зеленое платье невероятно ярко выделялись на фоне выцветшего призрачного помещения. Гаррода вновь охватило смутное волнение.

— Послушай, — озабоченно сказал он, — все же я думаю, тебе лучше выйти.

— Тут все стало совсем другим. Взгляни на эту вазу — она была синей. — Эстер перевернула вазочку — на донышке, куда не попадал прямой свет, сохранилась первоначальная окраска. Тревога усилилась, и Гаррод попытался стряхнуть сковавшее мозг оцепенение. Теперь, когда ретардит «разрядился», какая опасность могла существовать в лаборатории? Излученный свет поглотили стены, потолок и...

— Эстер, закрой глаза и уходи, — хрипло проговорил Гаррод. — Здесь полно образцов медленного стекла, и у некоторых период задержки всего...

Его голос сорвался, когда экран вновь озарила вспышка. Эстер закричала сквозь сверкающую пелену, и ее изображение полыхнуло призрачным сиянием, будто оказалось

на скрещении лазерных лучей. Гаррод рванулся к двери кабинета, но голос Эстер преследовал его и в коридоре, и по пути домой...

— Я ослепла! — кричала она. — Я ослепла!

ГЛАВА 7

Для человека, достигшего самых больших высот в своей профессии, Эрик Хьюберт был на удивление молод. Этот розовощекий толстячок, вероятно, преждевременно полысел, потому что носил ультрамодный напыляемый парик. Кожу на голове покрывала какая-то черная клейкая органика, на которую сильной струей воздуха был нанесен хохолок тонких черных волос. Гарроду не верилось, что перед ним один из лучших офтальмологов западного полушария. Он даже чувствовал смутную радость, что Эстер, неестественно прямо сидящая напротив врача за огромным полированным столом, не может видеть Хьюберта.

— Настал момент, которого мы так долго ждали, — сказал Хьюберт низким протяжным голосом, совершенно не соответствующим его внешности. — Все утомительные проверки позади, миссис Гаррод.

«Дела, видно, плохи, — подумал Элбан. — Разве бы он начал так, имея хорошие известия?» Эстер чуть подалась вперед, но миниатюрное лицо за темными очками оставалось безмятежным. Расслабляющие интонации Хьюберта, казалось, мирили ее с окружающей тьмой. Гаррод, страшась думать о трагедии, вспомнил средних лет даму, подругу тетушки Мардж, которая хотела научиться игре на фортепиано и, остро воспринимая свой возраст, нашла слепого преподавателя.

— Что же они показали? — Голос Эстер был твердым и четким.

— Да, миссис Гаррод, удар вы получили, что называется, не в бровь... От вспышки роговая оболочка и хруста-

лики обоих глаз потеряли прозрачность. На нынешнем уровне развития офтальмологии хирургия бессильна.

Гаррод недоуменно покачал головой.

— Но ведь роговицу легко пересадить! Что касается прозрачности хрусталика... Разве это не катаракта? Почему же нельзя с необходимым перерывом прооперировать дважды?

— Мы имеем дело с особым случаем. Сама структура роговой оболочки так изменилась, что пересаженная ткань будет отторгаться уже через несколько дней. Еще счастье, что не началось прогрессирующее омертвение тканей. Мы, конечно, можем удалить хрусталики — вы совершенно верно заметили, — как при лечении обыкновенной катаракты. — Хьюберт замолчал и поправил свой нелепый демонический хохолок.

— Элбан! — Голос Эстер прозвучал неожиданно надменно. — Мистер Хьюберт уделил мне внимание и оказал помощь, какие только могут купить деньги. И я уверена, его ждут другие пациенты.

— Ты не понимаешь, что он говорит. — Гаррод чувствовал, как где-то глубоко внутри в нем зарождается паника.

— Прекрасно понимаю, дорогой. Я слепа, вот и все. — Эстер улыбнулась куда-то в область правого плеча Гаррода и сняла очки, открыв обесцвеченные глаза. — А теперь отвези меня домой.

Гаррод мог лишь единственным образом охарактеризовать свою реакцию на мужество и самообладание Эстер — он был пристыжен.

Спускаясь в лифте, он тщетно пытался найти подходящие слова, но молчание не смущало Эстер. Она стояла, высоко подняв голову, и слегка улыбалась, обеими руками держа его ладонь. В вестибюле здания медицинского искусства толпились люди с камерами.

— Прости, Эстер, — прошептал Гаррод. — Здесь съемочные группы. Видимо, им сообщили, что мы в городе.

— Меня это не беспокоит... Ты знаменит, Элбан.

Она еще крепче сжала его руку, и они вышли на улицу к автомобилю. Гаррод отмахнулся от микрофонов, и через несколько секунд машина уже неслась к аэропорту.

Эстер не преувеличивала его известность. Гаррод оказался в центре двух независимых событий, ставших сенсациями и завладевших всеобщим вниманием. Во-первых, получила распространение приукрашенная версия, как он в одиночку сумел раскрыть попытку портстонского игорного синдиката опорочить его тестя, а во-вторых, ходила история о секретных работах в области медленного стекла, приведших к созданию нового страшного оружия, первой жертвой которого пала жена изобретателя. Все попытки Гаррода растолковать истинное положение дел достигли прямо противоположного результата, и он решил придерживаться политики молчания.

В аэропорту Гаррод выхватил взглядом из толпы репортеров лицо Лу Нэша и повел Эстер к самолету. Там тоже поджидали журналисты и операторы, но Лу быстро поднял машину в воздух. После короткого перелета в Портстон руководитель отдела по связям с общественностью Мэнстон помог им пробиться сквозь плотные ряды репортеров, и вскоре они оказались дома.

— Давай посидим в библиотеке, — сказала Эстер. — Это единственная комната, которая стоит у меня перед глазами.

— Конечно. — Гаррод подвел Эстер к ее любимому креслу, сам сел напротив, и вокруг тотчас сомкнулось холодное коричневое молчание комнаты.

— Ты, должно быть, устала, — проговорил он. — Попрошу принести кофе.

— Я ничего не хочу.

— Что-нибудь выпить?

— Не надо. Давай посидим, Элбан. Мне придется привыкать к большим переменам...

— Понимаю. Могу я для тебя что-нибудь сделать?

— Просто побудь со мной.

Гаррод кивнул и откинулся на спинку, глядя, как ползет в высоких окнах предзакатное солнце. В углу громко тикали старинные часы, с каждым махом маятника творя и разрушая далекие вселенные.

— Скоро приедут твои родители, — спустя некоторое время произнес он.

— Нет. Я сказала, что сегодня мы хотим побыть одни.

— Но тебе лучше с людьми.

— Кроме тебя, мне никто не нужен.

Они пообедали вдвоем, затем вернулись в библиотеку. Всякий раз, когда Гаррод пытался начать разговор, Эстер давала понять, что она предпочитает молчание. Гаррод взглянул на часы — полночь, словно гребень горы, оставалась далеко впереди.

— Может быть, послушаешь какую-нибудь из звуковых книг, что я принес?

Эстер покачала головой.

— Ты же знаешь, я всегда была безразлична к чтению.

— Но это совсем другое — будто радио.

— Если бы мне захотелось, я бы послушала настоящее радио.

— Однако... Впрочем, ладно.

Гаррод заставил себя замолчать и взял книгу.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Просто читаю.

— Элбан, есть одна вещь, которая доставила бы мне удовольствие, — проговорила Эстер минут через пятнадцать.

— Что именно?

— Давай посмотрим вместе телевизор.

— Э... Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Возьмем каждый по комплекту. — Эстер по-детски оживилась. — Я буду слушать, а если чего-нибудь не пойму, ты мне объяснишь, что происходит. Так мы будем смотреть вместе.

Гаррод замялся. Снова всплыло слово «вместе», так часто повторяемое Эстер в эти дни. Ни она, ни он не возвращались больше к вопросу о разводе.

— Хорошо, дорогая. — Гаррод достал два стереокомплекта и один из них надел на голову Эстер. Ее лицо выражало покорное ожидание.

Подъем к полуночи становился все длиннее и все круче.

На четвертое утро он схватил Эстер за плечи и повернул ее к себе.

— Все, сдаюсь! Да, в том, что ты ослепла, есть и моя вина. Но я так больше не могу!

— Чего не можешь, Элбан? — обиженно и удивленно спросила Эстер.

— Терпеть это наказание. — Гаррод судорожно втянул в себя воздух. — Ты слепа — но я не слеп. Мне нужно продолжать работать...

— У тебя есть управляющие.

— ...и жить!

— Ты по-прежнему хочешь развода! — Эстер вырвалась, пробежала несколько шагов и упала, ударившись о журнальный столик. Она лежала на полу, не делая попытки встать, и тихо плакала. Гаррод секунду беспомощно смотрел на жену, потом поднял ее и прижал к себе.

Днем по видеофону позвонил Макфарлейн. Руководитель научно-исследовательских работ выглядел бледным и усталым, и только уменьшенные вогнутыми линзами глаза его ярко сияли.

Разговор он начал, как всегда справившись об Эстер, но нарочито спокойный тон не мог скрыть владевшего им возбуждения.

— Нормально, — ответил Гаррод. — Сейчас идет период адаптации...

— Представляю. Между прочим, когда тебя ждать в лаборатории, Эл?

— Скоро. На днях, вероятно. Ты звонишь, просто чтобы скоротать время?

— Нет. Вообще-то говоря...

Гаррода кольнуло предчувствие.

— Получилось, да, Тео?

Макфарлейн с мрачным видом кивнул.

— Мы добились управляемой эмиссии. Самый обыкновенный маятниковый эффект, но с переменной частотой, регулируемой обратной связью в рентгеновском диапазоне. Сейчас мои ребята гоняют кусок медленного стекла, как домашний кинопроектор. Хотят — ускорят до часа за минуту, хотят — замедлят почти до полной остановки.

— Полный контроль!

— Я же говорил — дай мне три месяца, Эл; прошло всего десять недель. — Макфарлейн смутился, словно сбол-

тнув то, о чем предпочитал бы молчать, и Гаррод немедленно понял: если бы не его эгоистические попытки добиться успеха самому, Эстер не потеряла бы зрение. Вина и ответственность лежали на нем, и только на нем.

— Поздравляю, Тео.

Макфарлейн кивнул.

— Я думал, что буду ликовать. Ретардит теперь безупречен. Заданный период задержки — вот что его ограничивало. Отныне простой кусок медленного стекла превосходит самые дорогие кинокамеры. Все прежнее бледнеет по сравнению с тем, что нас ждет впереди.

— Так чем же ты недоволен, Тео?

— Я только что понял, что никогда больше не буду по-настоящему один.

— Не мучь себя, — тихо проговорил Гаррод. — Нам всем придется с этим свыкнуться.

ГЛАВА 8

Весть о том, что Эстер снова будет видеть — хотя и совершенно необычным способом, — пришла в день, который был уже расписан Гарродом до минуты.

Первым в то утро он принимал Чарльза Мэнстона: они собирались обсудить «широкий круг проблем, касающихся связей с общественностью». Мэнстон был высок и тощ, с орлиным профилем и небрежно висящими прядями черных волос.

В одежде он отдавал предпочтение сугубо английскому стилю «вплоть до темно-синих галстуков в белый горошек» и говорил с акцентом, который Гаррод про себя называл среднеатлантическим. Некогда Мэнстон был маститым журналистом, а теперь умело и энергично руководил отделом по связям с общественностью.

— Это продолжается год, если не больше, — сказал он, силясь вернуть к жизни сигарету с золотым мундшту-

ком. — Общественное мнение восстает против наших изделий.

Гаррод перебирал газетные вырезки и записи передач, которые положил перед ним Мэнстон.

— А вы не сгущаете краски? Вы уверены, что существует такой зверь, как общественное мнение?

— Не только существует, но и очень силен. Поверьте, Элбан. Если он на твоей стороне — прекрасно, если враждебен — беды не миновать. — Мэнстон протянул Гарроду листок. — Вот как нас воспринимают, судя по этим статьям. Почти шестьдесят процентов публикаций направлены против ретардита и изделий на его основе, еще двенадцать процентов содержат недружественные намеки. Это как раз то, что мы называем плохой прессой, Элбан.

Гаррод взглянул на таблицу с цифрами, но привычка Мэнстона звать его полным именем напомнила об Эстер и о сообщении, полученном от Эрика Хьюберта. Операция прошла успешно, к Эстер снова вернется зрение — если считать зрением то, что так внезапно предложил хирург.

— Вот более подробная статистика, — продолжал Мэнстон. — Масса забастовок и других выступлений профсоюзов: они не желают, чтобы на заводах устанавливали мониторы из медленного стекла. Масса протестов борцов за гражданские права против решения правительства оборудовать все виды наземного транспорта контрольными панелями из ретардита. Да еще эта Лига защиты частной жизни — она только что родилась, но ее влияние растет с каждым...

— Что вы предлагаете? — перебил Гаррод.

— Придется пойти на расходы. Мы можем развернуть кампанию по ориентации общественного мнения, но понадобится не меньше миллиона.

Еще минут двадцать Мэнстон развивал свой план подготовительных мероприятий к проведению такой кампании. Гаррод, слушая вполуха, одобрил всю программу, и Мэнстон, исполненный благодарности и энтузиазма, устремился к выходу. У Гаррода осталось впечатление, что, выскажись все газеты в поддержку ретардита, глава отдела по связям с общественностью все равно убедил бы его выложить миллион — чтобы удержаться на гребне успеха.

И хотя миллион теперь значил для Гаррода меньше, чем один-единственный доллар в далеком детстве, он так и не смог до конца преодолеть отношение к деньгам, воспитанное в нем годами жизни со скрягой-дядюшкой там, в Барлоу, штат Орегон. Каждый раз, выписывая чек на солидную сумму или утверждая крупные ассигнования, он представлял лицо дяди, серое от дурных предчувствий.

Следующей была встреча с Шикертом, главой отделения жидких светокрасителей. Отделение выпускало тиксотропную эмульсию, состоявшую из прозрачного полимера и частиц измельченного медленного стекла с периодом задержки от нескольких часов до недели. Применялась эта краска в основном архитекторами: ночью покрытые ею здания испускали мягкий, нежный свет. Но неожиданно измельченный ретардит стал пользоваться большим спросом у других изготовителей красок. Викерт предлагал построить новый завод, который позволил бы увеличить производство ретардита на тысячу тонн в неделю. И снова Гаррод позволил уговорить себя, меж тем как мысли его были далеко. Наконец, взглянув на часы, он увидел, что менее чем через час ему отправляться в Лос-Анджелес, и с облегчением покинул контору.

— Поначалу возможны неприятные ощущения, — сказал Эрик Хьюберт, — зато миссис Гаррод снова видит.

— Уже! — Гаррод с трудом находил слова, чтобы выразить хаос завладевших им чувств. — Я... Я весьма признателен.

Хьюберт нежно водил пальцем по границе пушистого клина искусственных волос — парик придавал ему сходство с розовым пластмассовым Мефистофелем.

— Сама по себе операция была несложной, поскольку переднюю камеру глаза мы предварительно закрыли инертной коллоидной пленкой. Это позволило удалить сумку хрусталика и сделать прорези в роговице без потери... Простите, вам тяжело слушать?

— Ничего, ничего.

— Беда нашей профессии — нельзя похвастаться своей работой. Глаз — удивительно прочный орган, но люди, особенно мужчины, не могут слышать о подробностях даже

самой простой операции. Люди, в сущности, и есть их глаза. Мы подсознательно ощущаем, что сетчатка — это продолжение мозга, а потому...

— Могу я увидеть жену?

— Разумеется. — Хьюберт даже не сделал попытки встать со стула и принялся перекладывать стопки бумаг. — Прежде чем мы пойдем к миссис Гаррод, я хочу объяснить, что от вас потребуется.

— Не понимаю. — Гаррод ощутил беспокойство.

— Я пытался убедить миссис Гаррод, что гораздо удобнее были бы ежедневные визиты опытной сестры, сведущей в офтальмологии. Но она и слышать об этом не желает. — Хьюберт устремил на Гаррода спокойный, оценивающий взгляд. — Она хочет, чтобы каждое утро диски ей меняли вы.

— О... — Гаррода передернуло. — Что же мне придется делать?

— Ничего сложного, вы отлично справитесь, — сказал Хьюберт мягко, и Гаррод вдруг почувствовал отвращение к самому себе за то, что позволил нелепой внешности хирурга повлиять на его, Гаррода, мнение об этом человеке. — Вот эти диски.

Он открыл плоский футляр и показал Гарроду маленькие стеклянные пластинки, лежавшие парами. Диски диаметром менее сантиметра с загнутыми вверх стеклянными хвостиками — крохотные полупрозрачные сковородки. Одни диски были угольно-черными, другие излучали свет различных оттенков.

Губы хирурга дрогнули в улыбке.

— Не мне объяснять вам, что это за материал. Эти ретардитовые диски имеют различное время задержки — один день, два или три дня. Один день — минимальный период, потому что открывать прорези в роговице чаще одного раза в двадцать четыре часа не рекомендуется. Для замены дисков нужно смочить глаза вашей жены смесью анестезирующего средства и фиксатора и, взявшись за выступы, плавным скользящим движением извлечь старые диски из прорезей. Затем вставить новые диски и выдавить на прорези немного защитного геля. Все это сложно лишь на первый взгляд.

Прежде чем миссис Гаррод выйдет из клиники, вы несколько раз проделаете эту процедуру под нашим наблюдением. Со временем она покажется вам пустяковой.

Гаррод наклонил голову.

— Так к моей жене вернется настоящее зрение?

— Настоящее, с той, разумеется, оговоркой, что она увидит все на день, два или три позже — смотря по тому, какими дисками пользуется.

— Хотел бы я знать, как сравнить это с обычным зрением.

— Важнее сравнить это с полной слепотой, мистер Гаррод, — твердо сказал Хьюберт.

— Извините меня, не думайте, что я не ценю сделанное вами. Это не так. Как восприняла новость Эстер?

— Прекрасно. Она говорит, что любила смотреть телевизор; сейчас у нее снова появилась такая возможность.

Гаррод нахмурился.

— А звук?

— Звук можно записать и проигрывать синхронно с изображением, которое она видит. — Хьюберт заговорил с подъемом. — Подобная операция поможет многим, и, вполне вероятно, когда-нибудь появятся телестудии, передающие звук по специальному каналу ровно через сутки после изображения. Тогда самый обычный стереовизор при пустяковой переделке звукового тракта...

Гаррод отвлекся — он свыкался с мыслью, что его жена снова будет видеть. Эстер ослепла почти год назад, с тех пор они проводили вместе каждый вечер и выходили из дома раз шесть, не больше. Гарроду казалось, что столетия просидел в тусклых сумерках библиотеки, пересказывая Эстер события бесконечных телепередач.

— Какой интересный голос! — говорила Эстер. — Он подходит актеру?

А бывало иначе. Она опережала ответ Гаррода и длинно рассказывала, каким представляется ей владелец того или иного голоса, а потом требовала, чтобы Гаррод подтвердил ее правоту. И почти всегда ошибалась — даже в тех случаях, когда, как подозревал Гаррод, могла бы описать говорящего по памяти. Она принимала его поправки с благосклонной

слегка печальной улыбкой, дарующей прощение за то, что он ослепил ее, и прощение это еще крепче связывало его по рукам и ногам. Иногда же Эстер говорила слова, нота прощения в которых звенела с устрашающей силой, вызывая у Гаррода приступ удушья. Вот что произносила она, сияя лицом:

— Уверена, декорации, которые я придумала для этой пьесы, гораздо лучше тех, что вынуждены видеть зрители.

Теперь, впрочем, Эстер сможет сама дать пищу своим глазам, и он вздохнет свободней.

— Если угодно, мы можем пойти к миссис Гаррод, — сказал Хьюберт.

Гаррод кивнул и последовал за хирургом. Эстер сидела в постели в просторной комнате, наполненной косыми колоннами солнечного света. Ее глаза были прикрыты массивными, со щитками по краям, очками. Лицо, выражавшее глубокую сосредоточенность, оставалось неподвижным — по-видимому, она не слышала их шагов. Гаррод подошел к постели и, решив, что ему следует привыкать к последствиям этой необыкновенной операции, заглянул в лицо жены. За стеклами очков мигали красивые голубые глаза. Глаза незнакомого человека. Он невольно сделал шаг назад и заметил, что они не отреагировали на его присутствие.

— Мне следовало предупредить вас, — прошептал Хьюберт. — Миссис Гаррод не пожелала носить темные очки. На ней ретардитовые стекла, запечатлевшие глаза другого человека.

— Где вы их взяли?

— Они есть в продаже. За определенную плату женщины с красивыми глазами соглашаются целый день не снимать ретардитовых очков. Другие, не жалуясь на зрение, носят их в чисто косметических целях. Сетка из ретардита с мелкими ячейками позволяет прекрасно видеть через такие стекла, а глядя на них извне, вы увидите глаза выбранной формы и цвета. Неужели вы таких не замечали?

— Боюсь, что нет. Я, знаете ли, в последнее время не часто бывал на людях. — Гаррод говорил громко, чтобы привлечь внимание Эстер.

— Элбан, — отозвалась она сразу и протянула руки. Гаррод сжал теплые сухие пальцы и легко поцеловал ее в

губы. Чужие голубые глаза неотрывно и снисходительно смотрели через очки Эстер.

Он опустил взгляд.

— Как ты себя чувствуешь?

— Великолепно! Я снова вижу, Элбан.

— Так же, как... прежде?

— Лучше, чем прежде. Оказывается, я была немного близорука. Сейчас я смотрю на океан — это где-то у Пьедрасбланкас-Пойнт — и вижу на целые мили. Я уже забыла, сколько оттенков голубого и зеленого в морской воде... — Голос Эстер затих, рот приоткрылся от удовольствия.

В Гарроде проснулась надежда.

— Я так рад за тебя, Эстер. Мы пошлем твои диски в любую страну, куда захочешь. Ты побываешь на Бродвее, посмотришь лучшие спектакли, ты сможешь путешествовать...

Эстер засмеялась.

— Но это означало бы разлуку с тобой.

— Мы не будем в разлуке. Ведь на самом деле я всегда буду рядом.

— Нет, милый. Я не хочу потратить этот дар на то, чтобы всю оставшуюся жизнь смотреть фильмы о путешествиях. — Пальцы Эстер сомкнулись на его руке. — Мне нужно совсем другое, то, что близко нам обоим. Мы сможем вместе гулять в нашем саду.

— Это хорошая мысль, дорогая, но ты не увидишь этот сад.

— Увижу, если мы будем выходить каждый день в одно и то же время и выбирать всегда одни и те же тропинки.

Гарроду показалось, что холодный ветер коснулся его лба.

— Но это значит жить во вчерашнем дне. Ты гуляешь в саду, но видишь его таким, каким он был накануне...

— Разве это не замечательно? — Эстер поднесла его руку к губам. Он ощутил, тепло ее дыхания. — Ты будешь носить мои диски, Элбан? Я хочу, чтобы ты никогда с ними не расставался. И тогда мы всегда будем вместе.

Гаррод попытался отнять руку, но Эстер держала крепко.

— Обещай мне, Элбан, — ее голос звенел и ломался, — обещай, что разделишь со мной свою жизнь.

— Успокойся, — сказал Гаррод. — Все будет как ты хочешь.

Он оторвал глаза от пальцев, яростно впившихся в его руку, и заглянул в лицо Эстер. Голубые глаза незнакомки смотрели на него с безмятежным и равнодушным довольством.

ГЛАВА 9

Сенатор Джерри Уэскотт был убит в два часа тридцать три минуты на пустынной дороге в нескольких милях к северу от Бингхэма, штат Мэн.

Точное время смерти удалось определить благодаря тому, что орудием убийства послужила мощная лазерная пушка, превратившая в пар чуть ли не весь автомобиль, в котором ехал сенатор. Убийца выбрал место, где дорога ныряет в глубокую лощину, поэтому вспышки никто из находящихся поблизости не увидел, но ее засек военный спутник наблюдения «Окосм-11» и немедленно передал информацию на подземную станцию слежения. Оттуда сигнал поступил в Пентагон, а несколько позже, но не более чем через час, были уведомлены и гражданские власти.

Лазерная пушка весьма эффективна и при этом сжигает все подряд. По мнению экспертов, преступник выбрал именно это оружие, чтобы наверняка уничтожить ретардитовые контрольные панели и все другие устройства из медленного стекла, установленные на автомобиле. Преступный мир довольно быстро усвоил, что не следует попадать в поле зрения любого осколка медленного стекла, пусть даже ночью, пусть даже на большом расстоянии, поскольку стекло это может быть «опрошено» с помощью специальных оптических методов. Теперь же, когда появилась возможность воспроизводить записанное на ретардите изображение в любой момент, не ожидая, пока истечет номинальный период задержки, такие меры предосторожности стали насущной необходимостью.

В данном случае лазер полностью уничтожил все ретардитовые детали машины. Тело сенатора было обуглено

до такой степени, что только уцелевший огнестойкий портфель с бумагами позволил сразу идентифицировать труп.

Известие об убийстве, зародившись в виде легкого всплеска фотонов в телекамере спутника, распространилось по широковещательной сети связи и через считанные часы приобрело масштабы цунами.

Независимо от того, до какой степени это событие можно было предугадать, независимо от того, сколько раз подобное случалось в прошлом, убийство человека, который менее чем через год мог бы стать президентом Соединенных Штатов Америки, привлекло всеобщее внимание.

ГЛАВА 10

Стоял лучезарный вечер, но Эстер, гуляя по саду, восхищалась вчерашним дождем.

— Как удивительно, Элбан! — Она потянула его за локоть, вынуждая замедлить шаг у группы темно-зеленых кустов. Он вспомнил, что здесь же они останавливались вчера. Эстер нравилось изображать человека с нормальным зрением, приспосабливая движения и жесты к образам, запечатленным в ее дисках накануне. — Я вижу, вокруг меня дождь, — продолжала она, — но ощущаю только тепло солнечных лучей. Солнце — мой зонтик.

Гаррод был почти уверен, что Эстер пытается сказать нечто проникновенное или исполненное поэтического чувства, поэтому он ободряюще сжал ее ладонь, стараясь в то же время, чтобы его лицо не попало в поле зрения двух черных дисков, поблескивающих на отвороте ее жакета. Он уже успел убедиться, что выражение нетерпения или недовольства, зарегистрированное глазами-протезами Эстер, но доходящее до ее сознания лишь через двадцать четыре часа, портило их отношения в большей степени, чем стихийная ссора.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Вот-вот подадут обед.

— Еще минутку. Вчера мы подошли к бассейну, чтобы я увидела пузыри на воде.

— Хорошо, хорошо. — Гаррод подвел ее к краю длинного водоема, облицованного бирюзовым кафелем. Несколько секунд Эстер стояла у кромки, потом наклонилась над их отражениями. Глядя вниз на гладкую поверхность воды, Гаррод мог видеть за стеклами очков Эстер те же огромные голубые глаза незнакомки. Вблизи них — так казалось из-за искаженных пропорций отражения — виднелись два черных как ночь пятна, ее окна в мир, но окна, способные передать ей образы этого мира только через сутки. Рядом скорчилось и подрагивало его собственное отражение — черные провалы вместо глаз, как деталь написанной маслом картины, увеличенная до размеров, обнажающих все ее несовершенства. «Там, внизу, — истинный я, — подумал Гаррод. — А здесь — мое отражение». Он дышал глубоко, но воздух, казалось, не попадал в легкие. Сердце распухло, как подушка, мягко и глухо завозилось в грудной клетке, вызывая удушье.

— Пора, — скомандовала Эстер. — Идем.

Они пошли к дому, затканному плющом, где их ждала вечерняя трапеза. Эстер по обыкновению съела немного салата из крабов — она предпочитала постоянное меню и не жаловала разнообразия в пище, которое нарушало повторяемость вчерашних образов. Гаррод едва прикоснулся к еде и встал. Эстер сняла с лацкана диски и вручила их мужу. Он принял от нее пластмассовую рамку и направился в лабораторию, чтобы приготовить все для вечерней телепередачи.

В углу лаборатории стоял старомодный телевизор с большим экраном, а рядом располагались магнитофон и автоматическое устройство переключения каналов, выбирающее программы в соответствии с заранее высказанными Эстер пожеланиями. Диски-глаза Гаррод поместил на специальной подставке перед экраном. Там же лежали очки — с виду обычные, но на самом деле вместо линз в них были вставлены диски из медленного стекла толщиной в двадцать четыре часа. Эти очки предназначались ему.

Гаррод заменил свои очки точно такой же парой и включил телевизор, магнитофон и переключатель каналов. Взяв

кассету с лентой и очки со вчерашней записью, он пошел в библиотеку. Там, сидя в своем любимом мягком кресле с высокой спинкой, его ожидала Эстер. Надев очки, он увидел последние известия, которые транслировались ровно сутки назад. Он вставил кассету в магнитофон, отрегулировал синхронизацию звука с изображением и сел рядом с женой. Начался очередной домашний вечер.

Обычно Гаррод мог с полным равнодушием воспринимать передачу новостей суточной давности. Но сегодня, когда утреннее сообщение об убийстве сенатора Уэскотта еще не потускнело в памяти, это было мучительным испытанием. Вчерашний день был столь же далек, безвозвратен и не нужен, как пунические войны. Но именно во вчерашнем дне он жил по воле своей жены. Гаррод сидел, стиснув кулаки, и вспоминал тот единственный случай, когда месяц назад он попытался освободиться. Эстер, крича от боли, вырвала из глаз диски и день за днем оставалась слепой, пока не добилась от него обещания восстановить прежнюю степень их близости. Он снова почувствовал, что ему не хватает воздуха, и заставил себя дышать глубоко и ритмично.

Прошло около часа, когда Макгилл, их дворецкий, бесшумно вошел в библиотеку и сообщил Гарроду о срочном звонке из Огасты.

Гаррод взглянул на безмятежное лицо жены.

— Вы же знаете, я не отвечаю на деловые звонки в это время. Пусть этим займется мистер Фуэнте.

— Мистер Фуэнте уже говорил с Огастой, мистер Гаррод. Именно он дал ожидающему ответа господину ваш номер. Мистер Фуэнте просил передать, что дело требует вашего личного участия. — Почтительное отношение к Эстер заставляло дворецкого говорить тихо, но его круглое румяное лицо выражало настойчивость.

— В таком случае... — Гаррод поднялся с кресла, обрадованный неожиданной возможностью прервать унизительную процедуру, снял очки и спустился в кабинет на первом этаже. С экрана видеофона смотрел мужчина мощного сложения в дорогом костюме.

Бросались в глаза яростный взгляд и эффектная белая прядь в волосах.

— Мистер Гаррод, — сказал мужчина. — Я — Миллер Побджой, начальник полицейского управления штата Мэн.

У Гаррода было ощущение, что это имя он уже слышал сегодня, но не помнил, при каких обстоятельствах.

— Чем могу быть полезен?

— Многим, я полагаю. Мне поручено вести расследование убийства сенатора Уэскотта, и я прошу вашего содействия.

— В расследовании убийства? Не понимаю, чем я могу вам помочь.

Побджой улыбнулся, показав очень белые, чуть неровные зубы.

— Не скромничайте, мистер Гаррод. Насколько я знаю, после Шерлока Холмса вы самый знаменитый детектив-любитель.

— Именно любитель, мистер Побджой. Дело моего тестя касалось нашей семьи, и только.

— Я понимаю, вы не сыщик. Это была шутка. Причина моего звонка... Канал защищен от перехвата?

Гаррод кивнул.

— Да. Если угодно, у меня есть защитная накидка, модель 183.

— Думаю, в этом нет необходимости. Нам удалось найти осколки ретардитовой контрольной панели автомобиля, в котором ехал сенатор. Мы хотим собрать группу экспертов и предложить им выяснить, не содержится ли в осколках какой-либо информации об убийце или убийцах.

— Осколки? — Гаррод почувствовал, что в нем проснулся интерес. — Какие осколки? Насколько я понял из сообщений, автомобиль превращен в лужу металла.

— В том-то и загвоздка, что мы сами толком не знаем, что нашли. Есть несколько кусков оплавленного металла, и мы предполагаем, что в одном из них заключена ретардитовая панель. Эксперты считают, что разрезать металл опасно, поскольку механические напряжения могут разрушить стекло.

— Это ничего не изменит, — живо сказал Гаррод. — Если ретардитовая панель соприкасалась с раскаленным добела металлом, весь набор внутренних напряжений разрушен. Информация в таком случае стерта.

— Неизвестно, до какой температуры был нагрет металл. Мы не знаем даже, был ли он расплавлен, когда эти образцы приняли теперешнюю форму. Ведь на них действовала и сила взрыва.

— Тем не менее я утверждаю, что информация не сохранилась.

— Может ли ученый делать столь решительный вывод, даже не взглянув на объект исследований? — Побджой наклонился вперед, нетерпеливо ожидая ответа.

— Нет, разумеется.

— Так вы посмотрите образцы?

Гаррод вздохнул.

— Хорошо. Пришлите их ко мне в портстонскую лабораторию.

— К моему сожалению, мистер Гаррод, вам придется приехать сюда. Мы не можем вывозить материалы следствия за пределы штата.

— К моему сожалению, я не вижу возможности уделить этому делу столько времени...

— Опасность велика, мистер Гаррод. Политические убийства уже нанесли стране огромный ущерб.

Гаррод вспомнил, с каким жаром Джерри Уэскотт защищал свой проект социальных реформ, как ненавидел он несправедливость, порожденную неравенством. Гнев, вызванный безвременной смертью сенатора, весь день подспудно владел сознанием Гаррода, но неожиданно на это чувство наложилось совершенно новое соображение. «Ведь мне придется ехать туда без Эстер».

— Хорошо, я попробую вам помочь, — сказал он вслух. — Где мы встретимся?

Когда разговор закончился и экран потух, он с минуту стоял, неотрывно глядя в его поддельную серую глубину. Сначала им овладело детское ликование, но вскоре сама сила его реакции породила отрезвляющий вопрос: «Почему я позволил Эстер закабалить себя?»

Гаррод подумал, что самая надежная тюрьма — та, двери которой не заперты, если только заключенный не смеет распахнуть эти двери и выйти на волю. В чем его, Гаррода, вина? В том лишь, что он забыл о существовании запасного

ключа от лаборатории. Но если взрослый человек недвусмысленно предостерегает другого взрослого человека...

— Так ты едешь в Огасту, — раздался голос Эстер за его спиной.

Он обернулся.

— Я не смог найти отговорки.

— Знаю, милый. Я слышала, что говорил мистер Побджой.

Гаррода удивила спокойная интонация ее голоса.

— Ты не против?

— Нет, если ты возьмешь меня с собой.

— Об этом не может быть и речи, — твердо сказал он. — Мне придется работать, разъезжать...

— Я понимаю, что буду тебе помехой, если поеду сама. — Эстер улыбнулась и протянула руку.

— Но как же в таком случае... — Гаррод остановился на полуслове, увидев на ее ладони плоский футляр — один из тех, в которых хранились запасные комплекты дисков.

Да, в одиночестве он не останется.

ГЛАВА 11

Самолет взлетел ранним ясным утром, заложил вираж над Портстоном и, набирая высоту, взял курс на восток.

— Придется лететь низко, — напомнил Лу Нэш по внутренней связи. — Коммерческие трассы все еще закрыты для нас.

— Я уже слышал это, Лу, не беспокойтесь, — сказал Гаррод, вспоминая наказание, назначенное авиаинспекцией за безумный рывок в Мейкон. С тех пор прошла вечность.

— При такой высоте и малой скорости полет обходится дороже.

— Я же сказал, не волнуйтесь. — Гаррод улыбнулся, понимая, что Нэш беспокоится не о расходах, а о том, что ему не придется дать волю этому снаряду с обитым

мягкой кожей нутром. Гаррод откинулся в кресле и стал наблюдать за кукольным миром, проплывавшим внизу. Заметив, что пластмассовая рамка с дисками Эстер, приколотая к лацкану пиджака, располагалась ниже уровня иллюминаторов, он снял прибор, включающий в себя и микромагнитофон, и пристроил его на нижней кромке окна, чтобы бдительные черные кружки смотрели наружу. «Желаю приятно провести время», — подумал он.

— Еще один! — В скрытые динамики ворвался возбужденный голос пилота.

— Что там? — Гаррод глянул вниз на панораму рыжевато-коричневых холмов в крапинках кустарника, которую пересекало одинокое шоссе. Ничего необычного.

— Они опыляют посевы с высоты двух тысяч футов.

Неопытный глаз Гаррода тщетно пытался отыскать что-либо похожее на самолет.

— Но здесь нет никаких посевов.

— В том-то и фокус. За последний месяц я трижды видел их за такой работой.

Самолет накренился на правый борт, давая возможность разглядеть большее пространство, и неожиданно Гаррод увидел крошечный блестящий крестик далеко внизу. Крестик двигался перпендикулярно их курсу, за ним тянулся белый перистый след. Вдруг след оборвался.

— Он нас заметил, — сказал Нэш. — Они всегда прекращают опрыскивать, когда замечают другой самолет.

— Две тысячи футов — высоковато для такой работы, вам не кажется? С какой высоты обычно производят опыление?

— На бреющем. Вы правы, это тоже странно.

— Просто испытывают новый распылитель.

— Но...

— Лу, — строго сказал Гаррод, — на нашем самолете слишком много автоматики. Вам просто нечем заняться. Либо беритесь за штурвал сами, либо разгадывайте кроссворд.

Нэш пробормотал что-то вполголоса и впал в молчание до конца полета. Гаррод, который накануне провозился со сборами и лег поздно, дремал, пил кофе и снова дремал, пока встроенный в переборку видеофон не засигналил мелодичным звоном, требуя внимания. На экране

появилось горбоносое лицо Мэнстона, руководителя отдела по связям с общественностью.

— Доброе утро, Элбан, — сказал Мэнстон со своим обычным британо-американским произношением. — Вы видели утренние газеты?

— У меня не было времени.

— Ваше имя снова на первой полосе.

Гаррод напрягся.

— По какому поводу?

— Судя по заголовкам, вы летите в Огасту в полной уверенности, что после изучения остатков автомобиля сможете назвать убийцу сенатора Уэскотта.

— Что!

— Газеты полны намеков, что вы разработали новый метод извлечения информации из разбитого или оплавленного медленного стекла.

— Но это сущий бред! Я говорил Побджою, что вся информация... — Гаррод перевел дух. — Чарльз, вы вчера делали какие-нибудь заявления для прессы на этот счет?

Мэнстон поправил свой синий в горошек галстук и обидчиво поджал губы.

— Прощу вас, Элбан.

— Значит, это Побджой.

— Хотите, чтобы я опубликовал опровержение?

Гаррод покачал головой.

— Нет, пусть все идет своим чередом. Я поговорю с Побджоем при встрече. Спасибо, что сообщили мне.

Гаррод отключил видеофон. Откинувшись в кресле, он попытался снова задремать, но в плавное течение мыслей вплеталась тревожная нить, нарушая покой подобно тому, как блестящая змейка, пересекающая заводь, пускает рябь по ее недвижному прежде зеркалу. Последний год, прожитый рядом с Эстер, сделал его чрезвычайно чувствительным к определенным вещам, и сейчас он ощущал, что им явно манипулируют, используют его в чьих-то интересах. Сделанные Побджоем заявления прессе были не просто необдуманными, они находились в вопиющем противоречии с главной мыслью, которую Гаррод высказал в единственной их беседе. Побджой не производил впечат-

ления человека, который станет действовать наобум, без тщательно обдуманного плана. Но что он надеялся выиграть, поступая таким образом?

В полдень сверкающий, как новенькая монета, самолет Гаррода коснулся посадочной полосы. Пока он подруливал к месту высадки для частных машин, Гаррод взглянул в иллюминатор и увидел привычную уже группу репортеров и фотокорреспондентов. Кое-кто держал ретардитовые панели, в руках у других были обычные фотоаппараты, что отражало борьбу между различными фракциями профсоюза фотожурналистов. В последний момент Гаррод вспомнил о дисках Эстер и вновь приколол их к лацкану. Когда он спустился по трапу, репортеры бросились к самолету, но были остановлены внушительным отрядом полиции. Перед Гарродом выросла мощная высокая фигура Миллера Побджоя в темно-синем шелковом костюме.

— Примите мои извинения за эту толпу, — непринужденно сказал тот, пожимая руку Гаррода. — Мы сию же минуту уезжаем отсюда. — Он подал знак, и рядом с самолетом появился длинный черный автомобиль. Через мгновение Гаррод уже сидел внутри, и лимузин катил к воротам аэропорта. — Вы, я полагаю, привыкли к почестям, воздаваемым знаменитостям?

— Не такая уж я знаменитость, — ответил Гаррод и тут же выпалил: — Зачем вам понадобилось кормить газетчиков всей этой ахинеей?

— Ахинеей? — Побджой озадаченно наморщил лоб.

— Будто я уверен, что определю убийцу, используя новый метод извлечения информации из ретардита.

Лоб Побджоя разгладился до шелковистого блеска молодого каштана.

— Ах вот вы о чем! Кто-то из нашего пресс-отдела проявил излишнюю прыть. Это бывает, сами знаете.

— Представьте, не знаю. Мой управляющий по связям с общественностью уволил бы любого своего сотрудника, позволившего себе подобную выходку. После чего я уволил бы управляющего за то, что он это допустил.

Побджой пожал плечами.

— Кто-то увлекся, потерял голову, только и всего. Надо же было случиться, что Уэскотта убили именно здесь, в

нашем штате. Ведь единственная тому причина — регулярные наезды сенатора в Мэн на охоту и рыбную ловлю. Понятно, что все стараются проявить усердие.

Как ни странно, доводы Побджоя показались Гарроду неубедительными, но он решил предоставить события их естественному ходу. По пути из аэропорта в город он выяснил, что его партнерами по экспертному совету будут некто Джилкрайст из ФБР и руководитель одной из исследовательских лабораторий военного ведомства, временно откомандированный в Огасту для участия в расследовании. Им оказался полковник Джон Маннхейм — один из немногих военных, с которыми Гаррод встречался на коктейлях и болтал о том о сем. К тому же Маннхейм был — мысль об этом заставила сердце Гаррода учащенно забиться — непосредственным начальником той самой девицы восточного облика с серебристыми губами, которая, не пошевельнув пальцем, на целый день лишила Гаррода душевного равновесия. Он уже открыл рот, чтобы спросить, привез ли полковник с собой кого-либо из секретарей, но вспомнил об устройстве для записи изображения и звука, приколотом к лацкану. Рука непроизвольно поднялась и ощупала гладкую пластмассу.

— Забавная штучка, — улыбнулся Побджой. — Камера?

— Вроде того. Куда мы едем?

— В гостиницу.

— Я думал, мы сразу направимся в полицейское управление.

— Вам надо принять душ и позавтракать. — Побджой снова улыбнулся. — На пустой желудок человек соображает не в полную силу, вы согласны?

Гаррод неопределенно пожал плечами. Снова вернулось ощущение, что им манипулируют.

— Вы позаботились о помещении и лабораторном оборудовании?

— Все предусмотрено, мистер Гаррод. Вы познакомитесь с другими экспертами, и сразу после завтрака мы все отправимся в Бингхэм, чтобы вы смогли увидеть место убийства своими глазами.

— Какая от этого польза?

— Трудно сказать заранее, какую пользу мы извлечем из такого осмотра, но это естественный отправной пункт любого расследования убийства. — Побджой стал разглядывать улицу, по которой проезжала машина. — Иначе трудно уяснить картину событий. Относительное расположение жертвы и преступника, углы... А вот и наша гостиница — не хотите выпить чего-нибудь, перед тем как сесть за стол?

Очередная группа репортеров топталась на тротуаре у здания гостиницы, и снова их сдерживал полицейский кордон. Побджой дружески махнул рукой в сторону газетчиков, одновременно увлекая Гаррода в вестибюль.

— Регистрация не нужна, — сказал Побджой, — я позаботился обо всех мелочах. Ваш багаж уже прибыл.

Они прошли по роскошному ковру, поднялись в лифте на третий этаж и оказались в просторной, залитой солнцем комнате, обитой бледно-зеленым шелком, которая могла бы служить залом собраний привилегированного клуба. Гаррод увидел стол, накрытый персон на двадцать. В углу был оборудован бар, там-сям небольшими группами стояли мужчины — по виду правительственные чиновники и полицейское начальство. Гаррод сразу узнал Джона Маннхейма, чувствующего себя не в своей тарелке в темном деловом костюме.

Побджой принес Гарроду водку с тоником и представил его присутствующим. Единственный, о ком Гарроду приходилось слышать, был Хорейс Джилкрайст, судебный эксперт из ФБР. Им оказался мужчина с короткими, зачесанными вперед волосами песочного цвета и напряженным лицом человека, который слегка глуховат, но не намерен пропустить ни единого слова собеседника. Гаррод приканчивал вторую порцию крепчайшего напитка, и на него уже спускалось ощущение нереальности окружающего, когда он очутился рядом с Джоном Маннхеймом.

Он отвел полковника в сторону.

— Что здесь происходит, Джон? Меня не оставляет чувство, будто я принимаю участие в спектакле.

— Так оно и есть, Эл.

— Что вы имеете в виду?

На обветренном лице Маннхейма появилась усмешка.

— Ровным счетом ничего.

— Вы что-то скрываете.

— Эл, вы не хуже меня знаете, что для расследования убийства не собирают такую компанию.

— Господа, прошу к столу, — объявил Побджой, постукивая ложкой о стакан.

За длинным столом Джон Маннхейм оказался напротив Гаррода, однако для доверительной беседы расстояние было великовато. Гаррод несколько раз пытался поймать его взгляд, но полковник пил бокал за бокалом и оживленно переговаривался с сидящими по обе стороны. Гаррод ответил на два-три вопроса своих соседей и как мог постарался скрыть раздражение всем происходящим. Задумчиво мешая ложечкой кофе, он вдруг заметил, что в комнату вошла женщина и, склонившись над плечом полковника, шепчет ему что-то на ухо. Гаррод поднял глаза и почувствовал, что у него пересохло в горле. Он узнал иссиня-черные волосы и серебристые губы Джейн Уэйсон.

В то же мгновение она выпрямилась, и ее взгляд устремился к нему с откровенностью, лишившей его последних сил. Строгое выражение красивого лица на долю секунды смягчилось, и она быстро отошла от стола. Гаррод глядел ей вслед, исполненный окрыляющей уверенности, что он потряс Джейн Уэйсон не меньше, чем она его.

Прошла долгая минута, прежде чем он вспомнил о глазах Эстер, пришпиленных к его костюму, и вновь рука невольно поднялась, чтобы закрыть недремлющие блестящие диски.

Приняв душ и переодевшись, Гаррод присоединился к Маннхейму, Джилкрайсту и Побджою, чтобы ехать в Бингхэм для осмотра места преступления. После сытной еды всех клонило ко сну, говорили мало. Длинный автомобиль увяз в плотном потоке машин, идущих на север. Гаррод не переставал думать о Джейн Уэйсон, ее лицо в мерцающем ореоле стояло перед его глазами, и только мили через три он обратил внимание на многочисленные бригады рабочих, которые заменяли придорожные осветительные панели из медленного стекла.

— Что здесь происходит? — Гаррод тронул колено Побджоя и кивнул на машину с телескопической мачтой.

— А, вы об этом. — Побджой усмехнулся. — У нас в штате очень активная секция Лиги защиты частной жизни. Иногда по ночам ее члены выезжают на автомобилях с откидным верхом и стреляют по ретардитовым фонарям из охотничьих ружей.

— Но это погасит фонарь лишь на несколько часов, пока свет снова не пройдет сквозь стекло.

Побджой покачал головой.

— Если в материале появилась трещина, он считается опасным и фонари подлежат замене. Таково постановление муниципалитета.

— Но это обходится городу в круглую сумму!

— Не только нашему городу — пальба по ретардитовым фонарям становится национальным спортом. К тому же, вам и без меня это прекрасно известно, упал спрос на пейзажные окна.

— Должен признаться, — сказал Гаррод смущенно, — за последний год я несколько отошел от дел и плохо представляю рыночную ситуацию.

— Ваше неведение долго не продлится. Самые оголтелые члены Лиги забрасывают стекландшафты камнями. Более сдержанные гасят их «щекотателями», и гордые домовладельцы остаются с черными окнами.

— Что за публика в этой Лиге?

— В том-то и дело, что социальный состав очень пестрый. Преподаватели университетов, клерки, таксисты, школьники... Да кто угодно.

Откинувшись на мягком сиденье, Гаррод задумчиво глядел перед собой. Его вылазка во внешний мир давала пищу для размышлений: мир этот за окнами его библиотеки продолжал существовать, бороться, изменяться... Мэнстон был прав, говоря, что общественное мнение настроено против ретардита, но и он, как видно, недооценивал стремительно нарастающей мощи этого противодействия.

— Лично я не вполне понимаю такую антипатию, — сказал Гаррод. — А вы?

— Лично я, — ответил Побджой, — могу сказать, что такой реакции можно было ожидать.

— А падение преступности? Рост числа успешно раскрытых преступлений? Или обществу до этого нет дела?

— Есть, конечно. — Побджой недобро усмехнулся. — Но ведь все преступления тоже совершаются членами общества.

— Никто не любит, когда за ним шпионят, — неожиданно заговорил Джилкрайст.

Гаррод открыл рот для ответа, но вспомнил о глазах и ушах Эстер на его лацкане, о ненавистном своем жребии. Тишина воцарилась в автомобиле и не нарушалась почти всю дорогу, пока мощная машина легко преодолевала крутые петли шоссе, ведущего в край гор и озер.

— Когда начнете терять деньги на ретардите, — вдруг сказал Побджой бодрым голосом, — попробуйте вложить их в это дело.

Гаррод открыл глаза и глянул в окно. Они проезжали мимо ворот туристического центра. На ограде свежей краской сияло объявление: «Холмы медового месяца — сто акров безмятежной земли. Гарантируется полное отсутствие ретардита». Он снова закрыл глаза и подумал, что в мире медленного стекла естественный порядок вещей вывернут наизнанку: легенда порождает событие. Один из первых анекдотов, возникших после появления ретардита, рассказывал о торговце, который отдал паре молодоженов пейзажное стекло за смехотворно низкую цену, а через неделю явился к ним в дом и заменил стекло еще лучшим — вовсе бесплатно. Простаки-молодожены были счастливы, не ведая, что ретардит впускает в себя свет с обеих сторон и что их старые окна с успехом демонстрируются на холостяцких пирушках. При всей наивности этой истории она иллюстрирует глубоко укоренившийся в людях страх быть увиденными в тот момент, когда по вполне разумным биологическим и социальным причинам они стремятся к уединению.

Автомобиль сделал короткую остановку в Бингхэме, где членов экспертного совета представили руководству полиции округа, после чего все выпили по чашке кофе. К месту происшествия добрались на склоне дня. Часть дороги и окружающие холмы были огорожены толстыми веревками, но сожженную машину уже убрали, и о случившемся напоминали только глубокие шрамы, проплавленные в земле.

К Гарроду вернулось убеждение, что расследование обречено на неудачу. Почти час под пристальными взглядами репортеров, которых внутрь ограды не пускали, он слонялся по этому участку шоссе, подбирая застывшие капли металла. Как он и думал, вся эта процедура, включая короткую лекцию Побджоя о возможном типе и расположении лазерной пушки, была бесполезной. Гаррод выразил свое растущее раздражение тем, что сел на выступ скалы и устремил взор в небо. Высоко, в полной тишине, небесную синь пересекал маленький белый самолет. Такие машины обычно опыляют посевы.

На обратном пути в Огасту кто-то включил радио и настроился на последние известия. Два сообщения заинтересовали Гаррода. Одно касалось заявления прокурора штата о значительном прогрессе в расследовании убийства сенатора Уэскотта, в другом говорилось о начале давно ожидаемой забастовки почтовых работников. В знак протеста против установки мониторов из ретардита в пунктах сортировки обработка и доставка почты прекращались.

Гаррод решительно повернулся к Побджою.

— О каком прогрессе идет речь?

— Я ничего не говорил о прогрессе, — возразил Побджой.

— Опять это энтузиаст из пресс-отдела?

— Вполне возможно. Вы же знаете их манеру.

Гаррод фыркнул и хотел было снова высказаться по поводу порядков в пресс-отделе окружной прокуратуры, но в этот момент его осенило, что объявленная забастовка почтовых работников коснется и его лично. С Эстер они условились, что он будет посылать ей диски ежевечерней стратосферной курьерской почтой, чтобы на следующее утро перед завтраком сестра могла вставить их в роговицу. Навязывая Гарроду этот план, Эстер устроила сцену, и он не сдержался, выказал раздражение. Теперь было особенно важно продемонстрировать стремление найти другой способ связи. Гаррод вынул из кармана радиотелефон и набрал код Лу Нэша.

Тот откликнулся сразу.

— Мистер Гаррод?

— Лу, объявлена забастовка на почте. Вам придется поработать почтальоном, пока я в Огасте.

— Хорошо, мистер Гаррод.

— Придется каждый вечер летать в Портстон, а утром возвращаться.

— Не вижу затруднений, кроме, пожалуй, этих ограничений скорости и высоты полета. Аэродром Портстона в полночь закрывается, так что я буду вылетать из Огасты не позднее девятнадцати ноль-ноль.

Гаррод хотел было сказать, что готов заплатить любую сумму за круглосуточную работу аэродрома, но вдруг им овладело столь несвойственное ему желание слукавить. Он велел Нэшу прийти в гостиницу к шести часам и откинулся в кресле с приятным чувством вины. Вечер на свободе, да еще в чужом городе. Эстер захочет узнать, почему он не носил ее диски, а он ответит, что ее глаза, предназначенные для этого дня, вбирали в себя подробности полета Нэша в Портстон. Не может же она втиснуть лишние шесть часов зрения в двадцатичетырехчасовые сутки. Оставалось решить, куда потратить эти подаренные судьбой часы, часы свободы. Гаррод прикинул несколько вариантов, включая театр и возможность напиться до потери сознания, но понял, что пытается обмануть себя, а если уж он собрался обвести вокруг пальца жену, то важно остаться честным с самим собой.

В этот вечер он намерен приложить все усилия, чтобы — при благоприятных обстоятельствах — остаться наедине со среброгубой секретаршей Джона Маннхейма.

Гаррод приколол рамку с дисками к отвороту Лу Нэша, улыбнулся на прощание черным бусинкам и посмотрел вслед пилоту, пересекавшему вестибюль. Ему показалось, что Нэш шел не обычной своей походкой, а принужденно, и Гаррод вдруг понял, каким представляется его брак постороннему человеку. Узнав, что это за диски, Нэш не сказал ни слова, но не мог скрыть недоуменных глаз. Почему, прочитал в них Гаррод молчаливый вопрос, человек, имеющий возможность менять красавиц каждую неделю, каждый день, пока в нем остается хоть капля сил, хоть тень желания, почему он остается подвластным Эстер? В самом деле, почему? Гаррод никогда не задумывал-

ся над этим всерьез, считая себя естественным приверженцем единобрачия. Не кроется ли истина в том, что у Эстер — расчетливой, преследующей выгоду во всех делах — хватило ума приобрести себе именно такого мужа, который ее устраивал?

— Вот где он прячется! — раздался за спиной голос Маннхейма.

— Вставайте, Эл, выпьем перед обедом.

Гаррод повернулся с намерением отказаться от приглашения и увидел рядом с полковником Джейн Уэйсон. Тончайшее вечернее платье обтягивало грудь черной блестящей пленкой. Его прозрачность, казалось, открывала нежную линию бедер и мягкий треугольный бугорок. Яркий свет струился по ее фигуре, как масло.

— Выпить? — рассеянно отозвался Гаррод. Ощущая на себе странную, нерешительную улыбку Джейн. — Я не против. У меня вообще нет никаких планов касательно обеда.

— Обед и планы несовместимы. Обедом просто наслаждаются. Вы поедете с нами. Верно, Джейн?

— Мы не можем заставить мистера Гаррода обедать с нами, если он этого не хочет.

— Но я хочу! — Гаррод лихорадочно уцепился за столь кстати открывшуюся возможность. — По правде говоря, я сам собирался найти вас, чтобы пригласить на обед.

— Обоих? — Маннхейм обнял Джейн за талию и привлек к себе. — Не думал, что вы так привязаны ко мне, Эл.

— Я без ума от вас, Джон. — Гаррод улыбнулся полковнику, но, увидев непринужденность, с которой приникла к нему Джейн, почувствовал страстное желание, чтобы Маннхейм тут же рухнул от сердечного приступа. — Так мы собирались выпить?

Они спустились в пещеру гостиничного бара и, по настоянию Маннхейма, заказали по большому бокалу рома с содовой. Гаррод прихлебывал напиток, не в силах сосредоточиться на тонком привкусе жженого сахара, и пытался понять, какие отношения связывают Маннхейма и Джейн. Правда, полковник старше лет на двадцать, не меньше, но его обаятельная прямота и естественность могли пробудить в ней интерес, тем более что он располагает неограниченными

возможностями и временем для достижения цели. И все же Гаррод отметил — или ему показалось? — что Джейн сидит чуть ближе к нему, чем к Маннхейму. Тусклый свет бара наделил больной глаз почти нормальным зрением, и Гаррод мог видеть Джейн со сверхъестественной для него объемностью и ясностью. Она была невероятно хороша, как золоченая статуя индийской богини. Каждый раз, когда она улыбалась, свежеприобретенная ненависть к Маннхейму отзывалась в желудке Гаррода ощущением ледяного кома. Они перешли в гостиничный ресторан, и на протяжении всего обеда Гаррод лавировал между чересчур откровенными намеками, уже испробованными при первом их разговоре, и опасностью проиграть, не ответив на вызов Маннхейма, который не скрывал своих притязаний. Обед, увы, кончился слишком скоро.

— Здесь неплохо кормят, — сказал Маннхейм, сокрушенно тыча пальцем в располневший живот. — Теперь, пожалуй, вы можете позаботиться о счете.

Гаррод, который и без того намеревался заплатить за обед, едва сдержался, чтобы не выдать вспыхнувшей в нем неприязни к полковнику. Но тут он заметил, что Маннхейм поднялся на ноги с видом человека, который торопится уйти. Между тем Джейн и не думала вставать из-за стола.

— Вы уходите? — Гаррод старался скрыть свою радость.

— Боюсь, что мне надо идти. Меня ждет целая кипа бумаг.

— Как жаль!

Маннхейм пожал плечами.

— Знаете, что меня беспокоит? Мне начинает нравиться сидеть под защитной накидкой. Как в утробе — ничего не видно. Скверный признак.

— Выдаете свой возраст, — сказала Джейн с улыбкой. — Фрейд давно устарел.

— В этом наше сходство.

Маннхейм пожелал Джейн спокойной ночи, дружески кивнул Гарроду и вышел из ресторана.

Гаррод с любовью смотрел ему вслед.

— Жаль, что ему пришлось уйти.

— Вы уже дважды это сказали.

— Перестарался?

— Немного. Я начинаю чувствовать себя мужчиной.

— А я сидел и думал, как бы устроить Джону срочный вызов в Вашингтон. Я бы рискнул, но у меня нет ясности; как обстоит дело...

— Что у нас с Джоном? — Джейн тихо засмеялась.

— Он обнимал вас и...

— Какое восхитительное викторианство! — Ее лицо стало серьезным. — Вы совсем не умеете подойти к женщине, Эл. Я не права?

— Никогда не видел в этом необходимости.

— Ну да, женщины сами вешаются вам на шею — вы богаты и красивы.

— Я вовсе не это имел в виду, — сказал он с досадой. — Просто...

— Я знаю, что вы имели в виду, и я польщена. — Джейн прикрыла ладонью его руку. Прикосновение отозвалось в нем сладостной дрожью. — Вы женаты, если не ошибаюсь?

— Я... женат, — с трудом произнес Гаррод. — То есть пока женат.

Она долго смотрела прямо ему в глаза. Рот ее приоткрылся.

— У вас один зрачок похож на...

— Замочную скважину — сказал он, — я знаю. Мне оперировали этот глаз в детстве.

— Зря вы носите темные очки — вид несколько необычный, но это почти незаметно.

Гаррод улыбнулся, поняв, что богине не чужды человеческие слабости.

— Очки не для того, чтобы скрыть зрачок. На этот глаз падает в два раза больше света, чем следует, поэтому на улице в ясный день мне немного больно.

— Бедняжка.

— Пустяки. Чего бы вам хотелось сейчас?

— Может быть, поехать куда-нибудь? Терпеть не могу безвылазно сидеть в городе.

Гаррод кивнул. Он подписал счет и, пока Джейн ходила за накидкой, распорядился, чтобы к подъезду подали автомобиль. Через десять минут они уже катили к южной окраине города, а еще через полчаса дома остались позади.

— Похоже, вы знаете, куда мы едем, — сказала Джейн.

— Понятия не имею. Одно несомненно — утром я ехал в противоположном направлении.

— Ясно. — Он почувствовал, на себе ее взгляд. — Вам не по вкусу это так называемое расследование?

Гаррод кивнул.

— Я так и думала — вы слишком честны.

— Честен? О чем вы, Джейн?

Долгая пауза.

— Ни о чем.

— Нет, за вашими словами что-то кроется. Побджой ведет себя довольно странно, и Джон сегодня утром говорил о спектакле. Что это, Джейн?

— Я же сказала — ничего.

Гаррод резко свернул на проселок, затормозил и выключил двигатель.

— Я хочу знать, Джейн, — сказал он. — Вы сказали либо слишком много, либо слишком мало.

Она отвернулась.

— Может быть, уже завтра вы вернетесь домой.

— Почему?

— Миллер Побджой просил вас приехать только затем, чтобы воспользоваться вашим именем.

— Простите, Джейн, но я не понимаю.

— Полиция знает, кто убил сенатора Уэскотта. Они знали это с самого начала.

— Будь это правдой, убийцу бы схватили.

— Это правда. — Джейн повернулась к нему. В зеленом свете приборного щитка ее лицо казалось маской русалки. — Не знаю откуда, но им все известно.

— Бессмыслица! Зачем посылать за мной, если...

— Это все маскировка, прикрытие, Эл. Неужели вы не поняли? Они знают. Но не хотят, чтобы кто-нибудь узнал, откуда они узнали.

Гаррод покачал головой.

— Это уж слишком.

— По словам Джона, вы очень резко реагировали на то, что отдел Побджоя передал прессе, — продолжала Джейн. — Для чего им это понадобилось? Теперь все уве-

рены, что вы изобрели новый метод опроса медленного стекла. Отрицай вы это, слухов все равно не остановить.

— И тогда?

— И тогда, арестовав убийцу, им не придется раскрывать, как они его нашли! — Джейн выбросила руку к ключу зажигания, и в ее голосе прозвучало раздражение: — Мне-то что до этого!

Гаррод перехватил ее кисть. Секунду она сопротивлялась, потом их губы нашли друг друга, дыхание смешалось. Гаррод, без особого, впрочем, успеха, пытался думать в двух направлениях. Если предположение Джейн справедливо — а как секретарь Маннхейма она имеет доступ к секретным данным, — то сразу проясняется многое из того, что не давало ему покоя... Но эта кожа, эти губы — именно такими он представлял их, упругая грудь отвердела под его ладонью, давила на пальцы.

Они разжали объятия.

— Помнишь тот день, когда я увидел тебя в Мейконе? — спросил он.

Она кивнула.

— Я специально прилетел из Вашингтона — просто в надежде тебя встретить...

— Я знаю, Эл, — прошептала она. — Я говорила себе — это самообман, этого не может быть, но я знала...

Они снова поцеловались. Когда он коснулся шелковистой кожи ее колен, они на мгновение раздвинулись и снова сошлись, крепко сжав его пальцы.

— Вернемся в гостиницу, — сказала она.

По дороге в город, несмотря на вожделение такой силы, какой ему еще не приходилось испытывать, выработанная годами привычка заставляла его снова и снова думать о мотивах Миллера Побджоя. И в ее спальне, когда они завершили ритуал раздевания друг друга, в его мозг все еще вторгались новые мысли — об Эстер, о бдительных черных дисках, о часто повторяемых словах: «Ты холоден, как рыба, Элбан».

И когда они соединились на прохладных простынях, он почувствовал, как его телом овладевает губительное напряжение. Пауза между тем, первым, моментом в автомобиле и этим оказалась слишком длинной.

— Расслабься, — прошептала в темноте Джейн, — люби меня.

— Я расслаблен, — сказал он с растущим чувством панического страха. — И я люблю тебя.

В этот момент Джейн, мудрая Джейн спасла его. Ее палец заскользил вниз вдоль позвоночника, коснулся поясницы, и в тот же миг сверкающий гейзер страсти забил в нем, сотрясая тело. Ощущение это поднималось толчками к высшей точке, к взрыву наслаждения, которое она разделила с ним и которое уничтожило всю его скованность, все его страхи.

«Пусть теперь бросают атомную бомбу, — подумал он, — мне все равно».

А через мгновение они смеялись, сначала беззвучно, потом по-детски, заливисто, не в силах остановиться. И в последующие часы возрождение Гаррода было окончательно завершено.

ГЛАВА 12

На следующее утро Гаррод позвонил домой, хотя и знал, что Эстер — из-за разницы во времени — еще спит. Он оставил для нее короткое сообщение: «Эстер, в дальнейшем я не смогу носить твои диски. Когда присланный тебе сегодня комплект прекратит свое действие, тебе придется найти другой выход из положения. Это касается всего — не только дисков. Мне жаль, но так получилось».

Отвернувшись от экрана, он почувствовал огромное облегчение: наконец-то решился. Только за завтраком, сидя один в своей комнате, он стал размышлять, правильно ли выбрал время для звонка. С одной стороны, и это хорошо, он позвонил, как только проснулся, потому что им владела непоколебимая решимость освободиться, причем немедленно. Но в нем жил и другой Гаррод, который, если судить по прежним поступкам, умышленно позвонил

бы в такой час, чтобы не встретиться с Эстер с глазу на глаз. Мысль эта расстроила Гаррода. Со смутной надеждой изгнать ее он принял душ и вышел из ванной освеженным. Непривычное тепло поселилось где-то внутри, тело стало бодрым и легким.

«Я выздоровел, — думал он. — Это длилось чертовски долго, но в конце концов я пережил приступ безумия, который меня исцелил».

На рассвете Джейн неожиданно сказала, что им лучше расстаться и остаток ночи провести каждому в своем номере. Теперь он остро ощутил, как не хватало ее все это время. Он решил позвонить ей, как только оденется, но тут раздался мелодичный сигнал видеофона. Гаррод быстро подошел к аппарату и включил экран.

Звонил Миллер Побджой. Его лицо лоснилось, как только что вылупившийся каштан.

— С добрым утром, Эл. Надеюсь, хорошо спали.

— Великолепно провел ночь, спасибо. — О сне Гаррод счел за благо не поминать.

— Отлично! Хочу сообщить вам нашу программу на сегодня...

— Сначала я сообщу вам мою, — перебил его Гаррод. — Через несколько минут я звоню своему управляющему по связям с общественностью и велю ему довести до всеобщего сведения, что проводимое здесь расследование есть чистое надувательство, что остатки автомобиля Уэскотта не содержат никаких улик и что я отказываюсь от участия.

— Остановитесь, Эл! Канал может прослушиваться.

— Надеюсь на это. Хорошая утечка информации обычно более эффективна, чем прямое заявление.

— Не предпринимайте ничего до нашей встречи, — хмуро сказал Побджой. — Я буду у вас через двадцать минут.

— Даю вам четверть часа. — Гаррод выключил экран, закурил и, медленно пуская кольца дыма, принялся анализировать сложившееся положение. Две причины побуждали его остаться в Огасте. Первая и главная: Джейн, по-видимому, пробудет здесь еще какое-то время. Вторая причина заключалась в том, что он оказался впутанным в тайну и не хотел уезжать, не распутав ее до конца. Если

он заставит Побджоя допустить его до настоящего расследования, он сможет удовлетворить свое любопытство, остаться с Джейн и в то же время получить превосходный предлог для Эст... Гаррод закусил губу. Больше не нужно объяснять что-либо или оправдываться перед Эстер. Отныне и навсегда.

— Итак, мистер Гаррод, — сказал Побджой, тяжело опускаясь в кресло. — Что все это значит?

Гаррод отметил возврат Побджоя к официальному обращению и улыбнулся.

— Я устал играть в игры, вот и все.

— Не понимаю. О каких играх вы говорите?

— О тех, в которых вы используете мое имя и мою репутацию, чтобы внушить публике, что имеются какие-то улики, извлеченные из остатков машины сенатора, в то время как мы оба прекрасно знаем, что подобных улик не существует.

Побджой взглянул на него поверх сложенных домиком пальцев.

— Вы не докажете этого.

— Я довольно доверчив, — спокойно сказал Гаррод. — Меня легко провести — но только один раз. У меня нет необходимости доказывать правоту своих слов. Вместо этого я хочу поставить вас в положение, при котором вы будете вынуждены доказывать правоту ваших.

— С кем вы говорили?

— Вы недооцениваете меня, Побджой. Известно, что политики чертовски глупо лгут, когда их загоняют в угол, но им верят лишь люди, незнакомые с фактами. Я не из их числа. Всю вашу пантомиму я наблюдал, сидя в первом ряду. А теперь скажите мне, кто убил сенатора Уэскотта?

Побджой хмыкнул.

— Откуда вы взяли, что я знаю?

Гарродом овладело искушение назвать Джейн Уэйсон — в конце концов он сможет вознаградить ее за потерю работы суммой, многократно превышающей мыслимый заработок секретаря за всю его жизнь. Но он решил завершить это дело один.

— Вы знаете, потому что изо всех сил пытались убедить всех, что я, вовсе не способный вам помочь, могу решить

эту задачу. Вы нашли убийцу, но ваш метод начинен слишком большой дозой политического динамита, чтобы его можно было раскрыть.

— Чушь. Вы можете хотя бы представить себе подобный метод? — Побджой говорил язвительно и небрежно, но что-то неуловимое в тоне, которым он произнес последнюю фразу, вдруг подстегнуло Гаррода. Глубоко в сознании шевельнулась догадка. Он отвернулся и помешкал, закуривая очередную сигарету, чтобы скрыть лицо от Побджоя и одновременно выиграть время.

— Да, — сказал он, пока мысль лихорадочно искала решение.

— Я могу представить себе такой метод.

— Например?

— Незаконное использование ретардита.

— Это просто туманное утверждение общего характера, мистер Гаррод, отнюдь не метод.

— Что ж, буду конкретнее. — Гаррод сел напротив Побджоя и, чувствуя прилив уверенности, посмотрел прямо в глаза полицейскому. — Медленное стекло уже используется на спутниках, и обычный человек, даже рядовой член пресловутой Лиги защиты частной жизни, не имеет ничего против, потому что записанная информация передается на землю по телевизионным каналам, и никто не верит, что когда-нибудь будет создана телевизионная система, способная показать на экране переданное из космоса изображение столь малого находящегося на Земле предмета, как человек. Удаленность орбиты делает это невозможным.

— Продолжайте, — настороженно сказал Побджой.

— Но разрешающая способность медленного стекла столь велика, что при благоприятных атмосферных условиях и надлежащей оптике, имея компенсаторы турбулентности и тому подобное, можно следить за движением людей и автомобилей. Необходимо только спустить стекло с орбиты для непосредственного считывания информации в лаборатории. Для этого достаточно небольшой транспортной ракеты-автомата — по существу, просто торпеды, которой спутник-матка выстрелит на Землю в заранее определенную зону.

— Неплохая идея. А вы подумали, во что это обойдется?

— В астрономическую сумму, но расход вполне оправданный при некоторых обстоятельствах. К таковым можно отнести крупные политические убийства.

Побджой опустил голову и закрыл лицо руками, с минуту посидел молча, потом заговорил сквозь пальцы:

— Эта мысль приводит вас в ужас?

— Это самое массовое вторжение в частную жизнь, о котором кто-либо слышал.

— Вчера на пути в Бингхэм вы сказали что-то о резком падении преступности, которое граждане получили взамен утраты некоторых прав.

— Я помню, но эта новая мысль означает такую степень утраты прав, когда человек не сможет быть уверен, что он один, даже находясь на горной вершине или в центре Долины Смерти.

— По-вашему, правительство Соединенных Штатов станет тратить миллионы долларов только для того, чтобы наблюдать семейный пикник?

Гаррод покачал головой.

— Вы признаете, что я прав?

— Нет! — Побджой вскочил на ноги и подошел к окну. Глядя на вертикали городского пейзажа, он добавил более спокойным тоном: — Если... Если бы такое и было правдой, мог бы я это признать?

— Но будь я прав, вы оказались бы в любопытном положении, когда имя убийцы Уэскотта известно, но способ, которым эта информация получена, не может служить доказательством преступления. И вам пришлось бы искать другое доказательство или нечто на него похожее.

— Вы уже упоминали об этом, мистер Гаррод, но такова, грубо говоря, ситуация, в которой мы могли бы оказаться. Меня интересует другое: вы все еще намерены предать гласности ваше предположение?

— Как вы сами сказали — это всего лишь предположение.

— Но способное принести немало... — Побджой тщательно выбирал слово, — ...вреда.

Гаррод встал и тоже подошел к окну.

— Я мог бы отказаться от своего намерения. Как изобретатель медленного стекла, я чувствую себя в какой-то

степени ответственным... Кроме того, я не люблю оставлять задачу нерешенной.

— Значит, вы согласны остаться членом экспертной группы?

— Ни в коем случае! — сказал Гаррод с живостью. — Я хочу заняться настоящим расследованием. Если вам известен преступник, мы должны найти способ доказать его преступление.

Через десять минут Гаррод был в номере Джейн Уэйсон, в ее постели. После того как еще одно слияние тел закрепило его новый контакт с жизнью, он, несмотря на секретность, дал понять Джейн, что все ее подозрения о Побджое оправдались.

— Я так и думала, — сказала она. — Джон ничего не говорил мне, но я знаю, что он пытается разгадать их тайну.

— Так он еще не знает? — Гарроду не удалось скрыть хвастливых ноток. — Он, верно, не нашел правильного подхода к Побджою.

— Я работаю с Джоном достаточно давно, чтобы понять, что он всегда и ко всему находит единственно правильный подход. — Она приподнялась на локте и посмотрела на Гаррода сверху. — Если уж он не смог найти...

Гаррод засмеялся, увидев задумчивое выражение ее глаз и легкую морщинку, исказившую лоб Джейн.

— Забудь об этом, — сказал он беззаботно и привлек к себе тело, ставшее таким знакомым.

ГЛАВА 13

Капитан Питер Реммерт с самого начала не скрывал своей неприязни к вмешательству Гаррода. Был он человеком неуравновешенным, легко поддающимся переменам настроения, иногда скупым на слова, в другое время говорливым не в меру, фонтанирующим в совершенно неуместной книжной манере. Однажды за кофе он сказал Гарроду: «Благодаря выравниванию материального благо-

получия богатый любитель, на досуге занимающийся расследованием убийства, уже не вызывает доверия. Он исчез даже со страниц дешевых детективных книжонок. Зенит славы людей такого рода пришелся на первую половину века, когда ненормальность их положения была непонятна бедняку. Простому человеку богач представлялся существом непостижимым, способным от нечего делать превратиться в сыщика». Считая это расследование делом утомительным и притом безнадежным, капитан тем не менее честно выполнял свой долг. Знал он немного. Его и небольшую группу помощников привели к присяге о неразглашении тайны, после чего им сообщили имя некоего человека и его адрес в Огасте. От них требовалось доказательство причастности подозреваемого к убийству сенатора Уэскотта.

Звали этого человека Бен Сала. Итальянец по происхождению, сорока одного года, имел скромное дело по оптовой торговле моющими и дезинфицирующими средствами, жил с женой в небольшом доме в западной части города, где селились люди среднего достатка. Детей у них не было, и второй этаж они сдавали пятидесятилетнему холостяку Мэтью Маккалафу, служившему шофером в местной транспортной компании.

Следуя принятому порядку, Реммерт запросил сведения об итальянских родственниках Салы, но никаких связей с мафией не обнаружил. Поскольку капитан получил указание к подозреваемому непосредственно не обращаться, то расследование могло закончиться, практически не начавшись. Но тут стало известно еще об одной смерти. На следующее утро после гибели сенатора Уэскотта Мэтью Маккалаф, жилец Салы, скончался от сердечного приступа, когда садился в автобус.

Это совпадение привлекло пристальное внимание группы Реммерта лишь через несколько часов, после чего полицейские сочли его удобным предлогом для визита в дом Салы. Однако в это время стали известны результаты опроса мониторов из медленного стекла, установленных дорожной службой. Новые данные явились для Реммерта неприятным сюрпризом. Ему было приказано изобличить Салу в убийстве сенатора, и мониторы действительно пока-

зали, как старый потрепанный фургон подозреваемого за несколько часов до убийства отъехал от его дома и направился к Бингхэму, а через несколько часов после убийства вернулся обратно тем же маршрутом. Однако в полученных сведениях был изъян. Запечатленные стеклом картины ясно свидетельствовали, что за рулем фургона сидел Мэтью Маккалаф — человек, умерший естественной смертью спустя несколько часов.

И он был один.

— Это позволило нам войти в дом Салы и все тщательно осмотреть, — сказал Реммерт. — Мы как бы выясняли личность Маккалафа, но на самом деле пытались найти улики против хозяина.

— Нашли что-нибудь? — Гаррод не отрывал глаз от экрана с изображением фасада дома.

— Ничего. Виновным оказывался Маккалаф.

— Не слишком ли это удобно? Большая удача — я говорю о его скоропостижной кончине.

Реммерт фыркнул.

— Если это удача, я, пожалуй, предпочту оставаться неудачником лет до ста.

— Вы прекрасно понимаете, что я имел в виду, Питер. Если Сала — убийца, то сложившееся положение ему на руку: человек, на которого он свалил вину, замолчал на следующее же утро.

— Бен Сала не сваливал вину на Маккалафа — это делаю я. В любом случае мне не понятен ход ваших мыслей. Предположим, убийца — Бен Сала. Смерть жильца неминуемо привлечет к дому внимание полиции. Зачем ему это нужно? Кроме того, что бы ни говорил Побджой, Сала не убивал сенатора. Тому есть доказательства.

— Посмотрим их.

Реммерт громко вздохнул, но переключил проектор на быструю перемотку. Пейзажное окно, установленное в коттедже напротив дома Салы, позволило снять голофильм, охватывающий жизнь подозреваемого за весь предыдущий год. Полученная информация была занесена и в ретардитовое устройство памяти, но, поскольку медленное стекло не позволяет возвращаться к старым кадрам, для практической работы использовался обычный голографический фильм.

На экране появилось изображение дома Салы, каким он был год назад, при установке пейзажного окна. Обычный двухэтажный дом с эркером на первом этаже, подпирающим небольшой балкон. Ухоженный палисадник. К основному строению примыкает гараж, его фасад — на одном уровне с домом. Заглянуть внутрь гаража можно только через окна в верхней части ворот.

Реммерт прокручивал фильм, время от времени останавливаясь, чтобы показать Гарроду, как Бен Сала и Маккалаф входят и выходят. Бен Сала оказался невысоким плотным мужчиной с черными кольцами волос вокруг блестевшей, как начищенный ботинок, лысины. Маккалаф был повыше ростом и слегка сутулился. Серые волосы он зачесывал назад, открывая длинное унылое лицо. Комнату свою покидал редко.

— Маккалаф не слишком похож на политического убийцу высокого ранга, — заметил Гаррод. — Что не скажешь о Сале.

— Кроме внешности, вам нечего поставить ему в вину, — сказал Реммерт, останавливая кадр. Сала работал в саду. Рубаха натягивалась на тучном животе итальянца. — У него пикническое сложение.

— Какое?

— Пикническое. Пикниками называют тучных, низкорослых, коренастых мужчин, которые нередки среди психически неуравновешенных убийц. Но точно такое же сложение характерно для многих ни в чем не повинных людей.

Замелькали новые сцены, выхваченные из реки времени. Бен Сала и его жена, тоже темноволосая, ссорятся, едят. Спят, читают, иногда занимаются грубоватой любовной игрой, в то время как меланхоличное лицо Маккалафа одиноко маячит у окон второго этажа. В одно и то же время Сала уезжал по делам и возвращался в белом «пикапе» последней модели. Наступила зима, пошел снег. Бен Сала стал ездить в потасканном грузовичке пятилетней давности.

Гаррод поднял руку, подавая знак остановить фильм.

— Разве дела Салы пришли в упадок?

— Вовсе нет. Он оказался умелым дельцом — для своего уровня, конечно.

— Вы спрашивали, почему он стал пользоваться старой машиной?

— Представьте, спросил, — сказал Реммерт. — При прежних методах расследования такие факты оставались незамеченными, но во время просмотра ретардитовой записи они бросаются в глаза.

— Что он вам ответил?

— Бен Сала все равно собирался продавать свой «пикап» через полгода, но тут кто-то предложил ему хорошую цену. Он сказал, что просто не мог отказаться от удачной сделки.

— Вы спросили, сколько он получил за машину?

— Нет. Не счел существенным.

Гаррод сделал пометку в блокноте и попросил продолжать. Снег растаял, уступил место зелени весны, а та — ярким цветам лета. В первые дни осени на крыше гаража появился кусок синего брезента. Был он большим, во всю крышу, да еще над воротами свесился край, закрыв окна.

— Зачем это? — спросил Гаррод, останавливая кадр.

— Крыша протекла.

— По-моему, крыша была крепкой.

Реммерт вернулся немного назад. На кровле в нескольких местах открылась поврежденная черепица. Еще на пару дней в прошлое — крыша снова была исправной.

— Несколько неожиданно, вы не считаете? — спросил Гаррод.

— В начале сентября прошли ураганы. Бен Сала собирается строить новый гараж, поэтому не захотел основательно ремонтировать крышу.

— Все одно к одному, комар носа не подточит.

— Что вы имеете в виду?

— Пока не знаю. Взгляните, как небрежно болтается край брезента над фасадом гаража. А ведь в остальном хозяйство Салы в полном порядке.

— Может быть, так дождь не заливает ворота. — Реммерт начал проявлять нетерпение, видя, как Гаррод делает очередную пометку. — Да и что можно извлечь из этого наблюдения?

— Возможно, и ничего. Но если живешь с медленным стеклом столько, сколько я, оно меняет взгляд на вещи. —

Гаррод внезапно осознал, что выражается напыщенно. — Извините, Питер. Есть еще что-нибудь интересное между этим моментом и ночью убийства?

— Я не нашел, но, может быть, вы...

— Давайте последнюю ночь, — сказал Гаррод.

Было темно, когда щит ворот поднялся и скользнул внутрь — так втягиваются самолетные закрылки, фургон осторожно выехал из гаража, и ворота автоматически закрылись. Включились электронно-оптические усилители, изображение стало ярче. Реммерт остановил кадр: за рулем сидел Маккалаф. Он надвинул на лоб шляпу, но не узнать его длинное печальное лицо было невозможно.

— Дорожные мониторы зафиксировали его движение до северной границы города, — сказал Реммерт. — Теперь обратите внимание на гараж — брезент откинут, и можно заглянуть внутрь.

Он включил быструю перемотку, а когда цифровой индикатор в углу экрана показал, что прошло полчаса, снова перевел проектор на нормальную скорость. Темные квадраты гаражных окон залил белый свет. За окнами двигался человек. Он был коренаст и черноволос — без сомнения, Бен Сала.

Пока хозяин наводил порядок в гараже, Реммерт нажал на кнопку, включая запись показаний подозреваемого:

— Ну, значит, к семи Мэт вернулся. Серый весь и руку левую все тер — болела, что ли. Его, говорит, на сверхурочные просили выйти. Так-то он все на автобусе ездил, у него проезд бесплатный, но тут у меня фургон попросил. Потому, сказал, устал очень, не хочу, сказал, пешком до автобуса. Ну, я дал ему машину, он и поехал. Часов одиннадцать было. Я потом еще в гараже поработал и спать лег. Слышал, он ночью приехал, а когда — не знаю, на часы не смотрел, наутро он, как всегда, на работу ушел, и больше я его живым не видел.

Реммерт выключил запись.

— Что скажете?

— Что вы скажете?

— Показание как показание. Я таких тысячу слышал.

Гаррод не сводил глаз с экрана, где изображение Салы все еще мелькало за окнами гаража.

— Да, говорит он не очень гладко, но все же...

— Все же?

— Бен Сала умудрялся втиснуть в очень короткую речь колоссальный объем информации — все по существу, все логично, в продуманном порядке. В тысяче снятых вами показаний, Питер, сколько было таких, которые не содержали ни одного лишнего слова?

— Тяжесть изобличающих улик растет, — едко сказал Реммерт. — Бен Сала понимает — его могут заподозрить в убийстве, вот он и выбирает слова. Мы опрашиваем множество людей, чей английский небезупречен, но они могут рассказать больше, чем иной профессор университета. Вы не замечали, что в сценах допроса в детективных фильмах какой-нибудь бандюга из трущоб всегда получает лучшие реплики? Талант сценариста раскрепощается, когда он может хоть на время наплевать на все эти «будьте любезны» и «с вашего позволения».

Гаррод подумал с минуту.

— А что, если...

Реммерт не слушал.

— Как-то в прошлом году я допрашивал одного парня. Он обвинялся в непредумышленном убийстве. Я спросил его, зачем он это сделал. Знаете, что он ответил? Он сказал: «Откроешь газету, а там молодые только и делают, что занимаются благотворительностью и безвозмездным трудом на пользу общества. Вот я и захотел показать им всем, какие среди нас есть выродки». Такого я и в кино не встречал.

— Послушайте, — сказал Гаррод, — ведь я смотрю этот фильм впервые, так?

— Так.

— Упрочится ли моя репутация в ваших глазах, если я предскажу кое-какие события, которые мы увидим на экране чуть позже?

— Смотря какие.

— Хорошо. — Гаррод показал на экран. — Обратите внимание, брезент на крыше гаража откинут, и через окна можно заглянуть внутрь. Так вот, я предсказываю, что после возвращения фургона край брезента снова опустится и закроет окна.

— И что из этого следует? Мы уже видели — Маккалаф уехал, а Бен Сала остался в гара... — Реммерт замолчал, наблюдая, как фургон подъезжает к гаражу. Радиосигнал открыл ворота, и машина исчезла в темной глубине. Когда ворота закрывались, какая-то деталь запорного механизма зацепила свободный конец брезента и потянула его вниз. Край брезента упал и закрыл окна.

— Это было неплохо, — признался Реммерт.

— Мне тоже так кажется.

— Но такие догадки невозможны, если за ними не стоит теория. В чем она?

— Я вам отвечу, но сначала мне нужно выяснить еще одно обстоятельство, — сказал Гаррод. — Чтобы самому убедиться в справедливости этой теории.

— Что вы хотите узнать?

— Сколько Бен Сала получил за свой «пикап».

— Пойдемте ко мне в кабинет, здесь нет терминала. — Реммерт посмотрел на Гаррода, не скрывая удивления, но от вопросов воздержался. Он сел за клавиатуру и сделал запрос — терминал был связан с центральным компьютером полицейского управления на другом конце города. Через секунду раздался писк, и Реммерт оторвал полоску с рулона фотопринтера.

Взглянув на текст, он удивился еще больше.

— Тут сказано, что Бен Сала получил от перекупщика полторы тысячи долларов.

— Не знаю, как вы, — сказал Гаррод, ощущая в груди знакомые ликующие удары сердца, — но, будь этот «пикап» моим, я бы не задумываясь отклонил такое предложение.

— Чертовски дешево, согласен. Отсюда следует, что Бен Сала в своих показаниях несколько отклонился от истины. Не понимаю, почему деловой человек с хваткой, по существу, за бесценок отдает хорошую машину и покупает развалюху.

— Если хотите, я расскажу вам, как было дело. — И Гаррод приступил к изложению своей теории.

Получив сигнал, что настало время действовать, Бен Сала испугался. Он надеялся, что о нем забыли, но теперь, когда пришел приказ, у него не оставалось выхода: неповиновение каралось смертью — скажем, от взрыва

бомбы, заложенной в очередную партию стирального порошка. Во всяком случае, план убийства был продуман столь тщательно, что Бен Сала почти не рисковал.

В качестве первого шага ему надлежало обзавестись дешевым грузовичком типа «бурро», выпущенным фирмой «Дженерал моторс» четыре года назад и почти сразу же снятым с производства. Главное свойство этой машины, которым Бен Сала собирался воспользоваться, заключается в том, что все ее окна сделаны из обычного плоского стекла, а ветровое стекло может поворачиваться на оси для доступа воздуха. Бен Сала, впрочем, интересовался не вентиляцией, а возможностью смотреть через щель наружу.

Он продает свой «пикап» и покупает «бурро». Достать такую модель было нелегко. Пришлось довольствоваться машиной в неважном состоянии, но она его устраивала. Бен Сала пригнал фургон домой, стал использовать его для обычной повседневной работы и приступил к осуществлению очередных этапов плана. В первую же ветреную ночь он прошел в гараж через кухню и, орудуя в полной темноте, расшатал изнутри несколько черепичин. Через пару дней он покрыл крышу куском брезента — казалось бы, первым попавшимся ему в кладовке, но на самом деле тщательно скроенным для выполнения ответственной задачи. Теперь внутренность гаража не просматривалась пейзажным окном, установленным в доме напротив, и Бен Сала мог спокойно собирать лазерную пушку, детали которой присылали ему по почте. Одновременно он начал реализацию самой, пожалуй, тонкой части всей операции.

Упрощенная конструкция фургона позволяла легко удалить ветровое стекло и заменить его панелью из ретардита. Куда труднее было заставить Мэтью Маккалафа чуть ли не час просидеть на месте водителя, хотя его и выбрали на эту роль из-за неповоротливого ума. Бен Сала решил и эту проблему. Он сказал Маккалафу, что у «бурро» случилась поломка рулевого привода и он собирается сам его отремонтировать. Маккалаф, который все равно проторчал бы это время у своего окна, согласился посидеть в машине и покрутить рулевое колесо, когда Бен Сала давал команду. Маккалаф даже надел шляпу на тот случай, если в гараже будут гулять сквозняки.

Все это могло сорваться, когда Маккалаф влез в кабину и закрыл дверцу, но он не заметил, что видит гараж не таким, каким он действительно был в тот вечер, а Бен Сала предусмотрительно все это время оставался под машиной. Передние колоса фургона стояли в лужах густого масла и легко поворачивались. Бен Сала заблаговременно прохронометрировал маршрут выезда из города, очень, кстати, простой, без единого перекрестка, и теперь Маккалаф крутил руль в соответствии с заранее продуманной программой.

Зарядив панель медленного стекла изображением Маккалафа, Бен Сала снизил скорость излучения ретардита почти до нуля и убрал панель до поры до времени. В другую ночь он вынул стекла из закрытых брезентом окон, заменил их ретардитом и в течение часа возился в гараже. Эти ретардитовые панели он также вынул, снизил их скорость излучения и припрятал. Теперь Бен Сала был полностью готов совершить запланированное убийство со стопроцентным алиби.

Получив шифрованное послание, предписывающее продолжать операцию, он первым делом подмешал в вечерний чай Маккалафа сильное снотворное. Это было необходимо, чтобы жилец не маячил у окон в то время, когда он, как предполагалось, уехал в фургоне на сверхурочную работу. Затем Бен Сала убедился, что ворота гаража закрыты брезентом, и положил собранную лазерную пушку в фургон. Установив ретардитовые панели вместо окон гаража и ветрового стекла «бурро», он увеличил их скорость излучения до нормальной, сел в машину и поехал к Бингхэму.

Именно на этой стадии сыграла роль уникальная конструкция «бурро», поскольку в обычной машине Бен Сала не видел бы дороги. Он повернул ветровое стекло таким образом, чтобы снизу между ним и рамой образовалась узкая щель, через которую можно смотреть. Резко ограниченное поле зрения сильно затрудняло управление машиной. Появилась и непредвиденная опасность: шум двигателя и ощущение движения контрастировали с застывшим видом гаража в ретардитовом стекле, вызывая головокружение и тошноту. Однако за городом, вне досягаемости ретардитовых мониторов, Бен Сала мог расширить щель и вести фургон с относительными удобствами. Он

замедлил излучение ветрового стекла почти до нуля, чтобы сохранить запасенное изображение Маккалафа для обратного пути по городским улицам. Контрольные пластины на любом встречном автомобиле зафиксировали бы неподвижного Маккалафа за рулем, но условия автострады почти не требуют движений от водителя. Впрочем, все эти предосторожности вряд ли были нужны, поскольку следствие, как предполагалось, никогда не смогло бы заподозрить истинного убийцу. Просто общий план операции предусматривал резервные линии защиты.

На выбранном для убийства месте Бен Сала установил пушку. Прошло немного времени, и по рации ему сообщили о приближении автомобиля сенатора. Когда машина спустилась в низину, Бен Сала превратил ее и водителя в груду раскаленного потрескивающего шлака.

Отъехав несколько миль, он остановился и зарыл в землю пушку. Остаток пути прошел гладко, и Бен Сала вернулся в гараж задолго до рассвета. Тщательно продуманный и не вызывающий подозрения трюк с болтающимся куском брезента позволил ему закрыть окна гаража, как только фургон въехал в ворота. Сала тут же вынул ретардитовые панели из ворот и из автомобиля и заменил их обычным стеклом. Затем «щекотателем» разрушил кристаллическую структуру ретардита и тем самым навсегда уничтожил молчаливого свидетеля своего преступления. Для пущей предосторожности он разбил панели на мелкие куски и сжег их в печи в подвале дома.

Оставалось осуществить значительную часть плана. Бен Сала поднялся в комнату Маккалафа, снял его шляпу и повесил на обычное место на двери. Затем вынул из кармана флакон специально приготовленного тромбогенного яда, который он получил заблаговременно от организаторов убийства, Маккалаф все еще спал под воздействием снотворного и не проснулся, когда Бен Сала втирал бесцветную жидкость в кожу на левом локте. Выбранное место означало, что Маккалаф умрет от массированной эмболии приблизительно через четыре часа.

Удовлетворенный ночной работой, Бен Сала выпил стакан молока, съел бутерброд и отправился в спальню, где его ожидала супруга.

* * *

— Вы сочинили действительно грандиозную теорию, — сказал Реммерт после паузы.

Гаррод пожал плечами.

— Да, у меня есть опыт в этом деле. Впрочем, объясняя все наблюдаемые факты, данная теория страдает одним крупным недостатком.

— Слишком сложна. Не соблюден принцип бритвы Оккама.

— Нет, в наше время план убийства не может быть простым. Дело в другом: я не вижу, как мы сможем продемонстрировать ее истинность. Вы, безусловно, найдете свежие царапины на оконных рамах гаража и окантовке ветрового стекла фургона, но это ровным счетом ничего не доказывает.

— Можно собрать остатки ретардита в печи.

— Согласен. Но разве закон запрещает сжигать медленное стекло?

— Неужели нет? — Реммерт ударил кулаком по лбу, как бы пытаясь выудить что-то из памяти. Демонстрация сарказма. — Хотите поехать в дом Салы? Посмотреть все своими глазами?

— Поехали...

В сопровождении еще одного полицейского они отправились в западную часть города. Солнце было уже высоко, по синеве неба плыли облака, вызывая игру теней на стенах аккуратных домиков. Автомобиль взобрался на холм и остановился у белого строения. Гаррод почувствовал возбуждение, узнав жилище Салы. Глаза скользили по знакомым деталям дома, сада, гаража.

— Похоже, все спокойно, — сказал он. — Кто-нибудь дома?

— Вряд ли. Бен Сала получил разрешение заниматься своим делом, но у нас есть ключи, и он сказал, что мы можем приходить в любое время. Он чертовски услужлив.

— В его положении он должен изо всех сил помогать нам повесить это убийство на Маккалафа.

— Вас, очевидно, больше всего интересует гараж?

Реммерт достал ключ и отпер ворота. В гараже пахло краской, бензином и пылью. Гаррод обошел помещение, осто-

рожно беря в руки пустые банки, старые журналы и прочий разбросанный в беспорядке хлам и возвращая каждый предмет на место. Он ловил на себе насмешливые взгляды полицейских, но не хотел уходить.

— Не вижу масляных пятен на полу, — сказал Реммерт. — Как он поворачивал колеса?

— А вот как. — Гарроду помогла память. Он показал на два глянцевитых журнала со следами протекторов на обложках и мятыми страницами. — Старый прием — вы наезжаете передними колесами на такой журнал, и они легко поворачиваются.

— Но это не доказательство.

— Для меня — доказательство, — упрямо сказал Гаррод.

Реммерт закурил сигарету, Агню — так звали второго полицейского — трубку, и оба детектива вышли на улицу, где дул порывистый ветер. Минут десять они курили, тихо переговариваясь, затем начали поглядывать на часы, показывая, что приближается время второго завтрака. Гаррод тоже думал об этом — они с Джейн условились позавтракать вместе, — он чувствовал: либо он сделает решающее открытие именно сейчас, осматривая гараж с той ясностью восприятия, какую дает только первое знакомство с новым местом, либо вообще не решит этой загадки.

Агню выколотил трубку с легким щелкающим звуком и пошел к машине. Реммерт сел на низкую ограду, окружавшую сад, и принялся с повышенным интересом следить за облаками. Гаррод в последний раз обошел гараж и у стены, примыкающей к дому, увидел осколок стекла. Он опустился на колени и простейшим приемом — проведя пальцем по тыльной стороне осколка — убедился, что стекло обычное.

Реммерт оставил в покое облака.

— Что-нибудь нашли?

— Нет. — Гаррод удрученно покачал головой. — Едем?

— Конечно. — Реммерт потянул вниз воротный щит, в гараже потемнело.

Гаррод шевельнулся, собираясь встать с колен, и глаза его ухватили какое-то изображение в слабом световом круге на сухих некрашеных досках стены. Смутный силуэт кры-

ши, призрачное дерево, раскачиваемое ветром, — все перевернуто. Гаррод посмотрел на противоположную, наружную, стену гаража и увидел яркую белую звезду, сияющую в пяти футах над полом. Он приблизился к стене и заглянул в крохотное отверстие. Тугая струя холодного воздуха ударила в глаз, вызвала слезы, но он успел заметить залитые солнцем холмы и дома, угнездившиеся в квадратах живой изгороди. Гаррод подошел к проему, наклонился под нижней кромкой полуопущенных ворот и поманил Реммерта.

— Здесь в стене небольшое отверстие, — сказал он. — Оно идет немного под углом вниз, поэтому, когда ходишь, его не замечаешь.

— Какое это имеет?.. — Реммерт наклонился и приложил глаз к отверстию. — Думаете, оно достаточных размеров, чтобы мы могли извлечь из него какую-нибудь пользу?

— Конечно! Если Бен Сала действительно ходил по гаражу, внешний наблюдатель увидел бы мигающий луч света, если же вместо живого Сала здесь было только его изображение, записанное в ретардитовых окнах, этот луч не прерывался. Сколько домов отсюда видно?

— Э... Двенадцать, не меньше. Правда, некоторые очень далеко.

— Не имеет значения. Если хотя бы в одном из них есть пейзажное окно, обращенное в эту сторону, вы сможете завершить следствие еще до ужина. — Носком ботинка Гаррод выбросил найденный осколок на улицу, в неверную игру солнечных пятен. Он уже не сомневался, что ретардитовый свидетель будет найден.

Реммерт посмотрел на него и хлопнул по плечу.

— У меня в машине бинокль!

— Тащите его сюда, — сказал Гаррод. — Я набросаю схему расположения домов, которые нам могут понадобиться.

Он вытащил блокнот и снова заглянул в отверстие, но тут же понял, что никакой схемы не потребуется. Холм погрузился в тень от набежавшего облака, и даже без бинокля был виден огромный изумруд прямоугольной формы: это в одном из домов яркой зеленью горело окно, излучая скрытый в нем солнечный свет.

ГЛАВА 14

В вечернем выпуске последних известий было объявлено, что Бен Сала арестован по обвинению в убийстве сенатора Уэскотта. Гаррод был один в своем номере, выдержанном в оливково-золотых тонах: Джейн еще не закончила работу у Маннхейма. Почти час он простоял у окна, глядя на улицу с высоты двадцатого этажа, не в силах отогнать мрачные предчувствия.

Дело в том, что, вернувшись в гостиницу, он получил давно ожидаемое сообщение от Эстер. В нем говорилось: «Приезжаю в Огасту вечером, буду у тебя к девятнадцати ноль-ноль. Жди. Целую. Эстер».

С того момента, как он сообщил ей о своем решении, Гаррод мысленно торопил Эстер с ответом, горячо желая, чтобы последнее их объяснение осталось в прошлом — там ему место, но теперь, совершенно неожиданно, он испугался. Ее последние слова — «Целую. Эстер» — в контексте послания означали, что она не считает их разрыв окончательным и все еще рассматривает Гаррода как свою собственность. Предстояла долгая, мучительная, болезненная процедура.

Анализируя свои чувства, он понял, что боится собственной мягкости, почти патологической неспособности причинить боль другому, даже когда это необходимо, даже если обе стороны окажутся в выигрыше от быстрого, решительного удара. Он мог бы вспомнить десятки примеров, но рефлексирующая память подбросила ему самый ранний эпизод — десятилетним мальчишкой бегал он тогда с ватагой таких же ребят в Барлоу, городе его детства.

Юный Элбан Гаррод никогда не чувствовал себя в компании легко и отчаянно старался завоевать одобрение вожака — полного, но физически сильного мальчика по имени Рик. Случай представился, когда Элбан возвращался из школы с неким Тревором, которого не любили и потому одним из первых занесли в список для наказания. Тревор имел неосторожность с пренебрежением отозваться о Рике, и, пре-

одолев отвращение к самому себе, Элбан донес об этом вожаку. Рик с благодарностью воспринял информацию и составил план действий. Ватага окружит Тревора в переулке, и Рик огласит официальный обвинительный акт. Если Тревор признает себя виновным, ему всыплют, а если он будет все отрицать, то тем самым назовет Рика и Элбана лжецами, за что должно воспоследовать не менее суровое наказание. Все шло прекрасно до последнего момента.

После ритуального распарывания ширинки, что неизменно порождало в противнике психологический дискомфорт, Тревора прижали к стене. Рик грозно взял его за ворот. Тревор со страстью утверждал, что никогда не произносил роковых слов. В соответствии со своим туманным кодексом чести Рик на этом этапе еще не мог нанести удара. Он взглянул на Элбана, требуя, чтобы тот подтвердил обвинение.

— Ну, говорил он или нет?

Элбан посмотрел на презренного Тревора, увидел ужас и мольбу в его глазах и дрогнул. Превозмогая страх, он сказал:

— Нет, я ничего не слышал.

Рик отпустил пленника, и тот умчался, как заяц. Затем сбитый с толку вожак повернулся к Элбану, и тут его растерянность сменилась презрением и яростью. Он наступал на Гаррода, размахивая кулачищами. Десятилетний Элбан принял наказание почти с облегчением — ведь ему не пришлось совершить насилие над другим.

Имея такой опыт прошлого и не располагая поддержкой Джейн, он допускал возможность — пусть ничтожную, — что Эстер найдет способ заставить вернуться к ней и снова стать преданным мужем. От этой мысли его бросало в холодный пот. Прижав лоб к оконному стеклу, он смотрел вниз на маленькие разноцветные коробочки автомобилей и еще меньшие крапинки людей. При взгляде сверху, почти под прямым углом, пешеходы теряли индивидуальность, с трудом можно было различить мужчин и женщин. «Не странно ли, — подумал Гаррод, — что каж-

дая такая ползущая точка видит в себе центр мироздания». Чувство подавленности росло.

Он побрел в спальню, лег на постель, не сняв покрывала, и попытался задремать. Но сон не шел. Промаявшись минут двадцать, Гаррод нарушил одно из строжайших своих правил: прямо из спальни вызвал по видеофону Портстон, чтобы узнать, как идут дела. Сначала миссис Вернер дала ему сводку важнейших событий последних дней, потом он связался кое с кем из управляющих, включая Мэнстона, попросившего указаний, как реагировать на последние передачи новостей. Шикерт был в панике из-за новых срочных правительственных заказов на ретардитовый порошок. Потребность в нем растет так быстро, что даже введение в строй нового завода жидких светокрасителей не позволит удовлетворить ее в полной мере. Гаррод успокоил его и в течение часа беседовал с руководителями других отделов.

К концу бесед до прибытия Эстер оставалось менее часа, и спать уже не хотелось. Он пошел в ванную и, презрев затемнение, принял душ при полном свете. Такой беспечностью, равнодушием к мнимым наблюдателям его заразила Джейн Уэйсон. Сознавая красоту своего тела и гордясь ею, она не желала прятаться под покровом темноты даже в те часы, которые проводила с Гарродом. Мысль о Джейн вызвала прилив желания, смешанного с грустью. Жизнь с Джейн была бы так...

Гаррод впал в отчаяние, поняв, что предрекает победу Эстер уже сейчас, когда между ними не было сказано ни слова.

«Я выбрал Джейн, — повторял он себе, выходя из ванной. — Я выбрал жизнь».

Но чуть позже, когда раздался звонок, он почувствовал, что умирает. Он медленно отворил дверь. На пороге, рядом с сестрой милосердия, стояла Эстер — тщательно одетая, без румян и в больших темных очках — такие надевают, чтобы скрыть дефект глаз.

— Элбан? — сказала она мягко.

«Она старается держаться, — подумал он с грустью. — Она слепа, поэтому темные очки, но держится молодцом».

— Входи, Эстер. — Жестом он пригласил и сестру, но та, видимо, заранее получила инструкции и исчезла в коридоре, изобразив осуждение на розовом антисептическом лице.

— Спасибо, Элбан. — Эстер протянула руку, но Гаррод взял ее под локоть и подвел к креслу. Сам он сел напротив.

— Хорошо перенесла дорогу?

Она кивнула.

— Ты был совершенно прав, Элбан. Я могу ездить, несмотря на свои глаза. Пролетела же я тысячу миль, чтобы быть с тобой.

— Я... — Значение последних слов не ускользнуло от его внимания. — Удивительно, что ты решилась на это.

Эстер в свою очередь не пропустила эту фразу мимо ушей.

— Разве ты не рад мне?

— Конечно же, я рад, что ты снова бываешь на людях.

— Я не об этом спрашивала.

— Разве?

— Не об этом. — Эстер сидела очень прямо, сложив руки на коленях. — Когда ты возненавидел меня, Элбан?

— Побойся Бога! Почему я должен тебя ненавидеть?

— Я задаю себе тот же вопрос. Как видно, я сделала что-то очень...

— Эстер, — сказал он твердо. — Я не питаю к тебе ненависти.

Он посмотрел на ее тонкое строгое лицо, увидел едва заметные морщины, и сердце его сжалось.

— Ты просто не любишь меня, да?

Вот он, подумал Гаррод, тот момент, от которого зависит твое будущее. Он открыл рот, чтобы дать утвердительный ответ, столь удобно предлагаемый формой вопроса, но мозг его, казалось, оцепенел. Гаррод встал, подошел к окну и снова поглядел вниз. Безымянные песчинки, считавшие себя людьми, все еще сновали взад-вперед. «Немыслимо, — подумал он, — чтобы наблюдатель на спутнике мог отличить одного человека от другого».

— Ответь мне, Элбан.

Гаррод сглотнул слюну, тщетно пытаясь ускользнуть, но перед мысленным взором его мелькали картины, со-

вершенно далекие от разговора. Серебряный крестик самолета-опылителя, плывущий по небу. Растерянное лицо Шикерта — завод не справляется с заказами на ретардитовую пыль. Темное поле, свечение. Руки Эстер коснулись его спины. Он и не заметил, как она встала.

— Что ж, ты ответил, — сказала она.

— Ответил?

— Да. — Эстер глубоко и прерывисто вздохнула. — Где она сейчас?

— Кто?

Эстер засмеялась.

— Кто? Твоя любовница, вот кто. Эта шлюха с серебристой помадой.

Гаррод был поражен. Ему показалось, что Эстер сверхъестественным образом заглянула в его мысли.

— Откуда ты взяла...

— Не считай меня дурой, Элбан. Ты забыл, что носил мои диски, когда приехал сюда? Думаешь, я не видела, как смотрела на тебя эта девица Джона Маннхейма?

— Не помню, чтобы она смотрела на меня как-то особенно, — осторожно ответил Гаррод.

— Я слепа, — с горечью сказала Эстер, — но ты притворяешься еще более слепым.

Гаррод смотрел на жену, и снова его мысли уходили в сторону. «Миллер Побджой не упоминал о спутниках. Я сам назвал их в своей версии, а он только слушал и не возражал! Я знал правду с самого начала, она жила во мне, мучила меня, но я боялся взглянуть ей в лицо...»

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Джейн.

— Я только что освободилась, Эл, и... О!

— Входи, Джейн, — сказал Гаррод. — Входи и познакомься с моей женой. Это Джейн Уэйсон, секретарь Джона Маннхейма.

Эстер приветливо улыбнулась, но посмотрела намеренно мимо Джейн, подчеркивая свою слепоту.

— Входите, Джейн. Мы только что говорили о вас.

— Я думаю, мне лучше уйти. Не хочу быть лишней.

Голос Эстер стал жестче.

— Я думаю, вам лучше остаться. Мы как раз пытаемся окончательно решить, кто здесь лишний.

Джейн вошла в комнату. Ее огромные глаза вопросительно смотрели на Гаррода. Он чувствовал, что не выдержит этой сцены.

— Говори же, Элбан. Пусть наконец все станет на свои места, — сказала Эстер.

Гаррод посмотрел на жену. Ее возраст, усталость бросались в глаза, усугубляясь контрастом с буйной молодостью Джейн. Слепая, она только что пересекла Америку, чтобы увидеть его. Из троих в этой комнате лишь она была калекой, и тем не менее она была здесь главной. Она была сильней. Она была мужественной — но слепой и беспомощной. И она ждала, повернув к нему лицо. Он должен был сделать совсем простую вещь — одним словом, как топором...

На мгновение он закрыл глаза, а когда открыл, Джейн шла к двери. Гаррод бросился за ней.

— Джейн, — сказал он в отчаянии, — дай мне подумать.

Она покачала головой.

— Полковник Маннхейм закончил свои дела в Огасте. Я зашла сказать, что улетаю с ним в Мейкон последним рейсом.

Он схватил ее за руку, но она вырвалась с неожиданной силой.

— Оставь меня, Эл.

— Я все улажу!

— Да, Эл. Так же, как ты уладил... — Удар двери заглушил конец, но Гаррод знал, что последним словом фразы было слово «спутники».

Ноги подгибались, как резиновые. Он вернулся в комнату и сел. Эстер нашла его и положила руки ему на плечи.

— Мой бедный любимый Элбан, — прошептала она.

Гаррод спрятал лицо в ладони. «Нет никаких спутников, — думал он, — нет торпед, несущих с орбиты глаза из медленного стекла. Они просто не нужны. Зачем все это, если весь мир засыпают ретардитовой пылью!»

Сверхъестественное спокойствие овладело Гарродом, когда он представил себе весь механизм. Разрешающая способность кристаллической структуры ретардита столь велика, что приемлемое изображение можно получить от ча-

стицы диаметром всего несколько микрон. При этом каждая крупица стекла остается невидимой для невооруженного глаза. Сотни тонн ретардитовой пыли с различными периодами задержки сброшены на Америку с самолетов-опылителей. Обычно форсунки в таких самолетах сообщают распыляемым частицам электрический потенциал, тогда эти частицы не падают на землю, а притягиваются растениями. Но в данном случае микроскопические глаза из медленного стекла разбрасываются с такой высоты, что они оседают на деревьях, домах, телеграфных столбах, склонах гор, цветах, птицах, насекомых — везде и всюду. Они попадают на шляпу и платье, в тарелку, в стакан...

«Отныне, — раздался неслышный крик в голове Гаррода, — любой человек, любая организация, имея необходимые приборы, сможет узнать все обо всех! Планета превратится в один гигантский немигающий глаз, видящий все, что движется по ее поверхности. Мы все заключены под стеклянный колпак и задыхаемся, как жуки в пробирке энтомолога».

Секунда уходила за секундой, он не сознавал ничего, кроме громких ударов крови в висках. «И все это сделал... Я!»

Поднявшись, Гаррод принял на плечи немыслимый вес всей планеты. И обнаружил с бесконечной благодарностью, что может его нести.

— Эстер, — сказал он спокойно, — ты задала мне важный вопрос.

— Да? — Ее голос звучал настороженно, как будто она уже почувствовала, что он переменился.

— Мой ответ — нет. Я не люблю тебя, Эстер, и знаю теперь, что никогда не любил.

— Не говори глупостей, — сказала она с испуганной резкостью.

— Мне жаль, Эстер. Ты спросила, и я ответил. А теперь мне нужно найти Джейн. Я пришлю сюда сестру.

Размеренным шагом Гаррод вышел из комнаты — не было нужды торопиться — и спустился в номер Джейн этажом ниже. Через открытую дверь он увидел, что она соби-

рает вещи. Склонившаяся над чемоданом фигура излучала невольную, природную чувственность, и Гарод ощутил медленные и мощные удары сердца.

— Ты солгала мне, — сказал он с деланной суровостью. — Сказала, что летишь последним рейсом.

Джейн повернулась к нему. На щеках прозрачные ленты слез.

— Пожалуйста, отпусти меня, Эл.

— Нет, никогда.

— Эл, значит, ты...

— Да. Я покончил с тем, чего не должен был начинать. Но предстоит покончить еще кое с чем и мне понадобится твоя помощь.

Джейн была с ним, когда он пошел в редакцию и рассказал обо всем. Она была с ним в трудные месяцы, последовавшие за вынужденным запретом производства медленного стекла насмерть перепуганным правительством. Она была с ним и в еще более трудные годы, когда выяснилось, что другие страны продолжали выпускать ретардит и в конце концов засорили им все моря, океаны и самый воздух — до стратосферы. В последующие десятилетия людям приходилось мириться с повсеместным присутствием ретардитового соглядатая, и они научились жить не таясь и не стыдясь, как жили в далеком прошлом, когда знали доподлинно, что от очей Бога укрыться негде.

Джейн была с ним все это время. И он любил ее, о чем узнал сам по тому хотя бы признаку, что никак не мог заметить следов старости на прекрасном ее лице. Ему она казалась лишенной возраста, неизменной, как милый образ, вечно хранимый пластиной медленного стекла.

СОДЕРЖАНИЕ

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА 5
В ДВУХ ЛИЦАХ... 187
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭПИЦЕНТР 323
СВЕТ БЫЛОГО 467

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Шоу Боб
Ночная прогулка
В двух лицах...
Путешествие в эпицентр
Свет былого

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Младший редактор Н. К. Чернова

Подписано в печать 01.03.01.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 3678.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW. AST. RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

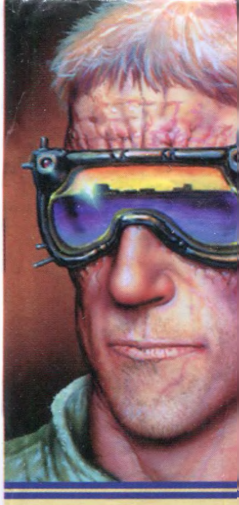
Боб Шоу (1931–1996) сказал о себе так: «Я... стараюсь сделать любую фантастику понятной и привычной. Главное — человек. Космос прекрасен, но только тогда, когда там, среди звезд и галактик, есть кто-то, способный им восхищаться».

Не потому ли Боб Шоу — яркий представитель «твердой» научной фантастики последних десятилетий, однако отнюдь не «суперзвезда» и не «основоположник жанра» — суть писатель, которого приятно читать не только любителям фантастики, но и любителям просто ХОРОШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Книги Боба Шоу — это фантастика умная, интересная и — обаятельная. А еще это — фантастика КЛАССИЧЕСКАЯ. Не зря же в популярной «Энциклопедии научной фантастики» о нем сказано так: «...Мало кто способен сравниться с ним в знании техники и понимании человеческого характера. Возможно, он не самый амбициозный писатель, но, безусловно, один из тех, кто способен доставить наибольшее удовольствие при чтении».

Не верите? Прочитайте — и убедитесь сами.

ISBN 5-17-005629-X



БОБ ШОУ

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА